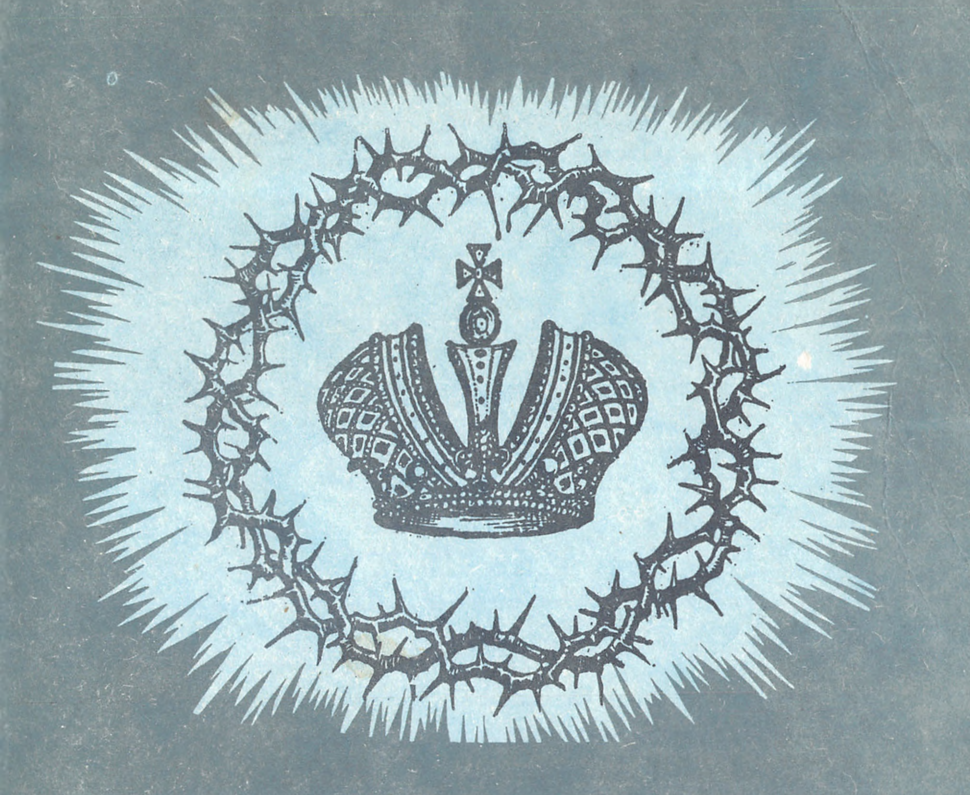
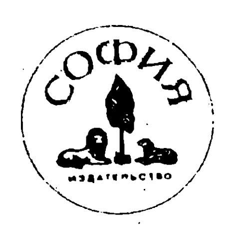

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОРНИ ЗЛА.

Ѳ. ВИНБЕРГЪ

СОФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ѳ. ВИНБЕРГЪ.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КОРНИ ЗЛА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

МЮНХЕНЪ 1922.
Типографія Р. Ольденбургъ.

Ф. Винберг

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Часть первая

Корни зла

Репринтное издание

Санкт-Петербург

«София»

1997

Воистину справедлив Гнев Божий, поразивший страну,
виновную в величайшем преступлении, -
в измене своему Монарху,
восприявшему Власть по Воле Господней, Милостью Божией.

Тот, кто умеет проникновенно видеть духовным взором,
кто понимает силу и значение Таинства Миропомазания
и чувствует неразрывную связь между Царем и народом,
которая ... невидимо образуется силой этого Таинства,
тот знает, почему теперь так страдает русский народ...

Кровь заледенела бы в жилах от ужаса
у того, кто только мог бы слышать
злорадно-торжествующий хохот Сатаны,
наблюдающего кромешную работу своих полчищ...

"Вы хотели "свобод"! ...так получите же:
но не жалуйтесь, если они вас закабалят настолько,
что жизнь ваша покажется вам каторгой...

"Земли и воли!" - так кричали вы: вот они вам...
Но только избранные мной
будут пользоваться всеми благами жизни...
Вы же будете жить, как черви,
пухнуть с голода и умирать в мучениях,
... с проклятиями на устах"...

Считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить сердечную благодарность моему дорогому другу, П. Н. Шабельскому Боркъ за его цѣнное и большое содѣйствіе въ изданіи моего труда.

Ѳ. ВИНБЕРГЪ

Въ тѣ дни, когда нѣтъ Царя, и когда, подъ игомъ своихъ еврейскихъ владыкъ, такъ страшно страдаетъ Русскій народъ, славному Прошлому Святой Руси, благоденствовавшей подъ Скипетромъ и Державой Династіи Романовыхъ, свой скромный трудъ посвящаетъ

АВТОРЪ.

Императоръ Николай II.

„Какъ женщина, ему вы измѣнили,
И какъ рабы, вы предали его . . ."

Въ тѣ дни, когда мы низко такъ упали,
Вездѣ мнѣ грезился священный образъ Твой,
Съ очами, полными загадочной печали,
Съ лицомъ, исполненнымъ небесной добротой.

Тебя жалѣть я не могу, не смѣю —
Ты для меня, попрежнему, великъ!
Я предъ Тобой, моимъ Царемъ, благоговѣю,
И стыдно мнѣ смотрѣть на Твой любимый ликъ.

Слѣпой народъ, обманутый лжецами,
За доброту души Твоей святой,
Тебя клеймилъ позорными словами
И казни требовалъ — надъ кѣмъ же.. надъ Тобой!

Не такъ ли палъ и Царь коварной Іудеи,
Мессія истины, народная мечта . . .
И Бога своего презрѣнные евреи
Распяли на доскѣ позорнаго креста! . . .

И Царь былъ осужденъ на пытки рабской казни,
Надъ Божествомъ глумился весь народъ,
И люди-изверги убили безъ боязни
Того, Кто создалъ міръ, моря и небосводъ.

Но, побѣдивъ въ аду нѣмыя силы гроба,
Возсталъ Христосъ и всѣмъ явился вновь!
Побѣждена безпомощная злоба,
И козни зла развѣяла любовь . . .

Я вѣрю въ часъ священнаго возмездья:
Клятвопреступники, васъ кара неба ждетъ!
Васъ уличатъ въ предательствѣ созвѣздья,
Надъ вами солнце правды не взойдетъ!

И камни возопятъ отъ вашего злодѣйства,
Васъ грозно обличитъ правдивая судьба:
За низость вашихъ чувствъ, за подлость фарисейства,
За клеветы возставшаго раба . . .

Еще недавно такъ предъ Нимъ склоняли выи,
Клялися вы Его до гроба защищать,
И за Царя, Вождя, Хозяина Россіи,
Вы обѣщали жизнь безропотно отдать.

И гдѣ же, гдѣ слова, гдѣ праздные обѣты,
Гдѣ клятвы вѣрности, присущія войскамъ?
Гдѣ вашихъ праотцевъ священные завѣты!
Обманутый, Онъ твердо вѣрилъ вамъ . . .

Онъ, вашъ исконный Царь, прямой и благородный,
Въ своей душѣ Онъ могъ ли помышлять,
Что вы готовитесь измѣной всенародной
Россіи честь навѣки запятнать!

Предатели, рожденные рабами!
Свобода лживая не дастъ покоя вамъ:
Зальете вы страну кровавыми ручьями,
И зарево огня пройдетъ по деревнямъ.

Пройдутъ вѣка, но подлости народной
Съ страницъ Исторіи не вычеркнутъ года.
Отказъ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вамъ будетъ навсегда! . . .

С. Бехтѣевъ.

I.

Судъ Божій.

За что такъ страдаетъ русскій народъ. Залогъ его спасенія.

„Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ."
Луки XIII, ст. 35.

Я уже давно задумалъ написать эти строки, посвященныя описанію страданій и мукъ, претерпѣнныхъ нашими Страстотерпцами, Праведниками и Мучениками, Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, Государыней Императрицей Александрой Өеодоровной и ихъ Августѣйшими Дѣтьми.

Но, въ теченіе долгаго времени, я малодушно откладывалъ сроки, когда рѣшусь, наконецъ, приступить къ этому труду, ибо мнѣ было невыразимо тягостно и больно сосредоточить свои мысли на темѣ, съ которой связаны самыя мрачныя и горестныя воспоминанія и думы всей жизни.

Когда то, читая о французской революціи и о страданіяхъ Королевской Семьи, могли ли мы думать, что и намъ придется жить среди ужасовъ не меньшихъ, а пожалуй и тягчайшихъ, во всякомъ случаѣ подобныхъ тѣмъ, которые были пережиты Французами-современниками той революціи, предтечи нашей; что и мы, какъ всѣ честные и вѣрные французы того времени, воочію увидимъ и испытаемъ бурю разнуздавшихся страстей народа-предателя своего Государя и своей Родины, въ омутѣ развращенія, озвѣренія и злобы дошедшаго до низинъ нравственнаго паденія, какъ и обезумѣвшіе, одичавшіе и остервенѣлые французы 1793-го года.

Таже печать сатаны отмѣчаетъ въ обѣихъ странахъ, въ сходные моменты ихъ существованія, злодѣянія обоихъ народовъ.

Сердце обливается кровью каждый разъ, когда представляются картины страшныхъ мученій и издѣвательствъ, какія привелось вынести нашему многострадальному Государю и Его Семьѣ за время революціонной вакханаліи.

Воистину справедливъ Гнѣвъ Божій, поразившій страну, виновную въ величайшемъ преступленіи — въ измѣнѣ своему Монарху, воспріявшему Власть по Волѣ Господней, Милостью Божіей.

Тотъ, кто умѣетъ проникновенно видѣть духовнымъ взоромъ, кто понимаетъ силу и значеніе Таинства Муропомазанія и чувствуетъ неразрывную связь между Царемъ и народомъ, которая, санкціонируя историческую преемственность, невидимо образуется силой этого Таинства, тотъ знаетъ, почему теперь такъ страдаетъ русскій народъ . . .

Нынѣ свершается Судъ Божій . . . Огню и мечу предана Россія, потоками крови и слезъ залита она. Кажется, что мрачной памяти вершители всѣхъ прошлыхъ русскихъ смутъ, Тушинскій воръ, Стенька Разинъ, Емелька Пугачевъ и другіе — возстали изъ своихъ могилъ, чтобы снова терзать нашу Родину своими злодѣяніями, и воплотились во всѣхъ этихъ Керенскихъ, Лениныхъ, Брешко-Брешковскихъ, Троцкихъ, Зиновьевыхъ и прочихъ вождяхъ еврейской революціи.

Кровь заледенѣла бы въ жилахъ отъ ужаса у того, кто только могъ бы слышать злорадно-торжествующій хохотъ Сатаны, наблюдающаго кромѣшную работу своихъ полчищъ . . .

„Вы хотѣли „свободъ"! Ха-ха-ха!! . . . такъ вотъ же вамъ онѣ, эти свободы! вотъ вамъ тотъ рай земной, который вамъ обѣщали соціалисты . . . Вы требовали ихъ — такъ получите же: но не жалуйтесь, если онѣ васъ закабалятъ настолько, что жизнь ваша покажется вамъ каторгой . . .

„Земли и воли!" Такъ кричали вы: вотъ онѣ вамъ. Но все, что ни дастъ упорный трудъ вашъ на этой „землицѣ" или въ „вольной жизни" на фабрикахъ — уже не ваше. Вы всѣ-мои: ваши души проданы мнѣ цѣной вашихъ преступленій и злодѣяній. . . . Но только избранные мной будутъ пользоваться всѣми благами жизни; лишь для нихъ, моего избраннаго и возлюбленнаго народа, я уготовляю рай земной . . . Вы же — будете жить, какъ черви, пухнуть съ голода и умирать въ мученіяхъ, со скрежетомъ зубовнымъ и съ проклятіемъ на устахъ" . . .

Тяжелыя думы, полныя жуткаго отчаянія и безисходной скорби о Родинѣ, скрашиваются отблесками Надежды и Вѣры . . .

Мнѣ чудится, какъ, предъ Престоломъ Всевышняго, склоняются великіе Молитвенники Земли Русской, въ непрестанной молитвѣ моля Вседержителя о милости для нея . . .

Они всѣ — въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ; отъ Нихъ исходитъ дивный, лучезарный Свѣтъ: благодѣтельные лучи его прони-

каютъ во тьму, которой объята наша бѣдная Родина, и заставляютъ метаться и трепетать отъ ужаса, предъ призракомъ неминуемой расплаты за содѣянное, духовъ адской бездны . . .

Я вѣрю, великіе Свѣточи Русской Земли, что Вы не покинули родной народъ свой: святые заступники наши, Вы, какъ и встарь, вымолите у Господа прощеніе и оставленіе грѣховъ нашихъ.

Благовѣрный Князь Александръ Невскій! . . Твою память особенно чтитъ русскій народъ, который въ пѣсняхъ своихъ, сохранившихся еще отъ старыхъ, давно минувшихъ временъ, величаетъ Твою доблесть и славитъ Твои безсмертные ратные подвиги, свершенные Тобой съ мечомъ въ рукѣ и со Святымъ Крестомъ въ сердцѣ . . . Этотъ народъ поетъ о томъ, какъ Ты не давалъ его въ обиду ни ханамъ татарскимъ, ни алчнымъ чужеземцамъ, пытавшимся использовать ради своей корысти трудную для Русскаго Государства эпоху . . . У Твоей Раки онъ несчетное количество разъ приносилъ свои горячія молитвы и всегда обрѣталъ Твою помощь и Твою защиту . . .

И Ты, Свѣтильникъ Вѣры Христовой, Преподобный Сергій Радонежскій, явись и вдохни отвагу въ сердца русскихъ людей для борьбы съ злымъ началомъ! . . . Вѣдь, это Ты благословилъ Дмитрія Донского на брань съ Мамаемъ. Ты, чудной силой молитвъ и вдохновеннымъ порывомъ служителей Обители Твоей помогъ возстать почти изъ пепла нашему Государству въ прошлое Смутное Время . . . Это Ты спасъ Царя Петра, будущаго Преобразователя Россіи, приведя его, во время стрѣлецкаго бунта, къ вратамъ все той же спасительной и благодатной Твоей обители. Будь же для насъ, русскихъ людей, и теперь такимъ же оплотомъ, какимъ былъ всегда!

И къ Тебѣ устремляются молитвы наши, великій Страстотерпецъ за Землю Русскую, Святой Патріархъ Гермогенъ! Въ лихую пору Междуцарствія, Твой голосъ звучалъ открыто и смѣло, сзывая русскихъ людей сплотиться и отстоять Родину. Мученической смертью Ты запечатлѣлъ свое великое служеніе Россіи; но Твои грамоты совершили чудо — пробудили совѣсть народную, заставили воспрянуть духомъ пошатнувшійся народъ.

Благослови же, будь и теперь съ нимъ и за него!

Преподобный Серафимъ Саровскій! Ты предсказалъ переживаемое нами Смутное Время, прозорливыми очами своими Ты предвидѣлъ его . . . И мы вѣримъ, что Ты выполнишь Твое обѣщаніе, посрамишь враговъ Россіи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, и возстановишь имъ на страхъ, а намъ на счастье и радость, законнаго Государя на тронѣ его Державныхъ Предковъ.

II.

Виновники и пособники.

Общая отвѣтственность всего народа предъ Государемъ и Родиной. Низшіе классы. „Интеллигенція". Дворянство. Доблесть И. Л. Татищева. Вопіющіе примѣры низкодушія. Національная чуткость низшихъ классовъ и тупая безпочвенность высшихъ. Мысли о Русской Исторіи въ связи съ отличительными чертами народнаго характера. Еврейская власть. Русскіе народные бунты. Еврейское торжество. Газета „Коммунистъ" о заслугахъ еврейства въ революціи. Мѣткая отповѣдь. Данныя о тѣсной связи еврейскихъ милліардеровъ съ еврейскимъ пролетаріатомъ. „Любопытный документъ".

„Толпою устремляются они на душу праведника и осуждаютъ кровь неповинную".
Псал. XCIII ст. 21.

Велика отвѣтственность русскаго народа за все горе, всѣ страданія, всѣ муки, обрушившіяся на нашего Государя.

Виноваты и преступны всѣ сословія, всѣ классы народа, съ низа до верха, и чѣмъ выше, тѣмъ преступнѣе.

Но, хотя бы на низшіе, темные слои народные ложилась и меньшая отвѣтственность, тѣмъ не менѣе и ихъ преступность громадна.

Я хорошо знаю психологію нашего простого народа. Въ массѣ своей, онъ теперь уже понялъ, какая совершена имъ роковая глупость, приведшая его отечество къ пропасти. Насколько позволяетъ ему страхъ, внушаемый евреями-комиссарами, нынѣ властвующими надъ нимъ, онъ готовъ выкрикнуть затаенную мысль, до поры-до времени сдерживаемую, страха ради іудейскаго — „Отдайте намъ нашего Царя!" Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже и теперь старается свалить съ себя бремя отвѣтственности за все содѣянное, и будетъ и далѣе себя обѣлять отъ общей вины, лежащей на всѣхъ русскихъ людяхъ. „Мы — люди темные" — будетъ жалостливо разсказывать намъ мужикъ: „что мы понимаемъ! Всему виноваты люди образованные, которые насъ сбили съ истиннаго пути" . . .

Справедливость, однако, заставляетъ возразить на попытки къ своему оправданію, которыя навѣрняка будутъ сдѣланы

низшими классами народа. Мужику русскому нечего сводить все дѣло на свою темноту и необразованность: тамъ, гдѣ дѣло касается личныхъ, корыстныхъ интересовъ и вожделѣній, гдѣ дѣйствуютъ побужденія грабежа, насилія, захвата чужой собственности, использованія несчастій ближняго для собственнаго своего, казавшагося ему таковымъ, благополучія, тамъ мужикъ, особливо изъ тѣхъ, кто облекся въ сѣрую, опозоренную имъ, шинель „чудо-дезертира", смѣнившаго, подъ патронатомъ Керенскихъ и Брешко — Брешковскихъ, безсмертной памяти нашего „Чудо-Богатыря" — отлично умѣетъ тонко и разсчетливо обдумать собственные свои интересы и выгоды и дѣйствовать, сообразно съ такими разсчетами. Темнота и непониманіе начинаются для него только тогда, когда, изъ области личныхъ интересовъ, онъ переходитъ въ область идеальныхъ и безкорыстныхъ стремленій человѣчества къ добру, правдѣ и чести. Вотъ тогда то и начинаются и темнота, и непониманіе мало-мальски высокихъ, альтруистическихъ движеній души.

Спора нѣтъ, что въ такомъ крупномъ недочетѣ нравственнаго развитія въ значительной степени сказывается низкій культурный уровень нашего простонародья, пожалуй также отсутствіе правильнаго, здраваго и послѣдовательнаго образованія и воспитанія, которыхъ до-сей поры не умѣли обставить на подобающей высотѣ ни правительство, ни общество, причемъ вина правительства была гораздо меньшая, ибо оно всегда вынуждено было защищаться, отвлекаясь отъ творческаго дѣла созиданія, противъ антигосударственныхъ стремленій и тенденцій общества, дававшаго, въ лицѣ нашихъ народныхъ учителей, не помощниковъ и союзниковъ государству, но тайныхъ, внутреннихъ враговъ, парализовавшихъ всѣ благотворныя мѣропріятія правительства въ дѣлѣ народной школы.

Но, внѣ зависимости отъ тѣхъ или другихъ просвѣтительныхъ мѣръ, предпринимавшихся, или не предпринимавшихся, съ цѣлью поднятія и развитія человѣческой и человѣчной сущности низшихъ слоевъ народа — нельзя отрицать, что въ современныхъ намъ слояхъ крестьянства, не говоря уже о рабочей средѣ, необходимо учесть сильнѣйшій упадокъ нравственности и почти полную атрофію духовности, заглушенной самымъ грубымъ матеріализмомъ. Это явленіе есть прямое слѣдствіе безсовѣстной, развратительной, еврейско-революціонной агитаціи, въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ обрабатывавшей въ опредѣленномъ направленіи душу народную. Результаты получились именно такіе, какіе нужны были жгучей еврейской ненависти и упорному, злобному стремленію страстнаго народа, направившаго всю свою ловкость, пронырливость и изобрѣтательность къ одной цѣли — развращенію, разслабленію и покоренію Россіи.

Вспоминая всѣ неистовства и жестокости, проявленныя нашимъ народомъ за время революціонной смуты, его непреодолимую склонность къ грабежу, обману, насилію, легкость, съ которой онъ освободилъ себя отъ обязательствъ, связанныхъ съ данной имъ присягой на вѣрность своему Государю, равнодушіе и дряблую непротивляемость, съ которыми онъ допускалъ разграбленіе, униженіе и преслѣдованіе своей Церкви, и посягательство на „святая-святыхъ" каждаго человѣка, на свою Вѣру Христову — чувствуешь, что этого простить и этому найти оправданіе нельзя.

Такъ обстоитъ дѣло относительно низшихъ слоевъ русскаго народа, всего того, что принято у насъ называть „простонародіемъ", т. е. крестьянъ, рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ.

Но когда, по іерархической общественной лѣстницѣ, начинаешь подниматься вверхъ и оглядываешься на все, что, во время этого постепеннаго подъема, насъ окружаетъ въ смыслѣ человѣческаго матеріала, то вся отвѣтственность, вся преступность низшихъ классовъ блѣднѣютъ передъ неизбытной виной, предъ окаяннымъ злодѣйствомъ русскихъ образованныхъ классовъ, подло, клятвопреступно измѣнившихъ Царю своему и предавшихъ свою Родину потоку и разграбленію, превративъ процвѣтавшую, счастливую, сильную страну, обѣщавшую въ будущемъ полный подъемъ всѣхъ своихъ потенціальныхъ силъ — въ пустыню, въ юдоль горя, слезъ и стенаній, безмѣрныхъ страданій и лишеній, въ мѣсто, всѣми отверженное и поверженное въ прахъ.

Для образованныхъ русскихъ людей, для такъ называемой „интеллигенціи" нашей, не найти оправданія въ темнотѣ умственной, на которую ссылается нашъ крестьянинъ и въ чемъ онъ, до нѣкоторой степени, частично, правъ. Полная нравственная расшатанность, фанатическое, но совершенно безпочвенное доктринерство, тупо-упрямая приверженность къ своимъ узкимъ и одностороннимъ, нежизненнымъ теоріямъ, честолюбіе и повадка переоцѣнивать свою собственную личность, алчность и стремленіе къ наживѣ, при очень шаткой этикѣ, зависть и неосмысленная злоба, отсутствіе или слабое развитіе національнаго чувства и сознанія своего національнаго достоинства, самомнѣніе и верхоглядство при слѣпомъ и дрябломъ подчиненіи книжнымъ фразамъ и ораторскимъ пріемамъ и передержкамъ ловкихъ дѣльцовъ и политическихъ шулеровъ — вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ, вмѣсто того, чтобы быть опорой и поддержкой своей родной, національной государственности, русское образованное общество, безъ всякаго сопротивленія, поддалось обманамъ и хитрымъ уловкамъ еврейскаго заговора и, безсознательно служа интересамъ заклятыхъ враговъ не только своего собственнаго народа, но всего мірового Хри-

стіанства, способствовало всемѣрно разрушенію своей Родины и приведенію ея въ состояніе полнаго развращенія, разслабленія и позора.

Всѣ виноваты! И высшіе дворянскіе круги, и крупное, и мелкое купечество, и представители науки, и служилые классы, а въ особенноссти прелюбодѣи слова, растлители мысли, многіе русскіе писатели послѣднихъ десятилѣтій, адвокаты, профессора: всѣмъ этимъ категоріямъ русскихъ гражданъ не можетъ быть прощенія въ великомъ ихъ преступленіи.

Они въ настоящее время на себѣ несутъ все бремя результатовъ дѣла рукъ своихъ. Превратившись въ еврейское быдло, по волѣ и капризамъ своихъ властителей вынужденное влачить жалкое и презрѣнное существованіе, интеллигенція наша только пожинаетъ то, что сама, въ безуміи своемъ, въ своей тупо-злобной, самоубійственной работѣ, посѣяла. Она вся, начиная съ дворянства, должна нести строгій отвѣтъ и передъ Царемъ, и передъ Родиной, и нуждается въ коренной ломкѣ всѣхъ своихъ началъ, исходныхъ пунктовъ и общихъ идеаловъ, чтобы имѣть возможность стать производительнымъ элементомъ и государства, и общества.

По отношенію къ Царю, оказались одинаково виновными и грубый звѣрь-солдатъ-красноармеецъ, и злобное полу-животное, развращенный до мозга костей рабочій, и эгоистъ-стяжатель, аморальный мужикъ, съ одной стороны, а съ другой: и ученый профессоръ, и мелкій интеллигентъ, и видный, вліятельный финансистъ и средній купецъ, и мелкій торговецъ, и крупный земецъ и какой нибудь безвѣстный бухгалтеръ — на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы современнаго общества измѣна, предательство и безпринципный оппортунизмъ торжествовали побѣду надъ рѣдкими проявленіями вѣрности, чести и честности.

Раболѣпство, лесть, усердныя изъявленія преданности, любви и готовности къ самоотверженной службѣ, курящимся фиміамомъ окружавшія Престолъ нашего Царя, пока Онъ пребывалъ въ силѣ и могуществѣ, немедленно по паденіи внѣшняго могущества, — хотя одновременно росли Его могущество и величіе духовныя, — смѣнились злобой, ненавистью, клеветой. Государю и всей Семьѣ Его Величества пришлось испить до дна чашу страданій, для Русскаго Царя русскимъ же народомъ наполненную. Примѣнены были всевозможнаго рода мучительства, нравственныя истязанія, преслѣдованія и оскорбленія всего того, чему такъ еще недавно поклонялись, иногда притворно, но чаще искренно, изъ рабской угодливости. Во всей своей отвратительности сказался хамъ, низко кланяющійся силѣ, но отворачивающійся отъ нея, когда личная польза и выгода указываютъ его душенкѣ другіе пути къ новой власти и къ новой силѣ.

„Благородное Россійское Дворянство", можетъ быть, дало меньше примѣровъ предательства и измѣны въ активномъ смыслѣ. Однако, хотя бы и рѣже, но примѣры такіе были, начиная съ Родзянко и многихъ другихъ, и этихъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы каменной глыбой лечь на совѣсть и несмываемымъ пятномъ на честь дворянства, больше всякаго другого сословія или класса обязаннаго и честь свою, и совѣсть въ отношеніи вѣрности Присягѣ, оберегать отъ малѣйшаго нареканія. Притомъ же, если, сравнительно, меньшая часть русскаго дворянства рѣшилась активно выступить на путь безчестія, — то пассивно, компромиссами малодушнаго и дряблаго попустительства, оно несомнѣнно себя обезчестило.

Равнодушію и трусости широкихъ слоевъ русскаго общества, выказаннымъ по отношенію къ низостямъ, подлостямъ, изувѣрству и несправедливости, творившимся революціей, и даже по отношенію къ неслыханно гнусному и жестокому образу дѣйствій касательно Царя и Его Семьи-къ этимъ грѣхамъ русскаго общества имѣетъ близкое соприкосновеніе и русское дворянство, въ тѣ страшные часы не понявшее, или вѣрнѣе не желавшее понять, чего долгъ чести и вѣрности отъ него требовалъ. Въ тѣ страшные часы Царь и Семья Царская остались одни среди взбаломученнаго моря народнаго, и, какъ священныя жертвы искупленія, на Себѣ понесли тяжесть кары за преступленія и низость нравственно павшаго и развратившагося народа.

Позже, какъ и всѣ, дворянство приняло и на себя ударъ обрушившагося на Россію губительнаго бѣдствія. Но въ самомъ началѣ революціи, а въ особенности въ эпоху, революціи предшествовавшую, оно бездѣйствовало, а затѣмъ и пряталось, ошеломленное и растерянное, забывъ о дворянскомъ долгѣ и дворянскихъ традиціяхъ, забывъ объ обязанностяхъ службы Престолу и погибавшей Русской Государственности. Въ лучшихъ случаяхъ, оно попряталось въ болѣе или менѣе безопасныхъ углахъ Россіи и заграницы; а въ худшихъ — приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни и къ „новому начальству" изъ обрѣзаннаго племени, оно держало себя несравненно ниже французскаго дворянства XVIII Вѣка.

И французское дворянство не съумѣло предотвратить ударъ революціи, того же іудейскаго наважденія, какъ и наша. Въ подготовительный къ революціонному взрыву періодъ, и оно было виновно въ потаканіи и сочувствіи многимъ теоріямъ и разсужденіямъ, казавшимся правлекательными сквозь призму ловко-обманчивой софистики. И оно, вялостью исполненія своего государственнаго долга, во многомъ содѣйствовало возбужденію общей неудовлетворенности и шатанію умовъ и нравовъ. Но за то, когда разразилась гроза, французское

дворянство поняло и восчувствовало категорическія требованія чести, не измѣняло своимъ традиціямъ, обязанностямъ и вѣрованіямъ и стойко, гордо умирало подъ ножемъ гильотины, использовавъ, по мѣрѣ возможностей, всѣ средства для спасенія своего короля отъ лютой участи, уготовленной масонскимъ заговоромъ.

Работа масонско-еврейскихъ организацій, свившая себѣ прочныя гнѣзда во всѣхъ слояхъ русскаго общества, шла планомѣрно и неуклонно къ своей цѣли, заключавшейся въ томъ, чтобы возможно глубже посѣять въ умахъ недовѣріе, разочарованіе, неудовольствіе и злобу по отношенію къ Государю и къ окружавшимъ Его Престолъ ближайшимъ Царскимъ Помощникамъ. Работа эта увѣнчалась настолько крупнымъ успѣхомъ, что даже въ высшихъ кругахъ дворянства, особенно въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, развивалось и росло непріязненное отношеніе къ Государю и Государынѣ. Нѣкоторая часть этого высшаго общества, всѣмъ своимъ благополучіемъ обязаннаго Русскимъ Монархамъ, какъ скверныя базарныя бабы, занималась сплетничествомъ, клеветой и распространеніемъ всевозможныхъ тенденціозныхъ слуховъ, клонившихся къ тому, чтобы уронить возвышенность и чистоту монархическихъ идеаловъ.

Эти сплетни и эта клевета сверху спускались внизъ и уже по всей Россіи разносили тлетворный отзвукъ злобы и лжи, разрушавшій весь нравственный, политическій и религіозный укладъ міросозерцанія простого народа и готовившій легкость наступленія страшной катастрофы.

Самое ужасное, самое преступное во всей этой адовой работѣ было то, что всѣ слухи, всѣ сплетни, такъ охотно разносившіеся изъ дома въ домъ и изъ города въ городъ, изъ тыла въ дѣйствовавшую армію, — были сплошь основаны на лжи, на передержкахъ, на подлогахъ и на клеветѣ. Въ этомъ смыслѣ создатели „освободительнаго движенія", евреи-масоны или масоны-евреи, съ давнихъ поръ признаны тонкими знатоками психологіи каждаго народа, къ которому присасываются, какъ вампиры, съ удивительнымъ искусствомъ умѣющими распространять по странѣ клевету и подтасовку истины, ради достиженія своихъ спеціальныхъ и специфическихъ цѣлей, въ корнѣ противоположныхъ выставляемымъ ими гуманитарнымъ идеаламъ, на которые ловится глупая толпа человѣческая, какъ неопытная рыба на удочку опытнаго рыбака.

Родовое русское дворянство безспорно виновато въ той пассивности, съ которою встрѣтило революцію. Но нѣкоторымъ, вину смягчающимъ, обстоятельствомъ служитъ для него то, что всѣ его наиболѣе энергичныя, молодыя силы были отвлечены войной. Почти всѣ дворяне были на фронтѣ, или въ качествѣ

активныхъ бойцовъ, въ рядахъ арміи, или уполномоченными Краснаго Креста и въ прочихъ должностяхъ, связанныхъ съ потребностями дѣйствовавшихъ армій. Только старые и дряхлые не были вовлечены въ интенсивную работу, поглощавшую работниковъ цѣликомъ.

Это обстоятельство сыграло на руку революціонерамъ и въ нѣкоторой степени уменьшаетъ отвѣтственность нашего рядового дворянства, при обвиненіи его въ измѣнѣ и предательствѣ. Однако нельзя не признать полной неподготовленности русскаго передового сословія, отсутствія въ немъ солидарности, сплоченности и организованности. Еслибъ эти качества имѣли силу дѣйствія еще до революціи, еслибъ не единичныя лица только сознавали приближеніе опасности, но цѣлыя объединенныя, связанныя между собой и съ правительствомъ, группы, то весьма возможно, что страшная, наносная бѣда была бы предотвращена. Противъ энергичной, всюду проникавшей революціонной пропаганды необходимо было противопоставить не менѣе энергичную, широко развѣтвляющуюся и умную, сплоченную дѣятельность всѣхъ вѣрныхъ и честныхъ сыновъ Россіи, и дворянство русское, чтобы быть на высотѣ своего названія „передового сословія“, должно было взять на себя этотъ починъ. Нынѣ, не исполнивши своего государственнаго долга, не подписало ли оно, своимъ бездѣйствіемъ, себѣ смертнаго приговора, по крайней мѣрѣ для прежнихъ формъ своего существованія?

Вѣрность такой мысли подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что даже такая запоздалая, но жизненная организація, какъ „Союзъ земельныхъ собственниковъ“, возникшая уже во время „Керенщины“, т. е. тогда, когда развалъ Россіи былъ уже предпринятъ въ широкомъ масштабѣ, когда, слѣдовательно, никакая плотина не могла остановить потока разбушевавшихся страстей народныхъ, эта организація тѣмъ не менѣе стала глубоко пускать свои корни и, разрушенная большевистскимъ напоромъ, несомнѣнно возстановится и будетъ имѣть въ будущей Россіи серьезное, а можетъ быть и могучее, вліяніе.

Вотъ, что значитъ-организація и объединеніе, солидаризація общихъ интересовъ!

Еслибъ наши общественныя силы и раньше, пока еще не грянулъ громъ, относились къ вопросу о своей организаціи менѣе пассивно, можно было-бы избѣгнуть большей части нашихъ бѣдствій. Но когда, съ одной стороны, было тупое, фанатичное, злобное и безпочвенное революціонное „подполье“, а съ другой тупая же, сонная, ко всему, кромѣ самихъ себя, равнодушная, апатичная „обывательщина“ — чего можно было ожидать?

Эта „обывательщина" предоставляла свободное дѣйствіе тѣмъ, кто умѣлъ быть сильнымъ, пронырливымъ, властнымъ, упорнымъ и рѣшительнымъ въ прокладываніи своей дороги. И потому за всѣ наши бѣды, а главнымъ образомъ за все, претерпѣнное нашимъ Государемъ, всецѣло падаетъ отвѣтственность на тѣ высшіе общественные круги русскіе — на членовъ „государственной думы" и лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ „общественной говорильнѣ", на земскія организаціи,насквозь пропитанныя самой беззастѣнчивой революціонной пропагандой и вполнѣ находившіяся подъ жидовско-кадетскимъ вліяніемъ, и на значительную часть петербургскаго общества. Всѣ они, болтовней, сплетнями и пошлымъ, толстокожимъ непониманіемъ политическаго положенія момента, такъ много содѣйствовали тому, что вокругъ священныхъ, чистыхъ именъ Государя и Государыни росли цѣлыя легенды, сотканныя изъ лжи и клеветы, подготавливавшія крушеніе тѣхъ завѣтовъ и идеаловъ, которыми жила Россія, была сильна, счастлива и непреоборима для тайныхъ происковъ самыхъ злостныхъ враговъ ея.

Мнѣ было тяжело высказать такой рѣзкій отзывъ о сословіи, къ которому самъ принадлежу; но думаю, что, если вообще въ какомъ бы то ни было литературномъ трудѣ авторъ обязанъ зорко слѣдить за собой, чтобы въ мнѣніяхъ своихъ не выказать пристрастія или лицепріятія, то тѣмъ болѣе въ этомъ повѣствованіи о претерпѣнныхъ Царемъ нашимъ мукахъ. Когда вѣрноподданный описываетъ событія, имѣющія касательство къ Царю, онъ долженъ особливое вниманіе обращать на то, чтобы, съ одной стороны, искренно и добросовѣстно изображать правду такой, какой она ему, по крайнему разумѣнію, представляется, а съ другой стороны — никого не щадить изъ людей, кажущихся причастными къ величайшему государственному преступленію, когда-либо совершенному.

Когда я писалъ выше о томъ, что часть дворянства, послѣ переворота, обратилась въ сторону революціонныхъ силъ и проявляла склонность предложить свою службу „новому начальству", предо мной, въ воображеніи, витала благообразная фигура нѣкоего графа, бывшаго Командиромъ Собственнаго Его Величества конвоя. Этотъ графъ, въ памятные первые дни Марта 1917-го года, явился въ кабинетъ къ Государю Императору и просилъ у Его Величества разрѣшенія поѣхать въ Государственную Думу являться „новому начальству". Онъ даже и не догадался, если ужъ хотѣлъ такимъ образомъ увѣковѣчиться въ своей жалкой роли, что лучше было бы ѣхать ему и къ Керенскому, и къ „Бабушкѣ Брешковской", и къ кому бы ему не заблагоразсудилось, не безпокоя Государя въ тѣ безконечно тяжелые дни и не давая нашему Царю новаго тягостнаго впечатлѣнія.

Презрительнымъ взглядомъ Государь оглядѣлъ вытянувшагося передъ Нимъ дисциплинированнаго, исправнаго служаку, занятаго поисками „новаго начальства", и отвѣтилъ — „идите!"...

Однако, не однѣ такія тягостныя воспоминанія остаются въ памяти относительно поведенія русскихъ дворянъ. Припоминается и другой случай.

Когда былъ рѣшенъ революціонными проходимцами отъѣздъ Государя Императора въ Тобольскъ, Керенскій, сообщивъ объ этомъ рѣшеніи Его Величеству, спросилъ, кого Ему благоугодно избрать въ Свою Свиту. Было отвѣчено, что Его Величеству будетъ пріятно имѣть при Себѣ генерала Илью Леонидовича Татищева.

Керенскій, съ „величественно-милостивой", любезной улыбкой, объявилъ генералу Татищеву, что назначаетъ его сопровождать Государя. Тотчасъ же онъ и получилъ должную отповѣдь. „Господинъ Керенскій", — сказалъ Татищевъ — „знайте разъ навсегда, что вы для меня совершенно какъ бы не существуете, и никакія ваши назначенія для меня недѣйствительны" . . . „Такъ какъ же такъ" — залепеталъ растерявшійся нахалъ: „вѣдь, это Государь на Васъ указалъ" . . . „Вотъ это — ужъ другое дѣло, господинъ Керенскій, — желаніе Государя Императора для меня — законъ, а потому я сочту за честь и счастье волю Его Величества исполнить".

Воспоминаніе о благородной гордости, выказанной достойнымъ представителемъ стараго историческаго имени, навѣваетъ чувство отрады и удовлетворенія, даетъ отдыхъ отъ всѣхъ актовъ малодушія, низости и подлости, которые пришлось, въ революціонную пору, наблюдать въ такомъ громадномъ количествѣ.

Этотъ Рюриковичъ далъ примѣръ всему русскому дворянству, какъ слѣдуетъ вести себя человѣку, вѣрному завѣтамъ чести не только на словахъ и въ то время, когда все идетъ благополучно, но и въ самыхъ трудныхъ условіяхъ трагически обернувшейся обстановки жизни.

Еслибъ у Русскаго Царя было больше такихъ дворянъ, какъ Татищевъ, то не только не смогла бы революція оказать своего губительнаго дѣйствія на нашу Родину, но самой революціи не было бы . . .

Отъ этого отраднаго воспоминанія приходится опять вернуться къ дѣйствіямъ не людей, но людишекъ, не понимающихъ ни чувства чести и вѣрности, ни собственнаго достоинства, ни того категорическаго императива дворянскаго кодекса, который выражается двумя словами — »Noblesse oblige!«

Когда временное правительство утверждало свою немощную власть надъ Россіей, многіе наши дипломатическіе представители

заграницей покинули свои посты, одни вольной волей, другіе — неволею. Нѣкоторые же остались: кое-кто — машинально, а кто готовый за милости и щедроты служить кому-угодно, безъ разбора и убѣжденій.

Въ Копенгагенѣ представителемъ революціонной Россіи оказался носитель стараго дворянскаго имени.

Тамъ имѣется русская православная церковь, собственность Вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, построенная въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III. Церковь была украшена Императорскими коронами. Дипломатическій представитель господина Керенскаго поспѣшилъ выказать свое усердіе передъ новымъ начальствомъ и приказалъ отломить эти короны, что и было исполнено, несмотря на то, что церковь была собственностью Ея Величества Государыни Императрицы, и что въ своемъ поступкѣ достойный дипломатъ, находясь въ безопасности заграницей, не могъ даже оправдываться трусостью или, выражаясь деликатно, чувствомъ собственнаго самосохраненія, какъ то бывало въ Петроградѣ съ разными чиновниками, или съ генералами, украшавшими себя красными бантами изъ страха передъ революціонной чернью.

Если нельзя иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго негодованія, относиться къ дѣйствіямъ и поступкамъ простолюдина, во время революціи выказавшаго чувства, по жестокости и свирѣпости могущія быть подъ стать лишь лютому звѣрю, то каково же должно быть отношеніе къ людямъ образованнымъ, которые, поддавшись общему революціонному психозу, да къ тому же стараясь возможно выгоднѣе устроиться при новыхъ порядкахъ, только тогда стали постепенно отворачиваться отъ революціи и послѣдствій ея, когда ихъ собственные, шкурные интересы начали страдать и подвергаться посягательствамъ и насиліямъ.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, не идейные мотивы толкали нашихъ интеллигентовъ въ ряды контръ-революціи, не страстное желаніе спасти замученную и загубленную ими же Россію, но почти исключительно практическія соображенія, основывавшіяся на грубомъ эгоизмѣ и личныхъ разсчетахъ.

Повидимому, въ настоящее время простой народъ начинаетъ искренно и глубоко раскаиваться въ совершенныхъ злодѣяніяхъ; крестьяне уже понимаютъ, насколько велико преступленіе, допущенное ими въ отношеніи попранной и раззоренной Родины, а также и вообще въ отношеніи нарушенныхъ этическихъ, жизненныхъ требованій. Настроеніе крестьянъ, особенно, въ Великороссіи, опредѣленно контръ-революціонное; отовсюду раздаются требованія о возвращеніи Россіи Царскаго Престола,

ибо народъ инстинктивно чувствуетъ, что только на этомъ пути можетъ найти погибающая Россія свое спасеніе.

Повсюду, во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ, вспыхиваютъ возстанія противъ еврейской власти, водворившейся на развалинахъ былого могущества великой имперіи. Ростетъ религіозное движеніе. Народъ кается въ своемъ богоотступничествѣ и въ глубокомъ нравственномъ паденіи, до котораго доведенъ общими стараніями цѣлаго сонмища агитаторовъ изъ интеллигенціи, работавшихъ подъ невидимымъ и обыкновенно несознававшимся водительствомъ и управленіемъ евреевъ.

Все то, что было сдѣлано интеллигенціей, въ смыслѣ приведенія русскаго народа въ скотское состояніе, нужное для успѣха и торжества уже давно подготовлявшейся революціи, идетъ теперь на смарку, ибо народъ, могучимъ сдвигомъ вправо, возвращается къ Церкви Христовой, къ Царю, къ старымъ устоямъ русской государственности, къ своимъ патріотическимъ и національнымъ идеаламъ. Всѣ эти чувства либеральная интеллигенція наша упорно пыталась совершенно вытравить изъ души народной. Ничего не давая взамѣнъ разрушеннаго храма Вѣры и идеализма, сами интеллигенты подготовили, себѣ на гибель, того злобнаго и дикаго звѣря, который, въ лицѣ красноармейцевъ,деревенскихъ комбедовъ, рабочихъ, смертнымъ боемъ сталъ платить своимъ учителямъ за сатанинскую науку, ими преподававшуюся, и, насколько могъ, уничтожилъ представителей образованныхъ классовъ такъ основательно, что результаты этого истребленія буржуевъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій, будутъ оказывать вредное вліяніе на нашу страну, и безъ того бывшую бѣдной просвѣщенными, культурными силами.

Въ то время, какъ простой народъ нашъ, отрезвившись отъ революціоннаго угара, начинаетъ уже проявлять и чутье государственности, и государственный разумъ, въ то время, какъ онъ инстинктивно, центробѣжнымъ стремленіемъ, возвращается къ творческому усилію возсозданія своего государства — развратившая и обезсилившая его интеллигенція, въ полной слѣпотѣ и несознательности своей тягчайшей преступности, какъ только начинаетъ освобождаться отъ безпощаднаго большевистскаго ига, какъ только, подъ спасительной сѣнью добровольческихъ армій, ихъ трудами и самоотверженіемъ, снова начинаетъ себя чувствовать въ безопасности, — такъ тотчасъ же, „ничему не научившись и ничего не забывъ", снова самодовольно поднимаетъ голову, снова уходитъ въ дебри партійныхъ программъ и партійныхъ умозрѣній, снова на всѣ лады возобновляетъ либерально-безпочвенную болтовню и сѣетъ партійные раздоры тамъ, гдѣ, для спасенія и возсозданія Родины, необходимы объединеніе, сплоченіе и общая, дружная,

энергичная работа, устраняющая всѣ послѣднія потуги безпомощнаго и немощнаго доктринерства вносить въ живое и свѣтлое дѣло мертвечину своихъ трафаретныхъ программъ.

Еврейство, за послѣдніе годы такъ много преуспѣвшее въ дѣлѣ порабощенія Россіи, снова имѣетъ въ своемъ распоряженіи послушнаго агента, русскую интеллигенцію, снова готовую пожертвовать всей будущностью нашей возрождающейся государственности ради ублаженія своей безпочвенной идеологіи.

При такой интеллигенціи, являющейся настоящимъ внутреннимъ врагомъ своей Родины, приходится снисходительнѣе отнестись къ звѣрству и противогосударственнымъ инстинктамъ, проявленнымъ темнымъ, необразованнымъ народомъ: при такихъ вожакахъ, становится понятнымъ позорное паденіе народа, лишившагося единственной опоры — своей законной, исторически сложившейся, національной Государственной Власти.

И благо этому народу, если окажется дѣйствительно серіознымъ и устойчивымъ новое его движеніе по пути покаянія, искупленія и очищенія . . .

Признавъ, что въ большой долѣ отвѣтственность за катастрофу, обрушившуюся на нашу Родину, несетъ на себѣ, въ своемъ цѣломъ, весь русскій народъ, мы этимъ, однако, не разъяснили сложнаго вопроса о томъ, какъ могло случиться, что этотъ же народъ, который создалъ свою могучую Имперію, самъ же ее и разрушилъ? Почему создалось такое положеніе вещей, при которомъ указанные нами „виновники и пособники" такъ глупо оказались самоубійцами? Въ большой степени повліяли постороннія, наносныя вліянія, о которыхъ будетъ сказано ниже; но для этихъ вліяній какимъ же образомъ оказалась такая благопріятная почва въ сильномъ и могучемъ государствѣ? Разъясненіе этого вопроса мы найдемъ въ нашей исторіи и въ нѣкоторыхъ характерныхъ, самобытныхъ особенностяхъ русскаго народа.

Разбираясь еще въ первыхъ страницахъ нашей Исторіи, мы подмѣчаемъ одну характерную черту, на которую иностранцу, да и большинству Русскихъ, такъ мало понимающихъ свою собственную судьбу, должно обратить особливое вниманіе, если хотятъ дѣйствительно добросовѣстно и проникновенно уразумѣть русскій народный характеръ и правильно, безпристрастно судить о той трагедіи, которую,слава Богу уже въ послѣднемъ ея актѣ, переживаетъ Россія: ибо эта черта показываетъ себя всегда, во всѣ времена и эпохи существованія нашего отечества.

Изучая зачатки нашей государственности, стародавнія времена правленія первыхъ Рюриковичей, мы замѣчаемъ, что русскій народъ чрезвычайно быстро и охотно подчиняется власти каждаго энергичнаго, волевого представителя нашей старой Династіи, причемъ, подъ дѣйствіемъ такого самодовлѣющаго правленія, русскіе люди выказываютъ незаурядныя качества умѣнія приспособляться къ велѣніямъ и требованіямъ свыше и примѣнять къ жизни свои потенціальные способности и таланты, которыми, опять таки въ потенціальной относительности, Господь Богъ этотъ народъ не обидѣлъ. При наличіи у кормила правленія обаянія, и страха, Власти, всѣ русскія силы сосредоточиваются вокругъ такого центра и даютъ тому, кто способенъ въ себѣ самомъ олицетворить всю дѣйственность власти, широкое поприще для использованія ихъ на дѣло государственнаго строительства.

При наличіи дѣйственной, единоличной власти, довѣрчивая покорность и подчиненіе высшему авторитету, санкціонированному и общепризнанному, дѣлаютъ то, что мягкая, вялая, женственная природа славянскаго, по кореннымъ источникамъ своимъ, племени, неспособнаго къ самостоятельной активности, совершенно лишеннаго стимуловъ и факторовъ самодѣятельности, по указаніямъ свыше пріобрѣтаетъ и нужную энергію, и упорство, необходимыя для преодолѣнія многообразныхъ препятствій, встрѣчающихся на пути эволюціи, послѣдовательнаго, постепеннаго шествія націи къ завѣтнымъ идеаламъ своихъ историческихъ предначертаній.

Вспомнимъ способъ, какимъ Русь той зачаточной эпохи стала христіанской.

Принявъ самъ Христіанство, Владиміръ Святой рѣшилъ окрестить весь свой народъ и началъ со своего „стольнаго города" Кіева. Приказано было собрать жителей на берегу Днѣпра, и всѣ Кіевляне были пріобщены къ Христіанской Вѣрѣ по общему приказу, причемъ, въ громадномъ большинствѣ, всѣ совершили этотъ великій актъ очень покорно и, можно сказать, апатично, или вѣрнѣе — чисто формально. Болѣе или менѣе серьезныхъ столкновеній съ защитниками вѣры предковъ не было: лѣтописцы отмѣчаютъ только нѣсколько исключеній, единичныхъ.

Но также, только въ единичныхъ случаяхъ было вдумчивое отношеніе къ совершавшемуся Таинству. Это обращеніе, какъ легко оно было воспринято, такъ и оставалось поверхностнымъ, представляя для массы населенія только обрядовую сторону религіи, безъ проникновенія въ ея смыслъ; въ теченіе очень долгаго времени, около столѣтія, если не больше, а пожалуй, если присматриваться, то и гораздо дольше; русскій народъ въ глубинѣ души оставался язычникомъ, наивно перемѣшивая

старую вѣру съ новой и смущая такимъ соблазномъ своихъ священниковъ и наставниковъ.

По примѣру Кіевлянъ, такимъ же образомъ происходили и упрощенныя церемоніи обращенія въ Христіанство и въ другихъ русскихъ городахъ, причемъ противъ сопротивлявшихся были посылаемы карательные отряды подъ предводительствомъ княжескихъ бояръ, которые быстро приводили къ повиновенію. Сохранилась народная поговорка того времени: „Добрыня крестилъ мечомъ, а Путята — огнемъ".

Надо оговориться, что, для дѣйствительнаго укрѣпленія въ народѣ Христіанской Вѣры, и Владиміромъ, а особенно Ярославомъ Мудрымъ, проводились многія просвѣтительныя мѣропріятія. Строились школы для духовенства; наиболѣе выдающіеся представители духовенства выдвигались на видную, активную роль въ государствѣ; покровительствовали свыше и содѣйствовали построенію церквей и основанію монастырей. Но все это происходило уже послѣ того, какъ народъ, чисто механически и удивительно покорно, былъ приведенъ къ новой Вѣрѣ. Знаменитые подвижники Христіанскаго благочестія, монахи, схимники, чтимые Православной Церковью Святые, извѣстные своей проповѣднической или административной дѣятельностью высшіе Іерархи — все это уже явилось въ послѣдующіе годы послѣ того, какъ народъ, выражаясь по современному, чисто бюрократическимъ путемъ былъ обращенъ въ Христіанство иноземными, греческими монахами, которыхъ языкъ не былъ понятенъ обращеннымъ, и которые сами вначалѣ не понимали языка своей паствы.

Примѣры, подобные этому, повторяются и въ послѣдующія эпохи. Такъ же апатично и съ философской покорностью, потерявъ довѣріе къ единой власти Великаго Князя, — фактически къ тому времени и не существовавшей, ибо эта власть была подточена междуусобицами и раздорами удѣльныхъ Князей, — народъ подчинился татарскому игу; и во имя освобожденія отъ этого ига онъ дружно ополчается тогда, когда окрѣпшая власть Московскаго Князя его призываетъ къ этому подвигу отстаиванія своей самостоятельности. И такимъ же образомъ, гораздо позже, уже въ самомъ концѣ XVI Вѣка, этотъ же народъ переходитъ въ крѣпостное состояніе. Правда, наиболѣе энергичные сыны народа пассивно протестовали противъ этой военной и фискальной реформы, уходя въ лѣса, въ разбойничьи шайки и положивъ основу образованію на окраинахъ государства казачества, по существу своему, несмотря на бунтовщическія склонности своего населенія, наперекоръ, казалось бы, здравому смыслу, всегда стремящагося къ подчиненію Русскому Государю.

Еще позже — скрѣпя сердце, показывая кулакъ въ карманѣ, народъ пошелъ туда, куда его вела желѣзная воля Чудотворца-Исполина, и нехотя, но усердно помогалъ Петру въ его реформахъ. Это испытаніе было горше всякаго другого, ибо ни къ чему не питаетъ такого отвращенія лѣнивый, рутинный характеръ русскаго человѣка, какъ къ новшествамъ и къ необходимости напряженно и систематично работать, хотя работать онъ можетъ и умѣетъ, если бываетъ къ тому принужденъ внѣшнею силой. И тѣмъ не менѣе, недовольство народа, особенно высшихъ классовъ, дальше единичныхъ, трусливыхъ, запрятанныхъ въ глухое подполье, заговоровъ, не пошло: видно, примѣръ стрѣльцовъ оказался поучительнымъ предостереженіемъ.

Да и вообще, по правдѣ сказать, въ исторіи, кажется, нѣтъ такихъ примѣровъ, чтобы личностямъ, подобнымъ Царю Петру Алексѣевичу, народъ не подчинялся. Совершенно вѣрно замѣтилъ одинъ французскій писатель, уже нашего времени, что „de tout temps et dans tous les peuples, les révolutions ne se levèrent jamais contre un régime, mais contre la désorganisation, dégénérescence de ce régime“ ... Поэтому не при Людовикахъ Четырнадцатыхъ, Петрахъ Великихъ и Николаяхъ Первыхъ сокрушаются государства подъ взрывами революцій, но при Людовикахъ Шестнадцатыхъ и Николаяхъ Вторыхъ, при Государяхъ особенно гуманныхъ, пламенѣющихъ любовью къ своимъ народамъ, ради ихъ блага жертвующихъ всѣми своими Державными интересами. Ни нашъ народъ и никакой другой, кажется намъ, не понимаетъ тѣхъ, кто его слишкомъ явно любитъ, и не цѣнитъ этой любви. Любовь къ Своему народу Помазанникъ Божій можетъ проявлять только въ тиши своей опочивальни, колѣнопреклоненный предъ святою иконой, въ горячей молитвѣ о дарованіи счастья и благоденствія народу, Богомъ ему врученному.

Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ народъ русскій дорожилъ; „жалѣлъ“ его и любилъ; державной волѣ его покорялся охотно, хотя чрезвычайной лютости его правленія и не сочувствовалъ. А противъ сына его, Ѳеодора Іоанновича, святого, не слабоумнаго, какъ многіе ложно его себѣ представляютъ, но именно святого — тотъ же народъ бунтовалъ. Петра Великаго народъ крѣпко боялся; уважалъ и, даже, цѣнилъ; въ большинствѣ своемъ, даже пожалуй и любилъ; во всякомъ случаѣ, гордился имъ и, съ ропотомъ на непосильныя, какъ казалось, тяготы, но покорно за нимъ шелъ. А Николая Перваго, Царя-Рыцаря, народъ обожалъ . . .

Такъ дѣло обстоитъ всегда, когда народъ русскій, въ полномъ составѣ, — и высшіе, и низшіе классы, — чувствуетъ надъ собой дѣйствіе сильной государственной власти, единолич-

ной и традиціонной, владѣющей довѣріемъ и почитаніемъ народа.

Но какъ только, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, ослабѣваетъ эта власть, источникъ порядка, законности и единенія Россіи; какъ только народъ перестаетъ ощущать признаки ея дѣйственнаго попеченія и категорическихъ, а подчасъ и грозныхъ, требованій, такъ тотчасъ этотъ народъ преображается. Надъ инстинктомъ государственнаго самосохраненія берутъ верхъ хаотическія начала анархіи, произвола, насилія и общаго разложенія. Кровь скифовъ, далекихъ предковъ, кровь разъединенныхъ и такъ постоянно взаимно враждовавшихъ славянскихъ племенъ, населявшихъ нѣкогда россійскія равнины своими разобщенными другъ отъ друга общинами, начинаетъ сказываться въ потомкахъ, съ легкимъ сердцемъ разрушающихъ могучее, потомъ и кровью созданное, дѣло цѣлаго ряда тружеческихъ поколѣній, и губящихъ всѣ основы государственнаго единства, которое какъ по швамъ расползается на составныя части, и не только на составныя, но даетъ трещины въ самыхъ плотныхъ, неотъемлемо единыхъ частяхъ своихъ.

Надо вникнуть внимательнѣйшимъ образомъ въ смыслъ этой характерной особенности русской народной души. Подъ водительствомъ верховной, единоличной власти, уполномачивающей своимъ довѣріемъ власть низшихъ, подчиненныхъ инстанцій, русскій народъ, одаренный отъ природы смышленностью, острымъ разумомъ, работоспособностью и болѣе того — талантливостью и воспріимчивостью, но лишенный началъ и стимуловъ активной самодѣятельности — при этихъ, ему естественныхъ, условіяхъ вполнѣ заслуживаетъ признанія своего равноправія среди другихъ великодержавныхъ народовъ; ибо, подъ импульсами власти, онъ достигаетъ великихъ результатовъ не только въ упроченіи своей государственности, но и въ области міровыхъ, культурныхъ и цивилизаціонныхъ дерзаній.

Но внѣ этой власти, когда ему приходится дѣйствовать въ условіяхъ собственной самодѣятельности какихъ бы то ни было классовъ и группъ, этотъ же народъ оказывается или апатичнымъ, покорнымъ „быдломъ" въ рукахъ любого авантюриста, или дикой, звѣрски свирѣпой, безсмысленно злобной, противообщественной и противогосударственной силой, съ тупымъ сладострастіемъ врожденной преступности уничтожающей свое собственное государственное и національное бытіе. Тогда на исторической аренѣ появляется „русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный", по мѣткому опредѣленію нашего великаго Пушкина. Тогда грозные раскаты безудержной злобы народной, черпающей свои источники въ далекихъ пережиткахъ

древнихъ, хаотическихъ инстинктовъ, далеко распространяютъ разрушительную стихію катастрофической бури. Тогда проявляется спеціально русскій народный, болѣзненный припадокъ, который ставитъ втупикъ недоумѣвающаго иностранца и побуждаетъ его искать логическія причины и достаточныя для такого бѣшеннаго взрыва основанія именно тамъ, гдѣ, какъ разъ наоборотъ, кроются дѣйствительные устои народа, обезпечивающіе ему культурное существованіе и безопасное сосѣдство для сосѣдей.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, насколько правдива исторія призванія первыхъ русскихъ князей. Принимая это объясненіе начала образованія объединительной русской государственной власти даже только какъ легенду, чрезвычайно любопытно и многозначительно то обстоятельство, что создалась именно такая характерная легенда.

„Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ: придите княжити и володѣти нами".

Такъ говорятъ русскіе выборные люди иностранцу Рюрику, призывая его, вмѣстѣ съ его иноземной дружиной, водворить порядокъ тамъ, гдѣ собственными силами не умѣютъ управиться. Во многихъ странахъ исторія происхожденія династій связана съ болѣе или менѣе достовѣрными легендами. Бывали случаи, когда монархомъ страны становился народный избранникъ, какъ было и у насъ, при утвержденіи Династіи Романовыхъ (хотя это уже не легенда); или наслѣдникъ, по родству съ угасшей династіей, преемственно достигалъ престола; или, наконецъ, завоеватель, подчиняя своей власти побѣжденную страну, утверждался на престолѣ и основывалъ царственную линію своего рода.

Но никогда не приходилось ни слышать, ни читать, чтобы въ другой странѣ,[1]) кромѣ нашей, существовало бы преданіе, будто бы выборные лучшіе и опытнѣйшіе люди этой страны, извѣрившись въ возможности собственнымъ укладомъ достигнуть на своей родинѣ порядка, организованности, благоустройства и законности, ѣхали въ чужіе края и мирнымъ путемъ, простымъ соглашеніемъ, просили иностранца принять бразды правленія въ дотолѣ ему чужой и чуждой странѣ.

Входя въ составъ народнаго эпоса, историческія легенды, особенно такая, какъ наша, увѣковѣченная добросовѣстнымъ перомъ монаха — лѣтописца, выражаютъ собой всегда нѣкую истину, если не вполнѣ ясно представляемую, то угадываемую, если такъ можно выразиться, народнымъ подсознаніемъ.

---

[1]) Польша со своимъ народнымъ характеромъ, являющимся отрицаніемъ всѣхъ началъ государственности, — въ счетъ не идетъ.

Эпизодъ призванія Варяговъ чрезвычайно ярко отмѣчаетъ все ту же черту мягкой и вялой народной души: вялой въ отношеніи инициативы въ каждомъ актѣ производительной, творческой самодѣятельности.

Съ такимъ мнѣніемъ о русскомъ народѣ, насъ только отчасти понявъ, будутъ, вѣроятно, совершенно согласны господа евреи, и такая общность взглядовъ должна бы быть намъ очень лестной, ибо, по настоящимъ временамъ владычества „избраннаго" племени, еврейское мнѣніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное мнѣніе.

Пожалуй, господа евреи могутъ намъ сказать слѣдующее.

„Наконецъ то гоимы начинаютъ приходить къ тому, что признаютъ логичность и необходимое благо нашихъ дѣйствій. Мы давно уже учли характерное свойство русскаго народа, о которомъ вы упоминаете, и соотвѣтственно тому и дѣйствовали, стараясь, исподволь, возможно полнѣе захватить вліяніе на вашу интеллигенцію, ибо знали, что когда эта интеллигенція, совмѣстно съ нами развративъ рабочую среду, постепенно развратитъ и вашу армію, а затѣмъ, своевременно использовавъ случаи, поможетъ намъ фактически овладѣть властью въ государствѣ, то мы живо овладѣемъ и всѣмъ народомъ вашимъ, во славу и на пользу Израиля, во славу нашей „Алитъ". („Alliance Israélite Universelle.")

Такъ и случилось. Мы теперь дали вамъ умныхъ, ловкихъ и строгихъ евреевъ-правителей, и посмотрите только, какъ послушно и безпрекословно имъ повинуется весь русскій народъ, хотя держатъ они его въ рабскомъ и голодномъ состояніи. А всетаки пикнуть не смѣетъ этотъ порабощенный народъ, съ тѣхъ поръ какъ сжатъ въ желѣзныхъ тискахъ нашей власти, и все покорно исполняетъ, что бы мы ни приказали. Такого повиновенія ни одна, самая дисциплинированная, армія никогда не знала: правда, въ награду мы позволяемъ пограбить и поворовать безнаказанно . . .

Ужъ на что для каждаго человѣка религіозныя вѣрованія составляютъ святыню его души, къ которой всѣ правители всегда относились съ особливой бережностью, опасаясь оскорбить и смутить самыя завѣтныя чувства каждаго. А мы — такъ увѣрены въ силѣ нашей власти, что и передъ такими опасеніями не останавливаемся, тѣмъ болѣе, что мы всегда затаенно, но пламенно мечтали о томъ, чтобы получить возможность оскорблять и насиловать святыни вашей, ненавистной намъ, Вѣры.

Такъ вотъ говорили же, что народъ русскій — солдатъ, крестьянинъ, купецъ, дворянинъ — всѣ, будто бы, очень привержены къ своей Вѣрѣ. Называли вы даже свой народъ „народомъ-богоносцемъ", а французы отъ умиленія закатывали

глаза къ небу и превозносили „l'âme mystique slave" (ну и показалъ же имъ Микула Селяниновичъ свою „âme mystique"!) А мы, твердымъ осуществленіемъ нашей власти, довели вашего „богоносца" до того, что, по приказу нашего Лейбы Бронштейна, этотъ „богоносецъ" разрушаетъ и оскверняетъ свои церкви и строитъ наши синагоги; разстрѣливаетъ своихъ священниковъ, подвергаетъ ихъ истязаніямъ и надругательствамъ, сжигаетъ ихъ живыми и живыми закапываетъ въ могилу.

Не это ли власть, нужная русскому народу? Не о ней ли вы и сами мечтаете, говоря о необходимости, для благоденствія Россіи, твердой, единодержавной государственной власти?

— Нѣтъ — отвѣтимъ мы: не о такой власти мы мечтаемъ; да не только мечтаемъ, но знаемъ, какая власть нужна Россіи и какая, неминуемо, скоро будетъ. Но правы евреи, хвастаясь тѣмъ, что еврейское правительство, владѣющее нынѣ русскимъ государствомъ, учтя характеръ и психологію русскаго народа, страхомъ поддерживая свою изувѣрческую власть, могло и можетъ еще удержаться на нѣкоторое время и докончить разграбленіе и раззореніе нашего отечества. Мы даже больше скажемъ: изъ всѣхъ правителей, когда либо распоряжавшихся судьбами Россіи, никто такъ хорошо не зналъ и не понималъ русскаго народа и не умѣлъ такъ его вести, какъ Іоаннъ Грозный, Петръ Великій и . . . Лейба Троцкій-Бронштейнъ. Но да проститъ мнѣ память двухъ великихъ Русскихъ Государей это сопоставленіе ихъ именъ рядомъ съ позорнымъ именемъ жидовскаго изувѣра . . .

Все это мы знаемъ. Помнимъ также какъ, во время революціи 1906 года, восторженно упиваясь своимъ успѣхомъ и думая, что конечное торжество работы іудейства уже наступило, одесскіе жидки кричали на улицахъ ошеломленной, недоумѣлой русской толпѣ: „Глядите, русскіе люди, что мы, евреи, для васъ сдѣлали! Мы дали вамъ свободу, мы дадимъ вамъ и управленіе. Когда то мы дали вамъ Бога — теперь мы дадимъ вамъ царя. Все идетъ отъ насъ."

И тѣмъ не менѣе, господа евреи, ваше властное правительство, утвердившееся на нашей Родинѣ, намъ что то не нравится; и ваше временное торжество не смутитъ; и никогда не можетъ наступить такое время, когда могли бы сойтись наши разные пути . . .

Возьмите нашу святую книгу, Апокалипсисъ, и прочитайте, что говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ.

И тогда вы поймете, что мы, вѣрующіе Христіане, какъ ни мало насъ осталось, но никогда не склонимъ головъ нашихъ передъ вашимъ торжествомъ. Что бы ни случилось съ нами, мы открыто будемъ провозглашать нашу Правду и изобличать вашу ложь, ваше лицемѣріе и тайные замыслы ваши. Вы долж-

ны знать, властители сегодняшняго дня, насильники, убійцы, богоотступники и богоборцы, что, какимъ бы преслѣдованіямъ вы насъ ни подвергали, какимъ мучительствамъ и казнямъ ни предавали — за вашей, обагренной кровью лучшихъ людей, тріумфальной колесницей мы не пойдемъ и страшную, роковую тайну вашу одураченнымъ вами философамъ, мыслителямъ, ученымъ и простакамъ мы будемъ раскрывать и разъяснять, пока Господь Богъ продолжитъ нашу жизнь въ этой земной юдоли. Въ борьбѣ съ вами мы, вѣроятно, погибнемъ, — ибо, пока, вы еще очень сильны, — но не погибнутъ тѣ, кто идетъ за нами. Погибнете и вы, въ концѣ концовъ, ибо мы уже чувствуемъ побѣду на остріяхъ нашихъ мечей и твердо вѣруемъ, что Правда ложью не будетъ навѣки поругана, что Свѣтъ долженъ побѣдить тьму, и Добро — восторжествовать надъ зломъ . . .

Растерянности народа, повторяющейся всегда при отсутствіи или слабости высшей руководящей власти, нисколько не противорѣчатъ частые въ нашей Исторіи бунты, а напротивъ, какъ намъ кажется, подтверждаютъ правильность нашего пониманія.

Такъ, часто, дикій, хищный звѣрь, въ присутствіи своего укротителя, подъ его властнымъ, наблюдающимъ взоромъ, являетъ собой послушнаго, кроткаго ягненка, какъ бы забывшаго кровожадную природу своихъ первобытныхъ инстинктовъ. Но стоитъ ему остаться внѣ надзора своего господина, и снова проснется въ немъ затаившаяся злоба дикаго, сокрушительнаго, хищническаго порыва. Говорятъ также, что еще хуже бываетъ тогда, когда такой усмиренный звѣрь, хотя бы играя со своимъ повелителемъ, или во время мимолетнаго каприза, или нечаянно — оцарапаетъ случайно когтями или зубомъ того, къ кому обыкновенно онъ привыкъ относиться и со страхомъ, и съ довѣріемъ, и съ лаской; когда онъ увидитъ выступившую кровь, ощутитъ воочію слабость человѣка и свою звѣриную силу. При видѣ крови, такой звѣрь можетъ ожесточиться до крайней степени, разорвать на куски своего недавняго друга и покровителя и натворить еще и много всякой другой бѣды, пока какая либо мѣра строгости и укрощенія не подѣйствуетъ на него снова устрашающимъ образомъ, и онъ снова смирится и покорится волѣ духовно высшаго, въ сравненіи съ нимъ, существа.

Очень сходно съ этимъ примѣромъ проявлялись всѣ русскіе бунты, которыхъ Исторія наша насчитываетъ немало.

До XVII Вѣка, въ Московской Руси, бунтовскія вспышки никогда не переходили въ чрезмѣрно широкія народныя потрясенія (особенно если сравнить переживаемый нами нынѣшній бунтъ), можетъ быть потому, что границы государства въ то

время не растянулись еще особенно широко, притомъ стянуты были вокругъ одной, единокровной, народности, и у всѣхъ на виду дѣйствовала опредѣленная, твердая власть Государей Московскихъ, желѣзной рукой, планомѣрно осуществлявшихъ свое послѣдовательное, чреватое величественными перспективами будущаго, правленіе.

Но въ преддверіи XVII Вѣка иэсякаетъ старшая, царственная линія Дома Рюрика, и сразу народъ, ощутивъ неурядицу междуцарствія и многоцарствія, при ослабленіи и конечномъ исчезновеніи единоличнаго, законнаго правленія, сразу приходитъ въ состояніе отчасти растерянности и инертности, отчасти броженія и раздраженія, и при такомъ состояніи любой проходимецъ-авантюристъ можетъ владѣть толпой по своимъ личнымъ разсчетамъ и побужденіямъ и двигать ее на любое разрушеніе всего, вѣками создавшагося, строя, на любую ломку освященнаго стариною и духомъ народнымъ быта. Настаетъ то шатаніе всѣхъ государственныхъ устоевъ и всего выработаннаго Исторіей уклада, которое извѣстно подъ названіемъ Смутнаго Времени и такъ разительно напоминаетъ во многихъ (въ большинствѣ) основныхъ своихъ чертахъ переживаемую нами нынѣ эпоху „Второго Смутнаго Времени".

Припомнимъ и дальнѣйшія крупныя волненія народныя, въ особенности Разинщину, Пугачевщину, такъ живо возродившіяся во всѣхъ проявленіяхъ разгорѣвшихся народныхъ страстей въ наше время „великой, безкровной русской революціи", какъ революціонный гаэръ и шутъ (трагическій шутъ), Керенскій, называлъ вначалѣ то сатанинское навожденіе, которое онъ и его единомышленники вызвали къ жизни. Революція 1917—1921 г. г.[1]), или Второе Смутное Время, какъ мы ее называемъ, показала намъ, что, въ отношеніи бунта, безсмысленнаго разрушенія государства, полнаго отсутствія созидательныхъ способностей, русскій народъ, лишившійся Царя, явилъ себя той же противокультурной стихіей грабежа, насилія и анархіи, какой онъ былъ во время междуцарствія начала XVII Вѣка и какимъ шелъ за Емельяномъ Пугачевымъ въ XVIII Вѣкѣ. Пушкинскій бунтъ, „безсмысленный и безпощадный", повторился въ XX Столѣтіи по образцамъ и примѣрамъ XIX, XVIII и XVII-го.

Вожаки и инціаторы революцій, евреи-заговорщики, хорошо изучили исторію и характеръ русскаго народа и знали какъ, вызвавъ въ немъ къ дѣйствію всѣ низменные, животные инстинкты, соблазнивъ матеріальными вожделѣніями, свободой грабежа и неправедныхъ стяжаній, подавивъ всѣ, сдерживающіе

[1]) Мы позволяемъ себѣ такъ точно опредѣлить сроки нашей революціи потому, что глубоко убѣждены въ ея конечномъ исходѣ не позже будущаго года.

„звѣря“, религіозные, духовные и нравственные стимулы, какъ довести народъ до разрушенія собственной государственности, чтобы затѣмъ, путемъ этой самоубійственной вакханаліи, привести обрѣзанное племя къ господству надъ порабощенной страной и къ баснословному обогащенію.

Я не думаю, чтобы теперь, когда большинство пережитыхъ нами испытаній и ужасовъ уже позади, когда общая картина событій дѣлается уже совершенно наглядной даже и для „близорукихъ“ людей, — могъ найтись здравомыслящій и добросовѣстный человѣкъ, который могъ бы считать возможнымъ составить себѣ правильное мнѣніе о всероссійской катастрофѣ, если будетъ отдѣлять „русскій вопросъ“ отъ „вопроса еврейскаго“. Названіе „великой всероссійской революціи“, какимъ хотѣли увѣковѣчить свое преступленіе его видные участники, Керенскій, Брешковская и прочіе, пало, исчезло и уже никогда не замѣнитъ другого названія, которымъ гораздо болѣе логично и умѣстно названо это преступленіе нынче, и какимъ оно перейдетъ въ Исторію: я имѣю въ виду терминъ „еврейская революція“, каковой стала русская смута называться уже повсюду.

Нисколько не умаляя виновности русскаго народа, содѣйствовавшаго разгрому своего собственнаго государства и въ этомъ разгромѣ принимавшаго участіе, вольное и дѣятельное участіе, не надо упускать изъ вниманія того обстоятельства, что русскіе люди въ революціи, до основъ потрясшей ихъ Родину и принесшей каждому же изъ нихъ несчастія, бѣдствія и горести, играли жалкую, позорную, пассивную роль „шабесъ-гоевъ“. Шабесъ-гоями“ у евреевъ называются тѣ христіане, которые нанимаются жидами въ дни шабаша и въ другіе жидовскіе праздники. Въ эти дни „сыны Израиля“ не должны, по правиламъ своей вѣры, исполнять различныя „черныя работы“; поэтому, для исполненія этихъ работъ, и нанимаются Христіане.

Сколько бы для русскаго національнаго самолюбія это ни было обидно, но надо же признаться, что такую же работу выполнилъ русскій народъ въ знаменитой своей революціи, жидами съ давнихъ поръ задуманной и ими же подготовленной и выполненной руками глупаго народа, сдуру совершившаго собственное самоубійство.

Если вдуматься во всѣ эти обстоятельства, то, пожалуй, приходится признать естественнымъ, что теперь іудеи съ нескрываемымъ презрѣніемъ и насмѣшкой поглядываютъ на этихъ „черныхъ работниковъ“, такъ усердно служившихъ чужому, жидовскому дѣлу, и притомъ дѣлу скверному, подлому, гибельному для родины этихъ работниковъ.

До сихъ поръ, т. е. лѣтомъ 1920 года, въ Германію все еще прибываютъ изъ Россіи бѣженцы изъ категоріи такъ называемыхъ „буржуевъ“, которымъ удается спастись отъ звѣрскихъ жестокостей и истязаній большевиковъ. Рѣдко кому изъ этихъ помѣщиковъ, купцовъ, чиновниковъ удается вырваться изъ ада цѣликомъ, цѣлыми семьями: обыкновенно каждая семья не досчитывается одного или нѣсколькихъ членовъ, павшихъ жертвами фанатичной злобы своихъ преслѣдователей.

По единогласнымъ утвержденіямъ этихъ бѣженцевъ, разсказывающихъ о всемъ, ими выстраданномъ, оказывается, что почти всегда въ убійствахъ и другихъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ „большевиками“, какъ огульно принято обозначать тѣхъ, кто нынче правитъ Россіей, собственно русскій народъ, т. е. крестьяне, рабочіе, красноармейцы, не участвуютъ иначе, какъ пассивными, часто втайнѣ сочувствующими и жалостливыми, зрителями, которые даже часто спасаютъ многихъ жертвъ отъ ожидающей ихъ участи, или, если и выполняютъ жестокіе акты, то какъ рабы, подчиняющіеся приказаніямъ господъ своихъ. Активная жестокость, активныя звѣрства, вся изобрѣтательность придумывающихся пытокъ и мученій — все это всегда является дѣломъ жидовскимъ.

Я въ данномъ случаѣ имѣю въ виду бѣженцевъ изъ южныхъ и западныхъ губерній. По ихъ разсказамъ, тамъ образовались цѣлыя шайки изъ еврейскаго юношества: молодые жиденята обоего пола, 18—20—25 лѣтъ, состоя вліятельными комиссарами и агентами въ мѣстныхъ большевистскихъ управленіяхъ, терроризировали все мѣстное населеніе и творятъ такіе ужасы, до которыхъ и палачи среднихъ вѣковъ не съумѣли бы додуматься. Произволъ и безнаказанность этихъ жиденятъ въ полномъ смыслѣ слова безграничны: обезоруженное населеніе безсильно и покорно трепещетъ; а высшее начальство, такое же жидовское начальство, полнымъ невмѣшательствомъ потакаетъ дѣятельности своей „многообѣщающей молодежи“.

То русское „освободительное движеніе“, которое восхвалялось и превозносилось большей частью нашей „интеллигенціи“, котораго представителями и руководителями гордо называла себя кадетская партія, во имя котораго русское студенчество, русскіе рабочіе, многіе русскіе общественные дѣятели, въ теченіе многихъ десятилѣтій, разстраивали и расшатывали всѣ государственные устои Россіи, — это движеніе наконецъ привело къ тому, что показало воочію, что въ немъ русскаго ничего не было, кромѣ русскаго идіотическаго стремленія себя самихъ свести на нѣтъ и привести къ рабскому состоянію, сдѣлать себя жертвами гнуснѣйшаго изъ произволовъ и насилій, изъ области Закона, Права, Правды и Справедливости перевести себя

на положеніе обезумѣвшаго отъ ужаса, покорнаго полу-животнаго, усмиреннаго и обезличеннаго жидовскою плетью.

Такимъ образомъ, говоря о „виновникахъ и пособникахъ“ крушенія Россіи, отдавъ должное такъ жестоко наказаннымъ русскимъ людямъ, оправдавшимъ вполнѣ свою же народную пословицу, говорящую о томъ, что они „заднимъ умомъ крѣпки“, мы не могли въ этой же главѣ не заговорить о тѣхъ, кто „виновниковъ и пособниковъ“ подвигнулъ на ихъ подлое и глупое дѣло, т. е. объ евреяхъ.

Что это такъ, а не иначе — мы приведемъ выдержку изъ статьи одного еврея, который самъ признаетъ „великую заслугу“ еврейства въ созданіи нашей революціи.

Въ газетѣ „Коммунистъ“, отъ 12-го Апрѣля 1919 года, за № 72, издававшейся въ городѣ Харьковѣ, на улицѣ Карла Либкнехта, № 13, нѣкій М. Коганъ, въ статьѣ „Заслуги еврейства передъ трудящимися“, — пишетъ:

„Всевозможные реакціонные войсковые круги и рады проводятъ земельные „законы“, отдаютъ землю всѣмъ трудящимся, устанавливаютъ восьмичасовой рабочій день и кидаютъ другія подачки трудящимся массамъ, лишь бы удержаться на мѣстѣ.

Но снимемъ съ нихъ маску и посмотримъ, что скрывается за этой угодливой маской. Возьмемъ хотя бы ихъ отношеніе къ евреямъ: на всей территоріи, занятой Донскими, Кубанскими и Добровольческими шайками, евреи угнетаются и унижаются. Ни одного еврея нельзя видѣть тамъ на какой либо должности, важной или неважной. Хороши равенство и братство, нечего сказать. Добровольческіе палачи кричатъ о своемъ гуманизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ притѣсняютъ цѣлую націю, которая всегда внушала къ себѣ уваженіе всего міра. Нельзя забывать, что еврейскій народъ, вѣками притѣсняемый королями и царями — и есть истинный пролетаріатъ, истинный интернаціоналъ, не имѣющій своей родины.

Безъ преувеличенія можно сказать, что великая россійская соціальная революція была сдѣлана именно руками евреевъ. Развѣ темныя, забитыя русскія крестьянскія и рабочія массы могли бы сами сбросить съ себя оковы буржуазіи? Нѣтъ, именно евреи вели русскій пролетаріатъ къ зарѣ интернаціонала. И не только вели, но и сейчасъ совѣтское дѣло находится въ ихъ надежныхъ рукахъ.

Мы можемъ быть спокойны, пока верховное руководительство красной арміи принадлежитъ товарищу Льву Троцкому. Правда, евреевъ нѣтъ въ рядахъ красной арміи въ качествѣ простыхъ рядовыхъ: за то въ

комитетахъ и совдепахъ, въ качествѣ комиссаровъ, евреи смѣло и безстрашно ведутъ къ побѣдѣ массы русскаго пролетаріата. Недаромъ, при выборахъ во всѣ совѣтскія учрежденія, проходятъ въ подавляющемъ большинствѣ именно евреи. Недаромъ, повторяемъ мы, русскій пролетаріатъ выбралъ себѣ главой и вождемъ еврея Бронштейна-Троцкаго.

Символъ еврейства, вѣками борющагося противъ капитализма, сталъ и символомъ русскаго пролетаріата, что видно хотя бы въ установленіи „Красной пятиугольной Звѣзды", являвшейся раньше, какъ извѣстно, символомъ и знакомъ сіонизма — еврейства. Съ нимъ — побѣда, съ нимъ — смерть паразитамъ-буржуямъ. И пусть трепещутъ Деникинцы, Красновцы, Колчаковцы, притѣснители и палачи авангарда соціализма — доблестнаго еврейскаго народа. Имъ не поможетъ ихъ угодничество передъ трудящимися массами, и еврейскія слезы выйдутъ изъ нихъ кровавымъ потомъ".

На эту статью отвѣтилъ нѣкій Ножинъ въ газетѣ „Въ Москву!", издававшейся въ Ростовѣ на Дону, въ № 1-омъ газеты, отъ 23-го Сентября 1919 года. Отвѣтилъ превосходно, а потому думаю, что читатель на меня не посѣтуетъ, если и эту статью я здѣсь же приведу.

„Къ этому откровенному признанію прибавить ничего не остается. Безысходный ужасъ, творящійся почти два года по всему лицу русской земли — не сказка, а страшная, замораживающая мозгъ, леденящая сердце, быль.

Міръ отъ созданія временъ, на протяженіи тысячелѣтій своего существованія, не знаетъ примѣровъ того, что сейчасъ творится въ Россіи. Огромная, богатая земледѣльческая страна, расцвѣтавшая самобытной культурой, неописуемой силы и красоты, съ разростающейся промышленностью, на всемъ своемъ колоссальномъ протяженіи, заливается кровью по злой волѣ ея самозванныхъ властелиновъ-пришельцевъ, опирающихся на живую силу китайцевъ и темныя, по преимуществу преступныя, массы одураченнаго народа, превращается въ сплошное кладбище, въ пустыню . . .

Съ ненасытной кровожадностью самаго утонченнѣйшаго садизма уничтожается вся интеллигенція страны — этотъ мозгъ народа. Съ сатанинскою жестокостью испепеляются неисчислимой цѣны культурныя цѣнности, накапливавшіяся народомъ на протяженіи вѣковъ. Гибнетъ отъ руки разнуздавшихся палачей все православное духовенство; оскверняясь, погибаютъ храмы

Божіи, Мощи Святыхъ; подъ пятою интернаціональныхъ пришельцевъ погребается все, что свято и дорого русскому народу.

Послѣдній декретъ совѣтскихъ комиссаровъ о конфискаціи и сожженіи всѣхъ книгъ о религіи и нравственности, „находящихся въ библіотекахъ и у частныхъ лицъ по всей территоріи Россіи", декретъ, предписывающій сжечь сочиненія Достоевскаго, сжечь за то, что они способны „растлить душу революціоннаго пролетаріата", — это уже послѣдній предѣлъ ненасытной, сверхчеловѣческой ненависти пришельцевъ, это апофеозъ царства Сатаны, это — вѣнецъ его мести Христіанской Россіи!

Уцѣлѣвшая часть многомилліоннаго народа, обезсиленная и изможденная голодомъ, болѣзнями и ужасами краснаго террора, обречена на длительную нищету, а съ уничтоженіемъ книгъ и на безпросвѣтную темень разумѣнія.

Дальше идти уже некуда. Мы стоимъ передъ ужасомъ совершившагося и совершающагося. Русскій православный народъ, отъ низовъ и до самыхъ вершинъ, начинаетъ прозрѣвать, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кто, поклонившись золотому тельцу, служатъ молоху интернаціонала.

И въ прозрѣвающихъ народныхъ массахъ, отъ низовъ и до самыхъ вершинъ, исключая, конечно, ряженыхъ, коимъ всю ихъ постыдную жизнь суждено проходить въ маскахъ, уже глухо заклокотала ненависть къ тѣмъ, кто сознательно довелъ ихъ до послѣдней черты.

Въ народѣ закипѣла и кипитъ сознательная ненависть къ евреямъ. Отовсюду доносятся вѣсти о вспышкахъ народнаго гнѣва. Страшный гнѣвъ этотъ, во время не сдержанный голосомъ холоднаго разсудка, можетъ разразиться до размѣровъ стихіи.

Приспѣло время когда русскій народъ, по своемъ воскресеніи, могучей силой своего творческаго разумѣнія, долженъ побѣдить въ себѣ готовый вырваться, какъ изъ кратера огнедышащей горы, справедливый гнѣвъ и не повторить, не совершить, по примѣру многихъ народовъ, величайшей и, быть можетъ, непоправимой исторической ошибки.

А на насъ, оставшихся въ живыхъ и Божіей Милостью окончательно прозрѣвшихъ, на насъ, понявшихъ всю глубину опасности адскаго замысла антихристіанскихъ силъ, лежитъ святая обязанность возвысить предъ народомъ свой предостерегающій голосъ. Подчиняясь велѣнію христіанской совѣсти, сгорая пламенною любовью къ

истерзанному, кровью и страданіями исшедшему народу, мы должны, по силѣ своего крайняго разумѣнія, проникновенно, огненнымъ, дышащимъ сердечной искренностью, правдивымъ, не лукавымъ словомъ, должны указать народу этотъ истинный путь, который приведетъ его къ торжеству Христіанской Идеи и вящему посрамленію сыновъ діавола.

Не насъ первыхъ еврейскій народъ доводитъ до изступленія, до отчаянія, ужаса и несказанныхъ страданій. Исторія даетъ намъ безчисленные примѣры самаго ужасающаго преслѣдованія евреевъ на протяженіи всѣхъ историческихъ эпохъ, на протяженіи сорока вѣковъ. Доведенные проклятымъ народомъ до послѣднихъ граней отчаянія, народы прибѣгали къ единственному, какъ имъ казалось, остававшемуся въ ихъ распоряженіи средству, а именно — къ истребленію этого народа.

Историки Египта, Рима, Греціи, Ассиріи, Вавилона, затѣмъ Среднихъ Вѣковъ и далѣе, свидѣтельствуютъ о безконечныхъ примѣрахъ поголовнаго истребленія евреевъ въ городахъ, провинціяхъ, областяхъ и даже на огромныхъ территоріяхъ цѣлыхъ государствъ. Русскіе, такъ называемые, „погромы" совершенно блѣднѣютъ предъ тѣми, которымъ періодически подвергался еврейскій народъ на протяженіи сорока вѣковъ своего существованія.

И къ чему привела эта дѣйствительность минувшаго?

Гдѣ практическіе результаты?

Чего добились народы всѣхъ историческихъ эпохъ? Изъ нихъ многіе давно уже исчезли съ лица земли, оставивъ міру лишь нѣмые памятники ихъ когда то высокой культуры. Какихъ результатовъ достигли народы?

„Царятъ тамъ (на западѣ) повсемѣстно евреи на биржахъ; недаромъ они двигаютъ капиталами, недаромъ они властители кредита и недаромъ, повторяю это, они же властители и всей международной политики. Близится ихъ царство, полное ихъ царство! Наступаетъ торжество идей, передъ которыми никнутъ чувства человѣколюбія, жажда правды, чувства христіанскія, національныя и даже народной гордости европейскихъ народовъ. Верхушка евреевъ воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе и тверже и стремится дать міру свой обликъ и свою суть."

Эти пророческія слова начертаны Ѳ. М. Достоевскимъ въ его дневникѣ еще въ 1877-мъ году.

Пророческія слова величайшаго въ мірѣ знатока человѣческой души оправдались. Весь міръ очутился въ цѣпкихъ рукахъ анти-христіанскихъ силъ.

А на челѣ истерзанной Россіи, вмѣсто поруганнаго и оскверненнаго Креста, дерзновенною волею пришельцевъ, засіяла кроваво-красная пятиугольная звѣзда — знакъ тор-

жествующаго масонства. Врагъ — лицомъ къ лицу передъ нами" . . .

Изъ того же номера газеты „Въ Москву!", приведу цѣликомъ еще и другую, очень колоритную и убѣдительную, статью.

„Кто творецъ проклятой ‚русской' революціи."

Если кто либо до сихъ поръ еще сомнѣвается въ сатанинской роли мірового еврейства и продолжаетъ наивно воображать, что все, что писалось и пишется объ евреяхъ — является фантазіей, злымъ вымысломъ или мракобѣсіемъ, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь секретный документъ, составленный комиссаромъ французскаго правительства и посломъ при федеральномъ правительствѣ въ Вашингтонѣ. Въ подлинности этого документа не можетъ возникать сомнѣній, такъ какъ онъ извлеченъ изъ дѣлъ одного изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій французской республики.

— 1618 — 6

N 912 — Разв. Отд. 2

11.

(По офиц. Америк. свѣдѣніямъ черезъ Верховн. Комиссара Франц. республики въ С. Ш.)

„Богъ даровалъ намъ, своему избранному народу — разсѣяніе; и въ этой кажущейся слабости нашей и сказалась вся наша сила, которая теперь привела насъ къ порогу всемірнаго владычества. Намъ теперь немного остается достраивать на заложенномъ фундаментѣ."
(Изъ серіи Сіонскихъ Протоколовъ, изд. 1897 года, Nr. 11.)

1. Впервые въ февралѣ 1916 года сдѣлалось очевиднымъ, что въ Россіи назрѣваетъ революція. Было установлено, что нижепоименованныя лица и предпріятія принимали участіе въ этомъ разрушительномъ дѣлѣ:

1. Яковъ Шиффъ — еврей;

2. Кунъ Лоэбъ и Ко. — евр. торг. домъ; — дирекція: Яковъ Шиффъ — еврей, Феликсъ Варбургъ — еврей, Отто Канъ — еврей, Мортимеръ Л. Шиффъ — еврей, Серомэ И. Хануеръ — еврей;

3. Гуггенгеймъ — еврей;

4. Максъ Брейтунгъ.

Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что революція, разразившаяся черезъ годъ по полученіи этого свѣдѣнія, инспирировалась и поддерживалась опредѣленно еврейскими вліяніями. Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1917 г. Яковъ Шиффъ публично заявилъ, что, благодаря его финансовой поддержкѣ, русской революціи былъ обезпеченъ успѣхъ.

2. Весной 1917 г. Яковъ Шиффъ выдалъ Троцкому (еврею) субсидію для устройства въ Россіи соціальной революціи. Нью-Іоркская газета „Форвардъ“ ежедневный еврейско-большевистскій органъ, принимала дѣятельное участіе въ томъ же направленіи.

Въ то же самое время, въ Стокгольмѣ, еврей Максъ Варбургъ — поддерживалъ Троцкаго и К°. Вся эта компанія была поддержана также Вестфальско-Рейнскимъ синдикатомъ (крупное еврейское предпріятіе), также какъ и другимъ евреемъ Олафомъ Ашбергомъ изъ „Ніа-Банкенъ“ въ Стокгольмѣ, равно какъ и Животовскимъ — евреемъ, женатымъ на сестрѣ Троцкаго. Такимъ образомъ были установлены отношенія между еврейскими милліардерами и еврейскимъ пролетаріатомъ.

3. Въ октябрѣ 1917 г. произошла соціальная революція въ Россіи, въ результатѣ которой — опредѣленныя совѣтскія организаціи взяли въ свои руки управленіе русскимъ народомъ. Въ этихъ совѣтахъ выдвинулись нижеслѣдующія лица:[1])

Псевдонимъ.	Дѣйствит. имя.	Національ.
1. Ленинъ	Ульяновъ	Русскій
2. Троцкій	Бронштейнъ	Еврей
3. Стекловъ	Нахамкесъ	„
4. Мартовъ	Цедербаумъ	„
5. Зиновьевъ	Апфельбаумъ	„
6. Каменевъ	Розенфельдъ	„
7. Сухановъ	Гиммель	„
8. Сагерскій	Крахманъ	„
9. Богдановъ	Зильберштейнъ	„
10. Ларинъ	Лурье	„
11. Горевъ	Гольдманъ	„
12. Урицкій	Радомысльскій	„
13. Камковъ	Кацъ	„
14. Ганецкій	Фюрстенбергъ	„
15. Данъ	Гуревичъ	„

[1]) Со времени большевистскаго захвата власти надъ Россіей прошло почти три года. За это время кое-кто изъ приведеннаго списка умеръ; но за то множество еще другихъ евреевъ было включено въ составъ вершителей судебъ русскаго народа, не говоря уже о подчиненныхъ, мѣстныхъ управленіяхъ, гдѣ на отвѣтственныхъ, видныхъ и выгодныхъ должностяхъ также сидятъ почти исключительно евреи. Что же касается центральнаго управленія, то статистика даетъ намъ свои краснорѣчивые выводы. Пусть только читатель ознакомится съ другимъ, болѣе новымъ и подробнымъ спискомъ, помѣщеннымъ въ концѣ настоящаго труда. Согласно этому списку, главныхъ большевистскихъ вожаковъ, владычествующихъ полновластно и безконтрольно надъ Россіей, состоитъ 545 человѣкъ. Изъ нихъ 447 — евреи. Интересно отмѣтить характерную особенность: изъ остальныхъ 98 не-евреевъ — большинство подобрано изъ разряда каторжниковъ. Авторъ.

Псевдонимъ.	Дѣйствит. имя.	Національ.
16. Мѣшковскій	Гольдбергъ	Еврей
17. Парвусъ	Гельдфандтъ	„
18. Рязановъ	Гольденбахъ	„
19. Мартыновъ	Зимбаръ	„
20. Черноморскій	Черномордникъ	„
21. Солнцевъ	Блейхманъ	„
22. Пятницкій	Зевинъ	„
23. Абрамовичъ	Рейнъ	„
24. Звѣздичъ	Фонштейнъ	„
25. Маклаковскій	Розенблюмъ	„
26. Лапивскій	Левензонъ	„
27. Бобровъ	Натансонъ	„
28. Аксельродъ	Ортодоксъ	„
29. Гаринъ	Гарфельдтъ	„
30. Глазуновъ	фонь-Шульце	„
31. Іоффе	Іоффе	„

4. Въ то же самое время еврей Пауль Варбургъ, находившійся раньше въ сношеніяхъ съ „федераль Резервъ Бордъ“, былъ замѣченъ въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ извѣстными большевистскими дѣятелями въ Соединенныхъ Штатахъ, что, въ соединеніи съ другими освѣдомленіями, повело къ его пораженію при перевыборахъ въ вышеозначенный совѣтъ (бордъ).

5. Среди близкихъ друзей Якова Шиффа имѣется раввинъ Іуда Магнесъ, весьма приближенный и преданный агентъ Шиффа. Одинъ еврей, по имени Яковъ Миликопфъ, заявилъ однажды, что Магнесъ — пророкъ. Въ началѣ 1917 г. означенный еврейскій пророкъ основалъ первое дѣйствительно большевистское сообщество въ Америкѣ подъ именемъ „народнаго совѣта“. Опасность этого сообщества выясняется лишь впослѣдствіи.

24 октября 1918 г., Іуда Магнесъ публично заявилъ, что онъ — большевикъ и дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ ихъ (?) доктриной и идеалами. Это заявленіе было сдѣлано Магнесомъ на одномъ собраніи еврейско-американскаго комитета въ Нью-Іоркѣ. Яковъ Шиффъ не одобрилъ выходки Іуды Магнеса, и онъ, чтобы обмануть общественное мнѣніе — вышелъ изъ состава еврейско-американскаго комитета. Однако, Шиффъ и Магнесъ оставались въ полномъ согласіи, какъ члены совѣта еврейской каббалы.

6. Іуда Магнесъ, поддерживаемый Яковомъ Шиффомъ, находился съ другой стороны въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ міровой сіонистской организаціей „Поалей“ — являясь ея руководителемъ. Ея конечная цѣль — установленіе международнаго главенства еврейской рабочей партіи. Здѣсь еще разъ вы-

ясняется связь между еврейскими милліардерами и еврейскимъ пролетаріатомъ.

7. Нѣсколько недѣль тому назадъ вспыхнула соціальная революція въ Германіи. Автоматически еврейка Роза Люксембургъ взяла въ свои руки политическое руководство революціей, а съ ней одинъ изъ главныхъ вождей международнаго большевистскаго движенія — еврей Гаазе. Въ этотъ моментъ соціальная революція Германіи развивается по тѣмъ же еврейскимъ указаніямъ, какъ и соціальная революція въ Россіи.

8. Если мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что еврейская фирма „Кунъ Лоэбъ и К°." находится въ сношеніяхъ съ Рейнско-Вестфальскимъ синдикатомъ (нѣмецко-еврейская фирма) и братьями Лазардъ, парижской еврейской фирмой, а также съ банкомъ Гинзбургъ — еврейской торговой фирмой, съ отдѣленіями въ Петроградѣ, Токіо и Парижѣ; если мы замѣтимъ къ тому же, что вышеуказанныя еврейскія фирмы находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ еврейскимъ торг. домомъ „Спейэръ и К°." въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, равно какъ и съ „Ніа-Банкенъ", еврейско-большевистской фирмой въ Стокгольмѣ, то станетъ ясно, что большевистское движеніе, какъ таковое, является въ извѣстной степени выраженіемъ общаго еврейскаго движенія, и что опредѣленные еврейскіе банки заинтересованы въ организаціи этого движенія.

Союзники одержали поразительную побѣду надъ германскимъ милитаризмомъ; но изъ пепла германской автократіи встаетъ новая міровая автократія и это — еврейскій имперіализмъ, конечная цѣль котораго — установить еврейское владычество надъ міромъ.

Хотя евреи въ теченіе всей войны ничего не дѣлали, кромѣ того, что старались избѣжать мобилизаціи въ различныхъ странахъ, тѣмъ не менѣе они уже добились формальнаго признанія еврейскаго государства въ Палестинѣ. Евреямъ удалось также организовать еврейскія республики въ Германіи и Австро Венгріи. Это первые шаги къ міровому владычеству евреевъ, но это еще не послѣднее ихъ усиліе.

Международное еврейство организуется лихорадочно, сосредоточиваясь и распространяя свои отравленныя ядомъ доктрины, ассигновывая для этого огромныя суммы денегъ; нѣсколько недѣль тому назадъ они ассигновали въ Соединенныхъ Штатахъ милліардъ долларовъ, якобы для того, чтобы создать школы и синагоги въ Палестинѣ и расходовать огромныя суммы на свою пропаганду. Христіанскій міръ остается молчаливымъ, бездѣятельнымъ и пассивнымъ.

Кто изъ христіанскихъ государственныхъ людей попытался услышать пророческія слова международнаго еврейства?

Кто изъ нихъ когда либо отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что евреи думаютъ въ точности, что говорятъ:

„Къ дѣйствіямъ въ пользу широко задуманнаго нами плана, уже близящагося къ вожделѣнному концу, мы должны вынуждать гоевскія правительства якобы общественнымъ мнѣніемъ, въ тайнѣ подстроеннымъ нами при помощи такъ называемой „великой державы"-печати, которая, за немногими исключеніями, — съ которыми считаться не стоитъ, — вся уже въ нашихъ рукахъ.

Однимъ словомъ, чтобы резюмировать нашу систему обузданія гоевскихъ правительствъ въ Европѣ, мы одному изъ нихъ покажемъ свою силу покушеніями, т. е. терроромъ, а всѣмъ, если допустить ихъ возстаніе противъ насъ, мы отвѣтимъ американскими, или китайскими и японскими пушками."

(Секретные Сіонскіе Протоколы, изданіе 1897 года, Nr. 8.)

Авторъ не могъ придумать ничего болѣе удачнаго, какъ всѣ добытыя информаціи заключить между эпиграфами изъ сіонскихъ протоколовъ. Просто, ясно и убѣдительно! Ему дѣлаетъ честь, что онъ, не стѣсняясь, назвалъ вещи своимъ именемъ, вопреки огромнѣйшему засилью жидо-масоновъ въ правительствѣ французской республики.

Это ли не примѣръ для достойнаго подражанія нашимъ русскимъ вождямъ и представителямъ власти, которые безсильны справиться, несмотря на все пережитое, съ навязанными предразсудками въ области защиты Русской Національной Идеи.

Въ номерѣ 32-омъ газеты „Призывъ", отъ 6-го февраля сего 1920 года, была помѣщена очень интересная замѣтка, подъ заглавіемъ „Любопытный Документъ", заимствованная изъ Эстонской Юрьевской газеты „Postimees" отъ 31-го Декабря 1919 года и Ревельской — „Teetaja" того же числа. Намъ кажется, что глава о „Виновникахъ и Пособникахъ" была бы неполна, еслибъ мы не включили въ нее и эту замѣтку.

„Любопытный Документъ."

Въ ночь на 9-ое Декабря минувшаго года, при столкновеніи на эстляндской границѣ съ большевистскими войсками, у павшаго батальоннаго командира 11-го стрѣлковаго полка, Зундера, былъ найденъ въ карманѣ интересный документъ на еврейскомъ языкѣ, рисующій дѣятельность евреевъ и ихъ тайную организацію въ Россіи. Приводимъ таковой безъ всякихъ измѣненій и комментаріевъ.

„Секретно. Представителямъ отдѣловъ международнаго союза израэлитовъ.

Сыны Израиля! Часъ нашей конечной побѣды близокъ. Мы стоимъ наканунѣ мірового господства. То, о чемъ ранѣе мы могли лишь мечтать, теперь превращается въ дѣйствительность. Слабые и безпомощные еще недавно, — теперь мы, благодаря общему міровому крушенію, съ гордостью поднимаемъ голову.

Однако мы должны быть осторожными, такъ какъ съ увѣренностью можно предсказать, что, перешагнувъ черезъ разгромленные алтари и троны, мы должны еще далѣе двигаться по намѣченному пути.

Авторитетъ и вѣрованія чуждой намъ религіи — удачною пропагандой и разоблаченіями мы подвергли безпощадной критикѣ и насмѣшкамъ. Мы ниспровергли чужія святыни, мы поколебали въ народахъ и государствахъ ихъ культуру и традиціи. Мы совершили все, чтобы подчинить русскій народъ еврейскому могуществу и заставить его, наконецъ, стать передъ нами на колѣни. Мы почти достигли всего этого; однако... мы должны быть осторожными, такъ какъ нашъ исконный врагъ — порабощенная Россія. Побѣда надъ нею, достигнутая нашимъ геніемъ, можетъ когда нибудь, въ новыхъ поколѣніяхъ, обратиться противъ насъ.

Россія повергнута въ прахъ; находится подъ нашимъ владычествомъ; но ни на минуту не забывайте, что мы должны быть осторожными! Священная забота о нашей безопасности не допускаетъ въ насъ ни состраданія, ни милосердія.

Наконецъ то мы увидѣли нищету и слезы русскаго народа! Отнявъ его имущество и золото, мы превратили этотъ народъ въ жалкихъ рабовъ.

Будьте осторожны и молчаливы. Мы не должны имѣть жалости къ нашему врагу: нужно устранить отъ нихъ лучшіе и руководящіе элементы, чтобы у покоренной Россіи не было вождя. Этимъ мы уничтожаемъ всякую возможность воспротивиться нашей власти. Надо разбудить партійную ненависть и развить междоусобицу среди крестьянъ и рабочихъ. Война и классовая борьба уничтожатъ культурныя сокровища, созданныя христіанскими народами. Но будьте осторожны, сыны Израиля. Наша побѣда близка, такъ какъ политическое и экономическое могущество и наше вліяніе на народныя массы усиливаются. Мы скупаемъ государственные займы и золото и этимъ господствуемъ на биржахъ міра. Мощь въ нашихъ рукахъ; но будьте осторожны.

Не довѣряйте обманчивымъ, темнымъ силамъ.

Бронштейнъ, Апфельбаумъ, Розенфельдъ, Штейнбергъ — всѣ они, какъ и многіе другіе, вѣрные сыны Израиля. Наше могущество въ Россіи — неограничено. Въ городахъ, комиссаріатахъ, продовольственныхъ коммиссіяхъ, домовыхъ комитетахъ и т. д. представители нашего народа играютъ первенствующую роль. Но не опьяняйтесь побѣдою. Будьте осторожны, потому что никто не можетъ защитить насъ, кромѣ насъ самихъ.

Помните, что на красную армію положиться нельзя, ибо она внезапно можетъ повернуть оружіе противъ насъ.

Сыны Израиля! Близокъ часъ, когда мы достигнемъ долгожданной побѣды надъ Россіей. Тѣснѣй сомкните ряды. Проповѣдуйте громко національную политику нашего народа. Бейтесь за наши вѣчные идеалы!"

Шумъ, поднятый было Берлинскими еврейскими газетами по поводу опубликованія „Призывомъ" этого документа, долженъ былъ быстро смолкнуть: достовѣрность документа подтверждалась со всѣхъ сторонъ . . .

III.

Начало войны.

Воинственныя настроенія. Роковая ошибка Россіи и Германіи. Еврейско-масонская интрига. Ненависть еврейства къ Христовой Церкви. Усилія Императоровъ Русскаго и Германскаго предотвратить войну. Впечатлѣнія Государя Императора отъ послѣдней поѣздки въ Берлинъ. Германская военная партія. Перспективы будущаго. Финансовые круги Германіи. Русская военная партія. Удивительные доводы генерала Брусилова въ пользу войны съ Германіей. Роль „Новаго Времени". Общественные дѣятели. Кадетская партія. Московскіе купчики. Соціалисты. Наши банкиры и биржевые дѣльцы. Отвѣтственность интеллигенціи передъ русскимъ народомъ. Эволюція и революція. Санитары. Дѣятельность Его Императорскаго Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Созидательный починъ Самодержавія — залогъ народнаго преуспѣянія. Мобилизація. Предопредѣленіе событій. Государь и война. Глаза Государя. Неудавшееся цареубійство. Августѣйшая Семья Государя. Величіе духа Государя. Непонятый и неоцѣненный народомъ Царь Николай II. Дебри народной души и русскіе праведники. Разговоръ съ извозчикомъ.

„Обрушились народы въ яму, которую выкопали; въ сѣти, которую скрыли они, запуталась нога ихъ".

Псал. IX, ст. 16.

Всѣмъ извѣстно и всѣмъ памятно, какъ, во время страшной войны, явившейся слѣдствіемъ масонскаго заговора и Россіи, государственнымъ задачамъ ея, не только ненужной, но завѣдомо вредной и чреватой губительными послѣдствіями — какъ во время этой войны показалъ себя русскій народъ.

Всякая война, и въ особенности такая, какъ послѣдняя, требовавшая высшаго подъема, сосредоточенія и сплоченія всѣхъ духовныхъ, нравственныхъ и трудовыхъ силъ всего народа, является наилучшимъ экзаменомъ, вѣрнѣйшимъ пробнымъ камнемъ уровня духовнаго и матеріальнаго состоянія народа. Рѣдко когда, въ другіе моменты государственной жизни, могутъ настолько же ярко и показательно проявиться всѣ достоинства и недочеты націи.

Вспомнимъ начало войны, когда по всей Россіи громовымъ ударомъ разнеслась вѣсть о трагическомъ выступленіи Австро-

Венгріи, бывшемъ началомъ крушенія трехъ могущественныхъ монархій, въ которыхъ монархическій принципъ, глубоко вкорененный въ народныхъ массахъ, казался, да и былъ, наиболѣе прочнымъ и устойчивымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой европейской странѣ.

Россію въ то время охватилъ сильнѣйшій патріотическій подъемъ. Въ видѣ исключенія изъ общаго правила, практиковавшагося съ давнихъ поръ, этотъ подъемъ былъ поддержанъ и либеральными еврейско-русскими кругами, и еврейской печатью. Какъ бы ни обижались наши газетчики, но я смѣло называю еврейской всю русскую печать, за исключеніемъ нѣсколькихъ органовъ, ибо она дѣйствительно уже въ то время вся была въ еврейскихъ рукахъ и у насъ, и въ Германіи, и въ Австріи, не говоря уже о Франціи, Англіи и остальной Европѣ.

Тотъ же взрывъ патріотизма и шовинизма воодушевилъ и всѣ народы, принявшіе участіе въ международной бойнѣ, какъ со стороны нашихъ вѣроломныхъ и неудачныхъ союзниковъ, такъ и въ странѣ противниковъ нашихъ, Германцевъ, содѣйствовавшихъ общей нашей съ ними германо-русской ошибкѣ, заключавшейся въ томъ, что вопреки Исторіи, вопреки національнымъ задачамъ нашимъ, вопреки интересамъ нашихъ государственностей, вопреки, наконецъ, здравому смыслу, Россія и Германія ринулись другъ на друга въ ожесточенную борьбу, которой, самоубійственно, другъ друга разрушили.

По поводу какой то политической ошибки, одинъ французскій государственный дѣятель выразился слѣдующимъ образомъ: „c'est pire qu'une faute, pire qu'un crime: c'est une sottise.

Вотъ такую то „sottise“ и совершили тѣ политическіе дѣятели Россіи и Германіи, которые способствовали возникновенію войны между обоими народами, исторіей, географіей, экономическими и государственными интересами своими предназначенными быть между собою не въ войнѣ, но въ обоюдно-выгодномъ, обезпеченномъ общими интересами, единеніи.

Я имѣю въ виду тѣхъ дѣятелей, русскихъ и германскихъ, которые добросовѣстно заблуждались: которые, сѣя и поддерживая раздоръ, не принимая мѣръ къ затушенію искры, угрожавшей пожаромъ, искренно думали служить пользѣ и благу своихъ отечествъ. Эти дѣятели, несомнѣнно, въ тотъ роковой часъ, и раньше, во всѣ года, этотъ часъ подготовлявшіе, совершили великую глупость и, думая о пользѣ государства, служили ему, какъ Крыловскій медвѣдь, въ любовномъ усердіи размозжившій черепъ своему другу-пустыннику, желая его избавить отъ назойливой мухи.

Но, по нашему глубокому убѣжденію, эти . . . неумные дѣятели были сами пѣшками въ сѣти сложной, міровой интриги.

которой руководили не только не глупые, но почти геніальные дѣятели, если только возможно допускать существованіе генія во злѣ . . .

Это были руководители еврейско-масонской политики, имѣвшей прямой, очередной своей, цѣлью разрушить какъ Россію, такъ и Германію. Ибо тайной, могущественной организаціей, вотъ уже три столѣтія, съ болѣе или менѣе долгими перерывами, владычествующей надъ общимъ ходомъ Исторіи, казалось, что время пришло для ниспроверженія трехъ, неразрывно связанныхъ съ Церковью Христовой, Императорскихъ Престоловъ, чтобы очистить и подготовить мѣсто для новаго этапа поступательнаго движенія еврейства къ міровому господству.

Обыкновенно принято думать, что евреи являются естественными, прирожденными противниками монархическаго принципа; но это есть большая ошибка. Властный, деспотическій, тиранически характеръ еврея, при его постоянномъ стремленіи къ подавленію и искорененію всего, инако думающаго и чувствующаго, чѣмъ онъ, склоняетъ его, наоборотъ, къ утвержденію и упроченію наиболѣе сильной, крутой и дѣйственной власти, вполнѣ могущей соотвѣтствовать наиболѣе грубому и рѣзкому, извращенному выраженію того же монархическаго начала, которое, въ одухотворенномъ и гуманитарномъ его значеніи, есть вѣрнѣйшее обезпеченіе правды и справедливости на землѣ.

Если многіе троны многихъ Государей Европы падали подъ дѣйствіемъ еврейскаго подкопа, то только потому и только тогда, когда эти троны опирались на христіанско — религіозные устои. Церковь Христіанская, Ученіе Божественнаго Спасителя нашего, Іисуса Христа — вотъ тотъ врагъ, противъ котораго слѣпо — фанатически, съ изувѣрской жестокостью и безпощадной послѣдовательностью, ведетъ еврейство свою неустанную, вѣковѣчную борьбу.

Противъ идеи монарха, насколько она не является помѣхой въ осуществленіи ихъ спеціальныхъ цѣлей, евреи ничего не имѣютъ. Примѣромъ можетъ служить Англія, трехсотлѣтняя союзница масонства. Именно при ея содѣйствіи, полюбовнымъ соглашеніемъ, раздѣленіемъ и единеніемъ вліяній, достигло своей колоссальной власти масонство, являющееся только ширмой, за которой скрытно дѣйствуетъ верховный совѣтъ еврейскаго всемірнаго союза.

Въ Англіи, до самаго предпослѣдняго времени, сохранились старыя формы быта, въ лицѣ короля, правда, лишеннаго дѣйственной власти, и высшей аристократіи страны, правда, настолько сроднившейся и перемѣшавшейся, по крови, съ еврействомъ, что въ настоящее время у нѣкоторой части гордыхъ англійскихъ

лордовъ благородная, „голубая" кровь арійской расы почти вся вытѣснена страстной, фанатической и упорной кровью іудейской.

Вспоминается мнѣ характерный разсказъ одного англичанина, занимавшаго въ Петербургѣ офиціальное положеніе. Онъ разсказывалъ мнѣ про одного лорда, представителя славнаго, стариннаго рода, почетно отмѣченнаго исторіей Англіи.

По его словамъ, этотъ лордъ формально, по бумагамъ, числится христіаниномъ, ибо ему было бы, въ общественномъ смыслѣ, очень неудобно публично отказаться отъ религіи своихъ предковъ. Но онъ сынъ, внукъ и мужъ евреекъ и совершенно слился съ еврейскимъ народомъ, такъ что дома, въ интимномъ кругу семьи, онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру и выполняетъ всѣ ея обряды.

Передаю этотъ разсказъ, какъ его слышалъ отъ человѣка, внушающаго полное довѣріе; но не могу, разумѣется, поручиться за его достовѣрность. Во всякомъ случаѣ, этотъ разсказъ очень ярко иллюстрируетъ и характеризуетъ то значеніе, которое получили евреи въ странѣ, имѣющей какую то таинственную связь съ масонствомъ. И масонство помогаетъ своимъ союзникамъ (конечно, и само пользуется ихъ услугами) преуспѣвать, до поры-до времени, во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, обогащаться и рости на счетъ всѣхъ другихъ народовъ, совершенно подобно тому, что продѣлывается евреями и для самихъ себя.

На примѣрѣ Россіи и претерпѣнной ею горькой участи можно наглядно убѣдиться въ тѣсномъ единеніи Англіи какъ съ еврействомъ вообще, такъ и съ масонствомъ въ частности.

Русскій народъ взбунтовался, подъ дѣйствіемъ чужихъ и чуждыхъ вліяній, но подъ маской національныхъ лозунговъ. Ибо очень интересно отмѣтить, что съ объявленіемъ войны всѣ революціонеры превратились вдругъ въ завзятыхъ націоналистовъ (въ томъ числѣ и евреи!), и волненія, происходившія передъ войной, сразу утихли. Тутъ видна была чья то рука, управлявшая всѣмъ еще въ то время, съ самаго начала войны и въ періодъ, ее подготовившій. И та же рука въ 1917 году подарила Россіи февральскій переворотъ.

У Россіи числятся четыре врага.

Первый — это мы сами, Русскіе. Объ этомъ нечего говорить — всѣмъ понятно.

Второй врагъ — масонство. Извѣстно, что вожди революціи, отъ кадетской партіи и до вождей большевизма, состоятъ въ масонствѣ: Винаверъ, Львовъ . . . Ленинъ и Троцкій.

Третій врагъ — еврейство, связанное съ масонствомъ.

Кто же четвертый врагъ? Не всѣ, къ сожалѣнію, имѣютъ о немъ ясное представленіе, хотя и многіе съ опаской озираются на „просвѣщенныхъ мореплавателей".

Но почти никто не знаетъ о томъ, что въ Лондонѣ существуетъ особое агитаціонное учрежденіе для проведенія политическихъ цѣлей. Это учрежденіе, до войны, получало отъ англійскаго правительства 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Въ бюджетѣ англійскаго правительства эти деньги значатся подъ статьей, но ни въ Верхней, ни въ Нижней Палатахъ никогда и никѣмъ, ни справа, ни слѣва, министру финансовъ не дѣлалось запросовъ. Это учрежденіе помѣщается на Southhampton Court Street, 112. (Нарочно сообщаю адресъ, чтобы читатели могли провѣрить.)

Это учрежденіе, въ которомъ почти всѣ служащіе — англизированные евреи, всемѣрно поддерживаетъ различныя революціонныя движенія и обильно ихъ субсидируетъ.

Вотъ, значитъ, кто четвертый врагъ Россіи, ея исконный, заклятый врагъ. Въ тѣсной связи между собою, три послѣднихъ врага и вызвали войну.

При этихъ условіяхъ полнаго торжества и преобладанія, евреи, традиціонные революціонеры, обыкновенно становящіеся развратителями принявшаго ихъ къ себѣ народа и губителями государственной мощи во всѣхъ странахъ, гдѣ эти паразиты обитаютъ, совершенно мѣняютъ свою политику и становятся поборниками и защитниками государственнаго строя, подпадающаго подъ ихъ вліяніе.

Нѣтъ! Дѣло заключается вовсе не въ той или другой формѣ государственнаго строя, а именно въ ненавистной еврею Христіанской Церкви. Онъ уже ненавидитъ ее часто безсознательной, инстинктивной ненавистью, не всегда отдавая себѣ отчетъ въ томъ. Такъ, въ теченіе столѣтій, былъ воспитанъ народъ вождями своими, тѣми книжниками и фарисеями, которымъ такъ доставалось отъ Спасителя нашего, обличавшаго ихъ за лицемѣріе, за черствость окаменѣлаго сердца, за фанатическую нетерпимость, за самомнѣніе и за мертвую букву закона, которой они слѣпо служили . . .

Спора нѣтъ, что республиканскій строй, въ настоящей стадіи еврейской борьбы, является для евреевъ наиболѣе подходящимъ и пріемлемымъ, наилучше способствующимъ легкости вліянія и проникновенія къ власти и руководительству: ибо въ Монархіи, создавшейся по завѣтамъ и традиціямъ Христіанской культуры, почти всегда сохраняются влеченіе къ Церкви и стремленіе въ ней находить опору и руководство для Державнаго Правленія.

Но, какъ повѣствуютъ и разоблачаютъ „Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ" и нѣкоторые другіе тайные документы, случайно ставшіе извѣстными христіанамъ, — евреи, по чаемомъ ими окончательномъ торжествѣ, мечтаютъ учредить именно монархію-деспотію, въ лицѣ монарха-еврея, не ограниченнаго

никѣмъ, кромѣ тайнаго верховнаго іудейскаго совѣта, властителя вселенной.

Иногда бываетъ чрезвычайно интересно поговорить съ евреями, или вѣрнѣе послушать, что они говорятъ. Но не съ образованными евреями, яко бы космополитическихъ воззрѣній, писателями, учеными, адвокатами, врачами, вообще представителями „свободныхъ профессій“, какъ у насъ раньше выражались: эти евреи любятъ себя выставлять большими „джентльменами“ умѣренно либеральной складки, „свободными мыслителями“, и очень осторожно обходятъ щекотливые вопросы спеціально еврейской національности.

Интересны евреи полу-образованные, изъ неудавшихся гимназистовъ, и совсѣмъ необразованные, наивно самодовольные и часто глуповатые, съ апломбомъ повторяющіе, какъ попугаи, внушенныя имъ и политическія, и философскія, и житейскія мысли.

Изъ разговоровъ съ такими евреями можно вынести любопытные и характерные впечатлѣнія и выводы. Какъ разъ теперь, послѣ революціи, особливо интересны этой категоріи русскіе евреи, бѣжавшіе отъ погромовъ въ Германію, не сочувствующіе большевикамъ, но вздыхающіе по „золотому времени“ Керенскихъ, „бабушекъ“, Черновыхъ и проч.

Этотъ сортъ еврейчиковъ сталъ чрезвычайно общительнымъ, разговорчивымъ, развязнымъ и фамильярнымъ (еще бы — послѣ своего торжества!) и, даже, „пламенно“ настроеннымъ въ патріотическомъ духѣ по отношенію къ Россіи, къ нашей Родинѣ, которую теперь и они упорно хотятъ считать и своею родиной, меланхолически и слащаво закатывая глаза при упоминаніи о ней. Почти каждый изъ нихъ не упускаетъ случая завести разговоръ съ Русскимъ, при случайныхъ встрѣчахъ на улицѣ, въ магазинахъ и гостинницахъ Берлина, гдѣ они за послѣдніе годы такъ размножились, что бывшая гордая столица бывшей Германской Имперіи справедливо можетъ быть названа еврейскимъ городомъ.

„Вы, я вижу, Русскій?“ — узнавъ вашу національность, заговариваетъ обыкновенно какой нибудь словоохотливый, добродушно назойливый и нахальный жидокъ: „какъ пріятно встрѣчаться на чужбинѣ съ соотечественникомъ“ . . .

На эту entrée en matière обыкновенно отвѣчаешь „землику“ двусмысленной улыбкой и ждешь дальнѣйшаго изъясненія чувствъ „патріота своего отечества“.

„Когда же мы съ Вами снова въ нашу дорогую Россію попадемъ?“ — продолжаетъ собесѣдникъ: „Вы не можете себѣ и представить, какъ я по Россіи соскучился. Только бы поскорѣе одолѣть этихъ проклятыхъ большевиковъ, и вернуться домой“, — чувствительно мечтаетъ „землякъ“, между двумя

выгодными гешефтами рѣшившій отдаться чувству душевнаго размягченія.

,Что это вы такъ строго относитесь къ большевикамъ?" — отвѣчаешь ему наконецъ: „вѣдь, это же все ваши самые настоящіе сородичи и земляки. Да притомъ же, они являются прямыми продолжателями тѣхъ первыхъ революціонеровъ, которые шли съ Керенскимъ, и которыхъ вы такъ радостно привѣтствовали".

,Ахъ оставьте, пожалуйста. Мы этихъ шарлатановъ-большевиковъ совсѣмъ признавать не хотимъ, тѣмъ болѣе, что они съ самаго начала стали дѣйствовать противъ общихъ еврейскихъ желаній. Развѣ вы не знаете, что наши самые уважаемые евреи ихъ предупреждали, что мы ихъ направленію не сочувствуемъ. Но они никого не хотѣли слушать . . .

А что и при началѣ революціи многое неправильно дѣлалось, — такъ это правда. Вы думаете, мы, евреи, не жалѣемъ Николая?[1]) Съ нимъ ужъ слишкомъ жестоко поступили . . .

Мы, собственно говоря, противъ монархіи ничего не имѣемъ, и Николай могъ бы царствовать, еслибъ далъ евреямъ равноправіе.

Онъ самъ виноватъ, что окружилъ себя такими совѣтниками, которые плохо ему говорили про евреевъ; а главное — не надо было поповъ слушаться. На монархію мы, евреи, согласны, чтобы было какъ въ Англіи; но мы не хотимъ поповъ. Православная церковь развращаетъ народъ".

,Скажите, пожалуйста," — спросишь его: „вы также противъ синагогъ и раввиновъ?"

„А почему противъ синагогъ? Пускай себѣ существуютъ. Какъ сами понимаете, господинъ, я, какъ образованный человѣкъ, не вѣрю въ Бога: я — атеистъ. Но есть много евреевъ, которые вѣрятъ; такъ какъ же можно отнимать у нихъ синагоги! Мы стоимъ за вѣротерпимость."

„А отчего же вы, въ своей вѣротерпимости, дѣлаете исключеніе для двухсотмилліоннаго православнаго русскаго народа, когда говорите, что не хотите ему оставить его Церкви, ему то, народу-хозяину на своей землѣ?"

„Да вѣдь православная церковь теперь уже никому не нужна. Русскій народъ уже настолько развился, что среди него осталось очень мало вѣрующихъ людей. Такъ зачѣмъ ему церковь? Только для того, чтобы кормить дармоѣдовъ-поповъ, которые обираютъ народъ и занимаются только доносами и кляузами. Они — очень вредные люди и только поддерживаютъ народныя суевѣрія".

[1]) Приходится держаться стиля этихъ господъ, такъ коробящаго слухъ и такъ колющаго сердце, когда они говорятъ, самодовольно-снисходительно, о Государѣ Императорѣ.

„Я бы хотѣлъ, чтобы ваши евреи не больше обирали народъ — чѣмъ это дѣлали наши священники, какъ вы увѣряете: тогда Россія не была бы въ конецъ разворена и не терпѣла бы тѣхъ бѣдствій, какія терпитъ" . . .

Такіе, или приблизительно такіе, разговоры мнѣ привелось вести въ Берлинѣ со многими жидками, не въ мѣру для собственной пользы болтливыми и наивными. Они не понимали, что выдаютъ себя съ головой: то, что въ кровь и плоть всосалось въ нихъ, что они восприняли путемъ постоянной тренировки ихъ мозговъ; тѣ заученныя фразы, которыя они вдолбили въ себя, даже не понимая ихъ глубокаго, рокового, зловѣщаго смысла, они простодушно выкладываютъ первому встрѣчному, лишній разъ подчеркивая тотъ пространный обвинительный актъ, который въ умѣ русскаго народа медленно и постепенно, но неопровержимо и послѣдовательно вписывается въ памяти о злобныхъ паразитахъ, замучившихъ его страну.

Ненависть къ Церкви Христовой и къ Вѣрѣ Христовой — вотъ главный стимулъ, руководящій евреями во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Если они такъ глубоко ненавидѣли нашихъ Государей, и если эта ненависть выразилась въ лютыхъ преслѣдованіяхъ и нравственныхъ истязаніяхъ какъ Государя Императора Николая Александровича, такъ и всей Его Августѣйшей Семьи, то главнымъ образомъ потому, что они отлично чувствовали и понимали, насколько въ неразрывномъ единеніи пребывалъ нашъ Государь съ Церковью, какимъ глубоко религіознымъ человѣкомъ Онъ былъ, и какъ ясно отдавалъ Себѣ отчетъ въ грозныхъ опасностяхъ, которыя Его народу готовились отъ усиленія народа еврейскаго.

У насъ они проявляютъ свою жгучую ненависть, свои преслѣдованія и нетерпимость — къ Церкви Православной. Во Франціи и Австріи, Италіи и Испаніи и т. д. — къ Римско-Католической Церкви. Если къ Протестантской Церкви они относятся терпимѣе и даже охотно къ ней присоединяются изъ разныхъ практическихъ соображеній, то только потому, что эта Церковь, какъ христіанская, уже разложилась, подъ ихъ вліяніемъ; что атеизмъ широко распространился среди исповѣдующихъ эту религію, и что большинство протестантскаго духовенства представляетъ собой уже исповѣдниковъ какого то туманнаго деизма, а никакъ не Христіанства.

Мнѣ, пожалуй, могутъ возразить, что я ошибаюсь, полагая возможнымъ, чтобы для евреевъ религіозныя побужденія могли быть сильными и вліятельными двигателями ихъ поступковъ и дѣйствій. Мнѣ возразятъ, что среди самихъ евреевъ наблюдается въ громадномъ количествѣ отпаденіе отъ своей вѣры въ сторону равнодушія или прямого атеизма. Да и соціа-

лизмъ, выдвинутый евреями какъ могучее орудіе борьбы и приближенія къ ихъ специфическимъ цѣлямъ, въ основныхъ положеніяхъ своихъ отрицательно относится къ религіознымъ вопросамъ какой бы то ни было вѣры, хотя и тщательно избѣгаетъ, въ отношеній іудейства, ставить точки на „і" и спеціально упоминать іудейскую вѣру.

Все это я знаю. Знаю, что число атеистовъ среди евреевъ очень велико. Но я не берусь разбираться въ этомъ вопросѣ, который могъ бы слишкомъ далеко отвлечь насъ. Я только удостовѣряю многочисленные случаи, когда можно было наблюдать страстную ненависть еврея къ Христіанской Вѣрѣ и большую снисходительность къ своей. Можетъ быть, руководители еврейства не такъ атеистичны (сатанизмъ не есть атеизмъ) и не такъ отошли отъ своихъ вѣрованій, какъ ведомое ими стадо? Можетъ быть, въ этомъ случаѣ проявляются атавистическіе отзвуки давно отжитыхъ временъ?

Не берусь разрѣшить этотъ вопросъ и совѣтую читателямъ, сомнѣвающимся въ правильности моей точки зрѣнія, искать разъясненій въ книгѣ Нилуса о „Сіонскихъ Мудрецахъ" и въ капитальномъ трудѣ Шмакова объ евреяхъ и еврействѣ.

Предвижу, пожалуй, еще возраженіе, а можетъ быть и недоумѣніе нѣкоторыхъ читателей. Можетъ быть, кто либо, мало посвященный въ дебри политической и общественной жизни и незнакомый съ тайными вліяніями, властно руководящими этой жизнью, — подумаетъ, что я отвлекаюсь отъ поставленной себѣ задачи, такъ много страницъ этого труда посвящая вопросамъ масонства и еврейства. Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться.

Этотъ трудъ посвященъ описанію и запечатлѣнію въ памяти всѣхъ несказанныхъ страданій, скорбей и мукъ, которыя пришлось перенести нашему Мученику Государю и Его Семьѣ.

Путь Скорби выпалъ на долю Государя какъ прямое послѣдствіе революціи; а революція подготовлена, создана и приведена въ дѣйствіе евреями и ихъ вѣрными союзниками и агентами — масонами. Такъ нельзя же, говоря о Жертвѣ, не говорить и о тѣхъ, кто является главнымъ виновникомъ совершеннаго: поэтому я думаю, что моя тема меня обязываетъ подробно останавливаться, попутно съ ходомъ моего изложенія, на палачахъ и насильникахъ Царскаго Престола и Россіи.

Люди такъ слѣпы, такъ упорно неподатливы въ своемъ невѣдѣніи тайныхъ организацій, творящихъ сатанинскую работу развращенія и разложенія всего Христіанскаго Міра, что мнѣ кажется необходимымъ, при каждомъ случаѣ, указывать на страшную опасность, намъ угрожающую, всегда надъ нами повисшую, какъ Дамокловъ мечъ.

Когда то Дарій, Персидскій царь, послѣ первой своей неудачи, когда его войска и флотъ были разбиты Мильтіадомъ, требовалъ, чтобъ ежедневно, за обѣдомъ, ему напоминали объ опасности, какую для его могущества представляла Греція, стереотипной фразой: „Царь, помни объ Аѳинянахъ". Такъ точно теперь надо постоянно напоминать легкомысленнымъ и поверхностнымъ людямъ объ опасномъ и лютомъ врагѣ, подстерегающемъ насъ и угрожающемъ „египетскими казнями".

Вотъ почему, рискуя надоѣсть читателямъ своими повтореніями, я все же возвращаюсь всегда къ этому современному бичу нашей государственности и общественности.

„Cherchez la femme!" — говорятъ нѣкоторые, убѣжденные, что въ каждомъ преступленіи или вообще необычномъ происшествіи жизни человѣческой — прямымъ ли или косвеннымъ поводомъ къ совершенію того или другого поступка должна быть женщина.

„Cherchez le juif!" — говоримъ мы, разбираясь въ различныхъ политическихъ и общественныхъ нестроеніяхъ, неурядицахъ, бѣдствіяхъ и буряхъ.

Люди не хотятъ намъ вѣрить; принимаютъ за сказки самыя неопровержимыя свѣдѣнія о таинственныхъ, скрытыхъ вліяніяхъ масонства. Этому вопросу они упрямо противятся придавать какое либо значеніе. Какъ разъ обратныя такому отношенію, особыя подозрительность и пристрастіе, несомнѣнно подъ масонскимъ вліяніемъ, проявлялись въ прошломъ XIX вѣкѣ въ отношеніи всего, касавшагося іезуитовъ. Тогда въ Европѣ наблюдалась склонность всѣ несчастья, политическія преступленія и чрезвычайныя происшествія общественной жизни приписывать интригамъ членовъ Ордена Іисуса. Между тѣмъ, іезуиты, въ сущности, представляютъ собой совсѣмъ не то, что въ нихъ хотѣли и еще хотятъ видѣть ярые „антиклерикалы", которые подъ неопредѣленнымъ, расплывчатымъ лозунгомъ „борьбы съ клерикалами" скрываютъ свои истинныя, непосредственно враждебныя Церкви, чувства и дѣйствія.

И вотъ, значитъ, почему и для чего я отвлекся отъ описанія того времени, когда начиналась война, и вся Россія была охвачена патріотическимъ воодушевленіемъ и надеждами, увы — насъ такъ беспросвѣтно обманувшими.

Государь не хотѣлъ войны. Не только не хотѣлъ, но Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякой мысли о войнѣ, не находя достаточно серіозныхъ для Россіи историческихъ и государственныхъ основаній, чтобъ идти по тому роковому и отвѣтственному пути, который можетъ быть избранъ только въ случаяхъ крайней, безисходной необходимости, когда

достоинство государства или его жизненные, основные интересы не оставляютъ правителю другого выбора.

Такъ и смотрѣлъ на этотъ вопросъ Государь Николай Александровичъ, во все продолженіе Своего 23-лѣтняго Царствованія ни разу не уклонившійся отъ началъ миролюбія, завѣщанныхъ ему Его Державнымъ Родителемъ. Японская война, такая же для Россіи ненужная и вредная, какъ и Германская, возникла помимо и противъ Его воли, по какому то тайному предначертанію все той же міровой интриги, внѣшней выразительницей которой была Англія, но сама служила орудіемъ высшаго, тайнаго судилища, захватившаго и закупившаго всѣ возможности влiять на судьбы государствъ и народовъ.

За годъ до послѣдней войны, когда казалось, что всѣ условія міровой политики, въ связи съ Балканскими кровавыми неурядицами, сложились такъ, что избѣжать міроваго пожара было невозможно, твердая рѣшимость Русскаго Императора всѣми мѣрами содѣйствовать поддержанію спокойствія и выдержки и избѣжанію Европейской войны — сдѣлала то, что удалось спасти міръ отъ взрыва порохового погреба, ужъ было сплошь охваченнаго огнемъ.

Мало кто сознаетъ и помнитъ, что Европа въ 1912 году всецѣло была обязана нашему Государю тѣмъ, что бѣдствія, ниспосланныя 1914 годомъ, были въ послѣдній разъ предотвращены благостнымъ правленіемъ несчастнѣйшаго и благороднѣйшаго Монарха. Тогда въ послѣдній разъ Русское Государево Дѣло смогло одержать верхъ надъ натискомъ силъ сатанинскаго наважденія.

По этому поводу, въ растроганной памяти возстаетъ воспоминаніе о незначительномъ, съ точки зрѣнія большихъ событій, но характерномъ эпизодѣ.

Въ самомъ началѣ лѣта (или поздней весной) 1913 года, возвратясь изъ двухдневной поѣздки въ Берлинъ, Государь Императоръ разсказывалъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ Имъ отъ этой поѣздки, одному заслуженному, старому генералу, кажется, старѣйшему изъ всѣхъ, жившихъ въ то время, и нынѣ уже покойному.[1])

„Я вернулся домой“, — говорилъ Государь, — „въ очень хорошемъ настроеніи и остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ. Прежде всего, пріемъ, оказанный мнѣ Императоромъ Вильгельмомъ, меня глубоко тронулъ.

Надо ему отдать справедливость, что онъ всегда умѣетъ очаровать своихъ гостей удивительной чуткостью и деликатностью чувствъ и такимъ вниманіемъ, такой заботливой предупредительностью и отзывчивостью, что уѣзжаешь отъ него

---

[1]) Генералъ-отъ-кавалеріи Викторъ Федоровичъ Винбергъ.

всегда съ особенно свѣтлыми впечатлѣніями, вынося полное удовлетвореніе отъ общенія съ нимъ.

И въ этотъ разъ было тоже самое, но только съ тою разницей, что, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, — давало себя чувствовать особенно сердечное и дружественное отношеніе его ко мнѣ.

Въ особенности меня поразила одна подробность. Когда, вечеромъ, я вошелъ, въ отведенномъ мнѣ дворцѣ, въ свою спальню, чтобы ложиться спать, я увидѣлъ въ углу икону Св. Николая Чудотворца, съ теплившейся лампадкой, совсѣмъ какъ у насъ въ Россіи, а на столѣ стояли портреты всей моей семьи.

Такимъ теплымъ, сердечнымъ вниманіемъ я былъ растроганъ почти до слезъ: эта мелкая, интимная подробность, доказавшая личную, обдуманную и душевную заботливость Императора Вильгельма, была такой цѣнной, милой и трогательной...

„А затѣмъ „— прибавилъ Государь:“ не менѣе, чѣмъ отъ дружбы и вниманія, проявленныхъ Императоромъ, я сохранилъ глубоко отрадное впечатлѣніе отъ той встрѣчи, которую мнѣ оказали Берлинскіе жители. Долженъ сказать, что они и всегда бывали очень радушны ко мнѣ; но въ этотъ разъ я подмѣтилъ особенную горячность и искренность всѣхъ овацій и встрѣчъ, которыми они привѣтствовали своего Русскаго Гостя.

Отъ этого пріема я сохраняю чувство большого удовлетворенія, такъ какъ мнѣ показалось, что въ сердечныхъ чувствахъ ко мнѣ Берлинскаго населенія сказываются признаки благодарности за то, что я такъ много усилій положилъ на предотвращеніе европейской войны.

Можетъ быть, „— замялся Государь, по свойственной Ему скромности — и блеснулъ на собесѣдника лучистымъ взоромъ Своихъ невыразимо чарующихъ, всегда печальныхъ, глазъ — „можетъ быть, я придаю себѣ въ данномъ случаѣ слишкомъ много значенія; но мнѣ кажется, что эту благодарность я въ нѣкоторой части и заслужилъ“.

Какъ и Императоръ Николай Александровичъ, не хотѣлъ войны и Императоръ Вильгельмъ: оба Вѣнценосца считали возможнымъ Своей объединенною волей предотвратить міръ отъ надвигавшейся грозы. Они забыли, или, можетъ быть, и не знали, что Ихъ Воля была въ то время уже обойдена, окручена и скручена всесвѣтной интригой еврейско — масонскаго заговора. Они не знали, оба Вѣнценосца, что Сами Они подпали уже подъ неотразимую власть развертывавшихся событій.

Не знали и не понимали дѣйствительности и многочисленныя, вліятельныя группы русскихъ и германскихъ политическихъ и политиканствующихъ дѣятелей, также бывшихъ игрушками въ рукахъ судьбы, руководимой злѣйшими врагами

тѣхъ странъ, въ которыхъ шовинисты мнили облагодѣтельствовать свои отечества безразсуднымъ бряцаніемъ оружія.

Многое знала и предвидѣла Англія; но, разумѣется, далеко не все: знала то, что полагалось ей знать.

Въ самомъ началѣ войны разсказывали слѣдующаго рода версію о послѣднихъ до войны переговорахъ между Германіей и Англіей.

Когда русская мобилизація, очень странно, загадочно выскочившая на политическую сцену, слишкомъ поспѣшно, помимо и противъ желанія Государя, — заставляла Императора Вильгельма принимать крайнее рѣшеніе, Онъ, будто бы, запросилъ Англію о позиціи, которую приметъ это государство въ случаѣ Его войны съ Россіей и Франціей.

Говорятъ, что, еслибъ Императоръ Германскій зналъ, что и Англія приметъ въ войнѣ участіе, Онъ пошелъ бы на отчаянныя средства для улаженія конфликта. Но Англія, будто бы, отвѣтила успокоительно: ни изъ за Франціи, молъ, ни изъ за Россіи — Великобританія воевать не будетъ. Но, — будто бы, — уже позже, далъ разъясненіе одинъ изъ англійскихъ министровъ: „мы уже тогда знали, что Германія нарушитъ неприкосновенность границъ Бельгіи. А изъ за Бельгіи мы не обѣщали уклониться отъ участія въ войнѣ".

Въ Германіи желала войны, преисполненная надменности и самомнѣнія, военная партія, мечтавшая объ имперіалистическихъ замыслахъ, о всесокрушающемъ могуществѣ Прусскаго милитаризма, но занятая и болѣе существенной заботой о трагической необходимости колонизаціи, въ связи съ небывало могучимъ ростомъ германской промышленности и торговли.

Люди этого склада мыслей восторженно и многозначительно распѣвали свою традиціонную пѣсню: „Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt". Они забывали, къ сожалѣнію, или вѣрнѣе не понимали, что эта прекрасная, вдохновенная пѣсня только тогда можетъ быть спѣта съ полнымъ успѣхомъ и въ полной гармоніи, когда, для ея исполненія, соединятся два хора, два объединенныхъ и дружныхъ народа, Германскій и Русскій; и тогда они ее будутъ пѣть съ нѣкоторымъ измѣненіемъ или, вѣрнѣе, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ. Будетъ тогда звучать эта пѣсня слѣдующимъ образомъ: „Rußland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!"

И тогда, подъ вдохновляющіе аккорды этой пѣсни, оба народа найдутъ свое настоящее призваніе и обрѣтутъ всечеловѣческое, великодушное и благостное стремленіе къ „Миру всего Міра", о которомъ неустанно, но до сихъ поръ необыточно, молится Христіанская Церковь.

Но этотъ хоръ еще былъ бы неполонъ и не могъ бы всецѣло обезпечить за собой того міровою значенія, о которомъ я только

что упомянулъ, еслибъ къ нему не присоединился третій голосъ — Страны Восходящаго Солнца.

Такимъ образомъ, я проповѣдую для моей Родины союзъ съ тѣми двумя народами, съ которыми Россія, на уклонѣ своей нынѣ павшей (но временно) государственности, такъ неудачно воевала.

Оттого то она такъ неудачно и воевала, оттого то и претерпѣла такія, сначала малыя, а затѣмъ непомѣрно большія, бѣдствія (послѣдствія „Великаго“ и „Малаго“ Заговоровъ), что она, въ Государевомъ Дѣлѣ своемъ, пошла противъ Исторіи, противъ завѣтовъ своихъ и предначертаній; пошла по пути, желательному и выгодному злѣйшимъ врагамъ ея.

„Дѣлай обратное тому, что хочетъ твой врагъ тебя заставить дѣлать“: вотъ правило, котораго надо держаться и въ жизни частной, личной, и въ жизни объединенной, политической и общественной. Насъ враги толкнули сначала на войну съ Японіей, а затѣмъ на войну съ Германіей. Много бѣдъ мы натерпѣлись отъ этихъ войнъ. Выводъ ясенъ: вотъ два народа, съ которыми народъ русскій долженъ быть въ тѣсномъ союзѣ, чтобы вѣрнѣйшимъ путемъ обезпечить свои завѣтные идеалы и стремленія и осуществить историческое призваніе свое.

Не одна германская военная партія хотѣла войны. Плотоядно и алчно мечтали о ней и разные банковскіе дѣльцы, предвкушавшіе великіе барыши, во главѣ съ еврейскими банкирами, получавшими на этотъ счетъ особенныя предписанія изъ „высшихъ инстанцій“, и вмѣстѣ съ тѣми крупными и мелкими аферистами и жуликами, которые нынѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ „шиберовъ“, такъ много обогатившихся войной, и тѣмъ паче обогащающихся революціями.

И въ Россіи была военная партія, самоувѣренно и „побѣдоносно“ мечтавшая о войнѣ съ Германіей. Состояла она изъ небольшой группы генераловъ, къ сожалѣнію, на несчастье Россіи, бывшей въ то время вліятельной и авторитетной. Эти генералы принадлежали почти исключительно къ русскому генеральному штабу, извѣстному у насъ подъ названіемъ „Чернаго Войска“, покрывшаго себя такимъ несмываемо грязнымъ, чернымъ позоромъ, удивившаго міръ своей, изъ ряда вонъ выходящей, бездарностью, убожествомъ умственнымъ, нравственнымъ и духовнымъ и, — что ужаснѣе всего, — потрясающими душу предательствомъ, измѣной, безчестнымъ забвеніемъ священныхъ завѣтовъ воина и его неразрывно связывающей, но духовно возвышающей, вѣрности данной Присягѣ.

Какъ образчикъ того легкомыслія, съ которымъ группа этихъ генераловъ относилась къ ихъ излюбленной мысли о

войнѣ съ Германіей, приведу характерный эпиводъ и ручаюсь за его достовѣрность, такъ какъ я въ немъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Насколько помню, случилось это въ 1906 или 1907 году. Я былъ еще Штабсъ-Ротмистромъ Лейбъ Гвардіи Уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка.

Въ то время было у насъ положеніе, что одинъ разъ въ недѣлю, по очереди въ одномъ изъ офицерскихъ собраній полковъ нашей Дивизіи (2-ой Гвардейской Кавалерійской), собирались всѣ офицеры дивизіи, и кто либо изъ насъ дѣлалъ сообщеніе на какую-нибудь военную тему. Пришлось такое сообщеніе дѣлать и мнѣ: какъ говорили, оно оказалось удачнымъ и интереснымъ.

Я говорилъ о воспитаніи солдата и, между прочимъ, упомянулъ о Германіи и о германскомъ солдатѣ; кстати, вспомнилъ близость и духовное родство обѣихъ армій и высказалъ мнѣніе о необходимости, ради взаимной пользы обѣихъ странъ, тѣснаго сближенія Россіи и Германіи.

По окончаніи моей лекціи, Начальникъ Дивизіи, Генералъ Брусиловъ (будущій Главнокомандующій), высказалъ мнѣ самый лестный отзывъ, но замѣтилъ, что совершенно несогласенъ со мной относительно взаимныхъ отношеній нашихъ съ Германіей.

„Вы, я знаю", — говорилъ генералъ, — „являетесь упрямымъ сторонникомъ Русско-Германскаго Союза. До нѣкоторой степени, я готовъ согласиться съ Вами, но однако съ оговоркой, что этотъ союзъ можетъ состояться не раньше, какъ послѣ того, что мы сломимъ военное могущество Германіи.

Наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ оставили горькій осадокъ на національномъ самолюбіи. Этотъ осадокъ надо уничтожить какой нибудь побѣдоносной войной. Поэтому война въ ближайшемъ будущемъ намъ необходима; и наиболѣе выгоднымъ для насъ будетъ воевать съ Германіей.

Вы должны понимать, что цивилизація въ каждомъ народѣ развивается въ ущербъ воинственности его. Это мы, болѣе цивилизованная (?) нація, испытали въ войнѣ съ націей Азіатской, менѣе цивилизованной, чѣмъ мы (Японцы то — въ сравненіи съ нашими революціонными „обезьянами").

Война же съ Нѣмцами, слишкомъ утонченными и изнѣженными, вслѣдствіе своей большой культурности, сулитъ намъ быстрый и рѣшительный успѣхъ, такъ какъ Нѣмцы, несмотря на свою образцовую организацію и дисциплину, несмотря на прекрасное вооруженіе, не выдержатъ, съ одной стороны, тягостей, трудовъ и лишеній походной жизни, а съ другой — неудержимаго натиска нашей доблестной Арміи: ибо нашъ

солдатъ, менѣе избалованный и изнѣженный культурой, окажется гораздо болѣе выносливымъ, стойкимъ и храбрымъ.

Такимъ образомъ, сравнительно дешевыми лаврами быстрыхъ побѣдъ, мы возстановимъ нашъ военный престижъ. А затѣмъ уже, послѣ заключенія мира, возможно, что и начнется сближеніе между обоими народами."

Насколько позволяли рамки воинской дисциплины, я не согласился съ убѣдительностью этого удивительнаго разъясненія, которое, если Алексѣй Алексѣевичъ Брусиловъ вспомнить о немъ, ему навѣрное захочется скорѣе вычеркнуть изъ памяти: теперь то, послѣ германскаго героическаго, сверхчеловѣческаго напряженія пятилѣтней войны, и подвиговъ, показанныхъ „чудо-рысаками" господина Керенскаго, смѣнившими былыхъ, незабвенныхъ нашихъ „Чудо-Богатырей!"

Кромѣ нѣкоторыхъ генераловъ (далеко не всѣ русскіе генералы были такъ наивны), стояло за войну и много способствовало ухудшенію нашихъ отношеній съ Германіей „Новое Время", которое состояло дѣятельнымъ и исполнительнымъ агентомъ Англіи, подъ громкимъ лозунгомъ русскаго націонализма и патріотизма.

Когда возстановится Россія, и снова появятся органы русской печати, не слѣдуетъ допускать, чтобы появлялось снова „Новое Время". Это названіе будетъ тревожить тяжелыми воспоминаніями: слишкомъ горькую память оставила умная, талантливая, но безнравственная газета вреднѣйшимъ вліяніемъ, которое она оказывала на русское общественное мнѣніе.

Кромѣ „Новаго Времени", желали войны господа Милюковъ и Гучковъ, не достаточно оцѣненные, по ихъ мнѣнію, неблагодарными современниками, и надѣявшіеся выдвинуться въ общей суматохѣ . . . И выдвинулись, и даже горе-министрами побывали!

Желали и многіе другіе общественные дѣятели, изъ членовъ „общественной говорильни", и другіе, болѣе или менѣе остроумные, Россіяне.

Особливо заинтересована была въ войнѣ кадетская партія: научившись пріемамъ революціонной подготовки страны на неудавшемся опытѣ Японской войны, члены этой бездарнѣйшей и подлѣйшей партіи, истинные, достойные представители нашей импотентной, но нагло самомнительной интеллигенціи, хотѣли на этотъ разъ „въ грязь лицомъ не ударить", какъ было раньше съ пресловутымъ „Выборгскимъ воззваніемъ", и, использовавъ войну для революціоннаго выступленія, добиться наконецъ того вліянія и значенія въ странѣ, о которыхъ уже такъ давно и съ такимъ вожделѣніемъ имъ мечталось.

За нѣсколько мѣсяцевъ до войны нѣкій политиканствующій представитель Петербургскаго высшаго общества, издатель

славянофильскаго Журнала, будучи въ Вѣнѣ, гдѣ встрѣтился съ Графомъ Бертхольдомъ, высказалъ Австрійскому министру, съ наглой откровенностью, слѣдующее: „намъ нужна война и она будетъ, ибо безъ нея намъ невозможно устроить въ Россіи революцію, которая намъ необходима".

На подмогу тщеславію и честолюбію кадетъ, съ неменьшими тщеславіемъ и честолюбіемъ, къ нимъ присоединились богатѣйшіе Московскіе купчики, которымъ отъ пресыщенія все пріѣлось въ жизни, даже битье зеркалъ въ трактирахъ и вкусъ ученыхъ поросятъ клоуна Дурова.[1]) Захотѣлось и имъ поиграть въ высшую политику. И вотъ кулаки-скопидомы ростовщической складки развернулись во всю ширь Замоскворѣцкой безтолковщины. Обыкновенно каждый изъ нихъ, когда онъ держитъ въ пальцахъ пять копѣекъ, то у него ноготь бѣлѣетъ. А тутъ они стали швырять свои милліоны на потребу подготовителей русской революціи, тѣхъ оголтѣлыхъ маніаковъ-идеологовъ и подлыхъ, безсовѣстныхъ космополитическихъ проходимцевъ, дѣломъ которыхъ Россія доведена до послѣдней грани позора, преступленія, страданія и паденія.

Ибо соціалисты, о которыхъ я и завелъ рѣчь, не менѣе кадетъ и купчиковъ хотѣли использовать войну для революціи, хорошо зная, что во время мира имъ невозможно было окончательно расшатать твердыню Всероссійскаго Престола и поколебать испытанную, былую доблесть старой Императорской Гвардіи, уложенной въ бояхъ Восточной Пруссіи, Галиціи и Польши, и подмѣненной преступными отбросами народа, такъ называемыми „товарищами".

Думаю, что ни революціонеры-кадеты, ни революціонеры-соціалисты, не знали, къ чему приведетъ Россію осуществленіе ихъ безсмысленно-злобныхъ, тупо-честолюбивыхъ мечтаній. За то знали и ясно учитывали конечные результаты начальники, друзья, сородичи Троцкихъ, Зиновьевыхъ, Урицкихъ и прочей жидовской своры, подготовленной для терзанія Россіи.

Какъ и въ Германіи, и даже болѣе, чѣмъ въ Германіи, желали войны и банковскіе дѣльцы, во главѣ съ еврейскими банкирами, какъ и въ Германіи изъ тѣхъ же высшихъ инстанцій получавшихъ предуказанія и директивы. И у насъ также, въ хвостѣ этой компаніи, шли аферисты и жулики, лихо использовавшіе народное бѣдствіе ради переполненія своихъ кармановъ.

Вакханаліей эксплуатаціи, грубой, безудержной наживы, воровства и грабительства казны, наши далеко оставили за собой нѣмецкихъ жуликовъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, во время

[1]) Я здѣсь вспоминаю случай, когда нѣкій богатый Московскій коммерсантъ, для шутки, купилъ у клоуна Дурова, за нѣсколько тысячъ рублей, его дрессированнаго поросенка и съѣлъ его.

войны, пока твердая власть стройной германской административной машины сдерживала ихъ хищническіе инстинкты, не осмѣливались на то, что продѣлывали у насъ и интеллигентные, и простонародные классы. У насъ уже во время войны началось безстыдное „шиберство", которымъ русская интеллигенція показывала наглядные примѣры будущимъ выступленіямъ красноармейцевъ. Эта интеллигенція горазда была развращать темный народъ громкими, ходульными либеральными фразами, отвращая его и отъ Бога, и отъ Царя, и отъ всѣхъ нравственныхъ, сдерживающихъ человѣка-звѣря, нормъ; за то въ практической жизни охулки на руку не клала и воровала съ увлеченіемъ, съ азартомъ, гдѣ только могла воровать.

Впрочемъ, и „богоносный народъ" не отставалъ отъ интеллигенціи еще въ то, дореволюціонное время. И ничего въ томъ удивительнаго нѣтъ: ученикъ дѣйствовалъ по примѣрамъ и образцамъ своихъ учителей. Ибо эта пошлая, бездарная, немощная, безпочвенная и безпринципная интеллигенція, за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, дѣйствительно взяла на себя роль учителя и наставника народа. О „бѣдномъ мужичкѣ" проливались сентиментальныя слезы слащаваго умиленія; приносились клятвы ему служить и его просвѣщать; въ дикомъ культѣ опрощались и нарочито грубѣли, чтобы больше походить на этого мужичка, и просвѣщали его . . . но такъ просвѣтили, что мужичокъ пресловутый всякое подобіе человѣческое потерялъ...

Въ такой характерной повадкѣ собственнаго опрощенія сколько сказалось дикой невѣжественности и тупого скудоумія у самихъ „просвѣтителей".

‚Простой народъ", къ которому пошла на поклонъ наша интеллигенція, оказался грубымъ, невѣжественнымъ, во многихъ отношеніяхъ дикимъ и наивнымъ, во многихъ продувнымъ, очень нечестнымъ, лѣнивымъ, лживымъ, иногда совсѣмъ аморальнымъ. Я говорю о массахъ, но не объ исключеніяхъ, на примѣрахъ которыхъ и создалась легенда о „народѣ-богоносцѣ".

Что же дѣлаютъ скудоумные „просвѣтители", натолкнувшись на такое явленіе?

Казалось бы — здравый смыслъ подсказываетъ, что дѣлать: всѣ силы и весь трудъ положить на то, чтобы уменьшить дѣйствіе этихъ отрицательныхъ факторовъ и стремиться къ поднятію культурнаго и нравственнаго уровня народа? Ничуть не бывало. Наши горе-просвѣтители, подлаживаясь къ простому, темному народу, сами возжелали на него походить и занялись своимъ „опрощеніемъ", что было и нетрудно, ибо сами они, въ отношеніи культуры и воспитанія, не такъ далеки были отъ первобытнаго хамства.

Эта картинка изъ жизни рисуетъ наглядно всю трагедію нашей революціи. Въ Англіи, напримѣръ, царственный харак-

теръ англо-саксонской расы, стремясь къ равноправному поднятію своему къ верхамъ жизни, сдѣлалъ, единоличными усиліями отдѣльныхъ гражданъ, то, что каждый устремился настолько себя въ культурномъ отношеніи развить и усовершенствовать, чтобы не зазорно было подняться до верхнихъ ступеней общественной лѣстницы. Каждый Англичанинъ не могъ, по желанію своему, сдѣлаться лордомъ. Но каждый могъ, работая надъ самимъ собой и преемственно, отъ поколѣнія къ поколѣнію, перенося свои стремленія, каждый могъ сдѣлаться джентльмэномъ: такимъ и былъ идеалъ каждаго Англичанина; таковъ и былъ духъ его эволюціи.

У насъ полу-звѣрь, не только невѣжественный и темный, но въ конецъ развращенный и потерявшій всякіе нравственные устои, оказался вполнѣ доволенъ самимъ собой и возжелалъ по образцу и подобію своему перестроить всю государственную жизнь и всѣ основы общественности, а потому — съ верхнихъ ступеней лѣстницы сталъ грубо сбрасывать ненавистныхъ „буржуевъ" внизъ, въ грязь и зловоніе своего невылазнаго хамства.

Вотъ и разница между народнымъ характеромъ русскимъ и англійскимъ, между революціей и эволюціей; между благородными, одухотворенными, идеалистическими устремленіями человѣчества вверхъ, къ недосягаемымъ, но манящимъ и зовущимъ къ себѣ мечтамъ возвышенныхъ, очищенныхъ идеаловъ, и между реалистическимъ барахтаніемъ въ доморощенной грязи низменныхъ помысловъ и низменныхъ вожделѣній, въ мелочныхъ, человѣконенавистническихъ чувствахъ зависти, злобы, корысти, на днѣ плотскихъ потребностей и плотскихъ побужденій. Одно, эволюція — знаменуетъ прогрессъ человѣчества; другое — революція, регрессъ, — и начинай тогда все сначала...

Параллельно съ этой идіотской, самоубійственной работой „просвѣтителей", русское правительство заводило школы и съ каждымъ годомъ дѣятельно расширяло свои просвѣтительныя задачи. Но русская интеллигенція; русское общество — не дремало и каждую школу норовило захватить въ свои руки, для своей спеціальной, своеобразной „просвѣтительной" дѣятельности.

Правительство стремилось воспитывать подростающія поколѣнія такъ, чтобы изъ каждаго русскаго гражданина создавать хорошаго Христіанина, честнаго вѣрноподданнаго и искренняго патріота. Это стремленіе было вполнѣ естественно и нормально; ибо, для эволюціи народной жизни по пути послѣдовательнаго выполненія очередныхъ государственныхъ задачъ, необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи соотвѣтственный матеріалъ, въ лицѣ народа-государственника, если еще не вполнѣ ясно сознающаго, то хотя бы предугадывающаго

смыслъ и значеніе своихъ, исторически сложившихся, государственныхъ основъ.

Но русское либеральное общество не дремало и зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы виды и намѣренія правительства не могли планомѣрно осуществляться.

Какова же была цѣль, которой это общество добивалось? Вѣроятно, та, какой и добилось съ торжествомъ правительствъ сначала Керенскаго и „бабушки", а затѣмъ Троцкаго и Ленина . . .

Какъ это ни было дико, но наше либеральное общество было пріучено апріорно, отрицательно и враждебно относиться къ своему правительству и, вмѣсто помощи ему, стремилось всегда парализовать дѣйствія хотя бы самыхъ благостныхъ, производительныхъ и мудрыхъ плановъ и начертаній этого бѣднаго правительства, вынужденнаго отъ плодотворной, творческой работы созиданія выдѣлять значительную часть своихъ силъ на борьбу со своими внутренними врагами, на оборону и огражденіе отъ нихъ.

Такъ было и тутъ, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Каждый русскій либеральничающій интеллигентъ считалъ своимъ излюбленнымъ дѣломъ вкривь и вкось мудрить надъ пресловутымъ „бѣднымъ мужичкомъ", которому дѣйствительной, дѣйственной и соотвѣтственной помощи никто изъ непрошенныхъ „благодѣтелей" не оказывалъ; развѣ какой либо „отсталый" помѣщикъ — „крѣпостникъ" посвящалъ свою жизнь реальному улучшенію крестьянскаго быта. И этотъ послѣдній случай бывалъ рѣдко, но все же бывалъ. За то никогда ничего подобнаго не бывало со стороны тѣхъ, кто косно, глупо и злобно коверкалъ, въ пику правительству, умъ и душу несчастнаго мужика, не говоря уже о въ конецъ развращенныхъ городскихъ рабочихъ.

Какъ „хожденіе въ народъ", практиковавшееся еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и позже, такъ и позднѣйшее, разнообразное просвѣщеніе „мужичка" заключалось въ томъ, чтобы дѣйствовать наперекоръ дѣйствіямъ правительства, совершенно не вдаваясь въ разборъ, каковы именно были эти дѣйствія и чѣмъ были вызваны.

Правительство стремилось, правда — часто неумѣло и недостаточно дѣятельно, — способствовать созданію народа-государственника изъ воспитанныхъ въ христіанскомъ духѣ, вѣрноподданныхъ, патріотически настроенныхъ гражданъ великой Россійской Имперіи. Но не тутъ то было.

Тутъ какъ тутъ — находилась русская интеллигенція, ничего творить, создавать не умѣвшая, а умѣвшая только все огуломъ отрицать и разрушать, по существу невѣжественная, нахватавшаяся какихъ то верхушекъ и обрывковъ знаній, не

приспособленная ни къ какому производительному дѣлу, отворачивающаяся отъ всякаго скромнаго, но настоящаго труда и ублажающая себя фантазіями, мечтаніями и утопіями.

Такъ вотъ же, на зло правительству, какъ мальчики школьники младшихъ классовъ, нашъ либералъ, посредствомъ широко по странѣ раскинутой пропаганды, а часто и однимъ своимъ гнуснымъ примѣромъ, отнимая у мужика и Бога, и Царя, всякое чувство Родины и вѣру въ нее, и ничего не давъ взамѣнъ, по неумѣнію и невозможности дать, оставилъ душу народную опустошенной, лишенной всякихъ нравственныхъ устоевъ и очеловѣчивающихъ, облагораживающихъ идеаловъ.

Долгъ платежемъ красенъ. И теперь, въ годы революціи, мужикъ съ лихвою выплатилъ долгъ своему учителю. Онъ и ему опустошилъ и осквернилъ всю душу, растопталъ ее грязными сапожищами, отнялъ всѣ завѣтныя сокровища этой души, всѣ ея святыни и упованія; и самого учителя грубо вытолкнулъ вонъ изъ жизни, на задворки безцѣльнаго, безотраднаго прозябанія, запоздалаго раскаянія и немощныхъ сожалѣній. Ученіе пошло въ прокъ и дало соотвѣтственные результаты.

Ибо что другого и могло выйти изъ этого ученія?

Такъ можно было только готовить „революціонныхъ обезьянъ". Такъ можно было только создавать тотъ народъ звѣрь, который всему міру показалъ себя въ своей ужасающей душевной наготѣ, въ своей нравственной грязи, въ своихъ неистовствахъ и злодѣяніяхъ, въ своей тупой, животной жестокости и лютости, въ своей полной, безпросвѣтной аморальности.

Говорятъ, что крѣпостное право развратило русскій народъ — но это ложь. Я — не поклонникъ крѣпостного права; радуюсь, что его давно уже нѣтъ, и благоговѣю передъ свѣтлой памятью Царя-Освободителя. Но я утверждаю, что лгутъ тѣ, кто крѣпостное право коритъ въ развращеніи народа нашего: его развратила, сдуру да со слѣпу, русская либеральничавшая, безсмысленно фрондировавшая интеллигенція — и никто другой.

Раньше не могло быть того повальнаго явленія, о которомъ я хочу разсказать и по поводу котораго я вдался въ это, вышедшее очень длиннымъ, подъ наплывомъ мыслей и чувствъ, разсужденіе.

Раньше — народъ боялся грѣха; уважалъ душу христіанскую; цѣнилъ и охранялъ чужую жизнь человѣческую; бывшій часто рыцаремъ въ душѣ, подъ Покровомъ Христіанской Благодати, онъ бывалъ великодушнымъ, самоотверженнымъ, безропотнымъ и стойкимъ служителемъ долга и своихъ немудреныхъ и несложныхъ, но крѣпкихъ и возвышенныхъ идеа-

ловъ. Онъ несокрушимо хранилъ благоговѣйное чувство послушанія Царю и вѣру въ святость, честь и величіе своей Родины.

И создавались тогда русскіе „Чудо-Богатыри", и удивляли міръ величіемъ своего духа.

И все это шестидесятилѣтней, діавольски-злобно задуманной, но съ русской точки зрѣнія убійственно глупой, пропагандой-безжалостно отнято.

Что же дано взамѣнъ этихъ сокровищъ народнаго духа?

Да ровно ничего. Или нѣтъ. Дано то, что я имѣю въ виду разсказать.

Съ самаго начала, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ войны, народъ русскій, пресловутый, но отставной „народъ-богоносецъ", воодушевленный, вѣроятно, порывомъ своей „âme mystique", сталъ давать большой процентъ добровольцевъ-санитаровъ, все больше изъ старыхъ, бывалыхъ, прошедшихъ школу еще Японской войны; но много было и новичковъ, соблазненныхъ, вѣроятно, разсказами своихъ болѣе опытныхъ товарищей. И русскія бабы стали отпускать своихъ мужей что то очень охотно.

Стали работать санитары, и сразу, по всѣмъ нашимъ арміямъ, поползли зловѣщіе слухи объ этой работѣ: разсказывали, что санитары до-чиста „очищаютъ" всѣхъ убитыхъ воиновъ, на полѣ чести за Вѣру, Царя и Родину павшихъ доблестной смертью. Пошли слухи и хуже: говорили, что въ своей алчной жаждѣ наживы, многіе санитары ограбляли и раненыхъ враговъ, а затѣмъ . . . приканчивали, чтобы скрыть слѣды преступленія.

Въ Августѣ 1914 года, подъ Александровомъ, я разговорился съ только что раненымъ, пулей въ грудь навылетъ, Австрійскимъ майоромъ, и пришлось мнѣ густо, густо покраснѣть, когда онъ, слабымъ голосомъ истекшаго кровью человѣка, мнѣ разсказалъ, что было у него въ бумажникѣ шестьсотъ кронъ, два кольца, портсигаръ и еще что то, и что все у него украдено санитарами, пока они несли его на носилкахъ. Слава Богу, ужъ, что не убили: вѣроятно, вблизи было начальство.

Стали ползти слухи еще болѣе зловѣщіе, еще болѣе гнусные: разсказывали, что санитары пріохотились къ своему дѣлу, на беззащитныхъ непріятельскихъ раненыхъ „закаливъ" свои, и безъ того закаленныя, души, и стали „пошаливать" (такъ снисходительно и какъ бы даже пріязненно русскій народъ отзывается вообще о всякомъ разбоѣ) и надъ своими ранеными. Сердце-не камень: если кругомъ было не опасно, око начальства не видѣло, то случалось „грѣшнымъ дѣломъ" и своихъ

раненыхъ приканчивать, когда опытнымъ чутьемъ чуяли обильную и богатую поживу.

Учащались посылки въ деревню, гдѣ шли ликованія среди бабъ: разумѣется, не тѣхъ бабъ, что оплакивали честно павшихъ героевъ, а тѣхъ, что благословили на „служеніе Родинѣ" своихъ мужей, добровольцевъ-санитаровъ.

Съ дѣловитой сосредоточенностью принимали бабы съ почты посылки, денежныя и другія, и, гордясь своими „домовитыми хозяевами", показывали сосѣдкамъ мужнины „богатые"-подарки, бережно накапливавшіеся въ укромныхъ мѣстахъ; и въ тоже время учащались взносы денегъ въ сберегательныя кассы.

Умилялись сосѣдки и завидовали. „И везетъ же нашей Матренѣ" — переговаривались онѣ между собой, понизивъ голосъ и лукаво, но сочувственно подмигивая глазомъ: „вотъ что значитъ — имѣть хозяина санитаромъ. Для другой война — плачъ и горе; а тутъ — гляди-кось, сколько радости и достатка въ домъ идетъ".

И ни слова негодованія или осужденія: дѣло житейское; кто же не попользуется тѣмъ, что плохо лежитъ.

Заглушенная развратителями народа, спитъ русская совѣсть такъ крѣпко, какъ никогда этого не было во времена самой крайней умственной темноты и невѣжества; ибо тогда жива была и бодрствовала душа народная.

Слухи о „подвигахъ" санитаровъ дошли до Русскаго Царя, вмѣстѣ со свѣдѣніями о многихъ и другихъ санитарныхъ неурядицахъ и недочетахъ, и въ мигъ были предприняты рѣшительныя мѣры къ радикальному исцѣленію недуга, къ вскрытію ядовитаго, злокачественнаго нарыва, начинавшаго подтачивать великое дѣло крови, труда и пота всего русскаго народа. Августѣйшій Двоюродный Дѣдъ Государя, Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Всемилостивѣйше назначенъ былъ Верховнымъ Начальникомъ всей Санитарной Части въ Россіи.

Воспрянулъ испытаннымъ, доблестнымъ духомъ своимъ маститый Старецъ и, какъ всегда бывало въ его многотрудной и многополезной жизни, забывая и о своемъ преклонномъ возрастѣ, и о болѣзняхъ и недугахъ клонящейся уже къ закату жизни, всѣ силы возвышенной, пламенной души и всѣ порывы рыцарскаго, львинаго сердца посвятилъ возможно лучшему выполненію дѣла, ему порученнаго Державнымъ Внукомъ.

И закипѣла работа . . . Работа настоящая, дѣльная, широко и мудро поставленная, съ энергіей, свойственной этому неугомонному, подчасъ тяжелому, всегда благородному и самоотверженному искателю лучшихъ путей жизни.

Стыдно тому русскому человѣку, который не знаетъ жизни и дѣлъ Принца Александра Петровича. Эта жизнь пронеслась, какъ бурный потокъ, вся отданная альтруистическимъ идеаламъ и стремленіямъ, вся поглощенная большой государственной работой на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ творчества.

Нѣтъ числа дѣламъ крупнаго масштаба, жизненной производительности и великой пользы народной, которыя сотворены человѣкомъ, не схоронившимъ, какъ немощный скупецъ, ни одного изъ талантовъ и даровъ, ему Господомъ Богомъ дарованныхъ, но ихъ всѣхъ использовавшимъ ради дѣйственной любви къ ближнимъ, ради беззавѣтной преданности Родинѣ и сознанія долга передъ Государемъ и Россіей.

Кажется, нѣтъ отрасли русской жизни, гдѣ бы имя Александра Петровича не занимало почетнаго мѣста, гдѣ бы его безкорыстный и неутомимый трудъ не оставилъ плодотворнаго, длительной и крупной пользой отмѣченнаго, слѣда. Высоко стоитъ это имя и въ Русской Арміи, и въ русской медицинѣ, и въ русской наукѣ вообще, и въ дѣлѣ просвѣщенія народнаго, и въ городскомъ самоуправленіи, и въ земствѣ даже, и въ промышленности, и въ земледѣліи, и во всѣхъ областяхъ русской благотворительности: вездѣ своимъ трудомъ, своимъ творчествомъ, своей широкой и чуткой отзывчивостью запечатлѣлъ себя славный носитель этого имени!

Я увѣренъ, что Великій Работникъ Земли Русской, Царь Петръ, изъ прекраснаго далека областей высокаго Духа и близи горячей любви своей къ Россіи, съ удовлетворенною радостью взираетъ на жизненный подвигъ своего отдаленнаго потомка.

Керенскіе, „революціонныя бабушки", Черновы и прочіе ихъ приспѣшники, сіи гнойныя зловонныя язвы зараженнаго государственнаго организма, въ дни своего торжества, удосужились вырыть изъ ямы сгнившую падаль сѣятелей народнаго траура, подлыхъ убійцъ благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго Монарха, Царя-Освободителя.

Передъ этою падалью они собрали скопище народа, революціонные отбросы взбаломученнаго народнаго моря, выкладывали ему весь запасъ соціалистическихъ трафаретовъ и трескучихъ, избитыхъ на митингахъ фразъ, и истерически выкрикивали:

„Товарищи! Мы собрали васъ, чтобы почтить память этихъ доблестныхъ борцовъ за ваше счастье и вашу свободу" . . и т. д. и т. д. . .

Глупый народъ! Ты повѣрилъ имъ, или сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ, дикимъ ревомъ привѣтствуя этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ и высчитывая заранѣе щедрыя подачки, ко-

торыя выпросишь за холопскую угодливость предъ „господами“ того дня.

Преступный народъ! Ты понялъ теперь, но слишкомъ поздно, послѣ того какъ ты уже совершилъ всѣ свои гнусности и злодѣянія, — ты понялъ, каковы были „свобода“ и „счастье“, тебѣ обѣщанныя. Выслушай же теперь и меня.

Земно поклонись тому человѣку, о которомъ я говорю, ибо мало кто положилъ, на тебя и твое благо, столько заботъ и трудовъ, столько потратилъ силъ своей большой души, какъ этотъ самый Принцъ Александръ Петровичъ, Двоюродный Дѣдъ твоего Государя, Помазанника Божьяго.

Дѣло свое онъ сдѣлалъ не пустозвоннымъ словомъ, не бездѣльнымъ, немощнымъ мечтательствомъ, не подпольными убійцами, подстерегающими изъ за угла всѣхъ честныхъ, любящихъ Родину свою, русскихъ людей.

Великое дѣло своей жизни онъ творилъ дѣйственной любовью, сознаніемъ своего одухотвореннаго пониманія жизни, воспріимчивымъ умомъ и горячимъ, благороднымъ сердцемъ, и неутомимымъ трудомъ.

Низко, низко поклонись и помни, что только подобные люди настоящаго труда и настоящаго дѣла могутъ называться твоими друзьями и благодѣтелями . . .

Встрепенулся старый Орелъ, услышавъ зовъ своего Державнаго Повелителя, Которому всю жизнь свою привыкъ служить не за страхъ, а за совѣсть. Онъ расправилъ свои, уже дряхлѣющія крылья, ихъ могучимъ взмахомъ вознесся въ поднебесье и воспарилъ надъ полями сраженій, зорко выглядывая, гдѣ на грѣшной землѣ творится неправда и наносится обида. Заслышавъ грозный клекотъ орлиный, въ страхѣ и трепетѣ заметались тыловые шакалы и гіены, и многихъ изъ нихъ настигъ орлинымъ боемъ праведный гнѣвъ Царскаго Посланца.

Много мерзавцевъ-санитаровъ закачалось на висѣлицахъ; много непорядковъ и несправедливостей было быстро и круто устранено. Не покладая рукъ и не щадя своихъ силъ, работалъ безъ отдыха и благотворно Верховный Начальникъ, и всюду наладились порядокъ и благоустройство тамъ, гдѣ уже начинались было развалъ и распаденіе. Всюду оказывало дѣйствіе, спасительное для народа, бдительное и строгое, око начальства.

Изъ этого единичнаго примѣра я хочу вывести широкія обобщенія, въ назиданіе иностранцамъ, не знающимъ Россіи, и въ попрекъ многимъ Русскимъ, не понимающимъ, а часто упрямо не желающимъ понимать, своей Родины.

По широкому размаху своему, по энергіи и неутомимой трудоспособности, по воодушевленнымъ пріемамъ своего всегда производительнаго творчества, Принцъ Александръ

Петровичъ является изъ ряда вонъ выдѣляющимся, исключительнымъ человѣкомъ, особенно цѣннымъ въ Россіи, гдѣ свойственныя ему качества очень рѣдки. Выборъ Государя не могъ лучше пасть, какъ именно на этого Родственника Своего.

Но, оставляя въ сторонѣ недюжинную личность Принца, на этомъ примѣрѣ можно воочію видѣть образецъ того, какъ всякое благотворное, полезное, не на время, но въ долготу вѣковъ совершенное, дѣло государственнаго строительства и усовершенствованія условій народнаго быта у насъ въ Россіи всегда исходитъ съ высоты Престола и обыкновенно по почину Государеву.

Если прослѣдить нашу Исторію со временъ стародавней старины и до нашихъ дней, всюду мы видимъ эту характерную черту русской жизни, заключающуюся въ томъ, что всѣ эволюціонные этапы народнаго развитія, въ связи съ укрѣпленіемъ государственности, всегда совершались Государевымъ починомъ, силой и во имя Государева Дѣла, и прочнымъ, устойчивымъ бывало всегда только то, что такимъ путемъ внѣдрялось въ теченія народной жизни.

Никогда русская общественность, даже и въ слабой мѣрѣ, не умѣла и не могла достигать какихъ либо дѣйствительно стойкихъ, самихъ по себѣ жизненныхъ, результатовъ.

Вотъ въ чемъ коренится историческій и жизненный смыслъ великой идеи Самодержца Всероссійскаго, Божьяго Помазанника.

Одному ли русскому народу присуще это свойство пассовать, бездѣйствовать и падать безъ воздѣйствія Государевой Власти?

Въ Англіи, въ силу многихъ условій, происходилъ совершенно особый историческій ходъ эволюціоннаго развитія народа, и тамъ, несомнѣнно, съ давнихъ поръ общественность стала активной и принимала творческое участіе въ національномъ конструированіи государственнаго строя соотвѣтственно съ потребностями и духомъ всего, высоко эволюціонировавшаго, народнаго быта.

Но, наблюдая жизнь современной Германіи, приходишь къ заключенію, что здѣсь также общественность оказалась безпомощной и немощной, какъ только лишилась высшихъ, объединяющихъ и регулирующихъ, директивъ Верховной Монархической Власти. Теперь, въ осиротѣлыхъ условіяхъ, эта общественность способна только на мертворожденные заговоры, на праздную и безцѣльную болтовню, на траги-комическіе „путчи“ и на апатичную или метущуюся растерянность.

А Франція, въ историческихъ корняхъ своихъ и въ сути народнаго характера бывшая всегда монархической страной,

но уже болѣе ста лѣтъ какъ ввергнутая въ распри и противорѣчія партійныхъ разногласій?

Развѣ у нея оказалась дѣйственная общественность, самодовлѣющая сила народа, прокладывающаго самостоятельно свой эволюціонный путь по вѣхамъ, имъ самимъ установленнымъ?

Конечно, нѣтъ, разъ народъ оказался безсильнымъ противъ наносного насилія; разъ онъ, немощный и безгласный, подпалъ подъ власть небольшой кучки проходимцевъ-парламентаріевъ, преимущественно чужой, враждебной крови, извнѣ черпающихъ директивы для своего господства; разъ народъ утратилъ права своей Христіанской Вѣры и покорно вынужденъ терпѣть угнетеніе своей Христовой Церкви; разъ онъ идетъ къ вымиранію, и пала его, исторически сложившаяся, государственность; разъ искажены всѣ основы его національнаго характера, вмѣстѣ со старыми рыцарскими идеалами французской чести и французской доблести давно уже вывѣтреннаго ожидовѣлыми французами нашихъ дней.

Но возвращаюсь къ началу гибельной и губительной войны.

Мы знаемъ неопровержимо, что у насъ въ Россіи войны не хотѣли Русскій Царь и Его народъ въ своемъ цѣломъ. Въ Германіи не хотѣли войны Германскій Императоръ и Его народъ. Но война разразилась. Очевидно, мы въ то время дошли до такого поворотнаго момента Исторіи, когда съ волей Государей и съ волей народовъ не считались высшіе вершители международной политики.

На мое утвержденіе объ опредѣленномъ желаніи Государя избѣжать войны мнѣ могутъ возразить, что объявленіе мобилизаціи, хотя бы частичной, какъ было вначалѣ, знаменовало собой рѣшительный поворотъ въ сторону войны и вызвало въ свою очередь, со стороны Германіи, принятіе мѣръ, сдѣлавшихъ положеніе безповоротнымъ.

Тѣмъ не менѣе, я продолжаю настаивать на моемъ категорическомъ утвержденіи, что Государь дѣйствительно войны не хотѣлъ и до послѣдняго момента надѣялся, что эта горьчайшая чаша въ трудномъ и несчастливомъ Его Царствованіи — Его минуетъ.

По всѣмъ признакамъ, теперь начинающимъ обнаруживаться, Государь въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ безсовѣстно обманутъ. Первоначально объявленная мобилизація была представлена Его Величеству какъ мѣра предосторожности, могущая въ создавшихся международныхъ переговорахъ оказать очень внушительное дѣйствіе, но нисколь-

ко не связывающая окончательнаго Царскаго рѣшенія о войнѣ или мирѣ.

Совѣтъ, предложенный Государю Императору, на видъ невинный и кажущійся даже и благоразумнымъ, имѣлъ вполнѣ двусмысленное значеніе и не раскрывалъ Государю всей правды — можетъ быть, вслѣдствіе хитростнаго, предательскаго обмана, а можетъ быть и вслѣдствіе безхитростнаго, но по существу также предательскаго, легкомыслія: а можетъ быть, и обѣ эти причины были тутъ на лицо, въ зависимости отъ нѣсколькихъ инстанцій вѣдавшихъ всѣ подробности создавшагося положенія.

Дѣло въ томъ, что по мобилизаціонному плану, великолѣпно составленному, какъ и доказала наша образцовая мобилизація 1914 года, можно было очень легко призвать подъ ружье всѣхъ гражданъ, подлежавшихъ вступленію въ войска въ случаѣ объявленія войны; не менѣе легко можно было, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отмѣнить мобилизацію и распустить всѣхъ призванныхъ по домамъ. Эти два момента осуществлялись чрезвычайно легко и просто, всѣ нужныя дѣйствія производились плавно, какъ по заведенной машинѣ, не представляли особыхъ затрудненій и не вызывали ни осложненій, ни промедленій. Но этими моментами и прерывалась споровистость и цѣлесообразность всей организаціи; а дальнѣйшее уже становилось далеко не благополучнымъ.

Послѣ отмѣны уже объявленной и выполненной мобилизаціи, новую мобилизацію быстро, безъ проволочекъ и задержекъ, провести планомѣрно было невозможно: новое Высочайшее Повелѣніе вызывало бы, кромѣ большихъ задержекъ во времени, еще и безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ затрудненій, которыя неминуемо привели бы къ полному провалу если не войны (что было бы самымъ вѣроятнымъ), то во всякомъ случаѣ всего перваго періода кампаніи.

Все дѣло было въ одной мелкой, сравнительно, случайной оплошности, допущенной въ общемъ мобилизаціонномъ планѣ.

Въ фабричномъ дѣлѣ можно быть вынужденнымъ пріостановить работу машины самой совершенной конструкціи и понести крупные убытки только изъ за того, что не предусмотрѣна будетъ необходимость имѣть подъ рукой какія нибудь мельчайшія запасныя части, какой нибудь ничтожный винтикъ, напримѣръ, чтобы, въ случаѣ израсходованія такого винтика, имѣть возможность замѣнить его новымъ. Приблизительно подобнаго же рода упущеніе было сдѣлано въ мобилизаціонномъ планѣ.

Въ каждомъ управленіи уѣзднаго воинскаго начальника хранились индивидуальные, именные пакеты на каждаго жителя уѣзда, подлежавшаго призыву въ войска, и въ этихъ пакетахъ

заключались всѣ нужные документы, бумаги, предписанія, инструкціи, которые каждое призывное лицо должно было получить. При объявленіи мобилизаціи, эти пакеты немедленно доставлялись въ соотвѣтствущія волости, а оттуда въ села и деревни, и все было готово: въ назначенный срокъ и въ назначенномъ пунктѣ — на лицо оказывались всѣ призывные, а администрація, со своей стороны, къ тому времени уже имѣла выполненными всѣ положенныя ей распоряженія и дѣйствія.

Планъ былъ превосходно выработанъ; но одного запасного винтика не хватало. Система индивидуальныхъ пакетовъ не предусматривала случаевъ, какой и представился въ Іюлѣ 1914 года, когда Государь, не доводя международнаго осложненія до войны, могъ бы отмѣнить разъ объявленную мобилизацію.

Отмѣнить то, разумѣется, было вполнѣ возможно, и мобилизованная армія разошлась бы по домамъ, навѣрное, не менѣе быстро, чѣмъ она была собрана. Но бѣда была въ томъ, что, послѣ того, въ случаѣ новой мобилизаціи, такъ быстро и просто снова собрать всѣхъ призывныхъ было невозможно, ибо не имѣлось у воинскихъ начальниковъ дубликатовъ тѣмъ индивидуальнымъ, именнымъ пакетамъ, на которыхъ основывался весь успѣхъ мобилизаціи.

Казалось бы, что не велико было это упущеніе, вполнѣ свойственное русскому человѣку, если вѣрить все той же пословицѣ, нами уже разъ приведенной, гласящей, что онъ „заднимъ умомъ крѣпокъ". Немного оплошали . . .

И эта оплошность имѣла роковыя, трагическія послѣдствія.

Государю Императору знать эти техническія подробности было невозможно: да Монархъ и не имѣетъ нравственнаго права тратить себя на изученіе этой мелкой для Него и Его Дѣла техники. Но вышло скверно, что Государя не предупредили объ этой подробности. Когда Его Величество рѣшился на объявленіе предварительной, частичной мобилизаціи, Онъ никакъ не предполагалъ, что съ этого момента выпустилъ изъ Своей Воли вопросъ рѣшенія войны и мира, и что больше не было въ Его Власти руководить развертквавшимися событіями.

Когда, личными переговорами по телеграфу, нашъ Государь и Императоръ Германскій принимали возможныя мѣры къ улаженію конфликта, и когда, по ходу этихъ переговоровъ, Государь приказалъ отмѣнить совершавшуюся мобилизацію, только тогда Русскій Царь узналъ горькую правду, о которой раньше не потрудились доложить Ему Его нерадивые и недостойные слуги.

Что это было? Оплошность, нерадивость и легкомысліе? Или хитрость, интрига и предательство?

Кажется намъ, что было тутъ и то, и другое: одни — сглупили, а другіе — сподличали . . .

Точно не знаю, но, насколько помню, на процессѣ Сухомлинова выяснилась еще одна подробность этихъ дней. Одно изъ показаній на этомъ процессѣ вскользь указывало, будто бы, даже послѣ доклада о затруднительности отмѣны, Государь мобилизацію всетаки приказалъ отмѣнить.

Но . . . Высочайшее Повелѣніе не было своевременно исполнено.

На тайныхъ засѣданіяхъ міровыхъ заговорщиковъ и судьба Россіи, и судьба Германіи были рѣшены . . . Выполненіе сатанинскаго плана было обезпечено сложною сѣтью интригъ, подкуповъ и соблазновъ . . . Оба Государя и оба народа шли навстрѣчу преднамѣченной имъ участи, увлекаемые непреодолимою силой . . .

Какъ бы то ни было, но война началась, и Русскій Царь принялъ это тяжкое испытаніе такъ, какъ Онъ воспринималъ и другіе многочисленные, частые удары судьбы, которыми торовата была Его нелегкая и малорадостная жизнь.

Какъ всегда, Государя поддерживало глубокое, въ тайникахъ души коренящееся и непоколебимое, религіозное чувство, помогавшее Ему сносить испытанія терпѣливо, съ искреннимъ смиреніемъ и проникновенной покорностью Волѣ Божіей. Вотъ одна изъ причинъ, почему, въ самыя трудныя минуты, Государь поражалъ окружающихъ желѣзной выдержкой, невозмутимымъ спокойствіемъ и почти никогда не измѣнявшими Ему доброжелательностью и ласковостью, съ которыми Онъ относился ко всѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ случай разговаривать.

Только глаза, необыкновенные глаза, если всматриваться въ нихъ, выдавали многое изъ душевныхъ переживаній, выпавшихъ на долю нашего Царя.

Глаза большіе, лучистые, глубокіе, часто разсѣянные, какъ будто думаютъ свою особую думу; обыкновенно ласковые, всегда очень-очень добрые, порой чуть-чуть насмѣшливые, мудрые, задумчивые, печальные глаза. Смотря на эти глаза, часто дѣлалось и очень трогательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ почему то и очень жутко: ибо проглядывала черезъ эти глаза какая то безпредѣльная, какъ будто что-то предвидѣвшая, печаль. Говорятъ, что глаза есть зеркало души: такъ вотъ и казалось, что черезъ эти глаза на васъ смотритъ и жалуется безконечно скорбная и страдающая душа, терпѣливая, мудро знающая и предвидящая Крестный Путь и Голгоѳу . . .

Необыкновенные глаза! Я въ жизни больше такихъ глазъ и не видѣлъ, которые производили бы такое сложное, знаменательное впечатлѣніе . . .

Примѣромъ тому, какое неотразимо-чарующее дѣйствіе производили эти глаза, можетъ служить мало кому извѣстный случай не удавшагося покушенія на Государя лѣтомъ 1908 года.

Въ этотъ годъ въ Балтійское море пришелъ изъ Англіи вновь выстроенный на верфи Виккерса броненосный крейсеръ „Рюрикъ". Крейсеру былъ назначенъ Высочайшій смотръ. Группой революціонеровъ-террористовъ, во главѣ съ Савинковымъ, масономъ изъ высокихъ степеней, рѣшено было этотъ случай использовать для совершенія цареубійства. Одинъ изъ матросовъ, въ то время когда Государь долженъ былъ обходить выстроенную на палубѣ во фронтъ команду, взялся произвести террористическій актъ.

Все было предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей. Въ успѣхѣ преступленія не было сомнѣнія. Заговорщики ликовали . . . Но . . . весь планъ рухнулъ, совершенно неожиданно. Государь обошелъ фронтъ; бесѣдовалъ, въ числѣ другихъ, и со своимъ „убійцей", — и этотъ „убійца" смотрѣлъ на Государя, какъ завороженный.

Его Величество съѣхалъ съ крейсера, сопровождаемый бурными криками „ура". А одинъ матросъ плакалъ: это былъ тотъ . . что долженъ былъ убить Государя. На разспросы изувѣровъ, „заказавшихъ" ему цареубійство, матросъ отвѣтилъ: „я не могъ . . . эти глаза смотрѣли на меня такъ кротко, такъ ласково" . . .

Объ этомъ случаѣ упоминаетъ вскользь, въ своихъ „воспоминаніяхъ", печатавшихся въ журналѣ „Былое", самъ организаторъ подлаго плана, убійца изъ подполья, Савинковъ, который всю неудачу заговора пытается свалить на нервы матроса.

Нѣтъ, тутъ дѣло не въ „нервахъ"; тутъ дѣло именно въ Его глазахъ, чистыхъ, свѣтлыхъ, насквозь проникающихъ въ душу . . .

Жестокъ былъ ударъ, обрушившійся на Императорскую Семью . . . Но всѣми Членами этой удивительно благородной, чистой, одухотворенной Вѣрою и любовью къ людямъ вообще и къ Родинѣ въ особенности, Семьи былъ принятъ стойко и доблестно, съ великимъ гражданскимъ мужествомъ и съ сознаніемъ Своего и Царскаго, и гражданскаго долга.

Со времени объявленія войны, вся жизнь этой Семьи могла быть охарактеризована полнымъ отвлеченіемъ отъ личныхъ интересовъ: всѣ, кромѣ, разумѣется, самыхъ младшихъ Великихъ Княженъ и малолѣтняго Наслѣдника, ушли въ сосредоточенную работу военнаго времени. Старшія Великія Княжны, въ уединенной и тихой семейной жизни и безъ того

мало искушенныя въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, столь свойственныхъ ихъ возрасту, совершенно теперь были отдѣлены отъ „свѣта" и его суетныхъ заботъ.

Лазареты, раненые, панихиды — вотъ чѣмъ заполнены были эти молодыя жизни.

Государыня стояла во главѣ такого установленія новаго строя жизни и Сама, насколько позволяло Ея слабое, расшатанное здоровье, отдалась работѣ съ той усидчивостью, вдумчивостью и щепетильной добросовѣстностью, которыя вообще составляли отличительную особенность Ея Величества и дѣлали Ее чужой и равнодушной среди мірской суеты свѣтскаго угара, которымъ увлечено было большинство нашего Петербургскаго общества, въ клубахъ, театрахъ, на балахъ, обѣдахъ и ужинахъ, въ пустыхъ сплетняхъ и пересудахъ, а главнымъ образомъ въ пошломъ убиваніи времени за картами, видѣвшаго главный смыслъ и лучшую прелесть своего не только ненужнаго, но даже и вреднаго существованія.

Чтобъ не отвлекаться и не разбрасываться, я по порядку подѣлюсь съ читателями моими воспоминаніями о Членахъ Императорской Семьи за время войны и позже, начиная съ Государя Императора, перейдя затѣмъ ко всему, что могу повѣдать интереснаго и личнаго, притомъ искренняго и нелицепріятнаго, о Государынѣ Императрицѣ, а наконецъ, посвящу нѣсколько страницъ и Августѣйшимъ Дѣтямъ Ихъ Величествъ, которыя, несмотря на свой юный возрастъ, заслужили Себѣ почетное мѣсто не только на страницахъ записокъ современника, но и на страницахъ Русской Исторіи.

Пушкинъ своей Татьяной, Толстой Наташей Ростовой, Тургеневъ своими героинями, и многіе другіе великіе писатели Земли Русской увѣковѣчили хорошій, цѣльный, обаятельный образъ Русской Женщины и произведеніями своими, если можно такъ выразиться, составили нѣкую „Золотую Книгу Русской Женщины" („Le Livre d'or").

Изъ дальнѣйшаго моего изложенія, въ которомъ будутъ приведены правдивыя, беспристрастныя, не прикрашенныя ни чувствомъ, ни тенденціей, черты изъ жизней Государыни и Великихъ Княженъ, читатели поймутъ, что въ такой Золотой Книгѣ эти Царственныя Женщины доблестью и страданіями заслужили заглавное, почетнѣйшее мѣсто.

Вся жизнь Государя Императора, съ самаго начала войны и до дня подлѣйшаго переворота 27-го февраля 1917 года, сосредоточилась въ трехъ чувствахъ, характеризующихъ для историка Его свѣтлую личность. Чувства эти были — безграничная любовь къ Родинѣ; полное самоотверженіе въ дни народнаго испытанія и отвлеченіе отъ личныхъ интересовъ

жизни; лойяльность и вѣрность заключеннымъ договорамъ. Этими стимулами проникнуты были всѣ помыслы, чувства и дѣйствія Его Величества.

Я не хочу этимъ сказать, будто бы Государь, въ Своемъ самоотверженіи и самозабвеніи, отказался бы отъ Своихъ семейныхъ привязанностей и интересовъ. Это было бы неестественно для Государя, такъ сердечно и горячо Свою Семью любящаго. Но интересы Семьи у Его Величества всегда то были тѣсно связаны съ интересами Россіи, а съ наступленіемъ военнаго времени еще полнѣе были координированы съ войной и вызываемыми ей обязанностями.

Не только человѣкъ обыденныхъ мелочности и тщеславія, но и вообще большинство людей было бы слишкомъ привержено къ собственнымъ своимъ преимуществамъ и прерогативамъ, къ своему личному обаянію и къ своей славѣ, или къ своему значенію, чтобы, во имя высокой идеи, пожертвовать частью своихъ правъ въ пользу другого.

Но не таковъ былъ Государь Николай Александровичъ. Отчасти считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, отчасти подъ вліяніемъ Своей личной оцѣнки, Государь Императоръ счелъ наиболѣе полезнымъ, при выборѣ Главнокомандующаго, остановиться на Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ, который и былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, почти съ неограниченною властью Замѣстителя Государя въ Арміи, да и вообще по многимъ отраслямъ государственной жизни, вплоть до подчиненія Великому Князю многихъ сторонъ внутренняго управленія, включая и министровъ различныхъ вѣдомствъ.

Еще разъ повторяемъ — чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ, побуждаемый альтруистическими, идейными чувствами, съумѣлъ полнѣе отрѣшиться отъ свойственныхъ почти каждому чувствъ самолюбія и себялюбія и сознательно, собственной волей, оставить себя въ тѣни, предоставивъ другому пользоваться тѣми прерогативами, тѣмъ значеніемъ и обаяніемъ, той властью, которыя по праву принадлежатъ ему самому. Но именно такъ поступилъ Государь. Имѣя искреннее довѣріе къ талантамъ и преданности Своего Дяди, Государь облекъ Его небывало большою властью, считая Его избранникомъ не только Своимъ, но всего народа; ибо общественное мнѣніе дѣйствительно указывало на Великаго Князя какъ на то лицо, которое способно было лучше любого другого удовлетворить общія упованія и надежды.

Для человѣка мелкой души и мелочныхъ чувствъ было бы, пожалуй, непосильно такъ скромно поставить Себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на второе мѣсто, стушевывая Себя, какъ это дѣлалъ Государь.

Такъ было поступлено, съ одной стороны, вслѣдствіе присущей всегда нашему Императору Николаю Александровичу большой скромности и пренебреженія личными интересами ради интересовъ общихъ, а съ другой стороны и потому, что, считая невозможнымъ, въ такое трудное время, отдѣлить Себя отъ Царственныхъ заботъ высшаго управленія государствомъ, Его Величество хотѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвѣтственное дѣло войны поставить внѣ ограниченныхъ рамокъ іерархическихъ счетовъ и мѣстничества, предоставивъ Своему Избраннику и свободу творчества, и свободу дѣйствій.

Чтобы такъ поступить, надо быть человѣкомъ большой души, имѣть крупнаго масштаба государственный умъ и глубокое пониманіе людей, событій и отношеній людскихъ. Надо для этого имѣть и душу исключительно благородную и любящую; чистую отъ искушеній и мелочей житейскихъ, умѣющую, во имя Идеаловъ, отрѣшиться отъ своего „Я". Надо для этого также и имѣть объективное, философское мышленіе, при которомъ мало цѣнишь и суету массовыхъ восторговъ неразумной толпы, и стадную злобу ея обратныхъ увлеченій. Такимъ и былъ всегда нашъ Государь, такъ мало понятый и оцѣненный Своимъ неумнымъ, неблагодарнымъ и неблагороднымъ народомъ.

Этотъ народъ цѣнитъ, и даже любитъ, мудрыя, но суровыя и жесткія правленія Іоанновъ Васильевичей Грозныхъ и Петровъ Великихъ; онъ покорно и рабски-трепетно подчиняется изувѣрской, инородческой, лютой и безразсудной власти Троцкихъ и Ленинихъ.

Но нѣжную душу, живую, всегда проникнутую любовью къ Своей Родинѣ, доводящую до подобныхъ же актовъ самоотверженія, хотя и другого рода, которыми отличалась бурная, страстная, геніальная жизнь Петра (и многихъ другихъ нашихъ Государей), изысканное совершенство высшей деликатности чувствъ и высшаго проявленія культурной человѣчности — эти свойства, изъ которыхъ ажурно соткана тонкая душа Государя Николая Александровича, были этому народу и непонятны, и чужды.

Всѣмъ ли были чужды? Неужели для всѣхъ непонятны? Неужели дѣйствительно весь русскій народъ и такой толстокожій, и такой грубый? Неужели таки безсмысленно-лютый, революціонный звѣрь, котораго пришлось наблюдать съ тѣхъ поръ, какъ отборныя силы лучшихъ армій Вельзевула были высланы изъ преисподней для совращенія этого народа съ его историческаго пути, — неужели это и есть настоящее проявленіе Русскаго народа, создавшаго одну изъ величайшихъ Имперій міра?

Исторія наша учитъ, что такого рода проявленія, хотя и въ менѣе ужасающихъ размѣрахъ, случались нѣсколько разъ

въ различные періоды жизни народа. Такіе же звѣри встрѣчались и въ дикихъ полчищахъ Емельки Пугачева и Стеньки Разина, и въ разбойныхъ шайкахъ Перваго Смутнаго Времени (мы теперь переживаемъ Второе), да и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ и временахъ нашего историческаго бытія.

Эти проявленія обыкновенно наблюдаются тогда, когда, то въ крупномъ, то въ мелкомъ масштабѣ, русскіе люди оказываются отдѣленными или отчужденными отъ животворнаго воздѣйствія объединяющей, регулирующей и примиряющей Верховной Государственной Власти Божіяго Помазанника, создавшей и Россію, и русскій народъ.

Но неужели цѣликомъ ошибались великіе русскіе писатели, такъ крѣпко любившіе свой народъ и находившіе особыя чары духовнаго свѣта въ тайникахъ его загадочной души? Неужели великій провидецъ, Өеодоръ Михайловичъ Достоевскій, только ошибался? Неужели только насмѣшкой звучитъ названіе „народъ-богоносецъ", „богоискатель"? Неужели иностранцы, изучавшіе Россію и восхищавшіеся какимъ-то особымъ обаяніемъ народнаго характера, въ которомъ имъ чуялись отдаленныя, мистическія откровенія, были только слѣпыми, неразумными мечтателями, вѣрившими обманамъ своего восторженнаго воображенія?

А Иванъ Сусанинъ? А „Чудо-Богатыри"? А Князь Репнинъ и многіе другіе, безтрепетно отстаивавшіе свою честь предъ всесокрушающимъ гнѣвомъ Ивана Четвертаго? А Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій? А наши пустыни и наши схимники? А Старецъ Серафимъ? Филаретъ, мудрый Московскій Митрополитъ? Патріархъ Гермогенъ? Другой Патріархъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ, что изъ плѣна требовалъ отъ сына-Царя пожертвовать жизнью отца ради интересовъ и блага Родины? А отецъ этого Патріарха, Никита Романовичъ, бѣлоснѣжночистый шуринъ многогрѣшнаго Іоанна? А длинный калейдоскопъ „Русскихъ Праведниковъ", которыхъ, списывая съ натуры, намъ далъ въ своихъ произведеніяхъ Николай Семеновичъ Лѣсковъ?

Разумѣется, я не берусь перечислить всѣхъ безчисленныхъ примѣровъ Русской Доблести . . .

Какое же объясненіе слѣдуетъ дать этимъ недоумѣннымъ парадоксамъ? Какое объясненіе можно найти увлеченіямъ людей умныхъ (часто — геніальныхъ), вдумчивыхъ и разумныхъ?

Думается мнѣ, что это объясненіе кроется въ слѣдующемъ.

Русскій народъ, грубый, жестокій, очень часто нечестный, легко поддающійся самому безудержному развращенію, во многихъ случаяхъ сверху до низа лишенный чувства добро-

совѣстности и чутья собственнаго достоинства, сплошь и рядомъ, въ формахъ отвратительныхъ, или еще чаще глупыхъ и нелѣпыхъ, поддающійся стадному инстинкту массовыхъ заблужденій, лѣнивый, косный, невѣжественно-самоувѣренный и самоувѣренно-нелюбознательный — этотъ народъ, какъ никакой другой народъ въ мірѣ, умѣетъ выдѣлять изъ своей среды такія исключительныя личности, которыя освѣщаютъ часть его облика свѣтомъ красоты и могущества духовныхъ, нравственныхъ и жизненныхъ богатствъ. Эти личности творятъ его исторію въ различныхъ отрасляхъ его жизни и обыкновенно имѣютъ силу дѣйствовать на массы своимъ благотворнымъ вліяніемъ.

Я знаю еще другой народъ, народъ отвратительный и страшный своею роковою зловредностью, силой своего развращающаго вліянія и той особенностью, что этотъ народъ не желаетъ работать, подобно другимъ, въ смыслѣ производства реальныхъ цѣнностей, но стремится для этихъ цѣлей закабалить подъ свое владычество всѣ другіе народы. Страшенъ еще этотъ народъ тѣмъ мистическимъ ужасомъ, который внушается мыслью о его вѣковѣчной живучести, какъ и живучести присущаго ему духа зла.

Само собой разумѣется, что я говорю объ еврейскомъ народѣ.

А между тѣмъ, но правда въ рѣдчайшихъ случаяхъ, и въ этомъ народѣ встрѣчаются исключенія. Рѣдко, но бываютъ среди Евреевъ поразительно хорошіе люди: честные, добрые, сердечные, гуманные, въ высшей степени благородные по чувствамъ и побужденіямъ, однимъ словомъ — настоящіе праведники, именно такіе, какихъ съ любовью отыскивалъ Лѣсковъ; онъ лично, впрочемъ, ни одного еврея въ своей галлерeѣ праведниковъ не выставилъ. Но праведники такіе бываютъ. И въ началѣ нашей эры у Евреевъ были праведники, и въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь: но всѣ они тогда ушли отъ евреевъ, пойдя за Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и за Святыми Его Апостолами, бывшими также Евреями.

Какъ мнѣ кажется, указанныя исключенія въ настоящее время настолько рѣдки, что не могутъ вліять на представленіе, которое у большинства людей давно уже составилось объ евреяхъ и еврействѣ.

Такъ не такія ли исключенія я ищу и въ русскомъ народѣ?

Нѣтъ. То, что у евреевъ является настолько рѣдкимъ, что ни значенія, ни вліянія имѣть не можетъ, то у русскаго народа, сравнительно, можно найти настолько часто, что эти исключенія, по существу говоря, не вполнѣ отвѣчаютъ такому опредѣленію: къ этому разряду можно подвести цѣлую часть народа, которая

въ общей массѣ составитъ нѣкое меньшинство, могущее поддержать доброе имя Россіи.

Въ этомъ меньшинствѣ и находится квинтъ-эссенція русской души, и оно представляетъ противовѣсъ звѣрю, явленному революціей.

Такъ, между двумя крайностями, и находится масса нашего народа и, поочередно подпадая то подъ одно, то подъ другое вліяніе, колеблется, какъ ковыль по вѣтру, между двумя теченіями: одно изъ нихъ исходитъ изъ свѣтлыхъ чертоговъ одухотворенныхъ идеаловъ; другое — изъ бездны хаоса надвигается сатанинскимъ навожденіемъ и торжествомъ адовыхъ силъ.

Весь народъ нашъ состоитъ изъ возможностей, чреватыхъ и свѣтлыми, и мрачными произрастаніями. Эти потенціальности народа очень разнообразны и широки, а потому велико бываетъ благо, когда ихъ властно захватываютъ хорошія вліянія въ свой уголъ зрѣнія и подъ свое водительство. И настаетъ ужасъ, когда происходитъ обратное . . .

Вспоминаю случай, бывшій со мной въ Іюлѣ 1914 года, черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны, когда скромный извозчикъ, въ разговорѣ со мной, выказалъ тонкое пониманіе и угадываніе русской души.

Я ѣхалъ подъ вечеръ на извозчикѣ по Невскому. Извозчикъ былъ уже пожилой человѣкъ начинающейся старости, того неопредѣленнаго возраста, который у нашего простолюдина часто бываетъ трудно точно угадать: не то ему только еще минуло сорокъ лѣтъ, а не то такъ и шестой десятокъ доживаетъ. Борода у него была темно-русая и съ небольшой сѣдиной; а глаза — ясные, вдумчивые и странно-пристальные.

Мы съ нимъ разговорились, конечно, о войнѣ, потому что въ тѣ дни другихъ разговоровъ не было. Почти сразу онъ мое воинственное настроеніе огорошилъ неожиданной для того времени патріотическаго воодушевленія фразой, высказанной спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ:

„Все это кажется хорошо, какъ народъ сегодня ведетъ себя и шапками врага закидать собирается. А все равно — изъ этой войны ничего путнаго не выйдетъ."

„Почему ты такъ думаешь?" — удивленно спросилъ я его.

„Да потому, что въ нынѣшнее Царствованіе воевать намъ совсѣмъ не полагается. При нынѣшнемъ Государѣ никакое дѣло не выходитъ и выйти не можетъ: несчастливый онъ Царь, и Царствованіе его — несчастливое" . . .

Я вспыхнулъ и уже готовъ былъ бѣшено вспылить.

Но спокойный голосъ мудраго старика продолжалъ меня отчитывать. Онъ совсѣмъ повернулся съ козелъ въ мою сторону, а лошадка его поплелась шагомъ.

„Вы, Ваше Высокоблагородіе, не волнуйтесь и обо мнѣ Богъ вѣсть что не подумайте. Я самъ — старый солдатъ; не нонѣшній солдатъ, а настоящій, и Царя нашего не меньше, чѣмъ Вы, почитаю и люблю. Каждаго Царя любить надо; ну а этого — какъ же не любить и не жалѣть, болѣзнаго, безталаннаго.

Вы сами, баринъ, поразмыслите и подумайте: ну что хоть разъ удалось нашему Царю! Все не спорится, все не ладится. Да и то сказать слѣдуетъ — нынче такой народъ пошелъ, что такого ли имъ Царя надобно . . . Ихъ ухъ какъ въ желѣзной рукавицѣ зажать слѣдовало бы, чтобы только пищать могли, да просить помилованія. А тутъ у насъ все добромъ, да лаской, да любовью хотятъ управлять . . . А нешто этотъ народъ можно любовью пронять! . . .

Какъ же! Держи карманъ!

А заволновались Вы спервоначалу понапрасну, Ваше Высокоблагородіе, потому что Царя я очень почитаю и жалѣю. Крѣпко его жалѣю . . . Вѣдь душа у него — чисто херувимская. Настоящая христіанская, чистая и свѣтлая, что хрусталь. А только — не по нонѣшнему времени и не по нашему народу такая душа субтильная . . .

Ну, вотъ и пріѣхали. Простите меня, что разогорчилъ и растревожилъ Васъ."

„Откуда ты все это придумалъ?" — спросилъ я его.

„Книжки священныя мало читаются у насъ, баринъ: а въ нихъ все написано и всему толкованіе дано. Вотъ почитайте-ка ихъ сами и многое постигнете. А кое до чего и самъ додумался . . . Ну, будьте здоровы; желаю Вамъ счастливо отвоевать."

И уѣхалъ, невѣдомый, на мгновеніе мнѣ показавшій свой таинственный обликъ, вынырнувъ изъ моря народнаго и вновь погрузившись въ него . . .

На тѣхъ же дняхъ я уѣзжалъ въ Армію. Цѣлая буря мыслей занимала голову, и я имѣлъ глупость его отпустить, не узнавъ ни имени его, ни адреса.

IV.

Злые вихри.

Первый годъ войны. Дѣятельность Государя. Надежды сатанистовъ на войну. Обаяніе Государя. Неотвратимое. Агитація. Слухи и сплетни. Гучковъ и Пуришкевичъ. Сухомлиновъ. Воейковъ. Русское самомнѣніе и русская зависть. „Русскіе нѣмцы“ и травля на нихъ. Натискъ на Власть. Пропаганда въ арміи и на флотѣ. Митингъ въ Александринскомъ Театрѣ. Активное подполье противъ пассивной государственности.

„Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня: тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской.“ Матѳ. XVIII, ст. 6.

1914 и 1915 годы. Съ Іюля по Іюль. Бурно пронесшійся годъ перваго періода войны. Сколько надеждъ и упованій! Сколько неутѣшныхъ слезъ родителей, вдовъ и сиротъ! Сколько восторговъ и ликованій, сколько горделиваго упоенія! Сколько стремительныхъ разочарованій, горя, отчаянія и тоски! Сколько массовыхъ, красивыхъ и великодушныхъ устремленій, сколько высокихъ подвиговъ самоотверженія, мужества, благородства и отваги! Сколько раззореній, насилій, грабежей, сколько воровства, злоупотребленій и хищеній, сколько недостойнаго соперничества, зависти и интригъ, сколько трусости, измѣны, малодушія, сколько горькаго срама и неизбытнаго стыда! . .

Этими короткими восклицаніями я и ограничу характеристику того года, пронесшагося надъ Россіей, какъ какой то вихрь, ибо не входитъ въ мои задачи заниматься исторіей Русско-Германской войны.

Эти восклицанія совершенно достаточны, чтобы возстановить въ памяти всѣ испытанія, черезъ которыя прошелъ русскій народъ за эти двѣнадцать мѣсяцевъ.

И въ испытаніяхъ этихъ онъ оказался сломленнымъ и потрясеннымъ до самыхъ основъ своихъ и не выдержалъ крайняго напряженія всѣхъ силъ. Оттого то годъ этотъ имѣетъ роковое значеніе, ибо неудачи его и горькія переживанія, рядомъ съ упорной, устойчивой доблестью лучшихъ представителей

народа, предопредѣлили дальнѣйшую катастрофу: послѣ этого года народъ, въ своемъ цѣломъ, потерялъ равновѣсіе своихъ духовныхъ силъ и сталъ уже катиться по наклонной плоскости въ бездну.

Государь Императоръ, за этотъ годъ, былъ неутомимъ, находясь въ постоянныхъ разъѣздахъ: то въ Петроградѣ, то въ одной изъ армій, — причемъ Его Величество всегда знакомился близко съ боевой обстановкой, осматривая позиціи и находясь часто въ сферѣ артиллерійскаго огня; то въ тылу, въ лазаретахъ, въ различныхъ областяхъ и городахъ Своей Имперіи. То опять въ Петроградѣ; и такъ безъ перерыва. Государь бывалъ и въ Ставкѣ, но ничѣмъ не стѣснялъ распоряженій и работы Великаго Князя Николая Николаевича, чутко понимая, съ одной стороны, отвѣтственность Верховнаго Главнокомандующаго, а съ другой — и собственную нравственную отвѣтственность.

Пассивность, которую въ этомъ отношеніи установилъ для Себя Его Величество, доходила до того, что Онъ, пріѣзжая въ Ставку, не бралъ съ Собой Своего Военнаго Министра, Генерала Сухомлинова, съ тѣхъ поръ какъ замѣтилъ явный разладъ, существовавшій между Великимъ Княземъ и Министромъ.

Кстати, слѣдуетъ сказать, что, хотя въ Сухомлиновѣ, какъ Военномъ Министрѣ, и можно было найти погрѣшности, а пожалуй и недостатки, но тѣ обвиненія, которыя сыпались на него со всѣхъ концовъ Россіи, то въ видѣ досужихъ сплетенъ, то въ видѣ коварныхъ, безсовѣстныхъ интригъ Гучкова, Поливанова и другихъ — эти обвиненія были всѣ неосновательны и носили явные признаки злостной клеветы, имѣвшей цѣлью, дискредитируя Министра, наложить тѣнь и на авторитетъ самого Монарха, этого министра назначившаго.

Я подхожу здѣсь къ краеугольному камню, врагами Царскаго Престола и Царской Россіи положенному въ основаніе всѣхъ своихъ плановъ. Имъ необходимо было довести народъ до полнаго отторженія отъ вѣрноподданнической преданности, которой народъ нашъ испоконъ вѣковъ отличался. Это, частью сознательное, частью, какъ атавистическая интуиція, воспринятое чувство препятствовало, до той поры, всѣмъ начинаніямъ и ковнямъ заговорщиковъ. Однако, за шестидесятилѣтнюю пропаганду, уже очень многое было достигнуто въ смыслѣ совращенія народа отъ его традиціонныхъ чувствованій и вѣрованій, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ. Съ воцареніемъ Государя Николая Александровича, были использованы мягкость Его Правленія и многія внутреннія и международныя обстоятельства, способствовавшія революціонной агитаціи, которая прямою, ближайшею цѣлью себѣ ставила паденіе Царскаго обаянія въ сердцахъ и умахъ народныхъ.

Была пущена въ ходъ сложная сѣть клеветы, сплетенъ, извращеній и самой отъявленной лжи, съ помощью каковыхъ пріемовъ, къ началу войны, авторитетъ очередного Носителя Мономахова Вѣнца былъ уже подорванъ.

Къ тому времени, въ умахъ творцовъ чернаго замысла, и Государь Императоръ, и Государыня Императрица Александра Θеодоровна, и Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ — почитались уже уготовленными, обреченными Жертвами.

Предвкушая злобную радость приближавшагося торжества, діавольскіе слуги усиливали и расширяли свою дѣятельность и, какъ пауки, опутывали своей подлой паутиной, еще не подозрѣвавшихъ неминуемости удара уже занесеннаго надъ Ними жертвеннаго ножа, Вождей старой, великой, могучей, счастливой, Державной Россіи.

Начало войны я считаю первымъ, уже реальнымъ, этапомъ Крестнаго Пути Царя и Его Семьи. Этотъ Путь, со зловѣщей и роковой неизбѣжностью, уже велъ свои жертвы на закланіе; уже черное крыло „Великаго Заговора" бросало свою зловѣщую тѣнь на Вѣнчанныя Головы, а впереди багрово-красные блики предопредѣляли грядущее мученичество Царя и всей Его, оставшейся чистой и честной, Россіи. Увы, не велика оказалась честная Россія . . .

Къ описанію этого Пути я рѣшилъ приступить, съ благоговѣніемъ до глубины души разстроганнаго чувства, съ неизмѣннымъ поклоненіемъ моимъ завѣтнымъ святынямъ, съ вѣрой, надеждой и упованіями, которыя теперь начинаютъ распространяться по всей Россіи, гдѣ стелется и ростетъ грозно-сладостный шепотъ о Чудесномъ Спасеніи и о близости Возрожденія.

Діаволы, воплотившіеся среди современныхъ поколѣній Русскаго народа, и сыны сатанинскаго племени оттого на войну и возлагали свои большія надежды, что Государево Имя уже для многихъ въ народной средѣ не свѣтило прежнимъ озареніемъ неприкосновеннаго Символа; что клеветники и растлители, какъ черви гложутъ внутренность дерева и готовятъ его разрушеніе, уже расшатали многіе устои славнаго Всероссійскаго Престола Самодержавныхъ народныхъ Вождей, и можно было вершителямъ зла съ полнымъ основаніемъ надѣяться, что война, съ ея неизбѣжными потрясеніями и разрухой громовыхъ, катастрофическихъ неудачъ, довершитъ еще недодѣланное.

Но глава Государевы . . . Но ласковая улыбка на Его кроткихъ устахъ . . . Но неотразимая обаятельность Его царственнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующе-человѣчнаго обхожденія . . . Но чистые помыслы и чистое сердце Его . . . Это все были помѣхи; это были крѣпкія преграды, надежнѣе вооруженныхъ конвоевъ ограждавшія отъ сатанинской злобы. И какъ

разъ во время войны, силою обстоятельствъ, чары этихъ глазъ должны были широко повсюду распространить свое умиротворяющее воздѣйствіе.

Такъ въ дѣйствительности и было. И офицеры, и нижніе чины, никогда раньше не видавшіе Государя, и жители далекихъ тыловыхъ городовъ, никогда и не мечтавшіе о такой встрѣчѣ, — и на позиціяхъ, и въ лазаретахъ, и на частныхъ пріемахъ, видѣли ласку этихъ глазъ, воспринимали благостное вліяніе чистой Царской души, и уже рѣдко кто могъ отойти отъ непосредственно прочувствованныхъ впечатлѣній. Для дискредитированія Царской Власти ядъ клеветы терялъ тлетворное свое дѣйствіе.

Многіе изъ тѣхъ офицеровъ военнаго времени, у которыхъ наши традиціонныя вѣрноподданническія чувства были довольно шатки и неопредѣленны, а то и вовсе отсутствовали, разсказывали, что, увидавъ хоть разъ эти глаза, уже нельзя было оторваться отъ ихъ притягивающей силы, дѣлавшей вѣрноподданнымъ почти готоваго революціонера (но не изъ разряда „мѣднолобыхъ": эти — безнадежны) и оставлявшей въ памяти неизгладимый отпечатокъ.

Но русско-германскую войну и русско-германскую революцію уготовили такіе большіе люди, и въ ихъ распоряженіи находились настолько могучія силы милліардовъ, сплоченности, организаціи, тайны и нравственной неразборчивости въ дѣйствіяхъ, что всѣ послѣднія преграды, послѣднія, изнемогающія усилія Добра, обречены были на разгромъ и паденіе предъ торжествующимъ, превозмогающимъ всѣ препоны, давно подготовленнымъ натискомъ Зла. Міръ уже тогда всецѣло былъ порабощенъ властвованіемъ Люцифера, земного, плотскаго бога, подъявшаго животную природу человѣка силой грубыхъ и низменныхъ, но реальныхъ, близкихъ, упрощенныхъ и тѣмъ болѣе соблазнительныхъ вожделѣній.

И время тогда было такое, которое торжеству Люцифера повсемѣстно способствовало. Слабы и немощны были свѣтлыя излученія среди окутавшихъ землю флюидовъ зла, насилій, убійства, человѣконенавистничества и неправедныхъ стяжаній. Вся земля стонала предсмертными стенаніями сотенъ тысячъ, милліоновъ молодыхъ жизней, во цвѣтѣ лѣтъ прерывавшихъ, досрочно, свыше опредѣленныя предназначенія. Густой туманъ этихъ ядовитыхъ флюидовъ застилалъ нашу землю отъ Предвѣчнаго Свѣта и Его лучезарныхъ проникновеній. Но еще не пресыщена была земля переизбыткомъ совершеннаго зла, непомѣрностью избытыхъ страданій. Еще сонмы замученныхъ жертвъ не вопіяли къ Небу о возмездіи.

Теперь, съ проясненнымъ сознаніемъ, уразумѣвъ справедливое соотвѣтствіе грѣха, искупленія и возмездія, мы уже можемъ,

оглядываясь назадъ, отдавать себѣ отчетъ въ совершавшемся.

Для насъ теперь понятна вся мудрость, положенная въ послѣдовательную смѣну событій. Беззащитная, чистая и невинная Жертва Праведника, измученнаго, но не замученнаго, пройдя чередъ бездомнаго Сибирскаго Странника, превратилась въ грознаго для враговъ нашихъ Великана, котораго обратное, неотразимое, побѣдоносное шествіе сулитъ помутившемуся, во тьму погруженному народу возвратъ къ Свѣту, Добру и Счастью.

Ожесточенно и яростно разгоралась борьба, въ которой суждено было тьмѣ восторжествовать надъ Свѣтомъ, злу надъ Добромъ и неправдѣ надъ Правдой.

Не одни „Лучистые Глаза" разъѣзжали по фронтамъ нашихъ Армій. Разъѣзжали и другіе. Война давала возможность такъ широко распространить и усовершенствовать агитацію измѣны, бунта и преступленія, какъ никогда, въ пресловутыхъ своихъ подпольяхъ, не мечтали о томъ революціонные агенты подготовительныхъ эпохъ.

Были и „Земскіе Союзы", и лазареты и санитарные поѣзда, и евреи-вольноопредѣляющіеся, въ перемежку съ русской одураченной молодежью, и вполнѣ къ революціи подготовленные прапорщики, да и офицеры болѣе высокихъ чиновъ, и солдаты изъ насквозь развращенной рабочей среды, и спеціалисты-агитаторы, и генералы генеральнаго штаба, и члены государственной думы, и евреи врачи, и врачи русскіе, и еврейское населеніе западныхъ мѣстечекъ и городовъ, фабрики и заводы обширной нашей Родины. Цѣлая армія, фанатичная и злобная, ополчилась противъ „Лучистыхъ Глазъ".

И всетаки, не такъ легко было побороть эти „Глаза!" Кромѣ собственныхъ чаръ праведности и правды, за Ними стояли тысячелѣтняя исторія Россіи и трехсотлѣтнее великое дѣло Державныхъ Предковъ. За Августѣйшимъ Именемъ стояли врожденныя, унаслѣдованныя чувства народа, предугадывавшаго, въ своемъ подсознаніи, что съ этими „Глазами" онъ связанъ и Прошлымъ, и Настоящимъ, и Будущимъ, какъ съ неотмѣннымъ условіемъ своего благосостоянія, могущества, преуспѣянія и счастья.

Надо было, слѣдовательно, никакими средствами не брезгать, чтобы добиться своей кромѣшной побѣды. Но намъ всѣмъ извѣстно, что не брезгливы на средства сыны обрѣзаннаго племени.

У каждаго человѣка имѣется своя „святая святыхъ", которой часто даже отъявленный преступникъ, обагренный кровью своихъ злодѣяній убійца, не дерзаетъ коснуться. Это святилище есть семья, семейный очагъ, — отецъ, мать,

жена, дѣти, сестры, — сосредоточеніе чистыхъ и высокихъ порывовъ души, самыхъ дорогихъ сердцу каждаго привязанностей, наиболѣе чуждыхъ разсчета и эгоизма заботъ.

То, что для отверженнаго злодѣя можетъ казаться неприкосновеннымъ, такимъ не представлялось русско-еврейскимъ революціонерамъ, давно отказавшимся отъ какихъ либо предразсудковъ, по ихъ мнѣнію, ненужныхъ остатковъ отжитой, какъ имъ кажется, старины. Для осуществленія своихъ замысловъ, которыхъ торжество Россія нынѣ во всей красѣ видитъ и чувствуетъ, сіи „благодѣтели народные" не остановились передъ тѣмъ, чтобъ пытаться осквернить клеветой, извращенными толкованіями, ложью, подтасовкой передержекъ, сплетенъ и слуховъ, Государевъ чистый, высокій, образцовый, клеветѣ неприступный Семейный Очагъ . . .

И въ этомъ смрадномъ дѣлѣ жидовской подлости кто же принялъ участіе? Многіе, очень многіе русскіе люди, и даже значительная часть Петроградскаго „Большого Свѣта", высшаго Петроградскаго общества!

Армія агентовъ, работавшая во время войны въ цѣляхъ подготовки революціи, была, какъ мы указали уже, очень многочисленна и съ каждымъ днемъ увеличивалась новыми совращенными.

Агенты эти были частью сознательными слугами революціи, т. е. принадлежали къ одной изъ оппозиціонныхъ политическихъ партій — а такими были всѣ до кадетъ включительно и даже правѣе — частью несознательными, болтавшими языкомъ „за свой страхъ", но не менѣе вредными, ибо эти послѣдніе были также дѣятельными разносителями всевозможныхъ сплетенъ, сенсаціонныхъ слуховъ и толкованій, и часто не менѣе ретиво усердствовали на пользу приближавшейся революціи, чѣмъ тѣ, которые, такъ сказать, „по обязанностямъ службы", за получаемыя подачки и выгоды, вели опредѣленно тенденціозную агитацію, или же по убѣжденіямъ своимъ, подчиняясь инструкціямъ своихъ вожаковъ и такъ называемой „партійной дисциплинѣ".

Такимъ образомъ, вся Россія находилась въ бурливомъ броженіи за это время послѣдней подготовительной стадіи задуманнаго злого дѣла, исполнявшагося съ образцовой планомѣрностью. Во время тягчайшей войны, когда либо веденной Россіей, слѣпые и безчестные русскіе люди не совѣстились волновать какъ тылъ, такъ и фронтъ нездоровымъ, парализующимъ оборонительныя силы Страны, возбужденіемъ . . .

Само собой разумѣется, что главнымъ основаніемъ для успѣховъ агитаціи во всѣхъ классахъ общества была тема, богатѣйшая и благодарнѣйшая по содержанію и по изобилію

вымысловъ, переплетенныхъ пополамъ съ правдой. Я имѣю въ виду, какъ читатель догадывается, разсказы и яко бы „разоблаченія" касательно Григорія Распутина, таинственнаго проходимца, появившагося невѣдомо какъ и откуда изъ глубинъ неизвѣстности и исчезнувшаго тогда, когда роль его была исчерпана, его значеніе стало ненужнымъ, и пьяные подвиги его никому пользы принести уже не могли. Дѣло было сдѣлано, и существованіе этого „героя нашего времени" (по времени и „герой") теряло всякіе смыслъ и интересъ. Больше того — дальнѣйшее пребываніе его въ сей земной юдоли могло оказаться даже и вреднымъ.

Въ этомъ очеркѣ, посвященномъ Царю и Его Семьѣ въ связи съ нашей революціонной трагедіей, о такой личности, какой былъ Григорій Распутинъ, нельзя говорить только въ нѣсколькихъ строкахъ. Поэтому, ниже, въ отдѣльной главѣ, я постараюсь разобраться въ этомъ больномъ, мрачномъ и загадочномъ эпизодѣ изъ Царствованія нашего Государя, и для самого Государя, и для всей Россіи имѣвшемъ такое роковое значеніе, а пока — я оставляю этотъ эпизодъ въ сторонѣ.

Революціонные „партійные работники" (этимъ пошлымъ терминомъ они сами себя называютъ) работали усердно и успѣшно во славу грядущей смуты. Но они, до нѣкоторой степени, уподоблялись прежнимъ „подпольнымъ" агентамъ, имѣвшимъ всегда большое вліяніе на довѣрчивость и впечатлительность и низшихъ, и среднихъ классовъ, но въ высшихъ, самыхъ образованныхъ и культурныхъ кругахъ русскаго общества (въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду не именно „свѣтскіе", но вообще культурно высшіе круги), — ихъ вліяніе могло быть только ничтожнымъ.

А между тѣмъ, „Великій Заговоръ" тѣмъ и отличался отъ другихъ заговоровъ подобнаго же рода, что, какъ то было и сто съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ, во времена французской революціи, рѣшено было захватить въ общую волну, увлекавшую все человѣчество въ желательномъ направленіи, всѣ классы общества цѣликомъ. Разумѣется, не разсчитывали на то, что и всѣ умные, культурные и порядочные люди выкажутъ общее сочувствіе революціонному движенію, но стремились нигдѣ въ массахъ не встрѣтить объединеннаго противодѣйствія, ни тѣмъ паче организованной, планомѣрной борьбы. Понимая отлично, по собственному опыту, важное, рѣшающее значеніе сплоченной организованности, стремились къ тому, чтобы не встрѣтить таковой въ какихъ либо обратныхъ общественныхъ теченіяхъ, которыя могли и должны были возникать на пути надвигавшагося не только русскаго, но, какъ и подтвердили дальнѣйшія событія, міроваго бѣдствія.

Кто знаетъ русскіе общественные круги и характеръ ихъ полной разобщенности тамъ, гдѣ твердая государственная власть ихъ не объединяетъ и не приспосабливаетъ къ производительному участію въ общемъ дѣлѣ государственнаго устроенія, кто отдаетъ себѣ отчетъ въ полной не то неподготовленности, не то, вѣрнѣе, неспособности русскихъ людей къ общественной самодѣятельности — для того не должно быть удивительнымъ, что такъ легко было расшатать и деморализовать малодушное русское общество, лишенное указки сверху, лишенное водительства своей Верховной Власти, и сдѣлать немощнымъ передъ свирѣпымъ натискомъ, знаменовавшимъ гибель этого самаго общества. Въ этомъ отношеніи великіе мастера своего дѣла не ошиблись и съумѣли парализовать какое бы то ни было серьезное общественное противодѣйствіе въ Россіи. Позже, такого же успѣха, при такомъ же отсутствіи серьезнаго и умнаго отпора, они достигли и въ Германіи.

Но, какъ ни слабы были силы сопротивляемости представителей старой культуры, обреченной разгрому и распаденію, надо было и въ этомъ направленіи организовать работу дѣятельную и соотвѣтственную, для которой мало годились мелкіе, безвѣстные агитаторы. Нужны были крупныя имена и всѣми признанные авторитеты. Противъ силъ русской общественности надо было двинуть популярныхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Такіе дѣятели нашлись въ достаточномъ количествѣ, даже съ такимъ крупнымъ значеніемъ имени, общественнаго положенія и внѣшняго, наружнаго облика, при ничтожномъ значеніи внутренняго содержанія, какимъ былъ и послужилъ дѣлу революціи, не вѣдая, что творитъ, тщеславный, напыщенный, самодовольный, но по существу лично бездарный, ограниченный умомъ Родзянко, заслужившій себѣ гадливое презрѣніе всѣхъ честныхъ и разумныхъ русскихъ людей.

Но не могъ творить главную подготовительную работу Родзянко, выпущенный только въ послѣдній моментъ какъ представительный статистъ, какъ пустозвонная, но кричащая реклама самаго низкаго и гнуснаго „Дѣйства", какое только знала наша Исторія.

Нашлись люди, болѣе подходящіе, чѣмъ Родзянко, которыхъ умъ, дарованія, энергія и вся предшествовавшая общественная дѣятельность давно пріобрѣли по всей Россіи широкую популярность. Я имѣю въ виду покойнаго Пуришкевича и Гучкова.

Къ обѣимъ этимъ недюжиннымъ личностямъ я, до революціи, относился съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что въ то время я совсѣмъ не зналъ нѣкоторыхъ изнанокъ, существовавшихъ и тогда. Особенно я сочувствовалъ

Пуришкевичу. Талантливый, блестяще даровитый, рѣдко образованный и начитанный, большого ума и большихъ творческихъ способностей, одинаковаго со мной, какъ мнѣ не только казалось, но какъ дѣйствительно тогда и было, политическаго склада мыслей, Владиміръ Митрофановичъ мнѣ очень нравился, и я былъ его горячимъ сторонникомъ. Въ его замыслѣ, осуществленномъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, какъ разъ наканунѣ войны, относительно учрежденія Филаретовскаго Общества, я видѣлъ большую государственную мысль и всецѣло присоединился къ этому начинанію. Былъ я также членомъ Союза Михаила Архангела и немного содѣйствовалъ въ составленіи выпусковъ „Книги Русской Скорби".

Дѣйствія и линія поведенія Пуришкевича во время войны и революціи меня уже отъ него отвращали, хотя нельзя было не отдать справедливости его высокополезной дѣятельности по Красному Кресту. Во время революціи я уже совершенно отъ него отошелъ.

Чрезвычайно жаль, что этотъ человѣкъ, взысканный Богомъ дарами, граничившими съ геніальностью (но никогда границу не переходившими), былъ чрезмѣрно обуянъ личными чувствами, какъ то — надменнымъ самомнѣніемъ, любовью къ популярности и стремленіемъ къ исключительному преобладанію надъ всѣми другими, большой пристрастностью и нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, а потому и неуживчивостью характера, склонностью, подъ вліяніемъ своихъ увлеченій и чувствъ, не разбираться въ средствахъ для достиженія цѣлей, и недостаточно обдуманно и осторожно относиться къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ своимъ. Главнымъ недостаткомъ его было поклоненіе своему „Я", шедшему въ его психикѣ впереди и выше всего остального. Увы, этотъ порокъ вообще свойственъ, какъ никому, именно русскимъ крупнымъ людямъ и часто парализуетъ ту пользу, которую эти люди могли бы принести своей Родинѣ.

Что касается Гучкова, друга Столыпина, бывшаго умѣренныхъ политическихъ убѣжденій скорѣе консервативнаго направленія, то онъ раньше, до войны, представлялся мнѣ очень умнымъ, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, но кромѣ того искреннимъ и горячимъ патріотомъ, въ своей общественной дѣятельности ищущимъ служенія общему благу Родины, но никакъ не личнымъ мотивамъ и побужденіямъ.

Гораздо позднѣе я понялъ его такимъ, какимъ онъ теперь мнѣ представляется, — а именно страстнымъ, самовлюбленнымъ честолюбцемъ (опять тотъ же обще-русскій порокъ), всевластно отдавшимся желанію играть крупную политическую и общественную роль и ради этой цѣли готовымъ разрушать всѣ преграды, представляющіяся на пути.

Кромѣ того, несмотря на весь его умъ и большія способности, этотъ человѣкъ принадлежитъ къ разряду роковыхъ неудачниковъ, которыхъ преслѣдуетъ какая то особая судьба, разрушающая и извращающая всякое дѣло, ими предпринимаемое. Происходитъ это, можетъ быть, потому, что у многихъ такихъ людей чувство личнаго честолюбія преобладаетъ надъ стремленіемъ идти по пути безкорыстнаго служенія цѣлямъ общаго блага и въ сознаніи исполненнаго, по мѣрѣ силъ и способностей, долга находить достаточное удовлетвореніе и награду за свои труды.

Какъ до, такъ и во время войны, Гучковъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ, очень мало достойнымъ уваженія, такимъ же честолюбцемъ и большимъ интриганомъ, генераломъ Поливановымъ, ополчился противъ Военнаго Министра, Генерала Сухомлинова, преслѣдовалъ его своей яростной и придирчивой критикой и довелъ до скамьи подсудимыхъ за преступленія, которыя Сухомлиновъ никогда не совершалъ, по обвиненію его въ измѣнѣ Родинѣ и предательствѣ, ради корыстныхъ цѣлей.

Казалось бы, что, рѣшаясь взять на себя нравственную отвѣтственность за обвиненіе кого либо въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ преступленій, какими можетъ быть отягощена совѣсть человѣческая, Гучковъ долженъ былъ основываться на болѣе вѣскихъ данныхъ, нежели пристрастный, бездоказательный шепотъ и ревнивыя натравливанія обойденнаго карьериста, Поливанова. На судѣ, между тѣмъ, выяснилось, что другихъ доказательствъ, кромѣ подобнаго рода инсинуацій, у Гучкова не оказалось, хотя онъ раньше очень много кричалъ о неопровержимости доказательствъ, имѣвшихся у него въ рукахъ. Ему вѣрили, не ожидая отъ Александра Ивановича такого легкомыслія и такого увлеченія своими враждебными къ Сухомлинову и честолюбивыми чувствами. Только на судѣ выяснилось, что никакихъ серьезныхъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ страшныхъ обвиненій Гучковъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, ибо Сухомлиновъ въ предательствѣ, измѣнѣ Родинѣ, никогда виновнымъ не былъ.

Такое легкомысліе и такое пристрастіе, кѣмъ бы ни проявлялись — а особенно когда оказался въ нихъ повиннымъ крупный общественный дѣятель — никакого оправданія не могутъ найти со стороны людей съ мало-мальски развитой этикой.

На судѣ, состоявшемся уже во времена беззаконія и попранія всѣхъ правовыхъ основъ, во времена Керенскаго, Сухомлиновъ былъ обвиненъ очень шаткимъ и двусмысленнымъ приговоромъ, притомъ вынужденнымъ, ибо остервенѣлая шайка революціонныхъ солдатъ яростно требовала обвинительнаго приговора, и судьи, боясь за свою жизнь, какъ и многіе другіе малодушные люди того времени, предпочли пожертвовать своей

честью и велѣніями совѣсти (судейской совѣсти, т. е. двойного священнаго долга), чѣмъ жизнью. Такъ и предупреждалъ судей прокуроръ Носовичъ, навѣки опозорившій свое имя и званіе, умоляя непремѣнно вынести обвинительный приговоръ, каково бы ни было убѣжденіе судей, ибо иначе, по его словамъ, и ему, и судьямъ угрожала дикая расправа отъ тутъ же на судѣ бушевавшей черни.

Изъ процесса вполнѣ убѣдительно выяснилось, что всѣ обвиненія основаны были на злобныхъ, личными интригами вызванныхъ и недобросовѣстныхъ сплетняхъ Поливанова, разсказывавшаго своему другу разныя подробности о государственныхъ дѣлахъ, которыя, по Присягѣ, онъ никому повѣрять не смѣлъ, и которыя вдобавокъ онъ извращалъ, изъ личныхъ соображеній честолюбиваго соперничества.

Невольно растетъ въ душѣ гадливое чувство, когда вспомнишь о всѣхъ гадостяхъ и мерзостяхъ, сотворенныхъ такимъ множествомъ русскихъ людишекъ послѣдняго времени.

Будучи строгимъ критикомъ Военнаго Министра Сухомлинова, и даже будучи правымъ кое въ какихъ мелочахъ, но ни въ одномъ изъ главныхъ своихъ обвиненій, Гучковъ наконецъ самъ оказался Военнымъ Министромъ. И чѣмъ же онъ ознаменовалъ свое кратковременное, но памятное управленіе Министерствомъ, поставившее крестъ на старой доблести Русской Арміи и утвердившее первые зачатки ея разложенія и разрушенія?

Гучковъ оказался игрушкой во власти революціонной черни, которой тщетно пробовалъ угодить попустительствомъ и лестью. Подъ его эгидой былъ опубликованъ и приведенъ въ дѣйствіе знаменитый „Приказъ № 1", уничтожившій возможность существованія какой бы то ни было арміи. Съ его санкціи былъ награжденъ Георгіевскимъ Крестомъ, Орденомъ Военной Доблести, мерзавецъ Кирпичниковъ, солдатъ, изъ строя убившій своего Командира.[1]) Затѣмъ, совершивъ эти громкія дѣла, онъ ушелъ, признавъ свое безсиліе совершить что либо путное. Да ужъ нечего было и совершать! Россіи былъ крѣпко привязанъ камень на шею; оставалось только сбросить ее въ пучину. Этотъ послѣдній актъ уже произвелъ преемникъ и продолжатель Гучкова, Керенскій.

Но, по чести и совѣсти, уйти Гучковъ долженъ былъ окончательно, разъ навсегда, и съ арены общественной дѣятельности.

---

[1]) Кстати, Кирпичниковъ подлежалъ, за кражу, совершенную у товарища, разжалованію въ рядовые изъ унтеръ-офицеровъ. Убитый имъ начальникъ учебной команды, не желая порочить честь Волынца, его предназначилъ, предъ самымъ началомъ революціи, къ отправкѣ на фронтъ, сказавъ ему: „иди и въ бояхъ искупи свою вину".

Люди съ такимъ прошлымъ не имѣютъ права теперь, когда прояснилось, хоть отчасти, русское сознаніе, пробовать снова разыграть (уже разыграли достаточно!) какую либо роль въ общественной жизни.

Русская Армія отлично поняла всю циничную безтактность Гучкова въ его стремленіи прицѣпиться къ какой либо дѣятельности, чтобы сохранить хоть частичку значенія. Вскорѣ послѣ того, какъ, „стиснувъ зубы и съ болью въ сердцѣ", Гучковъ принужденъ былъ разстаться съ должностью Военнаго Министра, онъ, пользуясь своимъ чиномъ прапорщика запаса, сдѣлалъ попытку поступить въ Армію. Для этой цѣли онъ избралъ Туземную Дивизію, въ штабъ которой и явился съ предложеніемъ услугъ. На просьбу Гучкова о принятіи его въ Дивизію, Начальникъ ея отвѣтилъ, что такого вопроса, безъ согласія общества г. г. офицеровъ полковъ Дивизіи, онъ рѣшить не можетъ, и запросилъ полки телефонограммами. Отъ всѣхъ шести полковъ пришли рѣзкіе отвѣты, что Гучкову въ нихъ мѣста нѣтъ. Было тѣмъ болѣе конфузно, что газеты уже успѣли протрубить о томъ, что „Гучковъ поступаетъ добровольцемъ въ ‚Дикую' Дивизію." Кромѣ этой нравственной пощечины, Гучкову пришлось претерпѣть еще цѣлый рядъ и физическихъ: отъ Ротмистра Баранова — въ Крыму, Корнета Таборицкаго въ Берлинѣ, и т. д. Непріятныя минуты пережитыхъ оскорбленій врядъ-ли, однако, пробудили преступную совѣсть Гучкова . . .

О, Александръ Ивановичъ! . . . Уйдите въ скромную неизвѣстность частной жизни и тогда, на досугѣ, постарайтесь разобраться со своей совѣстью и понять, насколько Вы своей политической дѣятельностью оказались тяжко виновнымъ передъ Вашимъ Государемъ и Вашей Родиной. Насколько Вы личную месть преслѣдовали по отношенію къ Государю, недостаточно, по Вашему мнѣнію, цѣнившему Вашу личность, и насколько Вы, ради личнаго честолюбія, поступались интересами и счастьемъ Россіи.

Виновны Вы и въ томъ, что совершенно переоцѣнили свои силы и, будучи вполнѣ неспособнымъ что либо путное создавать и организовывать, взялись какъ разъ за творчество и организацію, которыя низвели на плоскость политической интриги. Поэтому каждое Ваше начинаніе неминуемо кончалось неудачей, стоившей часто Вашей Родинѣ очень дорогой цѣны, ибо за ошибки не въ мѣру ретивыхъ и не въ мѣру самонадѣянныхъ „спасателей отечества" она расплачивается кровью лучшихъ своихъ сыновъ и достояніемъ, великими предками пріобрѣтеннымъ.

Они велики были, эти Предки, потому что они были государственниками, охранителями и творцами государственнаго

могущества. А Вы, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, таковымъ въ нашемъ мнѣніи не числитесь, а потому отойдите отъ того, что оказалось вовсе не Вашимъ дѣломъ; займитесь собственной своей особой; а дѣлъ общихъ, государственныхъ — не трогайте.

Вамъ стыдно такъ цѣпляться за то, чтобъ удержаться на положеніи „крупнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля“. Вы этого положенія не выдержали и свалились съ высоты Вашей былой популярности. Ваше паденіе было справедливо и естественно; и неестественно будетъ и несправедливо, если Вы будете вновь стремиться вскарабкаться на тотъ шестъ рекламы и самоублаженія, на которомъ не удержались. Вы и умный, и культурный, и образованный человѣкъ — что въ Россіи нашихъ дней встрѣчается не часто: а потому Вамъ должно быть стыдно всего этого не понимать.

Извинительно, когда узколобый старичокъ Бурцевъ, ограниченнаго ума и тупого, упрямаго, фанатичнаго образа мыслей, не понимаетъ, что такое онъ собой представляетъ, чѣмъ онъ безмѣрно виноватъ передъ Родиной, — и все еще топорщится и стремится играть какую то общественную роль.

Простительно и оголтѣлой старухѣ Брешковской трепать свои юбки, выкраденныя изъ гардеробовъ Зимняго Дворца, и выкрикивать на разныхъ публичныхъ собраніяхъ свои истерическія благоглупости. Что съ нея и спрашивать, и взыскать — съ этой старой революціонной шутихи . . .

Естественно, что и пройдоха Керенскій не унимается: на то онъ и пройдоха Хлестаковскаго типа, и ему съ Вами не пара, Александръ Ивановичъ. Говорю это, несмотря на мое вполнѣ отрицательное отношеніе къ Вамъ. Вы — великій преступникъ передъ Царемъ и Родиной; но пройдохой Васъ никто не смѣетъ назвать.

Не примѣръ Вамъ и Савинковъ: этого каторжника одна только петля уйметъ, и я убѣжденъ, что этой петли ему и не миновать.

Посмотрите на нѣкоторыхъ, правда — немногочисленныхъ, „коллегъ“ вашихъ, которые, повидимому, добросовѣстно сознали свою неизбытную вину и ведутъ себя съ большимъ достоинствомъ, тактичнѣе и благоразумнѣе: они затихли, спрятались и „никуда не рыпаются“. И умно дѣлаютъ.

Ваша роль — всѣхъ подготовителей, дѣлателей, пособниковъ и участниковъ революціи — кончена. Вы свое сдѣлали. Не съ вами будемъ мы возстанавливать и устраивать нашу Святую Русь, излѣчивать ея раны. Отойдите же отъ насъ! . . .

Какъ бы ни была возмутительна роль, которую разыграли Гучковъ и Пуришкевичъ въ дѣлѣ подготовки всероссійской

трагедіи, я не посмѣю оскорбить ни того, ни другого страшнымъ подозрѣніемъ, не были ли они сознательными агентами евреевъ, помогавшими общему еврейско-масонскому заговору. Нѣтъ, такими они, по глубокому моему убѣжденію, не были: на такое черное, безпросвѣтно-мрачнаго преступленія дѣло они не были способны, ибо, послѣ самихъ себя, они все-таки и Родину свою любили и ее сознательно предавать не стали бы.

Но безсознательно они принесли великую пользу дѣлу еврейской революціи. Два самыхъ крупныхъ общественныхъ дѣятеля Россіи; одинъ — крайній правый; другой — умѣренный консерваторъ; оба — монархисты. И оба, изъ-за личныхъ непріязненныхъ чувствъ къ Царственной Четѣ — въ рядахъ противниковъ того Режима, за который, въ принципѣ, стояли и который полагали устоемъ своихъ политическихъ убѣжденій. Это ли не былъ козырь въ рукахъ враговъ Царской Россіи!

Это ли не способствовало, лучше сотенъ собственныхъ агитаторовъ, дѣлу ниспроверженія Всероссійскаго Престола.

А первый выстрѣлъ революціи, произведенный Пуришкевичемъ въ ночь кошмарнаго, гнуснаго убійства гнуснаго Распутина, чего стоилъ! Нельзя забывать, что этотъ выстрѣлъ былъ сигналомъ къ началу открытаго натиска на старую Россію.

Позже, когда Гучковъ и Пуришкевичъ дѣло свое уже сдѣлали, ихъ обоихъ можно было и убрать въ сторону, что и исполнено было, какъ совершенно не соотвѣтствовавшихъ конечнымъ цѣлямъ жидовъ-революціонеровъ и русскихъ революціонеровъ-жидовствующихъ.

Но пока, ихъ дѣятельность была несказанно цѣнной для общей работы низверженія Россіи въ бездну, а потому, среди творцовъ революціи, они оба занимаютъ видное мѣсто.

Къ довершенію „революціоннаго благополучія", оба они стояли во главѣ крупныхъ организацій Краснаго Креста, такъ что не только въ Россіи, въ Государственной Думѣ, на партійныхъ засѣданіяхъ, въ салонахъ и ресторанахъ тыловой жизни они могли широко вліять своими настроеніями, рѣзко оппозиціонными по отношенію къ существовавшему Правительству и даже прямо къ Царю и Его Семьѣ, но, постоянно разъѣзжая по всѣмъ фронтамъ всѣхъ армій, они вліяніе свое распространяли и тамъ, гдѣ надо было бережно охранять отъ вредныхъ, наносныхъ вліяній сей оплотъ, сію защиту Россіи, это средоточіе мучительно-напряженныхъ упованій Русской Земли[1]).

И не счесть, сколько честныхъ, простыхъ и безхитростныхъ офицерскихъ умовъ смутили эти два человѣка своими разсказами, своей критикой, своими „разоблаченіями", почти

[1]) Въ послѣднее до-революціонное время, Гучковъ занималъ еще болѣе высокое и вліятельное общественное положеніе, еще болѣе способствовавшее успѣхамъ его безсовѣстной пропаганды.

всегда въ корнѣ ложными, пристрастными или ошибочными, а не то — непровѣренными слухами, простыми бабьими сплетнями и пересудами. Такъ эти два человѣка, вслѣдствіе разныхъ личныхъ побужденій своихъ повышенныхъ самолюбій и честолюбій, вслѣдствіе любви къ рекламѣ, популярности и общественному своему значенію, рубили сукъ, на которомъ сами сидѣли, и съ паденіемъ котораго рухнула Россія.

А такихъ людей, какъ Гучковъ и, въ особенности, Пуришкевичъ, у насъ такъ мало . . . Сколько бы пользы и добра они могли сдѣлать, еслибъ были менѣе самоувѣренны, себялюбивы и честолюбивы, и добросовѣстнѣе, самоотверженнѣе и дѣльнѣе; еслибъ умѣли къ болѣе скромной и производительной дѣятельности примѣнить свой дарованія . . .

На фронтахъ нашихъ армій Гучковъ, съ мрачнымъ, безнадежно-унылымъ, многозначительно-укоризненнымъ видомъ, объѣзжая лазареты, тыловыя части и самыя позиціи, спеціализировалъ главнымъ образомъ свои критическія наклонности („La critique est si aisée!“) на Военномъ Министерствѣ и . . . оттуда критика поднималась и до Главы Государства, до Государя Императора.

Что касается Пуришкевича, то онъ выбралъ себѣ спеціальностью негодующіе выпады, намеки и прямыя укоризны, направленные противъ Семьи Государевой, въ Лицѣ Государыни Императрицы.

Ея Величество, кажется, по его мнѣнію, не достаточно цѣнила его дѣйствительно полезную, талантливую и энергичную дѣятельность организатора и администратора санитарныхъ поѣздовъ и другихъ нужныхъ отраслей Краснаго Креста. Въ дѣйствительности, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Какъ всегда властный и нетерпимый, Пуришкевичъ требовалъ вездѣ и всюду своимъ организаціямъ первенства и преобладанія надъ всѣми другими, въ то время какъ Государыня Императрица Александра Өеодоровна мудро и справедливо стремилась къ нивеллированію и равноправію всѣхъ организацій и учрежденій, служившихъ общимъ цѣлямъ, и требовала искорененія какихъ либо интригъ и соперничества, роняющихъ святое дѣло самоотверженныхъ, альтруистическихъ порывовъ и стремленій русской души къ посильному труду на пользу и помощь нашимъ воинамъ. Императрица одинаково и безпристрастно покровительствовала и помогала всѣмъ, работавшимъ на этомъ поприщѣ, независимо отъ личностей и большаго или меньшаго умѣнія каждаго приспособить и примѣнить свои силы. Казалось бы даже, что, по сути вещей, болѣе слабыя силы и меньшее умѣніе, при одинаково искреннихъ и благородныхъ намѣреніяхъ, требовали и больше помощи, и больше наблюденія и вниманія. Этого Пуришкевичъ никакъ не умѣлъ понять: внѣ

общаго восхваленія, лести и ублаженія, внѣ превозвышенія надъ всѣми другими — ему жизнь была не въ жизнь; а потому онъ всегда злобствовалъ противъ тѣхъ, кто не оказывалъ ему исключительнаго вниманія и не ставилъ на особый пьедесталъ.

Вотъ, какъ мнѣ кажется, начало и мотивъ, можетъ быть не вполнѣ сознательный и для самого Пуришкевича, его жгучей ненависти къ Государынѣ, этой непонятой въ Россіи и такъ неоцѣненной, чистой, благородной, доброй и умной женщинѣ, такъ много оклеветанной и опороченной, съ такимъ достоинствомъ несшей мученическій вѣнецъ, которымъ Ее увѣнчалъ неблагодарный народъ, Ею такъ сердечно и искренно любимый.

Вполнѣ допускаю, что Пуришкевичъ себѣ самому не отдавалъ вполнѣ яснаго отчета въ первоначальныхъ причинахъ своей ненависти; но я вполнѣ убѣжденъ, что было въ дѣйствительности такъ, какъ я толкую его чувство. Пуришкевичъ былъ уязвленъ въ своемъ безграничномъ самомнѣніи тѣмъ, что Государыня не достаточно цѣнитъ и превозноситъ „геніальнаго Пуришкевича", какъ и Гучковъ, при такомъ же самомнѣніи, уязвленъ былъ Государемъ, недостаточно цѣнившимъ „геніальнаго Гучкова".

Для точности, слѣдуетъ оговорить, что дѣло, въ сущности, обстояло не совсѣмъ такъ. Въ началѣ выступленія Гучкова на арену крупной общественной дѣятельности, еще во времена Столыпина, Государь Императоръ очень цѣнилъ его, какъ выдающагося по уму и талантамъ человѣка. Въ бытность его Предсѣдателемъ Государственной Думы, Его Величество соизволилъ даже выказать ему особый знакъ довѣрія. Въ Думѣ тогда предстояли пренія по утвержденію кредитовъ на церковно-приходскія школы. Государь вызвалъ къ Себѣ Гучкова и просилъ его, въ Личное Его Величеству одолженіе, поддержать школы и такъ руководить преніями, чтобъ оградить достоинство Церкви отъ рѣзкихъ выступленій со стороны лѣвыхъ партій.

Гучковъ обѣщалъ исполнить желаніе Государя, но оказалось, что обѣщанія своего онъ не исполнилъ, ибо пренія приняли очень рѣзкій, ожесточенный характеръ, и проектъ кредитовъ на школы былъ проваленъ. Съ тѣхъ поръ Государь Императоръ измѣнилъ свое отношеніе къ Гучкову.

Какъ для Гучкова мнимая измѣна Сухомлинова была предлогомъ для критики Правительства, т. е. въ сущности Государя, такъ для Пуришкевича былъ подъ руками другой предлогъ. Это былъ все тотъ же развратный, загадочный Сибирскій мужикъ, сыгравшій въ жизни Государыни нашей роль, совершенно подобную роли Каліостро — еврея Якова Бальзамо — въ жизни Королевы Маріи-Антуанеты. Французская Королева была такой же чистой, невинной и благород-

ной жертвой безсмысленной и низменной злобы, какою была и наша дорогая, высоко чтимая всѣми знавшими Ее, Государыня.

Разсказы Пуришкевича, которые онъ не стѣснялся распространять въ арміяхъ, вызывали много смущенія и возбужденія умовъ. А между тѣмъ никто, или мало кто, учитывалъ, какъ много было увлеченія, пристрастія, вольной и невольной лжи въ этихъ разсказахъ, не говоря уже о постоянныхъ преувеличеніяхъ и извращеніяхъ усердной клеветы.

Кто не помнитъ знаменитой рѣчи Пуришкевича въ Государственной Думѣ осенью 1916 года, когда онъ, монархистъ, выступилъ противъ Правительства гораздо болѣе рѣзко и непримиримо, чѣмъ даже Милюковъ со своей ехидной, полной яда и подвоховъ, лживой.рѣчью, также много способствовавшей усиленію возбужденія и безпокойства среди русскихъ людей, даже изъ числа лойяльныхъ, честныхъ и вѣрныхъ, но излишне довѣрчивыхъ по отношенію къ думскимъ рѣчамъ политическихъ интригановъ и честолюбцевъ.

Пуришкевичъ тогда главнымъ образомъ ополчился противъ приближеннаго къ Государю Генерала Воейкова, громя его за разныя мнимыя злоупотребленія. Онъ особенно подробно остановился на одномъ фактѣ, который описывалъ со свойственными ему остроуміемъ и краснорѣчіемъ. Онъ разсказывалъ о томъ, что „Генералъ-отъ-Кувакеріи“ (такъ зло, хотя и остроумно, прозвалъ онъ Воейкова), желая обезпечить болѣе выгодный сбытъ своей воды „Кувака“, использовалъ будто бы свое вліяніе и значеніе и добился того, что Правительство тогда же, въ тяжелое военное время, будто бы построило особую желѣзнодорожную вѣтку отъ имѣнія Воейкова, гдѣ и былъ ключъ „Кувака“, вѣтку никому ненужную, кромѣ какъ самому Воейкову.

Этотъ разсказъ, въ то напряженное время, когда каждый такъ чувствительно относился ко всему, что касалось войны, и понималъ, сколько трудностей приносило дѣлу войны сравнительно слабое развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти — именно въ такое время разсказъ этотъ произвелъ громовое впечатлѣніе и вызвалъ много не только неудовольствія, но и негодованія, причемъ отъ генерала Воейкова подобныя чувства поднимались и выше, до самаго Престола, и бросали тѣнь на неприкосновенный авторитетъ Государя.

Этотъ разсказъ, преданный всенародной гласности устами монархиста Пуришкевича на публичномъ засѣданіи Государственной Думы, получилъ широкое распространеніе и интересамъ Монархіи принесъ огромный вредъ.

А между тѣмъ — весь этотъ разсказъ, съ начала до конца, былъ сплошнымъ вымысломъ: никакой желѣзнодорожной вѣтки черезъ имѣніе Воейкова, ни до войны, ни во время войны, Правительство не строило и строить не собиралось.

Опроверженіе въ газетахъ этой очередной клеветы прозвучало очень слабо и мало кому стало извѣстно. А между тѣмъ рѣчь Пуришкевича быстро всюду разнеслась и вызвала бурное негодованіе.

Мало кому могло придти въ голову, чтобы популярнѣйшій членъ Государственной Думы, съ высоты трибуны народнаго избранника, могъ осмѣлиться, въ видѣ факта, передавать непровѣренный слухъ, оказавшійся ложнымъ. Но вѣрно говоритъ французская пословица: „calomniez, calomniez — il en restera toujours quelque chose".

И страннымъ вышло такое совпаденіе, что Пуришкевичъ такъ яростно нападалъ именно на Генерала Воейкова, который, въ отношеніи чести, честности, общей порядочности своихъ нравственныхъ качествъ, былъ совершенно неуязвимъ. Если въ чемъ либо и можно было попрекнуть Владиміра Николаевича, то развѣ только, до нѣкоторой степени, въ томъ, что, рядомъ съ большими своими достоинствами, онъ страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, которымъ, въ сильнѣйшей степени, былъ грѣшенъ покойный Владиміръ Митрофановичъ, а именно — преувеличеннымъ самомнѣніемъ и самообожаніемъ.

Воейковъ — человѣкъ умный, дѣльный, способный и толковый. Онъ обладаетъ большимъ организаторскимъ талантомъ; умѣетъ смѣло брать на себя иниціативу, что очень рѣдко бываетъ въ Россіи, и доводить намѣченное до конца. Онъ умѣетъ быстро схватывать широкія, творческія, государственныя концепціи и примѣнять ихъ къ живому дѣлу, что также встрѣчается у насъ рѣдко. По отношенію къ своему Благодѣтелю и Покровителю, Государю Императору, онъ былъ всегда вѣрнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ, по мѣрѣ своихъ пониманія и разумѣнія.

Многіе находили его человѣкомъ мало симпатичнымъ; искреннихъ друзей онъ имѣлъ мало. За то враговъ — сколько угодно. Можетъ быть, особенности его характера многимъ не внушали симпатій. Можетъ быть, и даже навѣрное, вліяла тутъ зависть къ человѣку, избалованному жизнью, сдѣлавшему быструю и блестящую карьеру. Среди русскихъ людей послѣднихъ поколѣній вообще можно часто наблюдать, съ одной стороны, очень рѣзко выраженное самомнѣніе, или даже прямо таки самовлюбленность, переоцѣнка своей личности и своихъ заслугъ, а съ другой стороны — не менѣе развито и чувство зависти къ чужимъ заслугамъ. Всѣ наши соотечественники, выдѣляющіеся надъ общимъ уровнемъ какъ внѣшними удачами своей жизни, такъ и внутреннимъ содержаніемъ своихъ талантовъ и дарованій, всегда обречены стать предметомъ низкаго, недостойнаго чувства зависти, въ большей или меньшей степени общаго всему человѣчеству, но, кажется, нигдѣ,

какъ въ Россіи, такъ сильно не распространеннаго. Что, какъ не низменная, злобная и ядовитая зависть всѣхъ бездарныхъ, безпомощныхъ, неумѣлыхъ и лѣнивыхъ людей, была у насъ благодарной почвой, на которой посѣяли и произрастили евреи свою революціонную пропаганду . . .

Зависть — завистью . . . Но и порокъ самообожанія непомѣрно распространенъ въ Россіи, и какъ разъ среди людей наиболѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ, наиболѣе достойныхъ общаго признанія ихъ заслугъ. Но благодаря несчастному пороку, эти заслуги умаляются, низводятся и затушевываются . . Русскіе люди, въ общей массѣ, настолько неспособны къ иниціативѣ, къ самостоятельной, производительной и напряженной работѣ не изъ подъ палки, внѣ заведенной машины нашего, бывшаго такимъ могучимъ, нынѣ разбитаго государственнаго аппарата, — что, когда встрѣчаются исключенія изъ общаго правила, такіе люди уже теряютъ всякое чувство мѣры въ оцѣнкѣ своихъ собственныхъ заслугъ, и самодовольство ихъ становится безграничнымъ, въ общежитіи трудно выносимымъ.

И вездѣ, во всѣхъ классахъ нашего народа, за послѣднее время приходится наблюдать тоже самое. Когда я командовалъ эскадрономъ, былъ у меня вахмистръ, изъ бывшихъ, когда то, моихъ же новобранцевъ, котораго я зналъ очень хорошо, любилъ, цѣнилъ и уважалъ. Онъ во время революціи, какъ я слышалъ, велъ себя очень честно и благородно и замученъ былъ революціонерами (не своего полка, къ счастью, но чужими). Онъ былъ отличный человѣкъ, вѣрный, исполнительный, добросовѣстный служака. Но, къ сожалѣнію, онъ страдалъ тѣмъ же обще-русскимъ недостаткомъ: денно и нощно, ежечасно, ежеминутно, онъ умилялся надъ собственной своей доблестью. Когда онъ бывалъ у меня на докладѣ и давалъ отчетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, счастливая, радостная улыбка умиленія надъ самимъ собою прорывалась сквозь его жесткіе усы, и видно было, какое наслажденіе онъ испытываетъ, разсказывая о своихъ успѣхахъ. Обыкновенно, дѣйствительно, все у него выходило очень хорошо, хотя, разумѣется, случались иногда и неудачи, которыя его самого до чрезвычайности огорчали.

Былъ у этого милаго человѣка еще недостатокъ, являющійся прямымъ послѣдствіемъ перваго. Онъ не выносилъ чужихъ заслугъ, рядомъ со своими собственными, и даже пріучилъ меня воздерживаться отъ того, чтобы, въ его присутствіи, хвалить моихъ лучшихъ взводныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, я замѣтилъ, что это причиняло ему чуть не физическое страданіе, а съ другой — что ужъ было гораздо хуже — онъ послѣ того невольно, самъ того, кажется, не замѣчая, начиналъ придираться къ такимъ взводнымъ и съ торжествомъ являлся

мнѣ докладывать, въ случаѣ какой либо погрѣшности кого-нибудь изъ нихъ.

Съ философскимъ терпѣніемъ, я примирялся съ этими проявленіями самомнѣнія и завистливости, давно придя къ заключенію, что эти недостатки почти неизбѣжны въ каждомъ дѣльномъ русскомъ человѣкѣ: хорошо еще, когда рядомъ имѣются дѣйствительныя заслуги; а то часто они проявляются и помимо всякихъ заслугъ.

Строгъ, несправедливъ и неправдивъ былъ Пуришкевичъ относительно ни въ чемъ неповиннаго Воейкова, какъ непомѣрно снисходителенъ былъ къ себѣ самому.

Хочу еще упомянуть объ одномъ большомъ грѣхѣ, который въ то время взялъ Пуришкевичъ на свою душу.

Заодно съ „Новымъ Временемъ", онъ велъ озлобленную травлю, давшую горькіе плоды, противъ такъ называемыхъ „русскихъ нѣмцевъ" . . . Эти „русскіе нѣмцы" были, въ сущности, такіе же русскіе люди, какъ и самъ Пуришкевичъ; только они носили нѣмецкія фамиліи, гордились ими и считали ниже достоинства и чести, ниже своей испытанной вѣрности Престолу и Отечеству мѣнять имена, переданныя имъ предками, на русскія прозвища, какъ, во время войны, это практиковалось нѣкоторыми. Эта травля была въ высокой степени неумна, несправедлива, неблагородна и даже безчестна.

Этотъ, попавшій подъ подозрѣніе, разрядъ русскихъ людей велъ себя во время войны исключительно доблестно и честно и обильно полилъ своей кровью поля чести народной. Позднѣе же, уже во время революціи, какъ разъ эти люди дали громадный процентъ вѣрныхъ подданныхъ своего Государя, не измѣнившихъ Ему въ годины Его страданій и угнетеній. Этотъ процентъ — говорю увѣренно — намного превышаетъ относительный процентъ людей такой же доблести изъ носящихъ коренныя русскія имена.

Травля, воздвигнутая противъ нѣмецкихъ фамилій въ Россіи, въ которой, за англійскія деньги, принимало дѣятельное участіе „Новое Время", не останавливавшееся ни передъ какими ложью и клеветой, и усердствовалъ Пуришкевичъ и многіе другіе пожалуй искренніе, но зѣло неразумные „квасные патріоты", — эта травля имѣла печальныя послѣдствія не для однихъ носителей такихъ фамилій, но и для гораздо болѣе важныхъ государственныхъ интересовъ.

Это нелѣпое, несправедливое и злое увлеченіе большой части русскаго общества, преимущественно изъ либеральныхъ круговъ, оказалось опять таки козыремъ въ рукахъ враговъ Царя и Россіи, ибо на этой канвѣ газетчики-евреи, да и русскіе

газетчики, специалисты по части клеветническихъ ухищренiй съумѣли расшить разнообразнѣйшiе узоры.

Изобилiе „русскихъ нѣмцевъ" въ Россiи ставилось въ вину опять таки Государю, и не только Императору Николаю Александровичу, но и всей Династiи Романовыхъ, т. е. всѣмъ Создателямъ русской государственности, которая дѣйствительно строилась не безъ участiя, и очень большого, „русскихъ нѣмцевъ", ибо изъ нихъ болѣе, чѣмъ изъ потомковъ другихъ расъ, выдѣлялось всегда много выдающихся людей, проникнутыхъ идеей „государственности" и умѣвшихъ воспринимать и проводить въ жизнь основные принципы русской, нацiональной великодержавной политики.

Если вдуматься въ характерные штрихи нашей Исторiи, то станетъ понятнымъ, почему происходило такъ, что люди нѣмецкаго происхожденiя преимущественно выступали на первенствующiя роли русской государственной жизни.

У „квасныхъ патрiотовъ" нижеслѣдующiя строки, пожалуй, вызовутъ негодованiе; но негодованiе это будетъ вполнѣ неразумнымъ: я буду только объективно и безпристрастно толковать историческiе факты. Что же касается чувствъ къ моей Родинѣ, то я убѣжденъ, что люблю Ее болѣе глубоко и вдумчиво, чѣмъ эти самые „квасные патрiоты". Люблю, конечно, мою Россiю, и иной не могу ее себѣ представить, великую, могучую, Царскую Россiю, и притомъ безъ примѣшиванiя къ Ея великой сущности равныхъ „братушекъ", Чехословаковъ и прочихъ третьестепенныхъ разновидностей основныхъ европейскихъ нацiй. Въ Славянскомъ мiрѣ мои симпатiи ограничиваются Сербами. Вообще же я нахожу, что великая Всероссiйская Имперiя давно переросла идею Славянства и всѣ идеалы Славянофиловъ, которыхъ влiянiе на русскую политику принесло много вреда русскимъ государственнымъ задачамъ.

Имя Русское звучитъ гордо и внушительно само по себѣ, внѣ какого либо касательства къ Славянству. Разумѣется, не надо исключать возможности иногда, при случаѣ, и помочь какому-нибудь славянскому племени, если время и средства допускаютъ осуществленiе такой душеспасительной затѣи; но помочь ему, какъ отдаленному, бѣдному родственнику, ничего не ожидая взамѣнъ: ибо историческiй опытъ насъ учитъ, что взамѣнъ бываетъ всегда только черная неблагодарность. Внѣ такой случайной благотворительности нельзя приплетать маленькiе интересы славянскихъ народцевъ къ нашимъ мiровымъ историческимъ дерзанiямъ и ихъ ловунги, рядомъ со своими, водружать на нашемъ Государственномъ Знамени. „Quod decet Jovi — non decet bovi".

Если начать разбираться въ сложномъ смѣшенiи кровей, создавшихъ русскiй народъ, то трудно признать, которой изъ

нихъ наиболѣе обязанъ великій, по государственному положенію своему, народъ своимъ созданіемъ, и насколько славянская кровь тому способствовала.

Однимъ изъ народовъ болѣе или менѣе чистой славянской крови являются бѣдные Поляки, всегда такъ мало умѣвшіе, и до сего дня не научившіеся, на прочныхъ устояхъ полагать основы своей государственной жизни.

У насъ, пожалуй, Малороссы представляютъ собой менѣе перемѣшанную славянскую кровь: ихъ способности къ созданію государственности мы видѣли на наглядномъ примѣрѣ лубочно-рыночнаго фарса, какимъ была „Украина Ясновельможнаго Гетмана Скоропадскаго", смѣнившаяся, обильно политая кровью, Петлюровской траги-комедіей.

Нѣтъ! Квасной патріотизмъ слишкомъ мелокъ и мелоченъ для Великодержавной Россіи....

Говоря о Нѣмцахъ-государственникахъ, которыхъ службу цѣнили умные, дальновидные Государи Русскіе, въ своей крупной, въ долготу вѣковъ творившейся, политикѣ чуждаясь мелочныхъ и узкихъ, якобы націоналистическихъ теченій, я буду имѣть въ виду XVI, XVII и XVIII Вѣка до первой четверти Вѣка XIX-го, когда могли еще быть разговоры о нѣмцахъ. Съ тѣхъ поръ русское дворянство, весь служилый классъ русскаго общества и нѣкоторые другіе круги, но въ меньшей степени, настолько перемѣшали свою кровь съ нѣмецкой, что многіе Мейеры и Шульцы имѣютъ въ своихъ жилахъ русской крови гораздо больше, чѣмъ какой либо представитель исконно-русскаго, древне-боярскаго рода. Какъ дворянство и бюргерство сѣверной Германіи, въ особенности Пруссіи, перемѣшали тевтонскую кровь со славянской, такъ точно, обратно, произошло и въ Россіи, а потому тѣмъ болѣе была неразумна та травля, въ которой приняли участіе не только темные, невѣжественные люди, но и люди просвѣщенные.

Но глубоко разумна и высоко-патріотична была политика Русскихъ Царей, привлекавшихъ Нѣмцевъ на русскую государственную службу.

Еще Цари Московскіе не чуждались притока иноземцевъ въ Россію и смѣшенія ихъ съ кореннымъ населеніемъ, что доказывается и многими боярскими родами иностраннаго, преимущественно Прусскаго, происхожденія. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что такіе мудрые политики, какими были Московскіе Цари, въ своихъ заботахъ о государственномъ строительствѣ, не могли не учесть и не использовать полезнаго, производительнаго фактора, какимъ было освѣженіе жизни и быта болѣе или менѣе замкнутаго народнаго уклада приходящими элементами чужой культуры.

Однако, иноземные выходцы съ Запада въ Московской Руси были еще не настолько многочисленны, чтобы можно было говорить о большомъ наплывѣ ихъ, хотя этотъ наплывъ и наблюдался, въ прогрессивной интенсивности, въ теченіе послѣдовательныхъ Московскихъ царствованій XV и XVI Вѣковъ, и Нѣмецкая Слобода въ старой Москвѣ, изъ незначительнаго поселка случайныхъ „гостей“ Московскихъ, иностранныхъ купцовъ, становилась съ каждымъ годомъ болѣе крупнымъ и вліятельнымъ центромъ проникновенія Западной Европы въ толщу русскаго быта.

Но только начиная съ царствованія Петра Великаго можно говорить о дѣйствительно значительномъ наплывѣ иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ, на русскую государственную службу, причемъ слѣдуетъ отмѣтить разницу въ отношеніи къ нимъ самого великаго Царя и его Преемниковъ.

Царь Петръ, одѣлявшій иностранцевъ большими почестями и наградами, очень дорожившій ихъ службой, между тѣмъ никогда, кромѣ одного поучительнаго примѣра Первой Нарвы, не ставилъ ихъ на первыя мѣста, но всегда на вторыя. Во главѣ арміи или какого либо главнаго гражданскаго управленія, во главѣ каждаго болѣе или менѣе крупнаго и отвѣтственнаго поста государственной службы, всегда у Петра стоялъ коренной русскій человѣкъ: но за то помощникомъ ему обыкновенно назначался иностранецъ.

Императору осталась памятной большая неудача первой Нарвы, когда главное командованіе было вручено Герцогу Де-Круа, ни слова не понимавшему по русски и очень непопулярному среди подчиненныхъ ему войскъ: отчасти этому обстоятельству Петръ приписывалъ катастрофичность погрома, претерпѣннаго его молодою арміей отъ Шведовъ, съ которыми онъ позже такъ широко разсчитался цѣлымъ рядомъ успѣховъ, приведшихъ къ Полтавѣ.

Для преемниковъ Петра дѣлать такое различіе между русскими именами и иностранными уже не представлялось ни надобности, ни даже возможности, ибо служилые роды обоихъ происхожденій быстро и неразрывно между собой перемѣшались.

Вотъ почему столько носителей нѣмецкихъ фамилій оказалось занимающими видные служебные посты, и тотъ, кто способенъ воспринимать истинно государственную точку зрѣнія, не можетъ ставить въ вину нашимъ Царямъ это не предпочтеніе, но равноправіе на основѣ соотвѣтственныхъ заслугъ.

И въ этомъ очеркѣ, и въ другихъ скромныхъ произведеніяхъ моего пера, я часто останавливаюсь на чисто русской чертѣ нашего народнаго характера — неспособности къ общественной самодѣятельности внѣ рамокъ, установленныхъ

воздѣйствіемъ государственной власти, внѣ директивъ и указаній, свыше исходящихъ. Я лично вполнѣ убѣжденъ, что народъ нашъ совершенно неспособенъ самостоятельно совершенствовать и развивать свой укладъ и бытъ на какой бы то ни было самодѣятельной почвѣ, внѣ попеченій Власти. Кромѣ того, нѣтъ въ народѣ нашемъ стремленій къ иниціативѣ, нѣтъ способности къ организаціи и нѣтъ умѣнія сплачивать объединенную силу внутренней дисциплиной, сознаніемъ, безкорыстнымъ и безличнымъ, государственныхъ задачъ и чувствомъ добросовѣстности въ исполненіи долга не за страхъ, а за совѣсть. Вотъ почему русскій народъ, лишившись Царской Власти, такъ легко подпалъ подъ власть евреевъ, которые въ лицѣ большевистскихъ комиссаровъ оказались безудержными, неограниченными властителями двухсотмилліоннаго народа.

На почвѣ этой особенности русскаго народа, притокъ въ нее нѣмцевъ-государственниковъ былъ благотворнымъ факторомъ въ созданіи Русской Имперіи, и Государи Русскіе поступали мудро, поощряя этотъ притокъ.

Вполнѣ естественно, что Русскіе Государи, въ своихъ заботахъ о поднятіи культурнаго уровня Родины и укрѣпленіи въ ней основъ государственности, не пренебрегали людьми, цѣлыми рядами поколѣній прошедшими школу высокаго воспитательнаго значенія. Въ нашемъ народѣ, къ несчастью, и до нашихъ временъ сохранился горестный, зіяющій пробѣлъ въ дѣлѣ воспитанія, т. е. культуры души и ума, съ ранняго возраста, согласно съ нормами нравственности и потребностями общественности и общежитія.

Вотъ чѣмъ объясняется сочувствіе, выказывавшееся нашими Государями широкому приливу иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ, въ русскую жизнь, много обязанную этому приливу упорядоченіемъ, урегулированіемъ и культурнымъ развитіемъ своего быта.

Офицеры нѣмецкаго происхожденія были первыми піонерами, создававшими мощь, стройность, духъ и красоту былой, безподобной Русской Арміи. Не цѣнить этой заслуги можетъ только человѣкъ, не умѣющій государственно мыслить, да еще евреи, ненавидѣвшіе эту Армію, какъ залогъ могущества и національной цѣлости Россіи, и поспѣшившіе ее замѣнить, съ первыхъ дней своего владычества, „товарищами" Керенскаго и „революціонной бабушки".

Во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, такъ называемые „русскіе нѣмцы" внесли свой духъ дисциплины, трудолюбія, отчетливость въ исполненіи своего долга и планомѣрность работы, добросовѣстность и честность, организованность и порядокъ. Эти цѣнныя, не достававшія намъ качества слились съ широтой и даровитостью русской народной души и своимъ

взаимодѣйствіемъ дали благотворные результаты, повліявшіе на совершенствованіе и культурный подъемъ русской жизни.

Поэтому кажется намъ, что покровительство этому иностранному внѣдренію, приводившему всегда къ быстрой ассимиляціи пришельцевъ въ нѣдрахъ народа-хозяина, составляетъ одну изъ большихъ заслугъ нашихъ Государей, за которую русскіе люди должны быть очень благодарными, а никакъ не осуждать.

Если многіе русскіе люди, носившіе не только нѣмецкія, но равно и русскія фамиліи, встрѣтили русско-германскую войну несочувственно, предвидя или предчувствуя ея опасныя для нашей Родины послѣдствія, то исходили они одинаково изъ русской точки зрѣнія и изъ болѣе чуткаго и вдумчиваго уразумѣнія нашихъ государственныхъ задачъ. Дальнѣйшія событія вполнѣ подтвердили правильность такой точки зрѣнія, внушенной искренней и разумной преданностью Родинѣ.

Въ виду такого то рода соображеній, основанныхъ на неопровержимыхъ очевидностяхъ Исторіи, является совершенно непонятнымъ, какъ могъ умный, просвѣщенный Пуришкевичъ добросовѣстно заблуждаться, поддаваясь стадному настроенію ложнаго и неумнаго патріотизма, и вмѣстѣ съ очень глупыми Россіянами разсказывать сказки о нѣмецкихъ вліяніяхъ при Дворѣ Государя, о нѣмецкихъ фамиліяхъ,сплошь перемѣшанныхъ съ русскими и въ арміи, и въ гражданскихъ управленіяхъ, да и повсюду въ жизни (что было совершенно вѣрно, но нисколько не внушало нелѣпыхъ подозрѣній) и воплями объ измѣнѣ и предательствѣ оскорблять честь ни въ чемъ неповинныхъ людей, вѣрныхъ слугъ Государя и Россіи.

Поддаваясь своей любви къ популярности и желанію всегда пользоваться дешевымъ сочувствіемъ толпы, не погрѣшилъ ли совѣстью Владиміръ Митрофановичъ, льстя заблужденіямъ этой толпы и пользуясь ими для собственнаго своего рекламированія?

Злые вихри носились по Россіи невозбранно и безудержно, и русскіе люди, поддаваясь ихъ стихійнымъ внушеніямъ, проникались злобнымъ духомъ недовольства и раздраженія. Въ то время, какъ длительная, безпросвѣтная война навѣвала бредъ крови и преступленій, отъ вихрей шла зараза революціоннаго, массового безумія и расли настроенія безразсудныхъ возстаній и безсмысленныхъ разрушеній.

Какъ нами уже сказано, свѣтскія сплетни и болтовня безотвѣтственныхъ лицъ, Гучковы, Милюковы, извращенные слухи и свѣдѣнія — весь этотъ ядъ разносился по всей странѣ и главнымъ образомъ вносилъ смущеніе и волненія въ интеллигентскіе общественные круги, служа цѣннымъ подспорьемъ

дѣлу подготовки революціи. Само собой разумѣется, что вожаки революціоннаго движенія, тонко изучившіе свое дѣло и не упускавшіе ни малѣйшаго случая, могущаго способствовать ихъ цѣлямъ, использовали всю эту, въ большинствѣ случаевъ, несознательную помощь, которая являлась лишнимъ козыремъ въ ихъ игрѣ, хотя и заранѣе учтеннымъ и подготовленнымъ, но набраннымъ не изъ спеціальныхъ, крапленныхъ картъ.

Пріобрѣтая довѣріе и сочувствіе самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ, господа „освободители" получали большое преимущество, чуть ли даже не гарантію успѣха.

Но, для начала успѣха, необходимо было не содѣйствіе общества, даже и не народныхъ массъ, которыя, въ лицѣ рабочихъ, были уже вполнѣ подготовлены и въ послѣдующіе моменты расширенія перваго успѣха имѣли, разумѣется, громадное значеніе; все же для самаго начала революціонныхъ дѣйствій необходима была поддержка хотя бы нѣкоторой части Арміи.

Вотъ почему на обработку арміи и было обращено особливое вниманіе. Почти по всѣмъ полкамъ дѣйствовали спеціальные агенты — агитаторы и провокаторы. Существовала цѣлая іерархическая организація такихъ агентовъ, которыхъ донесенія сводились въ общую сводку и болѣе или менѣе точно опредѣляли обстановку и степень готовности Россіи къ революціоннымъ выступленіямъ.

Особенно успѣшно дѣло пропаганды было поставлено на флотѣ, гдѣ, ко времени начала революціи, заправилы и вожаки „освободительнаго движенія" уже могли распоряжаться командами кораблей и экипажами на берегу не менѣе увѣренно, чѣмъ рабочими на фабрикахъ и заводахъ. Тамъ уже не нижніе чины-революціонеры должны были скрывать въ своей средѣ „политическую неблагонадежность", какъ говорили въ доброе старое время, но какъ разъ обратно: тѣ немногіе матросы, которые, въ своихъ чувствахъ къ Царю и Родинѣ, оставались честными и вѣрными, принуждены были, среди своихъ красныхъ товарищей, соблюдать большую осторожность и сдержанность.

Мнѣ довелось отъ очевидца слышать разсказъ объ одномъ митингѣ, состоявшемся въ Апрѣлѣ 1917 года, въ Петроградѣ, въ Александринскомъ Театрѣ.

На этомъ митингѣ выступало съ рѣчами нѣсколько видныхъ „дѣятелей" изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которые собрали публику для ея просвѣщенія въ новомъ духѣ вновь образовавшагося (?) соціалистическаго государства, именовавшагося „Россійской республикой".

Публика слушала, разиня ротъ, и бурно привѣтствовала каждаго оратора. Состояла она главнымъ образомъ изъ рабо-

чихъ, солдатъ, матросовъ и „ихъ дамъ", но также были тутъ же и любопытствовавшіе офицеры[1]) и всякій „интеллигентскій" людъ.

Между другими ораторами, говорилъ „лейтенантъ французской службы", какъ онъ самъ отрекомендовался, Лебедевъ, бывшій эмигрантъ, поспѣшившій вернуться въ Россію послѣ переворота.

Этотъ господинъ имѣлъ очень большія связи въ высшей эмигрантской „аристократіи", ибо былъ женатъ на дочери Крапоткина. Въ туже весну 1917 года онъ былъ назначенъ Товарищемъ Морского Министра, что для лейтенанта, да еще иностранной сухопутной службы, представляло недурную карьеру: вѣроятно, помогали не однѣ заслуги „партійнаго работника", но и „высокая" протекція.

Лебедевъ съ большимъ апломбомъ разсказывалъ, какимъ путемъ его партія достигла того, что, въ громадномъ своемъ большинствѣ, матросы русскаго флота оказались вѣрными слугами революціи. Нигдѣ пропаганда не имѣла такихъ крупныхъ успѣховъ, какъ именно среди нихъ, и все сдѣлано было не въ самой Россіи, но заграницей, трудами эмигрантовъ.

По словамъ Лебедева, его партія, вполнѣ понимая значеніе вооруженной силы въ странѣ и стремясь ее подчинить своему вліянію, прежде всего избрала флотъ, какъ поприще для своей пропаганды, ибо матросы, во время заграничныхъ плаваній и стоянокъ въ различныхъ портахъ, были гораздо доступнѣе агитаторамъ для „обработки", чѣмъ нижніе чины Арміи.

Къ тому же, среди матросовъ было много людей, особенно воспріимчивыхъ для революціонной пропаганды: на флотъ по набору попадало много рабочихъ, преимущественно изъ уроженцевъ Приволжскихъ губерній, матросовъ коммерческихъ судовъ, разныхъ техниковъ съ фабрикъ и заводовъ — однимъ словомъ, все народъ бывалый и прожженный.

Результаты оказались блестящими: флотъ удалось революціонировать настолько удачно, что, въ нужный моментъ, онъ весь всталъ на поддержку революціи.

Пропаганда на Балтійскомъ флотѣ въ Россіи была почти невозможна, когда во главѣ его стоялъ Эссенъ. Громадная популярность и обаяніе имени Адмирала Эссена, умѣвшаго сосредоточить въ своихъ рукахъ и неукоснительно строгую дисциплину, и порядокъ службы, и довѣріе и уваженіе подчиненныхъ, въ томъ числѣ и матросовъ, препятствовали развратительнымъ попыткамъ оголтѣлыхъ изувѣровъ. Кромѣ того, — и это обстоятельство являлось какъ бы послѣдствіемъ перваго,

[1]) Офицеры, несмотря на требованія публики, не встали, когда играли марсельезу. Затѣмъ, послѣ приведенной здѣсь рѣчи Лебедева, они всѣ ушли.

для „героевъ подполья" пропаганда представляла слишкомъ много личной опасности, чтобы стоило, изъ за малаго результата, котораго можно было достигнуть въ неблагопріятныхъ условіяхъ, рисковать своими агентами.

Этотъ рискъ тѣмъ болѣе былъ бы неблагоразуменъ, что у соціалъ-революціонеровъ имѣлся другой путь, совершенно безопасный и гораздо болѣе дѣйствительный, а именно — дѣятельность заграницей, гдѣ русская, или вѣрнѣе еврейская эмиграція была очень многочисленна, и гдѣ въ распоряженіи заправилъ имѣлось сколько угодно ловкихъ и исполнительныхъ агентовъ.

Какъ извѣстно, цѣлый рядъ нашихъ судовъ ежегодно отправлялся въ заграничное плаваніе. Когда и какія суда отправлялись — эмигранты узнавали своевременно и прекрасно знали маршрутъ каждой русской эскадры, благодаря своей отлично поставленной развѣдкѣ.

По приходѣ русской эскадры въ какой-нибудь иностранный портъ, тамъ ее уже поджидали заранѣе высланные „партійные работники".

Когда матросовъ отпускали „на берегъ", эти „партійные работники", какъ бы случайно, на улицѣ сталкивались съ ними и вступали въ разговоръ. Начиналось съ того, что высказывалась радость встрѣчѣ съ земляками заграницей, и мало по малу разговоръ принималъ дружескій, задушевный характеръ.

Затѣмъ, новые знакомцы любезно приглашали матросовъ зайти въ ресторанъ выпить и закусить. Такимъ образомъ знакомство уже закрѣплялось, и въ теченіе короткаго времени удавалось заложить въ головы матросовъ нужныя мысли, причемъ обрабатываніе этихъ головъ въ революціонномъ духѣ дѣлалось постепенно, съ осторожной послѣдовательностью. Первые знакомцы закладывали только „фундаментъ": развитіе мыслей, внушенныхъ ими, зависѣло уже отъ ловкости другихъ „партійныхъ работниковъ", которые поджидали въ слѣдующемъ порту, гдѣ предстояла стоянка корабля, попавшаго въ обработку злѣйшихъ враговъ Россіи.

Иногда стоянки бывали длительныя, и тогда сразу на одномъ пунктѣ достигались уже гораздо большіе результаты: завязывались такимъ образомъ не только мимолетныя знакомства, но тѣсная дружба и единеніе, такъ что, покидая очередную стоянку, судно увозило много готовыхъ, распропагандированныхъ эсъ-эрами матросовъ, считавшихся, между тѣмъ, матросами Его Величества, защитниками Царя и Родины.

Такъ эсъ-эры получали кадры „сознательныхъ" матросовъ: еще болѣе пошлое, чѣмъ терминъ — „партійный работникъ", какъ рѣжетъ ухо какимъ то непріятнымъ звукомъ это глупое слово — „сознательный!"

„Сознательные“ матросы, по возвращеніи въ Россію, привлекали на сторону будущихъ разрушителей Русскаго Государства — все больше и больше приверженцевъ, какъ на самомъ флотѣ, такъ и вообще въ населеніи, среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Какъ разсказывалъ Лебедевъ, особенно „кипучей“ была дѣятельность его и его единомышленниковъ въ періодъ 1909—1913 годовъ. Какъ самохвально и иронически выразился онъ — „Всѣ эти ‚Цесаревичи‘, ‚Славы‘, ‚Олеги‘, ‚Богатыри‘, ‚Авроры‘ и ‚Діаны‘ возвращались изъ заграничнаго плаванія, имѣя на себѣ громадные грузы нелегальной литературы, которую матросы сноровисто проносили на корабль“ . .

Можно себѣ представить, сколько вреда приносилъ въ Россіи такой грузъ . . .

Далѣе продолжалъ Лебедевъ:

„Во флотѣ намъ нужно было только нажать кнопку, чтобы тамъ, гдѣ бы мы ни захотѣли, поднялось возстаніе.

Такъ было въ 1905 году съ „Потемкинымъ“, „Очаковымъ“; въ 1906-омъ со Свеаборгомъ и „Памятью Азова“; въ 1907-омъ — во Владивостокѣ, съ миноносцемъ „Скорый“. Такъ было организовано и не удавшееся возстаніе въ Черномъ морѣ, въ 1912 году.

Разъ мы рѣшали, что пора гдѣ нибудь поднять флотъ, то наши руководители оказывались тутъ-какъ-тутъ, и часто матросы узнавали въ нихъ тѣхъ знакомцевъ, съ которыми встрѣчались заграницей.

Во время войны, наша связь съ матросами порвана не была, хотя, конечно, когда флотъ находился въ морѣ, возможности сношеній съ нимъ не было.

Но за то, въ Балтійскомъ морѣ, 1-ая Бригада Линейныхъ Кораблей („Петропавловскъ“, „Гангутъ“, „Полтава“ и „Севастополь“), и часть 2-ой Бригады („Андрей Первозванный“ и „Императоръ Павелъ I“), не принимавшія участія въ бояхъ, стояли въ Гельсингфорсѣ и были подъ непосредственнымъ нашимъ вліяніемъ. Именно тутъ мы дѣлали послѣднія приготовленія тѣхъ борцовъ за свободу, которые по справедливости могутъ быть названы красой и гордостью революціи“.

Такъ закончилъ свою рѣчь пресловутый лейтенантъ Лебедевъ.

Если читатель припомнитъ, что въ то время, когда происходилъ митингъ, именно эти „борцы за свободу“ уже убили въ Кронштадтѣ героя-Вирена, въ Гельсингфорсѣ Непенина и звѣрски замучили многихъ изъ своихъ офицеровъ, то согласится, что господинъ Лебедевъ, назвавъ этихъ мерзавцевъ „красой и гордостью революціи“, какъ себѣ самому, такъ и революціи далъ достаточно яркую характеристику . . . . . .

Циничный разсказъ одного изъ видныхъ участниковъ преступленія, совершеннаго надъ Россіей, чрезвычайно колоритенъ.

Въ то время, какъ Государство тратило громадныя деньги на созданіе и поддержаніе на должной высотѣ боевыхъ и техническихъ требованій своего флота, для защиты своихъ интересовъ отъ внѣшнихъ враговъ, — враги внутренніе, самые опасные и страшные враги, — своей, какъ они выражаются, „кипучей дѣятельностью" дѣлали то, что весь смыслъ существованія могущественнаго русскаго флота не только сводили на-нѣтъ, но, болѣе того, изъ этого флота уготовляли себѣ главнаго, наиболѣе сильнаго своего союзника.

И для чего это дѣлалось? Для блага государства, народа?

Вовсе нѣтъ. Это дѣлалось для того, чтобы привести Россію въ то состояніе, въ которомъ она находится теперь . . .

И какъ легко все удавалось . . .

Но неужели начальство, офицерскій составъ — ничего не понимали и не сознавали? Неужели имъ не приходила въ голову мысль о томъ, что будетъ съ Россіей и съ ними самими, когда это могучее оружіе, предназначенное для защиты Родины, повернется и противъ Родины, и противъ нихъ же?

Увы! Въ большинствѣ случаевъ, они не сознавали страшной опасности: формально исполнивъ свой очередной „номеръ" служебныхъ занятій, они мало заботились о томъ, что, по точному смыслу уставовъ, не входило въ число ихъ прямыхъ обязанностей, и что только по Присягѣ, данной ими на вѣрность службы, подразумѣвалось какъ прямой долгъ ихъ службы и чести.

Но слова Присяги такъ всеобъемлюще требовательны . . . Они написаны въ такомъ общемъ духѣ, что нельзя же всю жизнь свою приноравливать къ нимъ: тогда, пожалуй, ни минуты нельзя было бы использовать для своихъ личныхъ удовольствій. Притомъ же, многіе приносили Присягу на вѣрность Государеву Дѣлу такъ же формально-равнодушно, какъ выполняли и службу Государеву.

Въ лучшихъ, исключительныхъ случаяхъ, понимали офицеры о готовившемся ужасѣ. Но что они могли сдѣлать? . . . „Одинъ въ полѣ — не воинъ". Кто сталъ бы ихъ слушать? Русскіе люди послѣдняго времени имѣли очень странныя понятія о Государевой службѣ.

Вспоминаю, въ девяностыхъ годахъ, когда Куропаткина только что назначили Военнымъ Министромъ, мой покойный отецъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, его поздравилъ и сказалъ: „желаю Вамъ Божіей Помощи и успѣха въ Вашемъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ" . . . „О", — развязно отвѣтилъ Куропаткинъ: „я уже вполнѣ освоился съ своимъ положеніемъ,

Викторъ Федоровичъ. Представьте себѣ — я не только удостоился милостиваго довѣрія и вниманія и Государя, и Императрицы, но успѣлъ уже подружиться и съ маленькими Великими Княжнами"... „Я не такой успѣхъ имѣлъ въ виду, когда пожелалъ Вамъ его": холодно возразилъ мой отецъ.

Итакъ, надвигавшуюся грозу сознавало очень незначительное меньшинство. Большинство же беззаботныхъ и легкомысленныхъ Россіянъ уподоблялось той птичкѣ, о которой говоритъ старая пѣсенка:

„Ходитъ птичка весело по тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій"...

Когда съѣзжали на берегъ въ иностранномъ порту матросы, которыхъ поджидали „партійные работники", съѣзжали и офицеры, чтобы повеселиться и отдохнуть отъ однообразной жизни во время плаванія. Этотъ веселый досугъ дорого обошелся несчастнымъ, изъ которыхъ очень большая часть, въ 1917 году, была звѣрски перебита или потоплена собственными матросами.

Соціалъ-революціонеры, а главное — ихъ еврейскіе руководители отлично знали свое дѣло, вели его планомѣрно и въ высшей степени искусно.

Для разрушенія Россіи, евреямъ необходима была помощь самихъ русскихъ людей, и на такое приспособленіе русскихъ людей они съ давнихъ поръ направили свои стремленія. Казалось бы, что подобныя стремленія являются совсѣмъ дикими и несбыточными? Какъ же можно было разсчитывать, что русскіе люди будутъ помогать евреямъ разрушать русское же государство? Вѣдь, это выходило бы чѣмъ то въ родѣ нелѣпости и несообразности?

Оказалось, что на такую нелѣпость и такую несообразность — разсчитывать было можно: евреи блистательно это доказали. Ибо они съумѣли устроить такъ, что Русское Государство было разрушено русскими же руками.

Этихъ русскихъ людей надо было только сдѣлать, какъ это стало называться на революціонномъ языкѣ — „сознательными". Тутъ, въ этомъ словѣ, заключалась вся премудрость обращенія русскаго народа въ палача своей собственной Родины. „Сознательный" былъ и атеистомъ, и соціалистомъ, и интернаціоналистомъ, и террористомъ по приказу пейсатаго начальства, и, наконецъ, тѣмъ — партійнымъ работникомъ", который, не мудрствуя лукаво, творилъ въ Россіи еврейское дѣло „не за страхъ, а за совѣсть".

Сначала „сознательными" были сдѣланы русскіе студенты, та учащаяся молодежь, на которую Родина по праву разсчитывала какъ на очередныхъ выполнителей русскихъ національ-

ныхъ и государственныхъ идеаловъ. Разсчеты не оправдались, ибо эта молодежь, почти вся, была заведена, какъ стадо барановъ, въ дебри политиканствующей софистики и въ нихъ запуталась.

Затѣмъ пошла очередь рабочихъ: и они стали почти сплошь всѣ — „сознательными".

Во славу Израиля, стали „сознательными" и матросы — цѣнный вкладъ въ „сокровищницу" собирательной еврейской подлости.

Оставалось самое трудное, а именно — сдѣлать „сознательными" русскихъ солдатъ Арміи. Твердый это былъ оплотъ Царя и Родины; нелегко было развратить эту мощную государственную силу . . . Но евреи и тутъ не оплошали: съ помощью двухъ неудачныхъ войнъ, черезъ посредство напряженныхъ усилій повсемѣстной агитаціи, и этотъ оплотъ удалось свалить, да еще свалить такъ удачно, что выскочившій изъ обломковъ „сознательный товарищъ" сталъ, „за милую душу", Родину свою разрушать съ такимъ усердіемъ, что превзошелъ всѣ возложенныя на него ожиданія.

Такъ, повидимому просто, путемъ шестидесятилѣтней, планомѣрной работы, совершено было крушеніе великой, могущественной, Всероссійской Имперіи.

Но кто же такъ плохо защищалъ Имперію? Что же дѣлала Власть, которой эта Имперія была вручена? Неужели внѣшнее выраженіе этой Власти, Императорское Правительство, не понимало опасности? Неужели оно бездѣйствовало?

Нѣтъ, оно работало, это правительство, работало энергично и опасность понимало. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ часто возглавлялось людьми выдающимися по уму, характеру, силѣ воли, вѣрности и преданности Престолу и Россіи. Корпусъ Жандармовъ „кипучей" дѣятельности эсъ-эровъ противоставлялъ не менѣе кипучую дѣятельность. Но . . . страна была населена безпечными, легкомысленными Россіянами, и въ составъ правительственнаго аппарата входили также большою частью подобные же Россіяне . . .

На войнѣ существуютъ два вида обороны: пассивная оборона и активная. Какъ ни была бы обставлена пассивная оборона наилучшими средствами защиты, она почти всегда, за очень, очень рѣдкими исключеніями, ведетъ въ конечномъ результатѣ къ пораженію, ибо активный противникъ, противъ котораго обороняются, имѣетъ за себя надежными союзниками починъ дѣйствій, рѣшительность и свободу ихъ выбора: за него — творческая инициатива, а тамъ, гдѣ творчество, тамъ и реальные результаты, тамъ и успѣхъ.

За то активная оборона, очень часто, при энергіи, стойкости и предпріимчивости обороняющагося, даруетъ ему побѣду-

опять же въ силу наличности того же творческаго начала въ дѣйствіяхъ.

Отъ злого Іудея, противъ твердынь русской государственности направившаго всю силу своего сѣдого опыта, своей пронырливости и ненависти, русское правительство оборонялось почти только — пассивно.

Но эта пассивная оборона была снабжена самыми могущественными средствами защиты, соотвѣтственно той неисчислимой цѣнности, которая подлежала оборонѣ — т. е. всей тысячелѣтней Россіи. Само по себѣ, правительство съ трудомъ могло бы дѣлать больше того, что дѣлало... Но всей мощи этой обороны было недостаточно противъ творческаго созиданія Іудея: какъ бы тамъ ни было, но онъ творилъ большое, сатанински умное дѣло, планомѣрно и послѣдовательно превращая исконныхъ и свободныхъ русскихъ людей въ покорныхъ, неразсуждающихъ рабовъ — „шабесъ-гоевъ", подготовителей будущаго іудейскаго владычества.

Напрасно нѣкоторые видные, талантливые представители Жандармскаго Корпуса, понимая грозные пробѣлы пассивности обороны, пытались приспособить свой аппаратъ къ особой формѣ активности, а именно — къ провокаціи, къ Азефовщинѣ.

Этотъ способъ, помимо своей безнравственности и нечистоплотности, помимо того, что онъ велъ къ профанаціи престижа и авторитета правительства, былъ слишкомъ мелокъ, слишкомъ поверхностенъ и одностороненъ, чтобы могъ стать сильнымъ оружіемъ въ грандіозной, міровой борьбѣ, веденной злобнымъ Іудеемъ. Къ тому же, оружіе это было и обоюдоострымъ: ему въ отвѣтъ и въ парализованіе его дѣйствія врагъ легко могъ противопоставить тоже оружіе, что онъ и сдѣлалъ.

Нѣтъ, эти частичныя, близорукія и нечистыя мѣры не могли помочь!

Для активной обороны Государства правительство должно было выдвинуть творческое, созидательное начало: противъ арміи „сознательныхъ" русскихъ „шабесъ-гоевъ", которыхъ организовывалъ и выставлялъ въ бой Воинствующій Израиль, Русская Государственная Власть должна была создавать свою армію сознательныхъ, честныхъ и вѣрныхъ русскихъ гражданъ.

Правительство не могло одно, безъ помощи и поддержки, создать эту мощную, всепобѣждающую, праведную Русскую Силу. Для этой цѣли ему необходима была помощь русскихъ общественныхъ силъ. Но эти силы, въ преобладающемъ большинствѣ, состояли именно изъ тѣхъ Россіянъ, на которыхъ я указывалъ.

Вотъ почему всѣ попытки въ этомъ направленіи оставались безплодными... „Авось!", „Небось!", „Какъ Нибудь!" и — „Ничего!" — проклятыя русскія словечки!...

А то еще любимое словечко разныхъ русскихъ общественныхъ, корпоративныхъ собраній и депутацій, періодически повторявшееся въ особо-торжественныхъ случаяхъ: „Припадая къ стопамъ обожаемаго Монарха, готовы жизнь положить"... и т. д. и т. д.

Составивъ такую витіеватую телеграмму или „прочувствованный" вѣрноподданническій адресъ, Россіяне считали свой патріотическій и государственный долгъ исчерпаннымъ и погружались снова въ инертность своего „обывательскаго" житья.

Одна Государственная Дума дѣйствовала активно, только отнюдь не какъ охранительница государственныхъ устоевъ, но какъ ловко замаскированный „шабесъ-гой"...

Я знаю случай, когда одному Штабсъ-Ротмистру, во время, предшествовавшее смутѣ 1905 года, довелось понять, какую опасность представляютъ для нашей Родины всѣ эти „сознательные" рабочіе и матросы, къ тому времени съ каждымъ годомъ все болѣе расплoжавшіеся. Послѣ 1905 года стали уже появляться и „сознательные" солдаты въ количествѣ еще не значительномъ, но все же угрожающемъ.

Ясно было, что нашъ долгъ, офицеровъ, заключался въ томъ, чтобы изъ своихъ солдатъ создавать своихъ „сознательныхъ", какъ и долгъ помѣщиковъ былъ такую же „сознательную" среду образовывать изъ крестьянъ. Одинаковы были обязанности и фабрикантовъ и промышленниковъ въ отношеніи своихъ рабочихъ, вообще каждаго образованнаго, честнаго русскаго человѣка въ отношеніи окружающихъ его темныхъ и невѣжественныхъ людей, не говоря уже о духовенствѣ, которое должно было идти впереди такой дѣятельности.

Однимъ словомъ, на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной службы, и частнаго существованія каждаго гражданина, если онъ былъ честнымъ, вѣрнымъ сыномъ своей Родины — предлежалъ священный долгъ придти на помощь Русской Власти въ отстаиваніи Русской Государственности.

Въ кругѣ своей спеціальности, относительно мѣръ и способовъ, какими мы должны были воздѣйствовать на нашихъ нижнихъ чиновъ, моему знакомому приходилось горячо проповѣдовать свои мысли: онъ высказывалъ ихъ всѣмъ, кому могъ, изъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежало. Пробовалъ писать въ „Русскомъ Инвалидѣ": но всѣ его статьи любезно отклонялись. Писалъ въ другихъ журналахъ, но никто изъ вліятельныхъ людей вниманія не обращалъ.

Да и то сказать — гдѣ же было вниманіе обращать. „Отбарабанивъ“ свои служебные часы, никто не любилъ утруждать себя еще какими либо „сверхурочными“ государственными дѣлами. Каждый спѣшилъ пообѣдать, а затѣмъ засѣсть за карточный столъ, который, въ сущности говоря, и служащему, и неслужащему Россіянину представлялся главнымъ смысломъ, или по крайней мѣрѣ главной отрадой существованія.

„Союзъ Русскаго Народа“ и нѣкоторыя другія организаціи, созданныя людьми, отдававшими себѣ отчетъ въ совершавшихся событіяхъ, тщетно пытались образовать чистое, русское, національное теченіе „Противъ Теченія“. Ни откуда настоящей, достаточной и дѣйственной помощи эти организаціи не получали.

Дубровины, Марковы, Пуришкевичи, Булацели — могли бы многое разсказать о томъ, какъ мало было у нихъ друзей, покровителей и помощниковъ, и какое безсчетное количество враговъ...

Къ тому же — всѣ они еще и ожесточенно ссорились между собой, на почвѣ личнаго честолюбія, личнаго тщеславія, личныхъ интересовъ и заботъ...

О, Россіяне...

V.

„Черное войско“.

Военная катастрофа 1915 года. Императорская Гвардія и Генералъ-Адъютантъ Безобразовъ. Упадокъ воинскаго духа. Туземная Дивизія подъ водительствомъ Великаго Князя Михаила Александровича. „Тупики для донесеній“. Русскій Генеральный Штабъ и Академія Генеральнаго Штаба. Мнѣнія о нашемъ Генеральномъ Штабѣ Германскаго офицера и Воеводы Путника. Расширеніе правъ Генеральнаго Штаба при Сухомлиновѣ. „Моменты“-заговорщики. Возложеніе на Себя Государемъ Императоромъ Верховнаго Командованія. Великій Князь Николай Николаевичъ. Генералъ Алексѣевъ. Отношеніе къ заговору высшаго командного состава Арміи. Рузскій. Ротмистръ Графъ А. В. Гендриковъ. Псковская западня и „вѣрноподданническія“ телеграммы главнокомандующихъ. Генералъ В. I. Гурко. Случайные желѣзнодорожные разговоры. Неожиданность переворота для Арміи. Генералъ-Адъютантскіе вензеля. Подпольный шпіонъ при Ставкѣ. Обезпеченіе побѣды планомъ кампаніи 1915—1917 г. г. Боязнь заговорщиковъ конечной побѣды Царской Арміи. Письмо Милюкова. Усиленіе крамолы.

> „Тогда одинъ изъ двѣнадцати, называемый Іуда Искаріотъ, пошелъ къ первосвященникамъ, —
> И сказалъ: что вы дадите мнѣ; я вамъ предамъ Его? Они предложили ему тридцать сребренниковъ“ . . .
>
> Матѳ. XXVI, ст. 14—15.

Военная катастрофа, лѣтомъ 1915 года разразившаяся надъ ошеломленной, приведенной въ недоумѣлое отчаяніе и растерянность, Россіей, была потрясающимъ ударомъ, сокрушившимъ въ корнѣ духъ народный. Какъ мы выше уже упомянули, эта катастрофа знаменовала не только полное крушеніе перваго періода кампаніи, не только заставляла опасаться конечнаго нашего пораженія, но она разбивала послѣдніе устои Имперіи, уже въ достаточной мѣрѣ расшатанные революціонной пропагандой, и ставила крестъ надъ всѣми завѣтами старой Россіи, надъ всѣми возможностями сохраненія и огражденія ея могущества и преуспѣянія. Съ этого момента были парализованы всѣ консервативныя, искренно-патріотическія силы страны, которыя могли бы сосредоточить свое противодѣйствіе надвигавшейся бѣдѣ.

Я въ данномъ случаѣ не имѣю въ виду правительственнаго противодѣйствія: оно, разумѣется, пыталось бороться до послѣдняго, рокового часа, въ лицѣ болѣе или менѣе достойныхъ, и болѣе или менѣе сознающихъ грозное положеніе, своихъ представителей. Но правительству въ тотъ моментъ было необходимо, для сохраненія равновѣсія, имѣть возможность опереться на какія либо общественныя силы, которыя могли бы быть использованы въ смыслѣ возстановленія и укрѣпленія пошатнувшагося авторитета власти. Такихъ силъ въ своемъ распоряженіи правительство уже не имѣло: онѣ всѣ были охвачены не то прогрессивнымъ параличемъ, не то быстро распространявшейся заразой массового безумія.

Трудно было бы касаться вопроса о томъ, кто былъ виноватъ въ катастрофическихъ неудачахъ лѣта 1915 года. Было бы опрометчиво и несправедливо бросать всю тяжесть обвиненій на Верховнаго Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича. Было бы не менѣе опрометчиво и не менѣе несправедливо теперь, когда мы многое узнали изъ того, что такъ превратно и тенденціозно разсказывалось въ то время, если бы всю вину за наши неудачи мы бросили на первую жертву масонскаго подкопа, и злобы и зависти людскихъ, а именно — на Сухомлинова.

Сухомлиновъ былъ неповиненъ ни въ недоказанной и сомнительной измѣнѣ Мясоѣдова, погибшаго, кажется, искупительной жертвой, ни въ злоупотребленіяхъ, которыя яко бы имѣли мѣсто въ его управленіи военнымъ министерствомъ, ни въ трагическомъ недостаткѣ винтовокъ и снарядовъ, которымъ мы страдали отчасти вслѣдствіе несовершенства и неурядицъ транспорта, отчасти вслѣдствіе административныхъ непорядковъ, существовавшихъ въ дѣйствовавшей арміи, но главнымъ образомъ вслѣдствіе интригъ и противогосударственныхъ настроеній государственной думы, еще до войны предпринявшей походъ противъ всего Правительства Императора Николая II, а особливо противъ Военнаго Министра, котораго всѣ мѣропріятія тенденціозно и пристрастно критиковались, дискредитировались и тормозились.

Сухомлиновъ, можетъ быть, и бывалъ грѣшенъ нѣкоторой долей излишней довѣрчивости, пожалуй даже и непредусмотрительности, но никакъ ни однимъ изъ тѣхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, въ которыхъ его страстно обвиняло раздраженное, несправедливое и неосвѣдомленное общественное мнѣніе всей Россіи.

Причины нашихъ неудачъ надо искать глубже — въ выявившихся наконецъ результатахъ злой работы внутреннихъ враговъ Россіи, въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ поколѣній (шестьдесятъ лѣтъ) систематически развращавшихъ русскій

народъ и сноровисто подготавливавшихъ то революціонное быдло, которое кровавымъ заревомъ своихъ преступленій разнесло далеко по всему міру угаръ своего безсмысленно злобнаго, самоубійственнаго похмѣлія и своей службой чужимъ вожакамъ убійствъ и злодѣяній обезчестило лѣтописи своей Исторіи.

Несмотря на воинственныя настроенія 1914 года и казавшійся прочнымъ патріотическій подъемъ народныхъ чувствъ, по существу фальсифицированный въ большой степени газетной рекламой, — русскій народъ всталъ на войну съ Германіей вовсе не тѣмъ, какимъ умѣлъ бывать раньше, когда своему „Батюшкѣ-Царю" отдавалъ соль Земли Русской, безсмертныхъ въ памяти народной, незабвенныхъ нашихъ старыхъ солдатъ, о которыхъ величайшій, геніальнѣйшій авторитетъ Войны, Императоръ Наполеонъ I, говорилъ: „русскаго солдата мало убить — надо его еще повалить" . . .

Въ первые два года войны, да и въ послѣдующіе два, но уже въ болѣе рѣдкихъ исключеніяхъ, были у насъ воинскія части — полки, дивизіи и цѣлые корпуса, являвшія примѣры высокой воинской доблести и умѣвшія поддержать старую, заслуженную славу русскихъ боевыхъ знаменъ.

Прежде всего, наша Императорская Гвардія въ 1914 и 1915 г. г. была бсзподобна и вся легла, въ почти полномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, на кровавыхъ поляхъ боевыхъ столкновеній.

Несмотря на неотъемлемое право Русской Гвардіи на всеобщее уваженіе къ проявленнымъ ею мужеству, стойкости, непоколебимости въ исполненіи своего долга Царю и Родинѣ, несмотря на то, что за первые два года войны она стяжала много новыхъ лавровъ къ старымъ памятникамъ былой своей доблести, несмотря на ея во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное и блестящее боевое состояніе и на высокій духъ — въ эту войну, и пожалуй въ первый разъ за всю русскую военную исторію, взаимоотношенія между Гвардіей и Арміей были менѣе братскими и искренними, и не всегда, подчиняясь недостойнымъ чувствамъ зависти и соперничества, Гвардіи воздавалось справедливо должное отъ другихъ собратій по оружію, склонныхъ умалять ея заслуги и относиться къ ней если не съ непріязнью, то съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

Вселить раздоръ между отдѣльными частями одного общаго цѣлаго, какимъ должна была быть вся Армія — входило въ разсчеты сѣятелей всероссійской смуты, и они разумѣется не преминули способствовать возрастанію сѣмянъ раздора и взаимнаго недовѣрія, ими же самими посѣянныхъ.

Дѣло было въ томъ, что Гвардію считали однимъ изъ серьезнѣйшихъ препятствій для осуществленія подготовляв-

шейся революціи: всѣмъ были извѣстны ея испытанныя вѣрноподданническія чувства и крѣпкія полковыя традиціи, обезпечивавшія надежную защиту государственнаго могущества и неприкосновенности Всероссійскаго Престола.

Принимались всѣ мѣры для парализованія этой силы, и въ этихъ видахъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, Гвардію выставляли впередъ на почетную, но обоюдоострую обязанность постояннаго участія во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, наиболѣе почетно-отвѣтственныхъ, но и наиболѣе губительно-истрачивавшихъ весь коренной составъ этого отборнаго войска.

Въ самомъ началѣ войны совершена была ошибка, когда всю Гвардію отправили въ походъ, не оставивъ половины каждаго полка для охраны столицы.

Съ самаго начала войны, не сдерживали воинственнаго настроенія гвардейскихъ офицеровъ, цѣликомъ выступавшихъ въ кровопролитныя сраженія, въ составѣ своихъ ротъ, въ неограниченномъ числѣ, много превышавшемъ требуемое. Бывали случаи, что изъ ротъ, въ первые же дни, выбывали всѣ офицеры, выступившіе въ бой вдвое и втрое въ большемъ количествѣ, чѣмъ слѣдовало для занятія строевыхъ должностей. Эту ошибку поняли только позже, когда вездѣ и повсюду сталъ ощущаться большой недостатокъ офицеровъ.

Я не боюсь впасть въ ошибку или крайность, утверждая, что гдѣ то, кѣмъ то, опредѣленно проводился тайный замыселъ возможно скорѣе изжить, испепелить настоящій, опасный составъ старой Русской Гвардіи. Вполнѣ сознавая отвѣтственность, которую беру на свою совѣсть, я кромѣ того утверждаю, что многіе высшіе военные начальники изъ генераловъ генеральнаго штаба не были чужды этой тенденціи, правда, не всѣми понятой во всей гнусной осязательности ея затаеннаго предательства.

Кромѣ предателей и слугъ масонства, не всѣ и честные наши военноначальники понимали, что сознательно, намѣренно, умышленно губится цвѣтъ нашей Арміи, главный оплотъ Престола — Гвардія . . .

Нѣкоторые, однако, понимали, становились выше другихъ, боролись какъ могли противъ этого и . . . безрезультатно. Стремленія сохранить цѣлой основу, на которой потомъ зиждилось бы возрожденіе Гвардіи, честнаго, благороднаго, беззавѣтно преданнаго Престолу Генералъ-Адъютанта В. М. Безобразова, чутко, проникновенно сознававшаго затаенную мысль заговорщиковъ, встрѣчаясь съ какой то невидимой волной, неизмѣнно рушились . . .

Къ несчастью, немного было, даже среди честныхъ и вѣрныхъ генераловъ, такихъ, кто обладалъ бы въ этомъ случаѣ чуткостью и дальновидностью Безобразова. Немного Госу-

Царь имѣлъ и такихъ, всѣмъ сердцемъ и всей душой Его любящихъ, самоотверженно Ему преданныхъ, подданныхъ. Оттого то Безобразова заблаговременно, до революціи, убрали, разорвали его связь съ Гвардіей . . .

Дамъ примѣръ, обратный Безобразову.

Хороша была и почти вся наша армейская кавалерія: тамъ царили традиціонныя преданность и вѣрность Престолу. Вслѣдствіе гораздо меньшихъ, сравнительно съ Пѣхотой, потерь на войнѣ, тамъ сохранялся основной кадръ офицеровъ и въ старомъ духѣ воспитанныхъ нижнихъ чиновъ. Пополненія развращенной и распропагандированной, революціонной молодежью тамъ не могли имѣть того губительнаго воздѣйствія, какое производили въ опустошенной боями пѣхотѣ . . .

Что же было дѣлать заговорщикамъ, чтобы парализовать такой „опасный элементъ?" Уничтожить его, какъ уничтожили Гвардію? Но осуществить этотъ планъ, въ его цѣломъ, было затруднительно, да и поздно — не хватило бы времени для полнаго уничтоженія . . .

„Талантливые люди" придумали двоякое разрѣшеніе затрудненія.

Въ 1916 году значительную часть кавалеріи спѣшили и послали въ окопы, въ пѣшія атаки, въ пѣшіе бои и сразу сильно повысили процентъ боевой убыли (особенно — офицеровъ) и тѣмъ расширили доступъ „драгоцѣнныхъ" для революціи пополненій, несшихъ въ чистые, здоровые полки свой гнилостный ядъ разложенія.

Кромѣ того, однородная служба сближала тѣсно жизнь кавалеріи съ жизнью пѣхоты, и „готовая" пѣхота получала обширное поле дѣйствія для „подготавливанія" кавалеріи . . .

Такъ губили драгоцѣнный (въ настоящемъ смыслѣ) родъ оружія, искренно думая о пользѣ дѣлу . . . Увы! Видимый иниціаторъ этого плана, одинъ изъ доблестныхъ нашихъ генераловъ, горько ошибался въ этомъ случаѣ, самъ того не сознавая . . .

Чтобы полнѣе освѣтить вопросъ о проискахъ, направленныхъ противъ Гвардіи, слѣдуетъ упомянуть о борьбѣ, которую велъ Командиръ Гвардейскаго Корпуса, все тотъ же Генералъ-Адъютантъ Безобразовъ, съ Управленіями Генеральнаго и Главнаго Штабовъ и вообще съ высшими чинами Военнаго Вѣдомства, разумѣется, поголовно числившимися по Черному Войску.

Въ каждомъ гвардейскомъ полку общество господъ офицеровъ составляло замкнутую, сплоченную корпорацію, которая, во главѣ со старшимъ полковникомъ, хранила и поддерживала духъ, завѣты, традиціи, дававшіе свою особую индиви-

дуальность каждому полку и отличавшіе его отъ другихъ. Такимъ образомъ полкъ не былъ только однимъ изъ „номеровъ" дивизіи, но представлялъ опредѣленную, самодовлѣющую, индивидуальную величину.

Этотъ порядокъ обезпечивалъ высокія качества Гвардіи и преемственно поддерживался тѣмъ, что каждая такая офицерская корпорація самостоятельно рѣшала вопросы о пріемѣ въ полкъ новыхъ своихъ членовъ, т. е. — что никто изъ молодыхъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ военныхъ училищъ, не могъ по своему желанію выйти въ любой изъ гвардейскихъ полковъ, но долженъ былъ для того удостоиться согласія господъ офицеровъ его принять въ свою среду.

Такой порядокъ былъ бы необходимъ для всей Арміи, но особенно обязателенъ для Гвардіи, на которой лежитъ долгъ охранять оплотъ Россіи — Царскій Престолъ и Императорское Правительство.

Что касается состава нижнихъ чиновъ въ гвардейскихъ полкахъ, то они поступали по набору рѣшительно изъ всѣхъ частей Россіи, причемъ подбирались преимущественно изъ лучшихъ новобранцевъ.

И это — также было необходимо все для той же цѣли первостепеннаго государственнаго значенія — для охраны сосредоточеннаго въ столицѣ Имперіи Центра Власти.

Вполнѣ понятно, что заговорщикамъ, масонамъ и ихъ сознательнымъ и несознательнымъ агентамъ, очень не нравились эти два начала, и они уже давно пробовали добиться ихъ уничтоженія. Но, въ нормальный, Императорскій періодъ существованія Россіи, эти начала оставались незыблемыми.

Уже давно такое положеніе стало вызывать неодобрительные отзывы многихъ нашихъ „ученыхъ" генераловъ изъ Чернаго Войска.

Будущій Генералъ-Адъютантъ и „генералъ-предатель" Алексѣевъ, въ началѣ девятисотыхъ годовъ, въ бытность свою профессоромъ Военной Исторіи въ Академіи Генеральнаго Штаба, съ кафедры высказывалъ своимъ слушателямъ мысли, выражавшія несочувствіе идеѣ существованія Гвардіи.

Для профессора было въ значительной степени безтактно высказывать такое свое личное мнѣніе передъ аудиторіей, въ составъ которой входилъ извѣстный процентъ гвардейскихъ офицеровъ. Для генерала службы Его Величества было дерзко и нелойяльно критиковать то, что поддерживалось и одобрялось Государемъ Императоромъ. Если въ Университетѣ свободное изложеніе теорій, лично лекторомъ исповѣдуемыхъ, для штатскаго профессора и бывало допустимо, то военнослужащему, связанному воинской Присягой и воинской дисциплиной, никакъ нельзя было позволять себѣ эту вольность.

Въ томъ то и была бѣда, что „ученые генералы" духомъ воинской дисциплины и уваженіемъ къ воинской Присягѣ, принесенной ими, какъ и другими, — проникнуты были мало и съ ними мало считались.

Тотъ же Алексѣевъ, въ той же Академіи и съ той же кафедры, много говорилъ о несовременности и вредѣ существованія Дворянскаго Сословія.

Генералъ, однако, не былъ же профессоромъ Государственнаго Права, но Военной Исторіи: къ чему же ему было затрагивать вопросы, чуждые его спеціальности, и опять же для военнослужащаго не допускавшіе критики?

Эту мысль, ограничивающую для военнослужащихъ права личности, но возвышающую доблесть и достоинство рыцарственнаго служенія, не поймутъ многіе штатскіе; увы, не поймутъ ее и очень многіе военные нынѣшняго времени... Но она вѣрна, и только при ея восчувствованіи государство можетъ считать себя обезпеченнымъ подъ охраной своей арміи. Иначе въ любой моментъ затруднительныхъ осложненій, которыя всегда возможны и вѣроятны въ сложныхъ явленіяхъ исторической жизни государства, можетъ произойти то, что произошло въ Россіи, когда, въ пору труднѣйшей изъ войнъ, какія когда либо знала наша Исторія, довѣренные вожди Арміи безчестно, клятвопреступно измѣнили своему Верховному Вождю и Государю, предали и Его, и Россію, и такимъ образомъ стали первыми, основными виновниками всѣхъ воспослѣдовавшихъ ужасовъ, всего неизбытнаго позора и раззора Родной Страны...

Какъ только, къ 1916 году, вслѣдствіе громадной убыли доблестно павшихъ офицеровъ, въ офицерскомъ составѣ нашей Арміи стало грозно ощущаться острое порѣдѣніе, Генеральный Штабъ, въ отношеніи Гвардіи, воспользовался этимъ пробѣломъ и сталъ настаивать на томъ, чтобы былъ нарушенъ обычай, ограждавшій цѣлость, единеніе, сплоченность гвардейскихъ полковъ и ихъ до той поры несокрушимую вѣрность исконнымъ завѣтамъ русской государственности. Штабные генералы рѣшили, что надо воспользоваться трудными обстоятельствами войны, которой неудачи произошли не безъ ихъ участія и вины, и уничтожить разъ навсегда права офицерскихъ корпорацій охранять достоинство и честь своей среды. Подъ предлогомъ вредныхъ проволочекъ времени и нежелательныхъ въ военное время осложненій, стали выпускать въ полки офицеровъ, не обусловливая этотъ выпускъ согласіемъ полковой офицерской семьи.

Противъ этого нарушенія старыхъ полковыхъ традицій энергично возсталъ Генералъ-Адъютантъ Безобразовъ, и только послѣ того, какъ его удалось смѣнить, смѣшанная толпа

молодыхъ людей, съ бору да съ сосенки, заполонила знаменитые своей старой доблестью полки. Въ дни революціи, многіе изъ этихъ „гвардейцевъ" новой формаціи опозорили честь полковъ, мундиры которыхъ носили „непрошенными гостями".

Такъ же энергично боролся Безобразовъ противъ стремленія Штаба ввести въ Гвардіи территоріальную систему комплектованія.

До послѣдняго времени, стоявшіе въ Петроградѣ гвардейскіе запасные батальоны, имѣвшіе назначеніемъ обученіе новобранцевъ и пополненіе ими убыли своихъ дѣйствующихъ полковъ, — до послѣдняго времени, какъ я говорю, эти батальоны получали новобранцевъ на старыхъ основаніяхъ: для Гвардіи отбирались новобранцы съ населенія всей Россіи, безъ ограниченія какими нибудь округами или губерніями нашей территоріи.

Опять таки подъ предлогомъ затрудненій военнаго времени, „ученымъ" генераламъ показалось очень соблазнительнымъ использовать моментъ и ввести новый порядокъ, при которомъ гвардейскіе запасные батальоны получали бы своихъ новобранцевъ исключительно изъ населенія губерній, ближайшихъ къ мѣсту стоянки этихъ батальоновъ, т. е. къ Петрограду.

Для человѣка, упускающаго изъ вида смыслъ и назначеніе Гвардіи, или не желающаго считаться съ очевидностью той истины, что охрана столицы Имперіи отборными, безусловно надежными и вѣрными Присягѣ, воинскими частями — является необходимымъ залогомъ спокойствія, цѣлости и преуспѣянія Государства, для такого человѣка вновь вводимая мѣра могла показаться вполнѣ разумной и цѣлесообразной.

Но при такой мѣрѣ элементъ подбора и выбора совершенно исчезалъ: въ ряды Гвардіи автоматически вливалось населеніе Петроградской и окрестныхъ съ нею губерній. Эти губерніи населены почти сплошь фабричными и заводскими рабочими, въ конецъ за послѣднее время распропагандированными въ революціонномъ духѣ. Что касается крестьянъ этихъ губерній, то мы можемъ отчасти судить о степени ихъ потрясающей развращенности по нашумѣвшей въ свое время книгѣ Родіонова — „Наше Преступленіе". Родіоновъ описалъ въ своей книгѣ Бѣлозерскій Уѣздъ Новгородской Губерніи. Я случайно знаю этотъ уѣздъ и нахожу, что авторъ описалъ его фотографически вѣрно, но . . . грѣховный мракъ духовнаго и нравственнаго одичанія этого уѣзда въ дѣйствительности еще болѣе безпросвѣтенъ былъ въ то время, чѣмъ въ книгѣ.

И вотъ такимъ то элементомъ рѣшили пополнять, въ кровавыхъ и побѣдныхъ бояхъ порѣдѣвшіе, ряды старой, доблестной, русской Императорской Гвардіи . . .

Вполнѣ естественно, что честный и вѣрный Безобразовъ, пока стоялъ во главѣ Гвардіи, не могъ допустить, не могъ санкціонировать малодушнымъ непротивленіемъ такого безславнаго эпилога ея славной Исторіи.

Только съ уходомъ Генералъ-Адъютанта Безобразова удалось скрытымъ врагамъ Россіи настоять на своемъ и ввести этотъ новый порядокъ, лишавшій Гвардію не только возможности быть укомплектованной отборной, надежной въ государственномъ смыслѣ частью населенія, но еще, какъ бы умышленно, вливавшій въ ея составъ явно революціонный сбродъ. Этотъ сбродъ и оказался вскорѣ достойными „товарищами" Керенскаго и „революціонной бабушки", покрывшими позоромъ сѣдую славу нашихъ знаменъ . . .[1])

Неужели можно допустить, со стороны „Чернаго Войска", такое недомысліе, чтобы предположить, что оно не вѣдало, что творило? Не правильнѣе ли будетъ утверждать, что оно умышленно и сознательно революціонировало Гвардію, бывшую до той поры вѣрнымъ и надежнымъ оплотомъ атакованной со всѣхъ сторонъ Монархіи?

Рядомъ съ Гвардіей, много было и другихъ войсковыхъ единицъ, доблестью, мужествомъ и самоотверженіемъ нисколько ей не уступавшихъ.

Сибирскіе корпуса, Кавказскіе, многіе изъ Центральной Россіи, Кавалерія, легендарная Туземная Дивизія, даже многія наспѣхъ сколоченныя, запасныя части — показали себя вполнѣ на высотѣ выпавшаго на ихъ долю тяжелаго и самоотверженнаго, государственнаго долга. Но никогда, ни въ одну войну, не было, съ самаго начала, столько случаевъ, когда и отдѣльныя лица, и цѣлыя части выказывали паническую трусость, дряблое и неустойчивое пониманіе воинской

---

[1]) Вспоминается характерный эпизодъ изъ моихъ тюремныхъ переживаній. Я сидѣлъ въ 1918 году въ Петроградской тюрьмѣ „Кресты". Какъ и полагается, тамъ ежедневно смѣнялись караулы изъ различныхъ революціонныхъ полковъ. Однажды, при караулѣ бывшаго Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, со мной разговаривалъ караульный начальникъ, бравый унтеръ-офицеръ стараго времени, но вполнѣ революціонизированный, причемъ въ хитрыхъ его глазахъ бѣгали очень неуспокоительныя искорки. Какъ разъ въ тотъ день мы, заключенные нашего отдѣленія тюрьмы, подвергались большой опасности, такъ какъ настроеніе караула по отношенію къ намъ было отвратительное. Этотъ унтеръ-офицеръ говорилъ: „Не понимаю, какъ могло Царское правительство сдѣлать такую глупость, чтобы услать всю Гвардію на войну. Еслибъ оставалось въ Петроградѣ по одному батальону нашихъ полковъ тогдашняго состава, никакой революціи нельзя бы было сдѣлать . . . Я теперь самъ сдѣлался соціалистомъ и революціонеромъ; но помню, какъ у насъ тогда было: ту Гвардію, что была тогда — революціонерамъ было невозможно обратить на свою сторону" . . .

чести и, если ужъ не вспоминать о такихъ позорныхъ исключеніяхъ, то довольно часто встрѣчавшіяся робость и нерѣшительность, легшія въ основу нашихъ роковыхъ неудачъ 14 и 15 годовъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда, ни въ какую другую войну, и Правительство, и русскіе общественные круги, вся Россія, не выказывали такой бдительной заботливости о солдатѣ и его семьѣ, объ офицерахъ и офицерскихъ семьяхъ, какъ въ эту войну . . .

Посадки, взрощенныя нашей интеллигенціей подъ „попечительнымъ" руководствомъ разрушительнаго еврейскаго вліянія, дали плоды сторицей въ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ нашей Исторіи. Какъ когда то говорили, что нѣмецкій учитель былъ побѣдителемъ подъ Седаномъ, такъ теперь можно увѣренно сказать, что русскій народный учитель былъ подлымъ творцомъ нашей боевой несостоятельности и ея послѣдствій — горя, страданій, несчастья и порабощенія Россіи.

Было бы грѣшно нападать на одни низшіе слои русской арміи.

Въ хорошихъ рукахъ, подъ руководствомъ начальниковъ прежняго уклада, русскій солдатъ въ томъ составѣ, въ которомъ онъ началъ войну, могъ еще воспрянуть не въ конецъ упавшимъ духомъ и воскресить свою вѣковую славу. Такъ и бывало тамъ, гдѣ начальники еще не потеряли связи съ былыми воинскими завѣтами нашего прошлаго, гдѣ основы ихъ вѣрноподданнической, честной и прямолинейной службы поддерживали въ подчиненныхъ обаятельный обликъ чистаго, благороднаго воина. Къ несчастью, уже съ 1915 года, а особенно въ 1916 году, стали вливаться въ среду нижнихъ чиновъ, волна за волной, распропагандированные, въ корнѣ развращенные элементы, которыхъ вліяніе стало дѣйствовать съ интенсивной тлетворностью, съ каждымъ днемъ все болѣе затрудняя усилія начальниковъ въ ихъ борьбѣ противъ надвигавшагося развала дисциплины и воинскаго духа.

Насколько много значило вліяніе настоящихъ, стараго типа русскихъ офицеровъ, въ противоположность тѣмъ эрзацъ-офицерамъ (и военнаго, и до-военнаго времени), которые позже „привѣтствовали" (!) Керенскаго — можно было видѣть на примѣрахъ многихъ полковъ, удерживавшихся въ порядкѣ еще много мѣсяцевъ даже по наступленіи революціоннаго шквала.

Такими были очень многіе кавалерійскіе полки, гдѣ убыль офицеровъ была, разумѣется, гораздо меньше, чѣмъ въ пѣхотѣ, а потому сохранялись дольше единство и цѣлость воинскихъ частей, не сразу порывавшихъ связи съ началами дисциплины, порядка и сплоченности . . .

Мы видѣли, что, вслѣдствіе наличности подобныхъ настоящихъ офицеровъ, понадобилось уничтожить всю Гвардейскую Пѣхоту, чтобы парализовать опасность, угрожавшую въ ея лицѣ всѣмъ замысламъ революціонеровъ.

Мы видѣли, еще въ самые первые мѣсяцы революціи, какъ въ наилучшіе полки, сохранявшіе порядокъ и свою сплоченную индивидуальность, посылались партіи особенно выдающихся умныхъ и ловкихъ агитаторовъ, предназначенныхъ для разрушенія и уничтоженія того, что зовется воинскимъ духомъ, и чѣмъ граждане каждой страны, кромѣ нашей, дорожатъ и гордятся, какъ залогомъ своего благосостоянія и преуспѣянія.

Вѣдь, нѣтъ страны, кромѣ нашей, гдѣ возможно было бы то отношеніе къ своей національной арміи, какого придерживалась наша интеллигенція, въ теченіе многихъ десятилѣтій, а особенно наша „учащаяся молодежь", студенты разныхъ высшихъ школъ, и даже гимназисты, наученные своими безсовѣстными родителями и вообще „старшими".

Этому удивляться нечего, ибо высшія школы наши съ давнихъ поръ были разсадниками масонскихъ вліяній, въ лицѣ громаднаго большинства недостойныхъ своего ученаго званія, безчестныхъ профессоровъ, бывшихъ въ рукахъ враговъ Россіи послушнымъ и глупымъ орудіемъ заговора, противъ ихъ же собственной Родины веденнаго.

Пренебреженіе, дискредитированіе, затаенное или открытое, сознательное либо инстинктивное, недоброжелательство и полное незнаніе и непониманіе военной жизни, съ ея тяжелымъ, самоотверженнымъ трудомъ и благороднымъ подъемомъ духа, съ бременемъ ея большихъ жертвъ и затрудненіями малой матеріальной обезпеченности — вотъ что, сплошь и рядомъ, почти вездѣ, встрѣчалъ заурядный скромный труженикъ-офицеръ со стороны зауряднаго русскаго общества.

Тоже явленіе, которое наблюдалось относительно Гвардіи съ самаго начала войны, повторилось въ упомянутой выше Туземной Дивизіи. Въ ней блестящій составъ офицеровъ создалъ изъ этой вновь образованной, такъ сказать, новорожденной единицы образцовую часть.

Подъ водительствомъ своего доблестнаго, лихого Начальника, Царева Брата, Великаго Князя Михаила Александровича, спокойнымъ, безтрепетнымъ мужествомъ Своимъ умѣвшаго вдохновлять подчиненныхъ особымъ, героическимъ порывомъ, какъ бы изъ средневѣковаго рыцарскаго эпоса возродившимся въ XX Вѣкѣ, эта Дивизія многими свершенными подвигами стяжала себѣ неувядаемую славу.

Такой Начальникъ Дивизіи, какъ Великій Князь, въ жесточайшемъ огнѣ сохранявшій желѣзное хладнокровіе, и

испытанныя храбрость, стойкость и вѣрность такого Корпуснаго Командира, какъ незабвенный Графъ Федоръ Артуровичъ Келлеръ, при отборномъ составѣ великолѣпныхъ боевыхъ офицеровъ — всѣ эти условія были настолько благопріятны для созданія исключительно высокаго воинскаго духа, что революція, съ помощью ловкихъ жидковъ-агитаторовъ расшатывавшая даже особенно хорошіе и крѣпкіе полки, ничего не могла подѣлать противъ этой твердыни Чести и Доблести. Поэтому рѣшено было примѣнить тотъ же пріемъ, которымъ свелась на нѣтъ русская Гвардія. Туземную Дивизію уничтожили, использовавъ присущія ей боевыя качества. Вся она, почти въ полномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, легла въ цѣломъ рядѣ боевъ уже революціоннаго 1917 года, покончивъ свое славное существованіе подъ Калушемъ и Тарнополемъ, гдѣ одна единственная, среди „рысаковъ" адвоката Керенскаго, въ послѣдній разъ за эту войну явила умирающій образецъ старой русской доблести.

Послѣ того, Дивизія была пополнена всадниками запасныхъ, уже распропагандированныхъ, сотенъ и опасности для „революціоннаго шабаша" больше не представляла. Немногіе, оставшіеся въ живыхъ, офицеры прежняго состава разбрелись по Россіи и при каждомъ удобномъ случаѣ ожесточенно преслѣдовались и убивались и бандами Керенскаго, и бандами Троцкаго и Ленина.

Такихъ отрадныхъ, освѣжающихъ душу примѣровъ въ анналахъ изжитой нами послѣдней войны можно найти немало, и хотя бы нѣсколько облегчить изстрадавшееся, униженное и поруганное русское самосознаніе.

Но сколько и другихъ примѣровъ, указывавшихъ на упадокъ народнаго духа, пришлось перевидать и перетерпѣть за эту злосчастную нашу войну. Личныя, себялюбивыя чувства, интриги, самолюбивыя и честолюбивыя соображенія, соперничество и зависть къ чужимъ успѣхамъ — эти недостойные, низкіе, рабскіе инстинкты и стимулы руководили часто дѣйствіями военныхъ начальниковъ тамъ, гдѣ благоговѣйная торжественность переживавшагося Родиной страшнаго испытанія требовала того вдохновеннаго самоотреченія, которое присуще избранникамъ Духа и даруется истинными военными добродѣтелями.

„Трупиковъ, трупиковъ побольше: они необходимы для донесеній". Эту возмутительно подлую, отвратительно-циничную фразу пустилъ въ оборотъ одинъ небезизвѣстный генералъ, умѣлой рекламой изловчившійся составить себѣ кое-какое положеніе въ арміи.

„Трупики для донесеній"! Дорого заплатило русское офицерство за такого рода отношеніе нѣкоторыхъ, очень не-

многихъ, своихъ собратій къ священной жизни солдата, защитника Царя и Родины. Можетъ быть инстинктивно, а отчасти и сознательно, возставшіе солдаты на невинныхъ, честныхъ начальникахъ, благородныхъ жертвахъ служебнаго долга, припомнили и отомстили, вмѣсто безмѣрно виновныхъ, недостойныхъ начальниковъ . . .

Что касается высшихъ начальниковъ нашихъ дѣйствовавшихъ армій, то они съ видомъ авгуровъ, что-то знавшихъ и предвидѣвшихъ, наблюдали за многими непорядками и нестроеніями, которыя для немногихъ, умѣвшихъ вникать въ событія и понимать ихъ смыслъ, были уже грозными предвѣстниками будущаго кромѣшнаго Ужаса. „Авгуры" мало принимали мѣръ для своевременнаго уврачеванія недуговъ, иные изъ тупого самодовольства ограниченности и тщеславія; другіе — понимая гораздо болѣе отчетливо и ясно все, вокругъ нихъ совершавшееся, и съ философскимъ спокойствіемъ „посвященныхъ" ожидая Грядущаго.

Почти всѣ эти начальники, начиная съ добрыхъ трехъ четвертей полковыхъ командировъ (кромѣ кавалеріи) и почти всѣхъ начальниковъ дивизій — принадлежали къ „Черному Войску", т. е. къ русскому Генеральному Штабу.

Въ русской арміи офицеровъ Генеральнаго Штаба было чрезвычайно много; гораздо больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой арміи. Вполнѣ естественно, что въ этой многочисленной корпораціи находится извѣстный процентъ вполнѣ порядочныхъ и хорошихъ людей, честныхъ, храбрыхъ офицеровъ и даровитыхъ военачальниковъ. Эти люди, которые мнѣ представляются исключеніями изъ общаго правила, не должны, разумѣется, принимать на себя всего того, что я выскажу относительно общаго типа „момента", какъ съ давнихъ поръ называются въ нашей арміи офицеры Генеральнаго Штаба, носящіе на себѣ характерный, специфически непріятный, отпечатокъ своей особой корпораціи. Эта корпорація нарочито обособлялась отъ всѣхъ другихъ военнослужащихъ и составляла то особое „status in statu", которое можно сравнить не то съ еврейскимъ кагаломъ, не то съ масонской ложей, обособленными тайной своей внутренней организаціи отъ остальныхъ гражданъ страны.

Такимъ образомъ я далекъ отъ того, чтобы оскорбить многихъ порядочныхъ людей, носившихъ мундиръ Генеральнаго Штаба, тѣмъ болѣе, что этотъ мундиръ и для меня самого близокъ. Я имѣю высокую честь чтить въ священной и дорогой не для одного меня, но и для всѣхъ, его знавшихъ, памяти моего покойнаго отца одного изъ тѣхъ рѣдкихъ метеоровъ, который чистоту и благородство своей жизни проноситъ черезъ

нашу земную юдоль безъ сучка и задоринки, озаряя все, къ чему въ жизни имѣлъ прикосновеніе, свѣтомъ своего высокаго духа, дарами очищеннаго отъ всѣхъ низинъ жизни ума и сокровищами большого, любвеобильнаго, отзывчиваго и горячаго сердца. Почти всю свою шестидесятишестилѣтнюю службу въ русской арміи отецъ мой числился въ Генеральномъ Штабѣ и часто носилъ его мундиръ. Служилъ онъ всегда въ строю, не любя штабной службы и избѣгая ея, но тѣмъ не менѣе къ корпораціи Генеральнаго Штаба принадлежалъ.

Ужъ это одно соображеніе заставляетъ меня чрезвычайно бережно относиться къ вопросамъ о чести этого мундира, для котораго считаю очень почетнымъ, что мой отецъ его носилъ.

Но какова бы ни была бережность моего отношенія къ этому вопросу, нельзя умолчать о томъ, что есть правда, и правда очень неприглядная. По этому поводу и мой отецъ часто высказывалъ мнѣнія, вполнѣ сходныя съ моими.

Съ давнихъ поръ служба въ Генеральномъ Штабѣ была обставлена въ Россіи особыми привилегіями и выгодами обезпеченной военной карьеры. Такими мѣрами правительство наше стремилось поднять въ офицерской средѣ уровень спеціальнаго образованія и привлечь возможно большее число лучшихъ офицеровъ къ разсаднику этого образованія — Академіи Генеральнаго Штаба.

Эта высшая военная школа, въ прошломъ, дала Россіи много просвѣщенныхъ, выдающихся людей, ознаменовавшихъ свою полезную дѣятельность не только на военной службѣ, но и на многихъ, самыхъ разнородныхъ, высшихъ постахъ государственнаго служенія. Выходили изъ стѣнъ Академіи дѣйствительно выдающіеся люди, по воспитанію своему, по нравственнымъ достоинствамъ, по вѣрности священнымъ основамъ русской государственности, вполнѣ соотвѣтствовавшіе назначеніямъ на видные и отвѣтственные служебные посты.

Но, приблизительно съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, эта школа стала замѣтно портиться. Въ образовательномъ отношеніи она, вмѣсто дѣйствительнаго просвѣщенія, превратила свои программы въ какую то схоластику тупого, узкаго и бездарнаго заучиванія разнообразныхъ учебниковъ, качество замѣнявшихъ количествомъ вдалбливавшихся свѣдѣній. Академія стала сильно походить на до-реформенную бурсу. Сильно развивавшаяся конкурренція между учащимися развращала нравы какъ обучаемыхъ, такъ и обучающихъ. Качественный уровень профессорскаго персонала сталъ сильно понижаться. Во взаимныхъ отношеніяхъ стали все чаще наблюдаться недостойныя воинской среды заискиваніе, искательство, интриги, карьеристическіе происки . . .

Репутація Академіи падала, въ зависимости отъ чего падалъ и уровень офицеровъ, поступавшихъ въ Академію и затѣмъ пополнявшихъ кадры Генеральнаго Штаба.

Съ этихъ поръ никакъ нельзя было признать, что офицеры Генеральнаго Штаба дѣйствительно представляли собой отборную часть русскаго офицерства: ни въ смыслѣ воспитанія, ни дарованій, ни душевныхъ свойствъ, такого отбора не было въ этой средѣ.

Создавался типъ выскочки-честолюбца, во что бы то ни стало стремившагося вознаградить себя за годы упорнаго, хотя и мало плодотворнаго, труда и за всѣ лишенія, униженія и трудности, претерпѣнныя ради достиженія своего привилегированнаго положенія.

Создалась среда, въ которую легко могли проникнуть масонскія вліянія; во всякомъ случаѣ гораздо легче, чѣмъ въ строевой составъ арміи, огражденный корпоративнымъ духомъ полковыхъ традицій.

Многое способствовало возможности такого проникновенія: и поверхностное, одностороннее просвѣщеніе, не дающее настоящаго знанія и пониманія жизни, но начиняющее самомнѣніемъ и претензіями, и пестрый, разнокалиберный составъ офицеровъ, развивающіяся страсти карьеры и честолюбивыхъ замысловъ, и соблазны служебной обстановки, предоставляющей въ руки многія тайныя карты государственныхъ, часто міровыхъ розыгрышей, и другіе соблазны, болѣе реальные . . .

Съ 1900-ыхъ годовъ отрицательныя черты, нами отмѣченныя, стали выступать съ возрастающей рѣзкостью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Генеральный Штабъ стремился забрать въ свое вѣдѣніе и подъ свой контроль всю войсковую жизнь, весь чуткій и отзывчивый темпъ этой жизни, требующій тонкаго пониманія и чувствованія: но ихъ не умѣли дать „ученые" теоретики, очень мало практически и духовно подготовленные къ тому сліянію съ войсками, которое для каждаго военнаго начальника является непремѣннымъ условіемъ производительности и успѣшности его работы.

Не удовлетворяясь штабными должностями, которыми въ прежнее время ограничивались исключительныя права „моментовъ" — ввиду того, что строевыя командныя должности распредѣлялись почти равномѣрно между ними и строевыми офицерами — нынѣ они, мало по малу, монополизировали всѣ высшія и среднія командныя должности почти исключительно среди своихъ. Такой захватъ оправдывался бы въ томъ случаѣ, еслибъ они дѣйствительно на этихъ должностяхъ оказывались на высотѣ положенія . . .

Но во время послѣдней войны, да и раньше, какъ разъ „моменты" явили столько случаевъ бездарности, неумѣнія,

малодушія, интригантства, приспособляемости къ компромиссамъ и передержкамъ, что приходилось горько сожалѣть о добромъ старомъ времени, когда войска наши водились въ бой, можетъ быть, менѣе учеными, но болѣе толковыми, даровитыми, опытными начальниками и . . . болѣе вѣрными слугами Царя и Родины.

Высказанное мнѣніе о русскомъ Генеральномъ Штабѣ вполнѣ раздѣляется многими иностранными военными.

По этому поводу вспоминаю разсказъ одного иностранца изъ родственнаго намъ народа, прослужившаго много лѣтъ на русской военной службѣ и участвовавшаго въ послѣдней войнѣ, въ чинѣ генерала, на должности Начальника кавалерійской дивизіи.

Во главѣ своей дивизіи, въ Августѣ 1914 года, мой знакомый былъ въ Восточной Пруссіи. Послѣ одного успѣшнаго наступленія, въ результатѣ котораго дивизіей занято было имѣніе какого то крупнаго Прусскаго помѣщика, Начальникъ Дивизіи, вмѣстѣ со своимъ Штабомъ, расположился въ помѣщичьемъ замкѣ, куда къ обѣду пригласилъ двухъ, взятыхъ въ этотъ день въ плѣнъ, германскихъ офицеровъ — одного лейтенанта, а другого — майора Генеральнаго Штаба.

Мой знакомый все свое дѣтство прожилъ въ Германіи; нѣмецкій языкъ зналъ не хуже своего родного; былъ хорошо знакомъ и близокъ съ нѣмецкой военной средой; поэтому разговоръ съ плѣннымъ представлялъ для него большой интересъ.

Послѣ обѣда, генералъ предложилъ майору пройтись по парку, окружавшему замокъ, и разговоръ между ними обоими принялъ вполнѣ задушевный, откровенный характеръ.

„Скажите мнѣ, Майоръ" — спросилъ генералъ — „что думаете Вы о совершающихся событіяхъ? Какъ Вы думаете, у кого имѣется больше шансовъ на побѣду — у васъ или у насъ? Долго ли продлится война? Каково Ваше мнѣніе о нашихъ войскахъ?"

„На всѣ вопросы Вашего Превосходительства дамъ подробное и откровенное изложеніе личныхъ моихъ мнѣній" — отвѣчалъ майоръ: „Думаю, что намъ предстоитъ война грандіозная и еще небывалая по числу жертвъ и испытаній, которыхъ она потребуетъ отъ воюющихъ народовъ. Кто побѣдитъ? Этотъ вопросъ не берусь разрѣшить теперь, при самомъ началѣ нашихъ столкновеній. У насъ есть много основаній разсчитывать на окончательную побѣду: но, не будучи провидцемъ, развѣ можно учесть всѣ шансы за и противъ? Шансы наши велики; но велики и шансы нашихъ враговъ, Англичанъ и Французовъ. Возможно, — и я такъ и надѣюсь, — что побѣдимъ мы. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ очень опасаюсь возможности поворота военнаго счастья на сторону Англіи и Франціи.

Одно, въ чемъ могу пророчествовать, Ваше Превосходительство, и что говорю вполнѣ увѣренно: при какомъ бы то ни было исходѣ войны, Россія ни въ какомъ случаѣ не побѣдитъ, но неминуемо потерпитъ военную катастрофу" . . .

На крайнее удивленіе генерала, майоръ продолжалъ:

„Вы не должны думать, Ваше Превосходительство, что, высказывая такое мнѣніе, я поддаюсь какому либо шовинистическому настроенію или вообще увлеченію: я сужу здраво и хладнокровно, отдаю должное многимъ боевымъ качествамъ русской арміи и питаю къ Россіи несравненно менѣе шовинистическія чувства, чѣмъ къ нашимъ заклятымъ врагамъ, Англіи и Франціи. А между тѣмъ, я вполнѣ допускаю возможность побѣды этихъ двухъ для насъ очень опасныхъ и враждебныхъ народовъ, но не допускаю этой возможности для Россіи.

Я думаю, что русская армія несетъ на себѣ крайне вредный, парализующій ея силы, балластъ, при которомъ побѣда для нея немыслима: я имѣю въ виду отвратительный русскій Генеральный Штабъ и думаю, что при его наличіи невозможно разсчитывать на какіе либо серьезные успѣхи. Къ довершенію вашей бѣды, этотъ Генеральный Штабъ еще и перегружаетъ Вашу армію, ибо въ Россіи офицеровъ Генеральнаго Штаба такъ много, какъ, относительно, ни въ одной арміи другихъ странъ".

Дѣйствительность показала, что мнѣніе, высказанное нѣмецкимъ майоромъ, оказалось въ нѣкоторомъ родѣ пророческимъ.

Интересно будетъ еще отмѣтить мнѣніе сербскаго генерала Путника о русскомъ Генеральномъ Штабѣ.

Еслибъ, нынѣ покойный, воевода Путникъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе крупное, вліятельное и самостоятельное международное положеніе, чѣмъ отечество его, Сербія, имя его гремѣло бы по всему міру въ виду его исключительныхъ военныхъ дарованій Это былъ полководецъ „Божіею Милостью", соединявшій съ большимъ и острымъ умомъ способность всецѣло подчинять себѣ, своей волѣ, войска и вести ихъ всегда къ успѣхамъ и побѣдамъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать мнѣнія Путника въ высокой степени авторитетнымъ.

Послѣ блистательной Болгарской кампаніи 1913 года, когда Путникъ въ нѣсколько недѣль окончилъ эту побѣдоносную войну, довершенную полнымъ разгромомъ противника, — при первой же встрѣчѣ съ нимъ, Сербскій Король передалъ ему высшій Сербскій орденъ, въ прочувствованныхъ выраженіяхъ высказавъ свою благодарность за заслуги его передъ отечествомъ. Поблагодаривъ своего Государя, маститый воевода доложилъ Королю, что, принимая эту высокую награду, не

считаетъ себя ея достойнымъ, ибо, будто бы, заслуги его были сильно преувеличены.

На это Король возразилъ: „Скромность есть большая добродѣтель, воевода; но не думаете ли Вы, что своей скромностью Вы переходите мѣру? По справедливости, Вы не имѣете ни права, ни возможности умалять своихъ выдающихся заслугъ“ . . .

„Смѣю увѣрить Ваше Величество“ — возразилъ Путникъ — „что я нисколько не играю въ скромность. Болгарія заранѣе и неминуемо была обречена на разгромъ, и я только использовалъ ея отчаянное положеніе.

Дѣло въ томъ, что, передъ началомъ нашей войны съ Болгаріей, эта несчастная страна оказалась наводненной русскими офицерами Генеральнаго Штаба, которые руководили обученіемъ и дѣйствіями Болгарской арміи: при такихъ условіяхъ, участь Болгаріи была предрѣшена, и ея пораженіе должно было произойти неминуемо и неизбѣжно“[1]) . . .

Эта остроумная шутка вызвала общій смѣхъ всѣхъ, присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ.

Намъ — не до смѣха отъ этой шутки! Когда, Милостью Божіей, возстановится Россія, и всѣ ея вѣрные сыны будутъ заняты ея устроеніемъ на началахъ разумнаго пониманія ея сущности и ей преднамѣченныхъ государственныхъ задачъ, будетъ необходимо вдумчиво озаботиться объ организаціи нашей военной мощи на болѣе здоровыхъ основаніяхъ, чѣмъ было раньше. Было бы преступленіемъ повторять старыя ошибки и не уничтожить до корней той злокачественной язвы, которая выросла на тѣлѣ нашей Арміи, всегда бывшей доблестной и вѣрной, пока эта язва не разъѣла ея могучаго организма.

Высшее, спеціальное военное образованіе, разумѣется, необходимо. Высшая школа, какъ разсадникъ этого образованія, также необходима. Но раньше, чѣмъ ее строить, эту школу, на новыхъ началахъ, я рекомендую сжечь до тла старую Академію и мѣсто, на которомъ она стояла, обильно полить сулемой или другой какой нибудь сильной дезинфекціонной жидкостью, чтобы радикально уничтожить всѣ старые, вредоносные микробы. И только тогда можно будетъ приступить къ новой постройкѣ.

Въ этомъ очеркѣ я нѣсколько разъ выступалъ защитникомъ генерала Сухомлинова противъ клеветническихъ, несправедли-

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, для точности, что офицеры русскаго Генеральнаго Штаба находились въ Болгарской арміи только до столкновенія ея съ Сербами; но, очевидно, если стать на точку зрѣнія воеводы Путника, то и этого участія „моментовъ“ было достаточно для будущаго пораженія Болгаріи.

ныхъ обвиненій, которыми не посовѣстились русскіе люди чернить его незапятнанное имя.

Но чего бывшему Военному Министру нельзя простить, такъ это именно то окончательно преобладающее вліяніе и значеніе, которыя пріобрѣли „моменты" за время его управленія Министерствомъ. Это — его невольная и несознательная, но тяжкая вина.

Пороки и недостатки Своего Генеральнаго Штаба отлично уразумѣлъ и понялъ Государь Императоръ Николай Александровичъ. Разсказываютъ (этотъ случай мною не былъ провѣренъ, такъ что я за него не ручаюсь), будто бы Его Величество изволилъ высказаться по этому вопросу въ слѣдующихъ словахъ:

„Когда кончится война, Генеральный Штабъ дастъ Мнѣ отвѣтъ за все" ...

Если, дѣйствительно, этотъ слухъ былъ вѣренъ, то „моменты" не пропустили изъ вида его грознаго для нихъ значенія и содѣйствіемъ государственному перевороту избѣгли участи предстать на судъ предъ „Очи Государевы" ....

Когда бы Россія отъ того такъ тяжко не пострадала, можно было бы отнестись съ брезгливой снисходительностью къ неумѣнію, бездарности, растерянности и неподготовленности, проявленнымъ „моментами" на войнѣ, и бывшимъ одной изъ серьезныхъ причинъ нашихъ неудачъ: глупость — отъ Бога. Такъ говоритъ народная мудрость. Увы, этой глупостью и дряблостью воспользовались враги Россіи и свили себѣ прочное масонское гнѣздо въ толщѣ и центрѣ нашего Генеральнаго Штаба: это гнѣздо — ячейка оказалось могучимъ средствомъ, обезпечившимъ ихъ успѣхи.

Но если глупость — отъ Бога, то подлость — отъ злой воли человѣка, отъ низости его душевныхъ свойствъ, и потому простить подлую измѣну, которой себя обезчестили многіе штабные офицеры — никакъ нельзя ...

Государственный переворотъ 1-го Марта 1917 года не удался бы, еслибъ во многихъ штабахъ дѣйствовавшихъ армій не сидѣли участники заговора, среди которыхъ оказались даже и командующіе арміями.

Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія, такого чернаго дѣла никогда еще не записала Исторія въ свои лѣтописи: чтобы русскіе военачальники, руководители русскихъ войскъ въ войнѣ, рѣшавшей участь Отечества, могли забыть святую обязанность вѣрности данной Присягѣ и злоумышлять противъ своего Государя, бывшаго одновременно и Верховнымъ Главнокомандующимъ, обсуждать со своими же подчиненными и иностранными (!) офицерами „союзническихъ" странъ подробности подготовлявшагося преступленія — нѣтъ! такой другой

подлости не знаетъ наша Исторія, да и исторіи другихъ народовъ . . .

Совершенно случайно, мнѣ пришлось разъ слышать, какъ одинъ изъ такихъ заговорщиковъ проговорился . . .

Это было зимой 1918 года, въ тюрьмѣ, гдѣ я, между прочими, сидѣлъ съ однимъ генераломъ Генеральнаго Штаба[1]), служившимъ до самаго Мартовскаго переворота въ штабѣ генерала Рузскаго. Въ разговорѣ о происходившихъ въ то время событіяхъ, генералъ этотъ, съ большимъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ, сѣтовалъ и горевалъ о судьбѣ, уготовленной Россіи, и, въ волненіи, воскликнулъ: „Развѣ о томъ мы мечтали, когда собирались у Рузскаго!“ . . .

Эту фразу я подхватилъ съ живѣйшимъ интересомъ и любознательно спросилъ у генерала: „а о чемъ же вы мечтали тогда, когда собирались у Рузскаго?“

Но . . . мой собесѣдникъ замялся и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

Я приступаю къ моменту когда, лѣтомъ 1915 года, Государь Императоръ счелъ необходимымъ принять на Себя тяготы и отвѣтственность по званію и должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Моментъ, какъ долженъ согласиться каждый, былъ выбранъ Самодержцемъ Всероссійскимъ не изъ благопріятныхъ для личнаго самолюбія и для какихъ либо соображеній о прославленіи Своего Имени. Государь принималъ на Себя высшее руководство Своими арміями именно тогда, когда нашъ военный престижъ упалъ очень низко и въ глазахъ противниковъ, и въ ревнивомъ, обезпокоенномъ мнѣніи бывшихъ союзниковъ нашихъ. Государю предстоялъ не блескъ тріумфальныхъ шествій и благодарныхъ восторговъ толпы за успѣхи и побѣды русскаго оружія, но тяжелый трудъ въ условіяхъ почти безнадежныхъ и безрадостныхъ, среди всеобщаго броженія, уже чреватаго грозными предостереженіями.

Принять при такихъ условіяхъ на Себя бремя главнаго командованія было великимъ подвигомъ самоотверженія, которое не съумѣлъ оцѣнить русскій народъ, но оцѣнитъ безпристрастная Исторія.

Извѣстіе о рѣшеніи Государя было принято въ Россіи несочувственно. Все общественное мнѣніе было противъ этой перемѣны. Русское общество было почти все увлечено дѣйствительно обаятельной и эффектной Личностью Великаго Князя Николая Николаевича, пользовавшагося громадной

[1]) Генералъ Болдыревъ.

популярностью, и чувствовало себя, такъ сказать, обиженнымъ за своего Любимца. Оно было очень мало компетентно, это общество, какъ въ военныхъ, такъ и вообще въ государственныхъ дѣлахъ, и совершенно не понимало, что Великому Князю былъ крайне необходимъ отдыхъ послѣ всѣхъ трудовъ его, длившихся цѣлый годъ, жестокихъ испытаній и разочарованій.

Я началъ эту главу съ того предупрежденія, что не возьму на себя смѣлости въ нашихъ военныхъ неудачахъ кого либо упрекать, тѣмъ менѣе Великаго Князя Николая Николаевича, котораго я съ молодыхъ лѣтъ привыкъ уважать и цѣнить за многія его крупныя качества, какъ человѣка, солдата, начальника и вѣрноподданнаго. Ни минуты не сомнѣваюсь во вздорности разсказовъ о томъ, будто бы Его Императорское Высочество также былъ участникомъ заговора противъ Государя.

Какъ извѣстно, этотъ заговоръ одобрялся и поддерживался очень многими высшими чинами арміи, въ числѣ которыхъ называли и Великаго Князя.

Я имѣлъ много случаевъ въ жизни выносить изъ общенія съ Великимъ Княземъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что Великій Князь былъ всегда всецѣло преданъ своему Царю. При Его несомнѣнно искреннихъ, вѣрноподданническихъ чувствахъ, Онъ никакъ не могъ участвовать въ подломъ злоумышленіи противъ своего Императора, Помазанника Божія, да притомъ же Верховнаго, Державнаго Главы Его же, Великаго Князя, Августѣйшей Семьи. Но независимо отъ чувствъ Великаго Князя, Онъ просто не могъ бы ни въ какомъ случаѣ такимъ образомъ нарушить требованій своей чести, своей вѣрности гражданскому, воинскому и великокняжескому долгу, велѣніями котораго Онъ всю жизнь руководился нерушимо.

Все, что выше было указано о глубокомъ надрывѣ, существовавшемъ въ основѣ русской арміи съ самаго начала войны и развивавшемся параллельно съ ходомъ событій, доказываетъ, что задолго до войны, предрѣшеннымъ сговоромъ многочисленныхъ враговъ, Россія была обречена на горькую долю, которую пришлось ей претерпѣть, и никакіе личные таланты не могли ее спасти и уберечь отъ заготовленной участи, какъ и личныя ошибки могли только способствовать ускоренію катастрофы, но никакъ не вызвать то, что и безъ того было всесторонне обдумано и предрѣшено.

Наполеонъ говорилъ, что онъ бывалъ спокоенъ за предстоявшее сраженіе, когда могъ разумомъ учесть одну четверть всѣхъ возможностей выполненія своей задачи, предоставляя остальныя три четверти на долю случайностей.

Тутъ творцы и руководители заговора находились въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ обезпеченнаго успѣха,

ибо міровая интрига опутала своей сѣтью Россію настолько всеобъемлюще, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ всѣхъ возможностей находились подъ дѣйствіемъ точнаго разсчета и увѣренной освѣдомленности вершителей дѣла разрушенія русскаго государства.

По мнѣнію Государя, въ Августѣ 1915 года вполнѣ назрѣлъ вопросъ о смѣнѣ Верховнаго Главнокомандующаго и настоятельно требовалъ немедленнаго разрѣшенія, ввиду состоянія здоровья Великаго Князя Николая Николаевича, котораго нервы и силы не могли бы выдержать дальнѣйшаго напряженія. Поэтому, совершенно независимо отъ какой либо личной отвѣтственности, необходимо было предоставить Великому Князю отдыхъ, передышку, дабы потомъ, уже на другомъ посту, онъ бы могъ приложить свои вѣрноподданническія чувства къ служенію Родинѣ. Не одинъ конь выдыхается, давъ наибольшее напряженіе своей полезной работы: выдыхается и человѣкъ, особенно когда присутствуетъ при разгромѣ всѣхъ результатовъ своего труда и крушеніи завѣтныхъ надеждъ.

Вотъ почему, сознавая создавшееся положеніе, и принялъ Свое рѣшеніе нашъ Царь, и до конца неуклонно и мужественно понесъ новый Крестъ, Имъ подъятый ради любви къ Родинѣ и вѣрности данному слову, хотя бы дано оно было недостойнымъ довѣрія, вѣроломнымъ союзникамъ, наглядно и воочію доказавшимъ свое вѣроломство.

Тотъ, кто отдаетъ себѣ отчетъ въ ходѣ событій, не долженъ удивляться тому, что общественное мнѣніе не сочувствовало рѣшенію Государя. Была создана такая обстановка, при которой каждое дѣйствіе Государя, каково бы оно ни было, обрекалось осужденію, недоброжелательству и тенденціозной критикѣ. Выхода не было: еслибъ Государь оставилъ на посту Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя, или назначилъ ему преемника, отстраняя Себя отъ непосредственнаго командованія — все равно общественное мнѣніе отнеслось бы несочувственно къ каждому Его акту, ввиду того, что ничто не подвержено болѣе безпомощному подчиненію внѣшнимъ вліяніямъ, какъ то стадное, всегда пристрастное и почти всегда заблуждающееся начало, которое зовется общественнымъ мнѣніемъ.

Общественнымъ мнѣніемъ во всѣхъ странахъ, въ теченіе уже многихъ десятилѣтій, завладѣла все таже сплоченная сила іудейско-масонскаго заговора и пользуется имъ, какъ могучимъ средствомъ для служенія цѣлямъ мірового завоеванія.

Государь сдѣлалъ мудрый выборъ, назначивъ Своимъ Начальникомъ Штаба Генерала Алексѣева.

По способностямъ и дарованіямъ, Алексѣевъ былъ Государю отличнымъ помощникомъ. Усидчивый, настойчивый и упорный, хорошо знающій свое дѣло, съ большимъ спеціальнымъ образованіемъ и даже до нѣкоторой степени ученостью, это не былъ орелъ, парящій въ небесахъ и проникновеннымъ взоромъ вдохновеннаго провидца могущій творить дѣло геніальнаго полководца, Божіей Милостью отмѣченнаго для великой роли въ Исторіи. Это былъ труженикъ-стратегъ, умѣвшій планомѣрно примѣнять свои знанія и трудъ къ послѣдовательному, осторожному, терпѣливому осуществленію предначертаній Государя, намѣчавшихъ конечную побѣду русскаго оружія.

Въ отношеніи своихъ чувствъ непреклонной и непоколебимой вѣрности Царю, Алексѣевъ въ исходѣ 1916 и въ январѣ и февралѣ 1917 года не оказался на высотѣ выпадавшаго ему, силой обстоятельствъ, многоотвѣтственнаго значенія, ибо поддался настроеніямъ, овладѣвшимъ въ то время русскимъ обществомъ, и не былъ ни достаточно стойкимъ, ни убѣжденнымъ выполнителемъ велѣній чести и долга. Вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ высшихъ чиновъ арміи, онъ склонился въ сторону нечуждыхъ ему псевдо-либеральныхъ и псевдо-патріотическихъ, а въ сущности — опредѣленно измѣнническихъ и революціонныхъ теченій, и не съумѣлъ энергично реагировать на заговоръ, котораго успѣхъ привелъ Россію къ настоящему ея состоянію.

Онъ не понялъ, какую благородную, красивую страницу могъ онъ вписать своимъ именемъ въ Исторію, еслибъ, вопреки стаднымъ настроеніямъ толпы и честолюбивымъ разсчетамъ отдѣльныхъ лицъ, мнившихъ устоять предъ надвигавшимся натискомъ бунта и использовать его для вящаго своего благополучія, еслибъ, въ противовѣсъ этимъ предвѣстникамъ всѣхъ нашихъ бѣдствій, оставаясь упрямо вѣрнымъ Присягѣ, Алексѣевъ возвысилъ надъ замутившейся Россіей свой голосъ, бывшій въ то время весьма популярнымъ.

Еслибъ даже предположить, что онъ могъ бы погибнуть, ставши одинъ противъ образовавшагося бурнаго теченія, то что такое честная смерть, къ которой всегда долженъ быть готовъ солдатъ, а особенно въ годину кровопролитной войны, что такое честная, незазорная смерть — предъ неувядаемой памятью истинной доблести и силы духа, предъ удовлетвореннымъ сознаніемъ исполненнаго долга . . .

Да онъ бы и не погибъ: вокругъ него сплотились бы всѣ честные люди, ни откуда въ тотъ страшный часъ такого голоса не слышавшіе, и помогли бы ему создать встрѣчное теченіе — противъ теченія! Тогда еще было совсѣмъ не такъ трудно удержать войска въ граняхъ дисциплины и внутренняго порядка . . .

Пишущему эти строки пришлось лично наблюдать, какъ тяжело залегли на души большинства нижнихъ чиновъ полка, которымъ онъ въ то время командовалъ, первые дни переворота. Солдаты были нервны и смущены духомъ; многіе изъ нихъ плакали (!), а слезы въ горлѣ стояли почти у каждаго; растерянность и недоумѣніе были крайнія. Хотя послѣдними пополненіями 1916 года были влиты въ полкъ очень скверные люди, изъ Петроградской черни, хотя агитація шла полнымъ ходомъ, тѣмъ не менѣе переворотъ не легко отзывался на солдатской душѣ. Можно почти увѣренно сказать, что, еслибы генералъ Алексѣевъ выступилъ тогда же защитникомъ вѣковыхъ устоевъ Россіи, успѣхъ заговорщиковъ былъ бы очень сомнительнымъ.

Онъ этого не сдѣлалъ...

Русскіе генералы добраго стараго времени были, можетъ быть, менѣе учены; но они умѣли быть болѣе стойкими хранителями своей чести, вѣрность Царю умѣли соблюдать, свято чтя слова разъ и навсегда принесенной ими Присяги... И войска свои они лучше умѣли вести къ побѣдамъ...

Когда событія уже совершились, трудно говорить о томъ, что было бы, еслибъ не то, и не другое, и не третье обстоятельства, способствовавшія тому, чтобы все развернулось именно такъ, а не иначе...

Что случилось — то, вѣроятно, и должно было случиться, и не слабому уму человѣческому предугадывать пути Божіяго Промысла...

Но, тѣмъ не менѣе, оставаясь въ плоскости ограниченнаго нашего разумѣнія, намъ дана способность обсуждать случившееся и отдавать себѣ въ немъ отчетъ. Оглядываясь назадъ, на пройденный путь позора и униженій, горя и страданій, грѣха, возмездія и искупленія, мы пытливымъ разумомъ не можемъ не припоминать всѣхъ подробностей, касающихся людей и событій недавняго прошлаго, и не приходить къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ и выводамъ. И эти выводы указываютъ на причины претерпѣнныхъ ужасовъ и на главныхъ виновниковъ ихъ нашествія на насъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и беремъ на себя смѣлость утверждать, что, какъ бы всеобъемлюще и обдуманно не былъ составленъ и выполненъ планъ дѣйствій, приведшихъ къ паденію Россіи, Февральскій переворотъ не удался бы, еслибъ въ революціонномъ заговорѣ не принимало участія большинство генераловъ изъ высшаго командного состава нашей арміи.

Благодаря усиленной агитаціи, въ арміи могли быть мѣстные беспорядки. Но... еслибъ не попустительство высшаго начальства и ихъ штабовъ, эта агитація никогда не приняла

бы такихъ размѣровъ. Нѣкоторые полки могли поднять возстаніе, которое было бы подавлено вѣрными частями. Нельзя отрицать, что могло быть сильное броженіе. Въ крайнемъ случаѣ, положеніе могло стать настолько натянутымъ и грознымъ, что пришлось бы ликвидировать войну . . . но было ли бы это такимъ большимъ несчастьемъ? Нынѣ, зная все, что случилось, не приходится ли придти къ тому заключенію, что такая ликвидація, на выгодныхъ для Россіи, но невыгодныхъ для бывшихъ нашихъ союзниковъ, условіяхъ, была бы наилучшимъ исходомъ? . .

И тогда — общаго отторженія арміи отъ своего Верховнаго Вождя, еврейской революціи и всѣхъ ея катастрофальныхъ послѣдствій — не было бы, еслибъ большинство главнокомандующихъ и командующихъ арміями не оказалось послушными агентами іудейскихъ замысловъ.

Разительнымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить начавшіеся безпорядки въ Петроградѣ и предательскій образъ дѣйствій большинства членовъ Государственной Думы.

Еслибъ Главнокомандующій Сѣвернымъ Фронтомъ, Рузскій, не былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ заговора; еслибъ почти всѣ чины его штаба, преимущественно генералы и штабъ-офицеры Генеральнаго Штаба, не были его единомышленниками; еслибы распоряженіями этого штаба не поддерживалось въ Петроградѣ все, клонившее къ успѣху бунта, и не парализовались всѣ мѣры, которыми можно было бы охранить порядокъ — тогда Петроградскіе безпорядки, еслибъ они все-таки произошли, были бы быстро подавлены; Родзянки, Милюковы, Гучковы, Поливановы и прочіе „дѣятели" — висѣли бы на висѣлицахъ, и Россія избѣгла бы злой участи, ей уготовлявшейся.

Но нити заговора находились въ рукахъ главнаго вершителя судьбы Петрограда, Рузскаго, и его распоряженіями — которымъ, по условіямъ военнаго времени, обязано было подчиняться само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ — исходъ злого дѣла былъ прочно обезпеченъ.

Государю Императору онъ же, этотъ старый предатель, устроилъ западню и сдѣлалъ невозможнымъ проѣздъ Государя въ Свою Столицу, куда, почти навѣрное, успѣли бы собраться русскія силы, остававшіяся вѣрными (а въ тотъ моментъ таковыми были еще почти всѣ воинскія части), и спасти положеніе.

Пишущій эти строки, командовавшій тогда полкомъ подъ Ригой, удостовѣряетъ, что 1-го Марта, когда стали доходить свѣдѣнія о смутѣ, онъ могъ съ ручательствомъ повести въ Петроградъ всѣ эскадроны и команды своего полка, кромѣ одного эскадрона, бывшаго подъ сомнѣніемъ; но уже 2-го Марта,

когда пришла вѣсть объ отреченіи, настроенія стали мѣняться... И много было такихъ полковъ, которые можно было смѣло двинуть на „красный Петроградъ", гдѣ въ первые два-три дня господствовали трусость и растерянность.

Негодяй-Главнокомандующій, оказавшись распорядителемъ Сѣвернаго Фронта, въ который включенъ былъ и Петроградъ, ловко и пронырливо подготовилъ обстановку къ рѣшительному моменту, когда понадобилось довершить затѣянное дѣло: всѣ пружины были пущены въ ходъ.

Государь Императоръ отлично понялъ положеніе. Одну за другой, Онъ получалъ телеграммы главнокомандующихъ, всеподданнѣйше просившихъ Его, „ради блага Россіи", отречься отъ Престола.

Государь — еще только въ пути и до Пскова не доѣхалъ, а вслѣдъ Ему Алексѣевымъ уже шлется телеграмма за № 1865 о томъ, что необходимо назначеніе отвѣтственнаго министерства съ Родзянко во главѣ.

„Поступающія свѣдѣнія" — телеграфируетъ онъ — „даютъ основаніе надѣяться, что думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ, и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти лѣвыми элементами."

Въ тотъ же день, по прибытіи Государя въ Псковъ, Рузскій испрашиваетъ Высочайшее разрѣшеніе на возвращеніе направленныхъ на ст. Александровскую воинскихъ частей обратно въ Двинскій районъ. Одновременно Рузскій посылаетъ слѣдующія телеграммы:

„Ставка. Полковнику Тихменеву. 933(п.

Главкосѣвъ при существующей обстановкѣ не считаетъ возможнымъ сосредоточеніе желѣзнодорожныхъ батальоновъ къ Пскову, прибытіе коихъ можетъ лишь осложнить обстановку. Для обезпеченія движенія литерныхъ поѣздовъ будутъ приняты мѣры по выясненіи ихъ маршрута. 2 марта 1917 г. № 6166. Даниловъ.

„Генкварверху. 1868.

Государь Императоръ отдыхаетъ и поэтому испрошеніе въ отношеніи войскъ Западнаго и Юго-Западнаго фронта можетъ послѣдовать только утромъ. Предварительно испрошенія у Государя Императора разрѣшенія возвратить наши войска, Главкосѣвомъ было отдано самостоятельное распоряженіе задержать войска на станціи. Сообщается на случай, если эту же мѣру будетъ сочтено возможнымъ примѣ-

нить въ отношеніи войскъ Западныхъ Фронтовъ распоряженіемъ Ставки. 2 марта. 24 ч. 30 м. Даниловъ."

2-го Марта, въ 9 ч. утра, генералъ Лукомскій говоритъ генералу Данилову:

„Прошу тебя доложить отъ меня генералу Рузскому, что по моему глубокому убѣжденію выбора нѣтъ, и отреченіе должно состояться."

Еще черезъ часъ, въ тотъ же день, генералъ Алексѣевъ разсылаетъ всѣмъ главнокомандующимъ слѣдующую телеграмму:

„Его Величество находится въ Псковѣ, гдѣ изъявилъ свое согласіе объявить манифестъ идти на встрѣчу народному желанію, учредить отвѣтственное министерство передъ палатами и поручить Предсѣдателю Государственной Думы образовать кабинетъ. По сообщеніи этого рѣшенія Главкосѣвомъ Предсѣдателю Государственной Думы, послѣдній въ разговорѣ по аппарату въ $3^1/_2$ ч. 2 марта отвѣтилъ, что появленіе такого манифеста было бы своевременно 27 Февраля, въ настоящее же время этотъ актъ является запоздалымъ, что нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцій, сдерживать народныя страсти трудно — войска деморализованы. Предсѣдателю Государственной Думы хотя пока и вѣрятъ, но онъ опасается, что сдержать народныя страсти будетъ невозможно, что теперь династическій вопросъ поставленъ ребромъ, и войну можно продолжать до побѣднаго конца лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ Престола въ пользу сына при регенствѣ Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія, основанныя на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находятся фактически въ рукахъ Петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала, продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, спасти независимость Россіи и судьбу династіи нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ. Если вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству черезъ Главкосѣва, извѣстивъ меня. Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи, и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мысли и цѣлей и спасти армію отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, и

рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. № 401872."

Телеграмма Алексѣева какъ будто звучитъ благонамѣренно, патріотично и даже благородно: онъ какъ бы преклоняетъ голову стараго и вѣрнаго слуги предъ неизбѣжностью. Но это только кажется, пока не вникнуть въ характеристику Алексѣева и не вспомнить, въ какой средѣ онъ всю жизнь вращался и какихъ держался политическихъ взглядовъ. И того мы не должны упускать изъ вниманія, что онъ все время уже давно находился въ постоянномъ общеніи съ Родзянко, Рузскимъ, Гучковымъ, французами, англичанами и другими заговорщиками, вмѣстѣ подготовлявшими нашъ позоръ. Мы не можемъ забыть и тѣхъ большихъ возможностей, которыми располагалъ въ Ставкѣ Алексѣевъ, чтобы измѣнить весь ходъ событій.

Когда взвѣсишь всѣ эти соображенія, то фарисейская телеграмма Алексѣева предстанетъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Отвѣты главнокомандующихъ были быстрые. Въ тотъ же день, въ 14 ч. 20 м., Алексѣевъ телеграфируетъ Государю слѣдующія „вѣрноподданническія просьбы":

„Прошу Васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ Родинѣ и Царскому Престолу, что въ данную минуту единственный исходъ, могущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ — отказаться отъ Престола въ пользу Государя Наслѣдника Цесаревича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Другого исхода нѣтъ, необходимо спѣшить, дабы разгорѣвшійся и принявшій большіе размѣры народный пожаръ былъ скорѣе потушенъ, иначе повлечетъ за собой неисчислимыя катастрофическія послѣдствія. Этимъ актомъ будетъ спасена и сама династія въ лицѣ законнаго Наслѣдника. Генералъ-Адъютантъ Брусиловъ."

„Ваше Императорское Величество. Начальникъ штаба Вашего Величества передалъ мнѣ обстановку, создавшуюся въ Петроградѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Балтійскомъ морѣ и въ Москвѣ, и результатъ переговоровъ генералъ-адъютанта Рузскаго съ Предсѣдателемъ Государственной Думы. Ваше Величество, на армію въ настоящемъ ея составѣ при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ разсчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именемъ спасенія Россіи отъ несомнѣннаго порабощенія злѣйшимъ врагомъ Родины при невозможности вести дальнѣйшую борьбу. Я принимаю всѣ

мѣры къ тому, чтобы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицахъ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій.

Средствъ прекратить революцію въ столицахъ нѣтъ никакихъ. Необходимо немедленное рѣшеніе, которое могло бы привести къ прекращенію безпорядковъ и къ сохраненію арміи для борьбы противъ врага. При создавшейся обстановкѣ, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія Родины и Династіи, принять рѣшеніе согласованное съ заявленіемъ Предсѣдателя Государственной Думы, выраженное имъ генералу Рузскому, какъ единственно, видимо, способное прекратить революцію и спасти Россію отъ ужасовъ анархіи. Генералъ-Адъютантъ Эвертъ."

Вышеупомянутыя телеграммы Алексѣевъ передаетъ въ Псковъ, вмѣстѣ со слѣдующимъ своимъ обращеніемъ къ Государю:

„Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Богъ внушитъ Вамъ. Промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе военной дисциплины нельзя. Прикосновеніе же арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея. Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды, соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжкаго положенія. Ожидаю повелѣній. 2-го марта 1917 года. № 1878."

Въ тотъ же самый день, въ 14 ч. 50 м., Рузскій получаетъ такую телеграмму:

„Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ передалъ мнѣ преступный и возмутительный совѣтъ Предсѣдателя Государственной Думы Вамъ на высокомилостивое Государя Императора рѣшеніе даровать странѣ отвѣтственное министерство и просилъ главнокомандующихъ доложить Его Величеству черезъ Васъ о положеніи даннаго вопроса въ зависимости отъ создавшагося положенія. Горячая любовь моя къ Его Величеству не допускаетъ въ душѣ моей мириться съ возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вамъ отъ Предсѣдателя Государственной Думы.

Я увѣренъ, что не русскій народъ, никогда не касавшійся Царя своего, задумалъ это злодѣйство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что армія и фронта непоколебимо стали бы за своего Державнаго Вождя, если бы не были призваны къ защитѣ родины отъ врага внѣшняго и если бы не были въ рукахъ же государственныхъ преступниковъ, захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи. Переходя же къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, и непоколебимо вѣрноподданный Его Величеству, рыдая принужденъ сказать, что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ является рѣшеніе пойти навстрѣчу уже высказаннымъ условіямъ, дабы промедленіе не дало пищу предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ, притязаній. Яссы, 2-го Марта. № 13317. Генералъ Сахаровъ."

3-го Марта, въ 14 ч. 45 м., за № 2370, Рузскимъ была получена еще одна телеграмма. Она уже опоздала... Генералъ-Адъютантъ Ханъ-Нахичеванскій телеграфировалъ Рузскому:

„До насъ дошли свѣдѣнія о крупныхъ событіяхъ. Прошу Васъ не отказать повергнуть къ стопамъ Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалеріи и готовность умереть за своего обожаемаго Монарха."

Какъ живая струя чистаго воздуха, сквозь смрадъ подлаго предательства, прорываются и шельмуютъ измѣну замолчанныя телеграммы Сахарова и Хана-Нахичеванскаго: вотъ гдѣ были честь, доблесть и вѣрность, хотя у Сахарова и не было уже вѣры...

Но почему такъ запоздала телеграмма Хана-Нахичеванскаго? Почему тамъ, гдѣ нельзя было усомниться въ вѣрности Престолу, ничего не знали? Ханъ-Нахичеванскій, Келлеръ, Лечицкій — всѣ они узнали о событіяхъ лишь потомъ, когда все совершилось,а до этого до нихъ доходили только смутныя свѣдѣнія и слухи... Вѣдь, именно на нихъ и на ввѣренныя имъ части можно было опереться и смести съ лица Русской Земли измѣну...

И отъ войскъ, и отъ вѣрныхъ военачальниковъ заговорщики скрыли истину.

Когда Государь подписалъ отреченіе отъ Престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, аппетиты разгорѣлись, и преступниковъ подобное разрѣшеніе вопроса уже не удовлетворяло. Въ согласіи съ Родзянко, Алексѣевъ посылаетъ слѣдующія телеграммы:

„Главнокомандующимъ. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко убѣдительно проситъ задержать всѣми мѣрами и способами объявленіе манифеста, который сообщенъ этой ночью, ввиду особыхъ условій, которыя я вамъ сообщу дополнительно. Прошу сдѣлать распоряженіе, ознакомивъ съ манифестомъ только старшихъ начальствующихъ лицъ. Прошу отвѣта. 3 марта 1917 г. 6 ч. 45 м. Алексѣевъ."

„Командармъ 1, 5, 12 арміи, комкоръ 4, 2 копія Спобскву, комфлоту Балтійскаго моря, Главковерху.

Приказываю во что бы то ни стало пріостановить распространеніе разосланнаго ночью манифеста и во всякомъ случаѣ не выполнять приведенія къ присягѣ. 3 марта 1917 года. 8 ч. 15 м. Рузскій."

Лишь 4-го Марта, въ 6 ч. 10 м., за № 12748, Рузскимъ отдается распоряженіе:

„Главкозапъ, Начфлотъ Балтійскаго, Наштаверху.

Отдаются распоряженія объ опубликованіи актовъ: перваго — объ отреченіи Государя Императора Николая Второго, и второго — неизвѣстный манифестъ Великаго Князя Михаила Александровича; также о разсылкѣ войскамъ приказа Верховнаго Главнокомандующаго за № 1."

Въ противовѣсъ этимъ телеграммамъ предателей, оказавшихся, къ несчастью, въ дни переворота, носителями званій главнокомандующихъ и командующихъ арміями, съ чувствомъ великой отрады и утѣшенія приходитъ на память письмо совсѣмъ иного Главнокомандующаго, Генерала-отъ-Кавалеріи Василія Іосифовича Гурко. Его письмо было помѣчено 4-ымъ Марта 1917 года и адресовано на Имя Государя Императора, но перехвачено Керенскимъ. Въ этомъ письмѣ проявлены были старая русская честь, старая воинская доблесть и старая дворянская вѣрность.

Письмо Гурко есть крикъ истерзанной души . . . Въ немъ подданный шлетъ свой привѣтъ вѣрности и преданности обойденному, обманутому и всѣми покинутому Царю. Въ немъ высказывается неизмѣнность чувствъ, обязанностей и самоотверженныхъ готовностей вѣрноподданнаго, прорывается и болѣе интимный задушевный тонъ горячей любви и безмѣрнаго горя. Кромѣ того, содержаніе письма характерно проникнуто, съ одной стороны, трезвою мыслью государственнаго разума, а съ другой — сужденіями о событіяхъ почти пророческаго откровенія — сказали бы мы, еслибъ это откровеніе не имѣло началомъ широкую образованность и недюжинныя дарованія автора.

Между прочимъ, Гурко говоритъ, что нынѣ, совершивъ свое преступленіе, Россія будетъ катиться къ пропасти; пройдя черезъ длинный рядъ испытаній, она со временемъ пойметъ свои заблужденія и обратитъ съ надеждой взоры къ своему же Государю или Его Державному Наслѣднику.

Вполнѣ понятно, какое бѣшенство овладѣло душенкой Керенскаго, когда онъ прочиталъ это письмо, заслужившее почетное мѣсто въ Пантеонѣ человѣческой доблести: какъ діавола сводитъ въ судорогу Знаменіе Креста Господняго, такъ подобное же дѣйствіе на низость человѣческую производитъ величіе души. Естественнымъ послѣдствіемъ этого письма были ожесточенныя преслѣдованія, которымъ подвергся большой человѣкъ отъ маленькаго и гаденькаго человѣчка. Вскорѣ Россія узнала о новомъ „подвигѣ" своего властителя, заточившаго въ тюрьму одного изъ самыхъ даровитыхъ и доблестныхъ русскихъ полководцевъ: сохранилась отъ тѣхъ дней фотографія, изображающая Гурко — въ арестантскомъ халатѣ . . .

Хочется застонать отъ горечи, когда вспоминаешь, что въ теченіе почти всего 1916 года, за болѣзнью Алексѣева, Генералъ Гурко замѣщалъ его при Государѣ и могъ и дальше остаться на своемъ посту, и тогда навѣрное событія разыгрались бы иначе. Но Алексѣевъ не дремалъ и ревниво слѣдилъ за тѣмъ постепеннымъ сближеніемъ, которое устанавливалось между Государемъ и Гурко. И вотъ — Алексѣевъ снова въ своей должности, пользуясь безконечно добрымъ сердцемъ Государя, не желавшаго его обидѣть. Онъ былъ тутъ какъ тутъ въ тотъ моментъ, когда рѣшалась судьба Россіи . . .

Выше я высказалъ мнѣніе свое, что большой честью для нашего Генеральнаго Штаба была принадлежность къ его составу моего отца. Тоже самое вполнѣ примѣнимо отмѣтить и относительно Гурко, числящагося по Генеральному Штабу.

Итакъ, заговоръ былъ на лицо. Государь понялъ это еще въ Псковѣ. Послѣ совершенія акта отреченія, Его Величество сказалъ одному изъ Своихъ приближенныхъ, въ объясненіе всего происшедшаго, что Ему пришлось очутиться предъ наличіемъ военнаго заговора Своихъ ближайшихъ помощниковъ, захватившихъ руководство событіями, благодаря Высочайше довѣренныхъ имъ высокихъ постовъ. Недолго пришлось предателямъ распоряжаться — только первые дни по совершеніи ими тягчайшаго государственнаго преступленія, пока революціонный Петроградъ и ихъ же собственныя арміи не низвели ихъ на самое жалкое и унизительное положеніе. Да и съ этимъ положеніемъ, за которое они, въ большинствѣ, стали

судорожно цѣпляться, имъ скоро, одному за другимъ, пришлось разстаться . . .

Еслибъ въ то время Алексѣевъ оказался другимъ человѣкомъ!

Еслибъ Государь могъ проѣхать въ Петроградъ, минуя подлую западню Рузскаго! . . .

Одинъ изъ адъютантовъ Рузскаго, честный, благородный Графъ Гендриковъ, когда узналъ о предательствѣ своего начальника, какъ безумный, ворвался къ нему въ вагонъ и хотѣлъ его застрѣлить: перепуганный Рузскій воззвалъ о помощи; сбѣжались его приспѣшники и обезоружили Графа. Но дѣлу этому никакаго хода не было дано: его затушили подъ предлогомъ психическаго разстройства Гендрикова, несмотря на суровые законы военнаго времени, не допускавшіе такого келейнаго разрѣшенія дѣла совершенно яснаго, требовавшаго немедленнаго назначенія военно-полевого суда. Графъ Гендриковъ былъ вполнѣ здоровъ; его возбужденное состояніе объяснялось безмѣрностью его негодованія; но Рузскому невыгодно было поднимать исторію. Измѣнникъ въ этомъ случаѣ боялся „исторіи"; но въ Исторію онъ попалъ, заклеймленный и современниками, и отдаленнѣйшими потомками нашими . . .

Недаромъ нашъ дорогой Государь Николай Александровичъ, находясь въ тяжкой неволѣ, соизволилъ какъ-то сказать о немъ слѣдущія памятныя слова:

„Богъ не оставляетъ Меня. Онъ даетъ Мнѣ силы простить всѣхъ Моихъ враговъ и мучителей; но Я не могу побѣдить Себя еще въ одномъ: генералъ-адъютанта Рузскаго Я простить не могу!"

Черезъ восемь дней послѣ переворота, я выѣхалъ изъ Риги въ Петроградъ. Проѣзжая черезъ Псковъ, я встрѣтилъ на вокзалѣ двухъ офицеровъ: Штабсъ-Капитана полевой пѣшей артиллеріи и Поручика пѣхотнаго армейскаго полка. Я ихъ не зналъ и до сихъ поръ не знаю ихъ фамилій. Но они меня знали и знали мои убѣжденія. Они бросились ко мнѣ въ большомъ волненіи и, сквозь слезы, стали мнѣ выражать свое негодованіе по поводу поведенія Рузскаго и его штабныхъ единомышленниковъ. Они завѣрили меня, что гарнизонъ Пскова, состоявшій изъ запасныхъ батальоновъ (т. е. новобранцевъ!) всталъ бы на защиту Государя, еслибъ нашелся хоть одинъ генералъ, который повелъ бы ихъ въ тотъ моментъ по пути вѣрноподданническаго долга. Я охотно имъ повѣрилъ, ибо зналъ, что, помимо Петрограда и его окрестностей, почти всюду на Сѣверномъ Фронтѣ наши запасные батальоны, кромѣ латышскихъ частей, были хороши.

Тутъ же находился одинъ штатскій, инженеръ, ѣхавшій изъ Могилева, изъ Ставки. Онъ разсказалъ, что присутствовалъ при прощаніи Государя Императора съ войсками, бывшими при Ставкѣ: по его словамъ, происходили патетическія сцены; горе и отчаяніе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, были безграничны. Вообще, почти вездѣ для строевыхъ войскъ переворотъ явился неожиданностью; вездѣ они были ошеломлены, озадачены и чрезвычайно нервны; все было сдѣлано штабами и главными начальниками.

По поводу этихъ кромѣшныхъ дней, отъ многихъ офицеровъ разныхъ фронтовъ и армій пришлось слышать тоже самое, и тѣже негодующіе выпады противъ своихъ измѣнниковъ-генераловъ.

Почти всѣ эти генералы — были изъ „Чернаго Войска".

Самые высшіе генералы, измѣнившіе Царю, главнокомандующіе и многіе командующіе арміями, носили погоны, украшенные вензелями Государя — были Генералъ-Адъютантами Его Величества!...

Генералъ-Адъютантъ! Со времени учрежденія этого званія, оно считалось особливо почетнымъ, особливо дорогимъ отличіемъ: Царь награждалъ имъ тѣхъ Своихъ генераловъ, которымъ особливо довѣрялъ, которыхъ принималъ въ Свою близость.

Званіе это, вмѣстѣ съ почетомъ, налагало и большую отвѣтственность, и большія нравственныя обязательства на тѣхъ, кто имѣлъ счастье носить на своихъ погонахъ Генералъ-Адъютантскіе вензеля.

Каждый генералъ русской службы, какъ должно быть понятно каждому, несъ ту же отвѣтственность и связанъ былъ тѣми же священными обязанностями вѣрности службы. Да и каждый военнослужащій находился въ тѣхъ же условіяхъ, по долгу службы, чести и совѣсти...

Но все же, если отъ кого либо и можно было требовать сугубой вѣрности, безотносительной, всеобъемлющей преданности, то прежде всего отъ Генералъ-Адъютанта, какъ отъ лица, облеченнаго высшимъ довѣріемъ своего Государя.

Такъ и было у насъ всегда въ то время, когда завѣты рыцарской чести, воинской стойкости и вѣрноподданнической преданности были краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждились доблесть и сила нашей Арміи. Тогда Русскій Государь, за рѣдчайшими исключеніями, на всѣхъ Своихъ генераловъ могъ всецѣло положиться и не омрачать души Своей ядомъ сомнѣній и колебаній въ отношеніи какихъ бы то ни было подозрѣній. Что же касается Своихъ Генералъ-Адъютантовъ, отмѣченныхъ и выдѣленныхъ въ особый кругъ близкихъ людей,

почти, да очень часто такъ и бывало, друзей, совѣтниковъ и, сплошь и рядомъ, довѣренныхъ хранителей государственныхъ тайнъ — въ этомъ кругѣ Императоры Александръ I, Николай I, Александръ II и Александръ III сознавали и чувствовали полную недопустимость какой либо подозрительности, какихъ либо сомнѣній, и такъ съ полнымъ довѣріемъ и относились къ нимъ . . .

Такъ же относился къ этому кругу и Императоръ Николай II. За послѣднее время, еще и до войны, а особенно во время войны, въ число Генералъ-Адъютантовъ попало очень много генераловъ Генеральнаго Штаба, новаго духа и новаго направленія этой корпораціи.

Чуждые старыхъ традицій, мало способные воспринимать велѣнія рыцарской чести, зараженные современной „интеллигентской" средой, изъ которой и вышло большинство этихъ разночинцевъ, находясь въ болѣе или менѣе близкомъ прикосновеніи къ масонству, новые Генералъ-Адъютанты, съ радостью принявъ Милость Государеву, тѣшившую ихъ честолюбіе и тщеславіе, украсивъ погоны свои Царскими вензелями, мало понимали, очевидно, что Государь имѣлъ полное основаніе разсчитывать на нихъ, какъ на самыхъ отборныхъ, самыхъ стойкихъ въ преданности Ему изъ всѣхъ Его вѣрноподданныхъ. Пожалуй, что они и понимали, и тѣмъ гнуснѣе было ихъ дѣло, что они, понимая свое привилегированное положеніе, обманывали и подло предавали Царя.

Если эти Генералъ-Адъютанты, уже связанные предательскими узами, сознавали невозможность выполнить неукоснительно и непоколебимо все, что отъ ихъ чести требовало Царское довѣріе, къ нимъ проявленное — то какъ же было, по крайней мѣрѣ, подъ какимъ либо предлогомъ, не покинуть совсѣмъ военной службы, не отказаться отъ высокой милости, какъ же было вводить Государя въ заблужденіе и обманъ?

По сложившимся обстоятельствамъ послѣдняго, до-революціоннаго періода, принимая во вниманіе людскую легковѣрность въ отношеніи ко всякаго рода лжи и клеветѣ, ловко распространявшимся цѣлыми полчищами агитаторовъ, можно допустить, хотя и съ натяжкой, что относительно честный человѣкъ, носившій генеральскіе погоны, повѣривъ всѣмъ розсказнямъ и сплетнямъ, впитывавшимся въ душу горьчайшимъ разочарованіемъ — могъ запутаться въ своихъ политическихъ и національныхъ завѣтахъ и убѣжденіяхъ, могъ легкомысленно поддаться стадному чувству, охватившему почти всю Россію, и, думая сотворить благое, въ заблужденіи своемъ впасть въ величайшее зло, сотворенное надъ его родной страной.

И такому генералу, если бы онъ дѣйствительно былъ вполнѣ честнымъ, слѣдовало бы предварительно снять свои погоны и

затѣмъ уже начать „сжигать то, чему поклонялся и поклоняться тому, что сжигалъ“ . . .

Нельзя одобрить этихъ генераловъ, виновныхъ въ легкомысліи, въ излишней впечатлительности и таковомъ же легковѣріи; но найти вину смягчающія обстоятельства возможно, хотя бы въ томъ фактѣ, что война лишала ихъ возможности выйти въ отставку . . .

Вообще то, въ большинствѣ случаевъ, генералы, поклонившіеся революціи, были измѣнниками и трусами, предпочитавшими позорную жизнь честной, доблестной смерти, а часто и не смерти, но только пути лишеній, преслѣдованій и испытаній всякаго рода. Однако, помимо этого большинства, были и люди, убѣжденные искренно, которыхъ все же можно признать честными, но заблуждавшимися жертвами несчастнаго стеченія обстоятельствъ.

Того же никакъ нельзя сказать о главнокомандующихъ — генералъ-адъютантахъ, участвовавшихъ въ заговорѣ противъ довѣрившагося имъ Личнымъ довѣріемъ Государя: это — подлецы, которымъ нельзя найти оправданія, и которыхъ позорныя имена навѣки запечатлѣны на черной страницѣ Русской Исторіи.

И всѣ эти генералъ-адъютанты, опозоренные чернымъ позоромъ, принадлежали къ „Черному Войску“, кромѣ одного, Брусилова, котораго поведеніе въ тѣ дни превзошло всѣ мѣры человѣческой низости.

Брусиловъ, чтобы понравиться остервенѣлой шайкѣ революціонныхъ солдатъ, встрѣчавшихъ визгомъ восторга его неслыханный поступокъ, чтобы подольститься къ этому звѣрью, объявилъ имъ, что онъ, бывши всю жизнь революціонеромъ въ душѣ, принужденъ былъ скрывать свои настоящія чувства „подъ игомъ проклятаго стараго режима“, и что теперь онъ радостно привѣтствуетъ революцію и „торжество возставшаго народа“.

Затѣмъ онъ сорвалъ съ себя генералъ-адъютантскіе эксельбанты и погоны съ вензелями Государя, воскликнулъ, что переживаетъ счастливѣйшій день своей жизни, когда можетъ снять съ себя эти „позорныя царскія цѣпи“, и сталъ топтать ногами и погоны, и эксельбантъ . . .

Въ 1915 году, когда онъ Государемъ Императоромъ былъ пожалованъ въ Генералъ-Адъютанты, онъ также говорилъ, что переживаетъ счастливѣйшій день своей жизни, и, колѣнопреклоненный, „благоговѣйно“ поцѣловалъ руку Государя.

Какъ говорятъ, Брусиловъ, въ настоящее время, служитъ по найму у большевиковъ чуть ли не опять въ роли главнокомандующаго, находится въ отличныхъ отношеніяхъ со своимъ

господиномъ сегодняшняго дня, Троцкимъ, и получаетъ громадное жалованіе.

Пишущій эти строки помнитъ другую картину изъ своихъ воспоминаній о Брусиловѣ. Въ то время Брусиловъ еще былъ свободенъ отъ генералъ-адъютантскихъ вензелей, такъ сильно его тяготившихъ, какъ объяснялъ онъ „товарищамъ". Въ то время, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ командовалъ дивизіей: я видѣлъ его стоящимъ на колѣняхъ и цѣлующимъ руку Великаго Князя Николая Николаевича, въ отвѣтъ на какое то милостивое слово, сказанное ему Великимъ Княземъ.

Предъ моей памятью проходитъ длинная вереница уже угасшихъ образовъ стариковъ русскихъ Генераловъ старой Царской службы . . .

Много между ними Генералъ-Адъютантовъ; много и не носившихъ вензелей . . . Но единая доблесть, единая вѣрность, единая честность составляютъ общую характеристику всѣхъ этихъ стариковъ . . .

Еслибъ имъ, при ихъ жизни, разсказать, что возможна будетъ когда либо на Руси та подлость, которая ко времени революціи расцвѣла пышнымъ, махровымъ цвѣтомъ и запятнала чистый мундиръ Русскаго Солдата — они бы ни за что не повѣрили.

Вѣчная и свѣтлая память Вамъ, сильные, честные, чистые, вѣрные! . . .

Для характеристики „Генералъ-Адъютанта" Алексѣева, полезно привести еще одинъ эпизодъ изъ времени его службы въ Ставкѣ Государя, на безконечно отвѣтственномъ и довѣренномъ посту Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Среди большевистскихъ дѣятелей, въ Россіи подвизается нѣкій Лемке, занимавшій важный служебный постъ и при Керенскомъ. Онъ былъ дѣятельнымъ „партійнымъ работникомъ" въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Во время войны, кажется, какъ прапорщикъ запаса, онъ былъ призванъ на военную службу. Совершенно непостижимымъ образомъ онъ, врагъ, почти не скрывавшій принадлежности своей къ партіи, враждебной всему существовавшему тогда государственному строю и прежде всего — Царскому Престолу, очутился причисленнымъ къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго и близкимъ человѣкомъ Алексѣева. Въ настоящее время въ Совдепіи напечатаны его воспоминанія о службѣ въ Ставкѣ: на это изданіе „Петербургскаго Государственнаго Издательства" большевики не пожалѣли ни роскошной, сравнительно, бумаги, ни типографской работы, несмотря на то, что даже коммунистическія газеты сильно нуждаются

и въ бумагѣ, и въ рабочихъ. Огромный томъ въ 800 страницъ большого формата напечатанъ по старой орѳографіи. Такія книги въ Совѣтской Россіи обыкновенно не печатаются: слишкомъ дорога тамъ бумага и слишкомъ ограничены всѣ техническія средства для того, чтобы издавать столь объемистыя произведенія.

Записки Лемке представляютъ злостную, придирчивую критику всего, что онъ наблюдалъ въ Могилевѣ. Между прочимъ, этотъ эрзацъ-офицеръ, повидимому мало компетентный въ военныхъ вопросахъ, внѣ партійной точки зрѣнія и спеціальныхъ цѣлей партійной развѣдки и пропаганды, — берется съ апломбомъ критиковать вкривь и вкось боевыя дѣйствія нашихъ армій и работу своихъ сослуживцевъ по Штабу, дѣлая исключеніе для Алексѣева, котораго превозноситъ. По словамъ Лемке выходитъ такъ, что вся работа падала на Алексѣева и . . . на него самого, ввиду якобы малой работоспособности остальныхъ чиновъ Штаба.

Лемке нисколько не скрываетъ специфическаго смысла своего пребыванія въ Ставкѣ и весьма цинично хвастается, что ежедневно пользовался возможностью читать и списывать многіе секретнѣйшіе документы, переписку (дѣловую) Государя и вообще всевозможныя тайныя бумаги большого государственнаго значенія. Онъ разсказываетъ, что, съ перваго дня прибытія въ Ставку, онъ съ систематической аккуратностью и точностью записывалъ все, что удавалось узнать за день.

„Матеріалами для меня служили" — пишетъ онъ — „прежде всего безчисленные документы, проходившіе черезъ или около меня, чаще же (и въ очень большомъ числѣ) попадавшіеся мнѣ подъ безъ устали искавшую руку. Всѣ они тщательно копировались, когда на мѣстѣ, въ управленіи же, когда дома, когда въ театрѣ, въ ресторанѣ, на дежурствѣ въ аппаратной секретнаго телеграфа (больше всего) и т. под. . ."

Всѣ эти матеріалы шпіонъ пересылалъ въ Петроградъ, гдѣ они хранились въ надежномъ мѣстѣ. Онъ вполнѣ сознавалъ, какому риску подвергался офицеръ, занимавшійся такимъ дѣломъ: но, какъ онъ самъ сознается, на это рѣшился, „когда понялъ, что и въ ставкѣ все дѣлалось по русски, спустя рукава и только формально".

И этотъ заклятый врагъ Государя былъ второстепеннымъ, но ближайшимъ сотрудникомъ „Генералъ-Адъютанта" Алексѣева!

Государь обыкновенно принималъ докладъ Своего Начальника Штаба не у Себя, но въ самомъ Штабѣ, куда Его Величество прибывалъ съ ранняго утра. На этихъ докладахъ Государь свободно и откровенно высказывалъ Алексѣеву Свои мнѣнія, предположенія и соображенія, и въ той же комнатѣ,

за ширмой, невидимкой, сидѣлъ ставленникъ Алексѣева, революціонеръ, и отъ слова до слова слышалъ все, что Государю благоугодно было сказать Своему „Генералъ-Адъютанту".

Лемке пробылъ въ Ставкѣ $8^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ, съ 25-го Сентября 1915 г. по 2-ое Іюля 1916 г.! Изъ различныхъ источниковъ, въ Штабъ стали доходить свѣдѣнія о томъ, что такое представлялъ собой Лемке. Начальника Штаба стали уговаривать съ нимъ разстаться; но онъ упорствовалъ. Наконецъ, Генералъ Воейковъ и другіе внушительно объяснили Генералъ-Адъютанту изъ „Чернаго Войска", что въ Штабѣ Государя Императора нельзя терпѣть присутствіе эсъ-эра, предателя, опаснаго агента той вражеской силы, которая неустанно работала надъ подготовкой гибели Россіи.

Скрѣпя сердце, пришлось Алексѣеву разстаться со своей „правой рукой". О необходимости для Лемке выѣхать изъ Ставки онъ лично объявилъ своему любимцу въ слѣдующихъ словахъ:

„Ко мнѣ пристаетъ Воейковъ насчетъ Васъ. Вамъ придется, хотя бы временно, отсюда уѣхать. Поѣзжайте въ Петроградъ, носите форму и занимайтесь собственными научными и литературными трудами. Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы Вамъ было сохранено содержаніе. Вообще — я Васъ не забуду и, когда будетъ можно, призову обратно" . . .

На второй день революціи, Лемке былъ назначенъ, при содѣйствіи Керенскаго, Управляющимъ Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, и ему было дано сто тысячъ рублей на печатаніе его мемуаровъ. Большевики, захвативъ власть, оставили его на томъ же посту.

Можно ли удивляться разложенію Русской Арміи, когда въ ней появились такіе Генералъ-Адъютанты, какъ Алексѣевъ, Рузскій, Брусиловъ? Они, недостойные вожди, были главными виновниками. Рядовой офицеръ, почти весь избытый сначала въ бояхъ, а затѣмъ въ революціонныхъ застѣнкахъ, въ массѣ оставался честнымъ и вѣрнымъ, несмотря даже на то, что такіе Генералъ-Адъютанты имъ командовали.

Какъ бы, по духу и доблести, ни былъ Алексѣевъ ниже развертывавшихся событій – когда эти событія требовали именно подъема духа и выдержанной стойкости чести — составленный имъ, съ одобренія и по указаніямъ Государя, планъ новой кампаніи, послѣ проигрыша кампаніи 1914 года, былъ очень хорошъ и доказалъ свою пригодность тѣмъ, что, послѣ тяжелыхъ переживаній 1915 года, 1916 годъ далъ уже примѣры болѣе надежной прочности нашего военнаго положенія, и къ веснѣ 1917 года были полныя основанія ожидать рѣшительныхъ и окончательныхъ успѣховъ нашихъ армій.

Сами Нѣмцы не скрываютъ безвыходности своего положенія, которая сознавалась ими уже осенью 1916 года, несмотря на ихъ изумительно эффектные успѣхи въ Румыніи, бывшіе уже „Пирровой побѣдой" изнемогавшаго подъ непосильнымъ бременемъ исполинскихъ трудовъ великаго Германскаго народа, сдѣлавшаго, въ смыслѣ напряженія всѣхъ своихъ силъ, гораздо больше того, что можно было ожидать отъ человѣческой доблести.

И въ Россіи, уже въ исходѣ 1916 и началѣ 1917 года, многіе знали, что, насколько можно вводить разсчетъ въ учитываніе будущаго, наши побѣды весной и лѣтомъ 1917 года были обезпечены. Всѣ погрѣшности матеріальной и технической части, такъ сильно дававшія себя чувствовать въ 1914 и 1915 годахъ, были исправлены. Всѣ наши арміи въ избыткѣ были обезпечены всѣми видами снабженія. Въ то время, какъ въ германскихъ арміяхъ съ каждымъ днемъ болѣе чувствительно ощущался недостатокъ во всемъ, и росло мучительное сознаніе невозможности пополнять въ дальнѣйшемъ свои пробѣлы — у насъ въ отношеніи этой заботы можно было совершенно успокоиться.

Правда, солдатъ нашъ уже былъ не тотъ, что въ первые два года войны; однако, хотя бы успѣхи Брусилова въ 1916 году показывали, что люди могли быть еще производительно использованы для конечнаго, послѣдняго удара, несмотря на усиленную революціонную пропаганду и пониженіе необходимаго для побѣды подъема духа. Для того, чтобы этотъ духъ палъ окончательно, нужны были потрясенія государственнаго переворота и шутовскія выступленія господъ Керенскихъ. Безъ этихъ потрясеній, духъ солдата продержался бы до первыхъ побѣдъ; а побѣды, какъ всѣмъ извѣстно, имѣютъ даръ укрѣплять духъ самой утомленной арміи и удесятерять его героическія дерзанія.

Въ главныхъ штабахъ, гдѣ составлялись заговоры, были отлично освѣдомлены о такихъ благопріятныхъ и даже радужныхъ перспективахъ. Но это нисколько не сдерживало измѣнниковъ-военачальниковъ, принимавшихъ живѣйшее участіе, вмѣстѣ съ ближайшими своими подчиненными, въ интригахъ, направленныхъ противъ законнаго Императора Всероссійскаго. Докончить войну побѣдоносно они хотѣли безъ Царя. Событія показали, какъ безъ Царя это имъ удалось.

Но не только въ Арміи понимали близость грядущихъ военныхъ успѣховъ. Понимали это и въ станахъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые мечтали использовать войну для революціи. Цѣли были разныя: одни — стремились къ утвержденію конституціонной монархіи, съ пышнымъ расцвѣтомъ парламентаризма, соблазнительнаго для многихъ аппетитовъ;

другіе — къ парламентарной республикѣ; третьи — къ торжеству соціализма; наконецъ, еврейская сплоченная сила готовила ту „диктатуру пролетаріата“, которую переживаетъ еще и сегодня Россія въ ея предмертныхъ судорогахъ и кровавыхъ потугахъ, и которая, обманывая глупыя и преступныя стада „пролетаріевъ“, отдала нашу Родину во власть еврейскаго правительства и всемогущихъ (пока) еврейскихъ вліяній.

Были и такіе, изъ единичныхъ честолюбцевъ и искателей приключеній, которые, ничего не желая мѣнять, надѣялись использовать трудное внутреннее положеніе государства для совершенія дворцоваго переворота, казавшагося имъ желанной политической авантюрой, чреватой милостями и выгодами для творцовъ ея.

И для всѣхъ этихъ различныхъ теченій было одинаково выгодно приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ раньше, чѣмъ начали бы уже осуществляться результаты подготовительной работы Верховнаго Командованія, т. е. раньше, чѣмъ побѣды окрылили бы войсковой духъ и снова незыблемо прочно укрѣпили бы расшатанный подпольными врагами Всероссійскій Престолъ Государя Николая Александровича.

И всѣ эти люди, готовившіе, иные — сознательно, другіе — несознательно, гибель Россіи, отлично знали, что приближается время побѣдъ и торжества Россіи и ея Государя, и спѣшили свое черное дѣло скорѣй довести до конца — раньше этой побѣды и этого торжества.

Такъ было и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда старикъ Линевичъ, съ освѣженной, пополненной, готовой къ бою арміей, стоялъ на Сипингайскихъ высотахъ, и послѣднее напряженіе силъ побѣдоносной и доблестной, но уже выдохшейся, Японіи не могло уберечь нашего противника тѣхъ дней отъ перемѣны военнаго счастья. Тогда также, передъ близостью русской побѣды, подлѣйшая изъ русскихъ политическихъ партій, партія кадетская, поспѣшила начать внутри Россіи революціонную смуту, чтобы, хотя и цѣной униженій и бѣдствій Родины, не дать торжества побѣды Русскому Вѣнценосцу.

Такъ поступали и поступаютъ люди, для которыхъ себялюбивыя и честолюбивыя мечты гораздо дороже стимуловъ общаго блага и общаго счастья, хотя именно объ этихъ стимулахъ крикливо вѣщаютъ ихъ хвастливыя и лживыя политическія программы.

Такъ поступаютъ люди, которые цѣной измѣны и предательства Родинѣ дѣлаются жалкими орудіями во власти „Сіонскихъ Мудрецовъ“, пользующихся ихъ подлостью и глупостью для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей.

„Pereat mundus — fiat doctrina nostra!“ . . . — Вотъ девизъ этихъ людей.

Лѣтомъ 1917 года въ Петроградѣ и Москвѣ ходили по рукамъ копіи письма кадетскаго вождя, Милюкова. Въ этомъ письмѣ онъ откровенно признавался, что принялъ участіе, какъ и почти всѣ члены Государственной Думы, въ февральскомъ переворотѣ, несмотря на то, что сознавалъ опасность предпринимавшагося „эксперимента". „Но" — какъ цинично признается въ письмѣ этотъ господинъ — „мы знали, что весной предстояли побѣды Русской Арміи. Въ такомъ случаѣ престижъ и обаяніе Царя въ народѣ снова сдѣлались бы настолько крѣпкими и живучими, что всѣ наши усилія расшатать и свалить Престолъ Самодержца были бы тщетны. Вотъ почему и пришлось прибѣгнуть къ скорѣйшему революціонному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность.[1]) Мы, впрочемъ, надѣялись, что и сами съумѣемъ окончить войну побѣдоносно. Оказалось, что мы ошиблись: вся власть была быстро вырвана изъ нашихъ рукъ чернью... Что дѣлать! Наша ошибка оказалась роковой для Россіи"...

Эти господа „ошиблись" и говорятъ такъ развязно, цинично и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно о своихъ ошибкахъ, какъ будто бы и забываютъ, сколько неисчислимыхъ страданій явились слѣдствіемъ этой ошибки. Какое же они имѣли нравственное право вмѣшиваться въ дѣло, въ которомъ ничего не понимали!...

По истинѣ, ничто не можетъ пробрать мѣдныхъ лбовъ нашихъ революціонныхъ „героевъ"!...

Итакъ, злая, іудейско-масонская паутина настолько всеобъемлюще опутала Россію своими тлетворными нитями, что не было выхода, не было лазейки, чтобы выкрутиться изъ кругомъ облекшей западни; негдѣ было расправить богатырскія плечи и постоять за себя. Даже тогда, когда, цѣной великихъ трудовъ и усилій, казалось уже возможнымъ спастись въ побѣдномъ порывѣ всероссійскаго торжества — и тутъ все заранѣе было предусмотрѣно, и свои же, русскіе люди, вырвали побѣду изъ рукъ своего Царя, которому всѣ, принося Присягу, клялись въ вѣрности и преданности службы, „хотя бы жизнь пришлось за Него положить"...

Крестное цѣлованіе свое они преступили, клятвы не сдержали...

[1]) „Опасность" — это побѣда русскаго оружія! И такъ думаетъ и говоритъ русскій человѣкъ, русскій профессоръ, русскій народный представитель, избранный „народомъ" въ члены Государственной Думы!

VI.

Клевета.

Оружіе революціи. Пріемы политической борьбы. Предреволюціонныя засѣданія. Красная мантія сатанизма. Толки о сепаратномъ мирѣ. Заколдованный кругъ. Лойяльность Государя и тонкое пониманіе Имъ „Союзниковъ". „Скрытая Быль". Государь, Императоръ Вильгельмъ и масонство. Мнимая фраза Воейкова объ открытіи фронта. Обманутый Государь и отреченіе. Разговоръ Родзянко съ Флигель-Адъютантомъ Линевичемъ. „Мятежный камергеръ". Выдержка Государя во всѣхъ случаяхъ жизни. Клевета вокругъ Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Разговоръ съ молодымъ Гессенцемъ. Германскія и англійскія родственныя узы Императрицы. Двѣ аудіенціи у Ея Величества во время войны. Государыня и генералъ Корниловъ. Разговоръ Ея Величества съ Графиней Гендриковой. Русская Царская Семья и Англичане. Завѣтное письмо. Разслѣдованіе Руднева. Волненія Керенскаго. Голосъ психіатра о немъ. Депутатъ-трудовикъ.

„Если міръ васъ ненавидитъ: знайте что Меня прежде васъ возненавидѣлъ".
Іоанна, XV, ст. 18.

Клевета! Какое это гнусное и подлое средство борьбы . . .

Съ какимъ брезгливымъ отвращеніемъ отстраняетъ себя отъ этого средства человѣкъ, хотя бы даже нравственно павшій, но сохранившій остатокъ порядочности, пониманія чести и честности, не утерявшій послѣднихъ проблесковъ сознанія собственнаго достоинства.

Клевета! Орудіе человѣческой злобы, человѣческой ненависти, человѣческой низости.

Недаромъ она классифицируется среди уголовныхъ преступленій какъ одно изъ презрѣннѣйшихъ. Человѣкъ, на которомъ ляжетъ тяжесть обвиненія въ клеветѣ, считается опозореннымъ, запятнавшимъ свое имя.

Сатанинское племя, т. е. племя іудейское, съ давнихъ поръ спеціализировалось на этомъ видѣ человѣческой подлости (не пренебрегая и другими видами) и, по мѣрѣ расширенія своего вліянія и значенія среди Христіанскихъ народовъ, всюду, во всѣхъ отрасляхъ мысли и дѣятельности, использовало это орудіе борьбы для систематическаго обмана, оболь-

щенія и развращенія народныхъ массъ. И въ печати, и въ школѣ, и въ литературѣ, и въ театрѣ, и даже въ судахъ, и, въ особенности, въ парламентахъ всѣхъ странъ — ползетъ, пресмыкается и торжествуетъ іудейская клевета.

Клевета! Какое это сильное оружіе въ грязныхъ рукахъ, при покладистой совѣсти, оправдывающей утилитарными мотивами всякое зло, причиняемое врагу, или хотя бы и не врагу, но политическому или иному противнику, или сопернику, или просто чистому и честному человѣку, котораго чистота коробитъ тѣхъ, у кого на совѣсти далеко не такъ благополучно . .

Какъ липкая, ползучая грязь, клевета добирается до вершинъ чистоты нравственной и душевной, благородства, доблести, высшихъ добродѣтелей избраннаго, подъятаго въ области духовнаго совершенствованія, человѣчества.

Эта грязь своимъ ядомъ не можетъ оказать тлетворнаго воздѣйствія на тѣхъ, кто въ собственной чистотѣ и невинности сохраняетъ защиту и оплотъ отъ замаранныхъ низинъ порока и преступленія. Но, приставая къ подножію этихъ вершинъ, клевета все же дѣлаетъ предназначенное ей губительное дѣло: она внушаетъ сомнѣнія, подозрѣнія, разочарованія той толпѣ, которая слишкомъ грубо проникнута матеріальностью своихъ собственныхъ чувствованій, чтобы быть способной чутко воспринимать болѣе тонкія духовныя сущности, и рада растоптать кумиръ вчерашняго дня, до поры огражденный отъ ея дерзкаго приближенія обаяніемъ обстановочнаго величія.

Такъ порожденія тьмы, дѣти плоти, борятся съ Сынами Свѣта, разрушая, колебля, загрязняя внѣшнее, наружное Величіе созданныхъ Христіанской Культурой сокровищницъ Духа.

Но ихъ заклятіе заключается въ томъ, что, какъ въ заколдованномъ кругѣ, они тщетно и безплодно мечутся, стремясь проникнуть внутрь Сокровищницы, для ея поруганія. Это имъ не дано: только внѣшняя окраина иногда поддается ихъ злобнымъ нападеніямъ; но не добраться имъ никогда до главнаго Святилища, до всей одухотворенной Красоты истинной Правды и истиннаго Добра. Ихъ усилія разбиваются объ эту твердыню. Рано или поздно, ими самими сотворенное зло, съ неумолимой неизбѣжностью законовъ Возмездія, обрушивается на ихъ же головы . . .

Клевета! Если вдуматься — какое это, по сущности своей, слабое оружіе въ рукахъ безчестнаго врага; какое это — testimonium paupertatis. Клеветникъ своимъ подлымъ дѣяніемъ самъ же себя предаетъ: плохо должно быть дѣло, за которое онъ борется, и неуязвимо чистымъ оказывается противникъ его, разъ ничего, кромѣ клеветы, не придумано, чтобъ этого противника поразить. Къ чему всѣ эти громкія фразы

о правдѣ, любви къ человѣчеству, стремленіи къ общему благу, безкорыстіи (?) и чистотѣ (?) своихъ намѣреній, разъ противъ врага можно дѣйствовать только клеветой.

Значить, правда — на его сторонѣ? Значитъ, только ложь, клевета и обманъ — ваши союзники?

Въ цѣломъ рядѣ книгъ, статей, брошюръ, записокъ, воспоминаній, вышедшихъ за послѣднее время, собранъ объемистый обвинительный матеріалъ противъ всѣхъ, сгубившихъ Россію и кровью злодѣяній, подлостью насилій, воровства, грабежа и злоупотребленій своимъ торжествомъ ознаменовали преступную, духами преисподней внушенную, дѣятельность.

Все, что писалось въ газетѣ „Призывъ", продержавшейся восемь мѣсяцевъ въ ожидовѣломъ Берлинѣ, что писалось въ выпускахъ „Луча Свѣта" — все это дышетъ ненавистью, негодованіемъ и презрѣніемъ къ вамъ всѣмъ, творцамъ русской революціи. Особенно гадливое презрѣніе выказывается къ еврейскому племени, къ заклятому врагу нашему, столько горя посѣявшему и страшное возмездіе себѣ уготавливающему.

И въ „Призывѣ", и въ „Лучѣ Свѣта" написано много, что не можетъ понравиться всѣмъ Керенскимъ, Брешко-Брешковскимъ, Милюковымъ, Гучковымъ и проч. и проч., а также и всѣмъ жидамъ и жидкамъ, развязно торжествующимъ свою эфемерную „побѣду" и не помышляющимъ, кажется, о томъ, что беззаботно и безразсудно танцуютъ они на . . . вулканѣ.

Такъ вотъ для того, чтобы вести атаку противъ всего этого отброса человѣческаго рода, и „Призывъ", и „Лучъ Свѣта" вооружены были правдой, одной только правдой, оказывающейся убійственнымъ оружіемъ въ чистыхъ рукахъ. Мы — не вы, и не можемъ пользоваться клеветой; да противъ васъ она оказалась бы и лишней: васъ убиваетъ правда. Вы чувствуете ли разницу между вами и нами? Пожалуй, вамъ, тріумфаторамъ еще сегодняшняго, но уже не завтрашняго дня, дѣлается и завидно?

Но у васъ противъ насъ — нѣтъ такой правды, которая могла бы наносить удары. Вамъ остаются только — клевета, инсинуаціи, подлоги и передержки.

Скоро увидите, что съ такимъ оружіемъ на длительную побѣду разсчитывать нельзя. Скоро увидите, что грязь лжи, подтасовокъ и подлоговъ — предстанетъ во всей своей мерзости, не пріукрашенная больше громкими, витіеватыми фразами, и народы, вами обманутые, жестоко отомстятъ вамъ и за свое легковѣріе, и за собственныя свои преступленія, вами внушенныя.

Казалось бы, что я стучусь въ открытую дверь? Развѣ можно говорить такъ долго о безнравственности и позор-

ности клеветы, когда это ясно каждому безъ всякихъ разъя-
неній?

Нѣтъ, можно говорить о клеветѣ и клеймить ее словомъ негодованія и презрѣнія, ибо не всѣ люди понимаютъ, что клевета есть недопустимое средство борьбы ни въ частной жизни, ни въ общественной, ни въ политической.

Не говоря уже объ іудейскомъ народѣ, котораго порочность и аморальность являются необходимымъ, характернымъ аттрибутомъ этой отверженной расы — также и среди Христіанъ, или называющихся таковыми по документамъ и паспортамъ, существуютъ группы людей, больше того — организованныя сообщества и даже политическія партіи, которыя клевету возводятъ въ одинъ изъ пріемовъ политической борьбы.

Читатели, пожалуй, спервоначалу и не повѣрятъ?

Или подумаютъ, что я имѣю въ виду какіе нибудь подонки общества, тотъ уголовный міръ, среди котораго и не съ такими преступленіями, какъ клевета, приходится встрѣчаться. Но вѣдь, люди уголовнаго міра обыкновенно политикой не занимаются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда поступаютъ наемными пособниками къ Керенскимъ и Ленинымъ.

Въ лучшемъ случаѣ, могутъ подумать, что я вспомнилъ о „герояхъ подполья", о разныхъ недоучившихся семинаристахъ, гимназистахъ, студентахъ, собиравшихся въ „конспиративныхъ" квартирахъ и въ нихъ — слѣпыя орудія зрячихъ вожаковъ — готовившихъ свои подлыя выступленія на улицахъ съ бомбами, подстерегавшими каждаго крупнаго, полезнаго и смѣлаго русскаго дѣятеля?

Но нѣтъ — я припоминаю не этихъ выродженцевъ, которые въ отношеніи клеветы, пожалуй, были и менѣе виноваты. По скудоумію, они каждую клевету принимали свято на вѣру и вѣрили безпрекословно всей беззастѣнчивой лжи, всему глупѣйшему вздору, который имъ подносили разбитные еврейчики въ видѣ „Русской исторіи", или „Разоблаченій о царской семьѣ", или „Послѣдняго самодержца" и тому подобныхъ макулатурныхъ произведеній. О самомъ то Царѣ, противъ Котораго они яростно ополчались, объ Его историческомъ значеніи въ Россіи, объ Его дѣятельности и личныхъ особенностяхъ они, вѣроятно, были освѣдомлены не болѣе „богато", чѣмъ тотъ хохолъ, который на вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ еслибы былъ Царемъ, отвѣчалъ: „укралъ бы сто рублей и утекъ бы"...

Дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, изъ этихъ „подпольниковъ", которые использовали для личнаго самоуслажденія кровавый успѣхъ, достигнутый „подпольемъ", Керенскій, Брешковская, Черновъ и проч. и проч. — точь въ точь такъ и поступили, какъ мечталъ поступить анекдотическій хохолъ, только съ тою разницей, что были они гораздо менѣе скромны: крали

они не сотни рублей, но милліоны, покорно предоставляя милліарды своему обрѣзанному „начальству“.

Такъ я вовсе не на этихъ скудоумныхъ и слабоумныхъ людей указываю, а на такихъ, которые мнили себя, да и теперь еще мнятъ, мѣднолобые, серьезными политическими дѣятелями.

Эти „дѣятели“ съ давнихъ поръ замыслили походъ противъ Русскаго Самодержца.

При различной окраскѣ политическихъ взглядовъ и стремленій, они сходились на одномъ: надо испробовать всѣ способы, принять всѣ мѣры, чтобы свалить Самодержавный Строй въ Россіи.

Со своей точки зрѣнія, они были совершенно правы. Пока въ Россіи существовало Самодержавіе, не было въ ней прямого, открытаго доступа іудейскому вліянію и преобладанію. А эти „шабесъ-гои“ (жидовскіе слуги) какъ разъ и имѣли въ виду уготовить такой доступъ своимъ господамъ, хорошо имъ платившимъ, и чаемыя „конституціонныя монархіи по англійскому образцу“ (для Россіи то!), или „парламентарныя республики“, на дѣлѣ должны были создать ожидовѣлую Россію, по существу совершенно безразлично какого строя, на подобіе ожидовѣлой Франціи, Америки и другихъ странъ, подпавшихъ подъ власть іудеевъ.

О планахъ и программахъ своихъ эти дѣятели много совѣщались, собираясь то на одной, то на другой квартирѣ кого-либо изъ богатыхъ и вліятельныхъ членовъ своихъ партій.

Можетъ быть, эти господа припомнятъ, какъ, въ девятисотыхъ годахъ этого столѣтія, они такимъ образомъ собрались, въ Петербургѣ, не то на Англійскомъ Проспектѣ, не то на одной изъ Линій Васильевскаго Острова, и посвятили цѣлый вечеръ обсужденію вопроса о томъ, что очень трудно разрушить въ народѣ то обаяніе, которымъ пользуется Имя Государя во всѣхъ слояхъ русскаго общества, кромѣ, конечно, нѣкоторыхъ спеціальныхъ круговъ такъ называемой интеллигенціи, давно ставшей послушнымъ орудіемъ въ рукахъ внутреннихъ враговъ Россіи.

И вотъ, на этомъ засѣданіи было признано необходимымъ начать энергичную работу расшатыванія Царскаго Престола, а для того — постановлено было секретно и безопасно, т. е. подло-трусливо-подпольно, но широко и дѣятельно организовать распространеніе свѣдѣній о Царѣ и Его Семьѣ, могущихъ поколебать чувства благоговѣйнаго почитанія, съ которыми русскіе люди, вполнѣ основательно, относились къ своимъ Царямъ.

Какія же это могли быть свѣдѣнія? Съ правдой — далеко не уѣдешь.

Правда — была чистая, свѣтлая, неуязвимая; правда — могла только возвысить среди подданныхъ Имя Русскаго Царя.

И рѣшено было съ правдой — не стѣсняться. Подъ видомъ правды, рѣшено было ловко пущенными слухами, разсказами, подтасовкой фактовъ — въ своей осторожной, тщательно отъ какихъ-либо непріятностей обереженной дѣятельности, допускать иногда преувеличенія, тенденціозные намеки, а чаще — передержки, извращенія фактовъ и клевету.

Цѣль — оправдывала средства. Такъ рѣшило ученое, просвѣщенное собраніе, въ своемъ циничномъ безстыдствѣ далеко превзойдя мелкихъ жуликовъ и карманниковъ Петербургскихъ трущобъ, гдѣ такихъ важныхъ, образованныхъ и вліятельныхъ господъ, какъ эти подлые участники подлаго совѣщанія — не бываетъ. Петербургскіе жулики и мелкіе шантажисты — никогда не посмѣли бы поставить себя рядомъ съ этими господами и не могли бы себѣ и вообразить, что, въ своей бѣдности, невѣжествѣ, темнотѣ умственной и нравственной, они оказывались гораздо менѣе низко павшими, чѣмъ, всѣ эти богачи, профессора, ученые, сановники, адвокаты и проч.. и проч. . . .

Какъ читатель можетъ уразумѣть изъ этого перечисленія на такихъ засѣданіяхъ собирались далеко не одни іудеи бывало тамъ и много русскихъ, очень извѣстныхъ, людей

Упоминая объ этихъ засѣданіяхъ, я, къ сожалѣнію, не могу быть вполнѣ опредѣленнымъ и яснымъ: многіе, неопровержимые документы, которыми я иногда пользуюсь для моихъ свѣдѣній, не мнѣ принадлежатъ, и я пока еще не могу вполнѣ свободно ими распоряжаться.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, пожалуй, и не надо представлять доказательства того, что подобнаго рода засѣданія дѣйствительно бывали у этихъ дѣятелей кромѣшнаго, злого дѣла погубленія Россіи. Можно привести сколько угодно фактовъ, дающихъ примѣры того, какъ эти политическіе дѣльцы относятся къ вопросамъ общечеловѣческой этики въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ, для ихъ спеціальныхъ разсчетовъ, бываетъ выгодно съ этой этикой не считаться. Судя по эпизоду, который сейчасъ опишу, мы можемъ видѣть, что и въ вопросѣ о клеветѣ эти люди въ точности руководствовались постановленіемъ того засѣданія, о которомъ я вспомнилъ.

Въ другой главѣ этого труда я говорилъ о томъ, какъ, съ высоты депутатской трибуны, нападая на правительство, Пуришкевичъ позволилъ себѣ разсказывать сплошную ложь о дѣятельности генерала Воейкова. Покойный Владиміръ Митрофановичъ не былъ способенъ сознательно дать ложныя свѣдѣ-

нія: онъ увлекся пыломъ собственнаго краснорѣчія и, для краснаго словца, „выпалилъ" непровѣренныя данныя.

Хуже и циничнѣе поступилъ Милюковъ.

Ноябрь 1916 года. Засѣданіе Государственной Думы. Говоритъ Милюковъ, лидеръ кадетской партіи. Собственно говоря, если по существу разбирать, то Милюковъ фактически никогда лидеромъ своей партіи не былъ: онъ былъ ширмой, изъ за которой всѣми нитями сложной политической интриги руководилъ видный масонъ, еврей Винаверъ. Милюковъ былъ типичнымъ „шабесъ-гоемъ", т. е. тѣмъ христіаниномъ, находящимся въ услуженіи у іудеевъ, которымъ они пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда не могутъ или не хотятъ дѣйствовать самолично. Жидъ Винаверъ не могъ быть оффиціальнымъ главой кадетской партіи: поэтому, „для представительства", таковымъ былъ усердный, услужливый, покорный Милюковъ.

Въ то засѣданіе Государственной Думы, въ своей рѣчи, горячей и страстной, намѣренно сдобренной яко бы патріотическимъ паѳосомъ, съ опредѣленнымъ стараніемъ увлечь за собой аудиторію и овладѣть ея настроеніями, Милюковъ позволялъ себѣ рѣзкія нападки на Личность Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Господинъ, во времена Японской войны ѣздившій по заграницамъ со спеціальной цѣлью дискредитировать Россію и ея правительство, способствовавшій революціонной смутѣ, надорвавшей и тогда еще силы его Родины и ея возможности довести войну до благополучнаго конца — тотъ же господинъ теперь драпировался въ тогу патріота и съ негодованіемъ разсказывалъ ложь о тайномъ сочувствіи Государыни къ Германіи и дѣлалъ прозрачные намеки на то, будто бы Ея Величество находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Императоромъ Вильгельмомъ.

Когда такой баснѣ могъ вѣрить невѣжественный, темный простолюдинъ, было грустно, но естественно и понятно. Непонятно, что этому вздору вѣрили, или дѣлали видъ, что вѣрятъ, многіе члены Государственной Думы. Впрочемъ, и среди нихъ было столько невѣжественныхъ и темныхъ! . . .

Правда, что достопочтеннѣйшій Павелъ Николаевичъ принималъ всѣ мѣры, чтобы ораторскимъ искусствомъ своимъ убѣдить слушателей. Потрясая кулаками, онъ патетически восклицалъ: „не думайте, господа, что я говорю необоснованно. У меня имѣются на рукахъ документы, подтверждающіе всѣ мои слова, и я впослѣдствіи ихъ опубликую" . . .

Во время перерыва засѣданія, къ Милюкову подошла маленькая группа членовъ Думы, честныхъ и порядочныхъ людей, глубоко возмутившихся его рѣчью.

„Какъ могли Вы, Павелъ Николаевичъ, говорить такія вещи? Какъ могли Вы упомянуть о какихъ то документахъ, которыхъ у Васъ нѣтъ и быть не можетъ: вѣдь, все, что разсказываютъ про Императрицу, есть злостная ложь, и Вы это такъ же хорошо знаете, какъ и мы. Какъ же повернулся у Васъ языкъ сказать такую ложь?"

Усмѣхнувшись, Милюковъ развязно отвѣтилъ:

„Да, пришлось, для ‚краснаго словца", нѣсколько перейти мѣру... Но мнѣ нужны были сильныя средства, для воздѣйствія на общество, а это средство — поможетъ... Мнѣ непремѣнно надо свалить Штюрмера, къ которому Императрица благоволитъ"...

Разъ идетъ рѣчь о Милюковѣ, вспоминается еще одно засѣданіе, но уже тайное, состоявшееся въ самомъ началѣ 1917 года. На немъ собрались разные подготовители революціи, игравшіе, на горе Россіи, роль „общественныхъ дѣятелей". Рѣшался вопросъ — дѣлать ли революцію. На этомъ засѣданіи участвовалъ Бьюкэненъ, Посолъ Великобританіи!

Здѣсь же находился и Милюковъ, который высказалъ опасеніе, что имъ, чаемымъ вождямъ, не удастся удержать русскій бунтъ въ руслѣ „государственности"; онъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что чернь возьметъ въ свои руки все дѣло революціи, а въ такомъ случаѣ неминуемо послѣдуетъ крушеніе Россіи. Сознавая опасность, Милюковъ, тѣмъ не менѣе, далъ свой голосъ за революцію. Очевидно, она казалась ему настолько заманчивой, что изъ за нея стоило рискнуть такимъ пустякомъ, какъ судьба Россіи.

Можетъ быть, тутъ имѣло мѣсто и раздвоеніе личности: профессоръ Исторіи говорилъ одно, а купленный „шабесъгой" и подчиненный своему начальству масонъ — дѣлалъ другое...

Если мы ужъ коснулись этихъ послѣднихъ, предреволюціонныхъ засѣданій „общественныхъ дѣятелей", будетъ кстати упомянуть здѣсь о подобномъ же собраніи Петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Они встрѣтились подъ предлогомъ обсужденія вопросовъ, касавшихся ихъ санитарнаго отряда и лазарета.

Происходило голосованіе того же вопроса. Предсѣдательствовавшій на собраніи, Н. П. Карабчевскій, горячо возражалъ Керенскому на его доводы въ пользу революціи, но предложенная имъ революція большинствомъ четырехъ пятыхъ голосовъ была отвергнута. Побѣдилъ Керенскій...

Въ своихъ воспоминаніяхъ, подъ заглавіемъ „Что мои глаза видѣли", Карабчевскій описываетъ какъ ходъ этого засѣданія, такъ и свой споръ съ Керенскимъ. Приводимъ выдержку:

Карабчевскій. „Такого удара съ тыла не выдержитъ никакой фронтъ; при первой вѣсти о немъ разсыплется въ рукахъ, какъ разъ открывая врагу прямую дорогу въ тѣ ворота, у которыхъ онъ пока еще только стоитъ.“

Керенскій. „Поймите же, наконецъ, что революція можетъ удасться только сейчасъ, во время войны, когда народъ вооруженъ, и моментъ можетъ быть упущенъ навсегда.“

Карабчевскій. „Пусть никогда, но не теперь. Партійно-классовый патріотизмъ въ минуту, требующую напряженія всѣхъ силъ страны, не патріотизмъ, а преступленіе. Маска патріотизма остается только маской, когда ее надѣваютъ для достиженія партійныхъ вожделѣній и цѣлей. Побѣда нужна Россіи, какъ воздухъ, и было бы преступно отравить его удушливыми газами классовой вражды и ненависти. Сейчасъ революція — гибель Россіи“ . . .

Участвуя въ своеобразной „защитѣ“ Россіи на сговорѣ уже близкихъ убійцъ ея, Карабчевскій вѣрно оцѣнивалъ положеніе вещей. Но . . . его слова остались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ . . .

Вернемся опять къ Государственной Думѣ, уже въ Январѣ 1917 года. Бурное, грозное, безтолковое засѣданіе. Со своей рѣчью выступаетъ доблестный русскій Гражданинъ, знающій, дѣльный, энергичный, честный и преданный своему долгу Министръ, Александръ Александровичъ Риттихъ.

Несмотря на его блестящую, истиннымъ патріотизмомъ прочувствованную, очень обстоятельную рѣчь большого государственнаго значенія, въ которой онъ высказалъ всю программу своей дѣятельности, плодотворной и обѣщавшей большое поднятіе внутренней жизни Россіи, онъ подвергся со всѣхъ сторонъ ожесточеннымъ нападеніямъ и рѣзкимъ выходкамъ отъ выступавшихъ, одного за другимъ, депутатовъ, ничего не понимавшихъ въ дѣлѣ, о которомъ говорилъ Риттихъ.

По окончаніи засѣданія, къ нему подошелъ депутатъ Маклаковъ и сказалъ:

„Вы на насъ не сердитесь, Александръ Александровичъ, за нашу свирѣпость. Мы Васъ очень уважаемъ и цѣнимъ; знаемъ, какой Вы глубоко порядочный, честный, способный и дѣльный человѣкъ. Знаемъ, что Вы — и отличный министръ, прекрасно знающій свое дѣло, которое хотите вести умно и именно такъ, какъ и слѣдовало бы. Но . . . Вы, вѣдь, должны понять, какое мы время теперь переживаемъ: намъ надо непремѣнно свалить все Ваше Правительство . . Вотъ почему и Вы оказались нашей жертвой“ . . .

Да, во что бы то ни стало надо было вести походъ противъ власти Царя и Его Министровъ, а потому — всѣ средства были

пущены въ ходъ: передъ подлостью и клеветой не останавливались . . .

Невольно приходишь къ заключенію, что для каждой страны было бы лучше не имѣть парламента, разъ онъ всюду, подъ жидовскимъ вліяніемъ, превращается во что-то, подобное публичному дому, въ разсадникъ политическаго разврата и растлѣнія нравовъ.

Такія картинки нравовъ, взятыя изъ жизни, какъ только что описанныя, совершенно соотвѣтствуютъ тому, что писалъ Нилусъ.

Сіонскіе Мудрецы! Какихъ цѣнныхъ слугъ пріобрѣли вы себѣ въ Россіи! Какую большую службу они вамъ отслужили!

И какъ же вы оказались неблагодарны!

Всѣхъ ихъ выжили изъ Россіи, ставшей вашей, жидовской, вотчиной, и разогнали по заграницамъ . . .

Да и то сказать: къ чему же было Сіонскимъ Мудрецамъ церемониться со своими „шабесъ-гоями?"

Работу свою они выполнили; плату за свои „труды", въ свое время, получали; что же теперь оставалось съ ними дѣлать?

Конечно — вонъ! Не на шабашъ же ихъ допускать. На то они и — „шабесъ-гои", чтобы сдѣлать только всю черную работу, необходимую для еврейскаго торжества . . .

Эти разсужденія вожди іудейскіе могутъ и дополнить:

„Дѣло — сдѣлано, и можно теперь не стѣсняться . . . А потому многіе „шабесъ-гои", уготавливавшіе наше торжество, въ настоящее время намъ ненужны.

Что намъ съ ними теперь дѣлать: нашей правды мы больше не таимъ, въ тогу гражданской скорби и „буржуазной" добродѣтели не рядимся. Видя эту „тогу добродѣтели", въ которую мы призрачно задрапировались, не всѣ — ибо и между ними было немало „черныхъ" — но многіе наивные простодумы искренно тѣшили себя иллюзіей, будто, идя за нами, идутъ по путямъ добра . . .

Но нынѣ мы сбросили съ себя фальшивую тогу-маску . . .

Пускай каждый видитъ нашу пурпуровую мантію, красную, какъ кровь, блистающую золотомъ, какъ нашъ богъ Люциферъ . . . Пускай тѣ, кто хочетъ пойти за нами, пойметъ, что не пути добра — наши пути . . но пути зла, пути гордаго, всесокрушительнаго, безпощаднаго сатанизма . . . ."

Сіонскіе Мудрецы! Неужели вы и взаправду думаете, что уже пришла пора вамъ открыто выступать? Неужели въ послѣдній моментъ борьбы взыграла страстная кровь семитовъ, и свойственная вамъ, постоянно васъ губившая, наглая заносчивость выступила наружу?

Не рано ли торжествовать вашу побѣду, когда ея окончательное наступленіе еще находится подъ большимъ сомнѣніемъ?

Повѣрьте, что рано, слишкомъ рано запѣли вы вашу пѣсню побѣды!

Намъ, знающимъ и предвидящимъ скорое, сокрушительное ваше низверженіе, предугадывающимъ тотъ ужасъ, которымъ скоро будутъ объяты ваши злыя, черныя души — намъ кажется страннымъ, что вы такъ самонадѣянно и неосторожно спѣшите сбросить маску . . .

На такія мысли наводятъ меня слова одного изъ вашихъ ставленниковъ, Ленина, высказанныя имъ въ очередномъ поученіи своимъ помощникамъ.

Объ упомянутомъ „поученіи“ Ленина сообщаетъ замѣтка Мюнхенской газеты „Bayerischer Kurier“, отъ 20-го Августа 1920 г., № 233. Замѣтка эта озаглавлена — „Die Lüge — ein erlaubtes Kampfmittel“. Привожу ее цѣликомъ въ переводѣ.

„Ложь, какъ средство борьбы.“

Въ „Коммунистическомъ Интернаціоналѣ No. 10, Ленинъ рекомендуетъ слѣдующее средство для распространенія коммунизма въ рабочихъ организаціяхъ:

„Нужно, во что бы то ни стало, противостоять противъ враговъ коммунизма, а для того — быть готовыми на всякія средства борьбы, даже, если нужно, идти на всякія уловки: ложь, клевету, лесть, нелегальные пути, умалчиваніе и сокрытіе правды. Это нужно для того, чтобы, какими угодно путями, внѣдриться въ рабочія организаціи, тамъ укрѣпиться и какой бы то ни было цѣной развернуть въ нихъ коммунистическую дѣятельность.“

Итакъ, дѣло эволюціи сложнаго процесса переоцѣнки всѣхъ нравственныхъ цѣнностей завершилось: у Гучковыхъ, Милюковыхъ и прочихъ — клевета и обманъ были еще тайнымъ оружіемъ; они пока щеголяли въ тогѣ „гражданской добродѣтели“. Керенскіе пошли дальше, но все же въ настоящемъ свѣтѣ показать себя стыдились: только они ту же тогу перекрасили въ багровый цвѣтъ „революціонной добродѣтели“. Въ эпилогѣ пришелъ Ленинъ, который уже не лукавитъ: предъ порабощеннымъ народомъ и огорошенной Европой, тоги больше нѣтъ никакой — во всей наготѣ, едва прикрытое красной мантіей, предстало Міровое Зло . . .

Теперь, когда у русскихъ людей уже начинаетъ проясняться сознаніе, когда уже никакой Керенскій, или Родзянко, или „бабушка революціи“, не посмѣли бы снова начать дурачить и морочить глупое стадо людское, какъ это дѣлалось въ 1917

году — теперь нѣтъ надобности брать на себя трудъ убѣждать и доказывать, что Русскій Царь не былъ измѣнникомъ Себѣ Самому, что Онъ не злоумышлялъ противъ Своего же народа, что Онъ не считалъ возможнымъ сепаратный миръ съ Германіей, которая, кстати, еще въ 1916 году готова была предложить очень выгодныя условія мира.

Теперь каждому должно быть понятно, что Государь оставался неуклонно вѣрнымъ слову, данному Имъ союзникамъ и, вопреки собственной пользы, вопреки пользы Россіи, связанный этимъ словомъ, совершалъ крупную политическую ошибку, не заключая вполнѣ возможнаго, вполнѣ выгоднаго сепаратнаго мира и неся Свой Крестъ до конца, ради Чести самоотверженно пренебрегая и собственными интересами, и интересами государства, Ему Богомъ врученнаго. Выхода не было: Государь не могъ иначе поступать, хотя и вполнѣ сознавалъ весь затаенно грозный смыслъ совершавшагося хода событій.

Какъ мы говорили въ самомъ началѣ нашего труда, Государь не хотѣлъ войны: рѣшеніе о ней было ловко исторгнуто изъ Его рукъ, согласно выполнявшимся уже отдѣльнымъ стадіямъ подробно разработаннаго заговора.

Болѣе того, что не хотѣлъ — Государь Императоръ сознавалъ и понималъ опасность, угрожавшую Династіи и Россіи.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь, какъ и всегда въ жизни, умѣлъ съ философскимъ спокойствіемъ самоотверженно жертвовать Своими интересами каждый разъ, когда того требовали соображенія о достоинствѣ горячо Имъ любимой Россіи. Такъ было и въ этотъ роковой часъ рѣшенія судьбы. Возможность предупредить войну вышла изъ власти Государя, благодаря измѣнническимъ интригамъ цѣлаго ряда лицъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ въ этой войнѣ заинтересованныхъ. Было некогда и не время допытываться о виновникахъ: для мужественнаго человѣка ничего не оставалось другого, какъ смѣло и рѣшительно взглянуть на поворотъ событій и принять ихъ, какъ неизбѣжное требованіе сложившихся обстоятельствъ.

Такъ и поступилъ Государь Императоръ и съ того дня, какъ началась война, Онъ эту войну несъ на Себѣ, какъ бремя, свыше Ему ниспосланное, какъ первые этапы начавшагося Крестнаго Пути, и притомъ не отказался ни отъ одного изъ послѣдствій, вытекавшихъ изъ Его рѣшенія: всѣ обязанности войны, всѣ ея тяготы и труды, Государь искренно, отъ сердца и души исходящимъ стремленіемъ, принялъ на Себя и неукоснительно, до конца, выдержалъ выпадавшую на Его долю трудную историческую задачу. Все, что говорили о желаніи

Государя измѣнить слову, данному недостойнымъ союзникамъ, было невѣрно прежде всего потому, что слово это для честнаго характера Государя было непреложнымъ велѣніемъ чести.

Однако, гораздо лучше понимая положеніе, чѣмъ большинство Его подданныхъ, по обыкновенію поддававшихся стаднымъ порывамъ увлеченій и безмѣрныхъ восторговъ въ отношеніи Франціи и Англіи, Государь относился гораздо сдержаннѣе и менѣе довѣрчиво къ пресловутымъ нашимъ „союзникамъ".

И во время войны, и во время подготовки революціи, и послѣ ея наступленія, эти „союзники" показали, чего они стоютъ, и каковы ихъ истинныя чувства къ Россіи. Если Россія не обратится въ пустыню, готовую для колонизаціонныхъ вожделѣній Англіи и Франціи и безудержной еврейской эксплуатаціи, то только потому, что внутри нашей Родины начинаетъ пробуждаться духъ народный, и, какъ бывало и въ Первое Смутное Время, и раньше, и позже него, во всѣ трагическіе кризисы нашей Исторіи, Россія, въ послѣдній моментъ предъ своей гибелью, воспрянетъ духомъ, объединяющимъ всѣ расползающіяся части единаго народа, и спасетъ себя сама. Но что касается нашихъ бывшихъ союзниковъ, то они все сдѣлали, и теперь еще тщетно пытаются все сдѣлать для того, чтобы этого спасенія Россіи не было . . .

Все это хорошо понимая и сознавая, Государь не могъ заражаться стадными увлеченіями русскаго общества, приходившаго въ дикій, телячій восторгъ при видѣ какого-нибудь французскаго или англійскаго мундира.

Еще въ 1914 году Государь сказалъ фразу, очень остроумную и очень мѣтко опредѣлявшую наше тогдашнее положеніе. По поводу патріотическихъ изліяній Англичанъ и Французовъ и ихъ торжественныхъ клятвъ вести войну „до послѣдней капли крови", Государь замѣтилъ:

„Они не кончаютъ своей угрозы: прибавили бы — до послѣдней капли . . . русской крови. Они, повидимому, такъ понимаютъ эту войну" . . .

Фразы этой Его Величеству не простили и жестоко за нее отомстили . . .

А между тѣмъ, сколько въ ней было правды, и какъ дальнѣйшія событія ее подтвердили! Обезкровивъ Россію, приведя ее въ состояніе безформенной, безвольной массы, отданной во власть жидовскаго грабежа и насилія, наши бывшіе союзники торжествовали „свои побѣды" безъ Россіи и уже разсчитывали, что имъ удался геніальный „гешефтъ" — „однимъ ударомъ двухъ зайцевъ убить", и Германію уничтоживъ, и Россію. Но... какъ ближайшія грядущія событія скоро покажутъ, „геніальный гешефтъ" сорвался на самомъ интересномъ мѣстѣ . . . и

скоро, очень скоро взвоютъ отъ ужаса и отчаянія наши былые, проклятой памяти, союзники.

Вызванные къ дѣйствію духи зла не удовлетворились уготовленной имъ жертвой: сожравши ее, они не возвращаются въ преисподнюю, а распространяются все дальше... Чернокнижникъ, вызвавшій эти силы, охваченный паникой, мечется и пытается себя уберечь, но врядъ ли ему это удастся...

Начавъ войну съ Германіей, мы совершили крупную историческую ошибку. Незаключеніе сепаратнаго, выгоднаго мира въ 1915 или 1916 году, когда уже выяснились и внутреннее положеніе Россіи, и внѣшнія ея отношенія съ союзниками, и желаніе Германіи идти намъ навстрѣчу въ условіяхъ, сравнительно очень выгодныхъ — это была вторая ошибка. Но ошибка ли?

Все сложилось такимъ образомъ, что выполнить этотъ единственно правильный коррективъ русской политики Государю было невозможно, ввиду связывавшаго Его Царскаго Слова. Еслибъ даже можно было, ссылаясь на многія погрѣшности въ нашихъ взаимодѣйствіяхъ съ союзниками, этому слову дать ограничительное толкованіе и пойти на разрывъ, русское общественное мнѣніе было такъ настроено, многіе, самые видные государственные сановники и крупные общественные дѣятели были такъ тѣсно съ союзниками связаны, вся наша печать такъ щедро союзниками оплачена — что осуществить подобное намѣреніе чисто физически, если можно такъ выразиться, оказалось бы невозможнымъ.

Тонко и густо была сплетена паутина: изъ нея выбраться уже было нельзя...

На страницахъ нашей горестной повѣсти было уже разсказано о началѣ войны, о странныхъ подробностяхъ неожиданно состоявшейся мобилизаціи, и о многихъ мелкихъ штрихахъ, характеризовавшихъ моментъ. Однако, для характеристики еще полнѣйшей людей и событій того времени, я приведу здѣсь цѣликомъ статью, весной сего 1920 года появившуюся въ газетѣ „Призывъ" (№ 50).

Скрытая Быль.

„И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ
Христа своего предаютъ."

Три года тому назадъ, злымъ заговоромъ, нити котораго теряются за кулисами международной политики, великая, привольная и могучая Россія была предана на распятіе.

То было злое и страшное дѣло, но немногіе русскіе люди понимали и знали, чѣмъ все кончится, къ какимъ результатамъ приведетъ революція. Остальные же, будто околдованные какими-то чарами, закружились въ дикой сарабандѣ, не замѣчая открывавшейся подъ ихъ ногами пропасти.

Ахнулъ русскій народъ, да поздно. Потоку и разграбленію предана его родная Страна и стоитъ Она въ дыму пожаровъ, вся залитая кровью . . .

Больно касаться пережитаго и бередить старыя раны, но минуты такой слабости надо гнать прочь. Открыто, смѣло, снявъ забрало, надо идти по прямому пути, рвать покровы масокъ съ враговъ Россіи и предупреждать ихъ дальнѣйшія козни . . .

Всѣ этапы русской революціи въ строгой послѣдовательности вытекаютъ одинъ изъ другого, представляя въ тоже время одно цѣлое, полное грязи и мерзости крайняго нравственнаго паденія. Большевизмъ явился, какъ плоть отъ плоти керенщины; керенщина родилась отъ Государственной Думы, „возглавившей" февральскій бунтъ, а этотъ бунтъ возникъ, благодаря заговору.

Вотъ схема разрушенія Россіи, краткая „генеалогія", понятная всѣмъ и каждому, за исключеніемъ одного пункта: заговора.

Правда, еще въ началѣ революціи, ходили упорные слухи о какихъ то таинственныхъ совѣщаніяхъ на квартирѣ англійскаго посла, сэра Джорджа Бьюкенена; о деньгахъ, выданныхъ „союзниками" нѣкоторымъ изъ нашихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей на устройство переворота и т. д. Но „оффиціальныя" опроверженія по этому поводу пресѣкали такіе слухи, заставляли ихъ глохнуть.

Рѣшеніе вопроса, почему и какъ произошла въ Россіи революція, имѣетъ огромное значеніе, какъ урокъ для будущаго. Во всеоружіи фактовъ, необходимо, наконецъ, освѣтить революцію 1917 года, обнаружить ея виновниковъ и предать ихъ суду гласности.

Въ силу Великаго и Малаго Заговоровъ, нынѣ Россія проходитъ свой Крестный Путь. Вся Она покрыта ранами. Ея мантія изодрана въ клочки, а голову, вмѣсто Шапки литого золота, покрываетъ терновый вѣнецъ . . .

Ясно, что, не будь войны, въ Россіи революціи не было бы. Въ послѣдніе годы передъ войной, Россія достигла большого могущества и расцвѣта и продолжала сказочно развиваться. Царскаго Престола въ это время не только что свалить, но и поколебать было немыслимо.

Но въ революціонныхъ тайникахъ для Россіи уже ковались цѣпи, приготовлялась та страдная чаша, которую Она испиваетъ сейчасъ. Для смерти Великой Россіи имъ нужны были великія потрясенія, и въ этомъ направленіи заговорщики работали, не покладая рукъ.

Въ настоящее время, когда всѣ усиленно доискиваются причинъ возникновенія войны и виновниковъ ея, эта статья будетъ кстати. Строго-объективно, я приведу такіе факты, которые не отыщешь ни въ Оранжевой, ни въ Бѣлой, ни въ Синей и ни въ какихъ другихъ цвѣтныхъ книгахъ.

Еще въ 1909 году, въ Комиссіи Государственной Обороны, предсѣдатель ея, извѣстный политическій и общественный дѣятель Гучковъ, заявилъ о необходимости готовиться всѣми мѣрами къ будущей войнѣ съ Германіей.

Для характеристики этого дѣятеля необходимо сказать, что для достиженія своихъ цѣлей онъ способами и средствами никогда особенно не брезговалъ. Въ дѣлѣ разрушенія Россіи ему безспорно надо отвести одну изъ главныхъ ролей.

Въ слѣдующемъ, 1910 году, газета „Новое Время" перешла къ товариществу на паяхъ, а немного позже Гучковъ былъ избранъ предсѣдателемъ редакціоннаго комитета. Съ этого момента на столбцахъ „Новаго Времени" начинается особая травля Нѣмцевъ и подготовка общественнаго мнѣнія къ войнѣ съ Германіей.

Сотрудникамъ „Новаго Времени", „Голоса Москвы" и „Голоса Правды", которые неизмѣнно руководствовались директивами Гучкова, послѣдній говорилъ:

„Побольше бряцайте оружіемъ, подготовляйте общественное мнѣніе къ войнѣ съ нѣмцами. Пишите такія статьи, чтобы между строкъ были уже слышны раскаты орудійнаго грома".

Лица, хорошо знающія Гучкова, передаютъ, что неоднократно на своей квартирѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ А. Ксюнинымъ, онъ составлялъ статьи самаго вызывающаго характера по отношенію къ Германіи.

Въ 1912 году, во время пріема англійской военной миссіи, Гучковъ на обѣдѣ у Кюба обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующимъ тостомъ:

„Господа! Я пью за здоровье англійскихъ арміи и флота, не только дружественныхъ, но и союзныхъ".

И, оставшись въ тѣсномъ кругу членовъ Комиссіи Государственной Обороны, онъ заявилъ: „Сегодня Германія потерпѣла рѣшительное пораженіе: война неизбѣжна, если только Царь не помѣшаетъ".

Въ 1914 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, Гучковъ на одномъ обѣдѣ предупреждалъ знакомыхъ, чтобы они лѣтомъ не ѣздили заграницу, а въ особенности — въ Германію:

„Не совѣтую ѣхать Вамъ заграницу. Война въ это лѣто начнется обязательно: она рѣшена. Германія можетъ крутиться какъ ей угодно, но отъ войны не открутится“ — и при этихъ словахъ Гучковъ усмѣхнулся.

На вопросъ одного изъ присутствовавшихъ — кому нужна война, Гучковъ отвѣтилъ:

„Франція должна получить Эльзасъ-Лотарингію и Рейнъ; Россія — всѣ славянскія земли и выходъ изъ Чернаго моря; Англія слизнетъ германскія колоніи и возьметъ въ свои руки міровую торговлю.“

На возраженіе, что врядъ ли Русскій и Германскій Императоры пойдутъ на столь опасную міровую войну, со стороны Гучкова послѣдовалъ дерзкій отвѣтъ:

„Мы это предусмотрѣли . . . и устроимъ такъ, что оба они очутятся предъ fait accompli. ..

Гучкову указали тогда, что Тройственный Союзъ представляетъ огромную военную силу, на что Гучковъ возразилъ:

„Италія, по тайному соглашенію съ Англіей, не выступитъ на сторонѣ Германіи и Австріи, а въ случаѣ удачнаго поворота войны можетъ ударить имъ въ тылъ. Планъ будущей войны уже разработанъ въ деталяхъ нашими союзными штабами (англійскимъ, французскимъ и русскимъ), и война ни въ коемъ случаѣ больше трехъ мѣсяцевъ не продлится.“

Тогда Гучкову предложили вопросъ: „Скажите, Александръ Ивановичъ, не находите ли Вы, что, вопреки ожиданіямъ, война можетъ затянуться? Она потребуетъ колоссальнѣйшаго напряженія народныхъ нервовъ, и весьма возможно, что это будетъ сопряжено съ опасностью народнаго недовольства и государственнаго переворота?“

Улыбаясь, Гучковъ отвѣтилъ: „Въ крайнемъ случаѣ, ликвидація Династіи будетъ величайшимъ благомъ для Россіи.“

Чѣмъ объяснить такую ненависть Гучкова къ Династіи — сказать трудно. Но для дискредитированія престижа Царской Власти Гучковъ былъ готовъ на все.

Такъ, въ интимныхъ кружкахъ, онъ указывалъ на то, что Царское Правительство и Царскіе ставленники мѣшаютъ проведенію реформъ для созданія сильной арміи и флота.

Неоднократно, у себя на квартирѣ, онъ созывалъ членовъ Государственной Думы, представителей военнаго міра и журналистовъ, передъ которыми демонстрировалъ яко бы

собственноручныя письма Государыни къ Распутину, причемъ всегда патетически восклицалъ:

„Вотъ, до чего мы дожили! До какого позора и униженія дошла Россія!" . . .

Какъ и слѣдовало ожидать, впослѣдствіи было выяснено, что эти письма были подложны.

Гучковъ неоднократно говорилъ, что онъ „съ Царемъ посчитается какъ слѣдуетъ". Онъ позволялъ себѣ въ кулуарахъ Государственной Думы отзываться о Государѣ въ крайне непристойныхъ выраженіяхъ.

Лица, присутствовавшія при пріемѣ Его Величествомъ, во время Трехсотлѣтняго Юбилея Дома Романовыхъ, членовъ Государственной Думы, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ Гучковъ кипѣлъ отъ негодованія, когда, обходя членовъ Государственной Думы, Государь обратился къ нему съ вопросомъ — отъ какой губерніи онъ выбранъ въ Думу.

Какъ, молъ, я, Гучковъ, и Царь не знаетъ, отъ кого я избранъ! . . . .

Въ 1917 году, лѣтомъ, членъ Государственной Думы Е. П. Ковалевскій, бывшій послѣ революціи комиссаромъ народнаго образованія, разсказывалъ, какъ подготовлялся февральскій переворотъ, непосредственнымъ участникомъ котораго онъ былъ.

Въ Январѣ 1917 года, въ Петроградъ прибыла союзная комиссія въ лицѣ представителей Англіи, Франціи и Италіи.

Послѣ совѣщанія съ Гучковымъ, бывшимъ въ то время предсѣдателемъ Военно-Промышленнаго Комитета, княземъ Львовымъ, предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко, генераломъ Поливановымъ, Сазоновымъ, англійскимъ посломъ Бьюкененомъ, Милюковымъ и другими лицами, эта миссія представила Государю требованія слѣдующаго рода:

I. Введеніе въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго союзныхъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса.

II. Обновленіе командного состава всѣхъ армій по указаніямъ державъ Согласія.

III. Введеніе конституціи съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Государь на эти требованія положилъ слѣдующія революціи:

По первому пункту: „Излишне введеніе союзныхъ представителей, ибо Своихъ представителей въ союзныя арміи, съ правомъ рѣшающаго голоса, вводить не предполагаю."

По второму пункту: „Тоже излишне. Мои арміи сражаются съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ арміи Моихъ союзниковъ".

По третьему пункту: „Актъ внутренняго управленія подлежитъ усмотрѣнію монарха и не требуетъ указаній союзниковъ."

Въ англійскомъ посольствѣ, сейчасъ же послѣ того, какъ сдѣлался извѣстнымъ отвѣтъ Государя, состоялось экстренное совѣщаніе, при участіи вышеупомянутыхъ лицъ.

На немъ было рѣшено „бросить законный путь и выступить на путь революціи", причемъ время для переворота было назначено на первый же отъѣздъ Государя въ Ставку. На полученныя отъ союзныхъ представителей деньги, начала вестись усиленная агитація въ пользу переворота.

Такъ какъ русскіе участники заговора были увѣдомлены о томъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Протопоповъ что-то подозрѣваетъ, то въ силу этого, боясь ареста, они пристроились при членахъ союзнической миссіи и жили у нихъ на квартирахъ. Такъ, самъ Ковалевскій пристроился при генералѣ Кастельно. Для обсужденія же вопросовъ текущаго времени и болѣе детальной разработки плана будущаго выступленія, собирались на квартирѣ англійскаго посла сэра Джорджа Бьюкенена.

Уже въ іюлѣ 1917 года, при процессѣ генерала Сухомлинова, происходившемъ въ Залѣ „Арміи и Флота", была выяснена интересная подробность, относящаяся къ моменту возникновенія міровой войны. Мобилизація на Австрійской границѣ, какъ извѣстно, была произведена по Высочайшему Повелѣнію, что согласовалось съ основными законами Россійской Имперіи; что же касается Германской границы, то приказа Государя объ этомъ не было совершенно.

Когда Императоръ Вильгельмъ, въ телеграммахъ, обращенныхъ къ Государю, умолялъ пріостановить мобилизацію, обѣщая, что Онъ сохранитъ миръ Европы, Государь потребовалъ къ Себѣ генерала Сухомлинова, бывшаго въ то время Военнымъ Министромъ, и спросилъ его: „Скажите, на какомъ основаніи происходитъ мобилизація на Германской границѣ?"

Генералъ Сухомлиновъ отвѣтилъ, что она происходитъ по требованію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Государь въ гнѣвѣ, ударивъ рукой по столу, сказалъ: „Необходимо немедленно же пріостановить ее. Поѣзжайте и устройте это."

Генералъ Сухомлиновъ сейчасъ же поѣхалъ къ Сазонову, бывшему Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, у котораго засталъ сэра Джорджа Бьюкенена.

Сазоновъ заявилъ, что пріостановить мобилизацію, по политическимъ соображеніямъ, совершенно нельзя: что это значило бы отдать Россію въ руки Германіи.

Кромѣ того, передъ генераломъ Сухомлиновымъ вставалъ цѣлый рядъ затрудненій техническаго характера, благодаря которымъ быструю демобилизацію произвести было можно, но затѣмъ уже новая мобилизація была бы затруднена. Объ этомъ имъ было доложено Государю.

Черезъ сутки, Германія объявила войну.

Такимъ образомъ, фраза Гучкова о „fait accompli“ будущей войны получила свое осуществленіе.

Не знаю, на основаніи чего, но Гучкова, Сазонова, князя Львова и другихъ виновниковъ и создателей русскаго лихолѣтья считаютъ чуть ли не камнемъ краеугольнымъ возсозданія Россіи. Неужели можно допустить мысль, что всѣ они нравственно переродились какъ по щучьему велѣнію? Да если бы и такъ, мѣсто ли имъ въ строительствѣ новой Россіи?

Маска раскаянія, маска горячаго патріотизма, надѣваемая ими, да не смущаетъ сердца русскихъ людей.

Какъ примѣръ ихъ политической приспособляемости, приведу два факта уже изъ нашего времени.

Въ первомъ случаѣ, г. Гучкову былъ предложенъ вопросъ: „Скажите, Александръ Ивановичъ, какъ Вы можете столковываться съ Антантой, говорить съ тѣми, кому мы обязаны столь головокружительнымъ паденіемъ нашей Родины?“

Гучковъ, покачавъ головой, отвѣтилъ:

„Не говорите . . . Стиснувъ зубы и съ болью въ сердцѣ, я жму ихъ руку.“

Черезъ нѣкоторое время, въ одномъ изъ Германскихъ оффиціальныхъ учрежденій, уже другое лицо, встрѣтивъ Гучкова, говоритъ ему съ изумленіемъ: „Александръ Ивановичъ. Васъ ли я вижу здѣсь?“

На это онъ услышалъ отвѣтъ:

„Если бы Вы только знали . . . Стиснувъ зубы и съ болью въ сердцѣ, я жму нѣмецкую руку“ . . .

На этомъ пока можно поставить точку.

Арамисъ.“

Эта статья, дающая такія интересныя подробности и имѣющая полное право стать историческимъ документомъ, въ комментаріяхъ не нуждается: она даетъ цѣльную картину, а читатель самъ сдѣлаетъ свои выводы. Но какіе люди! Всѣ хороши; хорошъ и англичанинъ, посолъ союзной державы, участвующій въ заговорѣ противъ того Государя, предъ которымъ онъ аккредитованъ своимъ правительствомъ . . .

Всѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой статьѣ — непреложны: онѣ сообщены однимъ бывшимъ членомъ Государственной Думы,

человѣкомъ очень богатымъ и независимымъ, безупречной порядочности, близко знакомымъ со всѣми перечисленными лицами. Съ Гучковымъ онъ раньше былъ очень друженъ, былъ его восторженнымъ поклонникомъ и даже, изъ любви къ нему, исполнялъ при немъ секретарскія обязанности, пока окончательно не разочаровался въ своемъ другѣ. За правдивость и точность всего изложеннаго можно ручаться.

Отношеніе Государя Императора къ войнѣ и къ Своимъ ржавнымъ трудамъ, этой войной усложненнымъ и отягченнымъ въ мѣрѣ почти непосильной; дѣятельность Государя во время войны, Его чистые, самоотверженные помыслы, думы и стремленія — всѣ эти важные, отвѣтственные вопросы мною затронуты въ той степени, въ какой я могу себя считать знающимъ и увѣреннымъ въ истинѣ и правдѣ каждаго слова, здѣсь написаннаго. Думаю, что въ мѣрѣ моей компетентности, вопросы эти исчерпаны, насколько касаются высокихъ душевныхъ качествъ нашего Государя и Его героической честности въ исполненіи Своего долга, какъ Самодержца Всероссійскаго, честности, приводившей часто Государя къ актамъ истинно Христіанскаго самоотреченія и самоотверженія, къ полному забвенію личныхъ интересовъ ради интересовъ Родины и народа. При этомъ, не было для нашего глубоко несчастнаго Царя утѣшеній въ обольщеніи внѣшнимъ благополучіемъ и въ непониманіи внутренняго смысла совершавшагося. Государь многое зналъ, и все принималъ съ философскою выдержкой „посвященнаго" въ то, что толпѣ и неизвѣстно, и непонятно.

Вся дѣятельность и жизнь Государя, за послѣднія пятнадцать лѣтъ Его Царствованія, могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ, старымъ рыцарскимъ девизомъ: „Fais ce que dois — advienne que pourra".

Такъ и поступалъ Государь.

Государь многое зналъ и понималъ, но, къ сожалѣнію не все, или вѣрнѣе частично понималъ нѣкоторыя истины: такъ напримѣръ, вполнѣ сознавая роль франъ-масонства и іудейства въ міровой политикѣ, Онъ для Себя, для Россіи, не всегда былъ достаточно насторожѣ. Такъ мнѣ кажется: но, можетъ быть, я и ошибаюсь въ истинныхъ мотивахъ Государя. Тоже самое наблюдалось и относительно Императора Вильгельма II. Его Державный Отецъ, Императоръ Фридрихъ III, ознакомившись съ нѣкоторыми только тайнами масонства, вышелъ изъ ложи, въ которой состоялъ и, вступивъ на Престолъ, запретилъ кому-либо изъ Принцевъ Своего Дома вступать въ члены масон-

скихъ ложъ. Императоръ Вильгельмъ II, кромѣ свѣдѣній, полученныхъ отъ Своего Августѣйшаго Родителя, въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго Столѣтія, какъ я слышалъ, еще подробнѣе ознакомился съ сущностью масонства. Но для Себя, для Своей Страны — Германскій Императоръ также не достаточно оберегался отъ злой, могучей силы сатанинскаго властвованія.

Я бы считалъ не полнымъ мое изложеніе, еслибъ еще не остановился на двухъ, сравнительно съ крупностью событій, мелкихъ штрихахъ, но имѣющихъ очень большое значеніе. Чѣмъ скорѣе ихъ разъяснить, тѣмъ будетъ лучше для тѣхъ, кто стремится выдѣлить правду изъ загроможденнаго революціонерами склада лжи и клеветы, и тѣмъ облегчатся труды будущихъ историковъ, которые когда-нибудь приступятъ къ изслѣдованію и изученію нами пережитаго страшнаго времени.

Въ самомъ началѣ революція, были пущены и преданы широкой гласности двѣ очередныя клеветы, связанныя очень систематически съ общими революціонными планами. Одна изъ нихъ косвенно касалась Государя, а другая была направлена непосредственно противъ Него.

Когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись изъ поѣздки въ Псковъ, чрезвычайно самоудовлетворенные выпавшей имъ гнусной, но дѣйствительно исторической, незабываемой ролью, эти господа оповѣщали и въ печати, и въ разговорахъ, о подробностяхъ своей встрѣчи съ Царемъ и Его приближенными. Передаютъ, что, между прочимъ, они разсказывали, будто генералъ Воейковъ, убѣдившись въ безвыходности положенія, въ которое опытные и ловкіе заговорщики поставили Россію и ея Государя, воскликнулъ: „Что же, ничего другого не остается, какъ открыть Нѣмцамъ фронтъ.“ . . .

Этотъ разсказъ, подхваченный печатью, произвелъ по всей Россіи громадное впечатлѣніе и вызвалъ бурю негодованія не только противъ Воейкова, но и противъ Государя, у Котораго Воейковъ былъ довѣреннымъ и близкимъ лицомъ. Главари революціи не преминули использовать „сенсацію“ въ „оправданіе переворота“ и въ цѣляхъ возбужденія и разжиганія народныхъ страстей . . . Не было заботы о томъ, что такой разсказъ обрекалъ впослѣдствіи Воейкова жестокимъ мучительствамъ и лютой смерти, какъ было съ жертвой подобной же клеветы, несчастнымъ Штюрмеромъ, и чего избѣгъ Воейковъ какимъ то чудомъ . . .

Какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, Воейковъ никогда этой фразы не говорилъ. Оказалась очередная, провокаціонная ложь.

Кто знаетъ Государя и Его благоговѣйныя чувства къ Россіи и къ Своему Священному Долгу, тотъ отлично пони-

маетъ, что такой исходъ былъ бы невозможенъ: Государь никогда его не допустилъ бы.

Но признаюсь откровенно во всеуслышаніе. Еслибъ въ тотъ моментъ кто-нибудь это сдѣлалъ, очень вѣроятно, что онъ могъ бы спасти Россію отъ всего, ею выстраданнаго. По этому вопросу создается очень оригинальная конструкція мыслей: сдѣлать этого было нельзя, ибо это имѣло бы полный, внѣшній видъ предательства Родинѣ; но это сдѣлать слѣдовало, ибо это было бы спасеніемъ Родины.

Вѣроятно, въ то время, отдавшаго такое приказаніе растерзала бы разъяренная толпа; но наше время, какимъ оно выдалось послѣ всего, нами перевидѣннаго, вполнѣ оправдывало бы разумность такого невыполнимаго исхода.

Россія была бы спасена отъ величайшихъ несчастій. Хищныя вожделѣнія Франціи и Англіи по отношенію къ нашей Родинѣ не получили бы осуществленія. Не состоялся бы жидовскій разгромъ Россіи. Тѣсный союзъ съ побѣдоносной Германіей обезпечилъ бы прочность нашего международнаго и общаго политическаго положенія.

Въ случаѣ, еслибъ со стороны Германіи разгорѣлись неразумные и непомѣрные аппетиты насчетъ Россіи, пришлось бы съ нею поспорить; но такая политика для Германіи того момента, когда ея военное могущество уже было расшатано, была бы настолько неразумна, что трудно было бы и предположить такой исходъ.

Правда, при такомъ оборотѣ событій, трупы господъ Гучкова, Милюкова, Родзянко, Поливанова, Рузскаго и прочихъ дѣятелей по разрушенію и гибели Россіи качались бы на первыхъ попавшихся осинахъ; но велика ли была бы отъ этого бѣда? Сомнѣваюсь. Даже самимъ этимъ „патріотамъ" такой конецъ ихъ политической дѣятельности долженъ бы дать нравственное удовлетвореніе, если только они дѣйствительно искренно завѣряли всѣхъ о своей пламенной любви къ Родинѣ. Въ настоящее время они, вѣдь, и сами не могутъ не понимать, насколько вредны были ихъ жизни для нашего Отечества. Такъ не лучше ли было бы, цѣною имъ приличествующаго эпилога, оградить Россію отъ всѣхъ грянувшихъ на нее напастей?

Такъ думаю я. Но такъ никогда не говорилъ Воейковъ. Такъ солгали тѣ, кому эта ложь была надобна.

Способствуя распространенію подобныхъ слуховъ, которымъ они не потрудились дать опроверженія, Гучковъ и Шульгинъ умолчали о подлогѣ, ими совершенномъ въ ту минуту, когда они дерзнули съ Русскимъ Царемъ говорить отъ имени Россіи, въ то время какъ говорили они отъ имени заговорщиковъ.

Они знали силу духа Царя и Его неустрашимость. Они знали, что угрозами и пытками добиться отъ Него отреченія было невозможно. Поэтому, разыгривая патетическую сцену патріотизма, они рѣшили воздѣйствовать на чувство Государя къ Своей Родинѣ и Своему народу, что имъ и удалось.

Грустнымъ взглядомъ всмотрѣвшись въ нихъ, Государь имъ задалъ жуткій вопросъ:

„Приведетъ ли Мое отреченіе къ благу и счастью Россіи?“

Тѣ вздрогнули, но, овладѣвъ собой, имѣли наглость отвѣтить: „Мы должны доложить Вашему Величеству объ этомъ, какъ народные избранники...“

Лишь послѣ этого состоялось отреченіе. Такимъ образомъ, выбивъ оружіе изъ рукъ вѣрныхъ Присягѣ русскихъ людей, заговорщики сдѣлали ихъ только пассивными зрителями развертывавшихся съ быстротою молніи событій...

Кстати, слѣдуетъ объяснить, какимъ образомъ Гучковъ и Шульгинъ, сей послѣдній даже съ уже готовымъ собственнымъ проектомъ акта отреченія, оказались въ Псковѣ?

Государь ожидалъ къ Себѣ не этихъ господъ, но Родзянко, предсѣдателя Государственной Думы. Почему же онъ не явился?

Для разъясненія этого вопроса, я отвлекусь одной подробностью, довольно интересной.

Какъ только Петроградскій бунтъ принялъ грозные размѣры, Императрица, имѣвшая пребываніе въ Царскомъ Селѣ, вызвала Полковника Гвардейской Конной Артиллеріи, Флигель-адъютанта Линевича, и приказала ему немедленно ѣхать къ Родзянко и передать ему просьбу Ея Величества, обращенную къ нему, какъ предсѣдателю Думы, чтобъ онъ тотчасъ же выѣхалъ навстрѣчу Государю и доложилъ подробно о всемъ происходящемъ.

Выслушавъ отъ Линевича порученіе Государыни, Родзянко очень смутился, покраснѣлъ и наотрѣзъ отказался исполнить просьбу Ея Величества:

„Нѣтъ, не поѣду!... А вдругъ онъ прикажетъ меня повѣсить?“

Очень озадаченный этимъ неожиданнымъ проявленіемъ беззардонной трусости со стороны „маститаго народнаго избранника“, Линевичъ старался его успокоить, завѣряя, что никакой опасности жизнь его не подвергнется. Тогда только Родзянко опомнился, замѣтивъ, какъ не авантажно для его тщеславія прозвучалъ вырвавшійся его cri du coeur, и передъ Линевичемъ старался загладить первое впечатлѣніе:

„Вы понимаете, Полковникъ, что лично я своей жизнью не дорожу и совсѣмъ не боюсь . . . Но что было бы съ Россіей безъ меня? Моя жизнь нужна народу!“ . . .

Неосторожное восклицаніе Родзянко вполнѣ ясно указываетъ на то, что онъ самъ не ошибался въ оцѣнкѣ своихъ предательскихъ дѣйствій по отношенію къ Государю. Бѣда была въ томъ, что мелкая и ничтожная душонка помутилась мечтами о крупной исторической роли.

Для полноты картины, упомянемъ еще о разговорѣ Родзянко съ Рузскимъ по прямому проводу 2-го Марта 1917 г.; изъ сказаннаго имъ мы можемъ заключить, какъ самоувѣренно, но нелѣпо, Родзянко въ тѣ дни возомнилъ себя народнымъ вождемъ, на котораго устремлены всѣ взоры. Въ этомъ разговорѣ мы находимъ и данныя, указывающія на необыкновенно подлое поведеніе Родзянко: это по его приказанію совершенъ вопіющій актъ насилія — арестъ всѣхъ Царскихъ Министровъ; онъ противодѣйствовалъ прибытію вѣрныхъ воинскихъ частей въ Петроградъ, во главѣ со старикомъ Ивановымъ; это онъ завѣрялъ, что „династическій вопросъ поставленъ ребромъ и возврата нѣтъ“ . . .

Изъ этого разговора видно, что дѣйствительно висѣлица была единственнымъ удѣломъ, который заслужилъ себѣ „мятежный камергеръ“ . . .

Іуда-Предатель, совершивъ свое вѣковѣчное злодѣяніе, не могъ вынести кроткаго взгляда своей Жертвы, Божественнаго Учителя, и повѣсился . . .

Предатель-Родзянко также избѣгалъ случая встрѣтиться со взглядомъ Жертвы того Малаго Заговора, въ которомъ онъ принялъ такое видное участіе. Вотъ почему онъ отказался ѣхать въ Псковъ, и взамѣнъ его туда отправились Гучковъ и Шульгинъ . . .

Въ тѣ же первые дни революціи, когда жидки-газетчики не помнили себя отъ радости, что пришлось дожить до такого сокрушенія и посрамленія Россіи, до паденія ея въ бездну, гдѣ ее, искалѣченную, уже поджидали шакалы и гіены; когда, захлебываясь отъ восторга, они наперерывъ сообщали все новыя и новыя „свѣдѣнія“ о Царѣ и Его Семьѣ, имѣвшія цѣлью какъ можно больше уронить въ глазахъ народа высоту Царскаго Имени — они представляли нашего Государя Императора, какъ алкоголика, яко бы пристрастнаго къ спиртнымъ напиткамъ и часто злоупотреблявшаго ими.

И этой клеветѣ русскіе люди повѣрили . . . Они, вообще, туго довѣряютъ правдѣ и искренности, эти русскіе люди, но въ тоже время имъ въ голову можно вбить какую угодно ложь, и они ей свято и нерушимо готовы повѣрить, если только ихъ

настроеніе даннаго момента соотвѣтствуетъ подносимому клеветническому навѣту. Впрочемъ, такова толпа и въ каждой странѣ.

Я имѣлъ счастье, во все продолженіе Царствованія Государя Императора, сравнительно часто видѣть Его Величество въ интимной обстановкѣ, за стаканомъ вина, въ такіе моменты, когда Государь, вполнѣ довѣряя окружавшей Его средѣ, совершенно просто и задушевно велъ длинныя, непринужденныя бесѣды, внѣ параднаго этикета придворной обстановки. Эти бесѣды были всегда интересны, такъ какъ Государь былъ образованный и начитанный человѣкъ, а кромѣ того обладалъ большой памятью, наблюдательностью и природнымъ юморомъ.

Видалъ я Государя въ хорошемъ настроеніи духа; видалъ и въ озабоченномъ, а не то и просто грустномъ, печальномъ, углубленномъ въ собственныя Свои думы.

Всегда я удивлялся выдержкѣ и кажущемуся спокойствію, съ которыми Государь воспринималъ различныя волненія Своей тревожной, безпокойной жизни. Во время Коронаціи, въ Москвѣ, въ самый день Ходынки, я видѣлъ Государя на вечернемъ раутѣ французскаго посла, графа (впослѣдствіи маркиза) Монтебелло. Государь не пожелалъ огорчить хозяина Своимъ отсутствіемъ на этомъ торжествѣ, устроенномъ союзной Франціей, несмотря на угнетавшее Его страшное горе. Вопреки тому, что разсказываютъ теперь разныя еврейскія макулатурныя брошюры, Государь, какъ и разумѣется само собой, принялъ крайне близко къ сердцу извѣстіе о катастрофѣ, глубоко подѣйствовавшее и на Государя и на Государыню, Которая душой никогда уже больше не оправилась отъ этого тяжелаго нравственнаго потрясенія: горестный осадокъ сохранился въ душѣ навсегда.

На этомъ раутѣ Ихъ Величества обходили салоны посольскаго дома съ лицами, бывшими бѣлѣе полотна, но ничто въ спокойномъ, стойкомъ обхожденіи Государя не выдавало Его внутренняго волненія.

Видѣлъ я Ихъ Величествъ и въ день безпорядковъ, сильно тогда раздутыхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Преображенскомъ полку, въ родномъ полку Государевомъ, въ первомъ полку Петровской Гвардіи, куда имѣли неосторожность допустить, въ составъ полкового оркестра, артистовъ-евреевъ, немедленно использовавшихъ это обстоятельство для революціонной агитаціи.

Результатъ вышелъ совсѣмъ незначительный съ точки зрѣнія политической: нѣсколько человѣкъ, попавшихъ въ полкъ изъ развращенной Петербургской рабочей среды, поддались пропагандѣ и оказали нѣкоторое вредное вліяніе на своихъ товарищей. Немедленно принятыя военнымъ начальствомъ строгія мѣры быстро затушили и искоренили духъ

смуты. Но цѣль была достигнута: удалось больно уколоть Государя Императора въ одномъ изъ самыхъ дорогихъ, завѣтныхъ чувствованій Его сердца, а именно въ довѣріи Его къ солдату вообще, а къ Своей родной ротѣ родного батальона родного полка — въ особенности. Государь переживалъ въ тотъ день мучительную драму. Государыня не могла удержаться отъ слезъ: я видѣлъ эти слезы на Ея прекрасномъ, красивомъ одухотворенной красотою, лицѣ. Государь, опять таки, былъ очень блѣденъ, но — совершенно спокоенъ и разговаривалъ все съ тою же поражающей выдержкой.

Много припоминаю и другихъ такихъ же случаевъ; но всего не перечислишь.

Я нарочито упомянулъ объ этой чертѣ Государя Императора ввиду того, что въ еврейскихъ книжкахъ нѣсколько разъ приходилось читать, какъ эту черту старались представить въ видѣ равнодушія и безчувственности. Такое объясненіе является опять или клеветническою ложью, или непониманіемъ силы воли и выдержки изысканно воспитаннаго, умнаго и безконечно добраго, доброжелательнаго человѣка, никого не желавшаго смущать своими личными чувствованіями и переживаніями, къ тому же человѣка, вознесеннаго на безконечно отвѣтственную, торжественную вершину Божіяго Помазанника.

Подобную же выдержку проявлялъ Государь и въ отношеніи вина, которое Онъ охотно пилъ, но всегда очень умѣренно. Это бывало въ исключительные, очень рѣдкіе дни самыхъ большихъ „кутежей“ Государя, когда Онъ позволялъ Себѣ нѣкоторый отдыхъ отъ заботъ и скромнаго распорядка Своей повседневной жизни.

Передамъ мои многократныя наблюденія по этому вопросу, произведенныя именно тогда, когда Государь давалъ Себѣ отдыхъ въ задушевной, интимной обстановкѣ, въ обществѣ хорошо Ему извѣстныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ людей.

Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, бывалъ обѣдъ, около восьми часовъ вечера, послѣ чего Государь оставался еще два, три, а иногда и цѣлыхъ четыре часа, разговаривая, слушая музыку и полковыхъ пѣсенниковъ. На такіе вечера иногда приглашалась и пѣвица Плевицкая: Его Величество очень любилъ ея русскія пѣсни.

Передъ обѣдомъ, Государь выпивалъ одну или двѣ рюмки водки; за обѣдомъ — рюмку мадеры, не больше двухъ стаканчиковъ краснаго вина и одинъ-два бокала шампанскаго.

Послѣ обѣда, за разговоромъ, Государь безконечно долго оставлялъ невыпитымъ стоявшій передъ Нимъ „жбанчикъ“ (равняется маленькому стаканчику для краснаго вина) шампан-

скаго. Я разъ сосчиталъ, что за весь вечеръ Государь выпилъ всего два такихъ жбанчика. Все время пригубливая, Государь обладалъ способностью (или вѣрнѣе — выдержкой) удивительно долго обходиться все однимъ и тѣмъ же полнымъ стаканомъ.

Ни разу въ жизни я не видѣлъ Государя хотя бы мало мальски находящимся подъ вліяніемъ вина. Тоже самое мнѣ говорили и другіе, видавшіе Государя въ подобной же обстановкѣ.

Какъ далеко отъ этой правдивой картины до алкоголизма, о которомъ развязно лгали газетчики — жиды и не жиды . . . Чего только они не лгали . . . .

Можетъ быть даже больше, чѣмъ вокругъ Государя, сосредоточивались ложь, клевета, злоба и ненависть цѣлаго народа вокругъ Имени Государыни Императрицы Александры Өеодоровны.

Недоумѣваешь, когда вспоминаешь объ этихъ злобѣ и ненависти . . . За что? Почему? Я лично считаю, что, независимо отъ Царственнаго Сана, придающаго особое обаяніе Носительницѣ его, Государыня принадлежитъ къ разряду лучшихъ, самыхъ чистыхъ, благородныхъ, сердечныхъ и отзывчивыхъ женщинъ, которыхъ мнѣ въ жизни приходилось встрѣчать. Почему же цѣлый народъ вдругъ сталъ именно Ее — ненавидѣть? Чѣмъ это объяснить? Неужели моей ошибкой и обольщеніемъ? Неужели я такъ слѣпъ или пристрастенъ, что вижу тѣ качества, добродѣтели и достоинства, которыхъ почти никто не видитъ, кромѣ меня, и неужели всѣ эти качества суть только плоды моего воображенія? Но, такъ же какъ и я, говорятъ еще люди, знавшіе Ея Величество болѣе или менѣе близко.

Наконецъ, былъ у меня въ прошломъ, 1919 году, лѣтомъ, такой случай. Я былъ проѣздомъ въ Дармштадтѣ, гдѣ остановился въ мѣстной гостинницѣ. Я замѣтилъ, что прислуживавшій мнѣ молодой келльнеръ, послѣ того, какъ я записалъ свое имя и свою національность, пріобрѣлъ какой то странный, непріязненный видъ, относившійся, насколько я могъ понять, къ моей національности. Заинтересованный этимъ обстоятельствомъ и желая выяснить, въ чемъ тутъ дѣло, я съ нимъ заговорилъ, и почти съ первыхъ же словъ моихъ онъ, съ вызывающимъ видомъ, мнѣ выпалилъ слѣдующую фразу, къ которой, какъ видно было, уже давно подготовился:

„Слава Богу, вамъ, Русскимъ, не удалось домучить нашу дорогую Принцессу Алису. Мы здѣсь имѣемъ свѣдѣнія, что Ей удалось быть спасенной“ . . .

Самая высшая любезность не могла бы мнѣ доставить такого удовольствія и такъ меня разстрогать, какъ эта выходка.

Я успокоилъ милаго мальчика, объяснивъ, что не менѣе, чѣмъ онъ преданъ своей Принцессѣ Алисѣ, я преданъ моей Государынѣ; что радуюсь, какъ и онъ, возможности надѣяться на Ея спасеніе, и что, если Богъ мнѣ дастъ жизни, придетъ время, когда я безпощадно разсчитаюсь за каждый мигъ страданій, претерпѣнныхъ Ея Величествомъ.

Совершенно успокоенный, молодой Дармштадтскій рыцарь сталъ очень любезенъ и разсказалъ объ общихъ чувствахъ его народа къ нашей Государынѣ: „мы Ее такъ сильно, такъ сердечно всегда любили,“ — объяснилъ онъ („wir haben Sie immer so herzlich, so schrecklich geliebt“ — такъ онъ выразился).

Я задумался надъ этимъ случаемъ. Почему такая разница въ оцѣнкѣ одного и того же человѣка? Можетъ быть, потому, что въ маленькомъ Дармштадтѣ ближе и интимнѣе знали свою Принцессу, чѣмъ Русскій народъ — свою Царицу? Или потому, что разные народы, разная чуткость души, разная культура, разное воспитаніе?

Все это, до нѣкоторой степени, можетъ, разумѣется, имѣть значеніе; но главная суть заключается въ еврейской агитаціи, въ безсовѣстныхъ сплетняхъ и досужей лжи русскаго общества, и въ клеветѣ, клеветѣ, клеветѣ . . .

Германское происхожденіе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны выставлялось основаніемъ Ея будто бы усиленнаго пристрастія къ Германіи и Германскимъ интересамъ, яко бы доходящаго до того, что Ея Величество, забывая кровные, жизненные интересы Своего Сына, Его будущность и счастье, все Свое сочувствіе во время войны переносила на сторону нашихъ противниковъ и будто бы даже находилась въ тайныхъ сношеніяхъ со Своими Германскими Родственниками, въ томъ числѣ даже и съ Императоромъ Вильгельмомъ . . . .

Такимъ образомъ, Русскую Царицу осмѣливались обвинять въ предательствѣ Родинѣ тѣ, которые ежечасно предавали и продавали Россію, которые готовили то, что произошло съ момента революціи, когда стараніями всѣхъ этихъ гадовъ, изъ которыхъ не всѣ были жиды, но часть состояла изъ коренныхъ русскихъ людей, — когда стараніями всѣхъ этихъ предателей и враговъ Россіи наша Родина пошла по пути мученичества.

Государыня Императрица была, до Замужества Своего, Гессенъ-Дармштадтской Принцессой и, какъ таковая — разумѣется, Нѣмкой. Августѣйшая Мать Государыни была Англичанкой, Дочерью Королевы Великобританской и Императрицы Индіи, Викторіи. Государыня почти все дѣтство и всю

юность Свои, оставшись безъ Матери, прожила въ Англіи, у Своей Бабушки-Королевы, у которой была любимицей, почти неотлучно при Ней состояла и даже, неоффиціально, была Секретаремъ Ея Величества.

Такимъ образомъ, тѣсное родство Императрицы съ двумя странами Ее связывало близкими узами съ двумя народами, и къ обоимъ Ея Величество, вполнѣ естественно, чувствовала больше пріязни и проявляла больше интереса, чѣмъ, кромѣ Русскаго, къ какому бы то ни было другому, чужому, народу. Было бы странно, еслибы къ этимъ роднымъ народамъ Императрица относилась иначе.

Мы вели войну съ Германіей: клеветникамъ, врагамъ Царскаго Престола, было выгодно выставлять пристрастіе Государыни къ Германіи.

Еслибы мы воевали противъ Англіи, точно такъ же было бы использовано Англійское происхожденіе Императрицы, и точно такъ же, развѣся уши, вѣрили бы русскіе дураки и другой версіи инсинуацій.

Разъ русское общество могло повѣрить существованію между нашей Императрицей и Императоромъ Вильгельмомъ тайнаго телеграфнаго сообщенія, то я имѣю полное нравственное право называть такихъ Русскихъ — дураками и даже не буду пробовать имъ объяснять всю вздорность ихъ легковѣрія, памятуя изреченіе великаго Шиллера, сказавшаго, что „Gegen Dummheit kämpfen selbst Götter vergebens“.

Я имѣлъ счастье знать Государыню съ первыхъ дней Ея воцаренія. Часто видѣлъ Ея Величество близко и имѣлъ счастье удостаиваться Ея разговора и въ немногія свѣтлыя, и во многія горькія минуты Ея жизни. Смѣю вѣрить — и этой увѣренности никто у меня не отниметъ — что знаю свою Государыню хорошо. И какой Ее знаю, я Ее глубоко и благоговѣйно чту и какъ Царицу, и какъ Русскую Женщину, и какъ Мать, и какъ Супругу моего Царя.

Съ момента Своего воцаренія, Государыня вся отдалась новой Своей Родинѣ, Россіи, и, независимо отъ Своихъ родственныхъ узъ, всѣ Свои обязанности Русской Царицы выполняла, по мѣрѣ ихъ пониманія, съ большимъ порывомъ искренней преданности и любви къ народу, къ его Вѣрѣ, къ его Исторіи и къ его будущности.

Честный, благородный, щепетильно-добросовѣстный характеръ Государыни никогда и никакъ не могъ примиряться съ какой либо двусмысленностью положенія, съ какой либо фальшью. Поэтому представляется особенно презрѣнной возмутительная клевета, взводившаяся на Ея Величество, такъ какъ нелѣпость и вздорность этой клеветы не могутъ не быть очевидными для каждаго разумнаго человѣка. Надо было

русскимъ людямъ дѣйствительно заболѣть какимъ то стаднымъ умопомѣшательствомъ, чтобы повѣрить такой неправдоподобной, такой безсмысленной клеветѣ.

Для большей наглядности, я опишу содержаніе двухъ разговоровъ, которыми меня удостоила Императрица два раза за время войны, въ Іюлѣ 1914 года и въ Февралѣ 1916-го. Оба эти разговора длились болѣе часа каждый, и Государыня оба раза говорила очень искренно, интимно, все, что было у Нея на душѣ. Эти разговоры я передамъ и уповаю, что Государыня не посѣтуетъ на меня за отсутствіе скромности.

Я считаю своимъ священнымъ долгомъ раскрывать передъ незнающими и обманутыми людьми все то, что можетъ ихъ ближе познакомить со свѣтлымъ, благороднымъ душевнымъ обликомъ нашей Царицы-Мученицы.

Въ концѣ 1913 года, я покинулъ дѣйствительную строевую военную службу, желая заняться хозяйствомъ въ моемъ имѣніи, а главнымъ образомъ мечтая посвятить больше времени моей семьѣ. Богъ судилъ иначе, и какъ разъ съ 1914 года пришлось разстаться съ семьей. Война застала меня въ деревнѣ, откуда я тотчасъ поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы зачислиться въ Дѣйствующую Армію по Кавалеріи, моему роду оружія: по мобилизаціи я былъ назначенъ командиромъ запаснаго пѣхотнаго полка, что меня смущало, ввиду того, что я совсѣмъ мало знакомъ съ пѣхотной службой. Въ Петербургѣ сначала мои хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Наканунѣ моего пріѣзда, мой родной полкъ уже выступилъ въ походъ, и въ моемъ чинѣ мнѣ было трудно устроиться быстро, ввиду того что тогда, въ самомъ началѣ, всюду было переполненіе штабъ-офицеровъ.

Видя, что въ штабахъ дѣло не ладится, я поѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ имѣла пребываніе Ея Величество Государыня Императрица, и, зная Ея всегда милостивое ко мнѣ отношеніе, позволилъ себѣ, ввиду спѣшности, поступить совсѣмъ противъ придворнаго этикета. Я написалъ Государынѣ письмо, прося Ея Величество принять меня по спѣшному дѣлу, и послалъ его съ нарочнымъ во Дворецъ.

Черезъ часъ, ко мнѣ пришелъ камеръ-лакей и сообщилъ, что въ тоже утро, въ 11 часовъ, Государыня мнѣ назначила пріемъ. Глубоко тронутый такой милостивой отзывчивостью Ея Величества къ моей просьбѣ, сдѣланной въ совершенно некорректной формѣ, при появленіи Ея Величества въ гостиной, гдѣ я ожидалъ пріема — я склонилъ колѣно, доложивъ, что не могу иначе выразить, насколько я разстроганъ такимъ многомилостивымъ вниманіемъ Ея Величества, а особенно въ такое время.

Просьба моя была исполнена, и я черезъ недѣлю уже былъ на Западной Границѣ. Но дѣло не въ моей просьбѣ и не въ

личныхъ моихъ дѣлахъ, никому неинтересныхъ, а въ томъ разговорѣ, который вела Императрица въ теченіи часа съ лишнимъ.

Я обладаю прекрасной памятью и разговоръ этотъ помню, какъ будто бы онъ былъ сегодня, а потому и могу его передать почти дословно. Государыня была очень взволнована, разстроена, но говорила спокойно и очень задушевно. Получалось впечатлѣніе, впрочемъ, какъ всегда и раньше бывало, что Государыня говоритъ обо всемъ, что у Нея на душѣ, открыто высказывая Свои чувства и мысли.

— „Какъ все это ужасно!" — начала Императрица — „и какъ все это неожиданно случилось. Я до сихъ поръ не могу опомниться. Третьяго дня я провожала нашъ полкъ:[1]) кажется, никогда въ жизни я такого горя не испытывала... Во все время Молебна и послѣ него я, какъ ни крѣпилась, не могла сдерживать рыданій. Вѣдь, это такъ ужасно! Прощаться съ этими людьми, которыхъ всѣхъ такъ хорошо знаешь, и знать, что многіе не вернутся... Чувствуешь, какъ будто что то оборвалось въ жизни и уже никогда не возвратится...

Не могу понять, что сдѣлалось съ Императоромъ Вильгельмомъ — какъ могъ онъ рѣшиться на эту войну. Еще такъ недавно, Государь совершенно успокоился и считалъ, что призракъ войны развѣялся и насъ миновалъ, и вдругъ...

Нашъ бѣдный народъ, наша бѣдная Россія! Сколько предстоитъ страданій! Казалось, что впереди разстилалось свѣтлое будущее.... Для нашего народа такъ было важно мирное развитіе и усовершенствованіе его жизни.

И Германія... Эта прекрасная страна, такая благоустроенная, съ такимъ честнымъ, трудолюбивымъ народомъ... Что съ нею будетъ!

Въ нашей конечной побѣдѣ я почти не сомнѣваюсь, особенно если Англія къ намъ присоединится, а можно надѣяться, что такъ и будетъ. Конечно, все въ Волѣ Божіей. Но и при побѣдѣ — сколько до нея прольется крови, сколько будетъ страданій....

Мнѣ иногда кажется, что все это — страшный сонъ. Проснусь — и все окажется по старому.

Я не хочу теперь о себѣ думать: личныя свои чувства отстраняю отъ себя. Но подумайте, въ какомъ трудномъ положеніи я нахожусь относительно всѣхъ близкихъ родныхъ моихъ въ Германіи.

Мой братъ, Великій Герцогъ Гессенскій, посылаетъ противъ насъ Свои войска. Мужъ моей сестры, Принцессы Ирены,

[1]) Лейбъ-Гвардіи Уланскій Ея Величества полкъ, въ которомъ я прослужилъ двадцать лѣтъ.

Принцъ Генрихъ, стоитъ во главѣ дѣйствующаго противъ насъ Флота . . .

Какъ мнѣ это ни больно, но я дала себѣ слово, пока будетъ длиться война, прекратить всякія сношенія съ моими Германскими родственниками. Это необходимо для Русской Императрицы; но, конечно, это будетъ для меня однимъ тяжелымъ испытаніемъ больше."

Затѣмъ разговоръ перешелъ на дѣловой вопросъ.

Отъ имени жены моей, устраивавшей лазаретъ въ нашемъ имѣніи, я просилъ Государыню принять этотъ лазаретъ подъ Свое Покровительство и разрѣшенія присвоить ему дорогое для насъ обоихъ (для жены и меня) Имя Ея Величества.

Немедленно Государыня стала подробно говорить о лазаретѣ и изволила дать нѣсколько очень практичныхъ и дѣльныхъ указаній, которыя приказала передать женѣ.

„Я знаю, что ваша жена очень практична и разумна" — продолжала Государыня — „и меня пойметъ. Не надо въ лазаретѣ вводить ни роскоши, ни какого бы то ни было ненужнаго, внѣшняго излишества. Чѣмъ ровнѣе, болѣе одинаково вездѣ, будутъ содержаться наши раненые — тѣмъ лучше. Возможно больше гигіены; сколько можно, комфортъ и хорошее помѣщеніе; здоровая, сытная, но отнюдь не роскошная, пища, безъ излишнихъ ухищреній — вотъ къ чему надо стремиться. Я — противница такого порядка вещей, когда учредительницы разныхъ лазаретовъ начинаютъ щеголять другъ передъ другомъ разными выдумками и между собой соперничать. Тогда это уже не доброе дѣло дѣлается, а ублаженіе собственнаго самолюбія и тщеславія.

Для всѣхъ насъ началось теперь время великаго труда, на пользу нашихъ страдальцевъ, борцовъ за Родину. Всякія личныя чувства и соображенія должны быть совершенно изъяты изъ нашей жизни."

Послѣ этой памятной для меня встрѣчи, въ самомъ началѣ Крестнаго Пути, по которому пошли Государь и Государыня, а съ ними и Россія — настоящая, наша Россія — я не имѣлъ счастья видѣть Ея Величества въ теченіе полутора лѣтъ. За это время Государыня видѣла нѣсколько разъ мою жену и каждый разъ разспрашивала подробности о томъ, какъ идутъ дѣла въ ея лазаретѣ, и каждый разъ давала снова какіе нибудь полезные совѣты и указанія.

Въ февралѣ 1916 года, пріѣхавъ въ отпускъ съ фронта въ Петроградъ, я черезъ Дворъ Императрицы (на этотъ разъ я былъ корректенъ и, конечно, соблюдалъ всѣ нужныя правила) обратился съ просьбой осчастливить меня пріемомъ, на что тотчасъ и послѣдовало согласіе.

Въ назначенные мнѣ день и часъ, я явился въ Царскосельскій Дворецъ. Какъ всегда величественно красивая, Государыня имѣла видъ усталый и очень печальный. И въ этотъ разъ, аудіенція длилась больше часа.

„Какъ много пережито съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись" — такъ начала Императрица: „и все еще продолжается эта ужасная война, все льется безостановочно кровь. Но скольких нѣтъ уже за эти полтора года, сколько горя вездѣ и всюду . . . Кажется, уже нѣтъ больше ни одной семьи безъ траура . . .

А вы знаете „— оживилась вдругъ немного Государыня — „я вѣдь въ точности сдержала слово, которое, помните, дала себѣ въ началѣ войны. До сихъ поръ выдержала и ни одной вѣсточки, ни одного сношенія съ моими родными въ Германіи такъ и не было ни разу. Сначала было очень тяжело такъ сразу порвать всякую связь со своими близкими; но теперь я уже привыкла къ такому положенію вещей.

Впрочемъ, одинъ разъ, косвенно, я получила свѣдѣнія о нихъ всѣхъ.

Передъ тѣмъ, какъ вдова генерала Самсонова уѣзжала въ Германію искать тѣло своего мужа, она была у меня и предложила что нибудь передать моимъ роднымъ отъ меня. Я рѣшительно отказалась отъ этого предложенія и просила ее не принимать для меня никакихъ писемъ, ни словесныхъ передачъ. Я ни въ какомъ случаѣ не хотѣла допускать какого либо нарушенія положеннаго мною на себя запрета. Я только просила ее узнать, путемъ разспросовъ, живы ли всѣ и здоровы. Она такъ и сдѣлала и, по возвращеніи своемъ, сообщила мнѣ кое-какія свѣдѣнія. Я и этому была рада.

Но еще болѣе рада, что выдержала свое испытаніе, которое считаю совершенно необходимымъ для меня. У насъ имѣется много такихъ злыхъ и несправедливыхъ людей, которые, не имѣя на то никакихъ поводовъ, готовы выдумать самыя неправдоподобныя небылицы. Что же бы было, еслибъ они нашли такой поводъ: самый невинный случай принялъ бы въ ихъ передачѣ самое ужасное значеніе."

Затѣмъ, Государыня много изволила говорить о Наслѣдникѣ, о Великихъ Княжнахъ, разспрашивала о моей семьѣ, о лазаретѣ жены и т. д.

Подъ конецъ, Государыня меня удостоила большого довѣрія: Ея Величество высказала многое, что было у нея затаеннаго на душѣ и что Ее смущало, безпокоило и волновало.

„Много пережито за это время" — повторила Государыня: „это были первыя слова, которыми я васъ встрѣтила сегодня. Но въ ту минуту я имѣла въ виду наши общія, внѣшнія переживанія, очень тягостныя и печальныя. Еще печальнѣе пережи-

ванія внутреннія, черезъ которыя я прошла... Къ сожалѣнію, за время войны, у меня образовалось много горькаго осадка на душѣ, и накопилось много разбитыхъ надеждъ и разочарованій. Я никакъ не думала, что нашъ народъ такъ отнесется къ этой страшной войнѣ. Всѣ какъ будто бы забыли о томъ, что тамъ, на фронтѣ, почти у каждаго сражается за Родину отецъ, братъ, мужъ или сынъ. Каждый думаетъ только о себѣ... Всѣ стремятся къ наживѣ, къ обогащенію насчетъ страданій Родины.

А наше высшее общество! Именно тотъ кругъ людей, который обязанъ своимъ образомъ дѣйствій, своимъ поведеніемъ показывать примѣръ всѣмъ другимъ... Представьте себѣ — мнѣ стало очень тяжело ѣздить въ Петроградъ, гдѣ меня угнетаетъ атмосфера пошлости, пустоты и эгоизма, которая овладѣла тамъ всѣми. Сколько тамъ веселья! Обѣды, ужины, клубы, театры, почти балы... Всѣ веселятся. Дамы другъ друга стараются перещеголять нарядами. Сколько роскоши... Какія деньги тратятся...

Я никакъ не ожидала, что возможно будетъ что либо подобное у насъ въ то время, когда Отечество оказалось въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь.

Я считала нашъ народъ гораздо болѣе патріотичнымъ.

О нашихъ дамахъ я не могу спокойно думать: наряжаться, теперь.... Думать и заботиться о своихъ туалетахъ... Какъ это возможно!

Ни я, ни мои дочери, ни за что не согласились бы теперь надѣть какое нибудь роскошное платье.

Мои дочери еще очень молоды, но я убѣждена, что, еслибъ я имъ и приказала одѣться въ бальныя платья, онѣ упросили бы меня отмѣнить такое приказаніе. Развѣ можно теперь жить свѣтскою жизнью и интересоваться свѣтскими удовольствіями...

И всюду сплетни, пересуды..."

Государыня начала сильно волноваться, и при послѣднихъ словахъ крупныя слезы заблестѣли на Ея глазахъ.

„Какія гадкія мысли у всѣхъ этихъ людей! Я думаю, что надо быть очень скверными людьми, чтобы выдумывать про другихъ такія гадости, какія они выдумываютъ. И главное — вѣрить, что другіе люди способны на такія вещи, которыя про нихъ разсказываютъ. Какими скверными, испорченными надо быть для этого"...

Дальше Государыня не могла сдерживать Своего волненія: видно было, что Ее душили слезы...

Ея Величество быстро со мною простилась, благословила меня и отпустила...

Больше, до сихъ поръ, я не имѣлъ счастья видѣть Ея Величество; но уповаю, что Господомъ Богомъ это счастье мнѣ будетъ еще дано.

Для выясненія духовнаго облика Императрицы, для того, чтобы дать понятіе о глубинѣ той гнусности, которую совершили жидовская клевета и досужая свѣтская сплетня, я дамъ нѣсколько картинъ, правдивыхъ картинъ, взятыхъ изъ жизни, или вѣрнѣе изъ „Житія", со дней революціоннаго бедлама начавшагося для Императорской Семьи.

Мартъ 1917 года. Государственная Дума, по приказанію своихъ господъ, „совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ", постановила рѣшеніе о томъ, чтобы Царская Семья, пребывавшая въ Царскосельскомъ Дворцѣ, считалась на положеніи арестованной, подвластной караулу революціонныхъ солдатъ.

Надо было объявить это рѣшеніе Императрицѣ (Государь тогда еще не возвратился изъ Ставки). Кто же это сдѣлаетъ? По солдатской исполнительности, взялся выполнить эту обязанность революціонный главнокомандующій, генералъ Корниловъ, нашъ доморощенный Лафайетъ.

Хотя и отравленный „кружковской" корпоративностью, психикой, логикой и отдѣльной политикой „Чернаго Войска" (Генеральнаго Штаба), генералъ Корниловъ былъ храбрый солдатъ. Во время войны, онъ велъ себя очень доблестно: два раза былъ раненъ; два раза попадалъ въ плѣнъ къ непріятелю и оба раза, съ большой опасностью для жизни, съ большими трудностями, вырывался изъ плѣна и возвращался въ свою Армію, въ строй, продолжать честную службу Отечеству.

Онъ былъ храбый солдатъ. Но онъ не былъ рыцаремъ, генералъ Корниловъ. Не былъ онъ и умнымъ, вдумчивымъ, глубокимъ человѣкомъ, умѣющимъ вникать въ смыслъ совершающихся событій и понимать ихъ историческое, политическое, общественное и этическое значеніе.

Иначе онъ зналъ бы и чувствовалъ рыцарскія обязанности по отношенію къ Женщинѣ и вѣрноподданническія по отношенію къ Монарху, Которому онъ присягалъ. Иначе онъ зналъ бы, что, подъ обманчивымъ и расплывчатымъ, шаткимъ лозунгомъ „воля народа", онъ подчинялся низменнымъ, злобнымъ инстинктамъ разнузданной черни, почуявшей свою силу и власть. Иначе онъ обнажилъ бы свою шпагу на защиту Невинности, Чести и Правды, и предпочелъ бы идти на смерть, какъ безтрепетно шелъ ей навстрѣчу на многихъ поляхъ пережитыхъ сраженій, нежели принять участіе въ дѣлѣ, рыцаря недостойномъ. Иначе онъ понялъ бы, что, кромѣ Воинской

Доблести, существуетъ еще и другая, Доблесть Гражданская, не менѣе почетная и, пожалуй, болѣе трудная . . .

Утро. Печальное, тревожное утро. Вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями и приближенными фрейлинами, Государыня сидитъ въ Своемъ рабочемъ кабинетѣ. Говорятъ объ ожидаемомъ съ минуты на минуту пріѣздѣ Государя изъ Ставки . . . Передаются слухи и свѣдѣнія, печальные, безотрадные, грозные . . . Хотя и мертвенно блѣдная, но Государыня наружно совершенно спокойна . . .

Ея Величеству докладываютъ о пріѣздѣ генерала Корнилова.

Въ тѣ первые дни, Государыня еще не отдавала Себѣ полнаго отчета во всѣхъ низостяхъ, на которыя окажется способнымъ взбунтовавшійся народъ, и отъ пріѣзда главнокомандующаго еще не ожидала новаго проявленія начавшихся преслѣдованій и издѣвательствъ. Званіе русскаго генерала — казалось Ей гарантіей.

Ея Величество приказала просить генерала Корнилова, и когда онъ вошелъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу и даже имѣла намѣреніе подать руку, выказавъ это намѣреніе невольнымъ движеніемъ . . . Но, со строго-офиціальнымъ лицомъ, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до Государыни, Корниловъ остановился и вытянулся . . . Тогда вытянулась, во весь Свой ростъ, и Государыня, и передъ Царственнымъ, одухотвореннымъ величіемъ Монархини, поблекъ и потухъ мизерный, жалкій видъ революціоннаго воина, пріѣхавшаго выполнять свою обязанность, по приказанію своего начальства, „рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, за грабежи, воровство и мошенничества еще нѣсколько дней тому назадъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ.

Корниловъ отчеканилъ:

„По приказанію временнаго правительства, вслѣдствіе постановленія совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и государственной думы, объявляю Вамъ, что Вы и вся Ваша семья считаетесь арестованными, лишены свободы передвиженія и не имѣете права покидать части дворца, въ которой имѣете проживаніе. Дальнѣйшія распоряженія будутъ Вамъ сообщены дополнительно.“

Какъ мраморное изваяніе, выслушала Государыня это извѣстіе, бывшее однимъ изъ первыхъ предтечъ грядущихъ мукъ. Ни одинъ мускулъ на лицѣ Ея Величества не дрогнулъ. Въ это время истерически зарыдала одна изъ фрейлинъ. Императрица остановила ее строгимъ внушеніемъ:

„Пожалуйста, успокойтесь и научитесь сдерживаться. Надо беречь нервы и свои, и своихъ близкихъ. Это есть только начало многаго, что еще насъ ожидаетъ, и гораздо худшаго.

Мы должны быть вооружены твердостью духа предъ испытаніями, Богомъ ниспосланными. Выпейте воды, успокойтесь и будьте тверды."

Затѣмъ, обратясь къ Корнилову, Ея Величество сказала:

„Я рада, генералъ, что именно вамъ выпало судьбой быть вѣстникомъ нашего ареста. Вы сами были лишены свободы, перенесли муки заточенія и знаете, что это значитъ . . .

Я вынуждена подчиниться распоряженію вашего правительства и въ точности исполню его требованія. Я прошу только объ одномъ: чтобы не препятствовали ежедневному пріѣзду врачей къ моимъ дѣтямъ, которыя опасно больны. Больше не имѣете ничего мнѣ передать, генералъ?"

На отрицательный отвѣтъ, Государыня легкимъ наклономъ головы отпустила генерала, который вышелъ несравненно менѣе самоувѣренно, чѣмъ вошелъ.[1])

Апрѣль 1917 года. Тотъ же Царскосельскій Дворецъ. Государыня сидитъ въ Своей комнатѣ со Своей фрейлиной, Графиней Гендриковой. И Графиня, и ея братья, своей доблестью записали свои честныя имена на красивую страницу Русской Исторіи, ибо они были одни изъ немногихъ, которые въ несчастіи остались непоколебимо вѣрными, преданными, любящими и самоотверженными. Они всѣ имѣютъ полное право на почетное званіе „des courtisans du malheur".

Государыня въ очень печальномъ настроеніи, и со слезами на глазахъ.

Эти слезы — да и то рѣдко — могутъ видѣть только самые близкіе Ея Величеству люди. При постороннихъ — холодная, гордая неприступность истиннаго величія заставляетъ вспоминать объ античныхъ героиняхъ и препятствуетъ палачамъ злорадно насладиться видомъ страданій своей Жертвы.

Въ то время, которое я вызвалъ воспоминаніемъ, Государыня еще думала, что и Государь, и вся Царская Семья будутъ имѣть возможность скоро выѣхать заграницу. Она еще не знала, что безпощадная, жгучая злоба израильскаго племени такъ легко не выпускаетъ жертвъ изъ своихъ сатанинскихъ когтей; что разнуздавшіяся страсти подонковъ русскаго

[1]) Какъ мнѣ разсказывали лица, хорошо знавшія генерала Корнилова, онъ никогда не могъ простить себѣ, послѣ, своего постыднаго поведенія при арестѣ Царской Семьи. Онъ ждалъ себѣ возмездія за это и говорилъ близкимъ людямъ, что радъ будетъ искупить свою невольную вину смертью.

Быть можетъ, въ послѣднюю минуту, когда рвалась граната, его убившая, свою прощальную мысль, свой послѣдній привѣтъ онъ посылалъ Тѣмъ, предъ Которыми былъ безмѣрно виноватъ.

Если это такъ, то негоже тамъ, гдѣ свершился Судъ Божій, произносить свой судъ человѣческій . . . .

народа также пожелают использовать власть своего насилія надъ Тѣми, Которые олицетворяли Собой все могущество, всю славу, всю доблесть Россіи.

Не знала еще всего этого Государыня, а потому, ожидая скораго изгнанническаго прозябанія заграницей, говорила Графинѣ Гендриковой слѣдующее.

„Меня угнетаетъ мысль о нашемъ скоромъ отъѣздѣ заграницу. Покинуть Россію мнѣ будетъ безконечно тяжело... Хоть я и не Русской родилась, но сдѣлалась ею. За двадцать три года Царствованія, когда всѣ интересы, вся жизнь Россіи были такъ неразрывно близки и дороги, я забыла и думать о томъ, что по рожденію я — не Русская.

Даже теперь, несмотря на все, что мы испытываемъ, я Русскій народъ не виню и продолжаю его всей душою любить и жалѣть. Онъ обманутъ, этотъ несчастный народъ, и самъ страдаетъ, и сколько еще будетъ страдать...

Чѣмъ жить гдѣ-нибудь въ Англіи, въ королевскомъ замкѣ, на положеніи почетныхъ изгнанниковъ, я предпочла бы, чтобы намъ дали какой нибудь маленькій, безвѣстный уголокъ земли, но здѣсь, у насъ, въ Россіи"...

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что нельзя назвать вполнѣ несбыточными иллюзіями ожиданія Государыни Императрицы скораго переѣзда Императорской Семьи въ Англію. Какъ разъ въ то время, именно въ Апрѣлѣ 1917 года, были серьезные разговоры объ осуществленіи этого проекта, за который стоялъ никто иной, какъ... Керенскій.

Керенскій, всегда мечтавшій о томъ, какъ бы ему разыграть какую нибудь видную, эффектную роль, составилъ даже цѣлый планъ этого переѣзда: онъ, въ качествѣ морского и военнаго министра, принимаетъ на палубу русскаго корабля Императорскую Семью, выходитъ въ открытое море и тамъ, встрѣтившись съ англійскимъ кораблемъ, передаетъ англійскому адмиралу священное Наслѣдіе Старой Россіи.

Само собой разумѣется, что со стороны англійскаго короля и англійскаго правительства ожидалось полное сочувствіе задуманному плану, и не сомнѣвались въ положительномъ результатѣ, когда обратились за содѣйствіемъ къ англійскому послу, сэру Джорджу Бьюкэнену. Для переговоровъ избранъ былъ Его Императорское Высочество Князь Александръ Георгіевичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій, бывшій близкимъ человѣкомъ въ домѣ посла, мечтавшаго, кажется, о женитьбѣ этого русскаго Великаго Князя на его дочери.

Отвѣтъ посла на обращенную къ нему просьбу былъ чрезвычайно характеренъ. Онъ наотрѣзъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи подъ тѣмъ предлогомъ, что пребываніе Русской Императорской Семьи въ Англіи могло бы вызвать „непріятныя

осложненія и затрудненія" какъ для его короля, такъ и для его правительства.

Этотъ эпизодъ ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается; но мы только напомнимъ читателямъ, что сэръ Джорджъ Бьюкененъ числится масономъ одной изъ высокихъ степеней.

Кстати, разъ уже зашла рѣчь объ англійскомъ безпощадномъ, невозмутимомъ безсердечіи, припомнимъ, что, гораздо позже, когда Царской Семьѣ со всѣхъ сторонъ уже угрожали многообразныя опасности, нѣкоторыя лица обратились къ генералу Ноксу, англійскому военному агенту въ Россіи, пользовавшемуся большимъ вліяніемъ въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, когда то удостоенному милостивымъ вниманіемъ Государя, съ горячей просьбой помочь въ мѣрахъ, принимавшихся ради спасенія драгоцѣнныхъ для Россіи жизней.

Отвѣтъ англійскаго военнаго агента соотвѣтствовалъ отвѣту англійскаго посла.

„Англія" — сказалъ Ноксъ, „въ настоящее время нисколько не заинтересована въ судьбѣ Русской Императорской Семьи"...

Май 1918 года. Частная петербургская квартира, разгромленная красноармейцами. Въ комнатѣ собралось нѣсколько близкихъ между собою людей: близкихъ по пережитымъ испытаніямъ, близкихъ по переживаемымъ чувствамъ, близкихъ по надеждамъ, упованіямъ и чаяніямъ.

По рукамъ ходитъ какая то открытка, на которой написано нѣсколько строкъ... Эти дорогія строки читаются съ благоговѣніемъ, ибо написаны онѣ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной и, черезъ вѣрную „оказію", только что пересланы изъ Тобольска. На открыткѣ — фотографія съ домомъ, который отмѣченъ крестикомъ. Содержаніе этой записки очень кратко:

„Думаемъ о васъ всѣхъ и о страданіяхъ, которыя вы претерпѣваете. Недавно мой сынъ былъ очень боленъ: теперь, слава Богу, поправляется. Среди испытаній, стараемся сохранить силы духа. Молитва насъ много подкрѣпляетъ и поддерживаетъ... Молю Господа Бога, да спасетъ Онъ Россію и нашъ несчастный, обманутый народъ. Молитесь и вы, молитесь за народъ нашъ и не злобствуйте на него: онъ не такъ виноватъ, какъ вамъ кажется, его самого обманули, и онъ тоже много страдаетъ. Христосъ съ Вами! А."

Клевета! Какое это гнусное, но сильное, могучее оружіе въ рукахъ подлеца, разъ она могла забрызгать своей грязью самый чистый домъ Россіи — Домъ Императора Николая II, и разъ тлетворное ея вѣяніе могло принести столько горя,

страданій и мукъ самой чистой, благородной, высоко одухотворенной и нравственной русской семьѣ — Царской Семьѣ..

Въ этой же главѣ надлежитъ вспомнить объ имѣющемся документѣ громаднаго историческаго и политическаго значенія — запискѣ В. М. Руднева, члена чрезвычайной слѣдственной комиссіи, учрежденной временнымъ правительствомъ: Рудневу поручено было обслѣдованіе жизни и политики Россійскаго Императора.

На свое несчастіе, временное правительство, въ лицѣ Руднева, случайно напало на порядочнаго человѣка, неспособнаго кривить душой и нарушить обязанности своей человѣческой и судейской чести.

Жиды предвкушали много грязнаго удовольствія отъ этой затѣи временнаго правительства, ибо кто-кто, какъ не они, умѣютъ невинное происшествіе ложью и инсинуаціями превратить въ чудовищное преступленіе, такъ же какъ къ небу вопіющее злодѣйство (вспомнимъ, хотя бы, Андрюшу Ющинскаго) свести на нѣтъ.

Своими разсказами они умѣли такъ гипнотизировать толпу, что она дѣйствительно ожидала найти доказательства всякихъ ужасовъ, якобы творившихся Царскимъ Правительствомъ. Когда, въ Мартовскіе же, первые дни „великой, безкровной русской революціи", воры и убійцы, Керенскимъ освобожденные изъ тюремъ, разгромили всѣ Петроградскіе полицейскіе участки и самый Департаментъ Полиціи, они всюду искали орудій и слѣдовъ средневѣковыхъ пытокъ и очень удивлялись, что ихъ нигдѣ не находили.

Не одни „уголовники" были такъ наивны: съ ними вмѣстѣ, этихъ орудій доискивались и студенты, и курсистки, и всякая прочая Петроградская „интеллигенція".

Нѣтъ, господа: пытки пришли какъ разъ съ водворенія „великой и т. д." революціи, принесенныя и введенныя въ дѣйствіе Керенскими, Черновыми, „бабушками" и прочими. Справьтесь, какъ умирали несчастные офицеры, какъ умеръ замученный Штюрмеръ, какъ обходились съ Царскими Министрами въ Петропавловской Крѣпости. Вотъ гдѣ были пытки . .. да не средневѣковыя, а древне-еврейскія, изъ глубины вѣковъ мрачнаго, преступнаго, изувѣрскаго прошлаго воскрешенныя русскими іудеями въ Россіи, венгерскими іудеями въ Венгріи и т. д.

Но я отвлекся . . . Возвращаюсь къ честному Рудневу, выказавшему много гражданскаго мужества именно тогда, когда большинство русскихъ людей поражало своимъ малодушіемъ.

Когда, по окончаніи слѣдствія, В. М. Рудневъ явился съ докладомъ къ главѣ правительства, Керенскому, то, на вопросъ послѣдняго о результатѣ дѣла, резюмировалъ ему свои труды словами:

„Я просмотрѣлъ всѣ Архивы Дворцовъ, Личную переписку Государя, и могу сказать: Императоръ чистъ, какъ кристаллъ."

Очень скоро послѣ такого доклада, В. М. Рудневъ вынужденъ былъ выйти изъ состава комиссіи, такъ какъ Керенскій ему препятствовалъ объективно относиться къ даннымъ произведеннаго имъ разслѣдованія.

Казалось бы, что все уже сказано о томъ, что я имѣлъ въ виду разсказать о клеветѣ, преслѣдовавшей Царскую Семью... Но нѣтъ.... Воспоминанія нагромождаются въ памяти, и возстаютъ все новые факты, эпизоды и случаи, характеризующіе тѣ или другіе моменты недавно пережитаго прошлаго.

Сколько было изъ тѣхъ, кто такъ злобно-ретиво разносилъ и распространялъ клевету про Царя и Царицу, которые дѣйствительно вѣрили въ истину этой клеветы. Многіе, далекіе отъ Престола Царей Всероссійскихъ, совершенно незнакомые съ бытомъ и укладомъ Царской Семьи, совершенно не понимали, что, сѣя предубѣжденіе и ненависть противъ этой Семьи, тѣмъ самымъ, думая служить высокимъ нравственнымъ началамъ и мня ополчаться противъ несправедливости, угнетенія и насилія, на самомъ дѣлѣ вели войну противъ высшихъ нравственныхъ началъ, которыя олицетворялись въ одухотворенныхъ, чистыхъ обликахъ Государя, Государыни и Ихъ, одаренныхъ незаурядными душевными качествами, благородныхъ, любящихъ и стойкихъ въ доблестяхъ чести и честности, Дѣтей.

Не знаю, какъ было въ прежнія, суровыя и жестокія времена средневѣковья, хотя думаю, что относительно, въ сравненіи съ общими нравами данной эпохи, всегда было тоже самое; но теперь, въ наше время — говорю это вполнѣ убѣжденно и увѣренно — въ дворцахъ монарховъ вообще всѣхъ странъ и народовъ обрѣтается почти всегда проявленіе высшихъ человѣческихъ добродѣтелей и очищенныхъ, облагороженныхъ стремленій духа къ развитію и совершенствованію. Это убѣжденіе, вынесенное мной изъ опыта и наблюденій уже длинной жизни, получаетъ особенно яркое подтвержденіе на примѣрѣ Семьи Императора Николая Александровича, являющей образецъ особенно тонкаго развитія нравственной чистоты и духовнаго совершенства.

И противъ этой то Семьи яростно ополчились грубые, злые, невѣжественные люди... Можетъ быть, именно тотъ фактъ, что Семья эта представляла образецъ истинно Христіанской семьи, и былъ причиной, почему вожаки революціоннаго

движенія съ такой безпощадностью и злобой накинулись на намѣченныхъ жертвъ?

Здѣсь чрезвычайно умѣстно будетъ вспомнить о состояніи смущенія и волненія, въ каковомъ пребывалъ Керенскій въ первые же дни послѣ переворота, когда онъ имѣлъ случай, „по обязанностямъ службы", приблизиться къ Государю и ознакомиться со свѣтлой личностью Того, Кого онъ былъ заклятымъ врагомъ и слѣпымъ, фанатичнымъ ненавистникомъ.

Свѣдѣнія о впечатлѣніи, вынесенномъ Керенскимъ отъ первой же встрѣчи съ Государемъ Императоромъ, намъ даютъ записки госпожи Добровольской, вдовы послѣдняго Царскаго Министра Юстиціи, Николая Александровича Добровольскаго, въ первый же день переворота арестованнаго временнымъ правительствомъ и впослѣдствіи разстрѣляннаго большевиками.

Въ то время, какъ Царскій Министръ былъ водворенъ въ одну изъ камеръ Петропавловской Крѣпости, революціонный министръ, Керенскій, въѣхалъ въ домъ Министра Юстиціи, гдѣ засталъ еще госпожу Добровольскую, не успѣвшую выѣхать, да и не имѣвшую возможности, въ тѣ смутные дни, найти себѣ гдѣ-либо пристанище.

Новый „сановникъ", желавшій показать себя въ наилучшемъ свѣтѣ и „въ грязь лицомъ не ударить", попавъ неожиданно въ необычное положеніе, постарался выказать изысканную любезность. По отношенію къ женѣ своего законнаго предшественника, незаконный преемникъ велъ себя въ эти первые дни вполнѣ корректно: при знакомствѣ, онъ поцѣловалъ руку госпожи Добровольской, предложилъ ей сохранить свою квартиру, пока не найдетъ себѣ другой, и просилъ разрѣшенія въ свободное время къ ней заходить, чтобъ „подѣлиться мыслями и отдыхать отъ заботъ и суеты дневной сутолоки."

И дѣйствительно, Керенскій довольно часто къ ней заходилъ и велъ съ ней откровенные разговоры. Какъ то разъ, сидя у нея, Керенскій почувствовалъ себя дурно: замѣтивъ его болѣзненное состояніе, госпожа Добровольская поспѣшила принести валеріановыя капли и предложила своему гостю ихъ принять. Это предложеніе вызвало большое волненіе со стороны Керенскаго: онъ съ подозрительностью осмотрѣлъ предлагавшійся ему пузырекъ съ лѣкарствомъ, дико уставился въ лицо своей собесѣдницы, какъ будто бы старался раскрыть правду въ ея глазахъ; затѣмъ, усмѣхнувшись, погрозилъ пальцемъ и сказалъ: „Нѣтъ, сударыня, Вашимъ предложеніемъ я не воспользуюсь ... Неужели Вы считаете меня настолько наивнымъ?" ...

Сначала удивленная, госпожа Добровольская ничего не понимала въ таинственномъ видѣ и намекахъ перепуганнаго „министра"; но затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, догада-

лась, что храбрый адвокатъ боится, какъ бы она его не отравила, и отъ души расхохоталась. Взявъ обратно бутылку съ лѣкарствомъ, она тутъ же налила себѣ нѣсколько капель, выпила ихъ и вернула Керенскому, уже начинавшему конфузиться за выказанную имъ трусость, со слѣдующими словами:

„Пейте спокойно это лѣкарство, господинъ министръ, и не опасайтесъ какихъ-нибудь маккіавелистическихъ намѣреній съ моей стороны... Подумайте сами — какой бы смыслъ былъ въ томъ, что я бы Васъ отравила? Вѣдь, вмѣсто васъ нашелся бы немедленно такой же замѣститель".

Черезъ нѣсколько дней по водвореніи Керенскаго въ домѣ Министра Юстиціи, ночью, когда госпожа Добровольская уже спала, она услышала стукъ въ дверь своей спальни: оказалось, что служитель пришелъ ее просить отъ имени Керенскаго поскорѣе одѣться и придти въ его кабинетъ, гдѣ онъ ждетъ ее по очень важному дѣлу.

Встревоженная этимъ экстреннымъ вызовомъ, она наскоро одѣлась и поспѣшила къ „министру", котораго застала въ очень возбужденномъ состояніи, нервно бѣгающимъ взадъ и впередъ по кабинету...

„Простите, что Васъ обезпокоилъ" — обратился Керенскій къ ней, какъ только она вошла — „но мнѣ необходимо было подѣлиться съ Вами только что пережитыми впечатлѣніями, глубоко меня взволновавшими. Знаете ли, откуда я только что пріѣхалъ?... Изъ Царскаго Села, гдѣ я только что видѣлъ Государя Императора и разговаривалъ съ Нимъ...

Какое несчастіе случилось! Что мы надѣлали.... Какъ могли мы, Его не зная, сдѣлать то, что мы совершили. Понимаете ли, что я совершенно не того человѣка ожидалъ увидѣть, какого увидѣлъ.. Я уже давно приготовился къ тому, какъ я начну мой разговоръ съ Царемъ: я собирался, прежде всего, назвать Его „Николай Романовъ"... Но я увидѣлъ Его, Онъ на меня посмотрѣлъ Своими чудными глазами, и... я вытянулся и сказалъ — „Ваше Императорское Величество"... Потомъ Онъ долго и много говорилъ со мной... Что это за разговоръ былъ! Какія у Него одновременно и царственная простота, и царственное величіе! И какъ мудро и проникновенно Онъ говорилъ... И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость къ людямъ... Понимаете ли, что это есть идеалъ народнаго Правителя! И Его то мы свергли, Его то окрутили своимъ заговоромъ! Мы оказались величайшими преступниками..."

Долго еще Керенскій, въ истерическихъ восклицаніяхъ, изливалъ свое отчаяніе и свое раскаяніе.

Дня черезъ три, Керенскій опять пришелъ къ госпожѣ Добровольской, разстроенный и тревожный, и очень просилъ

ее забыть ихъ ночной разговоръ и никому о немъ не разсказывать: иначе, какъ объяснилъ Керенскій, ему отъ его единомышленниковъ грозили большія непріятности.

Госпожа Добровольская отказалась дать обѣтъ молчанія по поводу этого разговора: напротивъ того, честно предупредила Керенскаго, что при первой возможности она напечатаетъ воспоминанія объ этой памятной ночи. Такъ она и сдѣлала.

Читателя долженъ удивить разсказъ госпожи Добровольской. Мы настолько подробно и всесторонне ознакомлены съ отвратительной, пошлой фигурой Керенскаго, что упоминаніе о его раскаяніи, хотя бы кратковременномъ, и о впечатлѣніи, произведенномъ на презрѣннаго проходимца чарующимъ нравственнымъ обликомъ нашего Государя, кажется намъ вымысломъ, въ примѣненіи къ гаденькой душонкѣ того, кто такъ удачно олицетворилъ своей личностью весь крикливый и ничтожный, трагическій и балаганный характеръ перваго фазиса русской революціи.

Въ мрачныхъ воспоминаніяхъ не всегда легко дать мѣсто полному безпристрастью при оцѣнкѣ людей и событій пережитаго времени. Этотъ новый штрихъ, дополняющій характеристику Керенскаго, совершенно расходится съ нашими представленіями. Между тѣмъ, мы не должны быть узкими и пристрастными: вспомнимъ, что человѣкъ, со всѣмъ сложнымъ, запутаннымъ клубкомъ своихъ внутреннихъ переживаній, никогда не укладывается въ рамкахъ субъективнаго опредѣленія. Мы должны и того не упустить изъ виду, что даже и злѣйшіе преступники, не лишенные способности понимать себя самихъ объективно, часто умѣютъ давать себѣ соотвѣтственную оцѣнку.

Кромѣ того, надо знать, что Керенскій, бывшій мимолетнымъ, но все же очень популярнымъ „героемъ" для ликующествовавшихъ Россіянъ, является не только „неуравновѣшеннымъ", какъ принято деликатно выражаться, но прямо-таки психически больнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Поэтому, отъ него всегда можно ожидать непослѣдовательныхъ и несообразныхъ поступковъ.

Многіе, характеризуя русскую революцію, называютъ ее то „пожаромъ въ „веселомъ" домѣ", то — „пожаромъ въ сумасшедшемъ домѣ". Какъ ярко дополняетъ такую характеристику тотъ фактъ, что революція въ дѣйствительности была возглавлена ненормальнымъ человѣкомъ. Пожалуй, и нынѣшній глава революціи, при ближайшемъ освидѣтельствованіи психіатровъ, былъ бы также признанъ кандидатомъ въ желтый домъ.

Что же касается Керенскаго, то мы имѣемъ опредѣленное мнѣніе врача-психіатра Р., пользующагося большой извѣстностью въ Финляндіи: онъ вполнѣ увѣренно признаетъ Керен-

скаго душевно больнымъ, подлежащимъ контролю и наблюденію врача.

Этотъ докторъ Р., сынъ популярнѣйшаго въ Финляндіи поэта-патріота, разсказывалъ, что въ началѣ девятисотыхъ годовъ къ нему въ клинику, въ состояніи полнаго безумія, привезли молодого Керенскаго, бывшаго тогда, какъ и позже, до самой революціи, мелкимъ адвокатомъ. При освидѣтельствованіи оказалось, что болѣзнь происходитъ отъ какихъ то наростовъ въ мозгу. Была сдѣлана операція (трепанація черепа), послѣ которой больной сталъ медленно поправляться. Онъ прожилъ у Р. больше шести мѣсяцевъ, пока не было признано возможнымъ его выпустить.

Р. однако считаетъ мозговую болѣзнь Керенскаго неизлѣчимой и признаетъ, что полной нормальностью своихъ умственныхъ способностей онъ пользоваться никогда не будетъ.

Съ тѣхъ поръ, Р. пришлось еще разъ встрѣтиться съ Керенскимъ, уже жившимъ въ Зимнемъ Дворцѣ и управлявшимъ Россіей. Р. понадобилось просить помощи Керенскаго для спасенія близкаго ему человѣка, старика И. Л. Горемыкина, который, одновременно съ другими Царскими Министрами, былъ заключенъ въ Петропавловскую Крѣпость.

Встрѣченный очень радушно своимъ бывшимъ паціентомъ, вспомнившимъ съ благодарностью о своемъ исцѣленіи, Р. получилъ полное удовлетвореніе по своей просьбѣ. Видимо рисуясь и въ жестахъ, и въ разговорѣ, Керенскій выдалъ подписанное имъ приказаніе объ освобожденіи Ивана Логгиновича, прибавивъ, что нѣтъ такой просьбы, которую онъ не исполнилъ бы для своего спасителя.

„Кстати" — спросилъ онъ — „гдѣ Вы остановились? Я очень хотѣлъ бы, чтобы Вы пользовались моимъ гостепріимствомъ, въ память того, какъ я когда то пользовался Вашимъ. Переѣзжайте ко мнѣ во дворецъ. Хотя ко мнѣ уже много понаѣхало гостей и постояльцевъ, но мѣста всѣмъ хватитъ. Какъ разъ у меня еще свободна кровать Николая. Не хотите ли воспользоваться?"

Р. поспѣшилъ отказаться отъ приглашенія. Сдѣлавъ доброе дѣло, онъ немедленно уѣхалъ обратно въ Финляндію.

Р. еще разсказывалъ, что, за время леченія Керенскаго, онъ, по конструкціи черепа и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, вполнѣ точно констатировалъ семитическое происхожденіе своего паціента.

Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что, впервые встрѣтившись со свѣтлой Личностью Государя, даже такой человѣкъ, какъ Керенскій, не могъ, хотя бы временно, не подпасть подъ чары чистой души и тонкой духовной сущности нашего Царя. Однако, приходилось бороться противъ „опасныхъ" чаръ, ибо

соображенія о личной выгодѣ и о зависимости своей отъ тѣхъ, кѣмъ былъ поставленъ, заставляли Керенскаго, какъ мы видимъ изъ разсказа госпожи Добровольской, подавить въ себѣ покаянный порывъ, грозившій невыгодными послѣдствіями . . .

Я знаю еще случай, когда душа Государя воздѣйствовала на другую, на этотъ разъ чистую, душу — несравненно сильнѣе.

Это произошло во времена третьяго созыва Государственной Думы. Одинъ изъ правыхъ членовъ Думы сблизился въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ депутатомъ отъ крайней лѣвой, съ трудовикомъ. Этотъ трудовикъ былъ дѣйствительно идейнымъ и вообще являлъ собой примѣръ, встрѣчавшійся иногда среди нашей интеллигенціи, человѣка высокихъ альтруистическихъ и гуманныхъ воззрѣній, вполнѣ честнаго и благороднаго, несмотря на крайность своихъ политическихъ убѣжденій. Я поставилъ нарѣчіе „несмотря" потому, что, среди нашихъ революціонныхъ круговъ, очень далекихъ отъ какой бы то ни было этики, такія положительныя свойства встрѣчаются рѣдко.

У крайняго праваго и крайняго лѣваго установились очень хорошія личныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи и общности многихъ сходныхъ точекъ зрѣнія.

Какъ то разъ правый, въ частномъ разговорѣ, разсказалъ Его Величеству объ этой странной близости, установившейся между ними.

Государь отвѣтилъ:

„Ничего страннаго въ этомъ случаѣ не вижу. Нахожу, что все произошло у васъ вполнѣ нормально и естественно. Встрѣтились два порядочныхъ человѣка и съумѣли освободиться отъ партійныхъ перегородокъ. Эти перегородки всегда чрезвычайно искажаютъ простыя, искреннія человѣческія взаимоотношенія. Въ результатѣ, оба оцѣнили другъ друга и навѣрное оба выиграли отъ своего общенія, и не только какъ вообще хорошіе люди, но и какъ политическіе дѣятели".

На слѣдующій день, правый депутатъ разсказалъ объ этомъ разговорѣ трудовику. Тотъ дико на него посмотрѣлъ и молча отошелъ.

Однако, еще черезъ день, трудовикъ самъ искалъ встрѣчи со своимъ пріятелемъ, подошелъ къ нему и, сильно волнуясь, сказалъ:

„Вы вчера всю душу мнѣ перевернули . . . Я всю ночь проплакалъ . . . Какую хорошую и глубокую мысль высказалъ Государь Императоръ . . . Какъ жалко, что мы, лѣвые, такъ мало знаемъ . . . Какъ жалко, что мы имѣемъ такія превратныя свѣдѣнія" . . .

VII.

Въ сѣтяхъ масонской паутины.

„Смѣсь французскаго съ нижегородскимъ". Адмиралъ Колчакъ. Два Смутныхъ Времени. Федька Андроновъ — прообразъ Керенскаго. Параллели XVIII и XX Вѣковъ. Сплоченная сила Израиля. „Великая" французская революція. Двѣ красныя сестры. Масонство и Англія. Реформація. Вейсгауптъ. Амшель Мейеръ и домъ Ротшильдовъ. Синедріонъ „Князья изгнанія." Французскіе энциклопедисты и русская литература предъ революціей. Старые пріемы на новый ладъ. Три очерка русской жизни. Самодержавіе и евреи. Мнѣніе Петра Великаго о евреяхъ. Мертвая буква закона и жизнь. Правда Воли Монаршей. Символическій Змѣй. Французскіе Генеральные Штаты и русская Государственная Дума. Травля Короля, травля Королевы! Травля Государя, травля Государыни! Неудачи кадетской партіи. Путеводныя нити въ лабиринтѣ масонства. Французская Королева. Почему Король Людовикъ XVI взошелъ на эшафотъ подъ чужимъ именемъ. Церемонія принятія въ масонскую ложу Принца Филиппа Орлеанскаго. Русская Императрица. Принцесса Де-Ламбаль. А. А. Вырубова. Упорный полковникъ. Калліостро. Дѣло жемчужнаго ожерелья. Распутинъ. Русскіе знахари-тайновѣды. Старчество. Безспорная посвященность Калліостро и спорное невѣдѣніе Распутина. Игра на мистицизмѣ. „Въ туманѣ Грядущаго". Письмо друга. Предсмертная бесѣда Распутина со старой патріоткой. Совпаденія, итоги и выводы.

„Знаешь признаки Антихристовы — не самъ одинъ помни ихъ, но и всѣмъ сообщай щедро."

Св. Кириллъ Іерусалимскій.

Паутина ли? Дѣйствительно ли русская революція является результатомъ не-русскаго, наносного заговора тайныхъ іудейско-масонскихъ міровыхъ организацій, какъ мы это утверждаемъ на многихъ страницахъ этого труда, какъ мы убѣждены въ томъ на основаніи многихъ, неопровержимыхъ документовъ и фактовъ, и какъ убѣждаетъ насъ въ томъ же логическій ходъ нашей мысли?

Намъ могутъ возразить, пожалуй, нѣкоторые слѣпые, поверхностные, а не то и пристрастные, люди, что напрасно, въ непровѣренныхъ (по ихъ мнѣнію) дебряхъ масонства и въ преступной грязи жидовскаго кагала мы ищемъ объясненій тому, что вполнѣ достаточно, можетъ быть, уяснялось бы Рус-

ской Исторіей, характерными особенностями народнаго духа и „крайностями русскаго царизма“ — какъ выражаются еврейскіе писаки — якобы доведшаго Россію до послѣднихъ степеней угнетенія, „переполнившихъ чашу народнаго терпѣнія“.

Намъ укажутъ на разительное сходство всѣхъ русскихъ бунтовъ, на то, что революція наша проявляется часто до смѣшного похожей на „Первое Смутное Время“, на „Пугачевщину“, „Разинщину“, на бунты Аракчеевскихъ военнопоселенцевъ, на многія другія, бурныя, трѣвожныя эпохи нашей Исторіи. Такъ почему же — могутъ намъ сказать — искать какого то внѣшняго фактора, вліяющаго на ходъ русскихъ событій, тамъ, гдѣ воочію проявляется собственная, внутренняя жизнь русскаго народа, гдѣ признаки этихъ проявленій подтверждаются и историческими данными, и знаніемъ, пониманіемъ народнаго характера?

Такіе доводы могли бы поставить втупикъ кого либо изъ тѣхъ анекдотическихъ иностранцевъ, которые когда-то поражали насъ своимъ невѣжественнымъ незнаніемъ Россіи, или тѣхъ, увы, многочисленныхъ русскихъ обывателей, которые жили размѣреннымъ укладомъ своей маленькой, мелочной жизни и, дальше своихъ личныхъ, ограниченныхъ интересовъ обыденнаго прозябанія, не умѣли и не желали вникать въ ширь и даль болѣе осмысленнаго и одухотвореннаго существованія.

Но теперь уже не найдешь такихъ иностранцевъ, которые описывали бы завтракъ „Ивана Грознаго, прозваннаго ‚Васильевичемъ‘ за свою жестокость, подъ тѣнью развѣсистой клюквы“, причемъ завтракъ великаго царя, по описанію „ученаго“ француза, состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ сальныхъ свѣчекъ и ведра водки. Теперь иностранцы удосужились наконецъ таки болѣе или менѣе внимательно изучить Россію, правда, исключительно сквозь жидовскіе очки. — Но сами они, эти иностранцы, нынѣ на собственномъ опытѣ изучаютъ тайный смыслъ русской революціи и, въ страхѣ и трепетѣ предъ ея роковымъ значеніемъ, несклонны больше поддаваться чужимъ подсказамъ и легкомысленнымъ выводамъ: когда горитъ не одинъ сосѣдъ, но и собственный домъ загорѣлся, то гдѣ ужь тутъ позволять себѣ роскошь обособленнаго невѣжества, когда надо общими усиліями стараться побороть и затушить всесокрушающее пламя . . .

Что касается русскихъ обывателей, то гдѣ же они? Развѣ что можно ихъ найти въ изрядномъ количествѣ среди нашей эмиграціи, поражающей и насъ, и „заграницу“, въ которой она обрѣтается, тупостью, аморальностью, мелочностью и ничтожностью своей умственной и нравственной сути.

Но, въ большинствѣ случаевъ, эта эмиграція въ счетъ не идетъ: какъ ненужный соръ, она брезгливо будетъ выметена изъ возстановленнаго зданія возрождающейся России. Что же касается самой Россіи, то въ ней „обывателей" больше и съ фонаремъ не найдешь. „Обывательщина", это всероссійское зло, не меньше партійной безнравственности и безпочвенности способствовавшая, хотя бы своимъ непротивленіемъ, паденію Россіи, въ развалинахъ этого паденія нашла и свою, заслуженную гибель. Какъ можно надѣяться, изъ этихъ развалинъ не возстанутъ уже ни „русскій обыватель", ни „партійный работникъ": изъ развалинъ выйдетъ, съ властно и гордо поднятой головой, Русскій Гражданинъ, который увѣренно, убѣжденно и сознательно пойдетъ туда, куда его поведетъ Царь Всероссійскій.

Такимъ образомъ, ни въ Россіи, ни заграницей, нѣтъ уже больше той среды, которую такъ легко было околпачить трафаретными лекалами софистической „мудрости" и жидовскаго словоблудія. Никакіе спеціальные очки не скроютъ отъ прояснившагося взора растревоженнаго человѣчества характерныхъ ушей и крючковатыхъ носовъ, выглядывающихъ изъ-за дыма пожаровъ и кроваваго тумана русской смуты.

Если только отказаться отъ предвзятыхъ мыслей, предразсудковъ, пристрастныхъ толковъ и опасеній, внушаемыхъ страхомъ пробудившейся совѣсти, безмѣрно виноватой за содѣянное предательство предъ обманутой Родиной, то очень не трудно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно представляетъ собой переживаемая русская смута.

Удавшаяся революція 1917 года была проведена въ дополненіе, исправленіе и развитіе неудавшейся революціи 1905 года, которая, въ свою очередь, была отголоскомъ такъ называемой „великой французской революціи", Парижской Коммуны 1870 года и другихъ подобныхъ же движеній, повитыхъ всегда общимъ отпечаткомъ противо-христіанскаго или противо-національнаго духа, или того и другого вмѣстѣ.

Если, въ главныхъ штрихахъ общаго плана, сохраняются незыблемыми основанія внѣнаціональныхъ революціонныхъ стремленій, составители этого плана слишкомъ умны, чтобы не считаться съ особенностями того народа, который является очереднымъ „жертвеннымъ животнымъ", предназначеннымъ на алтарь „Бафомета" для революціонныхъ экспериментовъ. Поэтому, когда такой жертвой, давно намѣченной и вожделѣнной, явилась Россія, характеръ русскаго народа былъ внимательно изученъ, насколько его понимали, и были предусмотрѣны всѣ возможности использовать этотъ характеръ въ желаемомъ смыслѣ. Умные и талантливые руководители не упустили, разумѣется, чтобы не взять въ разсчетъ, ни одного фактора,

могущаго такъ или иначе, въ благопріятномъ для нихъ направленіи, повліять на ходъ событій.

Но, какъ всегда бываетъ съ теоретическими выкладками при ихъ соприкосновеніи съ дѣйствительной жизнью, эта дѣйствительность показала неожиданные сюрпризы, внесла коррективы и измѣненія, часто страшные для самихъ вождей движенія или препятствующіе преслѣдуемымъ ими цѣлямъ.

Дѣло въ томъ, что, по особенностямъ своего характера, русскій народъ лишенъ границъ какъ въ сторону хорошаго, такъ и плохого, и поэтому вышла невязка въ осуществленіи трудолюбиво и планомѣрно разработаннаго замысла. Плотина, по временамъ, прорывается и въ прочно установленномъ „искусственномъ руслѣ", и тогда „инженерамъ революціи" не всегда удается успѣшно исправить неожиданныя помѣхи и вновь направить бушующій потокъ по намѣченному направленію. Отсюда и происходитъ въ русской смутѣ „смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ": и „великой французской" отдаетъ, и „русскимъ бунтомъ, безсмысленнымъ и безпощаднымъ".

Этапы русской революціи были масонствомъ преднамѣчены, и большевизмъ входилъ въ циклъ послѣдовательныхъ явленій, имѣвшихъ конечною цѣлью закрѣпленіе еврейскаго владычества надъ разгромленной страной, бывшей, во времена своего счастья, могучей Всероссійской Имперіей. Однако, большевизмъ не всегда слѣдуетъ указаніямъ верховнаго совѣта масоновъ, который по отношенію къ нынѣшнимъ вершителямъ судебъ Россіи не всегда оказывается полновластнымъ: жиденята умничаютъ и пытаются вести свою собственную политику, отчасти подчиняясь массовому, стихійному импульсу русскаго народа, отчасти домогаясь самостоятельнаго торжества своихъ личныхъ честолюбивыхъ мечтаній.

Вотъ почему между двумя этими силами часто происходятъ разногласія, размолвки, споры и пререканія. Могущественное масонство не всегда справляется со своими подвластными агентами, которымъ само же дало возможность расширить и утвердить преступную, изувѣрческую, ненавистническую и ненавистную власть... Особенно много происходитъ треній на почвѣ столкновеній широкихъ, міровыхъ еврейскихъ перспективъ масонства съ узко-національными, еврейскими вожделѣніями ближайшаго момента, а также съ односторонними партійными притязаніями.

Общая гармонія разрушена, и масонство готово было бы теперь сожрать большевизмъ, имъ же порожденный, еслибъ, съ одной стороны, руки часто не оказывались слишкомъ коротки, а съ другой — еслибъ всѣхъ творцовъ неисчислимыхъ нашихъ мукъ и страданій не устрашалъ приближающійся, съ

неминуемой неизбѣжностью грядущаго Возмездія, грозный Часъ Расплаты. Мысль объ этой расплатѣ наводитъ такую жуть на перегруженныя злодѣяніями совѣсти, что, охваченные паникой, мечутся безъ толка и выхода всѣ тѣ, кто такъ самоувѣренно и нагло выступилъ на борьбу со свѣтлыми началами жизни.

Растерянно пробуютъ они то пойти на соглашеніе и взаимныя уступки со свирѣпыми властителями Россіи, то, съ помощью обманутыхъ ими добровольцевъ, покончить съ совѣтскимъ правительствомъ.

Ничто не помогаетъ .... Ибо „русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный" перепуталъ всѣ разсчеты, развѣялъ по разнымъ путямъ клеймленыхъ собратьевъ общаго преступленія, заметалъ слѣды и до поры удерживаетъ въ своей власти то, что было Россіей.

И добровольцы, веденные съ туманными лозунгами къ неразгаданнымъ устремленіямъ, не смогли помочь русскими силами нерусскому дѣлу ... Свалился Деникинъ, вѣрный агентъ, и сваленъ былъ Колчакъ, надеждъ не оправдавшій. Этотъ честный человѣкъ, искренно любившій Родину и безкорыстно преданный Государю, погибъ, какъ командиръ судна, на своемъ мостикѣ ...

У моряковъ существуетъ красивая и доблестная традиція, по которой командиръ не покидаетъ своего, гибнущаго въ бою, корабля, но добровольно остается на немъ, чтобы раздѣлить его участь. Въ Русскомъ Флотѣ традиція эта не переводилась никогда. Не смела ее окончательно и волна революціонной смуты и упадка духа.

Нынѣ, согласуя свои дѣйствія съ нею, на своемъ многотрудномъ посту погибъ адмиралъ Колчакъ. Онъ безтрепетно принялъ свою кончину отъ рукъ убійцъ на мостикѣ того большого, беззавѣтно намъ дорогого, государственнаго Корабля, который зовется Россіей. Этотъ Корабль онъ мечталъ спасти, сдвинуть его съ тѣхъ камней, на которые онъ попалъ; но злосчастныя обстоятельства оказались сильнѣе его усилій. За свою великую любовь къ Россіи, Адмиралъ Колчакъ заплатилъ цѣной своей благородной жизни.

Для нашего святого дѣла, Колчакъ больше сдѣлалъ, чѣмъ мы думаемъ. Онъ не пошелъ по нужной масонамъ дорогѣ, хотя они и пытались его направить по своему пути. Видя его честность и непокладистость, его вѣрность исконнымъ русскимъ завѣтамъ, его погубили ...

Порою, съ отвращеніемъ и болью въ сердцѣ, онъ надѣвалъ маншеру, считая эту жертву необходимой для дѣла, но ... такъ или иначе, его бы все равно убрали: честные, неподкупные и чистые люди для масоновъ никогда не бываютъ пріемлемы,

развѣ только если удается использовать ихъ недальновидность и довѣрчивость . .

Какъ зарница, Колчакъ скользнулъ по охваченному зачинающимся пожаромъ контръ-революціонному небу, своей судьбой уподобившись Прокопію Ляпунову, одному изъ героевъ Перваго Смутнаго Времени.

Если бъ только возможно было русскую революцію признать естественнымъ, національнымъ этапомъ исторической эволюціи; если бъ не были достаточно явными скрытое вліяніе масонства и бросающееся въ глаза участіе и руководительство еврейства, тогда многіе простодушные россійскіе обыватели имѣли бы оправданіе въ легковѣрности, съ какой принимались отъ разныхъ проходимцевъ доказательства того, что „великая, безкровная, всероссійская революція" яко бы дѣйствительно была проявленіемъ народной воли, яко бы дѣйствительно она являлась исторической необходимостью.

Ибо многіе, очень многіе эпизоды, факты, явленія и проявленія этой революціи, вслѣдствіе указаннаго нами „смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ", представляютъ дѣйствительно разительное сходство съ временами давно минувшими, когда такъ же народъ нашъ, оставшись" безъ руля и безъ вѣтрилъ", одинаково выявлялъ свою растерянность и неспособность къ самостоятельно-творческой жизни въ дикихъ, грубыхъ, нелѣпыхъ, жестокихъ и кровавыхъ, преступныхъ поступкахъ, какъ и нынче.

Выше мы сдѣлали сравненіе одного изъ дѣятелей нашего времени, адмирала Колчака, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ. Такихъ сравненій можно подобрать немало.

Да проститъ мнѣ честная память Колчака, что рядомъ съ его чистымъ и благороднымъ именемъ я позволяю себѣ упомянуть позорное имя Керенскаго. Но я какъ разъ вспомнилъ, что въ Первое Смутное Время, среди буйной черни Московской, подвизался нѣкій проходимецъ, имѣвшій кратковременное, но большое вліяніе на каторжную толпу, по его наущеніямъ творившую всевозможныя преступленія и звѣрства. Звали этого проходимца подьячимъ Федькой Андроновымъ. Кончилъ онъ скверно: насколько помню, его забила таже чернь, которая раньше его слушалась, и предъ которой онъ пресмыкался. . . .

Если кто нибудь изъ читателей заинтересуется моимъ крайне неточнымъ историческимъ воспоминаніемъ и въ изученіи этой эпохи нашей Исторіи захочетъ провѣрить мои слова, то онъ убѣдится, что этотъ „Федька подьячій" оказывается вылитымъ прообразомъ адвоката Керенскаго: замѣчательно, что даже ремесломъ однимъ и тѣмъ же занимались оба него-

дія, использовавшіе смутные годы для своего позорнаго, но все же реальнаго продвиженія въ первые ряды, съ позволенія сказать, „историческихъ дѣятелей", Геростратовскаго сорта.

Въ Ленинѣ несомнѣнно легко найти не только „традиціи" и исходные пункты „политики" Стеньки Разина, но и многія характерныя подробности, сближающія эти, разумѣется, совершенно отрицательныя, но недюжинныя личности.

А Емелька Пугачевъ, окруженный синклитомъ своихъ „енараловъ", изъ бѣглыхъ каторжниковъ, старательно скрывавшихъ отъ толпы кто рваныя ноздри, кто спину, битую батогомъ... Развѣ въ „свитѣ" Троцкаго-Бронштейна, или въ любомъ совѣтскомъ комиссаріатѣ не найдемъ мы, какъ бы воскресшими, все тѣхъ же старыхъ знакомыхъ?

На основаніи этого сходства, пробуютъ объяснять русскую революцію яко бы естественнымъ ходомъ національнаго „освободительнаго" движенія. „Задавленный до поры Царской Властью, геній народа прорвалъ наконецъ сдерживавшую его плотину, разбилъ сковывавшія его цѣпи и бурно ринулся впередъ, навстрѣчу пресловутыхъ свободъ соціалистическаго рая".

Такимъ образомъ, ужасы революціи — изволите ли видѣть — и совершенное ею крушеніе, все это является необходимымъ аттрибутомъ переходнаго времени; это, такъ сказать, перевалъ отъ „мукъ" прошлаго къ якобы ожидающему Россію на соціалистическомъ пути „блаженству" будущаго.

Такъ ораторствуютъ жидки и жидовствующіе подголоски; но вполнѣ ясно, что за такимъ теченіемъ мысли не будетъ по пути ни одному разумному человѣку, отдающему себѣ отчетъ въ происходящихъ вокругъ него явленіяхъ.

Факты противорѣчатъ этимъ утвержденіямъ іудейскихъ заправилъ русской революціи, и ихъ собственное ретивое стараніе затушевать эти факты внушаетъ подозрѣніе даже самому довѣрчивому простаку, не особенно умѣющему разобраться въ сбивчивой софистикѣ прелюбодѣевъ мысли, чести и совѣсти.

Нѣтъ, почтеннѣйшіе представители воинствующаго Израиля, сама ваша радость и ваше ревностное касательство къ дѣлу русской революціи васъ выдаютъ: не русское, не національное это дѣло, но наносная бѣда; не ходъ эволюціи представляютъ эквилибристическія упражненія Керенскихъ, „революціонныхъ бабушекъ", Милюковыхъ, Гучковыхъ, Троцкихъ и Лениныхъ — и полумертвая Россія, распростертая на анатомическомъ столѣ, подъ безпощаднымъ ножемъ пейсатаго вивисектора — но скачекъ назадъ на 200, 300, 400 лѣтъ назадъ, въ бездну хаоса. . . .

Не смутите вы никого историческими параллелями и сходствами.

Эти сходства, эта тождественность повторяющихся кризисовъ учатъ насъ какъ разъ обратному тому, чему вы пытаетесь учить. Изъ этихъ историческихъ уроковъ мы выносимъ тотъ выводъ, что каждый разъ, какъ только русскій народъ оказывается лишеннымъ своей естественной, центробѣжной силы, своего коренного начала, своей защиты, своего оплота, своего Свѣточа, именно — Царской Власти, тотчасъ же тѣ же симптомы опаснаго, злого недуга проявляются въ болѣе или менѣе сходственныхъ формахъ, и великій народъ, сумѣвшій создать могучую Имперію, превращается въ жалкаго и отвратительнаго урода, раба своихъ страстей, пороковъ и преступленій. . . .

Къ несчастью, уроки Исторіи никогда никого не учили. . . . Но они повторяются всегда съ закономѣрной послѣдовательностью и неумолимой настойчивостью. . . .

Іудейскій народъ, получившій возможность, какъ пѣшками, играть русскими людьми и по усмотрѣніямъ своимъ кроить судьбы Россіи, использовалъ характеръ Русскаго народа, его особенности, его Исторію: ему на-руку пришлись всѣ имѣющіеся въ тайникахъ души народной инстинкты разрушенія, отрицанія, сохранившіеся какъ пережитки отдаленныхъ, доисторическихъ эпохъ, противогосударственныя и противообщественныя уклоненія народной патологіи. Все это, всѣ болѣзненныя и болѣзнетворныя увѣчія Русской Страны — были использованы для конечной цѣли разрушенія Христіанской Культуры и для торжества еврейства, въ своей вѣковѣчной борьбѣ съ нами безплодно стремящагося основать свое созиданіе на развалинахъ, имъ же разрушенной, нашей Культуры.

До сихъ поръ еще многіе образованные, начитанные, вполнѣ просвѣщенные и культурные люди, и притомъ неглупые — не вѣрятъ, не хотятъ допустить мысли о томъ, что дѣйствительно существуетъ такая тайная сила іудо-масонства, могущественно организованная, внѣнаціональная — насколько національность имѣетъ въ виду ту или другую арійскую націю — и что эта сила стремится достичь міроваго владычества, котораго достичь она можетъ только поработивъ всѣхъ „гоевъ" (т. е. не-евреевъ) своей власти.

Тупо и упрямо, еще многіе не хотятъ убѣдиться въ этой страшной правдѣ. Они отворачиваются отъ книгъ, которыя имъ предлагаютъ читать, закрываютъ глаза передъ истинами, открываемыми Достоевскими, Шабельскими, Нилусами, Вагнерами, Шмаковыми, Мюллерами-фонъ-Гаузенъ, Гужено де Муссо, Бутми де Кацманами, Турмантенами, Дрюмонами, Чемберленами, Копэнъ-д'Альбанселли и проч. и проч. и проч. Они, какъ будто бы, боятся стать лицомъ къ лицу предъ очевидностью этихъ истинъ, коихъ знаніе могло бы затруднить ихъ ревностное служеніе щедрымъ господамъ своимъ.

Я утверждаю, что сплоченная сила еврейства реально существуетъ и, пользуясь сосредоточенiемъ въ своихъ рукахъ милліардовъ, руководитъ современной политикой согласно своимъ цѣлямъ и предначертанiямъ. Я утверждаю также, что именно эта сила вызываетъ революцiи и, до корня расшатывая благосостоянiе нацiй, отдаетъ ихъ подъ власть iудеевъ.

На примѣрахъ нашей революцiи можно провѣрить это утвержденiе, если послѣдовательно прослѣдить за послѣдствiями моральнаго и матерiальнаго банкротства Россiи. Одни евреи, исключительно только одни евреи, вмѣстѣ съ русскими „шабесгоями", т. е. продавшимися евреямъ предателями, и съ отбросами народа, состоящими изъ всего уголовнаго элемента страны, только одни эти люди использовали выгодно и производительно для себя ужасы „русской" революцiи. Кромѣ нихъ, евреевъ и этихъ русскихъ отщепенцевъ, всѣ остальные русскiе люди поголовно страдаютъ отъ опыта, продѣланнаго для вящаго прославленiя Израиля.

Мы можемъ воочiю убѣдиться, прослѣдивъ картины совершающагося въ Россiи крушенiя. Страдаютъ всѣ русскiе люди, отъ самаго мелкаго чиновника и до Царя, отъ крестьянина, настоящаго крестьянина-хлѣбопашца, трудившагося на своей землѣ, но разумѣется не „члена комитета народной бѣдноты", — и до Юсуповыхъ, Шереметевыхъ, Харитоненко и прочихъ крупныхъ аграрiевъ; отъ мелкаго лавочника и до крупнаго промышленника или коммерсанта, отъ гимназиста и до профессора, какого нибудь ученаго, составившаго себѣ крупное европейское имя, — кого ни перебирать въ памяти, страдаютъ всѣ тѣ, кто производительно работалъ на благосостоянiе, преуспѣянiе и возвеличенiе своей Родины.

Но ни одинъ iудей отъ революцiи не пострадалъ! Отъ мелкаго жидка, когда то жившаго впроголодь одной селедкой, служившей на дневное пропитанiе цѣлой семьи, и до Рубинштейновъ, Бродскихъ и прочихъ денежныхъ тузовъ еврейскихъ, — всѣ они благоденствуютъ, собирая несмѣтныя суммы ограбленнаго христiанскаго золота, и, какъ распустившiй перья павлинъ, или вѣрнѣе-ворона въ павлиньихъ перьяхъ, высоко возносятъ свою характерную, специфическую заносчивость, проявляемую каждый разъ, когда жиду повезетъ, и смѣняемую раболѣпiемъ, подлой угодливостью и лицемѣрнымъ смиренiемъ, какъ только эта iудейская наглость начинаетъ дѣлаться опасной для „избраннаго племени".

Кстати, мы теперь переживаемъ какъ разъ приближенiе такого времени, когда наглость для евреевъ начинаетъ угрожать опасностью — и можемъ наблюдать, какъ эта специфическая черта уже уступаетъ мѣсто искательству, приторной сладцавости, а не то ужъ и прямо подобострастью.

Очень многіе согласятся съ нами и признаютъ сатанинскій заговоръ „Сіонскихъ Мудрецовъ" какъ причину всего, совершившагося въ Россіи: очевидность слишкомъ ярко (прибавлю — чувствительно) бьетъ въ глаза.

За то очень многіе будутъ спорить съ нами относительно французской революціи, имѣвшей почти всегда и вездѣ очень „счастливую прессу", какъ говорятъ французы.

Пресловутая „великая революція" и въ пространныхъ научныхъ сочиненіяхъ, и въ литературѣ, и съ высоты профессорскихъ кафедръ, на всѣ лады восхваляется, какъ новая „счастливая" эра въ исторіи человѣчества, которое будто бы ближе продвинулось къ идеаламъ счастья и совершенствованія съ тѣхъ поръ, какъ крикливо и высокопарно были провозглашены „les droits de l'homme et du citoyen".

Многіе добросовѣстные почитатели французской рѣзни даже не на шутку обижаются, когда ее ставятъ рядомъ съ рѣзнею русской и въ одномъ общемъ источникѣ находятъ общія причины тому, что, какъ сто лѣтъ тому назадъ была разгромлена бывшая „Прекрасная Франція" („Le beau Royaume de France et de Navarre"), такъ теперъ потоку и разграбленію предана и бывшая великая Имперія.

„Помилуйте!" — завопятъ эти апологеты Маратовъ, Робеспьеровъ и Дантоновъ: „какое же можетъ быть сравненіе между тѣми временами и нашими. . . . Правда, во Франціи также совершались нѣкоторые эксцессы; было пролито и тамъ много человѣческой крови. . . . Но во имя чего это дѣлалось! Во имя свободы, братства и равенства. И во имя родины. Тамъ всѣ французы были охвачены патріотическимъ воодушевленіемъ; тамъ и правительство, и всѣ классы общества шли на всѣ жертвы ради защиты Франціи отъ иноземнаго нашествія. . . . Развѣ можно сравнивать ту революцію — хотя и она также была жестокой и кровавой — развѣ можно все же ее сравнивать съ ужасами, творящимися въ Россіи, гдѣ ничего, кромѣ грабежа, насилія, угнетенія слабыхъ сильными, не найти; гдѣ никакое чувство патріотизма не воодушевляетъ революціонныхъ массъ, гдѣ революція началась съ предательства, съ бѣгства съ полей сраженій русскихъ армій; гдѣ провозглашенъ и проводится въ дѣйствіе неограниченный деспотизмъ меньшинства надъ беззащитнымъ (?) большинствомъ; гдѣ отсутствуетъ всякое подобіе правды, справедливости, любви къ человѣчеству, и прочихъ высокихъ чувствъ, которыми вдохновлялись (?) французы, совершая свою революцію." . . .

Такъ говорятъ наши „интеллигенты", да иначе говорить и не могутъ. Ибо такъ, съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, они научились думать и чувствовать и такъ воспринимать Исторію, тенденціозно сфабрикованную въ нужномъ имъ смыслѣ всеміpными

фальсификаторами общественнаго мнѣнія, т. е. жидами и вѣрными ихъ слугами, франкъ-масонами, уподобляющимися тѣмъ паяцамъ, которыхъ невидимая за ширмою рука дергаетъ за веревочку. Какъ все это дѣлается, подробно разъяснено у Нилуса въ его „Протоколахъ Сіонскихъ Мудрецовъ“, къ которымъ мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ обратиться за подробными свѣдѣніями и справками.

Мнѣ не позволяютъ рамки моего труда и отвѣтственная задача, мной на себя возложенная, излишне отвлекаться въ сторону отъ моей темы. И безъ того наплывъ мыслей и чувствъ, вызываемыхъ въ памяти по мѣрѣ продвиженія впередъ моего скорбнаго повѣствованія, часто заставляетъ меня, въ цѣляхъ болѣе широкаго освѣщенія фактовъ, и болѣе глубокаго ихъ пониманія, вдаваться въ темные, грязные закоулки и переулки еврейскаго „гетто“ и на болѣе или менѣе значительномъ количествѣ страницъ отвлекать вниманіе читателей отъ прямой задачи моего труда, т. е. отъ описанія Царскаго Мученическаго Житья, котораго, по мѣрѣ силъ и умѣнія, я стремлюсь быть правдивымъ сказателемъ.

Поэтому, не вдаваясь въ большія подробности, я отвѣчу по существу на воображаемые мной, но очень вѣроятные вопли протеста „интеллигентовъ“, высказывающихъ свои мнѣнія совершенно подобно тому, какъ попугай въ клѣткѣ повторяетъ заученныя фразы, или какъ ребенокъ „отбарабаниваетъ“ вызубренную имъ басню.

Я знаю, какъ эти мнѣнія создаются. Я помню, что прослушалъ курсъ Всеобщей Исторіи моего кадета-профессора, Карѣева. Помню какъ онъ, благоговѣйно, смакуя подробности, повѣствовалъ исторію французской революціи.

Кстати, этотъ самый профессоръ Карѣевъ, впослѣдствіи, такъ забавно опростоволосился въ „Первой Думѣ“, когда рекомендовалъ Россію не называть больше Россіей: это названіе, по его мнѣнію, могло казаться обиднымъ населяющимъ нашу Родину „инородцамъ“ (читай: жидамъ), ибо въ немъ они, по словамъ ученаго профессора, могли заподозрить какое либо обидное для нихъ предпочтеніе, оказываемое Русскому народу. Поэтому профессоръ-кадетъ совѣтовалъ переименовать наше Отечество просто въ „Русскую Территорію“ (а то можетъ быть въ „Русскіе Генеральные Штаты“?).

Еслибъ кадеты тогда могли оказаться у власти, то отъ нихъ сталось бы, что они могли бы послушаться „умнаго“ предложенія своего партійнаго единомышленника. . . . И тогда стало бы ясно еще въ 1906-мъ году, что „жертвенное животное“ уже вполнѣ приготовлено для закланія, и назначенному для совершенія обряда раввину оставалось бы только хорошенько отточить свой ножъ. . . .

Итакъ, русскій „интеллигентъ" ошибается (его удѣлъ — постоянно ошибаться), когда противится нашему опредѣленному намѣренію ставить рядышкомъ, бокъ о бокъ, двухъ сестеръ, старшую и младшую, отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей (изъ разныхъ „веселыхъ" домовъ) происходящихъ, — „великую французскую революцію" и „великую, безкровную революцію всероссійскую" бабушки Брешко-Брешковской, Керенскаго, Милюкова, Гучкова, Винавера и т. д. и т. д. и т. д.

Кстати, прошу вспомнить, что въ самомъ началѣ русской революціонной эры газетчики-жидки упорно пытались и нашу революцію называть, кромѣ того, что „безкровной", но еще и „великой".

Потомъ совѣстно стало настаивать и пришлось оба эти термина, и „великой", и „безкровной", скрѣпя сердце, обходить молчаніемъ. Слишкомъ явно, на глазахъ у всѣхъ, совершалась та революція, такъ что нельзя же было себя предавать всеобщему осмѣянію непомѣрной рекламой: пришлось таки поневолѣ понизить тонъ и убавить пафоса. . . .

Что же касается революціи французской, то сто съ лишкомъ лѣтъ, насъ отъ нея отдѣляющихъ, позволили въ полной мѣрѣ затушевать и замаскировать правду и сохранять еще нынче многія „вольности рѣчи", между прочимъ и прозвище „великой", такъ и оставшееся за старшей сестрой. . . .

Тутъ время пришло младшей сестрѣ протестовать: за что такая несправедливость къ ней? Въ отношеніи количества пролитой крови, количества совершенныхъ преступленій и звѣрскихъ злодѣяній, въ отношеніи насилія, угнетенія, низости, паденія нравовъ и грандіознаго обмана, котораго, на вѣковомъ разстояніи другъ отъ друга, стали жертвами оба народа — и старшая сестра, и младшая, одинаково „велики"; а другого какого либо величія — нѣтъ ни за той, ни за другою.

Здѣсь умѣстно будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на ихъ генеалогіи. Матери у нихъ — общаго происхожденія: порожденія низости и низменности характера, мыслей, чувствъ народа, онѣ выросли изъ всѣхъ его порочныхъ инстинктовъ, до крайнихъ степеней возбужденныхъ умѣлыми вліяніями; онѣ вскормлены злыми, кровожадными, неправедными исканіями, вожделѣніями и страстями; повиты онѣ общимъ развратомъ; общей утратой одухотворенныхъ, облагораживающихъ и очищающихъ души, человѣчныхъ идеаловъ вызваны къ жизни. . . .

Что касается отца, то онъ — одинъ и тотъ же. Посмотрите, какъ онъ выглядываетъ и изъ за одной, и изъ за другой сестры. . .

Длинный лапсердакъ; бѣлые чулки; пантофли; длинные пейсы локонами спускаются по бокамъ лица; козлиная бородка; крючковатый носъ; толстыя, плотоядныя губы; оттопыренныя уши; и глаза, сквозь хитрую призму лицемѣрія и лжи

пропускающіе, тѣмъ не менѣе, по временамъ, зловѣщія искры вѣками затаенной, жгучей, непримиримой и безпощадно-лютой ненависти. . . .

Отецъ ихъ — жидъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, черезъ распутныхъ дочерей своихъ, творившій свою волю и направлявшій по своимъ путямъ. . . .

Во времена французской революціи, выдвинулся Ротшильдъ, главный агентъ верховнаго еврейскаго кагала, за свои заслуги передъ роднымъ Израилемъ имѣвшій возможность возвеличить свое положеніе, а въ особенности будущность своихъ сыновей, до такой степени, какой ни одинъ еврей раньше не достигалъ. Во время русской революціи, повторить карiеру Ротшильда добивается извѣстный Рубинштейнъ, еще недавно бывшій неизвѣстнымъ, но юркимъ и продувнымъ жидкомъ, а нынѣ ставшій уже крупнѣйшимъ финансовымъ тузомъ.

Какъ русская революція принесла пользу и выгоду одному Израилю, такъ и французская имѣетъ тотъ же характеръ: начиная съ конфискованныхъ имѣній и замковъ злодѣйски умерщвленныхъ аристократовъ и ихъ движимыхъ богатствъ, выброшенныхъ на улицу и за гроши скупленныхъ, а не то и даромъ подобранныхъ, жидами, и всѣ послѣдующіе результаты революціи послужили на пользу обрѣзаннаго племени. Вопреки попыткамъ Наполеона и двухъ первыхъ реставрацій, уже даже и склонныхъ къ компромиссамъ, но быстро изжитыхъ іудеями же вслѣдствіе недостаточной „пріемлемости“ и покладистости — евреи, какъ послѣдствіе революціи, получили въ руки всѣ средства, чтобы „обезкровить“ Францію.

Послѣ неумѣлой, несплоченной и неупорной борьбы, Франція къ концу XIX Вѣка была уже, въ полномъ смыслѣ, въ еврейскомъ обладаніи, ожидовѣлой страной, въ которой правительство яростно преслѣдовало Христіанскую Вѣру и служителей Христова Алтаря, и гдѣ власть жидовскаго капитала невозбранно и безпрепятственно осуществляла свое иго.

Успѣхи, достигнутые во Франціи, дали силу, смѣлость и опытъ отверженному племени предпринять еще болѣе широкій и успѣшный планъ дѣйствій въ Россіи и довести почти до послѣдняго слова свою мечту о міровомъ владычествѣ. . . .

Къ счастью, послѣднее слово еще не сказано, и мы можемъ надѣяться, что, при благопріятныхъ условіяхъ, съ Божіею Помощью, намъ еще удастся, къ рѣшительному моменту борьбы, отбить отъ себя уже намѣченный и направленный, смертельный ударъ.

Еще одна черта, дѣлающая обѣ революціи другъ на друга похожими дѣйствительно какъ двухъ сестеръ — это сатанинская злоба, злоба безпощадная, сладострастно наслаждающаяся своими злодѣяніями, подлая, упивающаяся стонами без-

защитныхъ жертвъ своихъ, специфически еврейская злоба, характеризующая всѣхъ, мало мальски влiятельныхъ и значительныхъ дѣятелей какъ той, такъ и другой революцiи. Я назвалъ эту злобу сатанинской потому, что только особливымъ измышленiемъ Вельзевула можетъ быть ниспослана на грѣшное человѣчество такая злоба, рядомъ съ такой насмѣшкой, какъ высоренния слова о „свободѣ, равенствѣ, братствѣ", о справедливости, любви и взаимной поддержкѣ другъ друга, каковыми кощунственными словами полны рѣчи вершителей обѣихъ революцiонныхъ стадiй общей еврейско-масонской политики.

Отдѣльные случаи сверхчеловѣческой, дикой злобы, какъ напримѣръ жестокости, учинявшiяся знаменитой Салтычихой, или раскрываемыя въ уголовномъ процессѣ какого нибудь исключительно звѣрскаго и жестокаго злодѣянiя — бываютъ во всѣ времена, какъ дѣла выродковъ человѣчества, всецѣло отдавшихся власти мрачныхъ силъ преисподней.

Но такая, какъ теперь, злоба массовая, почти всеобщая, только тогда, какъ Бичъ Божiй, спускается на землю, когда Сатана овладѣваетъ грѣшными помыслами людскими. . . . И тогда, черезъ посредство своего избраннаго народа, народа iудейскаго, свершаетъ онъ ему отмѣренное зло . . . Такъ было въ концѣ XVIII Вѣка, во Францiи, и тоже самое происходитъ теперь, въ первой четверти XX Вѣка, въ Россiи; и изъ Россiи распространяется дальше, по всѣмъ странамъ, охваченнымъ дурманомъ сатанинскаго навожденiя. . . .

Обольщаются иллюзiей тѣ, которые хотятъ видѣть крупное отличiе французской революцiи отъ нашей въ яко бы сильно поднятомъ патрiотическомъ, нацiональномъ духѣ Французовъ того времени, между тѣмъ какъ наша революцiя, съ самыхъ первыхъ шаговъ, погрязла въ предательствѣ и измѣнѣ, и кромѣшная работа русскихъ революцiонеровъ началась съ отрицанiя идеи Родины, т. е. согласовалась съ программой, которую еще раньше проповѣдовалъ кадетъ-профессоръ Карѣевъ.

Если судить по внѣшнимъ признакамъ, то дѣйствительно такое отличiе существуетъ. Но, съ другой стороны, когда Французы революцiонной эпохи громко кричали о патрiотизмѣ, у большинства вожаковъ не было искренности въ этихъ выкрикахъ: вѣдь, и Керенскiй изступленно уговаривалъ „товарищей" — „спасать революцiю". Какъ ни звучало это безсмысленно, но этимъ призывомъ онъ разсчитывалъ вызвать какiя то патрiотическiя настроенiя: болѣе опредѣленно, отъ имени Россiи, онъ не дерзалъ говорить . . . Что же касается стадныхъ движенiй толпы, то, вѣдь, онѣ обыкновенно бывали вызваны соотвѣтственной агитацiей. — Къ тому же, какъ можно говорить о патрiотизмѣ людей, бывшихъ первыми зачинателями будущаго крушенiя Францiи. . . . Легко объяснить, почему тамъ

это крушеніе началось при нѣсколько иномъ настроеніи, чѣмъ у насъ.

Таже рука создала и французскую революцію, какъ и русскую. Но въ то время Израилю еще нельзя было сбросить съ себя маску и открыто показать свое лицо. Не забудемъ, что въ то время евреи только еще начинали выползать изъ своего средневѣкового „гетто". Такъ назывались отдѣльныя части городовъ, вѣрнѣе — пригороды, въ которыхъ имѣли право селиться и жить евреи, чтобы въ остальныхъ частяхъ города не смущать своимъ видомъ настоящихъ хозяевъ страны. Не забудемъ, что въ то время были улицы, площади, зданія, дороги, на которыхъ еще красовались надписи: „Défense aux cochons et aux juifs de passer" ....

Въ такія времена могли ли евреи такъ же явно, какъ теперь, провозглашать и проводить свои исключительные націоналистическіе принципы. Пользуясь достигнутыми успѣхами, получивъ права гражданства въ странѣ, обреченной ими гибели, они сначала старались показать себя искренними патріотами этой страны, отъ имени Франціи ораторствовали въ клубахъ и на площадяхъ, красовались въ мундирахъ національныхъ гвардейцевъ (но отнюдь не полевыхъ войскъ, занятыхъ опаснымъ дѣломъ войны) и вообще стремились захватить вліяніе и преобладаніе надъ массами именно въ качествѣ французовъ. Они такимъ же образомъ поступали даже и при дебютахъ нашей революціи, и только оперившись вполнѣ, почувствовавъ окончательно прочную почву подъ собой, уничтоживъ уже весь цвѣтъ нашего офицерства и до корней растливъ армію, стали, подъ видомъ интернаціональныхъ, космополитическихъ доктринъ, подрывающихъ національные идеалы народовъ, работать почти открыто въ пользу возвеличенія, обогащенія и владычества народа еврейскаго.

Когда французской революціей евреи были признаны полноправными французскими гражданами (какъ и у насъ, это было одно изъ первыхъ мѣропріятій революціи), евреи не имѣли ни основанія, ни выгоды явно обособлять свои интересы отъ общихъ интересовъ французскихъ. Повторяю, что въ 1917 году такъ было и у насъ, когда, мнимо-русскими патріотическими манифестаціями, евреи торжествовали свою огромную побѣду и устраивали маскарады, облачаясь въ русскій офицерскій мундиръ и тщательно при этомъ избѣгая большой близости къ фронту.

Нѣсколько позже, они уже имѣли возможность совершенно снять маски и открыто выступить со своей ненавистью и къ Россіи, и къ русскому народу, а особенно къ Христіанской Церкви, которая съ тѣхъ поръ стала испытывать на себѣ весь гнетъ ихъ изувѣрческихъ преслѣдованій.

Во Франціи, сто лѣтъ назадъ, преслѣдованія Церкви были не менѣе злобными и свирѣпыми и вытекали отъ того же источника — отъ іудейской ненависти къ Спасителю и Богу нашему, Іисусу Христу.

Но, какъ было сказано, для обезпеченія длительности и живучести своего успѣха, евреямъ необходимо было тогда, во Франціи, выступать подъ флагомъ французскаго патріотизма, а потому національная война, которую тогда вела Франція, была допущена руководителями всего движенія, какъ необходимая дань времени, притомъ же нисколько не ограничивавшая успѣховъ и пріобрѣтеній, достигнутыхъ революціей, и даже выгодная въ нѣкоторомъ отношеніи, такъ какъ давала многимъ евреямъ легкую возможность обогащаться на военныхъ поставкахъ.

Напрасно было бы думать, что высокія мысли, во имя которыхъ французское стадо человѣческое поднималось на революціонную борьбу, имѣли большее значеніе и большую примѣнимость къ требованіямъ дѣйствительной жизни, чѣмъ для русскаго народа, отчасти поднявшагося во имя тѣхъ же обманчивыхъ, призрачныхъ, лживыхъ и въ конечномъ результатѣ — подтасованныхъ идеаловъ.

Надо вспомнить, что слова объ „Egalité, Fraternité et Liberté“ до сихъ поръ во Франціи красуются на всѣхъ правительственныхъ вывѣскахъ, что не мѣшаетъ французскому правительству чинить произволъ и насилія надъ тридцатимилліоннымъ, вырождающимся народомъ, очутившимся всецѣло во власти нѣсколькихъ сотъ тысячъ евреевъ.

Эта сравнительная горсть людей преслѣдуетъ его Церковь, его вѣрованія, его политическія убѣжденія и національные завѣты, подчиняетъ соображеніямъ о своей выгодѣ его экономическіе интересы и превратила когда то рыцарскую, великодушную націю въ тѣхъ героевъ безчестья, которые въ оккупированныхъ нѣмецкихъ областяхъ „уринируютъ“ (новый терминъ!) памятники, воздвигнутые Германіей своимъ народнымъ героямъ, насилуютъ, угнетаютъ и оскорбляютъ германскихъ дѣвушекъ и женщинъ, грабятъ, истязаютъ, эксплуатируютъ мирныхъ, безоружныхъ германскихъ гражданъ.

Настолько прочно и цѣльно утвердилась во Франціи революціонная „дрессировка на свободѣ“, за сто лѣтъ не развѣянная ни старыми традиціями славнаго прошлаго, ни новыми началами современныхъ человѣчности, просвѣщенности и культурности, что французы нашихъ дней, судя по ихъ поступкамъ, вполнѣ годятся въ товарищескую компанію большевистскому быдлу, нынѣ по еврейской указкѣ орудующему въ Россіи и доканчивающему разореніе и посрамленіе нашей несчастной Родины.

Если вспомнить еще французскую „интеллигенцію" эпохи, непосредственно предшествовавшей революціи, и современную нашу, если вспомнить, что обѣ онѣ, болтовней, сплетнями, клеветою и ложью, подготавливали наступленіе новаго времени, съ нетерпѣніемъ ждали его и съ восторгомъ (сначала) привѣтствовали, то сходство между обѣими „сестрами" станетъ выдѣляться еще болѣе ярко и являть одинаковые образчики одинаково развращавшихъ вліяній.

Пожалуй, нѣкоторые читатели могутъ оказаться недовольными тѣмъ, что въ этомъ трудѣ можетъ имъ показаться излишнимъ многорѣчіемъ. Пожалуй, по этому поводу, эти читатели выскажутъ автору упрекъ.

„Къ чему онъ насъ ведетъ вдоль да около" — скажутъ они — „такъ далеко отходя отъ прямой своей темы? Обѣщалъ онъ намъ правдивое и благоговѣйное описаніе мукъ и страданій нашего Государя и Его Семьи; счелъ нужнымъ захватить обзоръ всей революціи; среди факторовъ революціи отмѣтилъ главенствующее значеніе лжи, клеветы, шантажа, подлоговъ и, наконецъ, имѣлъ намѣреніе выяснить истинный смыслъ появленія Распутина на историческомъ планѣ. Клеветѣ онъ посвятилъ предидущую главу; въ этой главѣ, повидимому, хотѣлъ говорить о Распутинѣ. . . . Все это мы понимаемъ и одобряемъ: все это можетъ быть признано къ мѣсту сказаннымъ. . . .

Но теперь, въ этой главѣ, авторъ пустился въ длиннѣйшія разсужденія о масонствѣ, о давно избытыхъ русскихъ бунтахъ, объ излюбленной имъ темѣ іудейской, о французской революціи. . . . Куда онъ насъ такимъ образомъ заведетъ?

Не слишкомъ ли далеко отошелъ онъ отъ „Крестнаго Пути" ?"

Для того, чтобы такого рода недоумѣніе не могло быть — къ тѣмъ читателямъ, которые стали бы критиковать многорѣчіе автора, онъ позволяетъ себѣ обратиться со слѣдующимъ личнымъ разъясненіемъ.

Смѣю увѣрить Васъ, государи мои, что я ничуть не увлекся излишнимъ многорѣчіемъ, и что, какъ мнѣ кажется, все, здѣсь написанное, приходится и къ мѣсту, и къ времени.

Я самъ стремлюсь возможно скорѣе окончить мою книгу, ибо время бѣжитъ, событія наростаютъ, и Вамъ, господа русскіе монархисты (я не имѣю въ виду обращаться къ какимъ либо другимъ читателямъ), будетъ чрезвычайно полезно вдуматься въ эти строки и, можетъ быть, уяснить свои чувства къ Царю и свои по отношенію къ нему обязанности, которыя большинство изъ Васъ до сихъ поръ понимало очень туманно и неопредѣленно, очень ограничительно, очень эгоистично: простите за сравненіе — comme des domestiques de très mauvaise maison.

Надо правду сказать, что изъ наблюденій за Вашей жизнью заграницей, за Вашей „эмиграціей“, выносишь мало лестное для Васъ впечатлѣніе. Предшественники Ваши, герои-рыцари временъ французской революціи, бывшіе „монархистами“ не только на словахъ, но и на дѣлѣ (не всѣ, но въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ Вы), вели себя несравненно болѣе мужественно, достойно и самоотверженно . . .

Такъ вотъ я и думаю, видя мало достоинства въ Вашемъ образѣ дѣйствій, что Вы многаго не понимаете, и что нужно поставить много точекъ на і. Поэтому мнѣ кажется полезнымъ въ этой главѣ много говорить о масонахъ и евреяхъ, какъ творцахъ нашей революціи и опасномъ, злокачественномъ, ядовитомъ нарывѣ всей міровой политической и общественной жизни нашего времени. Для лучшаго уясненія всего нынѣ происходящаго, мнѣ кажется также полезнымъ шире обнять губительную дѣятельность жидо-масонства, не ограничиваясь однимъ этапомъ этой дѣятельности, т. е. нашей революціей. Если время не позволяетъ мнѣ углубиться дальше въ глубь вѣковъ, чтобы прослѣдить и менѣе яркія проявленія той же дѣятельности, то во всякомъ случаѣ я не считаю возможнымъ не упомянуть о такомъ яркомъ образцѣ, какимъ была, такъ схожая съ нашей, французская революція.

Эта революція, какъ мы уже говорили, во всѣхъ подробностяхъ своего теченія, представляетъ такъ много общаго съ нашей, что не обратить вниманія на это сходство нельзя, ибо въ немъ, въ этомъ сходствѣ, кроются источники уразумѣнія того, что нынѣ претерпѣваетъ Россія.

Надо подробно остановиться на вопросѣ о томъ, почему въ Россіи могло повториться, черезъ столѣтіе съ лишнимъ, явленіе, тождественное французской катастрофѣ, между тѣмъ какъ трудно найти два народа менѣе сходные между собой по отличительнымъ свойствамъ народнаго характера, чѣмъ народы французскій и русскій. Условія жизни и государственной эволюціи обоихъ народовъ также совершенно различны.

Чѣмъ же объяснить тѣ удивительныя совпаденія, которыя, въ ходѣ нашей революціи, наблюдаются тѣми, кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіей французской революціи? Часто эти совпаденія такъ тождественны, что невольно приходишь къ догадкѣ о томъ, не представляютъ ли онѣ простыхъ повтореній уже разъ испробованнаго и оказавшагося удачнымъ опыта?

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, ибо оба опыта произведены однимъ и тѣмъ же вивисекторомъ, не считавшимъ нужнымъ измѣнять пріемовъ дѣйствій, когда тѣ же пріемы могли одинаково быть съ пользой примѣнены и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и экономія силъ требовала понапрасну не изощрять

своей изобрѣтательности, согласно французской пословицѣ, которая учитъ, что „le mieux est l'ennemi du bien".

Разумѣется, въ живыхъ уже давно не осталось никого изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ эпоху французской революціи. Но осталась система, осталась преемственная передача полномочій и правъ; остались тѣ же цѣли той же организаціи, того же могущественнаго союза, та же ненависть и тѣ же стремленія. . . .

Преемственно сохранились люди съ той же черной душой и той же покладистой совѣстью, оправдывающей средства ради цѣлей, къ которымъ стремится никогда не прекращающаяся, интенсивная дѣятельность, обезпеченная въ своемъ успѣхѣ сплоченностью всей арміи соучастниковъ, іерархической дисциплиной, тайной замысловъ и неограниченнымъ богатствомъ капиталовъ.

По тому же лекалу, по какому свершена была французская революція, замышлена была и русская, потому такъ часто и напоминающая, отдѣльными эпизодами и цѣлыми сплетеніями фактовъ, свою предшественницу. Къ счастью для насъ, не все затѣянное вышло въ выполненіи настолько же удачно, насколько разсчитывали составители общаго плана, между прочимъ и весьма компетентные, весьма ученые кадеты-профессора: „гладко вышло на бумагѣ, да забыли про овраги — а по нимъ ходить" ...

Вотъ эти то „овраги", по всей вѣроятности, сослужатъ намъ службу и помогутъ выбраться изъ того тупика, въ который заманили русскій народъ и гдѣ его окружили, обезоружили, ограбили, обезчестили и поработили. . . .

До XVIII Вѣка, масонство имѣло главнымъ образомъ свое средоточіе въ Англіи, гдѣ, еще со временъ Бэкона, установился опредѣленный „modus vivendi" между Англійскимъ государствомъ и „государствомъ въ государствѣ", каковымъ всегда стремится стать масонство среди каждаго народа, въ которомъ находитъ возможность заложить хотя бы одну единственную свою ячейку, умѣющую быстро расползаться въ цѣлый рядъ новыхъ ячеекъ.

Въ XVII Вѣкѣ англійское масонство благополучно выполнило свою очередную задачу, вызвавъ въ Англіи революцію со всѣми приличествующими ей „онёрами", т. е. съ цареубійствомъ, гражданской смутой, братоубійственной войной и полнымъ обновленіемъ всѣхъ формъ жизни, способствовавшимъ примѣненію этихъ формъ къ собственнымъ, специфическимъ цѣлямъ масонства. Само собой разумѣется, что и англійская революція не обошлась безъ преслѣдованія Католической Церкви, т. е. истинно Христіанской, преемственной Вѣры, хотя и не доходила до тѣхъ жестокостей (время къ тому еще не подошло

тогда), какими ознаменовалось уже прямое преслѣдованіе Ученія Христа во времена французской революціи.

Въ своемъ послѣдовательномъ ростѣ и усиленіи, масонству нуженъ былъ союзникъ, и такимъ оно избрало англійскій народъ, до самаго послѣдняго времени пребывавшій въ какомъ то особливомъ, таинственномъ соглашеніи съ масонами, о чемъ намъ можно судить отчасти по сочиненіямъ Бэкона, а главнымъ образомъ по тому, что до сихъ поръ всѣ политическія и соціальныя побѣды масонства были вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдами Англіи. — Выходитъ, повидимому, такъ, что „рука руку моетъ", и что оба союзника, на взаимныхъ уступкахъ и взаимной выгодѣ обосновавъ свое многовѣковое соглашеніе, неукоснительно другъ другу помогаютъ, часто настолько сливая свои интересы въ одно, что не всегда легко бываетъ разобраться, гдѣ и какъ разграничиваются эти интересы.

Но, тѣмъ не менѣе, интересы гдѣ то разграничены, ибо англійскій народъ и масонство не могутъ всецѣло слиться въ одно. Англійскій народъ принадлежитъ къ Арійской Расѣ. Онъ ярко и прочно выявилъ въ Исторіи свою самобытность и не потерялъ еще способности эту самобытность энергично отстаивать. Кромѣ того, однимъ изъ первыхъ Европейскихъ народовъ, онъ пріобщился къ Христіанской Вѣрѣ и ею дорожитъ. Безъ отчаянной борьбы, отъ своихъ Христіанскихъ и національныхъ идеаловъ онъ не можетъ отказаться, когда раскроются предъ нимъ весь ужасъ обмана и вся опасность уже вполнѣ снаряженной мины, подъ него подведенной.

Теперь, когда масонство, хотя и преждевременно, празднуетъ такое полное торжество надъ Россіей и Германіей, по всѣмъ видимостямъ близится время, когда затаенный врагъ обратитъ (уже обратилъ) свои взоры и на многовѣкового своего союзника, уже запутавшагося въ его сѣтяхъ, и тогда этотъ разрывъ ознаменуетъ собой предстоящій ожесточенный поединокъ между двумя міровыми силами, бывшими такъ долго объединенными.

Если только Англія, какъ нѣкоторые думаютъ, не окончательно порабощена, а можетъ быть и поглощена, масонствомъ, то иначе, какъ яростной борьбой, не можетъ закончиться тотъ моментъ, когда, сбросивъ маску, масонство захочетъ и въ отношеніи Англіи выступить полновластнымъ господиномъ. Не можетъ уважающій себя народъ, а такимъ до послѣдняго времени всегда былъ гордый Альбіонъ, признать добровольно, мирнымъ путемъ, власть разоблаченнаго масонства.

Ибо масонство, въ сущности, есть миѳъ, миражъ: это только ширма, за которой скрывается все тотъ же „господинъ въ лапсердакѣ", котораго мы показывали и за французской, и за русской революціями.

Для масоновъ низшихъ степеней, еще не „посвященныхъ" и жидами не купленныхъ, масонство есть хитроумно придуманная западня: въ нее ловятся „гои", т. е. Христіане, которыми такимъ путемъ іудеямъ удается пользоваться для осуществленія своихъ цѣлей, специфически еврейскихъ, сатаническихъ цѣлей побѣды надъ Христіанскимъ Міромъ.

Современные люди настолько отошли отъ духовнаго пониманія жизни, малѣйшимъ намекомъ выраженное мистическое міровоззрѣніе кажется имъ настолько неудобопонятнымъ и непріемлемымъ, что навѣрное мало найдется читателей, которые пожелаютъ серіозно вникнуть въ высказанную мысль. Между тѣмъ, никогда не было болѣе своевременнымъ, чѣмъ теперь, отрѣшиться отъ крайностей раціонализма и вдуматься, безъ предубѣжденій и предвзятыхъ мыслей, во всѣ явленія нашей современности.

Этотъ раціонализмъ много способствовалъ затемненію человѣческаго разума, подъ предлогомъ его проясненія. Въ этомъ отношеніи Реформація невольно, сама того не вѣдая, сослужила драгоцѣнную службу тѣмъ, кто былъ заинтересованъ въ такомъ затемненіи.

Самъ великій реформаторъ, докторъ Мартинъ Лютеръ, всегда такъ рѣзко отзывавшійся о еврейскомъ народѣ, вѣроятно былъ бы глубоко уязвленъ, еслибъ сознавалъ, что у него за ширмой былъ спрятанъ все тотъ же, „человѣкъ въ лапсердакѣ", руководившій, какъ маріонетками на шнуркахъ, и имъ самимъ, властнымъ вождемъ, и остальными дѣятелями движенія, имѣвшаго цѣлью разъединеніе и униженіе Церкви Христовой.

Въ серединѣ XVIII Вѣка масонъ профессоръ Вейсгауптъ, ректоръ университета въ Ингольштадтѣ, и его другъ и помощникъ, баронъ Книгге, подозрительный авантюристъ съ очень темнымъ прошлымъ, стали основателями новой масонской ложи, такъ называемаго Иллюминизма, и съумѣли объединить и подчинить своему вліянію всѣ остальныя масонскія организаціи, включая и англійскія.

Объединенное тайное общество, подъ управленіемъ властнаго и умнаго человѣка, какимъ былъ Вейсгауптъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ полу-честолюбивыхъ, полу-философскихъ и всецѣло всегда корыстныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе стало могущественнымъ союзомъ, что члены его, связанные между собой іерархической дисциплиной, страхомъ смерти въ случаѣ разглашенія какихъ либо тайнъ, взаимнымъ шпіонствомъ и общимъ честолюбивымъ стремленіемъ пріобрѣсти исключительное значеніе и преобладаніе въ современномъ имъ обществѣ, составили очень дѣятельное

сборище конспиративно вымуштрованныхъ людей, взаимными поддержкой и выручкой усиливавшее возможности каждаго активно служить своимъ вождямъ и успѣшно выполнять порученія, принимавшіяся съ покорнымъ усердіемъ и безпрекословнымъ повиновеніемъ.

Очень скоро вліяніе этого союза, и главнымъ образомъ его главы, Вейсгаупта, получило широкое распространеніе по всей Европѣ.

Вейсгауптъ оказался въ связи и соглашеніи съ Дидро, д'Аламберомъ, Кондорсе, Вольтеромъ (бывшимъ опредѣленно „на содержаніи" у англійскихъ масоновъ), Жанъ-Жакъ-Руссо и многими другими вліятельными людьми того времени. Позже, онъ былъ въ самой дѣятельной перепискѣ съ Мирабо и въ сношеніяхъ почти со всѣми тѣми, кому суждено было впослѣдствіи сыграть въ революціонной Франціи дѣятельную, трагическую роль.

Всѣ эти люди, по приказамъ, указаніямъ и инсинуаціямъ или просьбамъ масонскаго вождя, говорили и дѣлали какъ разъ все то, что подготовляло революцію, замышленную и ;чтенную Вейсгауптомъ. Надвигавшіяся на Францію бѣдствія Вейсгауптъ считалъ лучшимъ путемъ какъ для удовлетворенія личныхъ, эгоистичныхъ, корыстныхъ и честолюбивыхъ, происковъ и разсчетовъ, такъ и для восторжествованія своихъ утопическихъ, философическихъ мудрствованій, повидимому, выставлявшихся только какъ средство одурачиванія „публики".

Эта „философія" Вейсгаупта, въ общемъ, координировалась съ ученіемъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Чѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ совершеннѣе становится человѣкъ, тѣмъ легче освобождается онъ отъ гнета всѣхъ условностей, препятствующихъ развитію и удовлетворенію его естественныхъ порывовъ и влеченій. Среди этихъ условностей самый существенный вредъ причиняетъ главный врагъ („Ecrasez l'infâme!") а именно — Христіанская Церковь, а особенно — Церковь Католическая (разумѣется, и Православная, но къ ней въ то время имѣлъ мало касательства Вейсгауптъ), наиболѣе стойко и цѣлостно, непріемлемо для какихъ либо компромиссовъ, воспринимающая Христіанскіе Идеалы.

Протестанство подвергалось со стороны „Иллюминатовъ" гораздо меньшимъ нападеніямъ, ввиду его наклонности, путемъ широко допускаемыхъ церковью компромиссовъ, переходить въ деистическое ученіе, уже близкое къ конечной цѣли масонства, т. е. къ атеизму, а во всякомъ случаѣ отдаляющееся отъ страшнаго для масонства Имени Іисуса Христа, Спасителя и Бога нашего.

Согласно съ исходнымъ тезисомъ своей теоріи, полагающей основу человѣческаго счастья въ стремленіи отрѣшиться отъ

„искусственно созданныхъ" условностей жизни и въ исканіи своего совершенствованія, въ приближеніи къ естественной жизни Природы, послѣдователи Вейсгаупта сначала называлась „перфектибилистами", а затѣмъ уже переименовали свое ученіе въ „Иллюминизмъ".

Какъ ни стремились къ „нравстенному совершенствованію" Вейсгауптъ и его приверженцы, дѣятельность этого общества въ главной его резиденціи, городѣ Ингольштадтѣ, кончилась совсѣмъ неблагополучно. Были раскрыты многія преступленія, совершенныя шайкой „на партійной почвѣ", какъ выражаются — относительно совершаемыхъ ими гнусностей — разные наши „эсъ-эры", „эсъ-деки" и „кадеты", аплодировавшіе въ Государственной Думѣ извѣстіямъ о совершенныхъ политическихъ убійствахъ.

„Партійная почва" Вейсгаупта оказалась, по судебному разслѣдованію, какъ часто и у нашихъ „партійныхъ дѣятелей" бываетъ (неправда ли, господинъ министръ земледѣлія и сподвижникъ Керенскаго, Черновъ?) почвой чисто уголовной: „изъяты были изъ обращенія" многіе богатые люди, возбудившіе стяжательные аппетиты у „маститаго" ректора университета, у его друга барона Книгге и наиболѣе приближенныхъ „сотрудниковъ".

Заблаговременно бѣжавшіе Вейсгауптъ и Книгге были заочно приговорены къ смертной казни.

Случился этотъ „прискорбный казусъ", послужившій заключительнымъ аккордомъ дѣятельности знаменитыхъ искателей нравственнаго совершенства, уже въ началѣ французской революціи.

До этого Вейсгауптъ, своей широко распространенной и кипучей дѣятельностью, своими связями съ высшими общественными кругами всѣхъ европейскихъ странъ и даже съ нѣкоторыми коронованными лицами (даже съ Императоромъ Іосифомъ II, братомъ несчастной жертвы Вейсгаупта, Королевы Маріи-Антуанеты), успѣлъ пріобрѣсти громадное вліяніе. Всѣ нити всѣхъ заговоровъ, направленныхъ противъ монархическаго принципа и Католической Церкви, сосредоточивались у него.

Велики были самомнѣніе и тщеславная заносчивость ловкаго авантюриста, сознававшаго крупное, историческое значеніе своей личности въ подготавливавшихся событіяхъ. Тѣмъ болѣе велики были его разочарованіе и униженіе, когда, уже въ восьмидесятыхъ годахъ, къ нему явились посланныя отъ еврейскаго Кагала лица и объявили, что онъ обязанъ всецѣло подчиняться имъ, какъ уполномоченнымъ отъ высшаго еврейскаго органа власти быть исполнителями его, Кагала, „верховныхъ" велѣній и его довѣренными агентами.

На негодующій протестъ взволнованнаго профессора, пытавшагося обратить вниманіе на свои заслуги и доказать свое первенствующее, самостоятельное положеніе — ему было указано и доказано, что во все время, когда онъ думалъ дѣйствовать самостоятельно, онъ, въ сущности, былъ только выполнителемъ плановъ и предначертаній еврейскихъ главарей и всегда оставался, хотя невидимо, подъ ихъ контролемъ и руководствомъ. Забавно было открытіе того факта, что вся тонко подстроенная, могучая, широко и глубоко растягивавшаяся, шпіонская организація, на которую особенно горделиво полагался Вейсгауптъ, оказалась вовсе не въ его рукахъ, но въ еврейскихъ. . . . Дальше, было объявлено ему, чтобы онъ не зазнавался, чтобы понялъ, что является только презрѣннымъ „шабесъ-гоемъ“, могущимъ разсчитывать на милости и благоволеніе своихъ господъ лишь при покорномъ, безпрекословномъ подчиненіи. Вейсгауптъ, разумѣется, подчинился, „стиснувъ зубы и съ болью въ сердцѣ“, какъ выражается нашъ „видный политическій и общественный дѣятель“, достопочтеннѣйшій Александръ Ивановичъ Гучковъ.

Среди наиболѣе вліятельныхъ и видныхъ агентовъ Кагала выдѣлялся уже пожилой жидъ, Мейеръ Амшель, по вывѣскѣ (пророчески — красной) своей мѣняльной конторы и лавки нумизмата во Франкфуртѣ извѣстный подъ наименованіемъ Ротшильда (Roth Schild). Впослѣдствіи, этому еврею, въ награду за его „выдающіяся „заслуги“ предъ „Великимъ Израилемъ“, предоставлена была возможность обезпечить за собой крупное финансовое положеніе и пріуготовить для сыновей своихъ Ансельма, Соломона, Натана, Джемса и Карла — блестящую будущность и денежную власть надъ всѣми Европейскими странами.

Исполняя приказы Кагала, Мейеръ Амшель принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ и „розыгрышѣ“ французской революціи, но остался совершенно въ сторонѣ отъ видимаго участія въ какихъ либо ея эксцессахъ, въ то время какъ другіе агенты, впослѣдствіи гораздо менѣе его награжденные, должны были ринуться въ самую толщу революціонной вакханаліи и густо себя обагрить чистой и честной христіанской кровью. Больше того, во многихъ случаяхъ Амшель Мейеръ, какъ и его потомки, выступалъ почти открытымъ защитникомъ и помощникомъ монархистовъ. Очевидно, преднамѣченная его роду выдающаяся карьера допускала такія вольности и видимости, какъ бы противорѣчившія затаеннымъ замысламъ еврейства.

Эти видимыя противорѣчія вполнѣ окупались скрытымъ, тайнымъ значеніемъ рода Ротшильдовъ въ исторіи XIX и начала XX Вѣковъ.

По поводу Ротшильдовъ, невольно снова вспоминается Петербургскій банкиръ Димитрій Рубинштейнъ, также проповѣдующій монархическія убѣжденія. Относительно этого еврея, которому необыкновенно повезло въ жизни, въ смыслѣ еврейскихъ понятій о счастьѣ, т. е. на почвѣ „поклоненія золотому тельцу" — ничего не могу сказать опредѣленнаго, но нѣкоторая аналогія заставляетъ призадуматься.

Я почти убѣжденъ, что многіе, прочитавъ эти строки, запротестуютъ по поводу высказаннаго мною утвержденія о тайномъ, но могучемъ значеніи высшаго еврейскаго органа управленія. Постараются доказать, что такое мнѣніе есть только „плодъ разгоряченной фантазіи", что ничего подобнаго не существуетъ. . . .

Сомнѣвающимся рекомендую ознакомиться съ нѣкоторыми трудами серіозныхъ изслѣдователей, ученыхъ, мыслителей, писателей и общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ въ Европѣ недостаточно популярны исключительно потому, что ихъ всегда умышленно замалчиваетъ пресса, вся сплошь еврейская или подкупленная іудеями. Даю перечисленіе нѣкоторыхъ именъ, которыя приходятъ на память; существуетъ, разумѣется, и много мнѣ незнакомыхъ, а также такихъ, которыхъ я сейчасъ не припоминаю.

Въ Англіи — Чемберленъ; во Франціи — Дрюмонъ, Турмантенъ, Копэнъ-д-Албанселли, Гужено де Муссо; въ Германіи — Мюллеръ фонъ Гаузенъ; въ Россіи — Достоевскій („Жиды погубятъ Россію!" — его восклицаніе въ „Дневникѣ Писателя"), Шабельская-Боркъ, Нилусъ, Шмаковъ, Лютостанскій, Бутми-де Кацманъ, Вагнеръ („Котъ-Мурлыка": его романъ „Темный Путь"). . . .

По поводу высшей іудейской власти, вотъ что говоритъ большой знатокъ по вопросамъ, касающимся исторіи и жизни евреевъ, французскій писатель Gougenot des Mousseaux", въ своей замѣчательной книгѣ, полной потрясающихъ разоблаченій и озаглавленной — „Le Juif, le Judaïsme et la Judaïsation des peuples chrétiens":

„Un centre de commandement et de direction a toujours existé chez les Juifs depuis leur dispersion générale jusqu'à nos jours. Cette direction se trouve aux mains de princes occultes dont la succession se pérpétue régulièrement. Ainsi la nation juive a toujours été conduite comme une immense société secrète qui donne, à son tour, l'impulsion aux autres sociétés secrètes".

Еслибъ возможно было нѣкоторыхъ, компетентныхъ въ тайныхъ дѣлахъ своего народа, посвященныхъ евреевъ, какъ напримѣръ Винавера, Грузенберга, уже умершаго революціонера-террориста, Гершуни, бывшаго членомъ верховнаго еврейскаго совѣта, заставить говорить правду, они подтвердили бы

все, здѣсь сказанное, и только въ подробностяхъ внесли бы коррективы, ввиду невозможности для христіанъ раскрыть всѣ мелочи іудейскаго заговора.

Gougenot des Mousseaux упоминаетъ о еврейскихъ „princes occultes", въ чьихъ рукахъ сосредоточивается тайная верховная власть надъ іудейскимъ народомъ. Само собой разумѣется, что эти своеобразные „князья", еврейскіе „князья изгнанія", по формѣ, ничего общаго не имѣютъ съ представителями родовыхъ аристократій другихъ народовъ: обыкновенно они являли собой тотъ же пахучій и неэстетичный видъ, что и ихъ „подданные". Они дѣйствительно ведутъ свой родъ отъ царя Давида и поэтому пользуются среди своихъ сородичей особыми обаяніемъ и уваженіемъ; но носятъ они свое званіе тайно, не разглашая его среди чужихъ народовъ, и видимой дѣятельностью и общественнымъ положеніемъ ни въ чемъ, по крайней мѣрѣ для нашихъ глазъ, не отличаются отъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ.

Въ настоящее время, вѣроятно, члены этого верховнаго іудейскаго совѣта, по своему образованію и общей культурѣ, соотвѣтствуютъ духу времени. Что касается XУIII Вѣка, когда эти „князья" были во главѣ заговора, готовившагося противъ католической и монархической Франціи, потомки израильскихъ царей, въ смыслѣ представительности, оставляли желать многаго, даже болѣе того — поражали своимъ убогимъ видомъ. Бѣдность и лишенія, сопутствовавшія этимъ родамъ въ теченіи многихъ рядовъ поколѣній, сильно понизили и съузили умственныя способности ихъ отпрысковъ, такъ что „Верховный Кагалъ" сохранялъ среди евреевъ свое значеніе по традиціи, но никакъ не по достоинствамъ тѣхъ, кто его представлялъ. Вслѣдствіе своего „сана" и тайныхъ обязанностей принужденные жить въ Іерусалимѣ, „святомъ городѣ", котораго священное для каждаго еврея значеніе санкціонировало ихъ авторитетъ, они тамъ, среди бѣднаго населенія, не могли обогащаться подобно евреямъ, свободно рыскающимъ по свѣту и эксплуатирующимъ Христіанскіе народы; поэтому и ихъ умственный кругозоръ поневолѣ ограничивался старинными стѣнами Іерусалима.

И тѣмъ не менѣе, по убѣжденіямъ и вѣрованіямъ евреевъ, этимъ людямъ принадлежитъ власть надъ міромъ. . . . Само собой разумѣется, что они могли стремиться осуществлять эту власть только черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, жившихъ въ Европѣ и Америкѣ, людей гораздо болѣе опытныхъ, просвѣщенныхъ и яснѣе понимавшихъ круговоротъ міровыхъ событій, нежели эти властители, существовавшіе для проформы, для удовлетворенія врожденнаго въ каждомъ еврeѣ чувства благоговѣнія къ стариннѣйшимъ преданіямъ, тради-

ціямъ, пророчествамъ, вѣрованіямъ, суевѣріямъ, и даже изувѣрческимъ ритуаламъ своего народа. Въ этой области, по отношенію къ себѣ самимъ, евреи поступаютъ какъ разъ обратно тому, какъ они дѣйствуютъ при соприкосновеніи съ другими народами: тамъ, а особливо въ отношеніи народовъ католическихъ и православныхъ, они настолько же страстно и злобно стремятся подорвать вѣру, традиціи, національную власть и вообще всю самобытность чужихъ народовъ, насколько страстно и упорно отстаиваютъ собственную свою самобытность.

Изъ сказаннаго явствуетъ, какимъ всеобъемлюще вліятельнымъ и значительнымъ дѣлалось положеніе тѣхъ евреевъ, которые удостаивались назначенія на должности „уполномоченныхъ Кагала".

Только теперь, этими длинными вводными разсужденіями, необходимыми для ясности историческихъ перспективъ, указавъ на сущность масонства, къ сожалѣнію такъ мало знакомую большинству образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а мало образованнымъ и совсѣмъ невѣдомую — я могу приступить къ воспоминаніямъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ французской революціи, насколько эти эпизоды и общее теченіе событій представляютъ сходство съ нашей смутой, по методу неопровержимой аналогіи являя доказательства того, что обѣ революціи имѣютъ одно и тоже происхожденіе въ преступныхъ тайникахъ іудо-масонства. О связи масоновъ съ евреями, о таинственномъ ихъ подчиненіи директивамъ отверженнаго отъ Бога племени, было сказано достаточно, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не повторяться и считать для читателей понятнымъ, что тамъ, гдѣ говорится о дѣйствіяхъ масоновъ, слѣдуетъ всегда подразумѣвать высшее руководительство іудеевъ.

Мы уже указывали на вліяніе, которое имѣло масонство на дѣятельность французскихъ „энциклопедистовъ", прежде всего потому, что почти всѣ эти энциклопедисты сами были масонами . . . О тѣсной связи Вейсгаупта съ французскими писателями, мыслителями и дѣятелями — мы упомянули.

Не всѣмъ извѣстно, что Вольтеръ, Дидро, д-Аламберъ и нѣкоторые другіе писатели были настолько тѣсно связаны съ масонской Англіей, что каждый изъ нихъ, въ трудные или сомнительные моменты жизни, ѣздилъ туда для полученія поддержки (между прочимъ, и денежной, какъ напримѣръ Вольтеръ) и указаній, обнаруживая такимъ образомъ свою зависимость.

Французскіе писатели того времени казались Англіи чрезвычайно полезными, ибо, лучше могучаго флота и пе! воклассной арміи, они постепенно разрушали національное и государственное могущество своей родины, многовѣковой соперницы властолюбиваго Альбіона.

Служа какимъ то туманнымъ, якобы ,,общечеловѣческимъ", идеаламъ, французская литература XVIII Вѣка яростно ополчилась на два устоя Франціи того времени, бывшіе гарантіей ея счастливаго существованія и преуспѣянія — на католическую церковь и на королевскую власть. Въ нѣсколько десятилѣтій эти два начала были въ достаточной степени надорваны и расшатаны въ общественномъ мнѣніи, такъ что облегченъ былъ путь для революціоннаго удара. Нѣкоторыя настроенія, неурядицы, недостатки и даже пороки, составляющіе необходимый придатокъ всякаго дѣла несовершенныхъ рукъ человѣческихъ, были выдвинуты въ преувеличенномъ видѣ и тенденціозномъ толкованіи, въ то время какъ всѣ достоинства, качества и возвышенные, облагораживающіе завѣты тогдашняго строя французской жизни были старательно затушеваны и обойдены молчаніемъ.

Тоже самое происходило и въ Россіи въ теченіи всей второй половины XIX Вѣка (какъ разъ начиная съ Эпохи Великихъ Реформъ!), не говоря ужъ о началѣ XX, когда нападенія нашей литературы на Царскую Власть, на Церковь, на всѣ идеалы Христіанской Культуры, происходили уже вполнѣ явно.

Роль Вольтера, Жанъ-Жакъ Руссо, наиболѣе талантливыхъ и сильныхъ развратителей народныхъ, вполнѣ уподобляется роли Толстого и Горькаго, наносившихъ послѣдніе губительные удары нашему старому строю, послѣ стольких болѣе или менѣе талантливыхъ и мало честныхъ писателей, начавшихъ использованіе своей литературной работы на дѣло разрушенія Россіи.

Припомнимъ, кстати, какой популярностью и крикливой рекламой пользовался Толстой въ еврейскомъ станѣ; какъ постоянно къ нему наѣзжали на поклоненіе цѣлыя стаи юркихъ жидковъ, съ которыми геніальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславный и честолюбивый старикъ обмѣнивался взаимными любезностями. Къ сожалѣнію, въ отношеніи тщеславія, Толстой страдалъ той же слабостью, что и Вольтеръ: какъ и французскій разрушитель и осквернитель всего, до чего прикасался, и нашъ великій писатель и обанкротившійся философъ былъ чрезвычайно падокъ на всеобщее поклоненіе и лесть толпы.

Что касается ,,проповѣди" Толстого о непротивленіи, опрощеніи, отрицаніи государства и Церкви, то въ этихъ чертахъ онъ представлялъ большое сходство съ Руссо. Даже и въ подробностяхъ частной жизни, сомнительная нравственность

Руссо соотвѣтствовала подобной же сомнительной Толстовской морали, котораго „amitié amoureuse" съ Чертковымъ была бы предметомъ большого соблазна и причиной паденія престижа имени великаго писателя Земли Русской, еслибъ Государь Императоръ Николай Александровичъ, послѣ его смерти, не приказалъ уничтожить нѣкоторые компрометировавшіе документы, спасая такимъ образомъ доброе имя Своего заклятаго врага, въ которомъ Онъ цѣнилъ и берегъ частицу „Русской Славы".

По таланту, Амфитеатровъ, разумѣется, не можетъ стать близко къ Толстому. Тѣмъ не менѣе, онъ талантливый, умный, выдающійся писатель, имѣющій большое вліяніе на довольно большой кругъ читателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является яркимъ образчикомъ продавшагося врагамъ своей родины наймита, дѣйствовавшаго всегда въ ущербъ русскимъ національнымъ и государственнымъ интересамъ, которыхъ значеніе онъ подрывалъ насмѣшкой, намеками, клеветою и шаржемъ.

„C'est tout comme c'était chez nous!" — можетъ воскликнуть любой Французъ по поводу нашей литературы дореволюціонной эпохи.

Я взялъ наиболѣе яркіе примѣры, съ громкими именами.

Но разумные русскіе люди, понимающіе смыслъ происходящихъ событій и значеніе не только преступныхъ явленій, но хотя бы мелочей нашей современности, могутъ привести много подтвержденій тому, что русская литература нашего времени, какъ и французская литература XVIII Вѣка, была подъ очень скверными вліяніями и распространяла по всей странѣ не облагораживающее, стойкое и животворное воздѣйствіе религіозно, нравственно, политически и общественно честныхъ и здоровыхъ, производительныхъ настроеній, но систематически развращала всѣ классы общества, разбивая идеалы, которыми оно жило, и ничего, кромѣ трескучихъ фразъ и безпочвенныхъ теорій, не давая взамѣнъ.

„Сіонскіе Мудрецы!" Вы можете быть довольны вашими русскими учениками во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ французскими энциклопедистами и подпавшими подъ ихъ вліяніе высшимъ и среднимъ обществомъ Франціи XVIII Вѣка. . . . У насъ результаты вышли даже еще болѣе блестящими: ваше „просвѣщенное воздѣйствіе" распространилось еще ниже среди русскихъ людей не только образованныхъ (въ сущности, настоящая, культурная просвѣщенность всегда чуралась вашихъ вліяній), но и мало мальски грамотныхъ, безпрекословно вѣрящихъ всему тому, что „умная книжка" говоритъ — а „умная книжка" почти всегда исходила отъ васъ: если бывала книга, не отъ васъ исходившая и вамъ почему либо не нравившаяся, обыкновенно потому, что она говорила настоящую правду, а не

вашу, поддѣльную, фальсифицированную, вы умудрялись очень ловко и быстро изъять ее изъ обращенія; ибо за васъ была печать, подло вамъ продавшаяся, и за васъ же были апломбъ, нахальство, наглость еврейскаго племени, умѣющаго, какъ никто другой, визгомъ, гвалтомъ, клеветой, шантажемъ и угровой навязывать свое мнѣніе робкому, дряблому „обывателю" ...

Подъ вашимъ внушеніемъ и контролемъ, съ давнихъ поръ наша молодежь, по мѣрѣ своего вступленія въ зрѣлый возрастъ пополнявшая ряды „интеллигенціи", воспитывалась такимъ образомъ, что не только не понимала чувствъ патріотизма, націонализма и уваженія къ своей родной государственности, но эти естественныя чувства осуждала и сознательно отъ себя отстраняла. Въ то время какъ наставники этой интеллигенціи, евреи, отличались фанатической преданностью всѣмъ своимъ національнымъ традиціямъ, обычаямъ, суевѣріямъ и даже кровавымъ ритуаламъ, они, эти самые наставники, умѣли вселить въ своихъ учениковъ полное отчужденіе отъ естественныхъ для каждаго народа національныхъ чувствъ. . . .

Такъ, раскрытые Нилусомъ „Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ", съ неуклонной настойчивостью, систематически проводились въ жизнь во всѣхъ своихъ указаніяхъ и приказахъ. Такъ русскіе люди безсознательно, но прочно и безвозвратно, становились „шабесъ-гоями", т. е. слугами еврейства, которое, какъ по нотамъ, разыгрывало это человѣческое стадо по своимъ желаніямъ. . .

И наконецъ пришло время, когда можно было начать въ Россіи открытую борьбу противъ Христовой Церкви и Царской Власти. . . . И тогда все было уготовлено такимъ образомъ, что, передъ взрывомъ революціи, тѣ немногіе, которые ей не сочувствовали, были разъединены, разбросаны по Россіи и обезврежены, въ то время какъ громадное большинство русской либеральной „интеллигенціи", подъ эгидой мятежной государственной думы, „вѣнца" нашей общественности, восторженно привѣтствовало Петербургскіе безпорядки, принимало участіе въ подломъ добиваніи замученныхъ и растерзанныхъ, честныхъ городовыхъ Русской Столицы и съ нетерпѣніемъ ожидало провозглашенія „Всероссійской республики", въ которой видѣло начало новыхъ, „счастливыхъ" временъ. Безъ большого труда „Мудрецамъ" удалось такъ загипнотизировать этотъ дряблый и презрѣнный сбродъ людской, что они съ хохотомъ могли наблюдать за пикантной картиной, какъ русскіе люди изступленно радостно привѣствовали шествіе своихъ собственныхъ похоронъ, къ несчастью, не только своихъ личныхъ похоронъ, которыя и я готовъ бы былъ привѣтствовать, надѣясь на будущія, болѣе достойныя, честныя и умныя поколѣнія, но и похо-

ронъ многаго свѣтлаго, благороднаго, завѣтнаго, чѣмъ справедливо гордилась и чѣмъ была сильна наша Родина.

„Мудрецы" только немного приспособились къ требованіямъ времени, внеся необходимыя измѣненія и дополненія; но въ общемъ, вѣроятно хорошо зная свою „публику", они не сочли нужнымъ измѣнять разъ уже составленную и хорошо удавшуюся программу дѣйствій, которую примѣняли къ новой революціи, часто до смѣшного не трудясь замаскировать своихъ дѣйствій, нисколько не боясь вызвать подозрѣній слишкомъ точнымъ повтореніемъ пріемовъ.

Оказалось, что они были правы: наше образованное и полуобразованное общество такъ мало и плохо знало исторію, такъ на вѣру принимало подтасованные выводы, ему подносимые отчасти подкупленной, отчасти слѣпой и одураченной офиціальной наукой, что дѣйствительно не стоило для такихъ простаковъ тратить лишняго пороха; ихъ отлично можно было обморочить и надуть все тѣми же старыми способами.

Болѣе того, этихъ же старыхъ способовъ, старыхъ іудейскихъ подлоговъ и грубыхъ обмановъ, хватило не только для глупаго русскаго народа, имѣвшаго оправданіемъ, что между его революціей и французской пронеслось уже столѣтіе; но тутъ же, сейчасъ же послѣ того, черезъ полтора года, когда ясно всѣмъ было видно, что сдѣлалось съ обезумѣвшей Россіей, этихъ же пріемовъ хватило и на обманъ глупыхъ нѣмцевъ, на покорное приведеніе и этого могущественнаго народа подъ владычество омерзительной жидовской „пантофли".

И этотъ народъ, какъ и русскій, лишившись Императорской Власти, оказался растеряннымъ, ничего не могущимъ, ничего не умѣющимъ, сбродомъ ни къ чему не способныхъ, метущихся въ закоулкахъ и тупикахъ, безпомощныхъ людишекъ, еще недавно удивлявшихъ міръ своей организованностью, своей систематичностью, своимъ трудолюбіемъ, выдержкой и сплоченной силой.

И точно такъ же, сто лѣтъ тому назадъ, оказался кастрированнымъ евреями великій, рыцарственный, великодушный, мужественный французскій народъ, нынѣ превратившійся въ то ожидовѣлое сообщество, которое всѣ свои интересы и запросы ограничиваетъ вопросами наживы, обогащенія, ублаженія себя такъ скоро проходящими временными благами жизни, народомъ, не сумѣвшимъ, съ помощью какихъ нибудь остатковъ прежняго своего благородства, оказаться достойнымъ такъ неожиданно выпавшей на его долю побѣды и, какъ жидъ на толкучкѣ, какъ Шейлокъ, норовящимъ вырѣзать послѣдній клочекъ мяса изъ живого тѣла сраженнаго въ честномъ бою, честнаго германскаго воина.

Какіе же вы ловкіе и догадливые люди, „Мудрецы отъ Сіона"! Какъ знаете вы, что въ борьбѣ вашей съ христіанскими народами наносите имъ смертельные удары, когда вамъ удается разрушить престолы ихъ законныхъ, Божіей Милостью царствующихъ, Государей. . . .

Подъ вашимъ высшимъ руководствомъ въ Западной Европѣ, въ XVIII Вѣкѣ, цѣлыя поколѣнія, стараніями Вейсгауптовъ, Вольтеровъ, Руссо и прочихъ слугъ вашихъ, очень успѣшно подготовлялись къ воспріятію „новыхъ идей", несенныхъ французской революціей.

Не менѣе успѣшно, и подъ тѣмъ же вашимъ руководствомъ, обрабатывались и тѣ русскія поколѣнія, которымъ суждено было дожить до нашей революціи, быть въ ней кратковременно активными дѣятелями, а затѣмъ — пассивными жертвами, обезсиленными, обезличенными, порабощенными.

Я позволю себѣ привести здѣсь три эпизода, отлично характеризующіе, по моему мнѣнію, какъ разъ мое поколѣніе, т. е. тѣхъ русскихъ людей, которымъ нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, и которые, слѣдовательно, въ большой части, совершили уже почти все, что отъ нихъ полагалось ожидать, и должны уже, потихоньку да полегоньку, начать „строиться къ разсчету".

Какой это будетъ строгій разсчетъ. . . .

Первый эпизодъ касается воспоминанія изъ моей собственной юности.

1883-ій годъ. Мнѣ 14 лѣтъ, и я только что поступилъ въ 5-ый классъ Кіевской 2-ой Классической Гимназіи.

„Большая перемѣна" (одинъ часъ) передъ урокомъ Закона Божіяго.

Въ классѣ стоитъ группа мальчиковъ и разговариваетъ между собой. Съ ними и я. Говоритъ съ большимъ апломбомъ, пользуясь въ классѣ авторитетомъ, первый ученикъ, „идущій на круглыхъ пятеркахъ". Я больше помалкиваю и слушаю, что говорятъ старшіе. . . .

Мое положеніе въ классѣ — довольно сносное. Отъ природы я былъ добродушнымъ и веселымъ; ничего особенно сквернаго во мнѣ мои новые товарищи не замѣчали. Но . . . были у меня прирожденные пороки, отъ меня не зависѣвшіе, и тѣмъ не менѣе заставившіе относиться ко мнѣ если и снисходительно, то всетаки сдержанно и немножко предубѣжденно. Дѣло въ томъ, что происхожденіе мое и ближайшее родство оставляли желать много лучшаго въ мнѣніи гимназистовъ: мой отецъ былъ генералъ и командовалъ кавалерійской дивизіей въ городѣ. У этихъ юныхъ русскихъ гражданъ было опредѣленно-отрицательное отношеніе ко всему военному, которое отмѣчалось общей презрительной кличкой — „военщины". А „воен

щина" — это было олицетвореніе всего „отсталаго", „неразвитого", „нелиберальнаго" (о, какъ хорошо работали вы уже и тогда, „Сіонскіе Мудрецы!"). Кромѣ того, считали меня очень неразвитымъ потому, во-первыхъ, что я не читалъ Дарвина и Бокля, а во вторыхъ и потому, что еще сохранялъ религіозныя вѣрованія (по мнѣнію „ученыхъ" гимназистовъ и нѣкоторыхъ учителей, въ моемъ возрастѣ смѣшно было вѣрить „дѣтскимъ сказкамъ"). Затѣмъ, я, повидимому, былъ еще и патріотомъ, но совсѣмъ не интересовался „народомъ" и . . . почиталъ Государя. Они, впрочемъ, не знали еще и того, что два года раньше я плакалъ, когда убили Царя-Освободителя.

Наконецъ, и это, пожалуй, было главнымъ пунктомъ, роняющимъ меня въ глазахъ моихъ умудренныхъ товарищей, я былъ еще настолько неразвитъ, что не имѣлъ никакихъ политическихъ убѣжденій. Въ четырнадцать то лѣтъ — и не имѣть никакихъ политическихъ убѣжденій: это ли не было зазорно!

Въ этотъ день изъ за меня то разговоръ и принялъ тотъ характерный оборотъ, который сохранился въ моей памяти и нынѣ попадаетъ на эти страницы какъ яркій образецъ воспитательнаго вліянія того общества, которое изъ русскихъ юношей готовило своеобразныхъ гражданъ.

Кто то, имѣя въ виду меня, отозвался презрительно о „военщинѣ". Тотъ первый ученикъ, о которомъ я уже упомянулъ, за меня заступился и высказалъ слѣдующее.

„Онъ не виноватъ въ томъ, въ какой средѣ онъ родился. . . Я и самъ" — прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ — „сынъ пѣхотнаго капитана, ротнаго командира. Но мой отецъ — недурной человѣкъ; кое что читаетъ; нельзя сказать, чтобы былъ совсѣмъ необразованнымъ". . . . — (Это мальчишка то 15 лѣтъ давалъ аттестацію отцу своему!) — „А вотъ мой дѣдушка, такъ тотъ — попъ. Но тоже хорошій, разумный старикъ. . . . А всетаки", прибавилъ онъ, — „мнѣ немного неловко, что и отецъ и дѣдъ принадлежатъ къ такимъ вреднымъ сословіямъ, которыя ничего не даютъ народу" . . .

Я что то заспорилъ о религіи. Тогда мой мудрый товарищъ и нѣкоторые другіе поспѣшили мнѣ объяснить, что вѣра въ Бога и въ безсмертіе души есть предразсудокъ, совершенно сведенный на нѣтъ современной наукой. Послѣ разслѣдованій ученыхъ послѣдняго времени, не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что по ту сторону жизни — нѣтъ ничего: ни Бога, ни духовнаго міра. Всѣ эти разсказы суть только пережитки суевѣрій прежнихъ временъ. . . .

„Да вотъ — я могу сейчасъ вамъ дать и доказательство, что Бога нѣту", — воскликнулъ все тотъ же гимназистъ: „сейчасъ у насъ будетъ Законъ Божій, и попъ навѣрное меня вызоветъ. И поставитъ мнѣ пятерку, какъ всегда, несмотря на то,

что въ Бога я совсѣмъ не вѣрю: но урокъ то я вызубрилъ великолѣпно, и не можетъ случиться такого чуда, что не существующій Богъ меня покараетъ за мое невѣріе“. . . .

Насталъ урокъ Закона Божіяго. Священникъ дѣйствительно вызвалъ юнаго атеиста и . . . поставилъ ему пять балловъ . . .

Видя это торжество богохульственнаго вызова, сердце у меня очень болѣло, и я чувствовалъ себя глубоко униженнымъ и посрамленнымъ въ своихъ вѣрованіяхъ. . . .

Другой эпизодъ. Зима 1918 года. Я сижу въ тюрьмѣ, приговоренный къ каторгѣ за монархическій заговоръ. Мнѣ очень посчастливилось попасть подъ судъ „верховнаго революціоннаго трибунала“ какъ разъ въ эпоху начала большевистскаго торжества: нѣсколькими мѣсяцами раньше, при Керенскомъ, и нѣсколькими мѣсяцами позже, при тѣхъ же большевикахъ, за гораздо меньшія „провинности“, чѣмъ мои, насъ не судили, но упрощеннымъ порядкомъ, безъ суда, предавали истязаніямъ и мучительной смерти.

Со мной вмѣстѣ въ тюрьмѣ сидѣлъ Бурцевъ. Какая иронія судьбы! Соціалистъ-революціонеръ-террористъ, заклятый врагъ Монархіи, „другъ народа“, соціалистами же большевиками былъ ввергнутъ въ одно и тоже узилище, какъ и „врагъ народа“ (какого?), замышлявшій противъ „великихъ завоеваній революціи“.

Бурцевъ года на четыре старше меня, а слѣдовательно принадлежитъ совершенно къ одному со мной поколѣнію.

Какъ то разъ, онъ разсказывалъ воспоминаніе изъ своего дѣтства: разсказывалъ съ удовольствіемъ, и даже не безъ горделиваго самодовольства.

„Я совершилъ первый свой революціонный актъ“, — говорилъ, улыбаясь, Бурцевъ — „когда мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ: былъ я тогда гимназистомъ. Случилось это послѣ 1-го Марта 1881 года, когда, на другой день, насъ всѣхъ въ гимназіи погнали присягать новому Государю. Я рѣшилъ уклониться отъ этой повинности, которая противорѣчила моимъ убѣжденіямъ, и два дня кряду не ходилъ въ гимназію. Но, наконецъ, начальство меня поймало и заставило продѣлать церемонію“ . . .

Этотъ разсказъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, и я предался скорбнымъ, горестнымъ думамъ. . . .

„Несчастные русскіе мальчики!“ — думалъ я: „какъ спозаранку злые, безчестные люди коверкали ваши юныя души, разъ уже въ четырнадцать лѣтъ, еще только вступая не въ сознательную, но въ полусознательную жизнь, вы начинали

свои „гражданскіе подвиги" съ неуваженія къ законамъ своей родной страны и съ ненависти къ исконнымъ, національнымъ государственнымъ устоямъ, ни смысла, ни значенія которыхъ вы никакъ еще не могли понимать. . . . И въ какое время это дѣлалось! Какъ разъ въ моментъ трагической кончины благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго Государя, отдавшаго всего Себя влеченіямъ Своей мягкой, отзывчивой, любвеобильной души и, если чѣмъ и ошибавшагося, то только тѣмъ, что изъ любви къ народу Своему, изъ желанія ему возможно большаго добра, возможно большаго благосостоянія и преуспѣянія Своей Родинѣ, Онъ народу предоставилъ большія права самостоятельности, чѣмъ могъ этотъ народъ воспринять. . . .

Да есть ли такой Христіанскій народъ, который способенъ воспринимать, на благо себѣ, и самостоятельность, и свободу, когда среди каждаго изъ нихъ живетъ змѣя подколодная, зорко высматривающая удобный моментъ, чтобы выпустить свое ядовитое жало и первые же шаги самостоятельной, неограждениой и незащищенной жизни народной использовать для своихъ собственныхъ, народу-хозяину гибельныхъ, цѣлей. . . .

Несчастные русскіе люди! Какъ, видно, васъ исковеркали „партійные пути" вашей жизни, разъ вы можете испытывать самодовольство при воспоминаніи о такихъ Вашихъ дѣтскихъ продѣлкахъ, по поводу которыхъ хочется плакать. . . .

Третій эпизодъ касается воспоминаній одного молодого Нѣмца, съ которымъ я сблизился здѣсь въ Германіи искренней дружбой и которому предсказываю почетное мѣсто въ будущей исторіи его Родины, ибо, среди современныхъ Нѣмцевъ, онъ выдѣляется какъ исключительно чистый и честный, одаренный умственно и духовно, человѣкъ, и горячо любящій свою родину такъ, какъ любили ее Нѣмцы XIX Столѣтія.

Мой другъ провелъ два года въ русскомъ плѣну; успѣлъ за это время очень основательно изучить русскій языкъ, такъ что говоритъ на немъ совершенно свободно, и полюбилъ наше отечество со всѣмъ жаромъ молодого энтузіазма, бывшаго удѣломъ не нынѣшнихъ Нѣмцевъ, но давнишнихъ, коихъ располагающій къ себѣ благородный характеръ добраго стараго времени такъ часто находилъ себѣ откликъ въ сердцахъ нашихъ соотечественниковъ половины прошлаго Столѣтія, любившихъ подолгу заживаться въ Германіи и съ ней связывавшихся взаимными узами сочувствія, уваженія и дружбы.

Въ настоящее время, мой другъ смотритъ на Россію, какъ и я; да и вообще, въ большинствѣ нашихъ воззрѣній, убѣжденій и идеаловъ — мы почти во всемъ съ нимъ сходимся.

Но раньше онъ представлялъ себѣ наше отечество въ совершенно другомъ освѣщеніи.

Во время войны, какъ военно — плѣнный, онъ былъ прикомандированъ въ помощь къ одному нашему лѣсничему, въ Донской Области, и тамъ то онъ и выучился прекрасно говорить и писать по русски. Онъ не ограничился этимъ, достаточнымъ для иностранца, „подвигомъ", но еще изучилъ основательно Русскую Исторію и Литературу: онъ перечиталъ всѣхъ нашихъ классиковъ и перечиталъ ихъ тоже, какъ нѣмецъ умѣетъ это дѣлать, „съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой". Такимъ образомъ въ настоящее время онъ дѣйствительно можетъ сказать, что, для иностранца, знаетъ хорошо Россію, особенно если взять во вниманіе еще и то, что онъ и практически хорошо узналъ Россію, постоянно сталкиваясь со всевозможнымъ людомъ и, изъ желанія удовлетворить свою любознательность, часто и вызывая такого рода житейскія встрѣчи, очень полезныя для проникновенія во внутреннюю жизнь народа.

Съ лѣсничимъ мой пріятель тѣсно подружился и пользовался разговорами съ нимъ для пополненія своего изученія Россіи. Но разсказы его были односторонни и тенденціозны. Онъ, какъ и полагалось у насъ, увы, среди этого сорта людей, являлъ яркій типъ русскаго либерала-интеллигента.

Радушный, любезный, отзывчивый, участливый къ бѣдѣ ближняго, преисполненный патріотическихъ чувствъ въ отношеніи той воображаемой имъ, но не настоящей, „демократической" Россіи, которой поклонялся, онъ могъ бы быть названъ хорошимъ сыномъ своей Родины, еслибъ не былъ искалѣченъ русской интеллигентской средой, еслибъ не былъ безпочвеннымъ фантазеромъ, вкривь и вкось судившимъ о вещахъ, которыхъ не зналъ и не понималъ; еслибъ на всю русскую жизнь не смотрѣлъ сквозь кадетско-жидовскія очки; еслибъ не видѣлъ расцвѣта будущей Россіи оттуда, откуда, вмѣсто „расцвѣта", должны были придти Милюковы-Гучковы-Керенскіе — „Бабушки" — Ленины — Троцкіе. . . .

Человѣкъ онъ былъ старый — перешелъ за шестьдесятъ лѣтъ.

Онъ старался внушить молодому иностранцу, вначалѣ совершенно незнакомому съ русской жизнью, что въ этой жизни все хорошее, будто бы, дается русской общественностью, которой, молъ, ставитъ преграды и препоны „злое" Самодержавіе своимъ яко бы вреднымъ воздѣйствіемъ на всю Исторію Россіи.

Однако, Нѣмецъ оказался смышленнымъ человѣкомъ, не принимавшимъ на вѣру всего, что ему говорилось, и стремившимся провѣрить разсказы собственными наблюденіями. Изъ книгъ по Русской исторіи онъ выводилъ заключенія, обратныя тому, что повѣствовалъ лѣсничій: эти книги приводили, часто

помимо собственнаго желанія ихъ авторовъ, къ выводу, что вся Россія, всѣмъ величіемъ своимъ, всѣмъ богатствомъ духовнымъ и умственнымъ, всѣмъ блестящимъ расцвѣтомъ своей Литературы и своей Науки — обязана всецѣло Русскимъ Царямъ, а никакъ не немощной, бездарной и безпочвенной своей общественности.

Ознакомившись съ нашей Литературой, „плѣнникъ" наиболѣе увлекся, кромѣ Толстого и Тургенева, тремя нашими писателями — Достоевскимъ, Лѣсковымъ и Алексѣемъ Толстымъ, какъ разъ говорившими совсѣмъ не то, о чемъ разглагольствовалъ либеральный лѣсничій. Нѣмецъ еще болѣе подробно и, такъ сказать, спеціально сталъ изслѣдовать этотъ, крайне заинтересовавшій его, вопросъ и опять таки пришелъ къ еще болѣе прочному убѣжденію. Онъ убѣдился, что все благое, дѣйственное, въ долготу вѣковъ, на пользу государства и народа совершенное, все, двигавшее эволюціонное развитіе страны, всегда и во всѣ эпохи совершалось Русскими Царями; въ то время какъ русская общественность, какъ только предоставлялась себѣ самой, топталась растерянно на мѣстѣ, ничего не умѣя создать и при каждой попыткѣ къ творчеству создавая неурядицы, а въ худшемъ случаѣ — и потрясенія государства.

По этому поводу между Русскимъ и Нѣмцемъ происходили частые и горячіе споры. Какъ истый кадетъ, лѣсничій старался держаться въ вылощенно корректныхъ рамкахъ стерилизованной государственности и снисходительно соглашался допустить сохраненіе Монархическаго Строя въ Россіи, но никакъ не иначе, какъ по „Англійскому образцу".

Это заключеніе совершенно исчерпываетъ характеристику убогой мысли, владѣвшей умами всей нашей либеральной интеллигенціи, которой достойнымъ представителемъ оказывался пріятель моего пріятеля. Въ данномъ случаѣ я отбояриваюсь отъ примѣненія французской поговорки, говорящей, что „les amis de nos amis sont nos amis".

Такъ то, судари мои, доморощенные Питты, Биконсфильды и Гладстоны — вы желали утвержденія въ Россіи англійскаго государственнаго строя, русскому народу совершенно несвойственнаго. Но по причинамъ этой самой несвойственности, вы такого строя получить не могли и не получили. Вмѣсто Самодержавія, которое вы со слѣпою, безсмысленной злобой разрушали, вы получили вновь Пугачевщину и Разинщину, Ленина и Троцкаго. Они превратили Россію въ лѣсъ висѣлицъ, на которыхъ васъ же стали вѣшать, безпочвенныхъ, безсовѣстныхъ, безсмысленныхъ мечтателей, уготовившихъ горе и крушеніе своей Родины. . . .

Между прочимъ, лѣсничій разсказывалъ, какъ, будучи студентомъ Петровско-Разумовской Академіи, и онъ, и его

товарищи, при выпускѣ, давали себѣ слово, что никогда „позорное имя Царя“ не будетъ произнесено ихъ устами, и что каждый изъ нихъ обязывался, по мѣрѣ возможности (вѣроятно, и по мѣрѣ безопасности), посвятить свою жизнь на борьбу съ Самодержавіемъ.

Съ такими то настроеніями эти студенты, „молодыя силы“ Россіи и ея „надежда“, разбрелись по градамъ, весямъ и лѣсамъ нашей много-пространной Родины и . . . почти всѣ немедленно поступили на сытную Царскую Службу.

Когда, въ его глуши, получилось извѣстіе о государственномъ переворотѣ 27 Февраля 1917 года, дуракъ-лѣсничій совершенно обезумѣлъ отъ радости и восторга. Онъ носился по своей усадьбѣ — предоставленной ему въ широкое, свободное пользованіе Царскимъ Правительствомъ — съ только что полученной газетой въ рукахъ, цѣловалъ на ней изображенія Чернова, Керенскаго и „Бабушки“, кричалъ „ура“ направо и налѣво, поздравлялъ и обнималъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Къ вечеру онъ закупилъ массу вина, закусокъ, шампанскаго; устроилъ цѣлый пиръ, на которомъ провозглашалъ восторженные тосты.

Обращаясь къ своему „плѣннику“, онъ ораторствовалъ:

„Наконецъ то мы дождались нашего Свѣтлаго Воскресенія! Палъ ненавистный „Царизмъ“, пало Самодержавіе, мѣшавшее Россіи развернуться во всю свою ширь и мощь. . . . Теперь Вы увидите, что сдѣлаютъ русскія общественныя силы, русскій великій народъ. Для Васъ, для Германіи, это извѣстіе о нашемъ освобожденіи должно прозвучать какъ смертный приговоръ. . . . При Царизмѣ, мы, разумѣется, не могли васъ побѣдить, такъ какъ самъ же Царь измѣнялъ народу и препятствовалъ нашимъ побѣдамъ. Притомъ же, и солдаты за Царя не шли такъ охотно въ бой, какъ теперь пойдутъ. . . . Но теперь . . . мы въ два мѣсяца васъ разнесемъ въ клочки! Вы увидите, что такое свободный русскій народъ. . . . Вы увидите. . . . За свободу! . . . Ура-ааа!“ . . .

Не долго длилось торжество ярого поклонника новаго строя. . . .

Вскорѣ пришла въ ту мѣстность партія „товарищей“ — солдатъ, представителей той арміи, которая, по мнѣнію стараго простофили, должна была въ два мѣсяца разнести въ пухъ и прахъ Германію. . . . Но „чудо-рысаки“ предпочитали безъ оглядки бѣжать, оставляя на произволъ судьбы все, что не способствовало быстротѣ ихъ бѣга, отъ одного вида стройныхъ германскихъ полковъ, и только въ далекомъ, безопасномъ тылу вспоминали они о своемъ воинскомъ званіи: и тогда начинали „мужественно“ сражаться . . . противъ своихъ малочисленныхъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ отъ трехлѣтнихъ боевъ, и противъ

беззащитныхъ гражданъ собственнаго своего отечества. Ибо каждому лестно было пограбить „Рассею-Матушку", благо не было больше для нея охраны въ лицѣ Защитника и Покровителя ея, Русскаго Царя.

Придя въ ту мѣстность, гдѣ обиталъ нашъ лѣсничій, они немедленно приступили къ пріемамъ „соціализаціи", о которой такъ красно разсказывалъ имъ товарищъ-Керенскій, но встрѣтили отпоръ со стороны возмущеннаго, честнаго либерала, начинавшаго чувствовать, какъ почва ускользаетъ изъ подъ его политическихъ идеаловъ и его мнимаго знанія и пониманія своего народа. Сообразить вполнѣ ясно, что почвы подъ этими идеалами никогда и не было, онъ не успѣлъ, ибо солдаты, возмущенные его „дерзкимъ" вмѣшательствомъ, немедленно повѣсили его, какъ „Царскаго чиновника", на одномъ изъ деревьевъ его собственнаго участка, которымъ онъ управлялъ, по Цареву Указу, только до того времени, пока Всероссійскій Самодержавный Строй стоялъ на охранѣ и стражѣ порядка на Руси.

Это ли не насмѣшка судьбы! Со студенческой скамьи пламенѣть любовью къ Россіи безъ Царя; клясться на „рыбьемъ хвостѣ" всю жизнь питать ненависть къ Царскому Имени; всю жизнь прослужить на Царской службѣ . . . и такъ незадачливо погибнуть за службу именно Царю, Которому, предательской и дряблою мыслью, измѣнялъ ежечасно, но отъ Котораго исправно получалъ всѣ средства къ существованію.

Такъ кончилась, смѣшно, плачевно, жалко, презрѣнно . . . но немного и трогательно, жизнь типичнаго русскаго либерала-интеллигента. . . .

Знаменательный финалъ. Такъ же кончается, безвозвратно, ибо въ будущей Россіи ей мѣста не будетъ, вся наша „либеральная интеллигенція". . . .

Свалился гордый, могучій дубъ, которому она же безумно, въ теченіе долгихъ лѣтъ, подтачивала корни — и взвыла она отъ ужаса, слишкомъ поздно уразумѣвъ, что обречена на гибель безъ этого Дуба, охранявшаго ее отъ непогоды и бури и . . . ее же, глупую и бездаланную, питавшаго своими желудями. . . .

Приведенные мною три примѣра даютъ картину того оппозиціоннаго, недоброжелательнаго, злобнаго, недовѣрчиваго настроенія, которое наноснымъ ядомъ было привито въ широкую русскую общественную среду и являлось для трехъ Русскихъ Самодержцевъ (Александра II, Александра III и Николая II) препятствіемъ въ Ихъ осуществленіи преемственнаго Державнаго Служенія Родинѣ. Съ каждымъ послѣдующимъ

изъ этихъ трехъ Царствованій, успѣхи такого „нѣмого сопротивленія" разростались. Наконецъ, интеллигентская, отравленная среда прорвала границы, отдѣлявшія ее отъ низшихъ, невѣжественныхъ и некультурныхъ слоевъ народа и свое настроеніе влила ядомъ безвѣрія, безначалія, и развала въ эту низшую среду, и тогда . . . завершилось такъ называемое „русское освободительное движеніе" — Россія скатилась въ бездну. . . .

Европейское общественное мнѣніе даетъ другое, чѣмъ я, объясненіе россійской катастрофѣ. Оно считаетъ русскій самодержавный строй виновникомъ развитія народнаго неудовольствія и неудовлетворенія, точно такъ же, какъ въ дореволюціонной Франціи, въ мудромъ, благожелательномъ, умѣренно-либеральномъ правленіи Людовика XVI, хотятъ видѣть причину революціонной бури, превратившей въ обломки могущество Франціи и расшатавшей твердыню всѣхъ остальныхъ Европейскихъ троновъ, кромѣ Русскаго, того времени.

Но можетъ ли намъ быть указомъ европейское общественное мнѣніе.

Европа такъ мало знаетъ Россію, а что и знаетъ — то по еврейской подсказкѣ, слѣдовательно — въ пристрастномъ и тенденціозномъ, а не то и лживомъ освѣщеніи. Виновники всѣхъ бѣдствій не станутъ же указывать на самихъ себя. . . .

Русское Самодержавіе подвергалось открытымъ нападеніямъ, тайнымъ ковнямъ и подпольнымъ подкопамъ исключительно потому, что оно было единственнымъ, но могучимъ, несокрушимымъ оплотомъ, ограждавшимъ нашу Страну и нашъ народъ отъ масонско-іудейскаго владычества.

Такимъ образомъ моя, діаметрально противоположная общепринятой, исходная точка зрѣнія совершенно переиначиваетъ смыслъ и значеніе событій, составившихъ циклъ „освободительнаго движенія", циклъ, приведшій къ „разбитому корыту", какъ въ „Сказкѣ о Рыбакѣ и Рыбкѣ".

Еврейское засиліе не могло достигнуть полнаго своего торжества въ Россіи, пока Царь защищалъ отъ него Свой народъ. Но оно же въ самой средѣ народа съумѣло найти себѣ самоубійственную для этого глупаго народа поддержку. Оно съумѣло разъединить и ослабить самыя основныя твердыни Русской Державы, даже Церковь, которая являлась главной цѣлью іудейскаго нападенія, завѣтной, центральной цѣлью. Ради нея, испоконъ вѣковъ, упорно и неутомимо, шагъ за шагомъ, отвоевывались у Христіанскаго Міра сначала передовые пункты, а затѣмъ и одна позиція за другою, чтобы, трудами смѣняющихся, но одинаково страстныхъ и непримиримыхъ въ своей ненависти, поколѣній, сломить наконецъ сопротивленіе въ борьбѣ расшатаннаго духа, развращеннаго ума и погрязшей въ матеріальныхъ вожделѣніяхъ плоти человѣческой.

Когда я полагаю евреевъ не только виновниками нынѣ совершившагося нашего государственнаго и бытового крушенія, но и творцами всей подготовительной разрушительной работы, завершившейся такимъ полнымъ торжествомъ проклятаго племени, врядъ ли со мною теперь многіе станутъ спорить: почти у всѣхъ раскрылись глаза на дѣйствительную жизнь; почти для всѣхъ разсѣялся туманъ іудейской софистики, кастрировавшей здравый смыслъ и разумъ цѣлаго ряда поколѣній.

Однако, не вполнѣ можно поручиться за то, что даже и теперь такое ясное положеніе стало яснымъ для всѣхъ. Найдутся, навѣрное, еще много такихъ Россіянъ, которые и теперь даже не захотятъ согласиться съ очевидностью и станутъ упорно и упрямо отстаивать невинность еврейскаго племени.

Для такихъ то Россіянъ мнѣ кстати будетъ заручиться авторитетомъ, который таковымъ считается даже въ самыхъ заяятыхъ либеральныхъ кругахъ, и вспомнить слова великой Екатерины, часто говорившей, что, въ затруднительныхъ моментахъ своей политической жизни, она обыкновенно искала указаній въ мысляхъ и дѣйствіяхъ Петра Великаго, и въ результатѣ принимала тѣ рѣшенія, которыя могли соотвѣтствовать взглядамъ и сужденіямъ ея знаменитаго Предшественника. Я сдѣлаю тоже-самое: обращусь къ геніальному Царю, досконально знавшему свой собственный народъ, а кромѣ того умѣвшему во всѣхъ явленіяхъ жизни чутко подмѣчать ихъ реальный, практическій смыслъ. И вотъ что говоритъ Петръ Великій о евреяхъ:

„Я хочу видѣть у себя лучше магометанской или языческой вѣры, нежели жидовъ; они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о семъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ". (Разсказы и Анекдоты про Петра Великаго" — „Русскій Архивъ 1884 г. стр. 361.)

И преемники Петра не измѣняли этой точкѣ зрѣнія и ея держались неуклонно, сообразуясь, разумѣется, съ обстоятельствами и эпохами. Умѣлъ Домъ Романовыхъ быть защитникомъ народа Своего, и вотъ почему вся Династія наша была предметомъ такой яростной еврейской ненависти . . . .

Я, какъ Русскій, являюсь убѣжденнымъ поклонникомъ идеи Русскаго Самодержавія, но не закрываю глазъ передъ дѣйствительностью и знаю, что совершенства на землѣ не бываетъ. А потому сознаю, что и при Самодержавномъ Строѣ много неправды творилось въ Россіи, много непорядковъ и внутреннихъ недуговъ омрачало ея жизнь, много злыхъ, несправедливыхъ людей совершало беззаконія и чинило обиды, по отношенію къ ближнимъ своимъ. Много было также и людей,

облеченныхъ властью, которые для личныхъ своихъ интересовъ жертвовали интересами и пользой государства. На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, много было въ Россіи нечестныхъ людей, лгавшихъ, кравшихъ, обманывавшихъ, неправедно наживавшихся, пользовавшихся своей силой для угнетенія слабыхъ . . . Но я сознаю, и увѣренъ, а жизнь послѣднихъ лѣтъ дала тому повсюду вѣскія подтвержденія, что безъ Царя, безъ Самодержавія, всѣ эти отрицательныя стороны русской жизни усугубляются по крайней мѣрѣ въ сто разъ. Причина этому заключается въ томъ, во первыхъ, что русскій народъ, по существу, нечестный, недобросовѣстный, лѣнивый, инертный народъ, склонный въ личныхъ интересахъ отмежовываться отъ интересовъ общественныхъ и государственныхъ. Противъ народной нечестности уже давно стало безсильно бороться слишкомъ слабое и сентиментальное законодательство, которое противъ этой язвы должно статъ Драконовскимъ и безпощадно карать, сверху до низу, всю дрянь народную, всѣ отбросы, препятствующіе великому народу возстать во весь свой ростъ. Что касается второй причины, то она кроется въ изобиліи расплодившихся въ Россіи іудеевъ: отъ этихъ опаснѣйшихъ паразитовъ страна должна быть очищена!

И все же, при этихъ коренныхъ недостаткахъ народа, народъ этотъ, въ потенціальности своей, хранитъ залоги великаго будущаго, но при непремѣнномъ условіи своего эволюціоннаго развитія подъ эгидой національнаго, родного Самодержавія.

Совершенство и красота Идеи, на грѣшной землѣ нашей, никогда въ своей полной чистотѣ осуществиться не можетъ, уже прежде всего потому, что

„Si grands que soient les rois, ils sont ce que nous sommes —"
„Ils peuvent se tromper tout comme les autres hommes . . ."

Но какія бы несовершенства не представлялъ тотъ строй, который создалъ и выковалъ Русскую Имперію, при сравненіи со всѣми другими режимами, испробованными несчастной Россіей съ момента временнаго паденія Самодержавія, отъ Милюкова и Гучкова съ жидами — парламентаристами, до свирѣпыхъ жидовъ-сатанистовъ, прежній нашъ Царскій Строй представляется благодатнымъ залогомъ счастья и благоденствія Россіи.

Чтобы датъ понятіе о томъ, что такое есть идейное Русское Самодержавіе, за рѣдкимъ исключеніемъ въ большой мѣрѣ и осуществлявшееся въ дѣйствительности, я дамъ два примѣра, но раньше сдѣлаю оговорку въ объясненіе моей идеологіи, почему принципъ Русскаго Самодержавія выставленъ отдѣльно, какъ бы обособленно отъ общаго монархическаго принципа. Въ мой кругозоръ входитъ, разумѣется, цѣликомъ идея „Просвѣ-

щеннаго Абсолютизма"; главная основа, конечно, лежитъ въ Таинствѣ Божіяго Помазанничества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ народѣ необходимо связываются съ носителями Верховной Власти свои особыя традиціи, часто неуловимыя черточки быта, вкоренившіяся привычки, предразсудки, суевѣрія, мелочи формы и этикета, однимъ словомъ все то, что дѣлаетъ Власть національной. Вотъ почему, я, монархистъ вообще, напираю въ отношеніи Россіи именно на русское Самодержавіе, какъ на понятіе специфически наше русское, національное.

Перехожу къ моимъ примѣрамъ.

На этихъ дняхъ (въ Іюлѣ 1920 года), мнѣ пришлось прочитать въ газетѣ „Daily News" отчетъ объ одномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ въ Лондонѣ.

Одна дама и ея мужъ подали въ судъ жалобу на одного молодого человѣка, котораго обвиняли въ томъ, что онъ послужилъ причиной самоубійства сестры этой дамы. Какъ полагалось по закону, ввиду отсутствія уликъ, этотъ молодой человѣкъ былъ вызванъ въ судъ только въ качествѣ свидѣтеля.

На судѣ выяснились вопіющія подробности.

Познакомившись съ молодой, очень хорошенькой дѣвушкой, воспитанной и нравственной, изъ очень порядочной семьи, но сиротой, жившей самостоятельно и служившей въ какой то конторѣ, свидѣтель сталъ за ней ухаживать и очень ей понравился. Какъ то, засидѣвшись у нея въ комнатѣ, смягчивъ ея сопротивленіе торжественнымъ обѣщаніемъ жениться на ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и использовавъ ея увлеченіе, свидѣтель вступилъ съ нею въ связь. — Черезъ короткій промежутокъ времени, подъ предлогомъ какихъ то служебныхъ дѣлъ, онъ выѣхалъ изъ города, а несчастная его жертва замѣтила, что заболѣла какой то, ей непонятной, болѣзнью.

Послѣ долгихъ нравственныхъ мукъ, скрываясь отъ замужней сестры, съ которой до той поры жила душа въ душу, переборовъ стыдъ и нерѣшительность, бѣдная дѣвушка рѣшилась отправиться къ врачу, отъ котораго услышала страшную правду: она была больна сифилисомъ.

Дѣвушка отравилась, оставивъ письмо своей сестрѣ, въ которомъ разсказала все, съ ней происшедшее, и молила не поминать ее лихомъ. Кончалось письмо такъ: „Я не боюсь явиться на Судъ Божій: я чувствую, что здѣсь, на землѣ, я искупила уже всѣ свои грѣхи своими несказанными страданіями. Но жить теперь, обезчещенной, съ разбитой жизнью, видя впереди только горе и страданіе, я не могу . . . разсказать тебѣ о всемъ своемъ несчастіи могу только потому, что ухожу отъ жизни. Къ Тебѣ, въ твой милый домъ, я бы никогда уже не вернулась такой, какой стала. . . ."

Въ газетѣ было приведено все письмо, написанное удивительно трогательно, такъ что сердце переворачивается отъ жалости, когда его читаешь. На судѣ всѣ, включая и судью, плакали при его прочтеніи.

Были прочитаны и письма свидѣтеля къ покойной (писанныя на пишущей машинкѣ и безъ подписи), въ которыхъ онъ подтверждалъ свое обѣщаніе на ней жениться.

Вина негодяя была неопровержимо доказана; въ ней не сомнѣвался и судья. . . . Но самъ виновникъ нагло отрицалъ всѣ факты, начиная со знакомства своего съ покойной.

Тогда судья, запинаясь, глубоко возмущенный предъ лицезрѣніемъ необыкновенной подлости, объявилъ свидѣтеля свободнымъ, ибо, по формальнымъ условіямъ „буквы", законъ не допускалъ его привлеченія къ отвѣтственности.

Мужъ сестры замученной дѣвушки вскочилъ со своего мѣста и воскликнулъ:

„Разъ англійскіе законы безсильны покарать такую подлость, такое преступленіе — то намъ не нужно никакихъ законовъ! Предупреждаю Васъ, Господинъ Судья, что, выйдя отсюда, я немедленно убью этого мерзавца, какъ бѣшеную собаку. . . ."

„Вы не имѣете права такъ поступать" — возразилъ судья: „если Вы это сдѣлаете, то будете отвѣчать за Ваше преступленіе по всей строгости законовъ. Предоставьте его собственной совѣсти заботу о его карѣ". —

Что это? Торжество права? Нѣтъ, торжество мертвой буквы.

Это то, что старые Римляне опредѣляли такой антитезой: „Summum jus — summa injuria."

И никакого корректива нѣтъ въ высоко-культурномъ государствѣ противъ такого нарушенія здраваго смысла.

Никакого корректива нѣтъ потому, что законодательство не съумѣло и не можетъ всюду предусмотрѣть несовершенство человѣческаго ума, составляющаго законы. . . .

Противъ такого безвыходнаго положенія вопіющей несправедливости, въ Россіи, въ Царскомъ Самодержавіи, всегда находился, для крайнихъ случаевъ, спасительный коррективъ, котораго образецъ вспоминается мнѣ изъ царствованія Императора Николая Павловича.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, одинъ молодой, очень богатый гвардейскій офицеръ влюбился въ одну дѣвушку, иностранку, скромную, отлично воспитанную, но не принадлежавшую къ общественному кругу влюбленнаго воина. На всѣ настоянія молодого человѣка, дѣвушка отвѣчала, что, хотя и

любитъ его, но безъ законнаго брака ему принадлежать не будетъ.

„Жениху" не хотѣлось отказаться отъ своего увлеченія, но не хотѣлось и связывать себя неравнымъ бракомъ; поэтому онъ рѣшилъ обмануть неопытную, одинокую въ Россіи, дѣвушку, совершенно незнакомую съ обычаями страны и тѣмъ менѣе съ обрядами Православной Церкви.

Онъ сговорился съ нѣсколькими пріятелями и вмѣстѣ съ ними повезъ свою „невѣсту" въ церковь на обыкновенный молебенъ, который заказалъ по этому случаю, подъ видомъ вѣнчанія.

Отстоявъ молебенъ, „молодую" поздравили съ мнимымъ бракосочетаніемъ и отвезли на квартиру ея мнимаго мужа, гдѣ ихъ ожидало пышное празднество.

Вскорѣ послѣ того, этотъ офицеръ вышелъ въ отставку и, вмѣстѣ со своей, не подозрѣвавшей обмана, подругой, уѣхалъ жить въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ.

Шли годы. Рождались дѣти. Обманщикъ все болѣе и болѣе привязывался къ той, которая оказалась для него цѣннымъ другомъ, любящей женой, образцовой матерью его дѣтей. Вспоминая о совершенномъ имъ преступленіи, онъ морщился и отгонялъ отъ себя докучливую мысль, но постоянно терзался и каялся, и рѣшилъ непремѣнно все исправить, женившись на самомъ дѣлѣ и узаконивъ дѣтей. Но никогда не рѣшался онъ сознаться въ своемъ обманѣ той, которую безумно любилъ, откладывая со дня на день и съ года въ годъ тягостное объясненіе съ жертвой своего эгоизма и тщеславія, пока не скончался скоропостижно, оставивъ совершенно необезпеченными незаконную сожительницу и кучу незаконныхъ дѣтей.

Только въ этотъ ужасный часъ страшная правда раскрылась передъ несчастной женщиной. Изъ знатной барыни она превращалась въ нищую, бездомную, отверженную отъ всѣхъ, женщину. Дѣти ея, изысканно воспитанныя въ условіяхъ довольства и роскоши, обрекались на жизнь невыразимо мучительную. . . . Было съ чего съ ума сойти. . . .

Родственники покойнаго, наслѣдовавшіе по закону крупное состояніе, стали вводиться въ права владѣнія и выгнали вонъ ее и дѣтей ея изъ родного гнѣзда. . . .

Она поѣхала въ Петербургъ; стала хлопотать. . . . Но все было безрезультатно и безнадежно: законъ точно и опредѣленно давалъ суровый, безжалостный отпоръ всѣмъ ея просьбамъ и исканіямъ. Многіе жалѣли ее, но ничего въ ея пользу сдѣлать не могли: „dura lex, sed lex!"

Выходило точь въ точь такъ же, какъ было въ недавнемъ Лондонскомъ случаѣ: „Summum jus — summa injuria."

Итакъ, невинная жертва чужого обмана, чужого эгоизма, чужого преступленія, должна была страдать; и съ нею вмѣстѣ должны были страдать неисходную муку и ея невинныя дѣти. ...

Такъ должно бы было быть въ другой странѣ, но ... не въ Россіи, не въ „варварской, деспотической Россіи, странѣ кнута и произвола", какъ съ давнихъ поръ „просвѣщенные Европейцы" научились величать нашу великую Родину.

Богъ надоумилъ несчастную подать прошеніе на Высочайшее Имя. Въ этомъ прошеніи — исповѣди она излила всю скорбь своей души и всю муку своего отчаянія.

Прошеніе было подано Государю Министромъ Двора, Графомъ Адлербергомъ. Прочитавъ его, Государь казался взволнованнымъ и глубоко задумался. Черезъ нѣкоторое время, поднявъ глаза на графа, Онъ улыбнулся и тихо спросилъ:

„Какъ Ты думаешь, графъ, что тутъ можно сдѣлать?"

„Увы, Ваше Величество" — отвѣчалъ Адлербергъ: мнѣ кажется, что сдѣлать ничего нельзя. Законъ — безсиленъ помочь несчастной. . ."

„Плохо же Ты понимаешь значеніе Самодержавія!" — воскликнулъ Императоръ: „смотри!"

И Государь тутъ же положилъ на прошеніи Свою резолюцію:

„Вмѣнить молебенъ въ бракосочетаніе. Николай."

Само собой разумѣется, что Императоръ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду не вмѣшательство въ суть Таинства брака, но сопряженныя съ бракомъ гражданскія права.

Мертвый Законъ былъ посрамленъ; но живая Правда восторжествовала. Просительница въ тотъ же день изъ безправной, обездоленной жертвы чужого преступленія превратилась въ законную вдову, законную мать, законную наслѣдницу состоянія того, кого всю жизнь считала своимъ мужемъ.

Пора возвращаться къ французско-русскимъ революціоннымъ параллелямъ! Если читатель и ворчитъ на меня за то, что я нѣкоторымъ образомъ злоупотребляю его терпѣніемъ и вниманіемъ, заставляя перескакивать съ предмета на предметъ, все время отходя отъ прямого пути, то имѣю я за себя и оправданіе, и объясненіе.

Прямой путь — хорошъ въ томъ смыслѣ, что надо впереди всегда имѣть въ виду поставленную себѣ цѣль, которая, какъ путеводный огонь, будетъ руководить мыслями и чувствами. Но этотъ путь былъ бы несравненно менѣе богатъ впечатлѣніями и встрѣчами, если по немъ идти, ни направо, ни налѣво не присматриваясь, и не оглядываясь иногда и назадъ, на этапы уже пройденной дороги.

Съ большой, прямой дороги, въ общемъ нашемъ пути, мы съ читателемъ не сворачиваемъ. . . . Но какъ же не остановиться и не посмотрѣть, если представится красивый пейзажъ, или если гдѣ нибудь въ сторонѣ, но вблизи, на какой нибудь лужайкѣ, или въ лѣскѣ, покажется красивый, благоухающій цвѣтокъ, или могучее дерево высоко къ небу несетъ свои вѣтви и приглашаетъ отдохнуть подъ тѣнистой прохладой своего зеленаго свода, или еще что нибудь другое привлечетъ вниманіе путниковъ и очаруетъ красотой своего природнаго совершенства — какъ же пройти мимо, не остановиться, не сдѣлать нѣсколько сотъ лишнихъ шаговъ въ сторону, чтобы ближе подойти. . . . Точно такъ же и какое нибудь уродство растительнаго міра, какая нибудь зіяющая бездна, продуктъ размывающей силы водъ или землетрясеній, или какое нибудь чудовищное насѣкомое, или диковинная гадина, уползающая при нашемъ приближеніи — все это не можетъ наблюдательнаго и любознательнаго прохожаго не задержать на его пути и, пожалуй, опять таки заставитъ отойти въ сторону, чтобы разсмотрѣть ближе. . . .

Мало по малу, разговаривая, перекидываясь словами и мыслями, мы съ читателемъ, за время нашего путешествія, увеличиваемъ нашъ багажъ и собираемъ такой богатый матеріалъ фактовъ и воспріятій, что дальнѣйшее наше шествіе можетъ уже вызвать тревогу. . . .

Сбѣгутся намъ навстрѣчу Ленины, Троцкіе, Керенскіе, „Бабушки", Винаверы, Гучковы, Милюковы и Савинковы и начнутъ кричать — „гевалтъ"! Идутъ несомнѣнные „контръреволюціонеры", замышляющіе заговоръ противъ „Завоеваній Революціи". Бросятся жаловаться къ жидовскимъ и ожидовѣлымъ правительствамъ разныхъ сильныхъ странъ, прося помощи и защиты.

Всѣ эти господа хорошо свое дѣло знаютъ и, пожалуй, не понапрасну, для своей безопасности, поднимаютъ тревогу.

Собственно говоря, мы съ Вами, читатель, никакой вооруженной контръ-революціи не затѣваемъ, неправда ли? Мы только, идучи рядышкомъ, понабрали кое какой матеріалъ, какой встрѣчался по дорогѣ. Никакого взрывчатаго вещества мы не несемъ, нѣтъ при насъ никакой адской машины, которой могъ бы опасаться ближайшій еврейскій банкъ. . . . Въ этомъ отношеніи все благополучно, и какъ были мы съ Вами мирными гражданами, покорно несущими иго своихъ обрѣзанныхъ повелителей, такъ таковыми и остались. . . .

Что же такого, что кое какой матеріалъ понабрали? Вѣдь, онъ весь — самаго невиннаго свойства: все разные факты, воспоминанія, протоколы, дѣла и дѣлишки житейскія, густо, правда,

залитые невинною кровью, но . . . вѣдь не мы эту кровь проливали — такъ отчего же противъ насъ „гевалтъ“ кричать?

Кромѣ этихъ матеріаловъ, у насъ какъ есть никакого вооруженія нѣтъ, да нѣтъ и денегъ, чтобы купить себѣ какихъ нибудь вооруженныхъ китайцевъ или латышей. — Вся сила у нихъ — у іудеевъ: объ чемъ же они тревожатся, когда по одному мановенію руки любого іудейскаго банкира на насъ устремятся десятки палачей, готовыхъ съ нами расправиться?

Бѣда то въ томъ заключается для всѣхъ нынѣшнихъ міровыхъ завоевателей, что весь нашъ матеріалъ состоитъ изъ одной Правды, которой боятся они, какъ Креста Господняго, зная хорошо, что такой матеріалъ, рано или поздно, будетъ для нихъ убійственнымъ.

И не поздно ли „гевалтъ“ кричать? Помогутъ ли тѣ покорныя и подвластныя правительства, которыя еще управляютъ Франціей, Англіей, Италіей, частью Германіи, Австріей и т. д., но уже, слава Богу, не Венгріей, слава Богу, уже не Баваріей?

Прошло то время, что еще было годъ тому назадъ, когда одиноко звучали голоса „Призыва“ и „Луча Свѣта“. Въ Венгріи сломлена еврейская власть. Въ Австріи, какъ бурлитъ въ закупоренномъ котлѣ невыносимое давленіе паровъ, вотъ-вотъ готовится взрывъ. . . . Въ Германіи гуляетъ по городамъ, по фабрикамъ и заводамъ, переносится изъ деревни въ деревню знаменательная книга — „Die Geheimnisse der Weisen von Sion“, и рабочіе по поводу этой книги собираютъ экстренныя совѣщанія и выносятъ постановленія о пересмотрѣ всѣхъ своихъ соціалистическихъ программъ.

Въ Швейцаріи, въ Лозаннѣ, Женевѣ и Бернѣ — читаются лекціи о еврейскомъ василіи. Тоже въ Италіи; тоже даже, во Франціи и Англіи. . . .

Кажется, есть надежда, что Господь Богъ смилуется надъ Христіанскимъ Міромъ . . . что легендарный, символическій іудейскій змѣй не соединитъ съ хвостомъ своей пасти, не замкнетъ рокового круга. . . .[1])

---

[1]) Такъ и будетъ. Не достигнетъ окончательнаго торжества своего символическій Змѣй. Однако, іудеи до сихъ поръ еще преисполнены увѣренности, что имъ удалось перебороть всѣ препятствія, и что многовѣковая, настойчивая, подпольная работа имъ даровала это окончательное торжество. Иначе, какъ этой увѣренностью, нельзя объяснить себѣ смѣлыхъ и дерзкихъ, открытыхъ еврейскихъ выступленій; евреи, очевидно, больше не боятся своихъ жертвъ и не считаютъ нужнымъ скрывать свои замыслы, какъ это было еще такъ недавно, когда они съ остервенѣніемъ, съ пѣной у рта, отрицали полную очевидность ритуальнаго убійства Андрюши Ющинскаго.

На такія мысли наводятъ насъ любые эпизоды нашей современности. Такъ напримѣръ, очень недавно, во французской газетѣ „Le Journal“ отъ 14-го Сентября 1920 года, были описаны празднества въ итальянскомъ городѣ Фіуме, по случаю годовщины его самостоятельности.

Какъ Сизифъ, непрестанно начинающій снова свою вѣчную работу, какъ только она прерывается, дойдя до послѣдняго момента предвкушенія несбыточнаго торжества, такъ и Вѣчный Жидъ снова увидитъ обломки своего діавольскаго сооруженія...

Въ 1906-мъ году въ Россіи начала свою нескончаемую болтовню Государственная Дума. Въ 1789 году во Франціи открылись Генеральные Штаты.

Въ смыслѣ производительности творчества, имѣющаго цѣлью внести въ жизнь государства новыя условія оздоровленія, укрѣпленія государственнаго организма, усовершенствованія, увеличенія благосостоянія, довольства страны — оба эти парламента ничего не сдѣлали. Они тайными руководителями предназначены были для другого дѣла. Какъ говоритъ Некрасовъ о нѣкоемъ швейномъ заведеніи, что

„... Не очень много шили тамъ,

„И не въ шитьѣ была тамъ сила. . .“

Такъ точно и въ этихъ „заведеніяхъ“ не о благѣ народа радѣли и не къ его благу стремились: тутъ также въ другомъ была сила. Сила была въ расшатываніи государственныхъ устоевъ, въ сѣяніи неудовольствія во всѣхъ слояхъ населенія, въ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, чинимыхъ различнымъ органамъ государственнаго управленія при выполненіи ими своихъ задачъ.

Такимъ путемъ и такими средствами разстройство государства шло быстрыми и вѣрными шагами впередъ.

Я думаю, что не рисковалъ бы нисколько своимъ состояніемъ какой нибудь шутникъ, назначая крупную денежную премію тому, кто указалъ бы хотя на одно дѣйствительно полезное, производительное, крупное мѣропріятіе, которое въ Россіи, за годы болтовни членовъ Государственной Думы, было бы обязано выполненіемъ одному изъ составовъ этой Думы. Ни такого мѣропріятія, ни такого начинанія — не было. Государственная Дума можетъ похвастаться только двумя дѣяніями, свершенными ею съ большимъ эффектомъ, чѣмъ пользой для Родины. — Дѣянія эти были — война съ Германіей и устройство Петербургскихъ безпорядковъ 1917 года, приведшихъ насъ къ революціи; да и то — для второго дѣла пришлось обратиться за

Какъ извѣстно, пошелъ уже второй годъ, какъ этотъ городъ захваченъ писателемъ Габріэль д Аннунціо, масономъ и евреемъ, провозгласившимъ себя верховнымъ правителемъ всей спорной области. По случаю „юбилея“, д'Аннунціо впервые утвердилъ новый „государственный“ флагъ „своей“ области, который и развѣвался на всѣхъ улицахъ въ день праздника. На этомъ флагѣ — изображенъ какъ разъ еврейскій символическій Змѣй, пастью ловящій хвостъ свой . . .

помощью и „высокимъ покровительствомъ“ къ англійскому послу. . . .

Совершенно одинакова была роль Генеральныхъ Штатовъ во Франціи.

Царствованіе Короля Людовика XVI было производительнымъ, дѣятельнымъ, полнымъ разумныхъ и благотворныхъ начинаній. Такимъ же было царствованіе Императора Николая II.

И на Французскомъ Престолѣ, и на Престолѣ Царей Всероссійскихъ, въ критическіе моменты исторій обѣихъ странъ, управляли Своими народами Монархи, одаренные высокими душевными и нравственными качествами, отличавшіеся горячей отзывчивостью къ людямъ, постоянными стремленіями самоотверженно служить родинѣ и . . . крайней довѣрчивостью, вѣрой въ искренность, добро и правду человѣческихъ стимуловъ и побужденій.

Въ прошломъ 1919-мъ году въ Германіи вышла замѣчательно интересная и умная брошюра подъ заглавіемъ — „Die Monarchen und die Philosophen“. Переведенная на русскій языкъ, она напечатана въ 4-мъ выпускѣ „Луча Свѣта“.

Тотъ, кто прочелъ эту небольшую брошюру, согласится, навѣрное, съ ея авторомъ, что при тѣхъ отличительныхъ свойствахъ, которыя мы отмѣтили въ характерахъ Короля Людовика XVI и нашего Государя Императора, эти Государи, несмотря на всѣ высокія качества ума, души и сердца, несмотря на самоотверженные труды на благо и преуспѣяніе Своихъ народовъ, были если не обречены, то во всякомъ случаѣ всегда находились въ опасности отъ того, что и произошло въ обоихъ случаяхъ, т. е. увидѣть свои труды неоцѣненными, свою преданность народу — причиной крушенія Своихъ Престоловъ, и увидѣть самые народы превратившимися въ злобную и дикую чернь, т. е. въ того безсмысленнаго, лютаго звѣря, котораго смирить можно только силой, и то — только уже послѣ того, какъ онъ растерзаетъ и Монарха, открыто возлюбившаго Свой народъ, и филантроповъ, своего Монарха къ этой любви склонявшихъ.

Выше, въ другой главѣ, я высказалъ свое мнѣніе относительно того, когда и гдѣ Монархъ можетъ и долженъ проявлять все тепло и весь свѣтъ своей любви къ народу — въ своей опочивальнѣ, предъ отходомъ ко сну, въ жаркой молитвѣ предъ Святою Иконой.

Въ остальное время Монархъ не любитъ, но властвуетъ, выполняя самое трудное подвижничество, какое можно вообразить на совѣсти человѣческой, и въ полной мѣрѣ доступное только Божіему Помазаннику.

Травля Короля! Травля Королевы!

Таковъ былъ приказъ, данный масонству XVIII Вѣка въ его подготовленіяхъ къ крупнѣйшей побѣдѣ, одержанной имъ цѣною крови, страданій, раззоренія и паденія Франціи.

Пусть не думаютъ ловить меня на словѣ по поводу того, что я называю паденіемъ Франціи канунъ ея Наполеоновской Эпопеи, ея сказочнаго, тріумфальнаго шествія по Европѣ, которымъ великая Франція, „Le beau Royaume de France et de Navarre", довершила и докончила былое величіе своей славной Исторіи.

Это была ея лебединая пѣсня, послѣ которой уже ничего не оставалось, какъ только воспоминанія, вначалѣ живучія и поддерживавшія проблески жизни въ судорожно бившейся агоніи, а затѣмъ и вовсе заглохшія. . . . Оставались еще наружный блескъ, сосредоточеніе въ ея столицѣ іудейскихъ капиталовъ, между прочимъ и у Франціи награбленныхъ. И шло, сначала медленное, затѣмъ ускоривавшееся, движеніе по наклонной плоскости, пока выродившаяся страна не докатилась до своей „Grrrande Victoirrrre", которой стыдилась бы старая Франція.

Память этой старой Франціи я не оскорблю незаслуженнымъ оскорбленіемъ, называя ея сынами тѣхъ маленькихъ „побѣдителей", которые занимаются „уринированіемъ" памятниковъ своихъ великихъ „побѣжденныхъ".

Эти французы-выродженцы не имѣютъ ничего общаго съ великимъ французскимъ „Прошлымъ".

Приблизительно за одинаковый періодъ времени, около двадцати лѣтъ, удалось уничтожить популярность Имени Людовика XVI, какъ и нашего Государя, и пошатнуть въ обоихъ народахъ любовь и довѣріе къ своимъ естественнымъ и прирожденнымъ защитникамъ и покровителямъ.

Пріемы были тѣже — клевета, ложь, обманъ и шантажъ, ибо та же была чистая, безупречная жизнь въ обѣихъ Семьяхъ, то же высокое духовное совершенство въ обѣихъ Личностяхъ.

Неужели нельзя было въ Россіи, хотя бы для отвода глазъ, придумать какіе нибудь новые пріемы, а не повторять старыхъ?

Очевидно, ученая кадетская партія, которой многіе вожаки спеціализировались какъ разъ на Исторіи, такъ прониклась изученіемъ подстрочниковъ, что не рѣшалась проявлять особую иниціативу, предпочитая „танцевать отъ печки", что и составляетъ одну изъ отличительныхъ слабостей русской интеллигенціи.

И французамъ не хватило, для успѣха, такого сильнаго оружія, какъ клевета: понадобились и подлоги, и шантажъ, какъ и у насъ. . . .

И во Франціи главный ударъ былъ направленъ на Королеву, а не на Короля, котораго довольствовались дискредитировать во всѣхъ его дѣйствіяхъ и выставлять какъ жертву своей ненормальной семейной жизни, яко бы несчастливо сложившейся, и своего подчиненія вліянію Королевы, яко бы приносившей много вреда странѣ.

Совсѣмъ такъ же было и у насъ. И какъ у насъ же, у Короля была чистая, счастливая, радостная и полная высокаго нравственнаго удовлетворенія, семейная жизнь, которую только скрашивалъ особой прелестью веселый, жизнерадостный характеръ Королевы, грѣшившей сначала, по молодости лѣтъ, беззаботностью, игривостью ума и полнѣйшимъ незнаніемъ жизни. Увы, какими горючими слезами пришлось смыть несчастнѣйшей изъ женщинъ эти радостныя краски юности; какими сверхчеловѣческими муками пришлось искупить всѣ невольныя, такія невинныя, ошибки чистой и благородной души, не знавшей злобы людской и не подозрѣвавшей ея длиннаго, смертельнаго жала.

И какая выросла въ Исторіи фигура оскорбленной, замученной, и какъ сама Добродѣтель невинной, Королевы, понесшей къ Престолу Всевышняго отчетъ въ Своихъ незаслуженныхъ и нестерпимыхъ мукахъ Матери, Жены, Женщины и Монархини.

Какъ во Франціи многіе писатели, общественные дѣятели и масонскіе, еврейскіе и англійскіе агенты подготовляли общественное мнѣніе, такъ такіе же агенты работали и въ Россіи, особенно активно развивъ свою дѣятельность въ царствованіе Императора Николая Александровича, какъ то было и въ царствованіе Людовика XVI.

И оба царствованія были такъ несчастливы!

Обоимъ Монархамъ ничего не удавалось. Все, что ни предпринималось, — все шло во вредъ и самому Монарху, и интересамъ Династіи, и самому принципу Монархіи.

Чувствовалось, въ обоихъ случаяхъ, какъ будто бы какой то злой волшебникъ зорко слѣдитъ за каждымъ поступкомъ и дѣйствіемъ Государя и спѣшитъ остановить ихъ, какъ только почуетъ отъ нихъ какое нибудь благо благому дѣлу, или превратно измѣнить направленіе благого воздѣйствія.

И мы знаемъ, что дѣйствительно былъ такой злой волшебникъ.

И знаемъ, кто онъ былъ — все тотъ же человѣкъ въ ветхостаринномъ лапсердакѣ, съ вѣковѣчной ветхозавѣтной ненавистью и съ неизмѣнной, національною подлостью.

Въ Россіи, кромѣ высшихъ агентовъ, готовившихъ нашу Страну на закланіе, пришло на помощь врагамъ Родины и само

русское общество, по крайней мѣрѣ въ большой и вліятельной своей части.

Русская интеллигенція, безпочвенная, бездарная и неумная, слащаво-сентиментальная и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовито-злобная, а кстати и насквозь безчестная, безпомощная въ каждомъ творческомъ дѣлѣ, но неутомимая въ идеологической болтовнѣ, эта интеллигенція, которую мы ежечасно клянемъ и которую проклинать будутъ за прошлое внуки и правнуки наши, — какъ только учрежденіе Государственной Думы дало поводъ образоваться нашимъ политическимъ партіямъ, самую вредоносную силу свою выдѣлила въ партію кадетскую, которая съ того момента стала вождемъ всего „русскаго освободительнаго движенія". Кадеты — это были уже настоящіе масоны, утвердившіеся такимъ образомъ въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ это были настоящіе „шабесъ-гои", исполнительные слуги іудейскихъ заправилъ.

Дѣло подготовки революціи приняло новый, завершительный фазисъ и сосредоточилось въ рукахъ кадетъ.

Глупое и бездарное, въ своихъ русскихъ представителяхъ, „подполіе", олицетворявшееся партіей „эсъ-эровъ", уступило свое мѣсто также бездарной для какого либо прочнаго, созидательнаго, государственнаго строительства, но умной, ловкой, увертливой партіи „конституціонно-демократической".

Вся отвѣтственность за все послѣдующее съ этого момента лежала на совѣсти этой партіи, и ей же пришлось пережить свое горькое разочарованіе, когда въ рѣшительный моментъ кадетъ надули тѣ глупые „эсъ-эры", которыхъ они третировали свысока и называли „ослами". Эсъ-эры отдали черни то дѣло, которое готовилось для ублаженія стольких честолюбій и аппетитовъ „просвѣщенныхъ" парламентаріевъ.

Но и эсъ-эры, и чернь скоро уступили мѣсто настоящимъ господамъ своимъ, іудеямъ, изъ за которыхъ и для которыхъ, въ сущности, все и было предпринято.

Приходится удивляться наивности многихъ кадетъ, серьезно бывшихъ увѣренными въ ожидавшемся ими собственномъ торжествѣ, когда примешь во вниманіе, что въ ихъ рядахъ были масоны такихъ высокихъ степеней, какъ князь Львовъ, такіе умудренные политическіе дѣльцы, какъ Винаверъ (?)! Милюковъ, Маклаковъ, Набоковъ и очень многіе другіе.

Приходится также вспомнить то, что нами выше было сказано, по поводу большевизма, а именно — что жиденята стали пошаливать и завели свою собственную политику, какъ и Мараты, Робеспьеры, Дантоны, а раньше — Мирабо. . . . Не всегда желѣзная масонская дисциплина бываетъ достаточно всеобъемлющей, чтобы управиться со всѣми моментами борьбы.

А кромѣ того, еврейство не всегда сливается съ видами и соображеніями масонства, какъ это бывало ужъ и раньше, напримѣръ въ разсказанномъ нами случаѣ столкновенія Вейсгаупта или „Спартака“, какъ было его партійное имя (не знаменательное ли совпаденіе съ Германіей нашихъ дней?), съ еврейскими агентами Кагала.

Чтобъ все понять изъ того, что въ настоящее время происходитъ, намъ надо было бы знать гораздо больше іудейскихъ тайнъ, чѣмъ то малое, что мы знаемъ.

Намъ надо было бы знать, что думаетъ и дѣлаетъ главный Константинопольскій раввинъ, который носитъ высокій чинъ турецкаго паши и вмѣстѣ съ тѣмъ руководитъ всѣмъ революціоннымъ движеніемъ, черезъ многочисленныхъ своихъ „адъютантовъ“, однимъ изъ которыхъ состоитъ и „работающій“ въ Россіи Карлъ Радекъ.

Намъ бы надо также знать, что дѣлаетъ интересная семья Шнеерсоновъ, которой глава, старый, особо почитаемый своими сородичами, жидъ, фигурировалъ на процессѣ убійцъ Андрюши Ющинскаго. Особенно интересно было бы знать, что думаетъ притаившійся въ Англіи Гинсбергъ, „Ахадъ-Хамъ“, глава Восточнаго Сіонизма, побѣдившій въ многолѣтнемъ спорѣ вожаковъ Западнаго Сіонизма. Этотъ Гинсбергъ тѣмъ болѣе интересенъ, что это онъ собралъ въ одно цѣлое всѣ ученія наиболѣе выдающихся вождей іудейскаго народа древнихъ, старыхъ и новыхъ временъ и на выводахъ изъ ихъ ученій обосновалъ всю ту политическую программу, которая стала извѣстной подъ именемъ „Тайныхъ Сіонскихъ протоколовъ“.

А что дѣлаютъ, сравнительно, второстепенные агенты, какъ Грузенбергъ, Рутенбергъ?

А московскіе комиссары?

Все это — вопросительные знаки, не дающіе возможности раскрыть послѣдняго слова сложнаго ребуса. Но пусть любознательные и пытливые читатели знаютъ, что я не понапрасну поставилъ эти вопросительные знаки: для желающихъ и ищущихъ они могутъ послужить вѣхами, указателями дорогъ, по которымъ надо итти, чтобы добраться до волшебной пещеры, гдѣ скрывается Истина, держа въ рукахъ чашу переполнившагося терпѣнія.

Казалось бы, что чаша терпѣнія въ Россіи уже переполнилась, но повидимому — нѣтъ еще. Такъ заставляетъ меня думать случай, не такъ давно происшедшій въ Москвѣ.

Жила тамъ одна очень богатая дама изъ коммерческаго міра, уже пожилая, въ роскошномъ домѣ особнякѣ, котораго украшеніемъ внутренняго убранства она занималась съ большой любовью и изысканнымъ вкусомъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Какъ говорятъ, этотъ домъ представлялъ дѣй-

ствительно произведеніе искусства, и въ немъ богатство и роскошь сочетались съ удивительнымъ изяществомъ и пониманіемъ комфорта и красоты.

До самаго послѣдняго времени, большевистское правительство не тревожило эту даму, продолжавшую жить въ своемъ родномъ гнѣздѣ. Но вотъ, въ концѣ 1919-го или началѣ 1920-го года, прибылъ изъ Берлина въ Москву, со своею семьей, жидъ Іоффе, и оказалось, что нѣтъ ни одного помѣщенія, достаточно хорошаго, чтобы быть достойнымъ поселить въ своихъ стѣнахъ сего „сановника" и его „супругу": всѣ дворцы — уже заняты раньше другими іудеями.

Большевики, какъ извѣстно, недолго задумываются надъ радикальнымъ разрѣшеніемъ какихъ нибудь затрудненій и съ интересами „гоевъ" не считаются, когда эти интересы сталкиваются съ любымъ капризомъ какого либо представителя „владѣтельнаго племени", которое мы, вѣроятно по недоразумѣнію, называли раньше племенемъ „пархатымъ".

Къ бѣдной дамѣ-меценаткѣ неожиданно явилось нѣсколько комиссаровъ, объявившихъ ей, что ея домъ конфискованъ правительствомъ со всей обстановкой, а потому она немедленно должна изъ него выѣхать, не дерзнувъ ничего изъ него вывести, такъ какъ самъ „товарищъ Іоффе" желаетъ немедленно въ него въѣхать. На вопросъ несчастной, что же съ нею будетъ и какъ ей жить, ей посовѣтовали отправиться въ ночлежный домъ и нанять себѣ тамъ уголъ. Она этому совѣту не послѣдовала и въ тотъ же день отравилась. А на слѣдующій день уже сновали по дому іудейскіе силуэты Іоффе, его семейства и его „придворнаго штата".

И ничего! Все сноситъ покорно русское быдло отъ своихъ еврейскихъ владыкъ.

Хотѣлось бы знать, какъ завопили бы наши либералы стараго времени, еслибъ не центральное Царское Правительство — каковое предположеніе невозможно — но въ захолустномъ уѣздѣ захолустный урядникъ проявилъ тысячную долю того произвола, что безъ малѣйшаго смущенія творится Московскими владыками. По докладу исправника, губернаторъ отдалъ бы такого урядника подъ судъ. Но это нисколько бы не мѣшало газетѣ „Рѣчь", напримѣръ, въ десяткахъ статей громить произволъ „царскихъ опричниковъ", а Государственной Думѣ посвятить цѣлое засѣданіе на разборъ спѣшнаго запроса, который экстренно былъ бы внесенъ по этому поводу. Послѣ цѣлаго ряда злобныхъ рѣчей, представляющихъ своимъ содержаніемъ прикрытыя инсинуаціи и открытую, закономъ санкціонированную, революціонную пропаганду, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разъяснилъ бы, что виновный урядникъ уже уволенъ со службы и отданъ подъ судъ. Но весь „цимесъ" этого „благодарнаго слу-

чая" заключался бы не въ разъясненіи Министра, но въ томъ, что былъ использованъ лишній случай для безнаказанной и успѣшной агитаціи. . . .

„L'Autrichienne!" Такъ злобно стали звать французы Марію-Антуанету, когда она еще была Супругой Дофина.

Такъ звали ее, и когда она стала Королевой.

Тѣмъ же злобнымъ крикомъ — „l'Autrichienne!" — провожала Ее изступленная толпа, когда, съ гордо поднятой головой, стоя въ страшной телѣгѣ, такъ хорошо знакомой Парижанамъ того времени по ужасу, какимъ отъ нея вѣяло, Она проѣзжала Своимъ послѣднимъ тріумфальнымъ шествіемъ къ эшафоту, къ мѣсту Своей послѣдней муки и Своего освобожденія.

А еслибъ знали Вы, читатель, сколько юркихъ жидковъ сновало въ этой толпѣ, окружавшей эшафотъ, подзадаривая чернь и подпаивая то одну, то другую мегеру. . . .

„Кромѣ описанія крестныхъ мукъ Спасителя нашего — нѣтъ болѣе ужасныхъ воспоминаній о человѣческихъ страданіяхъ и человѣческой злобѣ, какъ страданія Короля Людовика XVI и Его Августѣйшей Семьи": такъ говоритъ Бошэнъ въ предисловіи къ своей книгѣ о Людовикѣ XVII.

Я совершенно согласенъ съ нимъ, и мнѣ не менѣе, чѣмъ ему, больно возстанавливать въ памяти эти картины безпросвѣтно мрачнаго прошлаго.

Но ихъ надо возстанавливать, ибо короткую память людскую необходимо оживлять такого рода воспоминаніями и стремиться къ тому, чтобы люди постарались вникнуть въ суть явленій, вліяющихъ на судьбы Царствъ и народовъ.

Упомянувъ о прозвищѣ „l'Autrichienne", которымъ Французы называли королеву, не могу не сказать нѣсколько словъ о другомъ прозвищѣ, которое было дано всей Королевской Семьѣ въ эпоху революціи и которое осталось въ Исторіи какъ росписка масоновъ, подтверждающая, что именно масоны, а никто другой, явились творцами революціи и руководителями всѣхъ ея фазисовъ.

Я имѣю въ виду названіе „Capet", которымъ французскіе революціонеры называли Короля и Его Семью. „Louis Capet", „Le citoyen Capet", „la citoyenne Capet", „la famille Capet": это имя пестритъ во всѣхъ документахъ того времени.

Не задумывался ли читатель когда либо о томъ, почему такъ называли Короля? Вѣдь, это не было его фамильнымъ именемъ. Король Людовикъ XVI принадлежалъ къ Династіи Бурбоновъ, по родству унаслѣдовавшихъ Французскій Престолъ отъ изсякшей династіи Валуа, въ свою очередь, по род-

ству, принявшей престолъ послѣ династіи Капетинговъ. Почему же его называли революціонеры „Capet“, а не Bourbon, что было бы вполнѣ естественно? Почему вводили эту натяжку и пристегивали такимъ образомъ имя своей коронованной жертвы къ имени давно угасшей династіи?

Эта натяжка произошла не случайно: это есть, такъ сказать, „визитная карточка“, которую оставило масонство въ анналахъ Исторіи.

Разъясненіе этой натяжки будетъ чрезвычайно умѣстно именно въ этой главѣ о „масонской паутинѣ“.

Еще въ Среднихъ Вѣкахъ, къ началу XIII Вѣка, тайная дѣятельность іудейскаго сатанизма достигла большихъ успѣховъ благодаря тому, что внѣшнее проявленіе этой дѣятельности сосредоточилось въ предательскомъ, богоотступническомъ рыцарскомъ орденѣ Тампліеровъ.

Этотъ орденъ, сказочно богатый (евреи на него не скупились) включалъ въ свой составъ умныхъ, энергичныхъ, даровитыхъ людей, умѣвшихъ утверждать и распространять свое вліяніе и энергично работать въ духѣ, враждебномъ Христіанской Вѣрѣ. Въ 1307-мъ году французскій Король Филиппъ IV Красивый, Династіи Капетинговъ, по счастью бывшій не только „красивымъ“, но и умнымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ и проницательнымъ, до тла раззорилъ преступный орденъ, до корней разгромилъ; вмѣстѣ съ его главой, Яковомъ Моле, казнилъ почти всѣхъ крамольныхъ рыцарей и такимъ образомъ пріостановилъ на долгое время дѣйствіе сатанинскаго замысла. Спасшіеся отъ заслуженныхъ каръ остатки ордена перешли въ подполье, чтобы снова возстановить и тайно продолжать свою губительную работу. Ненависть, сохранившаяся по отношенію къ Филиппу и его преемникамъ, поддерживалась скрытно, но неизгладимо-злобно, всѣми преемственными членами тайнаго сообщества, упорной, неустанной работой возстановившаго всю былую, стройную мощь своей организаціи, въ лицѣ масонства вылившейся въ новую форму подъ новымъ названіемъ. Въ заповѣдныхъ ритуалахъ масонства сохранился одинъ изъ основныхъ и главнѣйшихъ обрядовъ, заключавшійся въ томъ, что восковую фигуру, изображавшую французскаго короля Филиппа IV, пронзали кинжаломъ, произнося слова ненависти и мести. Въ теченіе многихъ вѣковъ совершался этотъ тайный обрядъ, и за это время династія Филиппа Красиваго успѣла изсякнуть. Месть Тампліеровъ получила, наконецъ, возможность проявиться уже противъ отдаленнаго потомка, да и то по женской линіи, ненавистнаго короля. Этотъ потомокъ уже носилъ другое имя. Но злопамятная ненависть (настоящая, іудейская, вѣковая ненависть) и жажда мести измыслили обрядный символъ прокалыванія восковой фигуры, называвшейся Капетомъ:

установилась традиція, съ которой было желательно связать убійство короля, явившееся осуществленіемъ стариннаго обряда. Вотъ почему подъ этимъ чужимъ именемъ взошелъ Людовикъ XVI на эшафотъ.

Многіе читатели, мало знакомые съ затронутыми вопросами, будутъ, пожалуй, сомнѣваться относительно дѣятельной работы жидо-масонства по подготовкѣ и выполненію французской революціи. Для нихъ, въ подтвержденіе сказаннаго, я привожу въ переводѣ свидѣтельства нѣсколькихъ Французовъ, которыхъ искренность и авторитетность врядъ-ли могутъ быть подвергнуты сомнѣнію.

Прежде всего, предлагаю обратить вниманіе на выдержку изъ письма Кардинала Матіё: оно датировано 7-мъ Апрѣля 1875 года и адресовано на имя близкаго друга.

„По интересующему Васъ вопросу“ — пишетъ Кардиналъ — „сообщаю Вамъ свѣдѣніе, за достовѣрность котораго могу поручиться.

На засѣданіи общаго собранія франъ-масоновъ высшихъ степеней, состоявшемся во Франкфуртѣ въ 1785-мъ году, присутствовало два видныхъ представителя высшаго общества города Безансонъ: одинъ изъ нихъ былъ г. де-Реймондъ, инспекторъ почтъ; а другой — г. Меръ-де-Булиніе, предсѣдатель судебной палаты. На этомъ засѣданіи былъ вынесенъ смертный приговоръ Королю Шведскому и Французскому Королю Людовику XVI, убійства которыхъ признаны были очередными задачами болѣе или менѣе близкаго будущаго.

Ни де-Реймондъ, ни де-Булиніе никакъ не ожидали такого результата отъ съѣзда масоновъ. Они вернулись домой очень взволнованные и растревоженные; рѣшили, что никогда больше не переступятъ порога масонской ложи; однако, поклялись другъ другу, что всю жизнь будутъ соблюдать тайну того, что услышали, и только тотъ, кто послѣднимъ останется въ живыхъ, имѣлъ право передъ смертью повѣдать эту тайну кому либо изъ близкихъ. Такъ и сдѣлалось, и вотъ почему объ этомъ зналъ господинъ Бургонъ, пользовавшійся въ Безансонѣ прекрасной репутаціей. Онъ недавно скончался, 90 лѣтъ отъ роду, сохранивъ до послѣднихъ дней свѣжій умъ и свѣтлую память. Это былъ человѣкъ высокой порядочности: прямой, безупречно честный и стойкій въ своихъ жизненныхъ правилахъ. Я его очень близко зналъ всѣ сорокъ два года, что живу въ Безансонѣ, и очень цѣнилъ его дружбу. О постановленіи Франкфуртскаго собранія онъ мнѣ и нѣкоторымъ другимъ нѣсколько разъ подробно разсказывалъ, какъ слышалъ отъ самого участника знаменательнаго засѣданія.

Изъ этого Вы видите, какъ секта умѣетъ заранѣе намѣчать свои удары и приводить свои замыслы въ исполненіе: вотъ въ двухъ словахъ вся ея характеристика.

... Господинъ Бургонъ числился „Président de Chambre honoraire de la Cour."[1]).

Интересна также книга Дешанъ: „Тайныя общества и Общество". Въ ней мы получаемъ подтвержденіе того факта, что самые видные представители французской знати, Герцогъ Ларошфуко, герцогъ Биронъ, Лафайетъ, Шуазели, Ноайли — не вѣдая, что творятъ, всѣми силами содѣйствовали успѣху революціи. Авторъ приводитъ намъ списокъ членовъ „Ложи Пропаганды", почти исключительно вербовавшейся среди высшей аристократіи. Въ этомъ смыслѣ еще болѣе поразителенъ былъ „блестящій" составъ „Версальской Ложи". Тайные руководители масонства выказали тонкую и злую иронію, давъ этой ложѣ наименованіе „Ложи Іоанна Невиннаго". Дѣйствительно, надо было всѣмъ этимъ вельможамъ быть слишкомъ „невинными", чтобы участвовать въ заговорѣ противъ самихъ же себя, чтобы вступить въ сообщество, имѣющее цѣлью ихъ же обобрать и выкинуть изъ жизни такими же нищими и убогими, какимъ былъ Іоаннъ Невинный.

Въ замкѣ Блеманъ были найдены протоколы засѣданій этой ложи отъ 31 Марта 1775-го года и 20 Марта 1782-го. Они переплетены въ книгу въ 340 страницъ. Кожаный красный переплетъ разукрашенъ по угламъ и на корешкѣ разными символами и знаками масонства: тутъ и циркуль, и треугольникъ (перевернутый), отвѣсъ, нивеллиръ; оливковая вѣтка; зловѣщая пентаграмма. Въ серединѣ — заглавіе:

Регистръ
совѣщаній и постановленій
Ложи Св. Іоанна Невиннаго
во славу Великаго Архитектора
Вселенной,
подъ покровительствомъ Свѣтлѣйшаго
Великаго Мастера.
5775.

Какія имена мы читаемъ въ этомъ „регистрѣ"! Положительно, здѣсь проходитъ предъ нами вся былая слава и вся исторія былой Франціи. Тутъ и мужчины, и женщины, „братья" и „сестры": маркиза де-Шуазель-Гуффіе, маркиза де-Куртебоннъ, маркиза де-Монморъ, графиня де-Блашъ, виконтесса де-Фудоа. А вотъ и „братья": маркизъ д-Арсинбаль, маркизъ де-Лювиніанъ, маркизъ де-Хотюи, маркизъ де-Грамонъ-Кадеруссъ, ви-

[1]) Почетное званіе при Судебной Палатѣ (примѣчаніе автора).

контъ де-ла-Рошъ-Аймонъ, маркизъ д-Аврикуръ, графъ де-Лоней и проч. и проч.

„Свѣтлѣйшій Великій Мастеръ" — былъ никто иной, какъ Герцогъ Орлеанскій, двоюродный братъ Короля Людовика XVI, перешедшій въ Исторію подъ прозвищемъ — „Philippe-Egalité".

Монжуа подробно описалъ церемонію, которую долженъ былъ продѣлать этотъ Принцъ Крови, чтобы удостоиться быть посвященнымъ въ высшее (для Христіанина) масонское званіе „рыцаря-кадоша".

„Чтобы быть принятымъ въ число рыцарей-кадошъ", — пишетъ Монжуа — „Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ былъ введенъ пятью франъ-масонами, такъ называемыми братьями, въ темную залу. Въ концѣ этой залы устроено было подобіе пещеры, въ которой лежали человѣческія кости; пещера освѣщалась снизу лампой, которой свѣтъ былъ направленъ на эти кости. Въ одномъ изъ угловъ залы стояла статуя, облаченная во всѣ аксессуары королевскаго одѣянія. Посреди комнаты стояла двойная лѣстница.

Когда Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ былъ введенъ пятью братьями, ему приказали лечь на полъ и лежать неподвижно, на подобіе мертваго. Находясь въ этомъ положеніи, онъ получилъ приказаніе громко перечислить всѣ пройденныя имъ раньше степени масонскихъ посвященій и повторить всѣ тѣ клятвы, которыя онъ произносилъ при этихъ посвященіяхъ. Затѣмъ, въ высокопарныхъ выраженіяхъ, ему объяснили всѣ высокія преимущества и права, съ какими сопряжено званіе, котораго онъ являлся соискателемъ, и заставили поклясться, что онъ никогда не вступитъ въ близкія сношенія ни съ однимъ изъ рыцарей Мальтійскаго Ордена и не приметъ ни одного изъ нихъ въ свою ложу.

По окончаніи этихъ первыхъ церемоній, ему позволили встать и приказали подняться на самый верхъ лѣстницы; когда онъ былъ на верхней ступенькѣ, ему приказали броситься внизъ, что онъ и исполнилъ. Послѣ того ему объявили, что онъ достигъ самой высшей степени масонскаго посвященія, какая только существуетъ. . . .

Тотчасъ послѣ паденія съ лѣстницы, ему дали въ руки кинжалъ и приказали его вонзить въ „коронованную" статую, что имъ немедленно было исполнено. Изъ проткнутаго отверстія — подобія раны — полилась какая то жидкость цвѣта крови, которая, обливъ кандидата, образовала на полу темно-красное пятно.

Затѣмъ ему было приказано отрѣзать голову фигуры, изображавшей короля, взять эту голову въ правую руку и высоко поднять предъ собою, а въ лѣвой рукѣ держать „окро-

вавленный" кинжалъ и направить его остріе въ сторону головы.

Когда уже всѣ эти церемоніи были продѣланы, ему объяснили, что кости, лежащія въ пещерѣ, представляютъ смертные останки Якова де-Моле, великаго мастера Ордена Храмовниковъ, а „человѣкъ", окровавленную голову котораго онъ держитъ въ правой рукѣ, представляетъ Филиппа Красиваго, Короля Франціи.

Далѣе послѣдовало разъясненіе условныхъ знаковъ, обозначающихъ его принадлежность къ новой степени, въ которую онъ возведенъ: онъ долженъ приложить правую руку къ сердцу, затѣмъ протянуть ее горизонтально и наконецъ опустить ее на колѣно, чтобы показать, что сердце „рыцаря-кадошъ" всегда готово къ мщенію. Ему также показали, какого рода соприкосновеніе должны другъ съ другомъ производить „рыцари-кадошъ": они протягиваютъ для пожатія руки такъ, какъ дѣлали бы это, еслибъ хотѣли кого либо пронзить кинжаломъ".

Можно ли представить себѣ болѣе дикое зрѣлище, чѣмъ этого французскаго Принца Крови, закалывающаго кинжаломъ „французскаго короля" и держащаго въ правой рукѣ его окровавленную голову!

Эти простаки, эти честолюбцы и эти глупцы, ставшіе игрушкой людей, несравненно болѣе умныхъ, чѣмъ они, и не подозрѣвали истиннаго смысла тѣхъ церемоній, которыя такъ охотно ими продѣлывались. Они не понимали, что, въ то время какъ ихъ приглашали къ возсозданію Соломонова Храма, до котораго имъ не было никакого дѣла, они вмѣстѣ съ тѣмъ становились орудіями разрушенія того величественнаго, прекраснаго зданія, которымъ была „Старая Франція". Это зданіе, въ продолженіе многихъ вѣковъ, сохраняло и охраняло ихъ родную землю и оберегало отъ всѣхъ непогодъ ихъ всѣхъ, и дворянство, и среднее сословіе, и крестьянство. Немало ихъ удивило бы въ то время, когда такъ легкомысленно готовили они дѣло великой крови и великаго преступленія, еслибъ имъ сказали, что, въ результатѣ совершавшагося ими разрушенія своихъ собственныхъ устоевъ, менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, ихъ лучшія земли, ихъ знаменитые замки, все достояніе и всѣ богатства ихъ страны окажутся въ обладаніи іудеевъ.

Но, если большинство этой знати и этой буржуазіи, помогавшее масонству, не вѣдало, что творило, то нельзя того же сказать про Герцога Орлеанскаго, вождя французскаго масонства: его образъ дѣйствій не можетъ найти оправданія въ незнаніи, ибо онъ сознательно принялъ участіе въ заговорѣ противъ своего двоюроднаго брата. Онъ былъ тѣсно связанъ съ еврейскими кругами и зналъ, что они руководятъ всѣми

масонскими ложами, какъ пѣшками на шахматной доскѣ. Въ своей книгѣ („Достопримѣчательные случаи моей жизни") графъ Глейстеръ разсказываетъ, что, въ бытность свою въ Англіи, Герцогъ Орлеанскій получилъ въ подарокъ отъ раввина Фалкъ-Шенъ кольцо- талисманъ: древняго происхожденія, это кольцо якобы имѣло для евреевъ большое мистическое значеніе, и имъ якобы предвѣщалась для Герцога Корона Франціи.

„Англичанка!" Такъ стали называть въ Россіи Государыню Императрицу Александру Θеодоровну съ первыхъ же шаговъ Ея вступленія на новую родину, которой Она, съ первыхъ же шаговъ, съ довѣріемъ, любовью и надеждой отдала Свое отзывчивое, благородное сердце, всегда находившее въ себѣ живой откликъ каждой нуждѣ ближняго, каждому горю людскому.

Императрица никогда не имѣла большой склонности къ свѣтской жизни. И дѣтство, и юность Ея протекли въ условіяхъ серьезнаго труда и сосредоточенной мысли, въ обстановкѣ тихаго, спокойнаго семейнаго очага, сначала въ Гессенъ-Дармштадтѣ, а затѣмъ при Дворѣ Королевы Викторіи, причемъ Государыня въ то время очень усидчиво и дѣятельно исполняла обязанности Секретаря своей Августѣйшей Бабушки и кромѣ того прошла серьезный курсъ высшаго образованія.

Блескъ Петербургскаго Двора и его пышныхъ удовольствій не захватилъ настолько души молодой Царицы, чтобы, отдавшись чарующей красотѣ этой поверхности жизни, забыть тотъ прочный фундаментъ серьезнаго, вдумчиваго отношенія къ бытію человѣческому, который съ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ былъ заложенъ въ душѣ Государыни.

Въ первое десятилѣтіе царствованія Государя Николая Александровича, до Японской войны, Ея Величество добросовѣстно исполняла всѣ Свои Царственныя обязанности по части пріемовъ, баловъ, выходовъ и тому подобныхъ церемоній, нужныхъ и естественныхъ въ монархической странѣ, но для главныхъ участниковъ очень утомительныхъ, стѣснительныхъ и . . . скучныхъ.

Неудивительно поэтому, что, когда можно было, Государыня предпочитала Свою интимную, семейную жизнь и ограниченный кружокъ близкихъ друзей. Къ тому же, частыя беременности Государыни поневолѣ Ее освобождали отъ свѣта.

Холодность Государыни къ свѣту помогала какимъ то таинственно-непроницаемымъ воздѣйствіямъ распространять по отношенію къ Ея Величеству если не враждебныя (въ то время этого еще не было), то недоброжелательныя чувства.

Одно къ другому, все складывалось такъ, что все, что бы ни дѣлала Царственная Чета, все приходилось не по вкусу

и не по нраву Петербургскаго общества: такъ опытными режиссерами создано было уже соотвѣтственное настроенiе, которое ни разуму, ни логикѣ, ни сердцу, ни чувству долга или хотя бы простого такта и достоинства не поддавалось.

Пристрастно и несправедливо, а кое гдѣ даже и злобно, относилось Петербургское общество къ Личности Ея Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Скрытое недоброжелательство, проявившееся со стороны Петербуржцевъ въ отношенiи къ Той, Которая именно отъ нихъ могла ожидать поддержки, началось давно, какъ мы уже сказали, чуть ли не съ перваго года Царствованiя, когда Императрица вновѣ появилась на Петербургскомъ горизонтѣ, ставъ изъ Иностранной Принцессы Великой Государыней Всероссiйской. Строгая, сдержанная наружность Ея Величества, Ея нѣсколько холодная (но блистательная) красота —, для тѣхъ, кто не имѣлъ счастья знать Ее ближе и не имѣлъ случая убѣдиться въ отзывчивости, добротѣ, простотѣ и довѣрчивости (увы!) Ея свѣтлой души, — серьезный складъ характера, всѣ эти черты, способныя привлечь человѣка мало-мальски глубокаго, имѣющаго свое собственное, внутреннее содержанiе, пустому свѣтскому обществу пришлись не по нраву.

„Холодная Англичанка“ — повторили тоже названiе, и въ это упоминанiе нацiональности будущихъ нашихъ безсовѣстныхъ союзниковъ, предъ которыми, забывъ всякое русское достоинство, безпардонно стукали лбами, — на этотъ разъ вкладывали особливый ядъ какой то затаенной русской обидчивости.

Но это названiе удержалось только до самаго начала девятисотыхъ годовъ. Въ то время предъ Англiей стали усиленно заискивать Милюковы, Гучковы и прочiе будущiе убiйцы Россiи, еще только замышлявшiе тогда свои политическiя интриги, стоившiя намъ нашей Родины. „Новое Время“ тогда начинало уже продаваться Англiи и на столбцахъ своихъ предпринимало первые шаги своей гнусной дѣятельности.

Стало неудобно такъ обзывать тайными происками обреченную Царицу. . . . И опять какой то режиссеръ перемѣнилъ авансцену.

Вспомнили и о другомъ происхожденiи Императрицы и стали называть Ее „Нѣмкой“. Это названiе, постепенно совершая свой кругооборотъ и сѣя ядъ губительнаго воздѣйствiя, въ нужный моментъ, изъ холопски-боязливаго шепота передней, превратилось въ грозный уличный крикъ, причинившiй несказанныя страданiя и несчастья Мученицѣ и Страстотерпицѣ на Русскомъ Престолѣ.

Дѣлали свое подлое дѣло недоброжелательство общественнаго мнѣнiя, молва людская, разносившая разные слухи, при-

чемъ въ возрастаніи этихъ слуховъ и ихъ разростаніи, по мѣрѣ распространенія отъ доброхотныхъ дѣяній праздности, болтливости, зависти и любви къ сплетнямъ, интригамъ и клеветѣ, скоро невинный и пустяшный случай обыденной жизни превращался въ злѣйшее преступленіе.

Такого рода атмосфера, созданная вокругъ имени жертвы, подвергшейся преслѣдованіямъ страшнаго іудо-масонства, составляла уже крупный результатъ въ рукахъ міровой интриги, разставлявшей свои сѣти для обильнаго лова. Но это еще было не все.

Съ помощью такой же молвы, удалось о Королевѣ Маріи Антуанетѣ внушить народу подозрѣніе въ яко бы безнравственной Ея жизни, въ Ея невѣрности Королю, въ развратномъ характерѣ жизни всего Ея Двора.

Постепенно и медленно сначала, но упорно падали традиціонныя чувства любви и уваженія французскаго народа къ своему Королю и Его Семьѣ.

Но какимъ страннымъ и нелогичнымъ долженъ показаться тотъ фактъ, что какъ разъ противъ того короля и той королевы, которыхъ семейная жизнь была безупречна, росло народное раздраженіе именно по поводу мнимой безнравственности этой жизни, въ то время какъ тотъ же народъ относился въ высшей степени терпимо къ дѣйствительно безнравственной жизни Двора при предшественникахъ Короля Людовика XVI, когда бѣдной „Добродѣтели", даже прикрывшись плащемъ, было бы тягостно пройти мимо Версаля.

Очевидно, въ то веселое время хотя бы Людовика XV, вся махинація не была еще готова. Еще не появлялся „Спартакъ"-Вейсгауптъ и, съ помощью многочисленной своей агентуры и другихъ „братьевъ", не игралъ еще, какъ мячикомъ, психикой народной. Еще въ грязномъ жидовскомъ кварталѣ стараго Іерусалима не было вынесено постановленія — „Пора начинать".

Но въ царствованіе несчастнѣйшаго Короля, когда либо извѣстнаго въ Исторіи (до нашего Государя), весь аппаратъ еврейской ненависти былъ уже приведенъ въ полное дѣйствіе, и обреченные, правые или виноватые, невинные или отягченные грѣхами — все равно уже не могли избѣжать хода подтасованныхъ и поддѣланныхъ событій. —

Для вполнѣ успѣшной травли Королевы неопредѣленной враждебной молвы было, однако, еще мало. Надо было разжигать непрестанно народную ярость, запутывать и завлекать народную глупость какими нибудь конкретными указаніями.

За этимъ дѣло не стало. Любой фактъ изъ жизни Королевы можно было представить въ самомъ одіозномъ видѣ, благо

толпа была ужъ подготовлена повѣрить любому вздору. Она, вѣдь, вѣрила, что Королева Марія-Антуанета была олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ и всевозможныхъ преступленій, вплоть до сознательной измѣны своей новой родинѣ, Франціи, въ пользу родины Своихъ предковъ — Австріи.

Исторія доказала и утвердила полную невиновность Маріи Антуанеты въ какомъ бы то ни было обвиненіи, на Нее взведенномъ; доказала бѣлоснѣжную чистоту всей Ея частной жизни, и какъ супруги, и какъ матери. Но Исторія исполнила свой долгъ обѣлѣнія Невинныхъ много позже Ихъ мученической кончины. Въ то время, когда эти Мученики были еще живы, почти никого не удалось бы убѣдить, что разносимые слухи были сплошнымъ вздоромъ и возмутительно грязной клеветой. Поэтому не приходилось стѣсняться при выборѣ новыхъ клеветническихъ разсказовъ: глупая и злая чернь вѣритъ всему, чему ей кажется выгоднымъ вѣрить. . . .

У Королевы былъ близкій, интимный другъ, съ которымъ Она почти никогда не разставалась, молодая, красивая Принцесса де Ламбалль.

Обращаю вниманіе на то, что Принцесса отличалась строго нравственной жизнью, что и въ тѣ времена бывало рѣдко: безупречная чистота ея нравственности также удостовѣрена Исторіей.

Дружба Королевы и Ея подданной, бывшей съ Королевскимъ Домомъ въ родствѣ, носила наивно-сентиментальный, дѣвическій характеръ и напоминала очень дружбу двухъ пансіонскихъ подругъ.

Ни въ какіе политическіе вопросы, ни въ какія придворныя интриги Принцесса не вмѣшивалась. Для интригъ она была слишкомъ простой, незлобивой и независтливой женщиной, притомъ же рожденной въ исключительно счастливыхъ условіяхъ жизни и не вынужденной посредствомъ борьбы домогаться какого либо высокаго положенія, ей по правамъ рожденія удѣленнаго. Для занятія же политикой — она была совершенно неподготовлена и нисколько ею не интересовалась.

Большого содержанія, или какого либо серьезнаго образованія въ ея хорошенькой головкѣ искать было бы напрасно. Весь интересъ этой дружбы заключался въ общихъ прогулкахъ по паркамъ Версаля, въ общемъ чтеніи какого нибудь сентиментальнаго романа, въ общемъ составленіи какого нибудь ловкаго мадригала буколическаго содержанія, въ общихъ забавахъ съ Дѣтьми, которыхъ Королева страстно и горячо любила.

Зависти, конечно, по поводу этой дружбы, было много среди разныхъ придворныхъ дамъ, считавшихъ себя обойденными такимъ предпочтеніемъ Королевы. А разъ была зависть

то были и сплетни, и пересуды, и наговоры, и клевета. . . . И все это изъ интимной придворной жизни выносилось на улицу, на перерабатываніе грубой, безчувственной и вздорной толпы. Придворная жизнь вообще приноситъ много тягостей тѣмъ, кто находятся въ центрѣ ея, но, можетъ быть, главнѣйшей, самой мучительной, является то состояніе, что находишься какъ бы въ хрустальномъ дворцѣ: всякій шагъ, всякое слово, всякое движеніе — все видно и слышно всѣмъ, все всѣми обсуждается и пересуживается, и каждымъ толкуется по своему.

Такъ и совершенно невиннаго, личнаго свойства дружба, существовавшая между Королевой Маріей-Антуанетой и Принцессой Ламбалль, городскими толками и сплетнями была перетолкована и переиначена такъ, что стала темой самой злостной критики Королевы; а на этой почвѣ революціонная агитація нашла новый обильный матеріалъ для разжиганія неудовольствія народнаго.

По этимъ толкамъ выходило, будто бы Принцесса была при Королевѣ какимъ то злымъ геніемъ, нашептывавшимъ ей и внушавшимъ чувства и дѣйствія, враждебныя народу; будто бы большія траты Королевы, увлекавшейся туалетами и увеселеніями по наущеніямъ Принцессы, разоряли страну; будто бы Король, самъ по себѣ желавшій добра народу, былъ удерживаемъ отъ благихъ намѣреній Королевой, которая, пользуясь своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на мужа и сама подчиняясь внушеніямъ и совѣтамъ Принцессы, направляла всю дѣятельность Короля по вредному для народа пути.

Какъ умѣютъ евреи нагло вторгаться въ частную жизнь человѣка и все, къ чему приблизятся, замарать своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, такъ и масоны въ личной жизни Королевы постарались использовать въ дурную сторону невинную пріязнь Ея и изъ дружбы съ Принцессой создали сказки о какихъ то неестественныхъ влеченіяхъ, о развратѣ, будто бы скрывавшемся тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ была только наивная, невинная идиллія.

Своею гнусною травлей подготовляя грядущую участь Королевы, эти діаволы во образѣ человѣческомъ безжалостно предназначали къ подобной же участи и бѣдную Принцессу, только въ томъ и повинную, что она имѣла несчастье попасть въ орбиту дѣйствій этихъ людей, — которые на гнуснѣйшее убійство, совершенное ради достиженія своихъ цѣлей, смотрятъ какъ на лучшую свою добродѣтель.

Когда разразилась революція, одной изъ ближайшихъ жертвъ была Принцесса де-Ламбалль. Чернь не забыла своей злобы къ той, на которую такъ долго ее натравливали. . . .

Бѣдная, ко всѣмъ доброжелательная и отзывчивая, юная красавица, выросшая въ тепличной обстановкѣ и жизни совсѣмъ

не знавшая, мило щебетавшая свой свѣтскій, невинный вздоръ и никогда серьезными мыслями не занятая, очутилась неожиданно въ центрѣ ужаснѣйшей драмы, и оказалась обреченной на самыя страшныя испытанія, какимъ только можетъ подвергнуться человѣкъ.

Заключенной въ тюрьму, маленькой принцессѣ очень не хотѣлось умирать, и сознаніе опасности положенія приводило ее въ самое трагическое отчаяніе.

Ея тесть, герцогъ де Пентіэвръ, принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы постараться спасти бѣдную „птичку". Какъ и теперь, въ нашу революцію, такъ и тогда, эти мѣры сводились къ одному — къ деньгамъ: во всѣ времена, революціонная камарилья бываетъ одинаково продажна, и за деньги можно купить почти любого изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей революціи. Удалось щедро оплатить и тѣхъ палачей, отъ которыхъ зависѣла жизнь злополучной Принцессы.

Подошли Сентябрьскія трехдневныя убійства, которыхъ кровавая вакханалія была много разъ повторена въ наши дни русскими евреями, подражателями французскихъ, кажется даже превзошедшими жестокостью и подлостью своихъ предшественниковъ.

Принцессѣ, какъ разъ въ эти дни, было обѣщано освобожденіе, по выполненіи нѣкоторыхъ „формальностей". При выходѣ ея изъ тюрьмы (въ эти дни тутъ то и происходили избіенія), купленный комиссаръ, стоявшій возлѣ купленнаго же палача, приказалъ обезумѣвшей отъ страха принцессѣ крикнуть — „Vive la Nation!" „Vive la Liberté!"

Она выполнила это требованіе еле повинующимся ей голосомъ: ей такъ страстно хотѣлось жить, бѣдной маленькой принцессѣ. . . . Затѣмъ, ей приказали еще выкрикнуть какое то проклятіе по адресу Короля.

Она попробовала, но не смогла: вся благородная кровь ея славнаго рода возмутилась противъ такого насилованія чести и вѣрности, и слова измѣны и предательства остановились въ ея горлѣ. . . .

Она умоляюще взглянула на комиссара и пролепетала побѣлѣвшими губами: „Excusez moi, monsieur le Commissaire, mais je ne peux pas . . . Vraiment — je ne peux pas . . . ." Въ слѣдующее мгновеніе она была сброшена съ крыльца тюрьмы, гдѣ стояла, въ ожидающую своего кроваваго праздника толпу: отчаянный, предсмертный крикъ былъ заглушенъ ревомъ этой толпы, и тотчасъ затѣмъ прекрасное, мертвое тѣло красавицы стало переходить изъ рукъ въ руки, подвергаясь глумленіямъ и надругательствамъ.

А среди хищной черни сновали іудеи, радовавшіеся, торжествовавшіе, наслаждавшіеся видомъ христіанской крови. . . .

Вечеромъ того же дня, къ окнамъ Королевы была поднесена на пикѣ напудренная, раскрашенная, расчесанная и все еще прекрасная головка. . . .

Увы, Красный Террор любитъ „утонченнымъ" способомъ тѣшить свою злобу и оставлять уроки, образцы и примѣры для неизбѣжнаго своего преемника, Бѣлаго Террора. . . .

На этотъ разъ, впрочемъ, въ наши переживаемые дни, Бѣлаго Террора въ томъ видѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ, не будетъ: сокрушительно, повсемѣстно и поголовно, прокатится грозная колесница неумолимой Кармы. . . .

„Подъявшій мечъ — отъ меча погибнетъ." . . .

Не понапрасну я вызвалъ въ памяти давно отстрадавшіе образы далекаго прошлаго. Каждый русскій читатель, вспомнивъ этотъ всѣмъ извѣстный эпизодъ французской революціи, тотчасъ припомнитъ эпизодъ почти сходственный изъ нашихъ временъ.

У Государыни Императрицы Александры Θеодоровны также былъ близкій, преданный другъ въ лицѣ Анны Александровны Вырубовой, во многомъ напоминающей своей судьбой судьбу Принцессы де-Ламбалль, за тѣмъ исключеніемъ, что, слава Богу, судьба Анны Александровны не стала столь трагической.

Какъ и Французской Королевѣ, нашей Императрицѣ многіе не могли простить Ея вольнаго выбора Себѣ друга и исключительную близость, въ которой Ея Величество замкнула Свою интимную жизнь именно этой дружбой.

„Почему она, а не я, не моя дочь, сестра, жена, тетка. . . ." Вотъ тѣ завистливыя, холопствомъ проникнутыя чувства, которыя вызвали сплетни и злыя инсинуаціи вокругъ имени А. А. Вырубовой, бывшей искренно преданнымъ и благодарнымъ другомъ своей Царицы. Государыня, избравши ее довѣреннымъ, близкимъ человѣкомъ, подчинялась вполнѣ понятному влеченію: такой человѣкъ необходимъ и въ палатахъ Царей, и въ любой хижинѣ; ибо пусто и непривѣтливо бываетъ душѣ человѣческой не имѣть искренняго друга, которому можно было бы повѣрить и радости, и горести, и надежды, и заботы, и тревоги своей внутренней жизни.

Анна Александровна именно и была такимъ другомъ и этого положенія своего всегда неукоснительно держалась. Въ этой дружбѣ было много не только внѣшняго, но и внутренняго сходства съ дружбой Королевы Маріи-Антуанеты и Принцессы де-Ламбалль. И послѣдствія были сходственны.

На этой дружбѣ клевета построила сложныя изобрѣтенія лжи и хитросплетенной фантазіи. Все, что говорилось о дружбѣ Королевы, говорилось и о дружбѣ Императрицы. . . . Какъ

будто бы не хватило воображенія, на подлости совершая подготовку новой революціи, хотя бы выдумать новую подлость. . . .

Когда разразилась революція, ярость евреевъ и ихъ приспѣшниковъ, а также раззадоренной ими глупой толпы, между прочимъ, была направлена и противъ А. А. Вырубовой, которая многіе мѣсяцы просидѣла въ тюрьмѣ, причемъ многіе слѣдователи и прокуроры занимались ея „дѣломъ": такъ многозначительно были названы ея частныя письма и показанія разныхъ знакомыхъ съ ней лицъ.

Къ общему разочарованію революціонныхъ аферистовъ, ничего, рѣшительно ничего не нашли ни преступнаго, ни предосудительнаго въ жизни Анны Александровны. Болѣе того — получился неожиданный, въ отношеніи замужней женщины, сюрпризъ, совсѣмъ разочаровавшій самыхъ яростныхъ преслѣдователей больной, беззащитной, нравственно разбитой женщины: А. А. Вырубова была подвергнута медицинскому освидѣтельствованію (для чего? очевидно, для лишняго глумленія?), въ результатѣ котораго врачи констатировали ея . . . дѣвственность. Это — послѣ всѣхъ разсказовъ о ея развратномъ поведеніи, о какихъ то оргіяхъ, въ которыхъ она будто бы участвовала, вмѣстѣ съ Распутинымъ, въ святость котораго она нерушимо вѣрила.

Это послѣднее обстоятельство, т. е. довѣріе къ высокимъ душевнымъ качествамъ Распутина, дѣйствительно имѣло мѣсто: въ этой ошибкѣ Анна Александровна, какъ и многіе другіе, дѣйствительно была повинна; дѣйствительно она подпала подъ могучее гипнотическое воздѣйствіе проходимца.

Но именно потому, что она довѣрилась кажущейся свѣтлой одухотворенности Распутина (на самомъ дѣлѣ бывшей черной), она никакъ не могла участвовать съ нимъ на какихъ то оргіяхъ и, разумѣется, не участвовала.

Если Анна Александровна и ошибалась, то, во всякомъ случаѣ, не такъ позорно и не такъ вредоносно для Россіи, какъ тѣ тысячи кликушъ – русскихъ дамъ и дѣвицъ – которыя млѣли отъ восторга передъ другимъ проходимцемъ, еще болѣе отвратительнымъ, а именно — Керенскимъ.

Довѣріе, оказанное Керенскому, гораздо менѣе простительно, ибо у этой скверной личности не было того оружія гипнотическаго внушенія, которымъ обладалъ Сибирскій мужикъ и силой котораго волѣ своей подчинялъ своихъ жертвъ, заставляя видѣть въ немъ не то, что онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Что же касается революціоннаго шута, то его Хлестаковскій пошибъ билъ въ глаза и каждому разумному человѣку вселялъ брезгливое чувство, смѣшанное съ негодованіемъ при мысли о злѣ, творившемся этимъ гаденькимъ человѣчкомъ. Слѣдовательно, надо было быть отпѣтыми дурами, чтобы „заобожать" „душ-

ку-Керенскаго", въ то время какъ для глубоко религіозныхъ, мистически-настроенныхъ женщинъ, какой была Анна Александровна, было простительно и почти естественно, подъ вліяніемъ внушенія, подпасть подъ воздѣйствіе мистической аберраціи. Люди, подсылавшіе Распутина, знали, что дѣлали: знали, какъ онъ опасенъ и вреденъ для тѣхъ, противъ кого они готовили свои козни.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, является совершенно непонятнымъ, почему можно съ пѣной у рта негодовать противъ Анны Александровны Вырубовой.

Можно только пожалѣть ее за то, что она попалась въ подготовленную западню и впала въ ошибку. За то гораздо понятнѣе и естественнѣе кажется негодованіе противъ тѣхъ, которыя носили на рукахъ прощалыгу Керенскаго и глупую революціонную старуху Брешковскую, рвали на тысячи частей, „на память", случайно ими оброненные носовые платки. . . .

По этому поводу вспоминается мнѣ случай изъ моей жизни.

Есть у меня пріятель, бравый полковникъ, съ давнихъ поръ состоящій членомъ кадетской партіи и съ большимъ пыломъ отдающійся своимъ политическимъ увлеченіямъ.

Человѣкъ онъ очень и очень хорошій, но упрямый, пристрастный и не въ мѣру увлекающійся.

Послѣ долгаго времени, что я его не видѣлъ, я съ нимъ встрѣтился лѣтомъ 1918-го года, къ большой моей радости, ибо очень его люблю.

Ввиду того, что, по поводу разныхъ политическихъ вопросовъ, мы съ нимъ раньше часто и много ожесточенно спорили, мы сразу условились, что о политикѣ говорить не будемъ.

Однако, я не утерпѣлъ и задалъ ему слѣдующій вопросъ:

„Извини за нескромный вопросъ, но будь добръ, милый другъ, скажи мнѣ только одно и тѣмъ успокой мои сомнѣнія. ... Теперь то, послѣ всего совершившагося, Ты, я надѣюсь, окончательно выкинулъ изъ своего сердца бывшаго твоего героя, Милюкова." . . .

Мой другъ взволнованно и возмущенно воскликнулъ:

„Никогда! Если раньше я только любилъ и уважалъ Павла Николаевича, то теперь, то теперь . . . теперь . . . я почитаю его, какъ святого." . . .

Я поднялъ глаза къ небу, перекрестился и . . . ничего не отвѣтилъ. . . . Что же на это отвѣчать?

Пріятеля своего я жалѣю за такой избытокъ ревностной довѣрчивости, въ немъ сохранившейся, но за это причислять этого добраго человѣка къ разряду извергов рода человѣческаго — я не считалъ бы справедливымъ. Точно такъ же, еслибъ оказалось, что и до сихъ поръ Анна Александровна

почитаетъ Распутина за подвижника, я бы ее пожалѣлъ, но не осудилъ. . . .

Въ дѣлахъ вѣры и чувства надо быть сугубо осторожнымъ въ сужденіяхъ о людяхъ и въ осужденіи ихъ.

Мы провели параллели обѣихъ революцій, но только въ главныхъ штрихахъ. Еслибъ время позволяло углубиться еще дальше въ эти дебри, то мы нашли бы и еще много другихъ сходныхъ чертъ, подобнымъ же образомъ доказывающихъ невозможность предположенія о томъ, что могли бы быть случайными такія разительныя совпаденія, въ двухъ разныхъ столѣтіяхъ, у двухъ совершенно различныхъ народовъ, при совершенно различныхъ міровыхъ конъюнктурахъ.

Напротивъ того, все это подтверждаетъ мою основную мысль и доказываетъ, что дѣйствующими лицами міровой трагедіи были использованы старыя программы и шпаргалки. . . . Сѣть все той же масонской паутины опутала и событія, и людей, которые барахтаются во власти свирѣпаго паука, все еще ненасытнаго въ своемъ кровавомъ пиршествѣ и разсчитывающаго прочно утвердиться надъ міромъ, почти готовымъ, какъ обезсиленная муха, сдаться своему безпощадному покорителю. . . .

Но этого не будетъ! Паутина будетъ прорвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и многія ея жертвы успѣютъ быть освобожденными. Тогда злобное насѣкомое быстро исчезнетъ въ ближайшей щели, и остатки гибельной паутины будутъ развѣяны по вѣтру. Но въ щели останется сидѣть нашъ врагъ, дожидаясь новой удачи, когда онъ снова вылѣзетъ на Свѣтъ Божій, снова начнетъ ткать свою страшную сѣть, снова используетъ довѣрчивость, глупость и подлость людскую. . . .

Неужели люди не поймутъ и на этотъ разъ, что необходимо туго забить соломой щель, въ которой спрячется гадина, и сжечь ее безъ остатка. . . .

Намъ остается еще сказать о первостепенной, роковой параллели, а именно — о вмѣшательствѣ черныхъ силъ оккультнаго міра, имѣвшемъ и во Франціи, и у насъ, рѣшающее значеніе.

И на личную судьбу Короля Людовика XVI-го, и на судьбу Его Семьи, Его Престола, Его Династіи, Его Королевства, повліялъ могущественнымъ вліяніемъ безвѣстный проходимецъ-авантюристъ, неизвѣстно откуда появившійся и неизвѣстно куда исчезнувшій послѣ того, какъ онъ свершилъ свое дѣло. Впрочемъ, нѣтъ: благодаря изысканіямъ нѣкоторыхъ любознательныхъ и пытливыхъ изслѣдователей, теперь

уже извѣстно, что этотъ таинственный человѣкъ, именовавшійся „графомъ Калліостро", а по настоящему бывшій итальянскимъ евреемъ Яковомъ Бальзамо, былъ припрятанъ нѣкоторымъ загадочнымъ способомъ такъ, что больше ни слуха, ни духа о немъ не было, ибо, исполнивъ свое назначеніе, онъ могъ сдѣлаться уже стѣснительнымъ, еслибъ оставался на свободѣ. Такъ и масоны, и евреи, міровые заговорщики, поступаютъ всегда со своими агентами, бывшими выполнителями ихъ предначертаній, по минованіи въ нихъ надобности, если только эти агенты сами не принадлежатъ къ высшимъ степенямъ тайнаго сообщества.

Бальзамо-Калліостро пришелся какъ разъ кстати для французскаго общества того дореволюціоннаго времени.

При приближеніи эпохи особенно кровавой и обильной ужасами внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, когда какая то таинственная волна начинаетъ тревожить умы людей безотчетными предчувствіями, всегда интересъ къ загадочнымъ сторонамъ жизни и къ духовнымъ запросамъ ея растетъ въ обществѣ и завлекаетъ своими неразрѣшимыми въ обыденныхъ условіяхъ человѣческаго познанія, но тѣмъ болѣе заманчивыми загадками.

Такъ было и тогда, когда французское общество стояло въ преддверіи ужасовъ, которыхъ жертвами должно было пасть громадное его большинство.

Вся необычная обстановка, какой себя окружалъ Калліостро, его „пророчества" и многозначительные намеки, часто какъ бы доказывавшіе его сверхзнаніе, его „чтеніе въ сердцахъ" людей, излѣченія, достигавшіяся имъ внѣ формъ дѣйствовавшей въ то время практической медицины — все это не могло не будоражить Парижанъ нездоровымъ, заразительнымъ возбужденіемъ, усугублявшимъ тревожныя настроенія многихъ общественныхъ круговъ, и безъ того запечатлѣнныхъ крайней нервностью.

Вліяніе Калліостро тѣмъ болѣе было велико, что онъ не былъ зауряднымъ авантюристомъ-шарлатаномъ, исключительно эксплуатировавшимъ невѣжество, суевѣрія и довѣрчивость толпы какими либо дешевыми фокусами. Онъ дѣйствительно былъ сильнѣйшимъ гипнотизеромъ, что въ тѣ времена казалось совершенно волшебнымъ, а кромѣ того и обладателемъ кое какихъ тайнъ, еще и до сихъ поръ неизслѣдованныхъ въ достаточной степени официальной наукой, только догадывающейся о нихъ и ощупью къ нимъ приближающейся. Но, параллельно съ такими свойствами, Калліостро былъ и ловкимъ, талантливымъ шарлатаномъ, и послушнымъ агентомъ „высшихъ инстанцій", пославшихъ его. . . .

Почти не было Парижанина, который не соблазнился бы разсказами о чудесахъ, творившихся на квартирѣ удивительнаго иностранца, и не побывалъ бы на этой квартирѣ, чтобы лично провѣрить слышанное.

Какъ говорили, соблазнилась и Королева. Однажды, закутавшись въ плащъ, въ наемномъ экипажѣ, вдвоемъ съ Принцессой де-Ламбалль, она пріѣзжала къ Калліостро, къ несчастью ее узнавшаго, что было неудивительно при большой агентурѣ сыщиковъ и шпіоновъ, служившихъ при авантюристѣ, и разгласившаго объ этомъ посѣщеніи, что было очень печально ввиду травли, которой подвергалась Марія-Антуанета и сплетенъ, нагромождавшихся вокругъ ея имени.

Было вполнѣ естественно для молодой, свѣтской женщины, какой была Королева, рѣшиться на такое приключеніе, особенно тѣшившее невинной романтичностью своей. Но вреда себѣ этой шалостью Королева причинила очень много; много и непріятностей, ибо Король узналъ о ея поступкѣ и былъ крайне недоволенъ. — Еще пуще прежняго пошли гулять по городу сплетни. . . .

Но туманныхъ сплетенъ для подготовителей гибели Короля и Франціи было еще мало: ими затѣяна была фабрикація огромнаго скандала, въ конецъ скомпрометировавшаго бѣдную Королеву.

Интрига была ведена смѣло, нахально и чрезычайно ловко.

Для Калліостро не было никакой возможности еще разъ увидѣться съ Королевой, что для выполненія задуманнаго плана было крайне желательно.

Но это препятствіе было обойдено подлогомъ, симъ излюбленнымъ орудіемъ всѣхъ дѣйствій іудо-масоновъ.

Къ услугамъ Калліостро, знаменитая графиня де Ламоттъ подыскала двойника Королевы, женщину, очень на нее похожую, и съ ея помощью было подтасовано громкое „Дѣло Жемчужнаго Ожерелья", много способствовавшее какъ развитію самаго революціоннаго движенія, такъ и жестокостямъ, впослѣдствіи проявленнымъ чернью по отношенію къ Королевской Семьѣ.

А между тѣмъ, какъ извѣстно, Королева ни въ какомъ отношеніи не была причастна къ этому дѣлу, о которомъ и узнала то только тогда, когда скандалъ уже разразился.

Надо было быть носителемъ безчувственно холодной злобы еврея и его безпощадно-лютой жестокости, чтобы, запутавъ свою ни въ чемъ неповинную жертву въ сѣтяхъ подлѣйшей интриги, спокойно и хладнокровно-увѣренно, вполнѣ сознательно, въ безопасной „тиши рабочаго кабинета", уготавливать ей мученическій вѣнецъ, точно намѣчать направленный въ нее смертельный ударъ. . . .

По всей вѣроятности, съ такимъ же холоднымъ безстрастіемъ дѣлалъ старикъ раввинъ Шнеерсонъ свои ритуальныя приготовленія предъ ожидавшимъ своего сверхмѣрнаго мученичества, распластаннымъ, связаннымъ русскимъ мальчикомъ, Андрюшей Ющинскимъ, въ то время какъ группа избранныхъ сородичей благоговѣйно взирала на эти приготовленія, предвкушая сладострастный трепетъ мстительнаго, кроваваго, еврейскаго торжества. . . .

Читатель догадывается, къ чему я веду рѣчь, вспоминая о евреѣ Яковѣ Бальзамо, во Французской революціи сыгравшемъ роль поворотнаго колеса Исторіи.

Въ нашей революціи сходственный образъ, трагическій образъ подобнаго же значенія, указываетъ на ту же преступную руку, приготавливавшую муки и паденіе нашей Родины.

Я подошелъ къ самой трудной части моей книги, имѣющей исключительную цѣль дать такое правдивое и искреннее истолкованіе и разъясненіе событій, захватившихъ въ свой водоворотъ зазѣвавшуюся Россію, которыя могли бы дать возможность слѣпымъ — видѣть и глухимъ — слышать.

Это — нелегко, такъ какъ среди подобнаго рода калѣкъ много имѣется тѣхъ, кто умышленно закрываетъ глаза и затыкаетъ уши передъ правдой. . . . Много есть и главныхъ виновниковъ совершеннаго. Эти виновники отлично сознаютъ и понимаютъ всю правду, но именно потому то и пытаются эту правду затушевать, поддержать легковѣріе и легкомысленность толпы все тою же старою ложью, или вѣрнѣе изнанкой правды, которой въ свое время имъ удалось довести цѣлый народъ до эпилептическихъ припадковъ и массового безумія, до сплошного затемненія совѣсти и потери здраваго смысла.

За примѣрами ходить недалеко. Сего 18-го Іюля 1920 года, предъ моими глазами лежатъ выдержки изъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ все таже, такъ болѣзненно отзывающаяся въ русскомъ сердцѣ, Распутинская исторія, излагается все съ прежнихъ точекъ зрѣнія, все на прежней тенденціи наложить возможно больше тѣни на Имя Страдалицы-Царицы, уже такъ много претерпѣвшей отъ злобы и ненависти, мученическимъ вѣнцомъ Своимъ обязавшей къ почтительному молчанію даже враговъ Своихъ, если въ нихъ сохраняются хоть отдаленные проблески чести.

Но какіе тамъ проблески чести искать. . . .

Я знаю, откуда замѣтки о Распутинѣ стараго, избитаго содержанія попадаютъ на столбцы нѣмецкихъ газетъ.

Въ нѣмецкія газеты искательно забѣгаетъ („скрѣпя сердце и стиснувъ зубы") все тотъ же неугомонный Гучковъ, столько

зла натворившій своей Родинѣ и безжалостно продолжающій дѣлать пробы, какъ бы вновь „вылѣзти въ люди", какъ бы вновь начать распоряжаться, на потѣху своего горемычнаго честолюбія, этой несчастной жертвой, до сихъ поръ окровавленной и растерзанной послѣ его прежнихъ пробъ.

Чувствуетъ этотъ политическій развратникъ, что и къ нему, какъ и къ другимъ виновникамъ сотвореннаго зла, близится Возмездіе, близится Часъ Расплаты. Чувствуетъ онъ тяжесть негодующаго презрѣнія, которымъ всѣ честные, вѣрные сыны Россіи давятъ нестерпимо его безграничныя тщеславіе и самомнѣніе.

И вотъ этотъ безсовѣстный, совершенно аморальный, съ позволенія сказать, „дѣятель" хочетъ опять завести старую шарманку и все старой же клеветой попробовать снова затронуть для насъ священныя Имена Государя и Государыни.

Даже очень скверннаго человѣка могли бы рыцарскія чувства задержать отъ выказыванія своей ненависти къ Русскому Императору и Русской Императрицѣ, именно вслѣдствіе Гучковской ненависти такъ много вытерпѣвшихъ страданій. Но господъ Гучковыхъ никакое рыцарское чувство, никакое чувство собственнаго достоинства не удержатъ тамъ, гдѣ они надѣются еще что нибудь выгадать для собственнаго своего ублаженія.

При такихъ условіяхъ, повторяемъ, становится особенно трудной поставленная задача — заставить выслушать и понять правду о Григоріи Распутинѣ.

Но легче всего будетъ понятно наше объясненіе для людей, еще не вполнѣ отчужденныхъ отъ мистическихъ чувствованій и воспріятій, знающихъ, что въ нашемъ мірѣ, въ индивидуальной жизни каждаго и въ жизни собирательной народовъ, кромѣ жизни физической, дѣйствуетъ, тѣсно съ ней соприкасающаяся и переплетающаяся, жизнь духовная. При такомъ міровоззрѣніи окажется менѣе труднымъ и сложнымъ уразумѣніе сложнѣйшаго, таинственнаго явленія, какимъ была вся „Распутинская эпопея", которая впослѣдствіи поставитъ втупикъ не одного историка и вызоветъ жаркіе споры и разногласія.

Но если даже и не быть „двуглазымъ" человѣкомъ, какъ хочется назвать спиритуалиста въ отличіе отъ матеріалиста, „одноглазаго", все равно даже и та категорія людей, которые въ своихъ выводахъ строго придерживаются позитивныхъ методовъ, можетъ отдать себѣ отчетъ во многомъ касательно странной личности Распутина. Наука сама ростетъ и ширится, безпрестанно прорывая границы, въ которыя, для удобства инертнаго ума, тщетно старается ее заключить часть ея непомѣрно узкихъ служителей. Въ настоящее время она далеко ушла впередъ и въ сторону отъ того знанія, которымъ Моле-

шоты и Бюхнеры мнили достигнуть истины, когда учили, что мысль человѣческая есть такой же продуктъ работы мозгового вещества, какъ желчь — продуктъ работы печени. Разглагольствованія Тургеневскаго Базарова для насъ, въ наши дни, кажутся не менѣе наивными, чѣмъ какая нибудь волшебная сказка, которой вѣритъ восьмилѣтній ребенокъ.

Въ настоящее время гипнотизмъ, дѣйствіе подсознанія, духовное воздѣйствіе на разстояніи, т. е. телепатія, и многое, многое другое, казавшееся раньше плодомъ человѣческаго воображенія, стало предметомъ серьезнаго научнаго изученія и признано реально существующимъ.

Поэтому теперь такія понятія, какъ гипнотизмъ, сила внушенія, особыя, необъяснимыя цѣлительныя способности, составляющія тайну нѣкоторыхъ обладателей такихъ свойствъ, эти и другія понятія, необходимыя для уясненія себѣ личности, подобной Распутину — не могутъ вызывать предубѣжденнаго недовѣрія или насмѣшки со стороны даже самыхъ крайнихъ скептиковъ, ибо противъ очевидности фактовъ никакой скептицизмъ не выдерживаетъ позиціи огульнаго отрицанія.

Кто не знаетъ, въ дебряхъ русской народной жизни, знахарства.

То есть удивительныхъ людей, изъ простыхъ, заурядныхъ крестьянъ, которымъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, а иногда и преемственно отъ неродственныхъ между собой, но сблизившихся почему либо людей, передаются какія то таинственныя знанія касательно леченія болѣзней и разныхъ другихъ практическихъ пріемовъ по облегченію и устроенію всевозможныхъ нестроеній и неурядицъ обыденной жизни.

При ближайшемъ ознакомленіи, часть этихъ знахарей оказывается заурядными обманщиками и шарлатанами, пользующимися невѣжествомъ и суевѣріемъ окружающей ихъ среды для выгоднаго устройства своихъ собственныхъ дѣлишекъ; но далеко не всѣ. Часто эти знахари бываютъ дѣйствительно свѣдущими въ леченіи болѣзней какъ у людей, такъ и у животныхъ, причемъ между ними встрѣчаются совершенно поразительные примѣры, когда, посредствомъ „заговариванія" (соотвѣтствующаго, вѣроятно, особому виду гипнотическаго внушенія), сразу прекращаются боли, а то и часто останавливается кровь: какъ ни глубока была бы рана, и обильно кровотеченіе, почти въ одно мгновеніе истеченіе крови прекращается, подъ дѣйствіемъ воли такого деревенскаго гипнотизера.

Разумѣется, я говорю спеціально о тѣхъ знахаряхъ, которые дѣйствительно обладаютъ какой то безспорно дѣйственной силой, оставляя безъ вниманія разрядъ плутовъ и обманщиковъ, никакими особыми силами не обладающихъ, а основывающихъ всю свою „коммерцію" на какихъ нибудь грубыхъ фокусахъ:

при ловкости и мошеннической смышленности, иногда имъ удается долго поддерживать легковѣріе обращающихся къ нимъ простаковъ; но для насъ такого рода „знахари" неинтересны.

Что же касается интересныхъ намъ дѣйствительныхъ тайновѣдовъ, то среди нихъ попадаются люди образцово правильной, а иногда и праведной, жизни, религіозные, добрые, участливые къ горю ближняго, безкорыстные, видящіе въ своихъ необычныхъ способностяхъ особый даръ Божій, которымъ на нихъ возложена обязанность помогать страждущимъ, но отнюдь не пользоваться этимъ даромъ для собственнаго обогащенія. — Бываютъ и такіе, которые за оказываемую помощь считаютъ возможнымъ брать вознагражденіе въ свою пользу, но жизнь ведутъ честную и добропорядочную, почти всегда проникнутую религіозными чувствами.

Встрѣчаются и знахари, отличающіеся развратной, а не то безнравственной, или безчестной жизнью, и тѣмъ не менѣе могущіе оказывать помощь и воздѣйствіе почти наравнѣ съ категоріей праведниковъ. Повидимому, сила изъ нихъ или отъ нихъ исходящая, не всегда зависитъ отъ нравственной высоты собственной ихъ жизни. Да всегда ли бываетъ особая сила? Можетъ быть, дѣло сводится часто и къ особымъ знаніямъ, или къ простому гипнотизму. Впрочемъ, и гипнотизмъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ „простымъ" явленіямъ. . .

Въ глубинѣ той же жизни русскаго народа наблюдается и другое явленіе, несравненно болѣе высокаго порядка, относящееся къ области чистыхъ, духовныхъ исканій, того „богоискательства", которое, по примѣрамъ исключеній, увлекало иногда нѣкоторыхъ энтузіастовъ называть насъ „народомъ-богоносцемъ". Я имѣю въ виду Старчество.

Люди высокаго духовнаго развитія, вознесенные своими религіозными идеалами въ даль отъ земныхъ сквернъ и низкихъ побужденій плотскаго существованія, своей образцовой жизнью во Христѣ пріобрѣтаютъ значеніе и вліяніе въ народѣ. Удалясь куда нибудь въ скитъ или монастырскую келью, они обыкновенно не замыкаютъ себя въ обособленную жизнь личнаго аскетизма, внѣ общенія съ людьми, но совѣтами, молитвой и всей помощью, какую въ силахъ оказать, стремятся принести всѣмъ, обращающимся къ нимъ, возможную пользу, облегченіе и поддержку въ горестяхъ и нуждахъ житейскихъ, а подавно и въ духовныхъ исканіяхъ. И въ нашей литературѣ, и въ исторіи, этотъ свѣтлый образъ русскаго праведнаго „старца" настолько подробно, а подчасъ и художественно (Старецъ Амвросій у Достоевскаго) изображенъ, что намъ останавливаться на немъ не приходится.

Мелькомъ, но съ благоговѣніемъ упомянувъ объ этомъ прообразѣ въ земной жизни жизни неземной, мы обратимся къ оборотной сторонѣ медали и отъ праведныхъ Старцевъ перейдемъ къ тому, что представляетъ собой искаженіе этого явленія, а именно къ тѣмъ многочисленнымъ изувѣрамъ, обманщикамъ, а то и просто преступникамъ, которые, подъ видомъ не то старцевъ, не то разнаго рода сектантовъ, вводятъ въ соблазнъ вѣрующихъ, религіозно настроенныхъ людей и распространяютъ вокругъ себя много зла, горя, страданій, раздора, разлада и развала.

Къ несчастью, такихъ фальшивыхъ старцевъ встрѣчается въ Россіи немало, какъ немало встрѣчается и готовыхъ для нихъ жертвъ, людей съ повышенной чувствительностью, съ возбужденными нервами, съ экзальтированными на почвѣ горячей вѣры и приверженности къ Церкви стремленіями приблизиться возможно ближе къ заповѣднымъ областямъ высокаго одухотворенія. Такихъ жертвъ находится много главнымъ образомъ среди женщинъ.

Для того, чтобы подчинить своему вліянію цѣлое множество людей, ищущихъ духовныхъ удовлетвореній исключительно изъ лучшихъ побужденій души и сердца, изъ безличнаго, самоотверженнаго исканія Добра и Правды — надо быть незауряднымъ обманщикомъ, но обладать дѣйствительно исключительными силами, внушающими къ себѣ довѣріе: нуженъ и большой умъ, и крѣпкая, властная воля, и психологическое знаніе людей, и т. д.

Я бы прибавилъ еще, только для тѣхъ читателей моихъ, которые признаютъ мистику въ своихъ умовоззрѣніяхъ, что надо еще обладать какой то страшной связью съ духами мрака и зла, которые помогали бы такому „фальсификатору“ поддерживать чары своего обмана.

Къ несчастью, и среди злыхъ людей очень часто бываютъ сильныя, даровитыя, недюжинныя личности, которыя, какъ разъ въ этой области духовныхъ уклоненій отъ нормальныхъ, обыденныхъ формъ жизни, приносятъ неисчислимое зло своими вредными вліяніями.

Обыкновенно нелегко и нескоро удается обнаружить и, главное, доказать тому, кто подпалъ подъ такія вліянія, какая ошибка была сдѣлана въ выборѣ недостойнаго лица: загипнотизированная жертва съ большимъ трудомъ поддается убѣжденіямъ, и пока еще эти убѣжденія смогутъ оказать воздѣйствіе какой нибудь особенно яркой очевидностью доказанной фальши, много воды успѣетъ утечь, и много замотанныхъ душъ окажется уловленными. . .

Что Калліостро былъ агентомъ людей, подготавливавшихъ революцію во Франціи, въ томъ сомнѣнія быть не можетъ,

какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что онъ былъ агентомъ сознательнымъ, отдававшимъ себѣ отчетъ въ порученіи, которое ему приказано было выполнить.

Былъ ли такимъ же агентомъ и Распутинъ?

Мы видѣли, на цѣломъ рядѣ примѣровъ, какой точной копіей, въ отношеніи отдѣльныхъ фазисовъ и факторовъ подготовки, была наша революція въ сравненіи съ французской.

По аналогіи, нельзя придти къ другому заключенію, что и Распутинъ былъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Россіи, но, по всей вѣроятности, гораздо менѣе сознательнымъ, нежели Калліостро, а можетъ быть — чему, однако, имѣются и противорѣчія — и совершенно не подозрѣвавшимъ своей роли. Не надо забывать, что, хотя и очень смышленнымъ отъ природы, умнымъ, ловкимъ, смѣлымъ и хитрымъ авантюристомъ, но Распутинъ былъ все же темнымъ и порядкомъ таки невѣжественнымъ мужикомъ, такъ что возможно допустить и полную его неосвѣдомленность.

Съ другой стороны, разъ его экстренно убрали изъ жизни, то это значитъ, что его до нѣкоторой степени опасались, какъ неудобнаго свидѣтеля — и это соображеніе снова возвращаетъ насъ къ предположенію, что, хотя бы смутно и частично, но Распутинъ, пожалуй, сознавалъ, кому и для чего онъ оказался нужнымъ, и поддавался ходу событій, не желая терять случая сладко пожить, въ свое удовольствіе.

Одно можно сказать точно: нѣкій Симановичъ, втершійся въ довѣріе къ Распутину и состоявшій при немъ въ качествѣ личнаго секретаря — былъ при немъ не случайно и не спроста. По рожденію своему видный еврей, онъ, какъ говорятъ, имѣлъ непосредственное касательство къ самому верховному синедріону. Какъ бы тамъ ни было, но посѣщавшіе его часто евреи, входя къ нему, оказывали ему будто бы знаки особаго почета.

Вообще же, что касается вершителей всего дѣла, то тутъ нечего сомнѣваться въ томъ, что, невидимой и еще неразгаданной нитью обстоятельствъ, случаевъ и встрѣчъ, они вели Распутина къ вершинамъ русской жизни, ибо никто иной, какъ онъ, былъ главнымъ козыремъ въ еврейской игрѣ, и, перефразируя фразу Вольтера, „надо было бы его выдумать, еслибъ онъ не существовалъ": до такой степени полно и цѣлостно, а вдобавокъ и еще успѣшнѣе, онъ повторялъ роль Калліостро, разыгранную сто сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Если во Франціи, гдѣ Калліостро не имѣлъ никакого доступа ко Двору, кромѣ разсказаннаго выше случая, когда изъ любопытства его тайно посѣтила Королева, если тамъ ему съ полнымъ успѣхомъ удалось выполнить свое предназначеніе, то насколько въ Россіи послѣдняго десятилѣтія до революціи обстановка гораздо болѣе способствовала тому, чтобы появленіе

новаго „Калліостро", видоизмѣненное по мѣсту и времени и съ придачей ему національной „couleur locale", могло оказаться чреватымъ выгодными для Великаго Заговора обстоятельствами, могущими дѣятельно способствовать постановленной и поставленной цѣли разрушенія Русскаго Государства.

Никто не станетъ оспаривать очевидности, что тайные враги, замыслившіе захватить весь міръ въ свою власть и распоряжаться христіанскими, сначала, а затѣмъ и остальными народами, какъ илотами или паріями, предназначенными на подневольные труды для потребы „избраннаго народа" — съ начала XX Столѣтія стали явно обозначать крупные успѣхи, достигнутые ими въ подготовительной работѣ безчисленнаго ряда поколѣній.

Въ большой мѣрѣ этими успѣхами враги наши были обязаны своимъ выдающимся дипломатическимъ способностямъ и аморальнымъ, но вѣрно достигающимъ цѣли, пріемамъ борьбы.

Эти пріемы они пускали въ ходъ, какъ неотъемлемыя принадлежности грандіознаго механизма, захватывающаго своими сложными, во всѣхъ деталяхъ разработанными, частями и частицами всю международную политику, всѣ интриги человѣческихъ отношеній, и перемалывающаго этотъ „матеріалъ", изготовляющаго изъ него нужный „продуктъ", инертный, покорный, „стерилизованный".

Игра на психологіи имѣетъ важное значеніе въ дѣятельности нашихъ враговъ. Преднамѣтивъ полное разрушеніе Россіи, они пользовались часто пособничествомъ тѣхъ, кто, можетъ быть, самъ послѣ Россіи долженъ оказаться очередною жертвой. Но въ настоящій моментъ гибель Россіи могла казаться соблазнительной близорукимъ государственнымъ дѣятелямъ той или другой страны, или менѣе близорукіе дѣятели могли оказаться подкупленными, — и тогда эта страна сегодня способствуетъ и помогаетъ привязывать камень на шею Россіи: она не помышлнетъ о томъ, что, можетъ быть, завтра, когда съ Россіей всѣ счеты будутъ уже покончены, еще какая нибудь другая страна будетъ помогать той же операціи привязыванія камня, производимой надъ вчерашней пособницей.

„Divide — et impera": вотъ старый девизъ, всегда сохраняющій свою житейскую силу. Взаимная зависть, взаимное соперничество, взаимная алчность — вотъ тѣ пособники жидомасонства, которые отдали все Христіанство въ рабское иго жирному іудейскому банкиру, самодовольно похлопывающему себя по животу и съ высоты „величія" своего взирающаго на порабощенныхъ „гоевъ".

Та же игра на психологіи, какая примѣняется въ широкомъ размахѣ международныхъ перспективъ, примѣняется и къ жизни

отдѣльнаго народа, почему либо интересующаго жидо-масонство и подлежащаго специальной обработкѣ.

Когда пришелъ чередъ могучей, великой, необъятной Россіи стать намѣченной жертвой подъ отточенными ножами Шнеерсоновъ, можно легко представить себѣ, какой тщательной обработкѣ она подвергалась до того момента, когда можно было безопасно и безнаказанно приступить къ „послѣднему туалету“ обреченной.

Обработка общая длилась очень долго, больше столѣтія. Но обработка спеціальная, этотъ самый „послѣдній туалетъ“, выпалъ на періодъ царствованія Государя Императора Николая Александровича. За это время все было пущено въ ходъ, тайной и осторожной, но дѣятельной работой все было подготовлено, и особенное вниманіе было обращено на всѣ слабыя мѣста могущественной Твердыни, гдѣ легче всего было бы сдѣлать брешь, тайный подкопъ, чтобы пролѣзть незамѣтно лазутчику въ самый центръ укрѣпленія, пользуясь какимъ нибудь доступнымъ внутреннимъ ходомъ сообщенія.

Для разрушенія Русскаго Государства и Русской Церкви Христовой, безъ которой сама собой Россія уже превращалась въ жидовскую вотчину (что мы видали въ наши дни), необходимо было начать съ Царскаго Престола.

Царь Всероссійскій высокой Властью Своей опирался на нравственный авторитетъ, на престижъ Царскаго Имени, на вѣрноподданническія чувства русскаго народа и на инстинктивное, подсознательное предчувствіе народа, что вся прочность русской государственности, олицетворяемой Царемъ, дѣйствительно только исключительно Царемъ и обезпечена отъ распаденія и крушенія.

Подпольная работа революціонной агитаціи уже совершила значительный подрывъ подъ этимъ краеугольнымъ камнемъ благосостоянія Россіи, подрывъ настолько значительный, что, ко времени воцаренія Императора Николая II, революціонныя партіи, или, вѣрнѣе, надъ ними стоящее управленіе Кагала могло считать своевременнымъ нанесеніе Россіи рѣшительнаго удара.

Но осторожные и предусмотрительные враги, готовя свой ударъ навѣрняка, хотѣли заранѣе уничтожить всѣ центры сопротивленія, въ которыхъ Россія могла еще бороться противъ приближавшейся опасности.

Могучій оплотъ нашей Государственности, великая русская Армія, — былъ надорванъ Японской Войной, первой революціей и не прекращавшейся съ тѣхъ поръ усиленнѣйшей пропагандой, и сломленъ окончательно Германской Войной, позорно завершившейся гнуснѣйшимъ заговоромъ почти всѣхъ главныхъ командовавшихъ генераловъ.

Основной оплотъ былъ — духовная, нравственная сила Русскаго Самодержавія, обаяніе Царскаго Имени. Этотъ оплотъ былъ также подорванъ и пропагандой, и той же Японской Войной, и связанной съ ней первой революціей, а особливо противогосударственной работой Государственной Думы. Было, однако, необходимо, для окончательнаго паденія популярности Царскаго Имени въ народѣ, какимъ нибудь нападеніемъ на Личное достоинство, Личную честь Монарха и Его Семьи, скомпрометировать это высокое достоинство, высокую чистоту и благородство Царской жизни.

Личности и Государя, и Государыни, достоинство Ихъ образцовой семейной жизни, были неприкосновенны; ибо какъ можно убѣдить кого бы то ни было въ томъ, что нечисто то, что всѣмъ ясно и явно, открыто въ глаза, сіяетъ своей бѣлоснѣжной чистотою. А между тѣмъ надо было какъ нибудь подойти къ этой бѣлоснѣжной чистотѣ, представить ее въ другомъ видѣ, такъ, чтобы она перестала быть ясной. . . .

Надо было найти какой нибудь способъ, чтобъ прикоснуться хоть за краешекъ Горностаевой Мантіи и оставить на ней слѣдъ своей пятнающей руки. Потомъ, этотъ знакъ іудинаго прикосновенія ужъ можно было размазать по всей Мантіи. . . .

Ходъ былъ найденъ: вѣрный, безошибочный ходъ, которымъ можно было незамѣтно подкрасться къ самому святилищу, къ средоточію стараго Русскаго Духа, и оттуда завопить такой „гевалтъ", чтобъ по всѣмъ краямъ свѣта было слышно, куда забралась жидовская наглость и откуда безнаказанно рѣшается оскорблять самыя завѣтныя русскія святыни. . . .

И Государя, и Государыню, во всѣхъ треволненіяхъ и испытаніяхъ жизни, поддерживали горячая, несокрушимая Вѣра и благочестіе. Въ связи съ мистическимъ складомъ души, это благочестіе выражалось у Царственной Четы въ постоянной, проникновенной мысли о духовной сущности человѣка и о необходимости руководствовать свою земную жизнь духовными порывами и исканіями правильныхъ путей въ молитвѣ и указаніяхъ Религіи.

Вполнѣ естественно, что при такомъ направленіи ума доступъ къ довѣрію и Государя, и Государыни значительно облегчался на почвѣ Вѣры, благочестія, духовныхъ исканій и вообще настроеній, соотвѣтствовавшихъ болѣе или менѣе настроеніямъ Ихъ Величествъ, или казавшихся таковыми.

Благо было, когда дѣйствительно хорошіе, честные, искренніе люди, взаимными, возвышенными и чистыми влеченіями, находили отклики въ сочувствіи Царя и Царицы, и такимъ путемъ лучше, чѣмъ найболѣе совершеннымъ избирательнымъ закономъ, нужные люди — настоящая соль Земли — получали

возможность благотворными совѣтами и содѣйствіемъ помогать Царю въ его трудномъ и отвѣтственномъ, Государевомъ Дѣлѣ.

Къ сожалѣнію, не одни истинно достойные люди, пріобрѣтая довѣріе Государя, получали возможность дѣйственно работать на верхахъ русской жизни.

Этихъ достойныхъ людей часто трудно бываетъ найти, распознать, оцѣнить и приблизить: эти люди обыкновенно бываютъ очень сдержанны, и по скромности, и по гордости, и по отсутствію личныхъ честолюбивыхъ притязаній.

Взамѣнъ ихъ, желательныхъ и желанныхъ, домогаясь использовать особенности характера Монарха, очень часто люди совсѣмъ недостойные одѣваютъ на себя выгодную маску лицемѣрія и угодливости и добиваются такимъ путемъ милостей и довѣрія, по существу ими незаслуженныхъ. Во время поразительнаго безлюдія, которымъ страдаетъ не одна Россія въ этомъ началѣ XX Вѣка, но и весь міръ; когда не одинъ революціонный шутъ Керенскій попадалъ въ русскіе „великіе люди", но и шутъ міровой политики, Вильсонъ, пользовался не болѣе долговременно, но и не менѣе вздорно — шумливымъ успѣхомъ, въ такое время трудно было и Государю находить дѣйствительно выдающихся людей.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что никогда въ близости Государя не было такихъ вопіющихъ бездарностей и такихъ преступныхъ, уголовныхъ образчиковъ человѣческаго паденія, какими окружала себя революція. Революція выдвинула только двухъ сильныхъ, выдѣляющихся изъ общей массы людей, да и то одинъ изъ нихъ, Ленинъ, есть несомнѣнный и прирожденный элементъ сумасшедшаго дома, а другой, Троцкій — каторги. . . .

При характерѣ Государя и Государыни, фальсификаціи благочестія, набожности, безкорыстія и возвышеннаго идеализма могли иногда сходить за истинныя добродѣтели и вводить въ обманъ. — Для чистыхъ все чисто. У Царя и Царицы нашихъ было такъ много любви къ людямъ, горячаго желанія имъ принести возможно больше пользы въ возможно болѣе широкомъ масштабѣ, что, какъ послѣдствіе такихъ идеалистическихъ и альтруистическихъ стремленій, было много вѣры въ людей, много довѣрія и много довѣренности тогда, когда Они могли найти общность Идеаловъ и вытекающее изъ нея сочувствіе собственнымъ душевнымъ влеченіямъ. Вотъ, слѣдовательно, и создавалась та почва, на которой легче всего было обойти Ихъ ловкимъ лицемѣріемъ и проникнуть въ Ихъ близость.

Это и было слабымъ пунктомъ, наименѣе огражденнымъ отъ козней, интригъ, обмана и лести.

Въ благороднѣйшихъ, чистыхъ и возвышенныхъ стремленіяхъ избранной, одаренной свыше многими нездѣшними дарами, души крылась опасность проникновенія темныхъ, злобныхъ и злыхъ вліяній и воздѣйствій.

Могло ли іудо-масонство и его агенты не воспользоваться этимъ слабымъ, незащищеннымъ мѣстомъ? Разумѣется, нѣтъ.

Памятуя объ успѣхѣ, который принесло ихъ чернымъ замысламъ „дѣло жемчужнаго ожерелья", когда приходилось примѣнить замысловатый подлогъ и сплошной обманъ, при недоступности Французскаго Двора для проникновенія подозрительнаго авантюриста, они съ тѣмъ большей охотой примѣнили, съ нѣкоторыми измѣненіями, свой уже испытанный пріемъ у насъ, гдѣ открытыя, довѣрчивыя и доступныя души Государя и Государыни, не вѣдая и не сознавая зла, открыто влеклись ему навстрѣчу, въ чаяніи обрѣсти добро.

У насъ въ Россіи со стародавнихъ временъ такъ называемые „Божьи люди", къ которымъ причисляются и старцы, и юродивые, и благочестивые странники, и чудесные цѣлители, и отличающіеся какими нибудь особенными красотами духа іерархи и іереи Церкви — пользовались всегда особымъ почитаніемъ „мірянъ", часто подпадающихъ подъ вліяніе такихъ людей и ищущихъ ихъ руководительства въ жизни. Русскіе Царь и Царица также были близки этой чисто-русской чертѣ, а потому Ихъ дворецъ былъ всегда очень доступенъ такимъ „Божіимъ людямъ". . . .

Вотъ, значитъ, гдѣ, подготовивъ нужную фальсификацію, можно было разсчитывать на возможность повторенія „дѣла жемчужнаго ожерелья".

Такъ и было сдѣлано. Сначала, присылкой француза (не изъ „обрѣзанныхъ" ли французовъ?), съ точностью копіи была повторена авантюра Калліостро.

Папюсъ имѣлъ среди Петербургскаго общества значительный успѣхъ. Но тамъ, куда именно направленъ былъ знаменитый оккультистъ, эффектъ вышелъ недостаточный и не удовлетворилъ „мудрецовъ", авторовъ этой затѣи. Стало очевиднымъ, что на русской почвѣ „Калліостро" не вполнѣ отвѣчалъ предназначенію своему. Этого же самаго „Калліостро" надо было видоизмѣнить: его надо было переодѣть въ русское одѣяніе; изысканность его европейской интернаціональности замѣнить первобытностью мужицкой сермяги; наконецъ, тѣсно связать съ Православной Церковью. При такомъ „машкерадѣ", Калліостро на русской почвѣ долженъ былъ оказаться гораздо болѣе пригоднымъ. . . .

Папюсъ сошелъ съ горизонта и, насколько знаю, вскорѣ и умеръ. . . . А изъ за завѣсы никому точно не извѣстнаго прошлаго, появился Григорій Ефимовичъ Распутинъ и началъ свое

сказочное восхожденіе на арену Исторіи. Невѣроятность этого восхожденія я не могу объяснить себѣ иначе, какъ тайнымъ вліяніемъ какой то очень могущественной организаціи, способствовавшей легендарной карьерѣ темнаго, невѣжественнаго и скверного мужика: какъ я лично увѣренъ, такой организаціей былъ Кагалъ, избравшій Распутина и руководившій (вѣроятно, безъ вѣдома самого „Ефимыча"), всѣми этапами его послѣдовавшей жизни.

Выборъ Распутина для тайныхъ цѣлей „высшихъ руководителей" былъ удаченъ: можно было смѣло разсчитывать, что при данныхъ, которыми онъ обладалъ, его удастся провести до Царской Семьи, увлеченной исканіями одухотворенной жизни и не сознававшей опасностей и двусмысленностей этихъ увлеченій.

Для умнаго, тонкаго и глубокаго психолога, обрѣтеніе Распутина должно было съ самаго начала почитаться очень счастливой удачей, почти обезпечивавшей успѣхъ задуманнаго дѣла великой крови. Въ немъ сосредоточены были такія особенности, которыхъ соединеніе въ одномъ человѣкѣ было большою рѣдкостью. Ни одинъ русскій человѣкъ, любящій Родину и понимающій роль, сыгранную проходимцемъ, не можетъ относиться къ Распутину иначе, какъ отрицательно; но и ни одинъ вдумчивый человѣкъ не можетъ не признать, что онъ былъ незаурядной, исключительной личностью.

Разберемся, что онъ собой представлялъ, и что могло обезпечивать ему неслыханный успѣхъ.

Прежде всего, козыремъ его была его мужицкая серьмяга. Она одна, разумѣется, не могла ему сослужить службу, ибо терялась среди десятковъ милліоновъ такихъ же серьмягъ; но, въ соединеніи съ другими свойствами его ума, характера и черной, но крупной, души, составляла тотъ фонъ, который къ нему притягивалъ именно никого иного, но русскаго человѣка образованныхъ классовъ, патріотически чувствующаго и мистически и демократически настроеннаго.

Простая, грубая, безискусственная рѣчь; первобытная повадка обращенія съ людьми, даже и съ очень высоко стоящими на общественной лѣстницѣ, даже и съ Высочайшими; кажущаяся искренность словъ и, тоже кажущаяся, непосредственность мыслей и чувствъ; вообще говоря, первобытность рядомъ съ большой находчивостью, наблюдательностью, смѣлостью сужденій и поступковъ; и наглость, нахальство зазнавшагося хама, не знавшаго удержа своему самодурству, очень хитро, ловко и осторожно скрывавшіяся отъ тѣхъ чистыхъ и благородныхъ людей, отъ которыхъ зависѣло его благополучіе, и хорошее о немъ мнѣніе которыхъ было условіемъ прочности его положенія: все это вмѣстѣ взятое притягивало къ нему

нездоровое любопытство и извращенныя исканія людей высшей культуры, пресыщенной впечатлѣніями утонченной психики, но лишенной глубокихъ корней многовѣковой эволюціи.

Что же касается Царской Семьи, то повторю, что сказалъ раньше: слишкомъ были Они чисты и, вознесенные поверхъ жизни, не умѣли понимать грязь и пошлость житейскія. Такимъ, какимъ Они хотѣли видѣть Распутина, онъ дѣйствительно Имъ представлялся, свыше одареннымъ провидцемъ, и притомъ представителемъ того простого народа, къ которому Они чувствовали особое влеченіе сердца, но котораго, къ сожалѣнію, мало знали.

Не одна наша интеллигенція умилялась надъ „добрымъ, бѣднымъ русскимъ мужичкомъ". Въ Царской Семьѣ съ давнихъ поръ существовало такое же чувство. Не менѣе любя народъ, чѣмъ Ихъ Предшественники и Преемники, Императоры Николай I и Александръ III отдавали Себѣ болѣе ясный отчетъ въ качествахъ и недостаткахъ Русскаго народа. Остальные же наши Государи во многихъ отношеніяхъ грѣшили идеализированіемъ народа, т. е. совершали ту ошибку, противъ которой энергично возстаетъ авторъ упомянутой уже нами, помѣщенной въ 4-мъ выпускѣ „Луча Свѣта", брошюры „Die Monarchen und die Philosophen".

Простота пріемовъ и грубость рѣчи Распутина привлекали къ нему и Царицу, и Царя: Они радовались, думая въ его лицѣ входить въ непосредственно близкое соприкосновеніе съ тѣмъ крестьянскимъ классомъ, который былъ для Нихъ одновременно и очень дорогъ, и очень далекъ. Пьянство, развратъ, наглыя выходки Распутина — проходили мимо Нихъ, и Они не вѣрили тѣмъ, кто Имъ передавалъ что либо о скандальныхъ похожденіяхъ Ихъ любимца, ибо предполагали интригу, зависть, а можетъ быть и недоброжелательство высшихъ классовъ къ представителю класса низшаго, котораго Они такъ неосторожно къ Себѣ приблизили.

Эту близость Распутина Они считали Своимъ личнымъ, семейнымъ дѣломъ и со своей точки зрѣнія были правы: никогда Они ему значенія какого то „государственнаго совѣтника" не придавали. . . . Заботы и тревоги о здоровьѣ Наслѣдника Цесаревича, удовлетвореніе отъ сознанія близости человѣка, яко бы взысканнаго Богомъ особыми дарами, какимъ Они его почитали, тѣсное сближеніе и общеніе съ русскимъ крестьянствомъ черезъ такого „Божіяго человѣка" — вотъ мотивы, почему Они этой близостью дорожили. Эти мотивы были серьезны, если принять во вниманіе, какой незаурядной, умной и хитрой личностью былъ Распутинъ, какой необыкновенной силой внушенія онъ обладалъ. На всѣ получаемые совѣты Государь отвѣчалъ: „Оставьте насъ въ покоѣ съ Распу-

тинымъ: это — наше личное, семейное дѣло, до котораго ни обществу русскому, ни государству никакого касательства нѣтъ. — Никто не смѣетъ стѣснять нашу личную жизнь. —" Увы, какъ мнѣ кажется, въ этомъ ошибался Государь Императоръ: Цари живутъ въ хрустальномъ дворцѣ и лишены личной жизни. . . .

И сплетни, пересуды, клевета росли и дѣятельно распространялись какъ досужими болтунами, такъ и агентами „Сіонскихъ Мудрецовъ".

Росли и безобравья Распутина, смѣлѣвшаго по мѣрѣ укрѣпленія сознанія своей безнаказанности и наглѣвшаго среди общихъ холопства и подлости, его окружавшихъ.

За глазами Царя и Царицы, Распутинъ въ дѣйствительности преображался во „всесильнаго временщика", какимъ его выставляли клеветники, и какимъ его не прочь были сдѣлать многіе безчестные сановники и пустыя свѣтскія бабенки. Предъ нимъ курили фиміамъ, распластывались ницъ, доводя до послѣднихъ крайностей искательство и угодливость, которыми надѣялись снискать себѣ расположеніе зазнавшагося проходимца и тѣмъ на себя навлечь большія милости и блага жизни...

„Дѣло жемчужнаго ожерелья" потребовало когда то гораздо больше усилій и хлопотъ: а тутъ — жертвы сами шли въ руки своихъ заклятыхъ враговъ. . . .

Но, конечно, не однимъ мужицкимъ обличіемъ достигъ Распутинъ своего, рокового для Россіи, возвышенія: это былъ лишь аксессуаръ, чрезвычайно благопріятный для предназначенной ему „миссіи", оказавшійся для Россіи несравненно дѣйственнѣе, чѣмъ испробованный обликъ посвященнаго мага, какимъ явился къ намъ Папюсъ. . . .

Хитрый, умный мужикъ обладалъ такими внутренними силами изъ неизвѣданныхъ и неизслѣдованныхъ областей оккультизма, какія, можетъ быть, никогда не снились нашимъ мудрецамъ, но „мудрецами сіонскими" давно изслѣдованы и использованы.

Прежде всего, сила внушенія, дѣйствовавшая, какъ говорятъ, на окружающихъ почти непреодолимымъ воздѣйствіемъ, была у Распутина огромная. Даже люди съ вполнѣ уравновѣшенными нервами и раціоналистическаго, позитивнаго метода мышленія — попадали подъ вліяніе необыкновенной личности Распутина, подъ власть его страшныхъ глазъ и подъ руководительство его парадоксальнаго, первобытнаго, но сильнаго своеобразной логикой, ума. Кромѣ холопства, кромѣ низкихъ карьеристическихъ побужденій и соображеній, притягивавшихъ къ Распутину его презрѣнную свиту, эти могучія, гипнотическія, порабощающія волю и разумъ, особенности личности Распутина дѣлали то, что въ его „свитѣ" встрѣчались не одни холопы

и агенты-подстрекатели, но и порядочные люди, ставшіе жертвами темныхъ, неразгаданно-страшныхъ излученій, окружавшихъ Сибирскаго мужика на подобіе какого то противоположенія тому, что, исходя изъ свѣтлыхъ областей Духа, называется ореоломъ.

Еще въ послѣдней четверти XIX Вѣка, не говоря уже о почти прожитой первой четверти XX-го, ученые изслѣдователи, занимаясь вопросами гипнотизма, пришли къ выводамъ, доказывающимъ безграничность возможностей, реально существующихъ въ этой области вновь (?) открытыхъ силъ человѣческаго духа. За послѣднія десятилѣтія, книжный рынокъ пестритъ популярными брошюрками американско-жидовскаго изготовленія, съ заглавіями приблизительно такого рода: „Сила внушенія внутри насъ"; „Гипнотизмъ — двигатель человѣчества"; „Отъ васъ зависитъ достиженіе успѣха въ жизни — изучайте гипнотизмъ", и т. д. и т. д. Появилось много такихъ книжонокъ несомнѣнно жидовскаго происхожденія, и это внезапное изобиліе подобнаго рода литературы даетъ указанія на то, что евреи, повидимому, обратили на гипнотизмъ особое вниманіе съ точки зрѣнія практическихъ выгодъ, которыя можно изъ него извлечь. Невольно приходитъ на умъ предположеніе, что, для достиженія своихъ цѣлей и осуществленія своихъ намѣреній, они легко могли бы подбирать наиболѣе подходящихъ для нихъ агентовъ и спеціально развивать и усиливать въ нихъ гипнотическія способности, которыми эти агенты, можетъ быть, и надѣлены уже отъ рожденія, но которыя упражнять, развить и использовать безъ помощи и указаній не умѣютъ.

Въ противоположность большинству другихъ моихъ утвержденій, высказываемыхъ съ полной увѣренностью и знаніемъ фактовъ, въ данномъ случаѣ я дѣлаю только предположеніе, обоснованное теоріей вѣроятностей, аналогіей и логикой. . . . Поэтому то считаю нужнымъ ввести эту оговорку.

Былъ у Распутина еще даръ цѣлебной силы: однимъ прикосновеніемъ, или даже взглядомъ, онъ прекращалъ боли и излѣчивалъ болѣзни, признанныя врачами очень серьезными и подлежащими длительному лѣченію. Умѣлъ онъ также останавливать кровь однимъ прикосновеніемъ руки. . . .

Эта способность Распутина была основной и главной причиной его исключительнаго положенія по отношенію къ Царской Семьѣ, началомъ и естественной „raison d'être" того значенія, которое придавали ему и Царица, и Царь.

Всѣмъ извѣстно, какой радостью было въ Царской Семьѣ рожденіе давно жданнаго Наслѣдника Цесаревича. И Государь, и Государыня сосредоточили на Немъ всю Свою любовь и всѣ надежды. Такъ же на Наслѣдника смотрѣла и вся настоя-

щая Россія, т. е. та, которая только и заслуживаетъ почитаться таковой.

Выдающіяся способности и дарованія Великаго Князя Наслѣдника, его острый, проницательный, воспріимчивый умъ, чары его стремительнаго, энергичнаго характера, вмѣстѣ съ тѣмъ стойкаго и упорнаго, его добраго и любящаго сердца, въ соединеніи съ дѣтской прелестью его красивой наружности — легко объясняли общую любовь, которой съ колыбели былъ окруженъ Алексѣй Николаевичъ.

Вполнѣ понятно, какимъ страшнымъ горемъ было для Государя и Государыни, когда, еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ Великомъ Князѣ открылись признаки наслѣдственной болѣзни Англійскаго Королевскаго Дома, заключающейся въ хрупкости кровеносныхъ сосудовъ.

Каждое, малѣйшее паденіе, или неловкое движеніе, или самая легкая царапина могли вызвать сильныя кровотеченія, которыя очень трудно было остановить. Каждый такой припадокъ представлялъ серьезную опасность для жизни Цесаревича.

Эта болѣзненная особенность встрѣчается у дѣтей довольно часто въ болѣе легкихъ формахъ, какъ напримѣръ, обильныя и частыя кровотеченія изъ носу. Въ формѣ же, которой въ дѣтствѣ былъ подверженъ Наслѣдникъ, эта болѣзнь уже всегда пріобрѣтаетъ опасный характеръ, но, къ счастью, обыкновенно только до извѣстнаго возраста. Когда ребенокъ доживаетъ до 14—15 лѣтъ, припадки начинаютъ постепенно ослабѣвать, дѣлаются рѣже и наконецъ совершенно исчезаютъ.

Любая мать должна понять, что переживала Императрица, каждый разъ какъ возобновлялся такой припадокъ; что переживалъ и Государь, нѣжныя чувства Котораго къ Сыну шли совсѣмъ наравнѣ съ Материнскими.

При каждомъ заболѣваніи Алексѣя Николаевича надъ Его кроваткой близко и грозно носился призракъ смерти. Къ довершенію ужаса, врачи съ болѣзнью справлялись очень нелегко. . . .

И вотъ — появляется человѣкъ, который неизвѣстными способами умѣетъ въ нѣсколько минутъ остановить кровотеченіе, такъ что, черезъ нѣсколько часовъ послѣ входа въ дѣтскую этого „чародѣя", Наслѣдникъ оказывался совершенно здоровымъ. . . .

Такимъ „чародѣемъ" былъ Григорій Распутинъ.

Только тотъ, кто не видѣлъ матерей у постели смертельно больного ребенка, кто не умѣетъ понимать этихъ чувствъ, можетъ удивляться чувствамъ, которыя питала Императрица къ многократному спасителю Ея Сына, и можетъ негодовать на исключительное положеніе, которымъ пользовался Распутинъ при Дворѣ. . . .

Основаніе этому положенію заключалось въ беззавѣтной любви Государыни къ Своему Сыну. При разговорахъ съ Распутинымъ, естественно стали вліять и другія причины, коренившіяся въ тѣхъ особенностяхъ, о которыхъ выше было разсказано.

Но одно осталось совершенно въ сторонѣ отъ Двора и казалось тамъ, Государю и Государынѣ, совершенно немыслимымъ и невѣроятнымъ: это — распутство Распутина, такъ удивительно подходяще носившаго свое имя, его наглая и лживая хвастливость, его пьяныя похожденія. . . . Когда эти разсказы смутно доходили до Императрицы — Ея Величество отказывалась имъ вѣрить. Что касается Государя, то и Его Величество также не зналъ о размѣрахъ скандала, который являла собой грязная и скверная личность Распутина.

Кто же былъ Распутинъ? Сознательный ли агентъ, въ родѣ Калліостро, сознательно творившій дѣло, губительное для Русскаго Престола, или безсознательное орудіе чужой воли? Или не было тутъ никакой чужой воли, а все вышло совершенно случайно?

Опредѣленно отрицая случайность, мы, какъ и выше говорили, не беремся отвѣтить вполнѣ категорически на вопросъ о сознательности самого Распутина, но увѣренно утверждаемъ, что наличіе чужой воли было на лицо, и указываемъ вполнѣ опредѣленно, чья именно была эта воля.

Русскіе читатели, къ сожалѣнію, не умѣютъ читать между строкъ и слишкомъ часто пропускаютъ мимо серьезнаго вниманія важныя свѣдѣнія, которыя имъ предоставляетъ честная и неподкупная печать. Прямому, откровенному и правдивому слову такой печати они предпочитаютъ увертки, подтасовки и инсинуаціи печати подкупной, преимущественно еврейской. Поэтому часто трудъ публициста, журналиста и всякаго другого вида писателя, пытающагося заставить читателя воспринять правду, бываетъ безплоднымъ тамъ, гдѣ по удачному выраженію Щедрина, „писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ".

Я привелъ эту присказку потому, что хочу напомнить одинъ новогодній разсказъ, появившійся въ Берлинской газетѣ „Призывъ" 1-го Января сего 1920 года и какъ нельзя болѣе умѣстный для этой главы о „Сѣти Масонской Паутины". Онъ еще умѣстнѣе именно на страницахъ, трактующихъ о Распутинѣ; ибо въ этомъ разсказѣ приведенъ намекъ какъ разъ о немъ для тѣхъ, кто умѣетъ воспринимать намеки. . . .

И „рождественскіе", и „новогодніе" разсказы не всегда бываютъ одними вымыслами изъ „міра чудеснаго и необъяснимаго". . . .

Позволяю себѣ этотъ разсказъ помѣстить здѣсь цѣликомъ, ибо думаю, что онъ не лишенъ интереса.

„Въ туманѣ грядущаго.“

Памяти К. А. Г-ва.

— Такъ Вы хотите знать свою судьбу? . . .

Этотъ вопросъ пробудилъ Угорскаго къ дѣйствительности, и, быстро повернувъ голову отъ камина, онъ встрѣтился со взглядомъ этого загадочнаго человѣка. Ничто больше не было въ состояніи удивить Угорскаго въ докторѣ Ордынскомъ, и даже то, что онъ прочелъ его тайную мысль, не произвело на него особаго впечатлѣнія.

Въ кабинетѣ не былъ зажженъ свѣтъ, и лампада, горѣвшая въ углу предъ иконою Божіей Матери, въ богатомъ, усѣянномъ драгоцѣнными камнями окладѣ, да отблескъ отъ вспышекъ уже потухавшихъ въ каминѣ углей, сообщали комнатѣ особый уютъ, особую прелесть.

Сегодня канунъ Новаго, 1917-го года. Получивъ приглашеніе Ордынскаго встрѣтить Новый годъ у него, корнетъ Угорской ни минуты не задумался отклонить всѣ другія приглашенія. Его тянуло къ этому человѣку, столь странному и непонятному, въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ котораго былъ заключенъ смыслъ величайшей мудрости.

Зачѣмъ Вы это спрашиваете, Андрей Константиновичъ, — отвѣтилъ Угорской на вопросъ Ордынскаго. Разъ Вы обладаете способностью читать чужія мысли, то Вашъ вопросъ въ отвѣтѣ не нуждается. Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Вами въ Маріинскомъ театрѣ, и Вы пригласили меня бывать у себя въ любое время, Вы, который чуждаетесь и бѣжите людей, нелюдимка и невидимка, лишь изрѣдка появляющійся на горизонтѣ петроградской жизни, — съ тѣхъ поръ Вы перевернули весь мой житейскій укладъ. Я прозрѣлъ на многое, на что былъ раньше слѣпъ. . . . Меня не интригуетъ даже вопросъ, кто Вы, и чернокнижникомъ Васъ, какъ другіе, я не считаю. Вы — не масонъ, какъ я это думалъ прежде, ибо—помните, на мой вопросъ объ этомъ, Вы, вмѣсто отвѣта, показали мнѣ на икону, прибавивъ: „у просвѣщенныхъ братьевъ-масоновъ въ рабочемъ кабинетѣ иконъ Вы не встрѣтите“. Я знаю, Вы — служитель добрыхъ силъ и скрытно, не разъ, приходили на помощь другимъ, не ища наградъ и славы. . . . Я счастливъ Вашимъ дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ и горжусь этимъ. Вы знаете, что съ нѣкотораго времени меня гнететъ предчувствіе какой-то великой, неизвѣданной бѣды, уже какъ-будто витающей гдѣ-то здѣсь, около, и задѣвающей насъ своими черными крылами. Сейчасъ я, вылѣчившись отъ раненія, возвращаюсь

на фронтъ, но ѣду почему-то съ недобрымъ, тяжелымъ чувствомъ, какого у меня не было въ прошлые разы. А между тѣмъ, меня всегда такъ тянуло на фронтъ. . . . Я мучаюсь, тоска клещами сжимаетъ мое сердце, и во мнѣ уже никто больше не узнаетъ прежняго, безшабашнаго и дикаго Славки. Что это за проклятое чувство, скажите мнѣ? Если есть опасность, если она существуетъ, то я хочу быть о ней предупрежденъ, ибо неизвѣстность хуже всего. Я ее тогда сумѣю встрѣтить, какія бы испытанія мнѣ ни послала судьба. Дайте же мнѣ возможность проникнуть сквозь завѣсу грядущаго. . . . Вѣдь, Вы обладаете этой способностью? . . .

— Да, мой милый мальчикъ, къ несчастью, обладаю, — грустно усмѣхнувшись, отвѣтилъ Ордынскій. И Вы обладаете ею, хотя и въ меньшей степени, но Вы видите и чувствуете то, чего окружающіе насъ не видятъ, или не хотятъ видѣть. Они сами выроютъ себѣ пропасть, въ которую скатятся; какъ неопытные заклинатели, вызовутъ къ жизни духовъ Тьмы и погибнутъ въ борьбѣ съ ними. Предупредить событій уже нельзя, потому что астралъ Россіи покрытъ зловѣщими, черными пятнами. Можно лишь отчасти парализовать дѣйствіе враждебныхъ силъ, но побороть ихъ сейчасъ уже нельзя. Мы переживаемъ сейчасъ зловѣщій канунъ, и Вы предчувствуете не личную, а общую бѣду. Водоворотъ великихъ потрясеній завлечетъ и Васъ, — и не мало борьбы вынесете Вы съ исчадіями зла. . . . Да, Вы вправѣ знать, что ожидаетъ Васъ, и не только Васъ лично. . . . Я Вамъ покажу будущее, какъ на ладони. . . . Когда меня не будетъ уже въ живыхъ — я буду сметенъ бурей — тогда Вы можете открыть это будущее другимъ, а пока. . . . Пока это будетъ безполезно. . . .

И съ этими словами грустная улыбка опять освѣтила лицо Ордынскаго. Казалось, что онъ ушелъ отъ земли и перенесся въ какой-то невѣдомый міръ, гдѣ нѣтъ ни злобы, ни зависти, ни ненависти. Ордынскій всталъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и пригласилъ Угорскаго слѣдовать за собой. Пройдя нѣсколько комнатъ, они вошли въ просторный бѣлый залъ, полутонувшій въ мягкомъ свѣтѣ, лившемся откуда-то сверху; въ правомъ углу виднѣлось дивной, художественной работы Распятіе; посрединѣ стояло большое зеркало, отливавшее страннымъ, изсине-зеленоватымъ блескомъ. Кромѣ того, въ комнатѣ находилось еще нѣсколько шкафовъ съ книгами, а въ сторонѣ стоялъ столъ съ какими-то приборами.

Ордынскій указалъ Угорскому на Распятіе и сказалъ. „Положите три поклона, прочтите ‚Отче нашъ' и 90-ый псаломъ. Такъ какъ Вы, вѣроятно, не знаете наизусть вотъ Вамъ молитвенникъ".

Когда Угорской исполнилъ требуемое условіе, Ордынскій, придвинувъ одно изъ креселъ, усадилъ на него Угорскаго, затѣмъ попросилъ его быть внимательнымъ и не отрывать своего взгляда отъ зеркала. Прочтя заклинаніе на какомъ-то неизвѣстномъ Угорскому пѣвучемъ языкѣ, Ордынскій очертилъ линію круга съ такимъ разсчетомъ, чтобы зеркало, Угорской и онъ находились бы внутри. . . .

Странная какая-то жуть овладѣла Угорскимъ. Магическое зеркало переливалось и играло всѣми цвѣтами радуги, то темнѣло, то свѣтлѣло и неудержимо влекло его къ себѣ. Угорской почти терялъ сознаніе. Онъ почувствовалъ себя легкимъ, какъ былинка, и ему начало казаться, что онъ, витая въ какомъ то пространствѣ, поднимается все выше и выше. . . .

Въ это время, какъ будто издалека, онъ услышалъ голосъ Ордынскаго:

— Всѣ мысли и дѣла людей, вся судьба человѣчества и все земное бытіе незримо запечатлѣваются на астралѣ вѣчности. Силою дѣйствія извѣстныхъ магическихъ законовъ, путемъ излученія человѣческаго разума и воли, можно этотъ астралъ претворить въ призракъ дѣйствительности. Не ради злого волхвованія или празднаго любопытства раскрывается нынѣ книга судебъ, но для открытія тайны беззаконія вѣрующему и для его предваренія. . . . Смотрите, запомните, знайте, боритесь, ибо знаніе зла накладываетъ на Васъ обязанность борьбы съ нимъ. . . .

Вдругъ, будто яркая молнія прорѣзала зеркальную поверхность, и въ слѣдующее мгновеніе Угорской увидѣлъ картину шумнаго бала. . . . Мелькали роскошные туалеты дамъ, сверкало шитье мундировъ, чернѣли фраки, шли оживленные танцы. Царило самое непринужденное веселье. . . . Но Угорскому, который наблюдалъ этотъ балъ, сразу стало какъ-то не по себѣ; его взглядъ почему-то вдругъ приковали массивныя дубовыя двери, виднѣвшіяся тамъ, въ глубинѣ, черезъ нѣсколько комнатъ, и остававшіяся закрытыми. Духовный взоръ Угорского проникъ черезъ эти двери, еще нѣсколько слѣдующихъ, и упалъ на богатый, краснаго дерева, кабинетъ, гдѣ онъ увидѣлъ нѣчто похожее на засѣданіе. Въ комнатѣ находилось семь человѣкъ. Изъ нихъ шесть сидѣло за столомъ, а седьмой что-то съ жаромъ говорилъ, въ чемъ-то всѣхъ убѣждалъ, что-то доказывалъ. . . . Изрѣдка ораторъ останавливался, и тогда подымался кто-либо съ мѣста, видимо, внося поправку. Все это записывалось однимъ изъ сидѣвшихъ за столомъ слѣва. Угорской даже чувствовалъ, что эта запись ведется стенографически. . . .

Вдругъ, въ комнатѣ произошло движеніе. Нѣкоторые встали съ мѣстъ и подошли къ оратору; другіе потянулись

черезъ столъ, стараясь тщательнѣе разсмотрѣть какую-то фотографическую карточку.

Что это за карточка? — подумалъ Угорской и почувствовалъ, какъ натянулись внезапно всѣ его нервы, и напряглась вся его волевая энергія — до того онъ хотѣлъ знать, чья она.... И онъ увидѣлъ, вздрогнулъ и схватился за голову....

— Это прологъ грядущихъ бѣдствій Русской Державы, уготованныхъ Ей верховниками зла. Они пошли по старой дорогѣ и взялись за свое испытанное оружіе — клевету. Вспомните костры Людовика и нашу Ходынку, 1789-ый годъ и нашъ 1905-ый, наконецъ, ожерелье королевы Маріи Антуанеты.... То, что Вы видѣли сейчасъ—было въ началѣ девятисотыхъ годовъ....

И, сказавъ это, Ордынскій приказалъ Угорскому снова сосредоточить вниманіе на волшебномъ зеркалѣ....

Одна изъ петроградскихъ улицъ; Угорской узналъ ее.... Большая толпа съ красными флагами, озлобленная, бѣснующаяся, жаждущая упиться кровью.... Въ этой толпѣ торопливо снуютъ юркіе, интернаціональнаго типа, люди, размахивающіе руками, о чемъ то неистово вопящіе и къ чему-то призывающіе.... Вдругъ вся толпа останавливается, точно звѣрь, готовящійся прыгнуть на свою жертву, а въ слѣдующій моментъ, потрясая кулаками, кто съ чѣмъ попало, бросается на стоящаго на посту красиваго, рослаго городового.... Какъ щенковъ хватаетъ городовой-богатырь первыхъ подступившихся къ нему двухъ человѣкъ со звѣрскими, искаженными лицами.... Мигъ одинъ, и они летятъ въ разныя стороны, завертѣвшись на подобіе волчковъ.... Но исходъ борьбы уже предрѣшенъ: пользуясь тѣмъ, что городовой отвлеченъ борьбой, отбиваясь отъ своихъ враговъ спереди, сзади, съ револьверомъ въ рукѣ, къ нему прокрадывается одинъ изъ тѣхъ интернаціональныхъ вожаковъ толпы, которыхъ Угорской наблюдалъ уже раньше.... Городовой шатается, инстинктивно отбрасываетъ отъ себя еще кого-то и падаетъ на землю.... Вся толпа кидается къ нему, топча, избивая и буквально рвя его на части....

Угорской не былъ въ состояніи перенести этого зрѣлища; онъ схватился за рукоятку кинжала; блеснулъ клинокъ....

— Осторожно! Вы можете повредить свое астральное тѣло, — услышалъ онъ сзади себя предостерегающій возгласъ и, сознавъ дѣйствительность, Угорской тяжело опустился въ кресло....

Поднявъ на зеркало глаза, Угорской увидѣлъ Государя. Около Государя стояло нѣсколько генераловъ, среди которыхъ выдѣлялось лисье лицо Рузскаго; потомъ нѣсколько штатскихъ лицъ въ куцыхъ, не первой свѣжести, пиджачкахъ, сильно жестикулировавшихъ руками и, очевидно, въ чемъ-то убѣж-

давшихъ Государя. . . . Лицо Государя блѣдно, но спокойно и рѣшительно, и взглядъ его добрыхъ, ласковыхъ глазъ какъ бы проникъ въ душу Угорского . . .

— Боже мой! — прошепталъ онъ . . .

— Это начало всѣхъ грядущихъ бѣдъ Россіи; это — отреченіе Государя отъ Престола, слѣдствіе Великаго и Малаго заговоровъ — услышалъ Угорской голосъ Ордынскаго, и ему показалось, что этотъ голосъ дрожитъ. . . .

— Ордынскій, я больше не могу смотрѣть — вскрикнулъ Угорской . . .

— Смотрите! — услышалъ онъ суровое и властное приказаніе.

И Угорской увидѣлъ себя въ своемъ родномъ, далекомъ городѣ. Полустаявшій снѣгъ. . . . Онъ идетъ съ нею, своей милой и безконечно дорогой ему, любимой дѣвушкой . . . Но видѣніе быстро прерывается, и онъ ощущаетъ сотрясеніе, какъ будто бы его пронизалъ электрическій токъ. . . . Что случилось? И видитъ онъ себя въ гостиной въ ея домѣ, полулежащимъ у ея ногъ. . . . Онъ пристально, не отрываясь, глядитъ на нее, какъ будто стараясь запечатлѣть въ памяти ея черты. . . . Она не плачетъ, но лицо ея, точно выточенное изъ бѣлаго мрамора, невольно отражаетъ всю горечь душевныхъ мукъ. Они прощаются, онъ это чувствуетъ, какъ чувствуетъ и то, что съ нею онъ разстается надолго, а быть можетъ и навсегда. Она даетъ ему на тоненькой цѣпочкѣ образокъ и, всмотрѣвшись въ изображеніе, въ Угодникѣ Божіемъ онъ узнаетъ грознаго Духа Свѣта, Заступника и Мстителя за Честь и Правду — Святого Великомученника Іоанна Воина. . . .

Странную вслѣдъ за этимъ увидѣлъ картину Угорской. . . . Какая-то мрачная, узкая камера съ тяжелой, окованной желѣзомъ, дверью, электрической лампочкой, вдѣланной въ стѣну, столъ, ввинченный тамъ же, около лампочки; возлѣ—койка съ грязной соломой. Онъ что-то пишетъ; но вотъ бросаетъ письмо и въ отчаяніи кидается на койку. . . . Вдругъ открывается дверь, и входитъ матросъ; развязный, наглый, самоувѣренный видъ . . . Угорской видитъ опять свое холодное и спокойное лицо.

Но странная вещь: почему матросъ стоитъ на вытяжку и что-то какъ-будто обѣщаетъ, беря письмо? . . .

— Гдѣ я видѣлъ этого матроса, думаетъ Угорской. Батюшки, да вѣдь это же пулеметчикъ изъ нашихъ „морскихъ драгунъ“ . . .

И вновь потускнѣло зеркало, а когда прояснилось, Угорской увидѣлъ себя на какой то крестьянской подводѣ, запряженной парою сытыхъ низкорослыхъ лошадокъ. . . . Ночь. Свѣтло, но луны нѣтъ — она скрыта облаками. Подвода въѣзжаетъ въ лѣсъ. . . . Куда это онъ ѣдетъ, почему одѣтъ такъ странно? гдѣ его форма? гдѣ его погоны? . . .

Въ какомъ это онъ городѣ, какое объявленіе читаетъ онъ, стоя передъ какимъ-то телеграфнымъ столбомъ? почему такимъ ужасомъ и гнѣвомъ дышетъ его лицо? — — —

Опять засѣданіе, опять нерусскія лица! Какую бумагу тревожно читаютъ собравшіеся, что это за рядъ цифръ и какія-то буквы? Угорской пытается разобраться, сложить эти буквы. . . .

„Они похищены. Что дѣлать?“ . . .

Кто они, кого похитили? — высказываетъ свое недоумѣніе Угорской, и голова ходитъ у него кругомъ. . . .

Онъ видитъ, какъ спѣшно шифруется отвѣтная телеграмма:

„Скрыть. Инсценировать разстрѣлъ.“ . . .

. . . И видитъ разбросанные брилльянты, какую-то золотую пряжку отъ пояса, икону, изрубленную шашками и проткнутую штыками. . . . Что это все значитъ? . . .

Вдругъ передъ Угорскимъ началъ вырисовываться пожаръ какого-то большого, ему неизвѣстнаго города. Что это — война? — подумалъ Угорской. Что за враги берутъ городъ? . . . И неожиданно увидѣлъ предъ собой блѣдное, покрытое смертельнымъ ужасомъ, лицо какого-то не то рабочаго, не то солдата, за одинъ мигъ до этого бывшее и звѣрскимъ, и безпощаднымъ, — а рядомъ съ нимъ своего двойника съ жестокой, ничего добраго не обѣщающей, усмѣшкой. . . .

Мнѣ отмщеніе — и Азъ воздамъ! . . .

Боже мой, да, вѣдь, это Ордынскій. . . . Какъ ужасно похожа эта обстановка на мрачныя средневѣковыя подземелья пытокъ. . . . Кругомъ—искаженныя дикой злобой лица. . . . Ордынскаго въ чемъ-то обвиняютъ, ему предъявляютъ какія-то бумаги, требуютъ объясненій, но онъ невозмутимо спокоенъ и на яростныя нападки своихъ семерыхъ враговъ отвѣчаетъ лишь улыбкой. И кажется Угорскому, что вокругъ головы Ордынскаго постепенно образуется сіяніе, и что въ этомъ сіяніи ему чудится недалекій уже вѣнецъ мученичества, сужденный его другу. . . .

А магическое зеркало показываетъ все новые и новые ужасы близъ грядущаго времени. . . . Предъ Угорскимъ проносится жуткая картина разстрѣла близкихъ ему людей, причемъ они умираютъ спокойно, съ презрѣніемъ къ смерти — и онъ гордится ими. Далѣе онъ видитъ страшныя, небывалыя еще картины братоубійственной войны, и всюду кровь, кровь и кровь. . . .

Но буря смѣняется затишьемъ, гроза очищаетъ воздухъ, — и видитъ Угорской въ магическомъ зеркалѣ возрожденіе Святой Руси, возвратъ Ея къ своимъ роднымъ завѣтамъ. . . .

Пройдя тяжелую школу, научившись разбираться въ Правдѣ и во Лжи, гдѣ Свѣтъ и гдѣ Тьма, русскій народъ опять займетъ почетное мѣсто среди великихъ державъ и, выполнивъ

свои историческія предначертанія, послѣднимъ изъ всѣхъ народовъ сохранитъ свою государственность до смерти нашей планеты. Надъ нимъ всходитъ его великая звѣзда, звѣзда новой эры, и эта эра, какъ увидѣлъ то Угорской, начинается въ 1921-омъ году. . . .

И хорошо, и тепло стало у Угорскаго на душѣ, ибо онъ зналъ уже конецъ еще не пережитымъ испытаніямъ Родины и его личнымъ; зналъ, что Россія не погибнетъ. . . . .

— . . . А теперь долженъ, къ сожалѣнію, огорчить Васъ — сказалъ Угорскому Ордынскій. Необходимо прервать сеансъ. Черезъ десять минутъ — Новый годъ. Вы знаете то, что знаютъ лишь единичныя лица. Вы видѣли тѣ этапы, черезъ которые должна будетъ пройти Россія; видѣли тѣхъ богатырей духа, что Ее спасутъ; видѣли то, какъ Русскій народъ неудержимымъ порывомъ своимъ разобьетъ путы и козни Великаго и Малаго заговоровъ, и, наконецъ, видѣли свое личное счастье; а теперь — по старому дѣдовскому завѣту, давайте встрѣтимъ Новый годъ съ бокаломъ въ рукѣ, памятуя, что

. . . Если настанутъ годины невзгодъ,
— Побѣдно ихъ русскій народъ перейдетъ,
Возстанетъ, какъ мертвый Царевичъ-Иванъ,
Не чувствуя даже полученныхъ ранъ . . .

* * *

Послѣ появленія этого разсказа на столбцахъ „Призыва", онъ раззадорилъ не то любопытство, не то любознательность, а не то и подозрѣнія немногихъ, но все же нѣкоторыхъ читателей, которые прислали въ редакцію запросы о томъ, чью карточку показывали другъ другу члены тайнаго засѣданія „съ не-русскими лицами".

Вслѣдствіе этихъ писемъ, редакція въ номерѣ 5-омъ той же газеты отъ 6-го Января сего года откликнулась на запросы читателей, давъ ниже приведенное разъясненіе.

„Отъ редакціи.

Авторъ разсказа ‚Въ туманѣ грядущаго' просить насъ помѣстить слѣдующую замѣтку:

Въ отвѣтъ на поступившіе запросы читателей относительно того, чья карточка была предъявлена на засѣданіи, описанномъ мною въ моемъ разсказѣ „Въ туманѣ грядущаго", помѣщенномъ въ новогоднемъ номерѣ газеты — отвѣчаю прямо: это была карточка Распутина."

Въ заключеніе этой главы, ниже я помѣщаю письмо, полученное мною отъ одного моего друга, близко испытавшаго всѣ

ужасы революціи и отдавшагося полностью борьбѣ съ нею, а главное—съ масонствомъ, съ ролью котораго, вмѣстѣ съ теченіемъ обстоятельствъ, ему пришлось подробно ознакомиться.

Съ другомъ моимъ я не сговаривался: а между тѣмъ онъ повторяетъ многія мои мысли, и даже болѣе того—наши точки зрѣнія совершенно совпадаютъ. Мнѣ кажется интереснымъ познакомить читателей и съ другимъ мнѣніемъ, кромѣ моего.

Письмо достаточно ярко, чтобы не приводить къ нему комментаріевъ.

Наоборотъ, я беру на себя смѣлость его опубликовать, такъ какъ оно всецѣло дополняетъ мои чувствованія, мысли и выводы.

Прошу помнить, что оно предназначалось лишь лично мнѣ, а не для печати: слѣдовательно, оно ни для какой агитаціи или пропаганды не разсчитано.

Вотъ это письмо. —

„. . . Астральный горизонтъ Россіи уже занимался кровавыми зарницами революціи. Какая то необъяснимая жуть наполняла души людей, томя ихъ предчувствіями. Незамѣтно какъ то война отошла на задній планъ; вниманіе всѣхъ было приковано къ внутреннимъ дѣламъ. Ползли зловѣщіе слухи. . . .

„Вотъ-вотъ начнется!“ — думали всѣ; но мало кто зналъ изъ русскихъ людей, на порогѣ какихъ страшныхъ потрясеній, какой небывалой смуты находилась наша Родина. . . .

Но въ тѣхъ тайникахъ, гдѣ сходятся почти всѣ пружины міровой политики, было извѣстно все. — Кто то невѣдомый, сильный и злой, вынесъ свое, роковое для Россіи, рѣшеніе: „часъ насталъ. Пора дѣлать игру. . .“

Что же это за злая, чародѣйная сила? Зачѣмъ ей нужны были страданія, кровь и слезы Россіи? . . .

Кто хоть немного знакомъ съ масонствомъ, кому довелось видѣть карту шествія символическаго Змія, неуклонно стремящагося сомкнуть свою голову съ хвостомъ, тотъ на пути къ разгадкѣ міровой тайны зла и причинъ столь головокружительнаго паденія Россіи. Седьмымъ этапомъ побѣднаго шествія Змія, подъ датой — 1881-ый годъ — стоитъ Петербургъ. Съ этого года Россія становится непосредственной, очередной цѣлью масонскихъ ударовъ; начинается подъ нее великій масонскій подкопъ. . . . И до этого времени замѣчалась работа братьевъ-масоновъ, но это были скорѣе дѣйствія развѣдчиковъ, чѣмъ главныхъ силъ. . . .

„Охота“ на Императора Александра II, закончившаяся мученической смертью Его отъ предательской бомбы; таинственное крушеніе поѣзда у станціи Борки, когда едва не погибла вся Царская Семья; рядъ „случайныхъ“ несчастій съ Членами Императорской Фамиліи; Ходынка; невыясненный

выстрѣлъ 6-го Января 1905 года; „первая проба пера" зловѣщій 1905-ый годъ, и много другихъ явленій, якобы независимыхъ другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ вытекаютъ одно изъ другого и всѣ — имѣютъ между собой логическую, непосредственную связь. . . .

Я надѣюсь, что Вамъ подтвержденій не нужно: Вамъ извѣстно не меньше, чѣмъ знаю я; а для широкаго круга публики, какіе бы факты очевидности не приводить, все равно не повѣрятъ.... Смѣются надъ Нилусомъ; говорятъ, что это — выдумки, что „погромщики" разжигаютъ низменныя страсти черни, будятъ ея звѣрскіе инстинкты для расправы съ „ни въ чемъ неповинными евреями". . . . Кричать имъ объ опасности безполезно; предупреждать — напрасный трудъ; и какъ бы мы и что бы мы ни писали — гласъ нашъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. . . .

Что же! Сами узнали на своей шкурѣ; все испытали — это лучшее доказательство, лучшее подтвержденіе, которое привели имъ же на горе вожди Израиля, скрывшіеся за масонскою маской. . . .

Масонство, или уже безъ масокъ: еврейство и революціи! . . .

Долгое время утверждали, что въ революціяхъ масонство совершенно не причемъ, а сходство между всѣми революціями и аналогію объясняли просто тѣмъ, что исторія повторяется.

Исторія повторяется — это правда, но къ сожалѣнію никого и никогда не научаетъ; а поучиться было бы чему, и очень многому. . . . Но кому учиться — вотъ вопросъ. Тѣмъ ли, которые дальше своего носа, и то прищуривъ глаза, ничего не видятъ; или тѣмъ горе-политикамъ, которые оптомъ и въ розницу покупаютъ изъ различныхъ газетныхъ лавочекъ свои „убѣжденія" и „взгляды", и credo которыхъ можно опредѣлить четырьмя словами: „такъ говоритъ моя газета". . . .

Но если заурядные люди изъ уроковъ Исторіи не въ состояніи извлечь никакой пользы, то въ томъ же обвинять лицъ, находящихся у вершины „масонской пирамиды", не приходится. Дѣйствуя по заранѣе составленному и уже много вѣковъ дѣйствующему плану, они откидываютъ въ сторону то, что оказалось непригоднымъ, частью вносятъ коррективы, частью оставляютъ безъ измѣненій. . . . Такимъ образомъ новыя революціи оказываются какъ бы повтореніемъ старыхъ, но только — въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. . . .

Въ скоромъ времени истекаетъ уже трехсотлѣтній юбилей союза масонства съ Англіей, цвѣтущей и благоденствующей можетъ быть именно благодаря этому союзу. Ее, пока, щадятъ и, вѣроятно, пощадятъ еще нѣсколько времени, но въ концѣ концовъ расправятся и съ нею. . . .

Въ спискахъ масонства можно обрѣсти многихъ изъ тѣхъ лицъ, что возглавляли англійскую революцію. Отъ нихъ же первый есть знаменитый Оливеръ Кромвель. . . . Это былъ первый опытъ такого рода, и, одержавъ успѣхъ, братья — масоны перенесли свою главную резиденцію сюда — и отсюда уже расходились ихъ нити, отсюда они невидимо готовили козни на гибель монарховъ и рабство націй. . . .[1])

Вполнѣ понятно, почему французская революція была похожа на англійскую, — только съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ и русская революція проникнута духомъ французской, но опять таки уже съ другими исправленіями и дополненіями... Французская революція сдѣлала большой шагъ впередъ по сравненію съ англійской, а русская — такъ и совсѣмъ зашагала по „семимильнымъ“ этапамъ. . . .

Русская революція должна была быть однимъ изъ главныхъ вѣхъ по пути достиженія еврействомъ всемірнаго господства, „основанія царства Израильскаго и построенія Соломонова Храма“.

Надъ Государемъ и Государыней уже давно стали сгущаться грозовыя тучи, и если сопоставить Ихъ царствованіе съ самаго начала съ правленіемъ Короля-Мученика Людовика XVI-го, то сразу становилось понятнымъ, что масонство и Ихъ обрекло въ жертву своимъ цѣлямъ и не отступитъ отъ своего плана ни за что.

Ходынка. . . . Зловѣщее слово. Сколько страданій, сколько невидимыхъ слезъ оно доставило Молодой Царственной Четѣ. ... И невольно, съ представленіемъ о Ходынкѣ, рисуется другая картина — въѣздъ во Францію невѣсты Дофина, будущей Королевы Маріи Антуанеты, когда по роковой ли случайности, или по оплошности и преступному нерадѣнію должностныхъ лицъ, въ кострахъ, разложенныхъ по бокамъ дороги для ея освѣщенія, сгорѣли тысячи человѣкъ.... Та же давка, тѣ же стоны, тѣ же проклятія. . . .

1905-ый годъ долженъ былъ стать 1789-мъ годомъ, но тогда еще Богъ хранилъ Россію. Тѣ же старыя надписи на красныхъ флагахъ: „свобода, равенство и братство“, тѣ же безумные выкрики, бѣснующіеся мегеры и хулиганы. . . . Тѣ же вопли:

---

[1]) Въ настоящее время, по имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, масонство начало эвакуироваться изъ Англіи въ Америку, перенося туда центръ своей дѣятельности.

Не напоминаетъ ли это явленіе бѣгства крысъ съ обреченнаго на гибель корабля, въ то время какъ нѣтъ еще никакихъ видимыхъ признаковъ грядущей катастрофы . . . .

Что же, Америка — почва благопріятная для будущей масонской базы. Тамъ сосредоточены громадные еврейскіе капиталы. Туда же съ давнихъ поръ устремляются еврейскія массы . . .

Авторъ.

„Къ Зимнему Дворцу!" — какъ нѣкогда въ Парижѣ кричали — „Въ Версаль! ... Въ Версаль! ..."

А Государственная Дума. Развѣ это не „Генеральные Штаты", которые стали во главѣ движенія 1789-го года, своими, зачастую, даже сплошь и рядомъ, лживыми, клеветническими выпадами противъ Королевской Семьи волнуя, будя низменные инстинкты Парижской черни. ...

Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, которая такъ любила русскій народъ, такъ много творила ему добра, такъ заботилась о немъ — развѣ не оказалась въ томъ же положеніи, какъ Марія Антуанета, которую злобная, ненавистническая молва называла „Австріячкой"? Развѣ въ нашемъ Петербургскомъ свѣтѣ не называли Государыню „Нѣмкой" (въ первые годы Царствованія — „Англичанкой"), „Гессенской Мухой", и не обвиняли Ее въ такихъ нелѣпыхъ преступленіяхъ, что обидно становилось за человѣческую глупость, пошлость и ... низость?

Быть можетъ, люди, незнакомые съ работой масоновъ и ихъ ролью въ міровой политикѣ, скажутъ мнѣ съ улыбкой: „Ваши сравненія — натяжка; надо смотрѣть на вещи гораздо проще; нельзя же все сваливать на масонство, какъ на какого то козла отпущенія." ...

Этимъ людямъ я отвѣчу: „Въ чемъ же у меня натяжка? Разница у меня съ Вами лишь въ томъ, что Вы скользите поверхностно по причинамъ событій, а я смотрю въ корень ихъ, въ самую основу." ...

Вслушиваясь въ масонскій камертонъ, русскіе люди принялись за ноты неизвѣстнаго имъ содержанія и стали играть, ожидая какой то божественной гармоніи. ... Но вмѣсто концерта получилась сплошная какофонія. ... Въ „русскомъ" оркестрѣ были и „первыя", и „вторыя скрипки", старались подтягивать и ... добровольные статисты.

„Первыя скрипки" — это сознательные сообщники міровыхъ заговорщиковъ, какъ князь Львовъ, гроссмейстеръ всероссійской масонской ложи, Маклаковъ, Савинковъ, Набоковъ и нѣкоторые другіе, степень посвященія которыхъ дѣлала извѣстными имъ многіе тайные ходы масонства. „Вторыя скрипки" — это лица менѣе посвященныя, а зачастую и просто безсознательныя орудія масонскаго ордена, на самовлюбленности, властолюбіи и честолюбіи которыхъ братья — каменьщики играли, какъ хотѣли, строя фундаментъ своего будущаго успѣха.

Остаются „статисты" ... Это — глупая интеллигенція съ ея жаждой новизны, развращенная, наэлектризованная скверными вліяніями, чернь и „безучастные", съ ихъ трусливо-животнымъ девизомъ: „моя хата съ краю — я ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю". ...

Къ какой категоріи, первой или второй, причислить г. г. Милюкова, Гучкова и остальныхъ запѣвалъ русской революціи — сказать трудно; но, по нѣкоторымъ признакамъ, Милюкову и Гучкову мѣсто должно быть отведено въ первомъ ряду. . . .

Что касается значенія Пуришкевича въ исторіи русской революціи, то оно очень загадочно. Надо вспомнить только, какъ его честила лѣвая печать за его дѣятельность въ Государственной Думѣ, какъ не скупилась отпускать на его счетъ различные оскорбительные эпитеты и клички. . . . И вдругъ. . . . Отношеніе къ нему со стороны этой печати мѣняется, и сразу онъ становится героемъ дня. . . . Это дало ему только одно выступленіе въ Государственной Думѣ, въ Ноябрѣ 1916 года, когда онъ выступилъ со своей извѣстной рѣчью. Выстрѣлъ же 16-го Декабря, которымъ онъ убилъ Распутина, далъ ему лавры „застрѣльщика революціи".

Кто такой — этотъ Распутинъ, безвѣстный, темный сибирскій мужикъ? . . . .

Роль его — ясна; хотя, быть можетъ, была темна ему самому. . . . Нѣкогда такую же роль какъ онъ, во французской революціи, сыгралъ извѣстный „графъ Калліостро"; урожденный еврей Жозефъ Бальзамо. . . .

Клевета — могучее оружіе, уже неоднократно испытанное масонами въ борьбѣ противъ троновъ. . . . Исторія съ жемчужнымъ ожерельемъ Королевы Маріи-Антуанеты невольно встаетъ въ памяти, едва лишь вспомнишь о Распутинѣ. . . . Развѣ Распутинъ важенъ? Не будь его, канвой для клеветы послужило бы что-нибудь другое: обстоятельство, или случай, или какія-нибудь „ужасныя преступленія" приближенныхъ къ Государю лицъ. . . . Дѣло не въ Распутинѣ, а въ томъ, что онъ былъ выдвинутъ или использованъ масонствомъ въ качествѣ клеветническаго оружія. Распутинъ свою роль въ глазахъ масонства выполнилъ „блестяще".

Мнѣ скажутъ: „если это такъ — то почему, напримѣръ, братья-масоны не выдвинули противъ Германскаго Императора такого же оружія, какъ Распутинъ?

Именно выдвинули, но только не въ видѣ личности, но въ формѣ огульнаго, безапеляціоннаго, стаднаго обвиненія, веденнаго безъ процессуальныхъ гарантій правосудія, безъ слѣдствія, безъ допроса свидѣтелей, безъ защитниковъ, но съ сотнями милліоновъ остервенѣлыхъ, озлобленныхъ, натравленныхъ прокуроровъ. . . . Германскаго Императора объявили „виновникомъ" міровой войны, заранѣе масонами предрѣшенной, и черезъ своего послушнаго агента — Англію, съ успѣхомъ проведенной. . . . Гдѣ нужно было — были надавлены кнопки, и страшный взрывъ войны потрясъ устои политики. Поводъ къ этой войнѣ — убійство Австрійскаго Эрцгерцога, было дѣломъ

рукъ масоновъ; и недаромъ, во время суда надъ убійцами, было установлено съ документальною точностью, что убійцы являлись масонскими агентами. Это какъ-то замолчали, какъ обстоятельство, нестоющее вниманія. . . .

Масоны понимали, что безъ войны имъ не удастся свалить троновъ ни русскаго, ни германскаго, и считаясь съ этимъ, они вызвали самую кровавую войну, какую знала Исторія.

Надо было утомить народы, измочалить ихъ нервы, а потомъ указать имъ на Престолы ихъ Монарховъ, какъ на причины перенесенныхъ ими испытаній. . . . Вотъ, молъ, кто виноватъ въ вашихъ несчастьяхъ, въ вашихъ великихъ потрясеніяхъ! . . .

Нѣкоторые великіе люди нашего времени ясно чувствовали исходъ войны, и недаромъ Фельдмаршалъ Гинденбургъ сказалъ свою крылатую фразу о томъ, что побѣдитъ та страна, у которой окажутся крѣпче нервы. . . . Увы! И у Русскаго народа, и у Германскаго — нервовъ не хватило. Не хватило также Вѣры и Вѣрности. . . .

Въ Россіи и въ Германіи плохо себѣ отдавали отчетъ о послѣдствіяхъ начавшейся войны. Всѣ, и тутъ, и тамъ, мечтали о „побѣдномъ концѣ", и мало кто, да и то келейнымъ образомъ, въ тѣсномъ кругу друзей, рѣшался высказать, что Россія и Германія — это одна и другая, двѣ руки, которыя рѣжутъ другъ друга. . . .

Въ день объявленія войны, я сидѣлъ у одного изъ своихъ друзей въ его кабинетѣ. . . . Предъ нами лежали газеты съ Высочайшимъ Манифестомъ. На душѣ у насъ было жутко и пасмурно. . . . Устремивъ свой взглядъ куда то вдаль, какъ будто желая проникнуть черезъ таинственную завѣсу будущаго, собесѣдникъ мой грустно улыбнулся, качая головой. — „О чемъ Ты думаешь?" — спросилъ я его: — „какія мрачныя мысли у Тебя сейчасъ въ головѣ?"

— „Знаешь что", — услышалъ я отвѣтъ: „мнѣ почему то вспомнился день 27-го Января 1904-го года, день начала Русско-Японской войны. . . .

Представилась мнѣ Дворцовая Площадь, національные флаги, пѣніе гимна, толпа, опускающаяся на колѣни при видѣ выходящаго на балконъ Государя. . . .

Прошелъ только годъ съ небольшимъ, и что же? Эта же самая толпа пѣла Марсельезу, несла красные флаги, и слышались изъ нея дерзкіе выкрики, направленные противъ того же Государя, предъ Которымъ еще такъ недавно она стояла на колѣняхъ. . . .

Та война была игрушечной по сравненію съ только что начавшейся; она дала, сравнительно, и маленькія потрясенія. ... Эта война будетъ грандіозной — дастъ и великія потрясенія.

Мнѣ почему то чудится, что Русско-Японская война была прелюдіей или, вѣрнѣе, репетиціей этой, какъ и вспыхнувшая затѣмъ революція была только первымъ опытомъ предстоящихъ атакъ масонства на Престолъ.

Напрасно думаютъ, что война продлится только шесть мѣсяцевъ: она продлится годы, и не Германія, а ужъ конечно, и не Россія, выйдутъ изъ нея побѣдительницами. Война эта — подкопъ извнѣ; внутренній же подкопъ ведется уже давнымъ давно. . . . Дай Богъ Престолу Царскому выдержать ведущійся противъ него этотъ подкопъ; но я боюсь другого исхода, ужаснаго, страшнаго. . . ."

Точно оправдались его слова, и когда поползла зловѣщая клевета, подрывая любовь и довѣріе русскаго народа къ своему Царю, уже обозначились достаточно ясно вѣхи грядущаго шествія революціонныхъ смутъ. . . .

Однимъ изъ главныхъ козырей масонства противъ Трона, постепенно и медленно выдвигался Распутинъ. Не будь его, повторяю, было бы что нибудь другое; но въ данномъ случаѣ и для даннаго случая онъ былъ хорошъ, и даже очень хорошъ. Этотъ роковой сибирскій мужикъ принесъ много вреда при своей жизни, но еще больше — своей смертью, которою онъ какъ бы подтверждалъ справедливость клеветнической молвы...

Имѣлъ ли какое нибудь вліяніе Распутинъ при Дворѣ?

Онъ былъ тамъ „тише воды, ниже травы". Кромѣ него, туда доступъ имѣли еще и другіе „старцы", юродивые, странники. . . . Государыня Императрица, какъ это бываетъ почти со всѣми, перешедшими изъ инославнаго вѣроисповѣданія въ православное, была настроена очень мистически и всегда милостиво относилась къ „Божіимъ людямъ". Въ числѣ ихъ, между прочимъ, былъ хорошо извѣстный Петербургу юродивый Василій, по прозванію Босой, который, являясь во Дворецъ, пѣлъ нѣсколько молитвъ, получалъ отъ Государыни каждый разъ по 25 рублей, цѣловалъ Ея руку и отправлялся во свояси.

Къ Григорію Распутину относились при Дворѣ тоже очень милостиво. Несомнѣнно, безъ вліянія на это не осталось и то обстоятельство, что въ 1906-мъ году, когда у Государя Императора заболѣла рука и очень плохо поддавалась лѣченію, то Григорію Распутину, благодаря какимъ то народнымъ заговорамъ, удалось очень быстро ее поправить.

Григорій Распутинъ, какъ никто, умѣлъ останавливать кровотеченія, бывшія въ дѣтствѣ у Наслѣдника Цесаревича.

Государь и Государыня души не чаяли въ Наслѣдникѣ, а потому вполнѣ было понятно, что чувства благодарности за сына проявлялись въ Ихъ особомъ Августѣйшемъ вниманіи къ Распутину.

Цѣлительныя способности Распутина объяснялись, вѣроятно, огромной магнетической силой, которой онъ обладалъ.

Распутинъ, въ присутствіи ихъ Величествъ — былъ всегда тихъ и скроменъ, богомоленъ и благочестивъ на видъ.

Но внѣ Дворца — Распутинъ преображался, и „хамъ" сказывался въ немъ на каждомъ шагу, въ каждомъ движеніи. Онъ становился заносчивъ, грубъ, циниченъ. Не къ чести нашихъ нѣкоторыхъ сановниковъ будь сказано, ихъ заискиваніе, ихъ приниженность и льстивость передъ Распутинымъ, стремленіе угодить его малѣйшему капризу — создали такого рода обстановку, будто бы и въ самомъ дѣлѣ онъ вершилъ судьбы политики, пользуясь какимъ то неограниченнымъ вліяніемъ на Государя и Государыню.

Напишетъ какому нибудь сановнику Распутинъ свою безграмотную записку — и рѣдко встрѣчался отказъ его просьбѣ.

Какими жалкими, низкими чувствами руководились эти сановники. „А что, если я ему откажу, а онъ мнѣ навредитъ какъ нибудь": такъ разсуждали одинъ, другой, третій, и мало кому приходило въ голову „оборвать" Распутина и оставить его записку безъ вниманія.

Еслибы такъ поступали эти недостойные сановники, то разрушилось бы все пресловутое „вліяніе" Распутина. Къ сожалѣнію, этого не было. . . .

И тѣмъ не менѣе, конечно, тѣ „достовѣрныя" свѣдѣнія и слухи, что передавались и ползли по Петроградскимъ гостиннымъ, швейцарскимъ, лавочкамъ — были преувеличены въ „энное" количество разъ.

Масонствомъ все это было учтено отъ „А" до „Z". Почва была уже достаточно подготовлена для открытаго натиска какъ его болѣе или менѣе явныхъ силъ, такъ и подпольныхъ ландскнехтовъ, на Императорскій Тронъ.

Но нуженъ былъ какой нибудь эффектный выпадъ противъ Царской Семьи, который одновременно послужилъ бы и сигналомъ къ „атакѣ лавою". Такимъ выпадомъ послужило убійство Распутина.

Нѣтъ нужды описывать это убійство: оно уже достаточно ярко описано главнымъ виновникомъ преступленія, Владиміромъ Митрофановичемъ Пуришкевичемъ, въ его дневникѣ. — Всѣ, вѣроятно, помнятъ этотъ кошмаръ, который почему то превознесли до высоты геройства. . . .

Окольными путями, черезъ посредство другихъ лицъ, масоны привлекли къ соучастію въ преступленіи нѣкоторыхъ членовъ Императорскаго Дома, правильно разсчитавъ, что психологическій эффектъ отъ такого рода убійства будетъ огромнымъ.

„Вотъ“, — говорили всюду: „до чего мы дожили! Даже Великіе Князья приняли участіе въ убійствѣ этого гада, — слѣдовательно, что то дѣйствительно было. . . . Нѣтъ, вы только прочитайте, что пишутъ въ сегодняшнихъ газетахъ“. . . .

И напрасно было бы разубѣждать кого бы то ни было: не только не повѣрили бы, но, извративъ до неузнаваемости ваши слова, всюду распространяли бы новую, не лучшую, версію. . . .

Много можно написать про Распутина главъ, но нельзя точнѣе опредѣлить его значеніе, чѣмъ, по простому ли предчувствію, или по логическому выводу, опредѣлилъ его онъ самъ, наканунѣ своей трагической смерти: „убьютъ то меня — убьютъ; а мѣсяца этакъ черезъ три — рухнетъ Царскій Тронъ...“

Есть народное повѣріе, что появляющіяся время отъ времени на небосклонѣ блуждающія свѣтила, или кометы, являются всегда предвѣстниками страшныхъ бѣдъ, роковыхъ несчастій. . . . „Помететъ она, проклятая, хвостомъ — не жди добра“ — говорятъ старые люди, съ мистическимъ ужасомъ поглядывая на таинственную гостью. . . .

Мнѣ приходилось слышать сравненіе Распутина съ кометой. Да, такъ оно и было. Онъ появился неожиданно, и, казалось, скорби и несчастья шли за нимъ чередою. . . .

Предчувствія тѣхъ русскихъ людей, которые видѣли въ Распутинѣ залогъ какого то тайнаго хода міровыхъ заговорщиковъ, оправдались полностью. Чѣмъ ближе была развязка, тѣмъ безпокойнѣе, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ такихъ чуткихъ и воспріимчивыхъ людей; тѣмъ чаще задавали они себѣ вопросъ: — „Господи, Боже мой! Да что же это? Знаетъ ли Распутинъ, на что онъ преднамѣченъ? Сознательно или нѣтъ проводитъ онъ роль, изготовленную въ жидо-масонскихъ тайникахъ?“

И вотъ, одна изъ русскихъ женщинъ, горячая патріотка, старая писательница, владѣвшая многими тайнами масонства — за что вытерпѣла немало мукъ и горя въ своей жизни — рѣшилась ѣхать прямо къ Распутину и ребромъ поставить ему вопросъ: знаетъ ли онъ, какой вредъ приноситъ Россіи.

По странной случайности, день ея поѣздки совпалъ съ днемъ 16-го Декабря 1916 года, т. е. кануномъ убійства Григорія Распутина. Въ ея лицѣ, какъ будто бы, Богъ посылалъ Распутину послѣднее предостереженіе, которому не суждено было, однако, измѣнить уже окончательно преднамѣтившагося хода событій.

Дверь у Распутина, на ея звонокъ, отворилъ какой то полковникъ, встрѣтившій ее вопросомъ: — „Вамъ что угодно, сударыня?“

— Могу ли я видѣть Григорія Ефимовича Распутина?

— Батюшки нѣтъ дома, и вообще онъ никого не принимаетъ.

— Нѣтъ правилъ безъ исключеній, полковникъ. . . . Быть можетъ, Ваше — „нѣтъ дома" означаетъ, что онъ именно дома. . . .

Тогда разрѣшите ужъ Васъ просить передать ему мою карточку.

Если господина Распутина, дѣйствительно, нѣтъ — то очень жаль, но ничего не подѣлаешь: въ другой разъ я уже не пріѣду — тащиться то мнѣ Богъ вѣсть откуда. . . . Однако, удовлетворите, полковникъ, любопытство старухи: почему Вы назвали Распутина „батюшкой?" Что онъ — священникъ, діаконъ, монахъ, или, можетъ быть, Вашъ beau-pѐre?

— Григорія Ефимовича всѣ такъ называютъ. . . .

— Какъ Вамъ не стыдно, полковникъ, что же это у Васъ за стадное чувство такое? Ну, называли бы его Григоріемъ Ефимовичемъ, или просто Распутинъ, а то вдругъ — батюшка. . . .

Полковникъ смѣшался и, растерянно теребя въ рукѣ карточку посѣтительницы, вдругъ неожиданно спросилъ:

— А какъ прикажете доложить о Васъ Григорію Ефимовичу?

— Голубчикъ, у Васъ въ рукахъ моя карточка. . . . И, ради Бога, ничего не докладывайте, а просто передайте или . . . прочтите эту карточку.

Полковникъ ушелъ, попросивъ ее пройти въ гостиную.

Тамъ находилось нѣсколько дамъ, изъ которыхъ двѣ между собой непринужденно болтали по французски. . . .

Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнату вошелъ Распутинъ.

При входѣ его, всѣ сидѣвшія дамы, кромѣ вновь прибывшей, встали и бросились къ нему, стараясь поцѣловать у него руки и . . . концы вышитой рубахи, въ которой онъ былъ.

Досадливо отъ нихъ отмахнувшись, Распутинъ подошелъ къ писательницѣ и, заложивъ руки за поясъ, спросилъ: — Это ты, матушка, меня хотѣла видѣть? Что тебѣ надо-ть?

Ничего не отвѣтила ему посѣтительница, а только долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣла на него, точно желая проникнуть въ душу. . . . Говорятъ, Распутинъ обладалъ магическимъ, удивительнымъ взглядомъ; но когда глаза его встрѣтились съ глазами этой маленькой старушки, онъ не выдержалъ и . . . потупился.

— Что это ты на меня смотришь такъ. . . . Какъ то особенно . . . — пробормоталъ онъ. Въ это время онъ услышалъ ея голосъ:

— Я пришла задать Вамъ нѣсколько вопросовъ, Григорій Ефимовичъ. До этого намъ встрѣчаться не приходилось; послѣ

этой встрѣчи — врядъ ли когда увидимся. Про Васъ я очень много слышала; ничего добраго, но много плохого. . . . Вы должны отвѣтить мнѣ, какъ священнику на духу: отдаете ли Вы себѣ отчетъ, какъ Вы вредите Россіи? Знаете ли Вы, что Вы — лишь слѣпая игрушка въ чужихъ рукахъ, и въ какихъ именно?

— Ой, Барыня, никто еще и никогда со мной такимъ тономъ не говаривалъ. . . . Что-жъ Вамъ на эти вопросы отвѣтить?

— Читали ли Вы Русскую Исторію, любите ли Царя, какъ Его надо любить?

— Исторію, по совѣсти скажу, не читалъ — вѣдь я мужикъ простой и темный; читаю по складамъ только; а ужъ пишу — и самъ подчасъ не разберу. . . . А Царя то, какъ мужикъ, вокакъ люблю, хоть, можетъ, противъ Дома Царскаго и грѣшенъ во многомъ; но неволею, клянусь крестомъ . . .: Чувствуется, матушка-голубушка, что конецъ мой близокъ. . . . Убьютъ то меня — убьютъ, а мѣсяца такъ черезъ три — рухнетъ и Царскій Тронъ. . . .

Спасибо Вамъ, что пришли — знаю, что поступили, какъ сердце велѣло. И хорошо мнѣ съ Вами, и боязно: какъ будто съ Вами есть еще кто-то. . . . А какъ бы Вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Будь я на Вашемъ мѣстѣ, я бы уѣхала въ Сибирь, да спряталась бы тамъ такъ, чтобъ обо мнѣ и слухи замолкли, и слѣды пропали. . . .

Много еще говорила съ Распутинымъ старая писательница, и онъ слушалъ ее жадно, какъ бы впитывая каждое слово. . . .

Наконецъ, она поднялась и стала прощаться. . . .

Распутинъ шелъ сзади, говоря: — ужъ я проведу Васъ самъ. . . .

— Скажите, Григорій Ефимовичъ, спросила его она: почему Васъ всѣ Ваши поклонники и поклонницы называютъ „батюшкой", цѣлуютъ Вамъ руки, края рубахи? Вѣдь это же гадость! Почему Вы позволяете?

Распутинъ усмѣхнулся и, показывая по направленію гостиной рукой, сказалъ: А спросите вотъ этихъ дуръ. . . . Постой, я ужо ихъ прожучу: . . .

При прощаніи, подавая руку Распутину, писательница съ удивленіемъ увидѣла, какъ онъ вдругъ склонился и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Матушка-Барыня, голубушка Ты моя! Ужъ прости Ты меня, мужика, что на „ты" Тебя величаю. . . . Полюбилась Ты мнѣ, и отъ сердца это говорю. . . . Перекрести Ты меня, хорошая и добрая Ты. . . . Эхъ, какъ тяжело у меня на душѣ. . . .

Маленькая ручка, освобожденная вновь отъ перчатки, осѣнила Распутина крестнымъ знаменіемъ, и онъ услышалъ: „Господь съ Тобой, братъ во Христѣ. . . .

Она ушла. Распутинъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, точно здѣсь оставалось одно его тѣло, а его грѣшную душу взяла она, явившаяся къ нему ангеломъ смерти. . . .

А черезъ двѣнадцать часовъ, на Мойкѣ, Распутинъ покончилъ земные разсчеты. . . .

Разсказъ о встрѣчѣ старой писательницы, доблестной русской женщины, съ Распутинымъ очень интересенъ и глубоко знаменателенъ.

Прошу читателей принять во вниманіе, что этотъ разсказъ не есть какое-либо художественное произведеніе: весь онъ — истинная правда, съ начала до конца; за его достовѣрность я ручаюсь.

Изъ за одного этого разсказа, какъ мнѣ кажется, стоило бы, въ заключеніе главы о масонствѣ, помѣстить письмо моего друга. Но въ этомъ письмѣ есть еще одна интересная сторона.

Читатель, можетъ быть, удивляется, почему я его помѣстилъ цѣликомъ, это письмо. Первая часть его почти во всѣхъ подробностяхъ является повтореніемъ того, что мною написано какъ въ этой главѣ, такъ и въ другихъ главахъ моего труда. Еслибъ я сговаривался съ моимъ другомъ и съ нимъ совѣтовался бы, было бы естественно такое тождество.

Но мы съ нимъ были въ разныхъ городахъ, и онъ, узнавъ, что я пишу о Распутинѣ, письмо свое мнѣ прислалъ уже тогда, когда эта первая часть моего труда совсѣмъ подходила къ концу. И написалъ онъ очень сходственно съ тѣмъ, что я писалъ, и высказалъ мнѣнія почти тождественныя. . . . И мой другъ, и я, по поводу тайныхъ силъ, двигающихъ міровую политику, дѣйствительно, можетъ быть, знаемъ больше, чѣмъ многіе, принимающіе событія въ кажущейся ихъ простотѣ, не углубляясь въ причины возникновенія ихъ. . . . И мы оба, не сговариваясь, приходимъ къ одинаковымъ выводамъ. Не есть ли это обстоятельство достаточнымъ опроверженіемъ увѣреніямъ добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ скептиковъ, утверждающихъ, что всѣ разсказы о тайныхъ козняхъ масонства составляютъ только плодъ разгоряченнаго воображенія безпочвенныхъ фантазеровъ.

Не пора ли признать, что у этихъ „фантазеровъ“ какъ ихъ называютъ, есть твердая почва, на которой они строютъ свой обширный и неопровержимый обвинительный актъ.

VIII.

Урокъ Исторіи.

Россія и міровое равновѣсіе. Первые Рюриковичи — государственники. Побѣда частно-правовыхъ началъ надъ Государственнымъ Правомъ. Разложеніе Южной Руси. Татарское иго и перерывъ живой связи съ Западомъ. Правленіе Московскихъ Государей и возрожденіе русской государственности. Постепенное возстановленіе и расширеніе взаимодѣйствія Россіи и Запада. Значеніе Россіи въ первой половинѣ XIX Вѣка. Тайный врагъ. Лицемѣріе демократическихъ принциповъ. Растлѣвающее дѣйствіе соціализма. Ошибки и преступленія міровой политики. Страхъ предъ Сюрпризами Исторіи. Стодъ о Россіи. „Suum cuique". Тоска народа о прошломъ. Мысли автора.

Возстань, Господи, да не преобладаетъ человѣкъ, да судятся народы предъ Лицомъ Твоимъ . . .

Псал. IX, ст. 20.

Да простятъ мнѣ читатели, если они въ этой главѣ встрѣтятъ повторенія уже сказаннаго на различныхъ страницахъ этой книги: подходя къ концу, я стараюсь резюмировать и обобщить мои мысли.

Да простятъ мнѣ также русскіе читатели нѣкоторую элементарность того обзора Русской Исторіи, которому я посвятилъ эту главу. Но дѣло въ томъ, что книгу свою я пишу и издаю заграницей и льщу себя надеждой, что ее прочитаютъ — на нашемъ ли языкѣ или въ переводѣ — и кое кто изъ иностранцевъ. Разъ будетъ такъ, то для этихъ иностранцевъ, какъ мнѣ кажется, будутъ новыми и, можетъ быть, интересными тѣ свѣдѣнія, которыя для просвѣщенныхъ русскихъ читателей покажутся, вѣроятно, ненужными, ввиду ихъ общеизвѣстности, и . . . скучными. Но надо считаться со степенью освѣдомленности иностранцевъ, имѣющихъ до сихъ поръ очень смутныя понятія о русской жизни и русской исторіи, хотя Россія въ настоящее время и привлекаетъ къ себѣ вниманіе и интересъ всего міра. Ибо только теперь этотъ міръ начинаетъ понимать, насколько, въ общемъ равновѣсіи его силъ, существованіе Россіи имѣло первостепенное значеніе.

Не въ первый разъ на отечество наше обращаются взоры иноземцевъ. Еще въ XI Вѣкѣ, счастливое правленіе мудраго государя, Ярослава I, далеко распространило славу начавшей строиться русской государственности. Счастливый преемникъ цѣлаго ряда даровитыхъ правителей, Олега, Ольги, Святослава, Владиміра Святого, Ярославъ использовалъ труды своихъ предковъ, въ собственныхъ, личныхъ дарованіяхъ черпая источники того созидательнаго, организаторскаго таланта, благодаря которому онъ по праву занимаетъ почетное мѣсто на страницахъ нашей Исторіи.

Чуя начало жизни будущаго великаго народа, государи Запада спѣшили войти въ возможно близкую связь съ главой молодого государства и узами родства укрѣпить свое общеніе со страной, отъ хаотическихъ началъ разъединенія и анархіи переходившей къ стадіи объединенія и внутренняго созиданія. Поэтому красавицы — дочери русскаго Великаго Князя увѣнчали свои головы коронами французской, венгерской и шведской, и сношенія между собой культуръ Западно-Римской и Восточно-Византійской-Русской сулили въ дальнѣйшемъ скорое проникновеніе взаимнаго вліянія и взаимныхъ воздѣйствій.

Внукъ Ярослава, Великій Князь Владиміръ Мономахъ, слѣдуя образцамъ и примѣрамъ своихъ наиболѣе выдающихся предковъ, также много способствовалъ укрѣпленію русской государственности, водворенію порядка, законности и организованности среди подвластныхъ ему русско-славянскихъ, литовскихъ и финскихъ племенъ.

Изъ рода Рюриковичей той, до-татарской, эпохи слѣдуетъ еще отмѣтить Даніила Романовича, Короля Галицкаго, и Ярослава Осмосмысла Волынскаго. Всѣ эти государи отличались, при личныхъ своихъ дарованіяхъ и высокомъ по тому времени уровнѣ образованности, тѣмъ чутьемъ государственности, тѣмъ предугадываніемъ русскихъ государственныхъ задачъ, каковыя свойства, вообще говоря, отсутствовали въ то время какъ на верхахъ, такъ, подавно, и въ толщѣ народа. Для той стадіи государственнаго развитія такой недочетъ могъ быть признанъ естественнымъ. Но и много позже того времени инстинкты государственности развивались очень медленно и не соотвѣтственно территоріальному расширенію Россіи. Смѣемъ думать, что слабое развитіе ихъ сказывалось всегда, въ теченіе всего нашего свыше-тысячелѣтняго существованія, и даже не слѣдуетъ ли, хотя бы отчасти, именно этимъ недостаткомъ объяснить быстрое крушеніе и распаденіе нашей Родины. Лишившись единственнаго своего цѣльнаго, самодовлѣющаго, организаціоннаго начала, центральной, исторической государственной власти, все скрѣплявшей и сосредоточивавшей, Россія пала.

Кромѣ перечисленныхъ Рюриковичей той эпохи, мы затруднились бы назвать еще кого либо изъ русскихъ князей,[1]) кто могъ бы, если не идти вровень, то хоть приближаться по качествамъ своимъ къ этимъ настоящимъ государямъ, понимавшимъ смыслъ, значеніе и нравственный долгъ своего правленія. Многочисленные потомки предпріимчивыхъ, волевыхъ и энергичныхъ варяговъ раздѣляли общія русскія свойства малаго умѣнія понимать широкія задачи общаго, не-личнаго блага: инстинкты частноправовые душили зачатки государственнаго права. Въ дѣйствіяхъ и поступкахъ русскихъ людей, тогда, какъ и теперь, побужденія личной выгоды, тщеславія, зависти, соперничества и мѣстничества, интриги и происки имѣли главное, руководящее значеніе. Удѣльно-вѣчевая система оказывала свое разрушительное для государственнаго объединенія дѣйствіе.

Только потомки этихъ южно-русскихъ князей, Московскіе Рюриковичи, крѣпкіе, закаленные, послѣдовательные и властные государственники, вернули свою родину къ объединяющему руслу и подготовили созданіе великой Имперіи.

Черезъ весь этотъ трудъ красной нитью проходитъ такого рода уразумѣніе русскаго народнаго характера, которое полагаетъ полную неспособность нашего народа проявлять государственные инстинкты творчества и созиданія на почвѣ общественной самодѣятельности, внѣ почина и воздѣйствія центральной, національной власти Самодержавнаго Строя. Сію отличительную черту всей нашей Исторіи слѣдуетъ всегда имѣть въ виду иностранцамъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, предназначается эта глава, если они желаютъ дѣйствительно вникнуть въ сущность русской народной души въ ея соотношеніяхъ съ различными факторами, вліяющими на ея выявленіе. Иностранцы такъ мало знаютъ наше отечество, такъ смутно его понимаютъ, что намъ казалось бы для нихъ полезнымъ хоть теперь, наконецъ, основательнѣе познакомиться съ Россіей

---

[1]) Перечисляя всѣхъ выдающихся великихъ князей Рюриковичей Кіевскаго Періода, мы не включили въ это число славное имя Святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго не по забывчивости, которая была бы непростительна, ни, разумѣется, по непониманію его крупнаго государственнаго значенія. Эта, по всей вѣроятности, наиболѣе свѣтлая личность въ нашей Исторіи, мудрый правитель и счастливый полководецъ, за высокія духовныя и нравственныя качества, какъ и за историческія заслуги, сопричисленный къ Лику Святыхъ Православной Церкви, особенно чтимый нами всѣми, считающими его и до сей поры Покровителемъ нашего Государства, этотъ Рюриковичъ долженъ занимать, пожалуй, самое почетное мѣсто въ портретной галлереѣ нашихъ Государей. Но онъ уже не южно-русскій Князь, а сѣверный, и по складу своего правленія, и по своему характеру, является однимъ изъ зачинателей Московской политики, которая рѣзко отличается отъ политики Кіевской, да и проходитъ въ совершенно другихъ условіяхъ.

не сквозь жидовскую призму и знать, какимъ выгоднымъ, удобнымъ сосѣдомъ можетъ она быть, какимъ цѣннымъ, могучимъ союзникомъ, другомъ и защитникомъ, при естественно-нормальномъ ходѣ историческаго ея развитія; но и какимъ опаснымъ врагомъ, какой тлетворной заразой, когда народъ нашъ затеряется въ путяхъ своихъ и будетъ приведенъ къ тупику анархіи.

Но мы отвлеклись въ сторону отъ того перваго момента нашей Исторіи, когда народы Запада начинали вступать въ общеніе съ Русью Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха.

Этотъ расцвѣтъ первоначальной русской государственности длился недолго и смѣнился двухсотлѣтнимъ Татарскимъ Игомъ, когда сношенія съ Западомъ почти совсѣмъ прекратились. Повліяли на этотъ перерывъ многія событія. Не безъ вліянія, разумѣется, и татарскаго ига Россія оказалась отчужденной отъ семьи европейскихъ народовъ; но дѣйствовала не одна эта причина. Съ одной стороны, много способствовало разъединенію раздѣленіе церквей на Западную католическую и Восточную; съ другой стороны, и образованіе сильнаго Польскаго государства, притомъ же католическаго, какъ разъ на рубежѣ Россіи и Запада, было одной изъ причинъ, почему налаживавшіяся было сношенія почти совершенно заглохли. Но главной, основной причиной было то, что русская жизнь, подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ внѣшнихъ, но чрезвычайно существенныхъ и вліяющихъ событій и явленій, стала складываться настолько различно отъ жизни западной Европы, что всѣ основы сближенія и взаимодѣйствія оказались подорванными.

Первое крушеніе русской государственности, случившееся на самой зарѣ ея зарожденія, произошло не вслѣдствіе непреоборимой силы дикихъ татарскихъ полчищъ, въ общемъ представлявшихъ вначалѣ только разновидность Печенѣговъ, Хазаровъ, Болгаръ, Половцевъ и прочихъ кочевниковъ, съ которыми такъ успѣшно боролись лично сильные государи Кіевскаго періода, — но вслѣдствіе того, что какъ разъ такихъ сильныхъ князей въ XIII Вѣкѣ не оказалось въ Россіи: государственная власть, не осуществляемая единолично такими волевыми властителями, какъ Ярославъ и оба Владиміра, еще не укрѣпленная ни временемъ, ни стойкимъ аппаратомъ власти, какимъ никакъ не могла назваться удѣльно-вѣчевая система, эта власть къ тому времени была близка къ параличу, раздробляясь на мелкія единицы, другъ отъ друга разъединенныя и между собой враждовавшія.

Отсутствіе твердой единоличной власти сразу сказалось на судьбахъ Россіи, подпавшей на цѣлыя двѣсти лѣтъ подъ иноземное владычество. — Но жизненная сила народа, разъ вызванная къ бытію, не умерла подъ ударами судьбы, выпав-

шей на многострадальную русскую долю, и ждала только благопріятнаго случая, чтобы себя снова выявить. Это выявленіе никакъ не съумѣло совершиться ни въ вольномъ Вѣчѣ Великаго Новгорода, ни въ потугахъ Польши влить въ себя родственную, очень близкую по происхожденію, народность, ни въ южно-русской равнинѣ, вдоль и поперекъ разоренной и затоптанной.

Вся потенціальность народная устремилась туда, гдѣ Собиратели Земли Русской, Великіе Князья Московскіе, преемственной работой чередующихся на престолѣ государей, направлявшихъ къ одной общей государственной цѣли державные труды укрѣпленія и объединенія страны, съумѣли осуществить идею русскаго единодержавія и самодержавія. Какъ магнитъ, историческая задача Москвы привлекала къ себѣ всѣ расползавшіяся части одного общаго цѣлаго, отъ ледяного Архангельска до цвѣтущей, благоухающей природными богатствами благословеннаго климата, Малороссіи, отъ Смоленска, стойко отстаивавшаго отъ Польши свою русскую самобытность, до Казани, Урала и дальше на Востокъ, до безконечныхъ лѣсовъ, тундръ и плодородныхъ областей Сибири.

Но пока совершался этотъ сдвигъ живучаго, несмотря на цѣлый рядъ несчастливыхъ обстоятельствъ и событій, народа отъ Кіева на Москву; пока, отъ Александра Невскаго, Іоанна Калиты и до грознаго царя Іоанна IV, разрозненная и разслабленная Россія созидала свое могучее государственное цѣлое, эта внутренняя работа шла въ обособленіи отъ западнаго міра, съ которымъ связь сводилась къ поверхностнымъ, формальнымъ и прерывчатымъ дипломатическимъ сношеніямъ. За это время Европа привыкла очень мало считаться съ далекой „Московіей", да мало ею и интересовалась. Развѣ что, гдѣ нибудь во Флоренціи, или въ другомъ центрѣ культуры того времени, на роскошномъ пиршествѣ Лаврентія Великолѣпнаго или другого какого нибудь европейскаго владыки, съ удивленіемъ оглянутъ неуклюжія одѣянія царскаго посольства, или посмѣются надъ самимъ бояриномъ-посломъ, сумрачно, подозрительно оглядывающимся на всѣ стороны и зорко присматривающимся и слѣдящимъ, какъ бы его не обидѣли, какъ бы не посадили ниже мѣста, приличествующаго сану посла государева и собственному достоинству родовитаго боярина.

Въ тѣ времена, главнымъ образомъ, „просвѣщенные мореплаватели", не упускающіе нигдѣ коммерческой выгоды, поддерживали болѣе правильныя, почти исключительно торговыя, сношенія, учтя неисчислимыя богатства, въ потенціальномъ видѣ (увы, въ большой степени какъ и теперь) таившіяся въ Русской Землѣ. Да еще Нѣмецкая Слобода образовала ячейку, которой въ свое время суждено было сыграть видную роль

въ исторіи русской общественности, да и государственности также.

Только съ XVI Вѣка установились съ Западомъ правильныя, постоянныя сношенія на общихъ основахъ международнаго права и получили первостепенное значеніе тогда, когда чернобровый, черноокій великанъ приковалъ къ себѣ общее вниманіе неотесанной дикостью своего величественнаго облика, широкимъ размахомъ своего геніальнаго нрава и просторнымъ окномъ, которое онъ прорубилъ въ Европу, на мѣсто прежней захолустной, слуховой оконницы, запрятанной гдѣ то на чердакѣ русскаго государственнаго зданія.

Съ тѣхъ поръ значеніе Россіи въ Европѣ росло; росъ и интересъ къ великой Имперіи. Петербургъ сталъ средоточіемъ блестящаго дипломатическаго корпуса, который и во времена дворцовыхъ переворотовъ, и въ славный Вѣкъ Екатерины, съ живымъ интересомъ, но не всегда съ достаточно успѣшными результатами, стремился вникнуть въ сущность и смыслъ русской жизни и ознакомиться съ загадочнымъ „мужицкимъ народомъ", попеременно внушающимъ любознательному наблюдателю то благожелательное сочувствіе, то недоумѣніе, ужасъ, страхъ, негодованіе и отвращеніе. Ибо каждый народъ, подъ вліяніемъ отчасти интуитивныхъ переживаній, отчасти внѣшнихъ воздѣйствій и возбужденій, являетъ образъ сложный и многоликій; но болѣе, чѣмъ какому бы то ни было другому народу, это свойство присуще народу русскому.

Первая половина XIX Вѣка была апогеемъ развитія русскаго международнаго значенія, когда Императоры Александръ I и Николай I стали рѣшителями судебъ народовъ, иниціаторами и руководителями разныхъ конгрессовъ, съѣздовъ и соглашеній.

Такъ Россія, послѣ долгаго перерыва живого общенія съ Западомъ, постепенно, шагъ за шагомъ, по мѣрѣ послѣдовательныхъ этаповъ усиленія могущества и утвержденія своего международнаго вѣса, входила полноправнымъ, великодержавнымъ членомъ въ семью европейскихъ народовъ и оставила, по относительному значенію своему, далеко за собой первые зачатки такого же сближенія, когда княжна Ярославна покидала родину и уѣзжала на далекую чужбину вѣнчаться Французской королевой.

Въ этомъ „концертѣ европейскихъ державъ", среди которыхъ Россія играла часто первенствующую роль, и отъ которыхъ, также очень часто, терпѣла горькія разочарованія и неудачи въ своихъ самыхъ законныхъ и естественныхъ притязаніяхъ, наше отечество подстерегалъ сильный, злобный, коварный и тѣмъ болѣе опасный, что онъ былъ тайнымъ — заклятый врагъ.

Обыкновенно принято было думать, — да эта мысль и внушалась какъ европейской (еврейско-масонской) печатью, такъ и еврейско масонскими, (преобладающими) кругами европейскаго общества, — что общеніе вчерашней Россіи съ Западомъ не могло обходиться безъ треній, шероховатостей и взаимныхъ недоразумѣній ввиду того, что русскій самобытный государственный строй не соотвѣтствовалъ общимъ государственнымъ идеаламъ, которыми были воодушевлены яко бы всѣ западные народы въ стремленіи обезпечить законность и верховную справедливость своей политической, общественной и экономической жизни.

Въ сущности же, не „народы" были заинтересованы въ опредѣленныхъ путяхъ достиженія этихъ, не достигнутыхъ Западомъ, идеаловъ, но только группы парламентаріевъ, по рукамъ и ногамъ связанныхъ съ евреями и еврейской же биржей, и преобладающее большинство рабочихъ классовъ, распропагандированныхъ евреями, ими развращенныхъ и сбитыхъ съ путей правды, чести и справедливости.

Отчасти и мы съ этимъ мнѣніемъ готовы согласиться, но съ оговорками, которыя постараемся выразить на примѣрѣ. Такъ, сближеніе Самодержавной Россіи съ республиканской Франціей было бы вполнѣ возможно и могло бы дать взаимно полезные результаты, но съ французской Франціей, національной и Христіанской страной. Союзъ же нашъ съ Франціей ожидовѣлой (совершенно независимо отъ ея формы правленія), находящейся подъ тайнымъ, но неоспоримымъ и всевластнымъ владычествомъ кагала, — былъ совершенно для насъ непріемлемъ и принесъ намъ много вреда: вотъ почему, рядомъ съ величавыми аккордами нашего Національнаго Гимна, такъ фальшиво звучали разбитные и визгливые звуки красивой, въ своемъ родѣ, марсельезы.

Въ еще недавнемъ прошломъ, когда примѣровъ Дантона, Робеспьера и Марата людямъ оказывалось мало, и понадобились еще Керенскіе, Троцкіе и Ленины, идеалы „свободы, равенства и братства", называемые „демократическими", казались легко достижимыми, на основаніи книжекъ, трактатовъ и разсужденій философовъ и мыслителей, въ отвлеченіи отъ жизни, въ увлеченіи безпочвенными теоріями, воображавшихъ сложную жизнь человѣческую, съ ея многообразными сплетеніями и политическихъ, и соціальныхъ интересовъ, не говоря уже о духовной области, — подобной математической задачѣ, подчиненной неизмѣннымъ законамъ Цифры, вычисленій, подсчетовъ и выводовъ.

Можетъ быть, оно такъ и есть, если рѣшаетъ жизненныя задачи всеобъемлющій, всевидящій и всезнающій Божій Разумъ; но не слабому человѣческому уму, если не слѣпому, то

полу-врачему, браться за недоступныя ему проблемы тайников Бытія.

А потому выкладки, трафареты и формулы, которыми мыслители мнили разрѣшать трудности, сомнѣнія и противорѣчія жизни, въ примѣненіи ихъ къ дѣйствительности, вносили новыя смуты и разочарованія, новыя препоны для прогресса, цивилизаціи и истиннаго совершенствованія человѣка, духовнаго и нравственнаго, каковое, въ сущности, и является главной задачей, главнымъ смысломъ всей нашей жизни.

Мыслители-теоретики рѣшили, что панацеей противъ всѣхъ золъ и бѣдствій соціальной неурядицы, вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія всеобщаго блаженства и удовлетворенія, должна быть парламентарная организація государственнаго строя. Съ тѣхъ поръ всѣ народы долго вѣрили, что найдутъ исцѣленіе всѣхъ своихъ золъ въ слѣпомъ подражаніи формамъ англійской государственности, самобытнымъ путемъ эволюціи достигшей порядка, до послѣдняго времени удовлетворявшаго англійскій народъ, но именно англійскій, а не какой либо другой.

Въ высокой культурности своей и рѣзкой самобытности, этотъ народъ осторожно, исподволь, сообразуясь съ собственнымъ своимъ укладомъ, создалъ формы государственнаго управленія, пригодныя для него самого, но могущія быть совершенно некстати приложенными къ жизни другого народа, имѣющаго опять таки свою собственную исторію, свой ходъ развитія, свою самобытность.

Впрочемъ, нынѣ, какъ кажется по нѣкоторымъ признакамъ вырожденія, англійская система теряетъ свою стройность и силу живой, естественной, духомъ и волей самого народа выработанной, конституціи.

Какъ теоретики-мыслители, такъ и ихъ восторженные, но легкомысленные послѣдователи, не умѣли и не умѣютъ понимать той простой истины, что каждый народъ имѣетъ свою самобытную индивидуальность, продуктъ его собственной исторіи, да и условій этнографическихъ, географическихъ, климатическихъ и т. д. и т. д.; что каждый народъ имѣетъ свой собственный укладъ, свои особенности, свои спеціальные недостатки, пороки, добродѣтели и достоинства, однимъ словомъ — свою особую стать; и что въ тѣсныхъ рамкахъ общаго, мертваго трафарета нельзя сжимать всей сложности дѣйствительной, а не воображаемой и подведенной подъ общій образецъ, жизни народной. . . . Общимъ лекаломъ нельзя разрѣшать задачи жизни. То, что пріемлемо или даже благотворно для Англіи, можетъ оказаться гибельнымъ для Франціи, непріемлемымъ для Германіи, совершенно не переваримымъ для Россіи;

и наоборотъ. „Suum cuique“ — вотъ мудрая старая истина, которую знали и понимали великіе Римляне.

Исторія народа и самобытныя условія его развитія являются регуляторами его жизни, и горе той странѣ, которой беспочвенные доктринеры навязываютъ несоотвѣтственныя формы. Въ концѣ концовъ, такія попытки обыкновенно оказываются безплодными: истинныя требованія жизни одерживаютъ верхъ надъ книжными умствованіями и надъ трудами кабинетныхъ ученыхъ; но цѣною какихъ потрясеній, какихъ жертвъ и какихъ кровавыхъ переживаній. . . .

Бываютъ случаи, какъ напримѣръ во Франціи, что народъ погибаетъ и вымираетъ жертвой доктринеровъ, непрошенныхъ благодѣтелей. . . .

Въ Англіи, дѣйствительно, при ея парламентарномъ строѣ, высокій идеалъ свободы человѣческой личности (этотъ идеалъ доступенъ только тогда, когда культурный и нравственный уровень личности дѣлаетъ ее достойной этой свободы) стоитъ прочно и до послѣдняго времени, за многими исключеніями (напр. Ирландцы), осуществлялся планомѣрно, хотя такое положеніе не препятствовало тому, что не только индусы, по англійскимъ понятіямъ не удовлетворяющіе условіямъ, при которыхъ права личности должны быть обезпечены, но даже и коренные Англичане, изъ среды рабочаго пролетаріата, даютъ ежегодно значительный процентъ смертности отъ голода и лишеній.

Но не то мы видимъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ какъ разъ отсутствуетъ примѣненіе къ жизни тѣхъ лозунговъ „свободы, равенства и братства“, которые горделиво, но лицемѣрно красуются, какъ мнимая эмблема государства. Стоитъ только вспомнить министерство разстриги Комба, когда Вѣра Христова преслѣдовалась съ тѣмъ остервенѣніемъ, которое только іудейское племя (а Комбъ былъ послушнымъ іудейскимъ агентомъ) умѣетъ такъ полно и страстно, такъ безпощадно-ненавистнически проявлять по отношенію къ врагамъ своимъ; а кто, для этого народа, болѣе заклятый, вѣковѣчный врагъ, какъ не Вѣра Христова, Вѣра въ Того, Кого они же распяли.

Стоитъ вспомнить военнаго министра Андре, котораго агенты рыскали по Франціи и выискивали жертвъ въ лицѣ офицеровъ, позволявшихъ себѣ ходить въ церковь и исполнять христіанскія обязанности: такихъ офицеровъ французское правительство изгоняло со службы, ссылало въ дальніе гарнизоны; интригами и происками оно не только портило имъ служебную карьеру, но отравляло и личную жизнь.

Еще примѣръ. Незадолго до войны, произошла катастрофа при взрывѣ на одномъ французскомъ броненосцѣ, со многими человѣческими жертвами. Не всѣ, пострадавшіе отъ катастрофы, матросы погибли сразу: многихъ удалось вытащить

изъ воды и доставить въ Марсельскій морской госпиталь; изъ нихъ очень многіе оказались въ безнадежномъ состояніи.

Чувствуя приближеніе смерти, нѣкоторые изъ умиравшихъ пожелали причаститься Святыхъ Тайнъ Господнихъ. Въ этой предсмертной просьбѣ, такой естественной и законной, начальствомъ госпиталя было отказано несчастнымъ жертвамъ служебнаго долга. Мотивировка отказа основана была на томъ соображеніи, что французское правительство не признаетъ католическихъ священниковъ, какъ категорію людей, имѣющихъ официальное или „профессіональное“ положеніе въ государствѣ и исполняющихъ какія либо общественныя обязанности, а потому ихъ пребываніе, въ качествѣ таковыхъ, въ стѣнахъ казеннаго учрежденія — недопустимо.

Такъ и отдали Богу душу бѣдные матросики, не получивъ сего послѣдняго утѣшенія и ободренія, облегчающаго Христіанину его переходъ въ другой міръ.

Невольно напрашивается вопросъ: а что, еслибъ эти матросы были евреями и потребовали къ себѣ раввина? Было бы ли имъ отказано?

Несомнѣнно нѣтъ, ибо еврейскія синагоги дѣйствуютъ во Франціи невозбранно и полноправно. Правда, трудно предположить, чтобы среди этихъ матросовъ могли оказаться евреи: морская служба слишкомъ опасна, тяжела, самоотверженна и безпокойна для пейсатыхъ сыновъ „избраннаго племени“. Вообще, евреи, вѣдь, тщательно, какъ „черной работы“, избѣгаютъ всякаго физическаго труда, котораго они гнушаются, предоставляя его христіанскимъ „гоямъ“: они заранѣе ихъ подготовляютъ къ будущей ихъ судьбѣ, когда евреи надѣются достигнуть полнаго господства и владычества.

При такихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ тысячей другихъ, можно ли высокопарно выкрикивать, какъ это дѣлается во Франціи, слова — „Egalité, Fraternité, Liberté“. Эти выкрики звучатъ фальшиво тамъ, гдѣ полномѣрно дѣйствуютъ произволъ, насиліе и обманъ кучки парламентаріевъ, послушныхъ орудій франъ-масонства („Le Grand Orient de France“), выполнителей его предначертаній, сознательныхъ и безсознательныхъ, подкупленныхъ и купленныхъ, соблазненныхъ и обманутыхъ, слугъ торжествующаго Израиля. . . .

Еще одинъ случай изъ жизни другой „свободной“ страны. Этотъ случай имѣлъ мѣсто около двадцати лѣтъ тому назадъ. Въ городѣ Нью-Іоркѣ, въ Америкѣ, былъ избранъ городскимъ головой еврей. Первымъ актомъ дѣятельности этого выборнаго представителя христіанскаго — казалось бы — города было запрещеніе преподавать въ городскихъ школахъ Христіанскій Законъ Божій ввиду того, что эти школы посѣщаются также и еврейскими дѣтьми, которымъ было бы непрі-

ятно слышать упоминаніе объ Іисусѣ Христѣ. Въ этихъ школахъ раввинамъ не возбранялось преподавать свое ученіе.

Всѣ эти, происходящіе въ безчисленномъ количествѣ случаевъ; въ яко бы свободныхъ странахъ, образчики вопіющей несправедливости, жестокости и возмутительнаго насилія надъ свободой совѣсти, тщательно замалчиваются и затушевываются, потому что эти „свободныя" страны давно уже подчинились еврейскому засилью и предоставили евреямъ почетное и привилегированное положеніе въ государствѣ. Въ тоже время насъ называли „отсталыми варварами" и подвергали жесточайшей травлѣ нашъ Императорскій Строй только изъ за того, что наши Государи, превосходно сознавая опасность для Родины изувѣрческой злобы еврейства и его притязаній, властно ограждали и защищали Свой народъ отъ покушеній на него злѣйшихъ его враговъ.

Тотъ, кто зналъ нашу до-революціонную Россію, долженъ по чести засвидѣтельствовать, что ничего подобнаго тому, что нами разсказано, не могло произойти въ нашемъ отечествѣ ни съ однимъ евреемъ.

За то теперь, въ Россіи революціонной, еврейскіе произволъ, насилія и глумленіе надъ нашей Вѣрой не имѣютъ предѣловъ. Въ Московскомъ Кремлѣ стоитъ часовня Иверской Божіей Матери, въ которую почти каждый Русскій, пріѣзжавшій въ Москву или уѣзжавшій изъ нея, считалъ долгомъ зайти, чтобы поставить свѣчку передъ Иконой и помолиться. Теперь, возлѣ этой нашей Святыни, на стѣнѣ зданія Городской Думы, евреи-комиссары приказали закрасить образъ Смоленской Божіей Матери и сдѣлать слѣдующую надпись: „Религія — опіумъ для народа."

Когда люди стали извѣриваться въ спасительности парламентаризма, когда продажность, подкупность парламентаріевъ, личные разсчеты и интриги, которымъ приносились въ жертву интересы общіе, разоблачили мнимыя преимущества народнаго представительства въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ нынѣ, — тогда новое увлеченіе соціализмомъ, котораго торжество сулило наконецъ человѣчеству земной рай, овладѣло умами большинства, особенно изъ тѣхъ „труждающихся и обремененныхъ" жизнью, кого когда то Божественный Пастырь призывалъ къ Себѣ. Онъ и теперь ихъ призываетъ; но они остаются глухи къ Его Голосу и ищутъ, въ ухищреніяхъ ума земного, плотскаго, найти то утѣшеніе и ту поддержку, которыя только умомъ духовнымъ, отрѣшеннымъ отъ матеріальныхъ вожделѣній плоти, могутъ дать страдающему человѣчеству крѣпкую, несокрушимую опору.

Идеи соціализма пріобрѣли въ наше время колоссальное значеніе.

Онѣ оказались могучимъ оружіемъ въ рукахъ еврейства для продолженія вѣковѣчной борьбы противъ Христіанства и Христіанской культуры, по разрушеніи которой евреи мечтаютъ, на ея развалинахъ, начать строить свою іудейскую культуру, полагающую свое основаніе въ порабощеніи всего міра еврейству.

Съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ ведется эта работа евреевъ, бывшая тайной, ставшая нынѣ явной для всѣхъ, кто не закрываетъ умышленно глазъ своихъ и не затыкаетъ ушей, — никогда никакая побѣда не давала еврейству такъ много, какъ дали соціалистическія теоріи: увлекшись этими теоріями, бывшіе Христіане, какъ стадо овецъ, пошли покорно въ служеніе къ злѣйшимъ врагамъ своимъ.

Ни аріанство III Вѣка, ни раздѣленіе Церкви на Восточную и Западную, ни реформація, ни французская революція — ничто не можетъ сравниться съ этой побѣдой, воочію выразившейся въ русской революціи и распространеніи ея вліянія по всему міру. Раньше все было только подготовительной работой; ея тайный смыслъ былъ скрытъ даже отъ большинства собственныхъ сородичей, не вѣдавшихъ, что творили. Только съ торжествомъ идеи „побѣждающаго пролетаріата" (пусть посмотрятъ въ Россіи, въ какомъ безпощадномъ рабствѣ находится этотъ „побѣдитель"), евреи оказались уже наканунѣ полной побѣды, почувствовали себя въ преддверіи къ „землѣ обѣтованной", какой мерещится имъ весь Божій Міръ.

Вышла ловкая подтасовка. Соціализмъ, чисто матеріалистическое ученіе, основанное на потаканіи низменнымъ, животнымъ, корыстнымъ, личнымъ, стяжательнымъ инстинктамъ человѣческой природы, замѣнилъ Христіанство, одухотворенное Ученіе Духа, любви, самоотверженія, подчиненія плоти и вознесенія въ культъ высшихъ, благороднѣйшихъ, сверхчеловѣческихъ порывовъ и стремленій души.

Люди, сотворившіе этотъ подлогъ, имѣютъ еще наглость объяснять своимъ обмороченнымъ жертвамъ, что ихъ ученіе есть логическое и послѣдовательное развитіе Ученія Спасителя, Господа и Бога нашего. Тамъ, гдѣ Христосъ говорилъ — „раздай все свое", они говорятъ — „возьми все чужое".

Казалось бы, для поверхностнаго мнѣнія, что сходство и есть въ этихъ двухъ положеніяхъ; но, если углубиться въ ихъ смыслъ, то легко убѣждаешься, что онѣ находятся въ двухъ разныхъ областяхъ: одна — область персти земной, личнаго, плотскаго, животнаго, хищнаго и злобнаго чувствованія; другая — есть область одухотворенной любви, обожествленной жертвы, надземнаго исканія. . . .

Вмѣсто этого исканія, вмѣсто устремленія вверхъ, евреи подтасованными софизмами, разжиганіемъ зависти, ненависти, соблазнами жизненныхъ утѣхъ и матеріальныхъ наслажденій, распространеніемъ роскоши, развращеніемъ мысли, печати, уничтоженіемъ религіозныхъ вѣрованій, достигли того, что среди всѣхъ христіанскихъ народовъ, во всѣхъ классахъ населенія, укоренилось притяженіе къ землѣ, къ матеріи, къ удовлетворенію исключительно плотскихъ потребностей, желаній и вожделѣній, внѣ какихъ либо другихъ потребностей духа, въ существованіе котораго большинство перестало вѣрить, и котораго запросы и реальное бытіе перестали ощущать, погрязши въ плотскихъ страстяхъ.

Такимъ образомъ, почва была подготовлена для новаго міропорядка, согласно ученіямъ соціалистовъ, и тогда пришло время къ водворенію того соціалистическаго рая, котораго блага, выгоды и мнимая справедливость уже давно рекламировались мыслителями и учеными, отчасти сознательно, а отчасти несознательно служившими видамъ, планамъ и цѣлямъ враговъ всей нашей культуры.

„Торжество демократіи.“ „Осуществленіе идеи народоправства.“ — Вотъ тѣ лозунги, во имя которыхъ бичи Божіи, изверги и лютые злодѣи, Мараты, Робеспьеры, Дантоны, или Керенскіе, Ленины, Троцкіе — насаждали свой своеобразный земной рай, весь залитый кровью насилій, звѣрскихъ злодѣяній, жестокостью преступленій превосходя злѣйшія эпохи Исторіи.

Для того, чтобы достигнуть успѣха, франъ-масонство должно было подчинить своему вліянію и авторитету наиболѣе крупныя и могущественныя государства, имѣющія рѣшающее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ. Франція, Англія, Италія, и вмѣстѣ съ ними большинство менѣе крупныхъ государствъ, уже давно подпали подъ это вліяніе. Подпала и Германія, да въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и Россія, въ лицѣ кадетской партіи, къ которой примыкала и почти вся наша либеральничавшая интеллигенція, да и въ лицѣ многихъ членовъ Правительства, еще Императорскаго.

Но Германія въ значительной степени, а Россія въ полной мѣрѣ являлись большимъ препятствіемъ для выполненія всѣхъ плановъ противохристіанскаго заговора.

Главное препятствіе заключалось въ томъ, что въ Россіи монархическій принципъ, коренящійся въ основѣ всего строя и быта нашей страны, опирался на Церковь и на начала Христіанства, какъ на краеугольный камень всего государственнаго зданія. Русскіе Государи являлись естественными и неуклонными защитниками своего народа отъ притязаній еврейства, которое, несмотря на всѣ происки и интриги, никакъ

не могло добиться у насъ формальнаго акта о еврейскомъ равноправіи. Поэтому ими были приняты всѣ мѣры, чтобы обойти это препятствіе и фактически, если ужъ нельзя было официально, осуществить свое „равноправіе", какъ оно называется для отвода глазъ, а въ сущности сводится къ тому жидоправію, которое мы можемъ наблюдать въ нынѣшней революціонной Россіи.

Внутри нашей страны, въ теченіе шестидесятилѣтней подготовки, систематически развращая всѣ классы русскаго народа, внушая къ родной исторіи, къ родному укладу, къ родной, исторически сложившейся, государственной власти — нелюбовь и отчужденіе, чувства огульной критики и тенденціознаго недовѣрія, евреи создали почву, благопріятную для взрыва революціи среди темнаго, непросвѣщеннаго народа и среди бездарной, беэпочвенной интеллигенціи, начитавшейся подсунутыхъ ей книжекъ опредѣленнаго пошиба, поддавшейся пропагандѣ ловчайшихъ въ мірѣ интригановъ и аферистовъ. Кромѣ непосредственнаго общенія, лекцій, печати, театровъ, всецѣло находившихся въ еврейскихъ рукахъ, просвѣщалась въ желательномъ направленіи наша „просвѣщенная" публика лучше всего литературой, такъ какъ она была пріучена съ довѣріемъ воспринимать только тотъ сортъ литературы, который лучше всего могъ содѣйствовать паденію престижа власти и искорененію чувствъ любви къ Родинѣ, приверженности къ Церкви и вѣрности Присягѣ.

Къ Династіи Романовыхъ евреи относились съ бѣшеной злобой и принимали всѣ мѣры, чтобы умалить ея значеніе и обаяніе въ государствѣ, затушевать крупныя историческія заслуги создателей великой Всероссійской Имперіи. Для этой цѣли главнымъ образомъ служила зарубежная, запрещенная въ Россіи литература, или, вѣрнѣе, специфически жидовская макулатура. Издавались въ большомъ количествѣ книжки, очерки и брошюры, въ которыхъ всѣ русскіе государи поносились площаднымъ образомъ. Съ историческими фактами, съ правдой и честностью, разумѣется, не считались. Въ своей макулатурной пропагандѣ евреи рядомъ помѣщали истинные факты, удостовѣренные исторіей, причемъ извращали ихъ до неузнаваемости, и тутъ же примѣшивали цѣлые ушаты грязной лжи, клеветы и инсинуацій. Этой подлой дѣятельностью своей евреи положили начало тому непонятному „гнѣву народному", какъ говорили Керенскій, Брешко-Брешковская и прочіе дѣятели „великой и безкровной революціи", который разразился надъ Престоломъ нашего Мученика-Государя, Внука Царя-Освободителя, и былъ совершенно неожиданнымъ со стороны народа, всегда почитавшаго особой, благоговѣйной почестью свою національную Династію. Жидовская клевета сдѣлала

свое грязное дѣло. Объясненіе этому трагическому, но нелѣпому „гнѣву" кроется въ тѣхъ интригахъ, въ той безсовѣстной и безчестной развратительной дѣятельности, которую развили евреи, ополчаясь противъ очередной своей жертвы, Россіи. Я говорю — очередной, ибо, одинъ за другимъ, всѣ народы оказывались или должны оказаться, по плану Еврейства, такими же жертвами, своими страданіями уготовляющими еврейское торжество.

Въ настоящее время никто не можетъ опровергнуть правильность высказаннаго мнѣнія, какъ это дѣлалось раньше, когда виновность евреевъ въ отношеніи насъ, Христіанскихъ народовъ, еще не обнаруживалась такъ явно и ясно, какъ теперь. Теперь никто не станетъ отрицать, что во всѣхъ странахъ всѣ революціи дѣлались евреями; правда, съ меньшимъ для нихъ успѣхомъ и болѣе тайнымъ подкопомъ, чѣмъ совершилась русская революція; но, вѣдь, нельзя было все сразу сдѣлать: осторожность требовала дѣйствовать исподволь, подготовляя свои послѣдовательные успѣхи и побѣды.

Нынѣ, послѣ всеобщей войны и всеобщаго революціоннаго потрясенія, всѣ — страдаютъ; всѣ — терпятъ неисчислимыя бѣдствія; никому міровая катастрофа не принесла ничего, кромѣ горя и муки. Никому, кромѣ евреевъ, которые и отъ войны, и отъ русской революціи, и отъ революціи нѣмецкой — получили колоссальныя выгоды, нажились баснословными богатствами и добились того, что всѣ правительства всѣхъ христіанскихъ народовъ фактически находятся подъ ихъ контролемъ и подъ ихъ высшимъ управленіемъ и по ихъ директивамъ, подъ ихъ руководствомъ ведутъ управляемые народы къ желательнымъ для еврейства цѣлямъ.

Но внутренней пропаганды было мало, чтобы свалить такого колосса, какимъ была Императорская Россія: можно было только подготовительно его расшатать.

Ибо ошибались тѣ, кто называлъ наше отечество „колоссомъ на глиняныхъ ногахъ". Эта злая шутка была несправедлива: „глиняныхъ ногъ" не было; но была болѣзнь, въ видѣ злокачественной язвы, угрожавшей здоровью всего организма. Эта язва — было еврейство. Россія не съумѣла вылѣчиться отъ нея радикально, а потому болѣзнь настолько разъѣла весь организмъ, что обезсиленный великанъ свалился, полу-мертвый (но только — полу), и ждетъ искуснаго и опытнаго врача, который излѣчитъ его.

Для полнаго успѣха, требовалось вызвать небывалую, по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ, войну, которую евреи и вызвали.

На неудачномъ опытѣ Японской войны, когда, пользуясь ею, была произведена первая революціонная попытка, вожаки

міроваго заговора съумѣли, условіями чрезмѣрнаго напряженія народнаго, настолько ослабить и парализовать степень сопротивляемости какъ правительства, такъ и народа, что жертва оказалась готовой къ закланію. Слѣпыя орудія руководящей воли, Англія и Франція, вѣроломныя союзницы Русскаго Царя, своей помощью способствовали нанесенію послѣдняго удара, — и совершилось крушеніе Престола Всероссійскаго, крушеніе нашей Родины, бывшей дотолѣ такой могучей, обширной, вольготной для вѣрныхъ и честныхъ сыновъ своихъ, и счастливой. . . .

Весь геніально проведенный планъ достигъ тѣмъ болѣе полнаго успѣха, что въ войну другъ противъ друга, и противъ желанія каждой, были вовлечены двѣ могущественнѣйшія монархіи въ мірѣ, Россія и Германія, а потому, послѣ крушенія Россіи, легко было вызвать и крушеніе Германіи: кризисъ монархическаго принципа въ Россіи былъ только первымъ ударомъ противъ монарховъ, царствующихъ Божіею Милостью. За Россіей послѣдовали и Германія, и Австрія. Другихъ монарховъ Европы этотъ кризисъ не коснулся пока, такъ какъ ихъ монархіи принадлежатъ къ другой категоріи, въ которой Божіе Помазанничество и Христіанская Вѣра такъ ярко не выставлены, а потому еврейство допускаетъ къ такимъ странамъ большую снисходительность, хотя бы временную.

Въ первое время послѣ совершеннаго надъ нашей Родиной преступленія, съ Россіей перестали считаться. Толпа алчныхъ и злобныхъ еврейскихъ авантюристовъ, наглая шайка грабителей, захватила бразды правленія и власть надъ той шестой частью свѣта, которая еще такъ недавно величалась Всероссійской Имперіей. Себѣ въ помощь, евреи-комиссары привлекли весь уголовный, преступный элементъ страны, предусмотрительно выпущенный на свободу Керенскимъ, причемъ все это каторжное сборище было еще усилено всѣми потенціальными „каторжниками", т. е. готовыми кандидатами той же категоріи, которые только или случайно, или вслѣдствіе возраста, или изъ за страха наказанія, еще не числились въ этомъ „почтенномъ сословіи".

Заручившись такимъ образомъ услугами „профессіоналовъ" и уничтоживъ, путемъ неслыханныхъ злодѣяній, почти все, что было въ народѣ стойкаго и честнаго, способнаго имъ сопротивляться, евреи безъ труда сжали въ желѣзныхъ, безпощадныхъ, специфически еврейскихъ, по жестокости, тискахъ растерянный, сбитый съ толку, запуганный русскій народъ, который, какъ мы говорили выше, умѣетъ давать своему Государю Суворовскаго „Чудо-Богатыря", одного изъ лучшихъ солдатъ

въ мірѣ, славу и гордость нашей Исторіи, но и умѣетъ, лишившись своего Государя, давать изверга-матроса Керенскихъ и Ленинныхъ, „красу и гордость революціи", какъ выражались Черновы и Брешковскія, или того наглаго, лохматаго красноармейца, чье появленіе въ какомъ либо жилищѣ несчастнаго русскаго гражданина знаменуетъ грабежъ, насилія, убійства и звѣрскія истязанія.

Предоставивъ несчастную Россію свирѣпому еврейскому владычеству, надѣялись ее использовать, подѣливъ сферы вліянія, какъ англо-русскую и франко-русскую колоніи, считая уже недопустимымъ, чтобы народъ, подвергшійся такому сокрушительному паденію, могъ когда либо оправиться и возстановить свое былое величіе.

Для того, чтобы окончательно покончить съ восточной Европой, въ ней тщательно поддерживали внутреннюю смуту, съ одной стороны не препятствуя серьезными мѣрами еврейскимъ комиссарамъ, а съ другой — помогая Деникину, Колчаку, Юденичу, которыхъ туманные лозунги и компромиссы никакъ не могли объединить русскаго народа въ общемъ порывѣ патріотическаго воодушевленія, не безъ основанія казавшагося опаснымъ для интересовъ и цѣлей иноземцевъ — усугубляли гражданской войной разруху и готовили тѣмъ болѣе свободное поле дѣятельности для „колонизаторовъ".

Казалось, въ первое время, что дѣло идетъ на ладъ, и что установившимся взаимоистребленіемъ народъ русскій, окончательно обезсиленный, уже скоро предоставитъ себя, какъ совершенно „обезвреженный", стерилизованный, инертный матеріалъ, для чужеземной эксплуатаціи.

Однако, результаты оказались непредвидѣнными.

И Юденичъ, и несчастный Колчакъ, безчестно преданный французомъ-генераломъ въ руки жестокихъ враговъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, поспѣшившихъ его убить,[1]) и Деникинъ — всѣ сошли со сцены быстрѣе, чѣмъ можно было думать, павши жертвами своей неопредѣленной политики и довѣрчивости къ политическимъ партіямъ кадетъ, соціалистовъ и проч., съ которыми они шли на путь соглашательства. Развѣ возможно было соглашательство съ людьми, какъ разъ и вызвавшими ту революцію, которую нынѣ, полумѣрами и компромис-

[1]) Эсъ-эры были настоящими, сознательными нравственными убійцами доблестнаго Адмирала: большевики оказались только орудіями, или вѣрнѣе подлыми соучастниками подлаго замысла, веденнаго Авксентьевымъ и другими главными мерзавцами той же партіи. Незадолго раньше, Колчакъ, къ сожалѣнію, пощадилъ ихъ позорныя жизни, не казнилъ за измѣну, подъ условіемъ ихъ отказа отъ политической дѣятельности: честный человѣкъ повѣрилъ „честному слову" людей безчестныхъ. И потому — онъ погибъ.

сами, они пытались остановить, но непремѣнно въ облюбованныхъ ими формахъ и рамкахъ, согласно такъ подходящему къ нимъ девизу — „pereat mundus — fiat doctrina nostra!“.

Предъ лицомъ Европы снова оказался объединенный русскій народъ, вооруженный, не поддающійся иностранному вмѣшательству и, несмотря на всѣ претерпѣнныя испытанія, склонный даже къ какой то своеобразной, революціонной, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающей, имперіалистической политикѣ.

Политическіе дѣятели Европы чрезвычайно озабочены такой позиціей народа, который считали уже мертвымъ. Съ одной стороны русская революція, перешедшая всѣ намѣченныя было границы и мѣры, страшна своей заразительностью для всѣхъ народовъ, ибо у каждаго имѣется свой пролетаріатъ и свой уголовный элементъ, которому всегда желательно пожить всласть воровствомъ, грабежемъ и насиліями. Этой заразой Германія оказалась уже зараженной, и признаки зараженія начинаютъ замѣчаться и въ другихъ странахъ. Съ другой стороны, и стойкая позиція русскаго народа, и его объединеніе — внушаютъ большія опасенія для болѣе или менѣе близкаго будущаго.

Вотъ изъ какихъ соображеній и предчувствій возникъ на этотъ разъ интересъ къ Россіи, которой удѣляетъ Европа свое тревожное вниманіе.

Но, какъ раньше не понимала она ни Россіи, ни ея народа, такъ не понимаетъ и нынче.

Политическіе дѣятели Европы не понимаютъ, да и не хотятъ понимать, упрямо закрывая глаза передъ дѣйствительностью, что русская революція уже приходитъ къ концу, что, передъ тупикомъ совершенной разрухи, предъ развалинами своего былого могущества и благополучія, народъ начинаетъ приходить въ себя, оглядывается по сторонамъ, приходитъ въ горестное недоумѣніе передъ имъ же совершенными злодѣяніями и, грозной злобой сверкнувшими взорами, озирается вокругъ себя, ища виновнаго, доискиваясь причины всѣхъ обрушившихся на него бѣдствій, готовясь къ новому, бѣшенному взрыву отчаянія передъ совершеннымъ, негодованія и карающаго гнѣва противъ недавнихъ своихъ совѣтчиковъ.

Не понимаютъ эти дѣятели, что призрачной уже стала власть евреевъ-комиссаровъ, удерживающихъ свое положеніе только-только до ближайшаго поворота Исторіи, когда народъ отринетъ отъ себя наносное, бѣсовское наважденіе и весь сольется въ одномъ безумно-восторженномъ, неудержимо властномъ, старомъ, традиціонномъ кликѣ — „За Вѣру, Царя и Отечество!“ — „Впередъ за Вѣру Православную, за Царя Самодержавнаго, за нашу Русь Единую, за старыя, нынѣ попранныя, наши Святыни.“ Живетъ еще Русскій Народъ, излѣ-

чался онъ отъ напасти злой, и впредь его не обмануть, не окрутить дурманомъ злымъ ворогамъ."

Вотъ что готовъ воскликнуть нашъ народъ и крикнетъ не сегодня-завтра во всеуслышаніе.... И грозенъ будетъ этотъ крикъ гнѣва и раскаянія; и страшенъ будетъ отвѣтъ, который понесутъ передъ народомъ всѣ его насильники и обманщики....

Не хотятъ, не хотятъ политическіе дѣятели Европы понимать надвигающихся событій, понимать зловѣщее значеніе такихъ явленій, какъ тѣ, которыя наблюдаются на Югѣ Россіи, гдѣ красноармейцы, несмотря на свое высшее еврейское начальство, попавъ въ какое нибудь еврейское мѣстечко или селеніе, сжигаютъ до тла все селеніе, вырѣзаютъ всѣхъ жителей, отъ грудного младенца до восьмидесятилѣтняго старца....

Не хотятъ понимать эти дѣятели, что въ Россіи наступаетъ конецъ успѣху и торжеству ихъ друзей изъ жидо-масонскаго лагеря; что чаша терпѣнія переполнена; что, какъ грозовая туча на мрачномъ, сверкающемъ молніями, небосводѣ, страшная буря народнаго гнѣва готова разразиться надъ развратителями и растлителями русской доблести.

Политическіе дѣятели Европы судорожно цѣпляются за разбойническое, воровское правительство большевиковъ, надѣясь найти съ ними какое либо соглашеніе, надѣясь совмѣстными усиліями предотвратить неотвратимое.... И не хотятъ понимать злополучные дѣятели, что евреи-комиссары бродятъ уже какъ осеннія мухи, обреченныя гибели, но особенно больно жалящія въ предсмертной тоскѣ своей.

Рядомъ съ этими политическими дѣятелями, и соціалисты Европы, — наиболѣе добросовѣстные и честные изъ нихъ, убѣжденные соціалисты, каковыхъ гораздо меньше, чѣмъ многіе думаютъ, — все еще хотятъ тѣшиться иллюзіей, будто бы русская революція выявила новыя откровенія, касающіяся пресловутаго соціалистическаго рая на землѣ и лучшихъ способовъ его насажденія. Они еще не хотятъ уразумѣть, что кромѣ инстинктовъ неправеднаго стяжанія, лѣни, тунеядства, зависти и злобы, насилія уголовнаго меньшинства, состоящаго изъ разбойниковъ, убійцъ и грабителей, надъ обезоруженнымъ, обезсиленнымъ большинствомъ — ничего другого русская революція не выявила, если не считать еврейской ненависти къ намъ и спеціально-еврейской политики, которыя впервые выявили себя съ полнымъ цинизмомъ, въ своей ужасающей правдѣ.

Сброшена наконецъ та приторно-слащавая, сентиментально-либеральная маска, подъ которой, до поры — до времени, скрывало еврейство свое апокалипсическое лицо.

Когда, въ краткомъ и сжатомъ обзорѣ, мы вспоминали о прежнихъ сношеніяхъ Россіи и Европы, мы съ законною гордостью могли окинуть мысленнымъ взоромъ послѣдовательное

развитіе этихъ сношеній и прослѣдить, какъ интересъ и вниманіе къ Россіи у западныхъ сосѣдей росли по мѣрѣ роста и укрѣпленія государственности нашей. — Увы, нынѣ мы такой гордости и чувства удовлетворенія никакъ вынести не можемъ изъ того обстоятельства, что, пожалуй, никогда еще не былъ такимъ напряженнымъ интересъ къ Россіи, какъ именно теперь, когда наглая шайка иноплеменныхъ, чуждыхъ нашей народности и нашей Вѣрѣ, людей владычествуетъ надъ несчастной страной, ввергнутой въ пучину анархіи и жесточайшихъ страданій и бѣдствій, разоренной, опозоренной, изнасилованной, расчлененной, растерзанной, распроданной и раскупленной. —

Но какъ бы то ни было, вся Европа съ усиленнымъ вниманіемъ присматривается къ нашей Родинѣ, къ нашему народу, стараясь распознать и разгадать загадочную душу его, полную противорѣчій и крайностей, чреватую тѣми сюрпризами, которыми Исторія тароваго одариваетъ человѣчество во времена переходныхъ эпохъ.

Когда я сѣтовалъ на иностранцевъ за ихъ незнаніе и непониманіе Россіи, мнѣ вспомнилась одна моя желѣзнодорожная встрѣча съ иностранцемъ, составлявшимъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, ибо онъ Россію досконально изучилъ и составилъ себѣ о ней широкое и ясное представленіе.

Желѣзнодорожныя встрѣчи. Дорожные разговоры съ „таинственными незнакомцами", съ которыми судьба сталкиваетъ насъ на нѣсколько часовъ или дней, даетъ часто возможность глубоко вникнуть въ чужую жизнь и чужіе интересы, чтобы, послѣ мимолетной близости, снова развести по разнымъ дорогамъ житейскимъ. . . .

Больше, чѣмъ любое чтеніе и любыя мудрствованія, эти короткія встрѣчи съ незнакомыми людьми помогаютъ часто уразумѣть многія тайны жизненныхъ отношеній, многіе неизвѣданные и неразгаданные вопросы бытія.

Та встрѣча, о которой я вспомнилъ, имѣетъ глубоко содержательный смыслъ и какъ нельзя болѣе подходитъ къ предмету моего изложенія.

Это было въ 1905-мъ году, въ ту бурливую пору вырабатыванія новыхъ формъ государственнаго строя, когда зачиналась зародышная жизнь будущей „общественной говорильни", т. е. нашей бездарной, безпочвенной, пагубной и преступной Государственной Думы.

Было начало Сентября 1905 года. Я былъ тогда въ чинѣ Штабсъ-Ротмистра Л. Гв. Уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны полка и какъ то,

утромъ, ѣхалъ изъ Петербурга въ Петергофъ съ 10-часовымъ поѣздомъ Балтійской Желѣзной Дороги.

Я вошелъ въ купе, въ которомъ сидѣло два незнакомыхъ штатскихъ господина, уткнулся въ уголъ, вооружился газетой и собирался углубиться въ чтеніе, какъ вдругъ тема разговора, затронутая моими спутниками, заставила меня насторожиться, прислушаться, а затѣмъ настолько заинтересоваться, что я весь обратился въ слухъ и вниманіе, только для вида и для отвода подозрѣній въ несомнѣнной моей нескромности продолжая держать передъ собой газету.

Спутники мои говорили по англійски. Одного изъ нихъ, по плавности рѣчи и по произношенію, я сейчасъ же призналъ за чистокровнаго англичанина; другого, по подобнымъ же, но обратнымъ признакамъ, за русскаго. Русскій мало и говорилъ: онъ „законнымъ" и естественнымъ образомъ дѣлалъ то, что и я — контрабандой, т. е. внимательно слушалъ Англичанина, говорившаго очень оживленно и съ большой задушевностью. Весь его разговоръ сохранился у меня въ памяти.

Говорилъ онъ слѣдующее.

„Не смѣйтесь, мой другъ, видя мое огорченіе и мою нервность по поводу чужихъ, по существу, дѣлъ чужого мнѣ народа. Называйте меня фантастомъ, оригиналомъ — чѣмъ хотите.... Но дѣло всетаки заключается въ томъ, что я до глубины души огорченъ зауряднымъ, неталантливымъ оборотомъ, который принимаютъ Ваши дѣла.

Вамъ станетъ понятнѣе, что я такъ къ сердцу принимаю интересы русской будущности, когда скажу Вамъ, что нынче разрушена и отошла въ область несбывшейся фантазіи завѣтная мечта, меня увлекавшая.

Вы знаете, какъ я люблю Вашу страну. Заинтересовался я сначала вашей литературой: узнавъ ее, я рѣшилъ, что только среди великаго народа могли родиться великіе писатели ваши. Подъ вліяніемъ этой литературы, я захотѣлъ заняться болѣе всестороннимъ изученіемъ Россіи и въ три пріема изъѣздилъ ее вдолъ и поперекъ, всюду вникая во всѣ подробности ея внутренней жизни. Хорошо я знаю и почти всѣхъ вашихъ наиболѣе видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Исторію вашу изучилъ не менѣе подробно, чѣмъ исторію своего собственнаго отечества. Знаю и вашихъ ученыхъ, и вашу учащуюся молодежь; и ваши политическія партіи знаю, отъ крайнихъ правыхъ вплоть до революціонеровъ, и знакомъ съ идеологіей каждой изъ этихъ партій.

Такимъ образомъ, хотя я и иностранецъ, но считаю себя въ русскихъ вопросахъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ многіе Ваши соотечественники.

Съ легкой руки Достоевскаго, я сталъ на васъ смотрѣть, какъ на народъ особо отмѣченный судьбой, призванный свершить великую задачу въ исторіи будущей цивилизаціи. Я ждалъ отъ васъ новаго слова. . . . Откровенія ждалъ я отъ васъ. . . .

При этомъ я держался слѣдующаго хода мыслей.

Вы, въ настоящій моментъ, несомнѣнно находитесь на поворотномъ пунктѣ вашей Исторіи. Жизнь властно требуетъ новыхъ формъ государственной жизни, и разумный человѣкъ, претендующій на названіе „государственнаго человѣка", не можетъ не считаться съ этими требованіями.

Режимъ полицейскаго государства отжилъ свое время. Миновалъ и полезный для государственной мощи періодъ Петербургскаго централизма, который теперь, въ будущемъ, явился бы только препоной для дальнѣйшей эволюціи вашей. Вамъ необходимы многія коренныя реформы. Но какія именно? Отъ какихъ началъ надо исходить, приступая къ реформаціонной дѣятельности?

Вотъ тутъ то и начинается область моихъ мечтаній — повторяю — не осуществившихся. — Думалъ я такъ.

Въ циклъ крупныхъ реформъ вашего государственнаго строя вы вступаете приблизительно на сто лѣтъ позже, чѣмъ остальные европейскіе народы, и черезъ еще болѣе значительный срокъ, чѣмъ мы, Англичане. Поэтому я всегда считалъ, что вы находитесь въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ тѣ народы, которые раньше васъ пережили предстоящій вамъ кризисъ. Сравнивая васъ съ остальной Европой, я заранѣе исключалъ изъ этого сравненія свою родину: ибо Англія — это особая страна. Она — единственная страна, которая шла своими національными путями, безъ подражанія чужимъ образцамъ и примѣрамъ; все развитіе ея совершалось естественнымъ, эволюціоннымъ путемъ.

Хороши или плохи оказались результаты, это — дѣло вкуса и точки зрѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, исторія Англіи, до самаго послѣдняго времени, являетъ собой образецъ самобытности. А самобытность является однимъ изъ главныхъ устоевъ крѣпости государства и народа.

Въ другомъ положеніи были всѣ остальныя европейскія страны. Когда пришло для нихъ, искусственно во многихъ отношеніяхъ навѣянное, положеніе кризиса, онѣ взяли готовыя формы, выработанныя чужимъ народомъ, и перенесли ихъ въ свою жизнь, цѣной болѣе или менѣе крупныхъ и сокрушительныхъ внутреннихъ потрясеній своего государственнаго и бытового уклада.

Англія — есть родина парламента. Ея парламентарная жизнь есть уже и бытовое явленіе. За цѣлый рядъ столѣтій,

народъ сжился съ этой формой правленія, подлежащей естественнымъ, постепеннымъ фазисамъ измѣненій. Поэтому до самаго послѣдняго времени я полагалъ государственный строй моего отечества вполнѣ соотвѣтствующимъ духу и ходу развитія моего народа. И тѣмъ не менѣе, даже у насъ, на родинѣ парламента, я теперь нахожу парламентаризмъ изжитой формой, и съ безпокойствомъ слѣжу за зловѣщими признаками недочетовъ и нестроеній, угрожающихъ будущими бѣдствіями и бурями.

Однако, еще разъ настаиваю на томъ, что мы въ общій примѣръ не идемъ: мы, какъ никакой другой народъ, тѣсно связаны съ парламентаризмомъ, родившимся и выросшимъ на родной почвѣ.

Остальная Европа съ этой чужой стороной государственнаго быта никогда не справлялась и, претворяя ее насильственно въ свою жизнь, вносила въ эту жизнь элементы, часто для народа гибельные и во всякомъ случаѣ вредные, подрывающіе государственное могущество.

Посмотрите, какія государства въ Европѣ въ настоящее время наиболѣе сильны. Именно тѣ, какъ напримѣръ — Германія, которыя менѣе глубоко заражены ядомъ парламентаризма, этой ловушки, въ которую, одинъ за другимъ, попадаются народы.

Согласитесь, что сто лѣтъ — это большой срокъ, если не въ исторіи народа, то во всякомъ случаѣ въ исторіи государственныхъ учрежденій любой страны. За этотъ періодъ годовъ конституціонно-парламентарной жизни европейскихъ народовъ можно сдѣлать опредѣленные выводы, можно подвести итоги опытамъ и попыткамъ, намѣреніямъ и дѣйствіямъ, результатамъ и послѣдствіямъ. Предъ нами попытки Просвѣщеннаго Абсолютизма, кровавые опыты революцій, карьеры парламентскихъ дѣльцовъ и государственныхъ дѣятелей, безсильныя намѣренія идеологовъ и гуманистовъ, результаты міровыхъ смутъ и послѣдствія народныхъ потрясеній.

Что касается Россіи, то, идя впередъ по путямъ усовершенствованія вашего будущаго, не были ли вы связаны обязанностью изучить подробно и вдумчиво жизнь вашихъ сосѣдей, васъ опередившихъ, и вооружиться для этого изученія строго критическимъ разумомъ?

Не ваша ли обязанность была учесть всѣ ошибки и заблужденія сосѣдей, дабы ихъ не повторять?

Еслибъ вы дѣйствительно такъ и поступили, то вы поняли бы, что Европа нынче дошла до того состоянія, когда она стонетъ и задыхается подъ игомъ пороковъ и язвъ своего парламентаризма, нѣкогда считавшагося панацеей противъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій, условіемъ водворенія рая на землѣ.

Вы бы знали, что демократическіе принципы, поставленные въ основу государственнаго строительства, разлагаютъ и губятъ государство; что всѣ, до сихъ поръ существующія выборныя системы ведутъ къ подкупамъ и развращенію народовъ и къ выдѣленію на верхи власти не лучшихъ людей, но наиболѣе хитрыхъ, ловкихъ, склонныхъ къ любымъ компромиссамъ съ честью и совѣстью, наименѣе достойныхъ довѣрія и уваженія, наименѣе стойкихъ въ своихъ правилахъ жизни и порядочности людей.

Связанные съ выборами партійность, лицепріятіе, эгоизмъ и честолюбіе отдѣльныхъ лицъ ведутъ правительство каждой страны не къ служенію общему, національному благу, но къ ублаготворенію маленькой кучки болѣе или менѣе вредныхъ авантюристовъ, захватившихъ въ свои руки всѣ нити вліянія и власти.

Стоило бы вамъ внимательнѣе присмотрѣться къ тому, что скрывается подъ разными крикливыми гуманитарными лозунгами, чтобы понять пороки и недуги современнаго общества.

Недалеко ходить за примѣрами. Полюбуйтесь на вашу союзницу, Францію: какія тамъ царятъ угнетенія, нарушенія правъ личности, какое насиліе меньшинства надъ большинствомъ, и все это подъ эгидой тѣхъ же принциповъ, которые якобы обезпечиваютъ свободу и осуществляютъ братство и равенство.

Не перечислишь всѣхъ явленій, обнаруживающихъ гнилое, грозное, бурливое состояніе Европы нашихъ дней, изнемогающей подъ „благами" пресловутыхъ завоеваній такъ называемой „великой французской революціи". Каждому народу дорого стоитъ его отказъ отъ самобытныхъ устоевъ жизни. Въ Европѣ это зло сознаютъ; но не такъ то легко исправить то, что уже сдѣлано. . . .

Но у васъ то еще не сдѣлано! Опытъ сосѣдей вами могъ быть учтенъ. Вы могли и должны были внести коррективы; разъ ужъ желательно вамъ, и вы считаете своевременнымъ перестраиваться на подобіе сосѣдей, то по крайней мѣрѣ приступали бы къ постройкѣ такъ, чтобы она вышла изъ вашихъ рукъ безъ тѣхъ изъяновъ, которые бросаются въ глаза. . . .

И вотъ — вы мечты моей не выполнили. Новаго слова не сказали. . . . Слѣпо и безумно, вы рѣшили идти по протореннымъ дорогамъ, заново повторяя старыя ошибки. Вы стремитесь все къ тѣмъ же воображаемымъ благамъ парламентаризма, выгоднаго только для отдѣльныхъ честолюбивыхъ проходимцевъ или, въ лучшемъ случаѣ, для узко-партійныхъ цѣлей отдѣльныхъ группъ. Въ безсовѣстной, безчестной и компромиссной демагогіи вы хотите найти разрѣшеніе вашихъ государственныхъ задачъ. Вы легкомысленно и безпечно ломаете всѣ

драгоцѣнные, освященные вѣками, устои вашего народнаго быта, ничего національнаго, стойко-созидательнаго не получая въ обмѣнъ, и въ безуміи своемъ вы губите свою будущность, которая мнѣ представлялась связанной съ грандіознымъ, міровымъ откровеніемъ новыхъ путей.

Вы, пожалуй, спросите меня, что именно я понимаю подъ вашими самобытными устоями?

Въ томъ то и бѣда, что вы сами ихъ не знаете и не цѣните.

Правда, иногда вы дорожите своей самобытностью; да только какъ разъ той, которая никуда не годится. . . . Такъ вы, въ Эпоху Великихъ Реформъ Царя Освободителя, ретиво отстаивали и отстояли вашу губительную, зловреднѣйшую крестьянскую общину. И она еще дорого будетъ вамъ стоить — эта община. Станетъ великимъ препятствіемъ для вашихъ созидательныхъ задачъ. . . .

Самодержавный Тронъ вашего Государя и вѣра въ Него всего вашего народа — вотъ вашъ устой, котораго вамъ и слѣдуетъ держаться. А у васъ, какъ на зло, всѣ стремленія сводятся къ умаленію и расхищенію правъ Верховной Власти, въ угоду безсмысленнымъ идеологамъ и честолюбцамъ, преслѣдующимъ не то личные, не то партійные интересы.

Не понимаете вы, что, безъ вашего Царя-Самодержца, немыслимы устойчивость, единство и цѣлость и вашей Россіи. Какъ у насъ незыблемой основой нашего строя стоитъ нашъ конституціонный Король, фактически лишенный почти всей дѣйствительности власти, но являющійся моральнымъ лозунгомъ народнаго объединенія, — такъ у васъ такой же основой всего вашего государственнаго бытія является Самодержавный Царь, черпающій свой авторитетъ въ Божіемъ Помазанничествѣ и въ вольномъ договорѣ съ народомъ, триста лѣтъ тому назадъ заключенномъ. Пусть этотъ Договоръ есть легенда, или натяжка: но часто такая легенда дѣйствуетъ жизненнѣе любого факта.

Не понимаете вы достаточно ясно и проникновенно, что вашъ Царь-Помазанникъ Божій есть источникъ всего вашего бытія.

Что народъ дорожитъ своимъ Царемъ, Ему довѣряетъ и за Нимъ куда угодно пойдетъ — это есть ваша могучая сила, которой пользоваться вы какъ разъ не умѣете и не хотите. И Исторіи своей не хотите слушаться: а она учитъ, что только Именемъ и Волей Царя созидалось въ Россіи все крѣпкое, надежное, производительное, въ долготу вѣковъ свершенное.

А затѣмъ — у васъ имѣется необозримая громада вашей страны, съ ея неисчерпаемо богатыми потенціальностями. . . . Какое поприще плодотворной дѣятельности открыто для силь-

ныхъ, умныхъ, дальновидныхъ государственныхъ людей и для честныхъ и дѣльныхъ общественныхъ дѣятелей. . . .

И всѣмъ этимъ вы пренебрегаете. . . . Вамъ надо непремѣнно подражать другимъ, танцевать отъ печки, идти избитыми путями, ради завѣдомой фальши жертвуя провѣренной, доказанной правдой вашей Исторіи.

Когда думаю я обо всемъ этомъ — и досада охватываетъ меня, и злость на вашу безумную слѣпоту. . . .“

Нашъ поѣздъ подошелъ къ станціи „Новый Петергофъ“. И мои спутники, и я — вышли изъ вагона. Не суждено было мнѣ услышать дальнѣйшаго продолженія этой интереснѣйшей бесѣды. —

Весь подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, я не терялъ изъ виду моихъ незнакомцевъ, непремѣнно желая узнать, кто они такіе.

Спросилъ я у начальника станціи, указавъ на нихъ; но онъ не зналъ. На мое счастье, встрѣтился тутъ же жандармскій офицеръ, — а наши жандармы всегда все знали. Спросилъ я его и не ошибся, на него разсчитывая: онъ обоихъ ихъ назвалъ.

Одинъ — былъ Перцовъ, издававшій въ то время довольно популярную въ Петербургѣ газету. Другой — былъ знаменитый англійскій публицистъ, William Stead, незадолго до войны такъ трагически и доблестно погибшій на „Титаникѣ“

Впечатлѣніе, произведенное на меня подслушаннымъ разговоромъ, было громадно. Не потому, чтобы мысли, высказанныя Стэдомъ, были для меня вполнѣ новы. Кое что въ подобномъ же родѣ я и самъ думалъ еще въ то время, когда слушалъ лекціи Государственнаго Права и Исторіи Русскаго Права, когда изучалъ, очень подробно и съ большимъ интересомъ, родную Исторію. — Меня главнымъ образомъ поразило, съ одной стороны, то, что иностранецъ съумѣлъ такъ проникновенно понять русскую жизнь и составить себѣ о духѣ чужого народа такія широкія, здравомыслящія и цѣльныя представленія, до которыхъ наши отечественные умники, въ большинствѣ своемъ, никогда не доходили.

Съ другой стороны, я былъ восхищенъ ясной, точной и смѣлой формулировкой тѣхъ вопросовъ, которые обыкновенно обсуждаются всѣми въ навѣянномъ туманѣ софистической лжи и въ фальши либерально-трафаретныхъ доктринъ. Этихъ доктринъ русскіе, такъ называемые „просвѣщенные“ люди, привыкли держаться „аки слѣпой стѣны“ и не смѣютъ отъ нея оторваться, боясь прослыть недостаточно „передовыми“.

А этотъ молодецъ Англичанинъ такъ и рубилъ правду, какъ ее понималъ, нисколько не стѣсняясь отвергать тѣ условности, которыми оплели одураченное человѣчество коварные софизмы еврейскаго ложнаго прогрессизма, вкрапленные въ европейскую жизнь со специальною цѣлью одурманить умы, а затѣмъ творить, при посредствѣ этихъ умовъ, собственное свое дѣло, не имѣющее ничего общаго со слащавой сентиментальностью слякотнаго либерализма, который такъ ярко пошлостью, узостью и бездарностью характеризуетъ рабство мысли нашей интеллигенціи.

Кто у насъ, изъ этой интеллигенціи, за рѣдчайшими исключеніями (среди этихъ исключеній мнѣ вспоминается прежде всего доблестный Николай Евгеніевичъ Марковъ), осмѣлился бы отвергнуть такія, признанныя всѣми, „святыни" жидовско-либеральнаго толка, какъ блага конституціи и парламентаризма, непогрѣшимый авторитетъ демократическихъ началъ и проч. т. под.

И само имя одно моего кратковременнаго спутника произвело на меня внушительное впечатлѣніе. Все, что приходилось читать и слышать раньше о Стэдѣ — внушало мнѣ интересъ и уваженіе къ его личности. Но того большого впечатлѣнія, которое произвели на меня яркая цѣльность и независимость его ума и сила самостоятельной мысли — я все же не ожидалъ найти въ популярномъ публицистѣ.

Мнѣ также очень дорога и родственна была та мысль, которой только мелькомъ коснулся Стэдъ въ своемъ разговорѣ, но которую ясно можно было вывести изъ сравненія, сдѣланнаго имъ касательно Россіи и Англіи, и которая какъ разъ была для меня всегда путеводнымъ маякомъ въ сужденіяхъ о политикѣ и исторіи народовъ.

Каждый народъ имѣетъ свою судьбу, свои собственные пути эволюціи, а потому нельзя всѣхъ мѣрить однимъ общимъ аршиномъ и по общей указкѣ, насильственно, какъ на буксирѣ, тащить по чужому фарватеру. Разметется народъ; по швамъ расползется страна; но въ чужія рамки не вложится, если влекутъ народъ наперекоръ его исторіи, его ходу развитія, его самобытности. Безуменъ былъ бы тотъ Англичанинъ, который вздумалъ бы вкоренять въ Англіи нашъ Самодержавный строй верховнаго управленія страной. Но не менѣе безумны и тѣ Русскіе, которые вздумаютъ вводить у насъ англійскую парламентарную систему, англійскаго стерилизованнаго Короля и разныя другія подробности англійскаго быта, можетъ быть, въ высокой степени благотворныя для Англичанъ, но для насъ никуда не годящіяся.

Среди Англичанъ такихъ безумцевъ, которые норовили бы вводить въ Англіи русскіе порядки — не находится и не найдется.

Но за то въ Россіи — хоть прудъ пруди такими доморощенными „благодѣтелями" человѣчества, которые горазды всякаго рода опыты производить надъ живымъ тѣломъ своей матери — Родины.

Были у насъ „англофилы" въ лицѣ большей части кадетской партіи, кажется, самой отвратительной и безчестной изъ всѣхъ политическихъ партій. Кадетамъ казалась очень соблазнительной и лестной перспектива экспонировать себя на парламентской трибунѣ — „Made in England" — подъ водительствомъ „лорда" Милюкова, „лорда" Петрункевича, „лорда" Винавера. . . .

Другого сорта опыты предвкушали производить соціалисты разныхъ толковъ, кто во что гораздъ.

За однимъ остановка была: мѣшалъ коренной, національный, традиціонный, индивидуальностью народа выработанный, русскій бытъ.

Обманомъ, козням, измѣной, предательствомъ — удалось этотъ бытъ расшатать. . . . и пошла тогда потѣха. Россія прошла черезъ всѣ виды анархіи, которую наша Исторія неуклонно повторяетъ каждый разъ, какъ только русская самобытность утрачиваетъ прочность своихъ національныхъ устоевъ. И въ результатѣ Россія доведена до того, что превращена въ пустыню. . . . Совмѣстной работой идеологовъ и грабителей, разгромлена, расхищена, раздроблена, окровавлена несчастная Россія. . . . Но самобытности своей все же окончательно не потеряла. Разогнала она, Россія — матушка, всякихъ идеологовъ и незваныхъ благодѣтелей, Милюковыхъ и Гучковыхъ, Керенскихъ и „Бабушекъ", и прочую нежить подобнаго же рода. — Шутя разогнала, безъ всякаго труда, выбросила изъ своего нутра. . . .

Тѣхъ то выбросила, — а вотъ изувѣрческую власть кучки разбойниковъ и кровавыхъ злодѣевъ третій ужъ годъ проходитъ, какъ терпитъ, и терпѣть будетъ до тѣхъ поръ, пока не соберется съ силами, не вернетъ отуманенный разсудокъ, не сговорится, не объединится, не окрѣпнетъ павшимъ духомъ, не протрезвѣетъ окончательно отъ дурмана, навѣяннаго идеологами и грабителями: а тогда — она быстро воспрянетъ, сброситъ съ себя ненавистную наносную бѣду и . . . вернется къ исконнымъ началамъ своимъ.

Почему же Россія, такъ легко отдѣлавшаяся отъ остальныхъ супостатовъ, такъ долго теперь терпитъ лютую власть большевистскую?

Да потому, что, какъ бы ни были ненавистны большевики, эти гнусные, но умные, прожженные проходимцы, но они все же представляютъ собой твердую, неуклонную, волей своей давящую, власть, и пассивная женственная природа русскаго

народнаго характера поневолѣ подчиняется свирѣпой, инородческой власти. Какъ то, на одной изъ страницъ этой книги, я сравнилъ созидательную, творческую власть нашихъ великихъ Царей, Ивана Васильевича Грознаго и Петра Великаго, съ разрушительной, злобной властью жида Троцкаго. Само собой разумѣется, что я при этомъ имѣлъ въ виду не существо власти, но способы и пріемы ея осуществленія.

Для того, чтобы русскій народъ признавалъ власть, ей должны быть присущи элементы твердости, строгости и устрашенія. Эту черту въ народномъ характерѣ отлично понимаютъ нынѣшніе властители Россіи, надѣющіеся, благодаря такому пониманію, довести нашу Страну до полной іудаизаціи. Но въ этомъ они ошибаются..

Россія — матушка себѣ на умѣ. Сотворила она великую глупость и великое преступленіе и нынѣ покорно терпитъ сатанинское иго, ею самой вызванное къ жизни. Затаенную, сокровенную думу свою она, пока, скрѣпя сердце, сдерживаетъ, поневолѣ подчиняется и поневолѣ молчитъ. Но придетъ моментъ, когда она эту думу выскажетъ и грозно къ отвѣту потребуетъ всѣхъ обидчиковъ и разрушителей Родины. . . . И тогда вверхъ — тормашками полетятъ жиды-комиссары, вмѣстѣ съ самимъ кровожаднымъ владыкой своимъ, Ленинымъ, и всѣми приспѣшниками его. . . .

На каждой страницѣ моего труда я говорилъ правду, какъ ее чувствую и понимаю. Кое въ чемъ, можетъ быть, я могу ошибаться; кое какіе факты, изъ тѣхъ, что не мной лично пережиты, могли дойти до меня въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ; кое какія свѣдѣнія, мною почерпнутыя изъ разговоровъ, могутъ быть не вполнѣ точны, хотя врядъ ли это возможно, ибо я давалъ вѣру только людямъ, которымъ безусловно довѣряю. . . . Все же въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ подобнаго рода недочеты могутъ встрѣтиться въ моей книгѣ.

Но одного здѣсь не можетъ найти читатель: умышленной лжи, умышленнаго извращенія событій, подъ вліяніемъ оскорбленныхъ, злобныхъ, мстительныхъ или негодующихъ чувствъ. Какъ ни велики муки, страданія и испытанія, пережитыя за эти проклятые четыре года — я не кривлю душей и стараюсь, насколько могу и умѣю, не поддаваться личнымъ чувствамъ и держаться объективности въ изложеніи.

Пожалуй, допускаю, что не всегда мнѣ это удается, и по свойству моего характера, и по безмѣрности того вопіющаго зла, которое сотворено надъ всѣми нами. . . .

И тѣмъ не менѣе, пускай читатель не подумаетъ, что я ему излагаю мою субъективную правду, что, поддаваясь настроеніямъ, такъ естественно возбужденнымъ, и біеніямъ усталаго сердца, обливающагося кровью, я позволяю себѣ такъ

долго останавливать его вниманіе на моемъ откровенномъ словѣ, расписывая свои собственныя, личныя чувства и мысли.

Съ моей стороны было бы по меньшей мѣрѣ самонадѣянно такъ непрошенно навязывать мою скромную личность. Если я такъ много говорю о томъ, что невыразимо близко стоитъ ко всему моему существованію и только съ этой точки зрѣнія можетъ быть названо „моей правдой", то потому, что глубоко убѣжденъ, что это не есть моя правда, но исконная-Русская Правда.

Это есть Правда, которую чувствуетъ, бережетъ и лелѣетъ въ собирательной душѣ своей многомилліонный русскій народъ; которую, какъ доходятъ до насъ слухи на чужбину, онъ то и дѣло высказываетъ уже открыто, иногда шепотомъ, а подчасъ и громко, грознымъ крикомъ негодующаго возгласа: „отдайте намъ нашего Царя! Отдайте, супостаты, Русскую Землю ея законному Хозяину!" ...

Рано или поздно, но Европа узнаетъ, и узнаютъ русскіе обольщенные и обманутые люди, русскіе простодумы и русскіе лиходѣи, что этотъ народъ, который такъ говоритъ и такъ жаждетъ вновь лицезрѣть своего Царя, этотъ многомилліонный народъ, который одинъ вправѣ рѣшать свою судьбу — ни о какихъ парламентахъ, ни о какихъ конституціяхъ не думаетъ: а думаетъ онъ о своемъ Русскомъ Царѣ, о Царѣ Самодержавномъ.

Въ дальнѣйшемъ я обращусь къ тѣмъ своимъ соотечественникамъ, которые не въ мѣру дорожатъ своими излюбленными, выношенными теоріями, своими трафаретными выкладками, въ тиши рабочихъ кабинетовъ трудолюбиво размѣренными; которые дорожатъ готовыми фразами, наносными мыслями, внушенными съ юныхъ лѣтъ заблужденіями.

Этимъ людямъ — я скажу слѣдующее:

„Смиритесь, неподатливые и упорные въ заблужденіяхъ и преступленіяхъ своихъ, предъ требованіями дѣйствительной жизни.

Пусть плачевная судьба, постигшая нашу провалившуюся, забитую, за бортъ жизни выкинутую интеллигенцію, послужитъ примѣромъ, предостереженіемъ и предуказаніемъ.

Живите разумомъ, но не фразами; заоблачной идеологіей не закрывайте глаза предъ требованіями жизни; считайтесь съ духомъ и потребностями народа вашего и съ уроками вашей Исторіи, съ опытомъ, пережитымъ за эти три года нашихъ несказанныхъ страданій.

И тогда вы поймете, что существуетъ только одинъ, единый лозунгъ, который можетъ сплотить всѣхъ честныхъ, не продавшихся русскихъ людей, продолжающихъ любить свою родину.

Этотъ лозунгъ гласитъ такъ:

„Да живетъ на многи вѣки
Православный Русскій Царь,
И да правитъ человѣки
Такъ, какъ правилъ ими въ старь".

Только бы вы захотѣли кликнуть этотъ всенародный русскій кличъ, и вы увидѣли бы, какъ подъ древній Русскій стягъ стянулось бы много русской доброй силы.

Родились бы единеніе и согласіе, которыхъ нѣтъ до сихъ поръ среди васъ; поднялся бы вдохновленный и вдохновляющій порывъ, творящій чудеса; возстали бы сила и воля самопожертвованія и подвига, и вся Русь откликнулась бы могучимъ откликомъ готовности идти съ вами и за вами.

И какъ по мановенію волшебнаго жезла, отъ этого единаго клика Всея Руси, пали бы всѣ оковы, Россію опутавшія.

Вѣрьте, что не мою правду, но Русскую Правду я возглашаю; что мои слова — не утопія, но та Истина, которая одна можетъ спасти Россію и, поздно или рано, она то ее и спасетъ, вопреки всѣмъ іудеямъ, всѣмъ „антантамъ", всѣмъ доморощеннымъ идеологамъ и предателямъ. . . .

Въ настоящее время, среди нашихъ соотечественниковъ, съ каждымъ днемъ пополняются ряды монархистовъ новыми членами. Среди этихъ „обращенныхъ" имѣется сравнительно большое число искренно переубѣжденныхъ, которые склонились предъ уроками Исторіи, предъ очевидностью фактовъ и предъ постулатами логики. Имѣется и много оппортунистовъ, спѣшащихъ пристроиться къ тѣмъ путямъ, къ которымъ направленъ очередной поворотъ колеса Исторіи. Къ сожалѣнію, много можно встрѣтить и перебѣжчиковъ, лазутчиковъ изъ вражескихъ становъ, которые, подъ новыми масками монархистовъ разныхъ доктринъ и толковъ, выполняютъ опредѣленныя задачи развѣдки и провокаціи. Вотъ почему надо съ большой осторожностью и тщательнымъ разборомъ относиться ко всему этому сонмищу кающихся бородатыхъ „Магдалинъ". . . .

Такъ дѣло обстоитъ заграницей, среди эмигрантовъ. Что же касается самой Россіи, то тамъ ростетъ уже не только сдвигъ вправо, но могучее правое движеніе; среди народа идетъ вопль о Царѣ, вполнѣ созрѣло сознаніе тяжкой виновности, и крѣпнетъ сильный, дѣйственный, національный духъ. Религіозное одухотвореніе подъ покровомъ Православной Церкви составляетъ основу этого движенія: оно совершенно подобно тому, которое возглавилъ Святитель Гермогенъ въ пору Перваго Смутнаго Времени, и котораго сплоченная сила оказалась непреоборимой для враговъ Россіи той эпохи.

Я выше говорилъ о русскихъ праведникахъ, на которыхъ держится наша Страна, и которыхъ благодатное водительство творило, творитъ и будетъ творить всѣ свѣтлыя страницы нашей Исторіи. Я говорилъ о томъ, какое благо совершается на нашей Родинѣ каждый разъ, когда растерянное и немощное большинство обращаетъ свои молящіе взоры утопающаго на это праведное меньшинство, ища помощи и указаній. Не надо быть большимъ пророкомъ, чтобы сознавать и предвидѣть близкое приближеніе того момента, когда это меньшинство поведетъ за собою Россію по пути спасенія. Совершенно безпристрастно можно утверждать, что этотъ путь ведетъ никуда иначе, какъ къ Царю.

Наши враги будутъ опровергать такое мнѣніе. Они скажутъ, что народъ, въ конецъ измученный, умирая отъ голода, только съ отчаянія прибѣгаетъ къ Помощи Царя, жертвуя „завоеваніями революціи" . . .

Врядъ ли въ наши дни соблазны „завоеваній революціи" могутъ привлекать сердца русскихъ людей. Въ наши дни въ Россіи каждый ребенокъ понимаетъ, что эти пресловутыя „завоеванія" сводятся исключительно и всеобъемлюще къ одному пункту — къ жидовскому равноправію. Такъ неужели же шабесъ-гои, какъ усердно ни искажали бы правду, рѣшились бы утверждать, будто Русскій народъ настолько приверженъ къ народу еврейскому, что для него составитъ большую жертву не видѣть Ицекъ и Шельмензоновъ во главѣ управленія своей Страны. Ибо весь народъ теперь отлично понимаетъ, что терминъ — „еврейское равноправіе" есть синонимъ „жидоправія". . . .

Но если даже и допустить, что русскій народъ въ своей массѣ вспомнилъ о Царѣ только потому, что ему стало уже не въ моготу быть дольше матеріаломъ для экспериментовъ своихъ соціалистическихъ палачей; если онъ отказывается отъ этихъ соціалистовъ только подъ вліяніемъ мукъ голода, но не на основаніи какого либо яснаго, сознательнаго уразумѣнія сущности продѣланнаго надъ нимъ „хара-кири"; то что же изъ этого? Вѣдь, вопросъ идетъ о массѣ народной, т. е. о той слѣпой и несознательной силѣ, которая никогда нигдѣ, ни въ одной странѣ и ни въ одну эпоху, ничего не понимала и не сознавала, кромѣ грубыхъ, матеріальныхъ чувствованій и ощущеній. Подъ вліяніемъ этихъ то ощущеній, она теперь и молитъ Господа о возвращеніи ей Царя, надѣясь на благотворную Помощь Его.

Толпа всегда толпой и остается, всегда колеблющаяся предъ путями Добра и Зла, предъ путями Разума и Безумія. Для насъ интересно то праведное, чистое меньшинство, которое составляетъ отборную часть народа, единственную, имѣющую

право и возможность творить его исторію. Вотъ относительно этого то меньшинства я утверждаю, что оно всегда такъ же думало и чувствовало, какъ и теперь, во всѣ различные фазисы нашей четырехлѣтней смуты. Оно было безсильно совладать съ совращеннымъ жидами многоликимъ звѣремъ, именуемымъ толпой; но никогда за этимъ человѣческимъ стадомъ не шло, никогда не измѣняло своимъ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ и чувствамъ; Бога въ душѣ и своего Самодержавнаго Царя на сердцѣ — оно всегда хранило и берегло, ревниво тая отъ бѣсноватыхъ свое „святая — святыхъ".

У меня есть много доказательствъ тому, что я не ошибаюсь.

Для краткости, ограничусь двумя примѣрами.

Первый примѣръ относится къ самому разгару революціи, къ лѣту 1918 года, когда нѣкій, хорошо мнѣ знакомый, очень вѣрный человѣкъ былъ посланъ въ Екатеринбургъ съ тайнымъ и отвѣтственнымъ порученіемъ. Онъ находился вблизи Екатеринбурга въ тотъ день, который обозначенъ днемъ гнуснаго убійства нашего обожаемаго Государя и всей Царской Семьи. Во время своихъ странствованій въ тѣхъ краяхъ, путешественнику пришлось многое понаблюдать и встрѣтиться съ многими людьми. Онъ вспоминаетъ объ одной интересной встрѣчѣ въ слѣдующихъ словахъ (привожу отрывокъ изъ его записокъ):

„Какія силы таитъ еще въ себѣ глубина народная, мнѣ пришлось убѣдиться въ недалекомъ прошломъ. Въ самую трудную минуту, когда мнѣ грозила опасность попасть въ руки большевиковъ, я нашелъ пріютъ въ одной крестьянской семьѣ.

Войдя въ просторную, опрятную избу, я поразился, увидавъ, что подъ иконами виситъ портретъ Государя. . . .

Я спросилъ тогда бѣлаго, какъ лунь, лѣтъ 80-ти, старика, который явился гостепріимнымъ хозяиномъ:

— „Дѣдушка, какъ же это такъ, портретъ-то Царя у тебя виситъ — вѣдь, теперь же свобода: за это преслѣдуютъ. . . .

Старикъ только покачалъ головой и показалъ на горло:

— „Свобода. . . . Вотъ она гдѣ сидитъ, эта свобода. Бога люди забыли, вотъ Онъ и послалъ въ наказаніе эту свободу. . . . Разбойники, душегубы правятъ Россіей, руки которыхъ обагрены христіанской кровью. Я ужъ прошу Господа Бога, чтобы Онъ прибралъ къ Себѣ меня скорѣе вмѣстѣ съ моей старухой. . . . Одни мы остались. Господь далъ намъ со старухой троихъ сыновей: двое изъ нихъ убиты на войнѣ, а третьяго разстрѣляли большевики за то, что не пошелъ въ ихъ армію. . . . А если бы пошелъ, такъ я проклялъ бы его на вѣки-вѣчные. . . . Старуха моя плачетъ и убивается, а я говорю ей: лучше Богу молись, старая. . . . Говорятъ, что добрые люди спасли Царя;

такъ вотъ молись, чтобы Господь смягчилъ Свой Праведный гнѣвъ, на насъ движимый, и вернулъ бы намъ Его."

Вотъ вамъ неподдѣльный голосъ Народа Русскаго, который ждетъ-не дождется своего Законнаго Царя, Державнаго Хозяина Русской Земли.

Духъ нашего народа крѣпнетъ и закаляется въ горнилѣ тяжелыхъ испытаній, ему ниспосланныхъ, и скоро уже вотъ-вотъ, онъ выскажетъ свое рѣшеніе." . . .

По разсказамъ моего знакомаго, приведенный имъ разговоръ и эта встрѣча наиболѣе интересны и характерны, ввиду прямой и смѣлой рѣчи старика. Но эта встрѣча отнюдь не была единственная, доказывающая, что русскіе крестьяне въ громадной части вовсе не сочувствовали революціи, сдѣланной „господами", какъ они говорятъ: много приходилось ему встрѣчать и менѣе откровенныхъ крестьянъ, скрытныхъ и осторожныхъ, но несомнѣнно относившихся къ Царю со скорбной и запуганной, но глубокой вѣрностью.

Тоже самое приходилось и мнѣ наблюдать и въ Великороссіи, и въ Малороссіи, въ то время, какъ я еще находился въ Россіи, т. е. въ 1917-омъ и 1918-омъ годахъ.

А вотъ еще и воспоминаніе Генерала Сахарова о 1919-мъ годѣ. Константинъ Вячеславовичъ Сахаровъ принадлежитъ къ той корпораціи офицеровъ Генеральнаго Штаба, къ которой, какъ знаетъ читатель, я отношусь очень отрицательно. Тѣмъ болѣе для меня отрадно отмѣтить счастливыя исключенія и остановиться на свѣтлой личности Сахарова, имѣющаго всѣ данныя для того, чтобы въ будущей нашей возрожденной Россіи стать крупнымъ дѣятелемъ: не сомнѣваюсь, что служба его Царю и Родинѣ будетъ въ высокой степени полезной и цѣнной.

Сахаровъ — еще молодой человѣкъ, съ прочно установившимися вѣрованіями и убѣжденіями. Онъ — глубоко вѣрующій Христіанинъ, непоколебимо вѣрный подданный Царя, проникнутый русскими завѣтами нашего стараго помѣстнаго дворянства; человѣкъ очень умный, знающій, дѣльный, образованный; очень отзывчивый и добрый человѣкъ, но съ тѣмъ характернымъ стальнымъ блескомъ въ глазахъ, который отмѣчаетъ человѣка властнаго, рѣшительнаго и очень твердаго. Вообще говоря, среди русской расплывчатости и шаткости, онъ составляетъ рѣдкое и очень цѣнное исключеніе. Надо надѣяться, что скоро выйдутъ въ печати его записки, въ которыхъ онъ воспроизводитъ свои воспоминанія и впечатлѣнія о походной жизни въ Сибири, гдѣ онъ у Колчака командовалъ арміей. Особенно будетъ интересно прочитать въ этихъ запискахъ о необыкновенно подлой дѣятельности эсъ-эровъ, которую они проявили и по отношенію ко всему этому рус-

скому движенію вообще, и по отношенію къ сознательно, умышленно загубленному ими Колчаку, въ частности.

Въ 1919-омъ году, вырвавшись изъ большевистской тюрьмы, подъ чужимъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ, пробираясь въ Сибирь, Сахаровъ проѣзжалъ черезъ Уральскую Область.

Всюду и казаки, и крестьяне, встрѣчали его очень враждебно и подозрительно, принимая за революціонера; отношеніе къ нему мѣнялось только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ узнавали честнаго Царскаго слугу. Особенно былъ характеренъ одинъ случай. Сахаровъ пріѣхалъ въ одну очень богатую станицу и остановился въ зажиточной избѣ какой то казачки (мужъ былъ въ походѣ). Несмотря на хорошую обстановку избы, доказывавшую довольство ея хозяевъ, Сахарову съ трудомъ удалось упросить дать ему ломоть хлѣба, чтобы утолить голодъ. Хозяйка внимательно наблюдала за нимъ, пока онъ съ жадностью уничтожалъ свою корку. Вдругъ, она подошла къ нему, пристально вглядѣлась и спросила: „отвѣчай прямо на мой вопросъ. Когда лучше жилось въ Россіи — теперь или при Царѣ?"

„Прямо" отвѣчать было затруднительно: казалось одинаково опаснымъ, для дальнѣйшаго своего благополучнаго слѣдованія, высказаться опредѣленно и за Царя, и за революцію. Сахаровъ далъ честный и осторожный отвѣтъ.

„Не хочу рѣшать вопроса — сказалъ онъ — „когда лучше было Россіи, теперь или раньше: пусть на это отвѣтитъ весь русскій народъ. Но мнѣ лично, разумѣется, при Царѣ было въ тысячу разъ лучше, чѣмъ теперь".

Послѣ этихъ словъ, весь обликъ казачки сразу преобразился. Она весьма энергично хлопнула Сахарова по плечу и воскликнула: „Вотъ такъ бы давно говорилъ! Значитъ — Ты за Царя. Значитъ — и обращеніе съ Тобой будетъ совсѣмъ другое." . . .

Тотчасъ она захлопотала по хозяйству, поставила самоваръ и приготовила своему голодному гостю обильный и вкусный обѣдъ. Когда Сахаровъ собрался въ дальнѣйшій путь, она ему на прощаніе сказала: „Въ нашихъ краяхъ вездѣ Тебя будутъ такъ принимать, какъ я приняла, когда узнаютъ, что Ты за Царя стоишь.

Но, если будутъ подозрѣвать, что Ты изъ нынѣшнихъ душегубовъ и злодѣевъ, не жди хорошаго пріема." . . .

Такъ то сказывается тысячелѣтняя исторія Россіи, создавшая душу народную: положенныя въ нее основы оказываются несравненно сильнѣе вражескихъ происковъ которымъ не удалось ее перебороть.

Поэтому будетъ очень кстати окончить эту главу выдержкой изъ стихотворенія нашего высоко одареннаго поэта-сатирика В. П. Мятлева.

„. . . Есть у всѣхъ вещей изнанка,
Подождемъ — повременимъ . . .
Чудодѣйствовалъ Родзянко
И иные, иже съ нимъ.

И, языкъ свой чисто женскій
Изощряя въ словесахъ,
Чудодѣйствовалъ Керенскій,
Взоръ купая въ небесахъ.

Изъ слезливыхъ крокодиловъ
Тщась устроить винегретъ,
Чудодѣйствовалъ Корниловъ,
Неудачный Лафайетъ.

И соратникъ фарисеевъ,
Раза три мѣняя фронтъ,
Подвизался Алексѣевъ,
Затемняя горизонтъ.

И неистовствуетъ Ленинъ,
Обезумѣвшій драконъ . . . .
Но одинъ и неизмѣненъ
Эволюціи законъ.

И невидимый пропеллеръ
Время двигаетъ впередъ;
То, что мыслилъ славный Келлеръ,
Скоро выскажетъ народъ.

Надъ просторомъ русской нивы
Вновь зардѣется заря —
И замолкнутъ всѣ мотивы
Въ общемъ возгласѣ: „Царя!" . . .

IX.

Единый фронтъ — противъ общаго врага.

Торжество матеріализма. Соціализмъ — орудіе еврейства. Сближеніе Церквей. Кризисъ протестантства. Римско-Католическая Церковь. Духовныя сокровища Православной Церкви. Церковь и революція. Христіанскіе мученики нашихъ дней. Актъ Папы Климента XII. Православіе и масонство.

„Созлямъ Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ Ея.“
Матѳ. XVI, ст. 18.

Первая часть моего труда пришла къ концу. Въ ней, насколько умѣлъ и зналъ, я стремился изобразить общую картину распада, которую представляла Россія передъ взрывомъ еврейской революціи, и выяснить причины этого распада.

Причинъ — очень много; и еслибы мы стали заниматься каждой изъ нихъ порознь, каждой особо посвящая негодующія діатрибы, мы бы расползались по мелочамъ, безплодно и опрометчиво утерявъ главную нить, которая ведетъ къ разрѣшенію сложной и трудной загадки, ставящей втупикъ всѣ народы и вызывающей изысканія множества разнорѣчивыхъ изслѣдователей.

Разнорѣчіе происходитъ потому, что каждый какъ разъ ухватывается за побочныя, производныя или второстепенныя причины и топчется на мѣстѣ, иной — умышленно не желая уразумѣть, а другой — по близорукости не замѣчая главнаго, основного, всеобъемлющаго объясненія, приводящаго насъ къ тайникамъ іудо-масонскаго міроваго заговора, къ корнямъ зла, угрожающаго всему нашему міру, Христіанскому міру, распаденіемъ и гибелью.

Противъ Христіанскихъ народовъ по всему фронту ведетъ упорное наступленіе общій врагъ.

Увы! Этого не понимаютъ народы и взаимными распрями, взаимнымъ соперничествомъ усиливаютъ врага, облегчаютъ ему возможность нанести послѣдній, рѣшительный ударъ, въ его стремленіи къ подчиненію, покоренію и порабощенію.

И не слишкомъ ли поздно мы спохватились? Не пройдены ли всѣ сроки, чтобы отбросить отъ себя и раздавить присосавшуюся къ намъ гадину?

Въ Вѣрѣ и благочестіи, въ Христіанскомъ чувствѣ и религіозномъ воодушевленіи, какъ было, напримѣръ, въ эпоху Крестовыхъ Походовъ, можно было бы найти опору для стойкаго сопротивленія и одолѣнія злобной силы. Но гдѣ они теперь, эти чувства, это благочестіе, эта Вѣра? Гдѣ искать воодушевленія безкорыстными, идейными, религіозными стимулами, когда человѣчество погрязло въ матеріальной плоскости существованія и, въ массахъ своихъ, занято исключительно запросами плоти, удѣляя духу, да еще въ случаяхъ рѣдкихъ исключеній, лишь такое мѣсто, какое можетъ оставаться свободнымъ въ переполненіи „трудового дня" матеріальными вожделѣніями и заботами. Время — все отдано матеріи, и только маленькая часть ненужнаго досуга — и то такъ рѣдко — предоставляется духовнымъ исканіямъ, но такъ поверхностно, такъ формалистически — недѣйственно. . . .

Израиль имѣетъ полныя основанія нагло торжестовать свою побѣду, ибо по крайней мѣрѣ три четверти тѣхъ, которые называются Христіанами, остались ими лишь по имени, а на дѣлѣ, завязнувъ въ масонской паутинѣ, отдавшись всѣми помыслами и дѣлами своими „князю міра сего", должны бы, для точности, называться „бывшими Христіанами", или потомками Христіанъ, — но никакъ не Христіанами.

Если легендарный Змій еще не сомкнулъ своего круга, то онъ уже очень близокъ къ выполненію этого масонскаго пророчества. Поэтому надо признать, что евреи поступаютъ очень послѣдовательно и логично, если, какъ сообщаютъ о томъ Вѣнскія газеты, они будто бы уже приступили къ постройкѣ своего завѣтнаго Соломонова храма въ Іерусалимѣ.

Вѣрнымъ агентомъ еврейства работаетъ одно изъ главныхъ орудій масонства, соціалъ-демократія. Подъ крикливыми лозунгами свободы, въ соціалистическихъ ученіяхъ кроется ожесточенная борьба противъ всѣхъ христіанскихъ идеаловъ, противъ Христіанской Церкви. Начинается съ провозглашенія свободы вѣры, или невѣрія, и когда, во имя всевозможныхъ „свободъ", восторжествовавшая революція даетъ, въ теоріи, принципу свободы вѣры почетное мѣсто въ государственной жизни, довѣрившіеся простаки видятъ на практикѣ совсѣмъ иное, чѣмъ то, что гласитъ офиціальная видимость: соціалисты снимаютъ маски и начинаютъ открыто проповѣдовать преслѣдованіе нашей Вѣры.

На этихъ дняхъ (Августъ 1920-г.), многолюдное собраніе соціалистовъ въ Берлинскомъ циркѣ ознаменовано было раздраженной, злобной рѣчью одного изъ видныхъ членовъ партіи,

конечно еврея, разразившагося негодованіемъ противъ тѣхъ соціалистовъ, которые позволяютъ своимъ дѣтямъ, по выраженію оратора, „шататься по церквямъ и слушать глупыя бредни обманщиковъ — священниковъ".

„Такіе родители" — вопилъ ораторъ — „которые, подъ угрозой строгихъ наказаній, не останавливаютъ своихъ дѣтей отъ подобныхъ поступковъ — должны быть принуждаемы партіей къ другого рода поведенію".

Хочется спросить господъ соціалистовъ:

„Куда же дѣлись ваши увѣренія, будто религія должна быть свободнымъ, семейнымъ дѣломъ каждаго гражданина, и будто бы за государствомъ вы не признаете права вмѣшиваться въ это дѣло? Вы лицемѣрили и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ: какъ только вы получили всѣ свои „свободы", тотчасъ же стали угнетать самую драгоцѣнную свободу человѣка — его религіозныя убѣжденія."

Если прослѣдить по пунктамъ все ваше ученіе, то всюду встрѣчаешь такого рода вопіющіе примѣры расхожденія вашей практики съ вашими теоріями. Удивляться такой непослѣдовательности вашей не приходится, разъ только вспомнишь, кѣмъ выдвинуто ваше ученіе на первый планъ, и кто вами руководитъ. Ибо изъ за толстокожихъ спинъ простоватыхъ и одураченныхъ соціалистовъ выглядываетъ и командуетъ вѣковѣчный, традиціонный угнетатель-іудей, усѣявшій весь свой историческій путь кровью, слезами, раззореніемъ и униженіемъ всѣхъ чуждыхъ ему народовъ Арійской Расы, попадавшихся ему на дорогѣ и подвергнувшихся страшной опасности оказаться подъ его воздѣйствіемъ.

Итакъ, наша современность являетъ собой положеніе довольно таки безотрадное. . . . Есть отчего въ отчаяніе придти. . . . Выходитъ такъ, какъ будто бы врагъ окончательно насъ осилилъ. . . . Не слѣдуетъ ли придти къ тому выводу, что намъ уже ничего не остается дѣлать, какъ складывать оружіе и съ поникшей головою идти покорно на муку надвигающагося зла?

Такъ можетъ думать только тотъ, кто забываетъ, что Зло не можетъ окончательно восторжествовать. За нашимъ врагомъ стоитъ Злая Сила, которой не дано торжествовать побѣду надъ Божіей Правдой. Дѣйствительно, нашей слабости, дряблости, разрозненности — другого исхода, можетъ быть, и не было бы, какъ погибнуть, еслибъ мы не знали, что Божіе Милосердіе безгранично, и что надежда на Благодатную Помощь Господа не должна оставлять самаго тяжкаго грѣшника, разъ онъ сознало свои грѣхи и покаялся.

Единый фронтъ — противъ общаго врага!

Вотъ отвѣтъ, который долженъ быть нами данъ вызывающе заносчивому клику торжества сатанистовъ, празднующихъ свою, еще не рѣшенную, побѣду.

Въ политической жизни арійскихъ народовъ должно состояться объединеніе во имя борьбы противъ общей опасности. И въ особенности такое объединеніе необходимо для всѣхъ, сплоченныхъ истинной Вѣрой въ Божественное Ученіе Божественнаго Спасителя нашего.

Нашъ врагъ есть прежде всего врагъ этого Ученія. Такъ какъ же намъ всѣмъ, Христіанамъ, не быть объединенными въ защитѣ нашихъ общихъ Святынь!

Во имя воодушевляющаго стремленія побороть зло, вся Церковь Христова, забывъ старые счеты, былыя распри и унижавшія Ее чувства соперничества и нетерпимости, должна стоять единымъ крѣпкимъ оплотомъ для всѣхъ насъ, Ея сыновъ.

Говоришь объ объединеніи, о единствѣ Христовой Церкви, о которомъ наша Православная Церковь молится ежедневно, и больно сжимается сердце, когда тутъ же вспоминаешь о разъединеніи, о трехъ основныхъ группахъ Христіанской Церкви — Римско-Католической, Православной и Протестантской. . . .

Протестантство, повидимому, отколовшись отъ своего корня, такъ далеко отъ него отошло, что врядъ ли возможенъ возвратъ къ нему. Самое полное, цѣльное и распространенное выраженіе свое Протестантство явило въ Лютеранской Религіи, судьба которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе точно опредѣляетъ и судьбу всего этого результата реформаціоннаго движенія XIУ и XУ Вѣковъ, бывшаго однимъ изъ этаповъ масонскаго похода противъ Церкви Христа. Этотъ походъ начался тѣмъ, что были приняты всѣ мѣры для возможно болѣе полнаго разъединенія вѣрующихъ между собой, дабы въ примѣненіи девиза „Divide — et impera!" найти залогъ и опору дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Въ Германіи можно воочію наблюдать за процессомъ вырожденія Протестантской Религіи. Сѣверная Германія, въ настоящее время, строго говоря, уже не можетъ быть названа Христіанской страной. Тамъ Лютеранство — особливо со времени революціи, когда оно лишилось покровительства своего вѣрнаго Сына, Императора, — являетъ, увы, уже разлагающійся трупъ, раздираемый на части разными раціоналистическими толками, теософіей, деизмомъ и пр. Всѣ основы Лютеранской Церкви подточены не то равнодушіемъ послѣдователей своихъ, не то — и прямымъ атеизмомъ. Во главѣ всей стаи гіенъ стоитъ жидо-масонство, обильно пополняющее своими членами составъ прихожанъ лютеранскихъ церквей.

Вотъ почему, къ сожалѣнію, при наличіи всѣхъ этихъ губительныхъ факторовъ, при всемъ уваженіи и сочувствіи ко многимъ, глубоко вѣрующимъ, образцовымъ Христіанамъ, какихъ еще и въ наши дни можно встрѣтить немало среди протестантовъ, разсчитывать на Протестантскую Церковь, какъ на активный центръ борьбы противъ масонства — было бы по меньшей мѣрѣ опрометчиво и ненадежно.

Сохранились и среди протестантскаго духовенства священники, дающіе примѣры высово-нравственной и чистой, истинно христіанской жизни, благотворно вліяющіе на свою паству, являющіеся настоящими, ортодоксальными Христіанами. На этомъ послѣднемъ пунктѣ я особенно настаиваю, ибо большинство протестантскихъ священниковъ, по нашимъ понятіямъ, уже перестали быть Христіанами. Въ смыслѣ ортодоксальности и неортодоксальности, я имѣю въ виду не форму, придираться къ которой я вообще не охотникъ, но самый духъ Христіанства, полагающаго въ основѣ основъ своихъ вѣру въ Божественность Іисуса Христа: въ этомъ смыслѣ я и ставлю границы.

Кромѣ сказаннаго, относительно протестантскаго духовенства слѣдуетъ еще отмѣтить, что во всѣхъ протестантскихъ религіяхъ не исключается возможность встрѣтить священника, состоящаго членомъ какой нибудь масонской ложи. Можетъ быть, такой пастырь духовный и не знаетъ всей сути масонства; не знаетъ, можетъ быть, что онъ, служитель Христова Алтаря, принадлежитъ къ сообществу, враждебному Христовой Вѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, при такихъ условіяхъ трудно разсчитывать обрѣсти въ немъ союзника для „единаго фронта". . . .

При такомъ кризисѣ, переживаемомъ Протестантствомъ, если не произойдетъ въ немъ внутренняго сдвига, можно безъ большой натяжки предположить, что предстоитъ отходъ отъ него правовѣрно вѣрующихъ Христіанъ: на Востокѣ такіе протестанты подойдутъ къ Православію, а на Западѣ — къ Католичеству.

Къ сожалѣнію, я недостаточно подробно и основательно знакомъ съ вопросомъ о томъ, насколько широко-сознательно образовался, послѣ паденія Наполеона I, Священный Союзъ, крѣпкими узами объединившій Императора Александра Павловича съ Императоромъ Австрійскимъ и Королемъ Прусскимъ, и менѣе крѣпкими — съ другими Монархами Европы. Уже въ то время Вѣнценосцы отдавали себѣ отчетъ, но очень неполный, о сущности масонства. Зналъ и Меттернихъ, проводившій въ жизнь идею Союза. Позже, сознавалъ гораздо глубже и проникновеннѣе Императоръ Николай Павловичъ.

Эти Государи прошлаго, защищая свои престолы и свои народы, могли еще только смутно догадываться о наличіи

„Великаго Заговора“, о дѣйствіяхъ и организаціи опаснѣйшаго врага Христіанскаго міра. Во всей полнотѣ своей, истина тогда была отъ нихъ скрыта, ибо въ то время масонство еще всецѣло владѣло главнымъ оружіемъ своимъ — тайной.

Во многихъ отношеніяхъ мысли, положенныя въ основаніе Священнаго Союза, должны руководить и теперь нашими стремленіями найти правильное и благостное разрѣшеніе всѣхъ затрудненій нашей современности. Но должны быть предусмотрѣны болѣе прочныя гарантіи противъ всегда существующей опасности внѣдренія масоновъ въ самые центры подобныхъ міровыхъ организацій. Надо всегда помнить, что страшный врагъ не дремлетъ и никогда не прекращаетъ своей интенсивной, соображенной съ обстоятельствами времени и мѣста, дѣятельности. Особенно напряженной становится эта дѣятельность теперь, когда врагъ начинаетъ терять ту главную силу, которой онъ владѣлъ, и которая заключалась въ тайнѣ. За то теперь онъ еще болѣе развилъ и усилилъ до баснословныхъ размѣровъ другое свое могучее средство борьбы — деньги, почти всѣ сосредоточенныя у него. . . .

Съ перемѣннымъ и прерывчатымъ, временнымъ и частнымъ успѣхомъ, но съ интенсивностью, постепенно возростающей, противъ масонства дѣйствуетъ противникъ очень сильный — Католическая Церковь.

Православная Церковь не можетъ не признать необходимости стойко бороться противъ масонства, поглощаемаго еврействомъ. Это есть естественный долгъ нашей Церкви, какъ и каждой Церкви Христовой — возстать открыто, смѣло, непоколебимо противъ главнаго, скажу больше — противъ единственнаго врага своего. Ибо въ немъ олицетворяется власть Сатаны, и имъ намѣчаются грядущіе пути Антихриста.

При такихъ условіяхъ, было бы ненормально, еслибъ всѣ Христіанскія Церкви, насколько каждая изъ нихъ сама свободна отъ масонскихъ воздѣйствій, не объединились для общей борьбы. При такихъ условіяхъ было бы непростительно для Святителей, возглавляющихъ Церкви, если Православная Церковь и Ватиканъ, и всѣ остальныя, Христіански-чистыя, Церкви — не пойдутъ рука объ руку. Дружное и искреннее содѣйствіе, при параллельности взаимно другъ друга поддерживающихъ дѣятельностей, создадутъ могучую, одухотворенную, смѣю вѣрить — несокрушимую силу. Въ частности Россія, путемъ нѣкоторыхъ соглашеній, не компрометирующихъ, разумѣется, самостоятельности нашей Церкви, получитъ значительную помощь.

Никого изъ самыхъ правовѣрныхъ православныхъ Христіанъ не должно смущать упоминаніе о Католической Церкви

и о необходимости съ нею сблизиться ради нашего же спасенія и будущаго благоденствія, ради возстановленія и упроченія нашихъ коренныхъ устоевъ, ради огражденія отъ духовъ адской бездны нашихъ христіанскихъ завѣтовъ и христіанскихъ святынь. За то, что я сказалъ и скажу, ни одинъ соотечественникъ мой, вѣрующій Христіанинъ, не имѣетъ основаній бросить камень осужденія, если только онъ проникнутъ истиннымъ духомъ Христіанства, духомъ любви, благожелательности и примиренія, если только онъ не приверженъ одной формѣ, забывая о духѣ.

Въ этихъ строкахъ никто не долженъ видѣть недостаточно благоговѣйнаго отношенія къ родной Церкви. Лично для меня такое отношеніе было бы и невозможно, ввиду того, что я глубоко чту тѣ духовныя и нравственныя цѣнности, которыя хранитъ въ своихъ сокровищницахъ Православная Церковь. Въ зависимости отъ субъективныхъ чувствованій и воспріятій, тѣ или другія изъ этихъ цѣнностей кажутся ближе и дороже другихъ. Обнимая исторію Православной Церкви только за послѣднія триста лѣтъ, съ Династіи Романовыхъ, за этотъ ограниченный періодъ сохранилось много, чѣмъ нельзя не дорожить, что составляетъ часть русской души. Чтобы не заподозрили меня въ томъ, что я могу недостаточно бережно относиться къ этому вопросу, я перечислю все то, что для меня составляетъ особливо завѣтное въ Православной Церкви. Этотъ выборъ находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, лично меня касающихся, и отъ впечатлѣній и думъ, обусловленныхъ жизненнымъ опытомъ и многообразными воспоминаніями личными.

Патріархъ Гермогенъ; Митрофаній Воронежскій; Макарій Калязинскій; Святой Серафимъ Саровскій; Митрополитъ Филаретъ Московскій; Отецъ Іоаннъ Кронштадскій; Оптина Пустынь и другія средоточія подвижничества; нѣкоторые выдающіеся схимники, монахи и Іерархи Церкви; небольшой процентъ дѣйствительно хорошихъ, достойныхъ священниковъ, истинныхъ пастырей духовныхъ. Кромѣ того — красота и мистическая глубина обрядовой символики; высокія Христіанскія начала, положенныя въ основу ученій Церкви.

Все это — священный, неприкосновенный вкладъ души народной.

Само собой разумѣется, что у каждаго образуется свое собственное завѣтное святилище души, болѣе или менѣе различное, какъ различны индивидуальныя свойства и жизненныя дороги каждаго. Я никакъ не претендую, чтобы именно мое святилище имѣло особыя права быть поставленнымъ во главѣ сокровищницы православія. Если я привелъ его здѣсь такъ полно, то только для того, чтобы какой либо не въ мѣру ревни-

вый и ретивый церковникъ не могъ думать, что я не дорожу родной Церковью моего народа.

. Естественная для каждаго вѣрующаго человѣка, особо нѣжная приверженность къ своей Церкви вовсе не должна понимать фанатичнаго, нетерпимаго отношенія къ другимъ Христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ: такой фанатизмъ коренным образомъ противорѣчилъ бы завѣтамъ Христа, являющагося для насъ всѣхъ, христіанъ, единымъ Главой единой Церкви. Вотъ почему вообще желательно, а въ настоящее трудное время, нами переживаемое, и необходимо сближеніе всѣхъ Христіанскихъ Церквей между собою. Каждая Церковь и каждая паства могутъ только выиграть отъ такого сближенія, черезъ которое учишься у иновѣрнаго брата, тому, что у него хорошо, и его учишь своему хорошему.

Надо сознаться, что и мы имѣемъ, чему учиться у другихъ, а особенно у Католичества, настолько близкаго и родственнаго по основамъ своимъ съ Православіемъ.

У Католичества есть чему поучиться.

Оно за себя имѣетъ традиціи, изумительную дисциплину, сплоченность, единство, послѣдовательность и преемственность дѣйствія, умѣніе владѣть умами, вліять на общество. Оно всегда умѣло сочетать вѣрность своимъ принципамъ и консерватизмъ съ широкимъ и глубокимъ просвѣщеніемъ. Ввиду послѣдняго, Католическая Церковь, какъ никакая другая, умѣетъ держать въ рукахъ, съ большимъ достоинствомъ и на подобающей высотѣ, важное и трудное учебно-воспитательное дѣло, дѣло подготовки изъ подрастающихъ поколѣній хорошихъ Христіанъ и вѣрныхъ сыновъ Церкви. Въ силу всѣхъ указанныхъ свойствъ, Католическая Церковь умѣетъ и выставлять впередъ вождей — руководителей общества.

Не надо закрывать глазъ передъ дѣйствительностью. Надо сознаться, что во всѣхъ указанныхъ нами отличительныхъ чертахъ жизни и дѣятельности Католической Церкви Православная Церковь уступала ей первенство. Такъ было до сихъ поръ, но такъ больше не должно быть и предчувствуется, что такъ и не будетъ. Для того, чтобы легче достигнуть благихъ результатовъ въ этомъ смыслѣ, сближеніе и взаимодѣйствіе обѣихъ Церквей является благотворнымъ и дѣйствительнымъ факторомъ.

До сихъ поръ, для такого сближенія на равноправныхъ основахъ, у насъ всегда являлось большимъ затрудненіемъ то, что католическій вопросъ какимъ то роковымъ образомъ осложнялся національнымъ — польскимъ. Надо надѣяться, что эти два вопроса можно будетъ отдѣлить другъ отъ друга. Въ жизнеспособность самостоятельной Польши было бы неразумно, легкомысленно вѣрить. Какъ она уже много разъ доказывала

своей исторіей, эта страна, совершенно чуждая идеи государственности, живущая всегда въ иллюзіяхъ нездоровой фантазіи и въ крайностяхъ заносчиваго шовинизма, должна неминуемо и очень быстро „сжечь свою свѣчу съ обоихъ концовъ" и, какъ и раньше, привести себя къ Раздѣлу, счетомъ Четвертому и, по всей вѣроятности, послѣднему. Многіе, можетъ быть, пожалѣютъ объ этой красивой, пылкой націи; но что же дѣлать, когда ни умѣренности, ни благоразумія, ни чутья дѣйствительности, ни государственной мудрости — у этой націи нѣтъ. . . .

Много разъ, изъ-за этой братской націи, обострялись наши отношенія съ Ватиканомъ. Хотѣлось бы надѣяться, что въ дальнѣйшемъ удастся избѣжать новыхъ обостреній.

Я уже говорилъ о томъ, что передъ дѣйствительностью не слѣдуетъ закрывать глаза: только слабые люди боятся правды въ тѣхъ случаяхъ, когда она не тѣшитъ ихъ самолюбія и благодушія. Тотъ государственный человѣкъ, который хочетъ уготовлять своей родинѣ свѣтлую будущность, обязанъ ясно отдать себѣ отчетъ въ тѣняхъ прошлаго и нестроеніяхъ настоящаго. Не отсутствіе благоговѣнія и любви къ своей Церкви выказываетъ тотъ, кто указываетъ на нестроенія и недостатки нѣкоторыхъ сторонъ ея жизни, желая видѣть ее наиболѣе высоко подъятой надъ несовершенствами сего міра, но истинную преданность и заботу о ней.

Такъ я и дѣлаю.

Выше я сказалъ, что Католическая Церковь умѣетъ выставлять впередъ духовныхъ вождей человѣчества и умѣетъ ихъ ставить на подлежащую имъ высоту. Выходило такъ, какъ будто я не признавалъ того же подвига водительства за православными пастырями. Такое толкованіе не было бы справедливо. Въ исторіи Православной Церкви выдѣляется цѣлый рядъ Подвижниковъ и Праведниковъ. Но какъ ни благотворно бывало ихъ воздѣйствіе, какъ ни возвышенны ихъ личности, они все же всегда являлись благостными исключеніями.

Смѣло признаемъ наши недостатки, особливо ярко выявившіеся при взрывѣ народной смуты, въ началѣ которой Церковь безмолвствовала. Какъ всѣ остальные классы русскаго общества, и русское духовенство несетъ на себѣ отвѣтственность передъ Царемъ и Родиной за совершенное страшное зло. Можно увѣренно утверждать, что, если бы дѣятельность духовенства, задолго до революціи, съумѣла установить болѣе прочную связь съ народомъ, и еслибы воздѣйствіе большинства духовныхъ пастырей на свои паствы проявлялось болѣе активно, было бы возможно предотвратить результаты революціонной пропаганды. Будемъ помнить, никогда не забудемъ, что, до революціи, многіе наши священники были атеистами;

что большинство изъ нихъ чисто формально и инертно несло обязанности, сопряженныя съ ихъ высокимъ призваніемъ; наконецъ — и это самое ужасное — извѣстная, довольно значительная, часть священниковъ сочувствовала революціонному или, какъ деликатно выражалась интеллигенція, — „освободительному движенію". Это сочувствіе обыкновенно было скрытно, но иногда и явно выражалось; оно обыкновенно было пассивно, но бывали случаи активныхъ выступленій. Позорные священники въ родѣ Гапона и Петрова далеко не были единичными исключеніями. Невольно вспоминается тотъ „восторженный батюшка", членъ Думы, который 27 Февраля 1917 года, въ день послѣдняго засѣданія преступной Думы, вскочилъ на кафедру и, сладостно упиваясь только что пережитымъ впечатлѣніемъ, оповѣстилъ депутатовъ о только что совершенномъ на его глазахъ убійствѣ полицейскаго пристава, не въ примѣръ крамольному попу показавшаго, какъ слѣдуетъ умирать во имя принесенной присяги. . . [1])

Къ сожалѣнію, такихъ случаевъ можно привести если не очень много, то и не мало: казалось бы, что и одинъ случай достаточно прискорбенъ. Что касается сочувствія, высказывавшагося нѣкоторой частью духовенства „освободительному движенію", то надо вникнуть въ ужасъ того положенія, когда служитель Христова Алтаря сочувствуетъ шествію предтечъ Антихриста, заклятыхъ враговъ этого самаго Алтаря. . . .

Послѣ Мартовскаго Государственнаго переворота, вначалѣ многіе священники покорно, безъ протеста подчинились всему, со всѣмъ примирились, а нѣкоторые стали даже заискивать у революціонной толпы.

Когда потомъ, сначала очень слабо, духовенство стало волноваться и протестовать, то это было во многихъ случаяхъ уже тогда, когда самихъ священниковъ стали преслѣдовать и нарушать ихъ личные интересы.

Еще позже, большевики усилили гоненіе противъ духовенства, и священнослужители стали погибать массами, увѣнчанные мученическимъ вѣнцомъ. Появилось много случаевъ героической смерти, проявленій вѣры, мужества, стойкости. . . . И однако эти случаи бывали какъ бы вырванными изъ массъ, безъ единства и солидарности: разровненные, они терялись, ибо не было сплоченности, не было указаній свыше и общихъ директивъ.

Такъ было раньше и въ первое время революціи, пока еще обновленная жизнь Церкви, возглавляемой Патріархомъ Всея

---

[1]) То былъ полицейскій приставъ М. Е. Крыловъ, который безстрашно вырвалъ изъ рукъ одного изъ вожаковъ мятежной толпы красный флагъ и растопталъ его.

Руси, не стала выявлять себя новыми сплачивающими началами Верховной Власти, необходимость которой давно уже чувствовалась. Начало дѣйствія этой Власти совпало со страшнымъ временемъ испытаній, выпавшихъ на долю нашего духовенства, пожалуй еще въ высшей мѣрѣ, нежели на другіе классы и сословія русскаго народа, кромѣ офицерской корпораціи. И офицеры, и священнослужители стали одинаково ненавистными для разбойниковъ-соціалистовъ, завладѣвшихъ Россіей. Тутъ то пресловутое „русское освободительное движеніе" показало свое настоящее лицо; начались лютыя преслѣдованія служителей Церкви и святынь Ея.

Насталъ экзаменъ для нашего духовенства: подъ натискомъ всесокрушающей бури, надо было поддержать высокое, неземное достоинство своего священнаго сана; надо было проникновенно подняться до высоты своего Символа Вѣры; во имя святыхъ идеаловъ Духа, надо было пренебречь всѣми матеріальными интересами и одухотворенной красотѣ подвига подчинить всѣ плотскіе инстинкты. . . . И совершилось чудо. Божія Благодать снизошла на Православную Русь и вдохновила ея духовныхъ пастырей на самоотверженныя дерзанія доблести и стойкаго отстаиванія своей Вѣры. Увидавъ и распознавъ наконецъ настоящее лицо „освободительнаго движенія", наши скромные и смиренные „батюшки" воспряли духомъ и показали себя героями.

Экзаменъ выдержанъ такъ, что народъ навѣки забылъ о недугахъ, недостаткахъ, вообще о нѣкоторыхъ тѣневыхъ сторонахъ, наблюдавшихся въ характеристикѣ нашего духовенства прежняго, дореволюціоннаго времени. Народъ запечатлѣетъ въ памяти своей высокіе примѣры вѣрности и стойкости, мужества и доблести, явленные нашимъ духовенствомъ за время революціи, подъ благимъ водительствомъ Святѣйшаго Патріарха, находящагося во власти произвола большевиковъ, въ центрѣ Москвы, и тѣмъ не менѣе безстрашно съ амвона высказывающаго правду, болѣе того — всенародно предавшаго анаѳемѣ этихъ же самыхъ большевиковъ. Въ подвигахъ мученичества и въ мукахъ преслѣдованій и истязаній освободивши отъ земныхъ путъ свои ангельскія крылья, Православная Церковь въ горнемъ полетѣ своемъ высоко поднялась къ высшимъ Идеаламъ Христіанства, кровью и твердостью духа запечатлѣвъ свою вѣрность Завѣтамъ Христа.

При такихъ условіяхъ, возможно ли серьезно высказывать опасенія за неблагопріятныя послѣдствія, какія якобы могутъ произойти отъ тѣснаго общенія Православной Церкви съ Церквами инославными. Возможно ли предполагать, что въ этомъ общеніи Она можетъ что либо утерять изъ священныхъ, корен-

ныхъ устоевъ своихъ, или умалить Свою самодовлѣющую сущность.

Пусть Католическая Церковь по заслугамъ прославляется за могучій оплотъ Своего внутренняго строя и за дѣйственную силу своего сплоченнаго бытія. Къ ней подойдетъ Ея Восточная Сестра въ терновомъ вѣнцѣ, омытая святой кровью искупленія. Можетъ ли быть такая встрѣча иной, какъ основанной на равноправіи! Могутъ ли чужія заслуги и чужія преимущества умалить Ту, которая за собой ведетъ безконечно длинный рядъ новыхъ Христіанскихъ Мучениковъ!

Число этихъ мучениковъ опредѣлить мало-мальски точно нельзя, ибо для насъ, заграницей, прерваны возможности слѣдить и наблюдать за горестной жизнью нашей Родины. Только частично и прерывчато доходятъ до насъ кое какія свѣдѣнія. Я знаю только незначительную часть именъ умученныхъ въ Россіи Божіихъ служителей. И все же, когда я приведу эти извѣстныя мнѣ, ограниченныя, неполныя свѣдѣнія — читателю легче будетъ судить и поразмыслить о томъ, до какихъ высотъ Божіей Благодати подъялъ Русскую Православную Церковь Ея горній полетъ.

Кіевскій Митрополитъ Владиміръ изъ своихъ покоевъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ былъ выведенъ на крѣпостные валы и тамъ разстрѣлянъ. Архіепископъ Пермскій Андроникъ погребенъ заживо; передъ смертью ему выкололи глаза, вырѣзали щеки и, окровавленнаго, водили на показъ по улицамъ. Епископъ Тобольскій Гермогенъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ окопныхъ работъ, былъ утопленъ въ рѣкѣ. Архіепископъ Черниговскій Василій зарубленъ саблями. Звѣрски замучены и убиты: Архіепископъ Екатеринбургскій Григорій, Вятскій Епископъ Амвросій, Новгородскій — Григорій, Новгородскіе Викаріи Исидоръ и Варсонофій, Владивостокскій Епископъ Ефремъ, Полоцкій — Пантелеймонъ, Нижегородскій — Лаврентій, Туркестанскій — Пименъ, Архангельскій — Леонтій, той же епархіи — Митрофанъ, Орловской — Макарій. Въ Юрьевѣ большевики ворвались въ покои Рижскаго Епископа Платона, стащили босого и раздѣтаго съ постели и бросили въ подвалъ вмѣстѣ съ 17-ью другими лицами; тамъ ему отрѣзали носъ, уши, кололи штыками и наконецъ зарубили. Епископъ Бѣлгородскій Никодимъ, послѣ страшныхъ издѣвательствъ, былъ заживо засыпанъ негашеной известью. Въ Декабрѣ 1919 года, послѣ вторичнаго занятія Воронежа, большевики схватили Архіепископа Тихона и, послѣ долгихъ издѣвательствъ, повѣсили его на Царскихъ вратахъ церкви монастыря Св. Митрофанія. Этотъ, во истину святой мученикъ и подвижникъ, несмотря на всѣ просьбы и уговоры, не захотѣлъ выѣхать изъ своего города, когда Добровольческая армія

покинула Воронежъ; онъ не пожелалъ покинуть свою паству и сознательно пошелъ на мученическую смерть. Всѣ священники города, воодушевленные примѣромъ своего Архіепископа, также остались при своихъ церквяхъ: по прибытіи большевиковъ, почти всѣ они были убиты; въ Епархіи Воронежской было тогда разстрѣляно 160 священниковъ. Очень много священниковъ было убито на Дону. Въ Херсонской Губерніи три священника были распяты на крестахъ. Въ Кубанской Области было убито 43 священника. Священника монастыря Маріи Магдалины, Никольскаго, 60 лѣтъ, вывели послѣ Литургіи изъ храма, заставили раскрыть ротъ и со словами „мы тебя причастимъ" — выстрѣлили изъ револьвера. Священнику Дмитревскому, котораго предварительно поставили на колѣни, отрубили сначала носъ, потомъ уши, и наконецъ — голову. Заштатнаго священника Золотовскаго, 80 лѣтъ, имѣвшаго внуковъ офицерами, нарядили въ женское платье, вывели на площадь и приказали ему плясать. Когда онъ отказался — его убили. Священника Калиновскаго запороли. Въ небольшой Ставропольской Епархіи убито и замучено 52 священника.

Извѣстнаго своей просвѣтительной дѣятельностью въ Петроградѣ Протоіерея Казанскаго Собора О. Орнатскаго разстрѣливали вмѣстѣ съ его двумя сыновьями. Его спросили: „кого сначала убить — Васъ или сыновей?" Батюшка отвѣчалъ: „сыновей". Пока разстрѣливали юношей, Отецъ Орнатскій, ставъ на колѣни, читалъ „отходную". Для разстрѣла отца Орнатскаго построили взводъ красноармейцевъ. Тѣ — отказались стрѣлять. Позвали китайцевъ. Идолопоклонники, устрашенные чудесною силой и видомъ молящагося, колѣнопреклоненнаго, старца — іерея, тоже отказались. Тогда къ Батюшкѣ подошелъ вплотную молодой еврей комиссаръ и выстрѣлилъ въ него изъ револьвера въ упоръ.

Въ Крыму, шайка евреевъ-большевиковъ захватила трехъ священниковъ, Николая Попова, Агафона Гарина и Александра Казанчева, и, послѣ долгихъ истязаній и глумленій, убила ихъ.

Въ Москвѣ, извѣстный протоіерей Клоповскій, настоятель Храма Христа Спасителя, смѣло обличавшій въ своихъ проповѣдяхъ большевистскія злодѣянія, схваченъ въ Храмѣ, во время богослуженія, подвергнутъ звѣрскимъ истязаніямъ и затѣмъ разстрѣлянъ.

Громадное большинство этихъ доблестныхъ представителей Православнаго духовенства пріяло свою мученическую кончину съ изумительной доблестью. Такъ, напримѣръ, когда большевики вели на смерть настоятеля Островскаго Собора, Псковской Епархіи, Ладинскаго — онъ пѣлъ дорогою псалмы и предъ кончиной проклялъ большевизмъ. При эвакуаціи Чердыни —

мучители схватили священника Котурова, сорвали съ него одежды и до тѣхъ поръ поливали его на морозѣ водой, пока онъ не превратился въ ледяную статую. И страстотерпецъ не проронилъ ни одного жалобнаго слова, ни одного стона. . . .

Въ то время, какъ владыки Россіи, евреи — сатанисты, безудержно совершали кощунства надъ Христовой Церковью и лили кровь служителей Ея, — что дѣлали пастыри духовные? Они объединили весь свой народъ въ одномъ общемъ благоговѣйномъ порывѣ молитвы и покаянія, сплотили вокругъ себя безмѣрно грѣшныхъ, но и безмѣрно несчастныхъ русскихъ людей и создали могучее, всенародное, религіозное движеніе, которому суждено развѣять по вѣтру сатанинскую власть, раздавить и разрушить все діавольское строеніе отверженнаго, проклятаго племени, нашихъ временныхъ поработителей.

Когда, кромѣ Угодниковъ Божіихъ и Подвижниковъ прежнихъ временъ, Православная Церковь явится еще и съ этимъ сонмищемъ новыхъ Подвижниковъ на Всехристіанскій Праздникъ сближенія, единенія и общенія всѣхъ Церквей Христовыхъ, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ Синклитѣ ей обезпечено почетное мѣсто. Можетъ ли быть опасна для ея достоинства и цѣлости хотя бы такая могучая и славная сила, какъ сила Римско-Католической Церкви!

Никакое умаленіе не грозитъ ни той, ни другой Церкви отъ ихъ желаннаго общенія. И Святѣйшій Патріархъ, и Святѣйшій Папа Римскій сіяютъ тѣми же лучами Духовнаго Свѣта, какъ равно-велики довѣреннѣйшій Апостолъ Господа нашего, Святой Петръ, и Любимецъ Христовъ, Святой Апостолъ Іоаннъ Богословъ; какъ близокъ Христу и Апостолъ Павелъ, котораго вдохновленнымъ предчувствіемъ провидѣлъ Владиміръ Соловьевъ во главѣ Протестантства.

Повторяю мою заключительную мысль. Обѣ Церкви-Сестры, во взаимномъ довѣріи, во взаимномъ пониманіи и уваженіи другъ друга, во взаимной любви — должны вмѣстѣ за Ученіе Христа возстать противъ враговъ Христова Ученія.

Первымъ шагомъ нашей Церкви должно быть использованіе опыта Католической Церкви, которая уже давно всѣхъ „братьевъ-свободныхъ каменьщиковъ“ предаетъ отлученію отъ Церкви. Еще Папа Климентъ XII, въ 1738-мъ году, предалъ анаѳемѣ масонство и его послѣдователей. У насъ до сихъ поръ эта мѣра еще не примѣнялась; но со смиренной увѣренностью полагаю, что ея осуществленіе есть настоятельная необходимость нашего времени. — Нельзя же обходить молчаніемъ тѣхъ, о которыхъ надо громогласно кричать всему народу, предостерегая его отъ носителей зла и преступленій.

Богоборческому братству Масонскому, всѣмъ его развѣтвленіямъ и всѣмъ членамъ его, служителямъ началъ сатанизма — въ недѣлю православія, во всѣхъ соборахъ и церквяхъ нашей родины, пусть грозно гремитъ Анаѳема! . . . .

Конецъ Первой Части.

8-го Августа 1920 года. — Мюнхенъ.

Ѳ. Винбергъ.

Кто правитъ Россiей.[1]

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

1. Предсѣдатель совѣта — Ульяновъ (Ленинъ) . . . . . . Русскiй.
(со стороны матери-еврей)
2. Комиссаръ Иностранныхъ Дѣлъ — Чичеринъ . . . . . Русскiй.
3. Комиссаръ по дѣламъ о Нацiональностяхъ — Джугашвили . . . . Армянинъ.
4. Президентъ Высшаго Экономическаго Совѣта — Лурье (Ларинъ) . . . . Еврей.
5. Комиссаръ по возстановленiю — Шлихтеръ . . . . . . Еврей.
6. Комиссаръ Земледѣлiя — Протiанъ . . . . Армянинъ.
7. Комиссаръ Государственнаго Контроля — Ландеръ . . Еврей.
8. Комиссаръ Армiи и Флота — Бронштейнъ (Троцкiй) . . Еврей.
9. Комиссаръ государственныхъ земель — Кауфманъ . . . Еврей.
10. Комиссаръ общественныхъ работъ — Шмитъ . . . . . Еврей.
11. Комиссаръ общественныхъ снабженiй — Е. Лилина (Книгисенъ) . . . . Еврейка.
12. Комиссаръ народнаго просвѣщенiя — Луначарскiй (Мандельштамъ) . . . . Русскiй.
13. Комиссаръ вѣроисповѣданiй — Шпицбергъ . . . . . . Еврей.
14. Народный комиссаръ — Апфелбаумъ (Зиновьевъ) . . . Еврей.
15. Комиссаръ общественной гигiены — Анвельтъ . . . . . Еврей.
16. Комиссаръ Финансовъ — Гуковскiй . . . . Еврей.
17. Комиссаръ печати — Когенъ (Володарскiй; убитъ) . . . Еврей.
18. Комиссаръ по дѣламъ о выборахъ — Радомысльскiй (Урицкiй; убитъ) . . . . Еврей.
19. Комиссаръ Юстицiи — Штейнбергъ . . . . Еврей.
20. Комиссаръ по эвакуацiи — Фенигштейнъ . . . . Еврей.

Его помощники — Равичъ и Заславскiй . . . . Еврей.

Итого изъ 22 членовъ:

Русскихъ 3
Армянъ 2
Евреевъ . . . . 17.

Военный Комиссарiатъ.

1. Комиссаръ Армiи и Флота — Бронштейнъ (Троцкiй) . . Еврей.
2. Предсѣдатель революцiоннаго штаба Сѣверной Армiи — Фишманъ . . . . Еврей.
3. Комиссаръ Военно-Судебный 12-ой Армiи — Роммъ . . Еврей.
4. Политическiй комиссаръ 12-ой Армiи — Мейчикъ . . . Еврей.
5. Политическiй комиссаръ Штаба 4-ой Армiи — Ливенсонъ Еврей.

---

[1]) Приведенный здѣсь списокъ взятъ изъ брошюры того же заглавiя, изданной, въ 1920 году, обществомъ „Единство Руси“ въ Нью-Iоркѣ

6. Предсѣдатель совѣта арміи Западнаго Фронта — Позернъ Еврей.
7. Политическій комиссаръ Московскаго Военнаго Округа — Губельманъ . . . . Еврей.
8. Политическій комиссаръ Витебскаго Военнаго Округа — Дейбъ . . . . Еврей.
9. Комиссаръ военныхъ реквизицій города Слуцка — Кальмановичъ . . . . Латышъ.
10. Политическій комиссаръ Самарской Дивизіи — Бекманъ Еврей.
11. Военный комиссаръ той же дивизіи — Глуэманъ . . . Еврей.
12. Комиссаръ реквизиціоннаго отряда Московскаго Округа — Зузмановичъ . . . . Еврей.
13. Предсѣдатель Главнаго Московскаго Военнаго Совѣта — Бронштейнъ (Троцкій) . . . . Еврей.
14. Его помощники: Гиршфельдъ . . . . Еврей.
15. Склянскій . . . . Еврей.
16. Члены того же Совѣта: Шородакъ . . . . Еврей.
17. Петчъ . . . . Еврей.
18. Военный комиссаръ Московской Губерніи: Штейнгардтъ Нѣмецъ.
19. Дулисъ . . . Латышъ.
20. Комиссаръ Школы Пограничной Стражи — Глейзеръ . Латышъ.
21. Политическіе комиссары 15-ой Дивизіи Совѣтовъ: Дзеннисъ . . . . Еврей.
22. Полонскій . . . . Латышъ.
23. Комиссаръ Военнаго Совѣта Кавказскихъ арміи — Лехтинеръ . . . . Еврей.
24. Чрезвычайные комиссары Восточнаго Фронта — Бруно. Еврей.
25. Шульманъ . . . . Еврей.
26. Члены Казанскаго Военнаго Совѣта: Розенгольцъ . . . Еврей.
27. Мейгофъ . . . . . Еврей.
28. Назенгольцъ . . . Еврей.
29. Командующій красной арміей въ Ярославлѣ — Геккеръ Еврей.
30. Начальникъ Петроградскаго Военнаго Комиссаріата — Цейгеръ . . . . Еврей.
31. Политическій Комиссаръ Петроградскаго Военнаго Округа — Гиттисъ . . . . Еврей.
32. Командующій Западнымъ Фронтомъ противъ Чехо-Словакіи — Вацетисъ . . . . Латышъ.
33. Членъ совѣта военной коммуны — Лазимеръ . . . . . Еврей.
34. Начальникъ Военной Коммуны (бывшій Австрійскій офицеръ) — Кольманъ . . . . Еврей.
35. Начальникъ Московскаго Военнаго Округа — Бицисъ . Латышъ.
36. Военный комиссаръ Московскаго Военнаго Округа — Метказъ . . . . Еврей.
37. Начальникъ обороны Крыма — Закъ . . . . Еврей.
38. Командующій Курскимъ Фронтомъ — Слувинъ . . . . Еврей.
39. Его помощникъ — Зильберманъ . . . . Еврей.
40. Политическій комиссаръ Румынскаго Фронта — Спиро . Еврей.
41. Уполномоченный для мирныхъ переговоровъ съ Германіей — Давидовичъ . . . . Еврей.
42. Кандидатъ — Шнеуръ . . . . Латышъ.
43. Солдатъ — Смидовичъ . . . . Еврей.

Итого — Изъ 43 членовъ:

Русскихъ. . . 0.
Латышей . . 8.
Нѣмцевъ . . . 1.
Евреевъ . . . 34.

Комиссаріатъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1. Народный комиссаръ — Апфельбаумъ (Зиновьевъ) . . . Еврей.
2. Его помощникъ, начальникъ Чрезвычайной Комиссіи — Радомысльскій (Урицкій; убитъ своимъ единомышленникомъ и единоплеменникомъ) . . . . Еврей.
3. Начальникъ пропаганды — Гольденрудинъ . . . . . . Еврей.
4. Предсѣдатель экономической комиссіи Петроградской коммуны — Эндеръ . . . . Еврей.
5. Вице-предсѣдатель комиссіи гигіены — Рудникъ . . . . Еврей.
6. Комиссаръ по эвакуаціи бѣженцевъ — Фенигштейнъ . Еврей.
7. Его помощникъ — Абраамъ Крахмалъ . . . . Еврей.
8. Комиссаръ Петроградской печати — Володарскій (убитъ) Еврей.
9. Петроградскій Городской Голова — Шнейдеръ . . . . . Еврей.
10. Московскій Городской Голова — Миноръ . . . . Еврей.
11. Комиссаръ Московской Печати — Красиковъ . . . . . Еврей.
12. Комиссаръ Петроградской Полиціи — Фейерманъ . . . Еврей.
13. Начальникъ Бюро Печати — Мартинсонъ . . . . Еврей.
14. Московскій комиссаръ общественной безопасности — Розенталь . . . . Еврей.

Члены Петроградской Чрезвычайной Комиссіи.

15. Мейнкманъ . . . . Еврей.
16. Гиллеръ . . . . . Еврей.
17. Козловскій . . . . Полякъ.
18. Модель . . . . . . Еврей.
19. И. Розмировичъ . . Еврейка.
20. Діасперовъ . . . . Армянинъ.
21. Иселевичъ . . . . Еврей.
22. Красиковъ . . . . Еврей.
23. Буханъ . . . . . . Армянинъ.
24. Мербисъ . . . . . Латышъ.
25. Пайкисъ . . . . . Латышъ.
26. Анвельтъ . . . . Нѣмецъ.

Члены совѣта Петроградской коммуны.

27. Зорке . . . . . . Еврей.
28. Радомысльскій . . Еврей.

Члены Московской Чрезвычайной Комиссіи.

29. Предсѣдатель — Дзержинскій . . . Полякъ.
30. Вице-Предсѣдатель — Петерсъ . . . . Латышъ.
31. Шкловскій . . . . Еврей.
32. Кнейфисъ. . . . . Еврей.
33. Цейстинъ . . . . . Еврей.
34. Размировичъ . . . Еврей.
35. Кронбергъ . . . . Еврей.
36. Хайкина . . . . . Еврейка.
37. Карлсонъ . . . . Латышъ.
38. Шауманъ . . . . . Латышъ.
39. Лентовичъ . . . . Еврей.
40. Ривкинъ . . . . . Еврей.
41. Антоновъ . . . . . Русскій.
42. Делафабръ . . . . Еврей.
43. Циткинъ . . . . . Еврей.
44. Е. Розмировичъ . . Еврей.
45. Г. Свердловъ . . . Еврей.
46. Биленскій . . . . Еврей.
47. Блюмкинъ (убійца графа Мирбаха) . . Еврей.
48. Александровичъ . . Русскій.
49. Рейтенбергъ . . . Еврей.
50. Финесъ . . . . . Еврей.
51. Заксъ . . . . . . Еврей.
52. Яковъ Гольдинъ . Еврей.
53. Гальперштейнъ . . Еврей.
54. Книггисонъ . . . Еврей.
55. Лацисъ . . . . . . Латышъ.
56. Дейболъ . . . . . Латышъ.
57. Сейванъ . . . . . Армянинъ.
58. Дейбкинъ . . . . Латышъ.
59. Начальникъ Таганской Тюрьмы — Либертъ . . . . . . Еврей.
60. Фогель . . . . . . Нѣмецъ.
61. Закисъ . . . . . . Латышъ.
62. Шилленкусъ . . . Еврей.
63. Янсонъ . . . . . Латышъ.
64. Предсѣдатель комиссіи Трубецкого Бастіона и Петропавловской крѣпости — Модель . . Еврей.

Итого — изъ 64 членовъ:

Русскихъ. . .	2.	Нѣмцевъ . . .	2.
Поляковъ .	2.	Латышей . .	10.
Армянъ	3.	Евреевъ . . .	45.

Коммиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ.

1.	Народный комиссаръ — Чичеринъ	Русскій.
2.	Его помощники: Караханъ	Армянинъ.
3.	Фритче	Латышъ.
4.	Директоръ пасспортной экспедиціи — Марголинъ . . .	Еврей.
5.	Посолъ въ Берлинѣ — Іоффе	Еврей.
6.	Причисленный къ посольству въ Берлинѣ (казненъ въ 1919 г., какъ комиссаръ Баварской Совѣтской Республики) — Левинъ	Еврей.
7.	Начальникъ бюро печати и информаціи при посольствѣ въ Берлинѣ — Аксельродъ	Еврей.
8.	Посолъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ — Розенфельдъ (Каменевъ)	Еврей.
9.	Чрезвычайный уполномоченный въ Парижѣ и Лондонѣ — Бекъ	Еврей.
10.	Посланникъ въ Христіаніи — Бейтлеръ	Еврей.
11.	Консулъ въ Глазговѣ — Малкинъ.	Еврей.
12.	Предсѣдатель мирной делегаціи въ Кіевѣ — Каинъ Раковскій	Еврей.
13.	Его помощникъ — Мануйльскій	Еврей.
14.	Юрисконсультъ — Астшубъ (Ильсенъ).	Еврей.
15.	Генеральный консулъ въ Кіевѣ — Грюнбаумъ (Кшевинскій)	Еврей.
16.	Генеральный консулъ въ Одессѣ — А. Бекъ	Еврей.
17.	Посолъ въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ — Мартенсъ.	Нѣмецъ.

Итого — изъ 17 членовъ:

Русскихъ. . .	1.	Нѣмцевъ . . .	1.
Армянъ . . .	1.	Евреевъ . . .	13.
Латышей . .	1.		

Комиссаріатъ Финансовъ.

1.	Первый комиссаръ (за подозрительную дѣятельность былъ изгнанъ изъ Парижа) — Мержвинскій	Полякъ.
2.	Его помощникъ — Донъ-Соловей	Еврей.
3.	Комиссаръ — Исидоръ Гуковскій	Еврей.
4.	Его помощники: И. Аксельродъ	Еврей.
5.	Директоръ канцеляріи: Заксъ (Гладневъ)	Еврей.
6.	Боголѣповъ	Русскій.
7.	Главный секретарь — Хаскинъ	Еврей.
8.	Его помощница — Берта Хиневичъ	Еврейка.
9.	Предсѣдатель финансоваго конгресса совѣтовъ — Лацисъ	Латышъ.
10.	Его помощникъ — Вейстманъ	Еврей.
11.	Комиссаръ по ликвидаціи русско-германскихъ счетовъ — Фюрстенбергъ (Ганецкій)	Еврей.
12.	Главный секретарь его — Коганъ	Еврей.
13.	Администрація народныхъ банковъ: Михельсонъ	Еврей.
14.	Заксъ	Еврей.
15.	Аксельродъ	Еврей.
16.	Садниковъ. .	Русскій.

Финансовые агенты:

18. Въ Берлинѣ — Ландау . . . . Еврей
19. Въ Копенгагенѣ — Воровскій. . . . . Еврей.
20. Въ Стокгольмѣ — Абраамъ Шенкманъ. . . . . Еврей.
21. Главный ревизоръ народныхъ банковъ — Канъ . . . Еврей.
22. Его помощникъ — Горенштейнъ. . . . . Еврей.
23. Главный комиссаръ по ликвидаціи частныхъ банковъ — Анрикъ . . . . Еврей.
24. Его помощникъ — Моисей Ковшъ. . . . . Еврей.

Члены технической комиссіи по ликвидаціи частныхъ банковъ:

25. Ѳліашевичъ . . . . Еврей.
26. Г. Гифтлихъ . . . Еврей.
27. А. Роговъ . . . . Еврей.
28. Г. Лемерихъ . . . Еврей.
29. А. Розенштейнъ . . Еврей.
30. А. Платъ . . . . . Латышъ.

Итого — изъ 30 членовъ:

Русскихъ. . . 2. | Поляковъ . . 1.
Латышей . . 1. | Евреевъ . . . 26.

Комиссаріатъ Юстиціи.

1. Народный комиссаръ — И. Штейнбергъ . . . . Еврей.
2. Комиссаръ кассаціоннаго Департамента — Шредеръ . . Еврей.
3. Предсѣдатель Московскаго Революціоннаго Трибунала — И. Берманъ . . . . Еврей.
4. Комиссаръ Сената въ Петроградѣ — Беръ. . . . . Еврей.
5. Предсѣдатель Верховной революціонной комиссіи Республики — Бронштейнъ (Троцкій). . . . . Еврей.
6. Предсѣдатель слѣдственной комиссіи при Революціонномъ Трибуналѣ — Глузманъ . . . . Еврей.
7. Слѣдователи того же Трибунала: Легендорфъ . . . . . Еврей.
8. Слуцкій . . . . Еврей.
9. Прокуроръ Трибунала — Фридкинъ. . . . . Еврей.
10. Старшій секретарь Кодификаціоннаго Отдѣла — Гойнбаркъ . . . . Еврей.
11. Главный секретарь Народной Коммуны — Шырвинъ . . Еврей.
12. Комиссаръ по народной защитѣ — Луцкій . . . . . . Еврей.

Народные защитники:

13. Г. Антокольскій . . Еврей.
14. В. Арановичъ . . . Еврей.
15. И. Бейеръ . . . . Еврей.
16. Р. Бискъ . . . . . Еврей.
17. А. Гундаръ . . . . Еврей.
18. Г. Давидовъ . . . Еврей.
19. Р. Кастаріанцъ . . Армянинъ.

Итого — изъ 19 членовъ:

Русскихъ . . . . 0.
Армянъ . . . . 1.
Евреевъ . . . . 18.

Комиссія Гигіены.

1. Комиссаръ — Дауге . . . . Нѣмецъ.
2. Начальникъ фармацевтическаго дѣла — Раппопортъ . . Еврей.
3. Его помощникъ — Фуксъ . . . . Еврей.
4. Директоръ комиссіи для борьбы съ венерическими болѣзнями — Веберъ . . . . Еврей.

5. Директоръ комиссіи по заразнымъ болѣзнямъ — Вольсонъ . . . . Еврей.

Итого — изъ 5 членовъ:

Русскихъ	0.
Нѣмцевъ.	1.
Евреевъ	4.

Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія.

1. Народный комиссаръ — Луначарскій . . . . Русскій.
2. Комиссаръ Сѣверной Области — Грюнбергъ . . . . . . Еврей.
3. Предсѣдатель комиссіи Воспитательнаго Института — Г. Золотницкій . . . . Еврей.
4. Начальникъ муниципальной секціи — Лурье . . . . . Еврей.
5. Начальникъ Пластическаго Искусства — Штернбергъ . Еврей.
6. Главный секретарь комиссаріата — М. Ейхенгольцъ . . Еврей.
7. Начальникъ Театральной секціи — О. З. Розенфельдъ (жена Каменева) . . . . Еврейка.
8. Ея помощница — Зацъ . . . . Еврейка.
9. Директоръ 2-го Департамента — Гройнимъ . . . . . . Еврей.

Члены профессора Соціалистической Академіи Наукъ:

10. Рейснеръ . . . . . Нѣмецъ.
11. Фритче . . . . . . Латышъ.
12. Гойхборкъ . . . . Еврей.
13. М. Покровскій . . Русскій.
14. Вельтманъ . . . . Еврей.
15. Собельсонъ (Радекъ) . . . . Еврей.
16. Крупская. . . . . Еврейка.
17. Нахамкесъ (Стекловъ) . . . . Еврей.
18. Стучка . . . . . . Еврей.
19. Немировскій . . . Еврей.
20. И. Раковскій . . . Еврей.
21. К. Р. Левинъ . . . Еврей.
22. М. С. Ольшанскій . Еврей.
23. З. Р. Шетенбергъ . Еврей.
24. Гурвичъ . . . . . Еврей.
25. Лудбергъ . . . . . Еврей.
26. Ербергъ . . . . . Еврей.
27. Келтулонъ . . . . Венгерецъ.
28. Гроссманъ(Рощинъ) Еврей.
29. Крачковскій . . . Еврей.
30. Урсиненъ. . . . . Финнъ.
31. Куссиненъ . . . . Финнъ.
32. Тоно Сиролла. . . Финнъ.
33. Розинъ . . . . . . Еврей.
34. Данченскій . . . . Еврей.
35. Глейцеръ . . . . . Еврей.
36. Гольденрудинъ . . Еврей.
37. Будинъ. . . . . . Еврей.
38. Ротштейнъ . . . . Еврей.
39. Карлъ Раппопортъ Еврей.
40. Лурье . . . . . . Еврей.

Почетные члены той же Академіи:

41. Мерингъ . . . . . Нѣмецъ.
42. Гаазе . . . . . . Еврей.
43. Роза Люксенбургъ Еврейка.
44. Клара Цеткина . . Еврейка.

Литературное бюро Московскаго Пролетаріата.

45. Эйхенгольцъ . . . Еврей.
46. Полянскій(Лебедевъ) Еврей.
47. Херсонская . . . Еврейка.
48. В. Зайцевъ . . . . Еврей.
49. Брендеръ . . . . . Еврей.
50. Ходасевичъ . . . . Еврей.
51. Шварцъ . . . . . Еврей.
52. Директоръ 1-го Департамента — Познеръ . . . . Еврей.
53. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ Комиссаріата — Альтеръ . . . . Еврей.

Итого — изъ 53 членовъ.

Русскихъ . . .	2.	Венгерцевъ . .	1.
Латышей . .	1.	Нѣмцевъ . . .	2.
Финновъ . . .	3.	Евреевъ . . .	44.

Комиссія по оказанію соціальной помощи:

1. Народный комиссаръ — Е. Лилина (Книггисенъ) . . . Еврейка.
2. Директоръ — Цаузнеръ. . . . . Еврей.
3. Главный секретарь — Е. Гельфманъ . . . . Еврей.
4. Помощица секретаря — Роза Гауфманъ . . . . Еврейка.
5. Директоръ пенсіоннаго отдѣла — Левинъ . . . . Еврей.
6. Директоръ канцеляріи — К. Ф. Розенталь . . . . Еврей.

Итого — изъ 6 членовъ всѣ — евреи.

Работная комиссія.

1. Народный комиссаръ — В. Шмитъ . . . . Еврей.
2. Его помощникъ — Радусъ (Зенковичъ) . . . . Еврей.
3. Начальникъ комиссіи общественныхъ сооруженій — Гольдбаркъ . . . . Еврей.
4. Комиссаръ по общественнымъ сооруженіямъ — М. Вельтманъ . . . . Еврей.
5. Его помощникъ — Кауфманъ . . . . Нѣмецъ.
6. Главный секретаръ — Раскинъ . . . . Еврей.
7. Членъ комиссаріата — Кушнеръ . . . . Еврей.
8. Директоръ отдѣла взрывчатыхъ веществъ — Зархъ. . . Еврей.

Итого — изъ 8 членовъ.

Русскихъ	0.
Нѣмцевъ.	1.
Евреевъ	7.

Комиссія по возсозданію города Ярославля.

1. Предсѣдатель — И. Д. Тартаковскій . . . . Еврей.
2. Главный контръ-агентъ — Исидоръ Заблудскій . . . . Еврей.

Итого — изъ членовъ — евреевъ — 2.

Совѣтскіе делегаты Краснаго Креста.

1. Въ Берлинѣ — Собельсонъ (Радекъ). Принялъ участіе въ движеніи спартакистовъ, а потому, вмѣстѣ съ восемнадцатью другими евреями, былъ выселенъ изъ страны . . Еврей.
2. Въ Вѣнѣ — Берманъ. Арестованъ и изгнанъ изъ страны, вмѣстѣ съ тринадцатью другими евреями, какъ члены коммунистической партіи. При арестѣ на немъ были найдены два съ половиною милліоновъ кронъ . . . . . Еврей.
3. Въ Варшавѣ: А. Клоцманъ . . . . Еврей.
4. Альтеръ . . . . Еврей.
5. Веселовскій. Изгнанъ изъ страны съ пятью другими евреями. При арестѣ, на немъ были найдены 3 милліона рублей . . . . Еврей.
6. Въ Бухарестѣ — Нейсенбаумъ. Путешествовалъ по фальшивому паспорту на имя Бельгійскаго гражданина Гильберта . . . . Еврей.
7. Въ Копенгагенѣ — А. Баумъ,

8. Предсѣдатель Центральнаго Комитета Краснаго Креста въ Москвѣ — Веніяминъ Моисеевичъ Свердловъ (братъ Якова Свердлова).

Итого — изъ 8 членовъ — Евреевъ — 8.

Провинціальные комиссары.

1. Комиссаръ для Сибири — Хайтисъ . . . . Еврей.
2. Предсѣдатель Сызранскаго рабочаго совѣта — Берлинскій Еврей.
3. Предсѣдатель Казанскаго рабочаго совѣта — Шенкманъ Еврей. (разстрѣлянъ Чехо-Словаками)
4. Предсѣдатель Донецкаго совѣта угольныхъ копей — Ливенсонъ . . . . Еврей.
5. Предсѣдатель Нарвскаго рабочаго совѣта — Дауманъ . Латышъ.
6. Предсѣдатель Ярославскаго рабочаго совѣта — Закхеймъ Еврей.
7. Предсѣдатель Царицынскаго рабочаго совѣта — Ерманъ Еврей.
8. Предсѣдатель Оренбургскаго рабочаго совѣта — Вилингъ Еврей.
9. Предсѣдатель Пензенскаго рабочаго совѣта — Либерзонъ Еврей.
10. Предсѣдатель Таврическаго рабочаго совѣта — А. Слуцкій Еврей.
11. Финансовый комиссаръ Западной Области — Самоверъ Еврей.
12. Комиссаръ Донецкой республики — Исаакъ Лаукъ . . Еврей.
13. Предсѣдатель Кіевскаго совѣта — Дретлингъ . . . . . Еврей.
14. Его помощникъ — Гиубергеръ (Наумовъ) . . . . . Еврей.
15. Предсѣдатель Бѣлоцерковской Думы — Рутгаузенъ . . Еврей.
16. Его помощникъ — Лембергъ . . . . Еврей.
17. Народный комиссаръ Донецкой республики — Рейхенштейнъ (убитъ г. г. офицерами отряда Полковника Дроздовскаго) . . . . Еврей.
18. Шмуклеръ . . . . Еврей.

Бюро профессіональныхъ союзовъ:

19. Рафесъ . . . . . . Еврей.
20. Давидсонъ . . . . Еврей.
21. Гицбергъ . . . . Еврей.
22. Бриллiантъ . . . . Еврей.
23. Смирновъ (профессоръ) . . . . Русскій.

Итого — изъ 23 членовъ:

Русскихъ .	1.
Латышей .	1.
Евреевъ .	21.

Журналисты.

I. Сотрудники газетъ: „Правда", „Извѣстія", „Финансы и Народное Хозяйство".

1. Диннъ . . . . . Еврей.
2. Бергманъ . . . Еврей.
3. Кунъ . . . . . . Еврей.
4. Дуамантъ . . . . Еврей.
5. А. Брамсонъ . . . Еврей.
6. А. Торбертъ . . . Еврей.
7. И. В. Голинъ . . . Еврей.
8. Битнеръ . . . Еврей.
9. Е. Алперовичъ . . Еврей.
10. Клойзнеръ . . . . Еврей.
11. Нахамкесъ (Стекловъ) . . . . Еврей.
12. Цигеръ (Ильинъ) . Еврей.
13. Гросманъ (Рознинъ) Еврей.
14. Лурье (Румянцевъ) Еврей.
15. Максимъ Горькій . Русскій.

II. Сотрудники газеты „Знамя Труда":

1. Штейнбергъ . . . Еврей.
2. Ландеръ . . . . Еврей.
3. Ярославскій . Еврей.
4. Ефронъ . Еврей.

5. Шумахеръ	Еврей.	8. Давидсонъ	Еврей.
6. Левинъ	Еврей.	9. Максимъ Горькій (издатель „Правды")	Русскій.
7. Биллинъ	Еврей.		

III. Сотрудники газеты „Воля Труда".

1. Заксъ	Еврей.	2. Полянскій	Еврей.
3. Е. Кацъ	Еврей.		

IV. Сотрудники „Торгово-Промышленной Газеты",

1. Бернштейнъ	Еврей.	9. Славенсонъ	Еврей.
2. Коганъ	Еврей.	10. И. Гиллеръ	Еврей.
3. Гольдбергъ	Еврей.	11. Гахманъ	Еврей.
4. Гольдманъ	Еврей.	12. Шушманъ	Еврей.
5. В. Розенбергъ	Еврей.	13. П. Бастель	Еврей.
6. Рафаловичъ	Еврей.	14. А. Прессъ	Еврей.
7. Громанъ	Еврей.	15. А. Мохъ	Еврей.
8. Кулишеръ	Еврей.	16. А. С. Эмансонъ	Еврей.

Итого: изъ 42 журналистовъ — 41 Еврей и 1 Русскій.

Комиссія по разслѣдованію дѣяній государственныхъ дѣятелей Стараго Режима.

1. Предсѣдател — Муравьевъ	Русскій.	5. Члены: Соломонъ Гуревичъ	Еврей.
2. Члены: Соколовъ	Русскій.	6. „ Гольдштейнъ	Еврей.
3. „ Идельсонъ	Еврей.	7. „ Тагеръ	Еврей.
4. „ Грузенбергъ	Еврей.		

Итого — изъ 7 членовъ:

Русскихъ . . . . 2.
Евреевъ . . . . 5.

Комиссія по разслѣдованію убіенія Императора Николая II.

1. Свердловъ	Еврей.	7. Владимірскій-Гиршфельдъ	Еврей.
2. Сосновскій	Еврей.	8. Аванезовъ	Армянинъ.
3. Теодоровичъ	Еврей.	9. Максимовъ	Русскій.
4. Смидовичъ	Еврей.	10. Митрофановъ	Русскій.
5. Розенгольцъ	Еврей.		
6. Розинъ	Еврей.		

Итого — изъ 10 членовъ:

Русскихъ . . . . 2.
Армянъ . . . . 1.
Евреевъ . . . . 7.

Главный Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

1. Предсѣдатель Московскаго Совѣта — Рыковъ	Русскій.
2. Предсѣдатель Петроградскаго Совѣта — Эйсмонтъ	Еврей.
3. Вице-пресѣдатель Петроградскаго Совѣта-Ландеманъ	Еврей.
4. Директоръ Петроградскаго Совѣта — Крейнисъ	Еврей.
5. Вице-предсѣдатель Московскаго Совѣта — Крассиковъ	Еврей.
6. Директоръ Московскаго Совѣта — А. Шотманъ	Еврей.
7. Его помощница — Хайкина	Еврейка
8. Начальникъ Секціи Возстановленія — Китшвалтеръ	Еврей.
9. Наблюдающій за „Возстановленіеми" — Н. А. Розенбергъ	Еврей.

10. Его помощникъ — Сандичъ . . . . Еврей.
11. Предсѣдатель комитета масляного производства — Таридъ . . . . Еврей.
12. Тоже комитета рыборазведенія — Кламмеръ . . . . . Еврей.
13. Тоже угольной секціи — Ротенбергъ . . . . Еврей.
14. Тоже транспортной секціи — Хирзанъ . . . . Армянинъ.
15. Его помощникъ — Шлемовъ . . . . Еврей.
16. Предсѣдатель металлургической секціи — А. Алперовичъ . . . . Еврей.

Бюро Высшаго Совѣта Экономической Секціи.

17. Крейтманъ . . . . Еврей.
18. Вейнбергъ . . . . Еврей.
19. Красинъ . . . . . Русскій.
20. Лурье (Ларинъ) . . Еврей.
21. Чуберъ . . . . . Еврей.
22. Гольдблатъ . . . . Еврей.
23. Ломовъ . . . . . . Русскій.
24. Алперовичъ . . . . Еврей.
25. Рабиновичъ . . . Еврей.

Совѣтъ Донецкаго Комитета.

26. Коганъ (Бернштейнъ) . . . . . Еврей.
27. А. И. Очкисъ . . . Еврей.
28. Полонскій . . . . Еврей.
29. Бискъ . . . . . . Латышъ.
30. Классенъ . . . . . Латышъ.
31. Лившицъ . . . . . Еврей.
32. Киршъ . . . . . . Нѣмецъ.
33. Крузе . . . . . . Нѣмецъ.
34. Вихтеръ . . . . . Еврей.
35. Розенталь . . . . Еврей.
36. Симановичъ . . . . Еврей.

Члены кооперативной секціи.

37. Любомирскій . . . Еврей.
38. Кинтштукъ . . . . Еврей.
39. Седельгеймъ . . . Еврей.
40. Тагеръ . . . . . . Еврей.
41. Хейкинъ . . . . . Еврей.
42. Крижевскій . . . . Еврей.

Члены угольной секціи.

43. Кассіоръ . . . . . Еврей.
44. Гольдманъ . . . . Еврей.
45. Ленгницъ . . . . . Еврей.
46. Хольцманъ . . . . Еврей.
47. Шмитъ . . . . . . Еврей.
48. Смитъ Фалкнеръ . Еврей.
49. Рудзитакъ . . . . Еврей.
50. Сортель . . . . . Еврей.
51. Блюмъ . . . . . . Еврей.
52. Кацель . . . . . Еврей.
53. Суль . . . . Еврей.
54. Четковъ . . . . . Русскій.

Итого — изъ 54 членовъ:

Русскихъ . . . 5.
Армянъ . . . 1.
Латышей . . 2.
Нѣмцевъ . . . 3.
Евреевъ . . . 43.

Бюро Перваго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ Москвѣ.

1. Предсѣдатель 1-го Совѣта солдатскихъ Депутатовъ — Лейба Кунтишъ . . . Еврей.
2. Предсѣдатель Совѣта рабочихъ и солдатъ Красной Арміи — Смидовичъ. Еврей.
3. Предсѣдатель 1-го Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — Модель . Еврей.

Члены:

4. Сархъ . . . . . . Еврей.
5. Кламмеръ . . . . Еврей.
6. Гронбергъ . . . . Еврей.

7. Шейнкманъ	Еврей.	16. Фалинъ	Еврей.
8. Ротштейнъ	Еврей.	17. Андерсонъ	Латышъ.
9. Левинсонъ	Еврей.	18. Вимба	Латышъ.
10. Краснопольскій	Еврей.	19. Соло	Латышъ.
11. Цедербаумъ (Мартовъ)	Еврей.	20. Михельсонъ	Еврей.
12. Ривкинъ	Еврей.	21. Теръ-Мичанъ	Армянинъ.
13. Симсонъ	Еврей.	22. Секретарь — Клаузнеръ	Еврей.
14. Тапкинъ	Еврей.	23. Директоръ Бюро — Розенгольцъ	Еврей.
15. Шикъ	Еврей.		

Итого — изъ 23 членовъ:

Русскихъ . . . 0. | Латышей . . 3.
Армянъ . . . 1. | Евреевъ . . . 19.

Центральный Исполнительный Комитетъ 4-го россійскаго Конгресса рабочихъ и крестьянскихъ Депутатовъ.

1. Предсѣдатель — Свердловъ	Еврей.	15. Гиммеръ (Сухановъ)	Еврей.
2. Абельманъ	Еврей.	16. Ривкинъ	Еврей.
3. Вельтманъ (Павловичъ)	Еврей.	17. Цейбушъ	Еврей.
4. Аксельродъ	Еврей.	18. Ратнеръ	Еврей.
5. Цедербаумъ (Мартовъ)	Еврей.	19. Блейхманъ (Солнцевъ)	Еврей.
6. Крассиковъ	Еврей.	20. А. Гольденрудинъ	Еврей.
7. Лундбергъ	Еврей.	21. Хаскинъ	Еврей.
8. Когенъ Володарскій	Еврей.	22. Ландеръ	Еврей.
9. Цедербаумъ (Левицкій)	Еврей.	23. Арановичъ	Еврей.
10. Радомысльскій (Урицкій)	Еврей.	24. Кацъ	Еврей.
11. Ульяновъ (Ленинъ)	Русскій.	25. Фишманъ	Еврей.
12. Зиновьевъ (Апфельбаумъ)	Еврей.	26. Абрамовичъ	Еврей.
13. Бронштейнъ (Троцкій)	Еврей.	27. Фрихъ	Еврей.
14. Сирота	Еврей.	28. Гольдштейнъ	Еврей.
		29. Лихачъ	Еврей.
		30. Книтшукъ	Еврей.
		31. Берлинраутъ	Еврей.
		32. Дистлеръ	Еврей.
		33. Черниловскій	Еврей.
		34. Вен. Смидовичъ	Еврей.

Итого — изъ 34 членовъ:

Русскихъ . . . . 1.
Евреевъ . . . . 33.

Центральный Комитетъ V-го Конгресса.

1. Бруно	Латышъ.	11. Штейнманъ	Еврей.
2. Бреслау	Латышъ.	12. Эрдлингъ	Еврей.
3. Бабчинскій	Еврей.	13. Лангевръ	Еврей.
4. Бухаринъ	Русскій.	14. Лингеръ	Еврей.
5. Вейнбергъ	Еврей.	15. Волахъ	Чехъ.
6. Гайлесъ	Еврей.	16. Диманштейнъ	Еврей.
7. Ганнцбергъ	Еврей.	17. Левинъ	Еврей.
8. Данишевскій	Нѣмецъ.	18. Ерманъ	Еврей.
9. Старкъ	Еврей.	19. Іоффе	Еврей.
10. Заксъ	Еврей.	20. Харклинъ	Еврей.

21. Книггисенъ	Еврейка.	41. Сосновскій	Еврей.
22. Розенфельдъ (Каменевъ)	Еврей.	42. Скрипникъ	Еврей.
23. Апфельбаумъ (Зиновьевъ)	Еврей.	43. Бронштейнъ	Еврей.
24. Крыленко	Русскій.	44. Теодоровичъ	Еврей.
25. Крассиковъ	Еврей.	45. Теріанъ	Армянинъ.
26. Капникъ	Еврей.	46. Радомысльскій (Урицкій)	Еврей.
27. Каулъ	Латышъ.	47. Тегележкинъ	Русскій.
28. Ульяновъ (Ленинъ)	Русскій.	48. Фельдманъ	Еврей.
29. Лакзесъ	Еврей.	49. Фрумкинъ	Еврей.
30. Книтшукъ	Еврей.	50. Цюрупа	Русскій.
31. Луначарскій (Мандельштамъ)	Русскій.	51. Цирцивадзе	Грузинъ.
32. Петерсонъ	Латышъ.	52. Шейкманъ	Еврей.
33. Петерсъ	Латышъ.	53. Розенталь	Еврей.
34. Рудзубтасъ	Латышъ.	54. Ашкинази	Имеретинъ
35. Розинъ	Еврей.	55. Караханъ	Караимъ.
36. Смидовичъ	Еврей.	56. Розе	Еврей.
37. Стучка	Еврей.	57. Радекъ (Собельсонъ)	Еврей.
38. Свердловъ	Еврей.	58. Шликтеръ	Еврей.
39. Смильга	Еврей.	59. Чиколини	Еврей.
40. Нахамкесъ	Еврей.	60. Шіянскій	Еврей.
		61. Секретарь комитета — Аванесовъ	Армянинъ.

Итого — изъ 61 члена:

Русскихъ	6.	Грузинъ	1.
Латышей	6.	Имеретинъ	1.
Нѣмцевъ	1.	Караимовъ	1.
Чеховъ	1.	Евреевъ	43.
Армянъ	2.		

Центральный Комитетъ соціалъ-демократической рабочей партіи.

1. Бронштейнъ (Троцкій)	Еврей.	7. Радомысльскій (Урицкій; убитъ)	Еврей.
2. Ульяновъ (Ленинъ)	Русскій.	8. Когенъ (Володарскій убитъ)	Еврей.
3. Апфельбаумъ (Зиновьевъ)	Еврей.	9. Розенфельдъ (Каменевъ)	Еврей.
4. Лурье (Ларинъ)	Еврей.	10. Смидовичъ	Еврей.
5. Крыленко	Русскій.	11. Свердловъ	Еврей.
6. Луначарскій (Мандельштамъ)	Русскій.	12. Нахамкесъ (Стекловъ)	Еврей.

Итого — изъ 12 членовъ:

Русскихъ	3.
Евреевъ	9.

Подводя итоги нашему перечисленію всѣхъ главнѣйшихъ должностныхъ лицъ государства, т. е. тѣхъ, кто фактически управляетъ Россіей и рѣшаетъ ея судьбу, — мы получаемъ слѣдующую картину.

Всего перечислено нами офиціальныхъ лицъ высшаго управленія: 545.

По національностямъ эти лица раздѣляются такъ:

Поляковъ	2	0,02 %	Армянъ	12	2,00 %
Чеховъ	1	0,01 %	Грузинъ	1	0,01 %
Караимовъ	1	0,01 %	Имеретинъ	1	0,01 %
Латышей	34	6,00 %	Венгерцевъ	1	0,01 %
Финновъ	3	0,03 %	Нѣмцевъ	12	2,00 %
Русскихъ	30	5,00 %	Евреевъ	447	83,00 %

Здѣсь спеціально большевистскій списокъ — кончается. Но существовало еще въ Россіи, кромѣ большевиковъ, и высшее управленіе другихъ соціалистическихъ партій, нынѣ, болѣе или менѣе непримиримо и болѣе или менѣе искренно, отмежевавшихся отъ своихъ „товарищей" — большевиковъ. Большинство вожаковъ этихъ партій бѣжало въ настоящее время изъ Россіи, но въ ея расхищеніи и погубленіи они принимали, да и принимаютъ еще до сихъ поръ, самое дѣятельное участіе: вотъ почему и эти „товарищи", по всей справедливости, должны занимать мѣсто на этихъ страницахъ, свидѣтельствующихъ о неизбытномъ поворѣ нашей Родины, подчинившейся власти и водительству шельмованныхъ катовъ.

Ниже слѣдуютъ дополнительные списки этихъ катовъ.

Центральное бюро народной комунистической партіи.

1.	Раппопортъ	Еврей.	4.	Діамантъ	Еврей.
2.	Гребнеръ	Еврей.	5.	Кауснеръ	Еврей.
3.	Вилькенъ	Еврей.	6.	Шатровъ	Русскій.

Итого — изъ 6 членовъ:

Русскихъ . . . . 1.

Евреевъ . . . . 5.

Центральный Комитетъ соціалъ-демократической партіи Меньшевиковъ.

1.	Димандъ	Еврей.	8.	Гоцъ	Еврей.
2.	Н. Гиммеръ	Еврей.	9.	Раппопортъ	Еврей.
3.	Штраусъ	Еврей.	10.	Цедербаумъ (Мартовъ)	Еврей.
4.	Ратнеръ	Еврей.	11.	Цедербаумъ (Левицкій), братъ предыдущаго	Еврей.
5.	Либеръ	Еврей.			
6.	Зоннъ	Еврей.			
7.	Данъ	Еврей.			

Итого — изъ 11 членовъ — 11 евреевъ.

Центральный Комитетъ праваго крыла партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

1.	Керенскій (Кирбисъ)	?	8.	Лихачъ	Еврей.
2.	Ароновичъ	Еврей.	9.	Кинтшукъ	Еврей.
3.	Гисслеръ	Еврей.	10.	Берлинрутъ	Еврей.
4.	Львовичъ — Давидовичъ	Еврей.	11.	Дистлеръ	Еврей.
5.	Гуревичъ	Еврей.	12.	Чернявскій	Еврей.
6.	Абрамовичъ	Еврей.	13.	Розенбергъ	Еврей.
7.	Гольдштейнъ	Еврей.	14.	Чайковскій	Русскій.
			15.	Ратнеръ	Еврей.

Итого — изъ 15 членовъ: ? — 1.

Русскихъ . . . . 1.

Евреевъ . . . . 13.

Центральный Комитетъ лѣваго крыла партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

1.	Штернбергъ	Еврей.	5.	Ситца	Еврей.
2.	Левинъ	Еврей.	6.	Ландеръ	Еврей.
3.	Фишманъ	Еврей.	7.	Каганъ (Грессеръ-Камков)ъ	Еврей.
4.	Ленбергъ	Еврей.			

8. Катцъ (Бернштейнъ)	Еврей.	11. Карелинъ	Русскій.
9. Фейга Островская .	Еврейка.	12. Марія Спиридонова	Русская.
10. Пачманъ	Еврей.		

Итого — изъ 12 членовъ:

Русскихъ . . . . 2.
Евреевъ . . . . 10.

Комитетъ анархистовъ въ Москвѣ.

1. Крупенинъ	Русскій.	4. Блейхманъ . . .	Еврей.
2. Яковъ Гординъ . . .	Еврей.	5. Ямпольскій . .	Еврей.
3. Лейба Черный . .	Еврей.		

Итого — изъ 5 членовъ:

Русскихъ . . . . 1.
Евреевъ . . . . 4.

Центральный Комитетъ партіи Польской Коммуны.

1. Собельсонъ (Радекъ)	Еврей.	7. Панскій	Еврей.
2. Зингеръ	Еврей.	8. Гейдманъ	Еврей.
3. Берсонъ	Еврей.	9. Тейтельманъ . . .	Еврей.
4. Финкесъ	Еврей.	10. Вольфъ	Еврей.
5. Гаувнеръ	Еврей.	11. Крохмалъ (Загорскій)	Еврей.
6. Мандельбаумъ . .	Еврей.	12. Шварцъ (Гольцъ) .	Еврей.

Итого — изъ 12 членовъ — 12 евреевъ.

Русское Государство, въ настоящее время, находится подъ полнымъ владычествомъ еврейскаго народа! . . .

Оглавленіе.

Подписано в печать 01.04.97 г. Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$.
Бумага газетная. Печать офсетная. Объем: 16,00 усл.печ.л.
Тираж 2000 экз. Заказ № *55* .
Издательство "София"

ТОО "Интеграл"